ВТОРОЕ ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

Изданіе четвертое.

ТОМЪ III.

ЧАСТИ: VII, VIII и IX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ Типографіи Министерст. Государст. Имуществъ.

1847.

Isole della Sonda
Mare della Cina
Borneo
India Posteriore
Cocincina
Cinese
Mongolia
Siberia
Mar Giallo
Mare del Giappone
GRANDE OCEANO

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Bestuzev, A.

А. Марлинскаго. (pseud.)

ЧАСТЬ VII.

ROMA - BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II
DEPOSITO PERMANENTE

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V.E. II
ROMA
SLAV.
A
4637 /3

ФРЕГАТЪ НАДЕЖДА.

(Посвящается Екатеринѣ Ивановнѣ Бухариной.)

В-НАЧАЛѢ БѢ СЛОВО.

КНЯГИНЯ ВѢРА** КЪ СВОЕЙ РОДСТВЕННИЦѢ ВЪ МОСКВУ.

«О, какъ сердита я на тетушку-Москву, что ты не со мной теперь, мой ангельчикъ, Софья! Мнѣ столько, столько надо разсказать тебѣ... а писать право нечего. Я такъ-много прожила, столь-многому насмотрѣлась въ эту недѣлю!... я такъ-пышно скучала, такъ-разсѣянно грустила, такъ-неистово радовалась, что ты бы сочла меня за Отаитянку на парижскомъ балѣ. И повѣришь ли? я ужъ испытала, ma chérie, что удивленіе — прескучная вещь, и что новость приторнѣе ананасовъ. Дворъ и свѣтъ такъ закружили меня, что я могу выслушать самую безвкусную нелѣпость не поморщась, увидать прелестнѣйшую картину безъ улыбки. Но петергофскій праздникъ, но самъ Петергофъ — о, это исключеніе — это жемчужина исключеній!... У меня еще до сихъ-поръ рябитъ въ глазахъ и въ умѣ, звенитъ въ ушахъ отъ грома пушекъ, отъ кликовъ народа, отъ шума фонтановъ и волнъ, разсыпаю-

щихся звуками о берега. Внимательно мы слушали, жадно, бывало, поглощали мы описаніе петергофскихъ чудесъ съ тобой, но когда я ихъ увидѣла на-яву, они поглотили меня: я забыла все, даже тебя, мой ангельчикъ! Я летала въ небо вмѣстѣ съ водометомъ, падала внизъ пуховою пѣной, расстилалась благоуханною тѣнью по аллеямъ, дышащимъ думою, играла солнечнымъ лучемъ съ яхонтовыми волнами взморья. Это былъ день — но что за ночь его увѣнчала!... залюбоваться надо было, какъ постепенно загоралась иллюминація: казалось, огненный перстъ чертилъ пышные узоры на черномъ покрывалѣ ночи. Они раскидывались цвѣтами, катились колесомъ, вились змѣей, свивались, росли — и вотъ весь садъ вспыхнулъ!... ты бы сказала: Солнце упало на землю и, прокатясь, разсыпалось въ искры..... Пламенныя вязи обняли деревья, перекинулись цвѣтными сводами чрезъ дороги, охватили пруды звѣздистыми вѣнками; фонтаны брызнули какъ волканы, горы растаяли золотомъ. Каналы и бассейны жадно упивались отблесками, перенимали узоры, двоили ихъ и наконецъ — потекли пожаромъ. Ропотъ народа, сливаясь съ шумомъ падающихъ водъ и тихо-зыблемыхъ дубравъ, оживлялъ эту величавую картину своею дивною гармоникой... то былъ голосъ волшебника, то была пѣсня сирены. Часу въ 11 ночи, весь Олимпъ спустился на землю. Длинныя колесницы понеслись по саду и, право, блестящія дамы Двора, которыя унизывали ихъ, подобно ниткамъ жемчужнымъ, могли издали показаться мечтой поэта — такъ блестящи и воздушны были онѣ... не исключая и меня. На мнѣ тогда было глазетовое платье, которое, не знаю право почему, называется при дворѣ русскимъ, — исподъ бѣлый атласный съ золотомъ... Что за фасонъ, что за шитье, Софьюшка — хоть на колѣни стать передъ нимъ! Новый беретъ съ райскою птичкой (мнѣ подарилъ его вчерась мужъ мой) очень шелъ ко мнѣ, и если бъ я не вѣрила зеркаламъ, то одобрительный около меня ропотъ мужчинъ могъ

бы убѣдить самого Ѳому невѣрующаго, что твоя кузина—очень не дурна. Но ты ждешь, вѣрно, описанія петергофскаго маскарада, m'amie? Боже мой! да откуда я возьму памяти или порядка!... въ головѣ моей образы толкутся будто мошки,.... Генеральскія звѣзды гонятъ съ неба звѣзды неба, учтивыя рыбы марлійскаго пруда парадируютъ вмѣстѣ съ гвардейскими болтунами, которымъ не худо бы взять у первыхъ нѣсколько уроковъ скромности, и я не могу вспомнить камеръ-юнкера, чуть не плачущаго надъ разбитымъ лорнетомъ, чтобы мнѣ не представился Самсонъ, раздирающій льва. Статуи Аполлона бельведерскаго и Актеона танцуютъ передо мной польскій съ графинею Зизи или княжною Биби... и я, право, боюсь, что начну разсказывать тебѣ про комплименты князя Этьеня, а заключу грибомъ, точащимъ воду *.

Впрочемъ, всѣ говорятъ, что маскарадъ былъ изъ самыхъ блистательныхъ, то есть давно не было истрачено такого множества румянъ и блестокъ, свѣчей и любезности. Твой дядюшка, le cher homme, навѣшалъ на себя столько украшеній, что насмѣшники увѣряли, будто онъ готовится къ художественной выставкѣ, а дородную Москвитянку нашу, княгиню Z., за огромный шлейфъ ея, сравняли съ зловѣщею кометой, и совершенно даромъ: она такъ ловко носила хвостъ свой, какъ лисица. Ты помнишь, я думаю, высокаго адъютанта, который смѣшилъ насъ прошлую зиму своими наборными фразами, пахнущими юфтью Буаста?... Eh bien, Sophie, про него генеральша Т. сказала, будто онъ доказалъ ей, что башмаки есть оружіе наступательное!... Да-гдѣ мнѣ пересказать тебѣ всѣ остроты или всѣ плоскости, которыя сыпались въ толпѣ, какъ мишура съ платьевъ! гдѣ мнѣ припомнить всѣхъ, съ которыми прогуливалась я, рука съ рукой, въ этомъ маскарадѣ! Около меня змѣями вились золотые и

* Въ Петергофѣ есть бесѣдка въ видѣ гриба, которая нежданно обливаетъ водою.

серебряные аксельбанты, и не одна генеральская канитель, не одинъ черный усъ трепетали и крутились отъ удовольствія, когда я произносила: avec plaisir, monsieur! Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти попугаи съ бѣлыми и черными хохлами на шляпахъ, милочка!... Они, кажется, покупаютъ свои фразы вмѣстѣ съ перчатками. Какъ наши старинные московскіе обѣды начинались холоднымъ, такъ у нихъ неизбѣжно отправляется впередъ вопросъ: Vous aimez la danse, madame? — Нѣтъ, сударь! Я готова возненавидѣть танцы изъ-за танцоровъ, которые, какъ деревянная кукушка въ часахъ моей бабушки, вѣчно поютъ одно и то-же, и наводятъ тоску своимъ кукованьемъ. Бѣда съ такими кавалерами, но съ прославленными остроумцами — вдвое горе! Они крутятъ бѣдный мозгъ свой, чтобы выжать изъ него каплю розовой воды или уксуса.

— Вы привлекаете на себя всѣ глаза и всѣ лорнеты, говорилъ мнѣ одинъ дипломатъ, покачиваясь такъ важно, какъ будто-бъ отъ его равновѣсія зависѣло равновѣсіе Европы. И посмотрите, княгиня, какъ загараются, какъ блестятъ всѣ взоры, встрѣчаясь съ вашими: c'est un véritable feu d'artifice.

— Не совсѣмъ, отвѣчала я ему: je vois beaucoup d'artifice, mais où est donc le feu?

Повѣришь ли, ma chérie, что въ этомъ потокѣ головъ, въ этомъ млечномъ пути глазъ голубыхъ, сѣрыхъ, черныхъ, — ни одно лице не улыбнулось мнѣ, какъ бы я желала; ни одинъ взоръ не горѣлъ ко мнѣ участіемъ — я не нашла въ нихъ ничего оригинальнаго, ничего стоющаго смѣха или мысли. Какъ-мало здѣсь кавалеровъ! говаривали мы въ Москвѣ бѣлокаменной, — какъ-мало людей! говорю я здѣсь. Безхарактерность провела по всѣмъ свой ледяной уровень. Напрасно будешь вглядываться въ черты: не узнаешь вѣкъ, какому народу, какому мнѣнію принадлежатъ эти люди. Подъ улыбкой нѣтъ выраженія, подъ словомъ не доросишься мысли, подъ орденами сердца. Это какая-то картина, покрытая ослѣпительнымъ лакомъ... ее дорого цѣнятъ

по преданію, хотя никто не понялъ, что она изображаетъ. Во весь сегоднишній вечеръ не удалось мнѣ ни услышать, ни подслушать ни одной рѣчи, которая бы врѣзалась въ память. Говорили, говорили они — да чего они не говорили, а что сказали? Только одинъ, разговаривая со мной, сдѣлалъ довольно удачное сравненіе.

— Посмотрите вдаль и вкругъ, сказалъ онъ: не правда ли, что этотъ балъ похожъ на англійскій садъ? Перья и цвѣты на дамахъ качаются, какъ прелестный цвѣтникъ отъ поцѣлуя зефира. Тамъ тянется польскій, будто живая дорожка; тамъ купы офицеровъ, съ зыбкими султанами, стоятъ какъ пальмы. Вотъ Уральскій хребетъ въ шитомъ златоносными песками мундирѣ! Вотъ пещера съ отголоскомъ, повторяющимъ сто разъ слово *я*. Далѣе, въ этомъ горбунѣ вы видите мостъ, который никуда не ведетъ; вездѣ золотые ключи, которые ничего не отпираютъ; тутъ погребальную урну, хранящую французскій табакъ, и дѣвушекъ, бродящихъ окрестъ съ невинными мечтами овечекъ. — Даже — продолжалъ мой насмѣшникъ, лукаво взглядывая на ряды пожилыхъ дамъ, — если позволено вздуть сравненіе до гиперболы, мы можемъ найти здѣсь не одну *живописную развалину*, не одинъ обломокъ китайской стѣны, не одну готическую башню, изъ которой предразсудки выглядываютъ какъ совы.

— Bon Dieu, какъ вы злы! возразила ему я: развѣ нельзя для сравненія найти предметовъ, болѣе игривыхъ? Вы бы могли, напримѣръ, помѣстить какой-нибудь побѣдный памятникъ, какой-нибудь храмъ въ этомъ саду, такъ-же какъ въ Царскомъ Селѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ мой партнеръ, раскланиваясь: я беру на себя роль ростральной колонны; но храмомъ, и притомъ храмомъ любви, будете вы!

Я съ улыбкой взглянула на привѣтника. Какъ жаль, что онъ не молодъ и не красивъ.... потомъ

этотъ долгій, тонкій носъ — самая неудачная его острота...

Мы ужъ дома.

Любви? любви? — зачѣмъ эта мысль вплелась въ мое сердце, закабаленное свѣту, какъ эта живая роза въ хитросплетенныя косы мои? Почему не могу выбросить ее за окно, какъ я бросаю эту розу? Отъ-чего я вздыхаю каждый разъ, когда о ней услышу, и чуть не плачу, когда о ней вздумаю! О, добрая моя Софья! рѣзвая, беззаботная подруга моего дѣвичества! Если-бъ ты знала, изъ какого тяжелаго металла льются брачные вѣнцы, еслибъ ты повѣрила, что коробочка Пандоры есть необходимый свадебный подарокъ, — ты бы пожалѣла меня. Столько блеску, и такъ мало теплоты! Бѣгу на встрѣчу къ мужу моему, съ горячностію ласкаюсь къ нему... но онъ принимаетъ меня какъ учитель дитя... онъ только терпитъ мои ласки, но не ищетъ ихъ, не отвѣчаетъ на нихъ. Я почти только и вижу его за столомъ... и тогда трюфели заманчивѣе для него всѣхъ очей въ мірѣ. Домой привозитъ онъ только усталость отъ службы и скуку отъ искательства, и когда любовь моя проситъ взаимности, онъ, зѣвая, говоритъ привѣтствія!... Нужны ли мнѣ уборы, экипажи — онъ сыплетъ деньгами. Вздумается ли мнѣ быть тамъ и тамъ, онъ не скажетъ *но*, лишь-бы я его не звала съ собой; а его улыбка, его радушное слово дороже мнѣ гостинца, и за одинъ поцѣлуй я бы готова недѣлю просидѣть дома. — Это почти жалоба, скажешь ты, моя милая! Нѣтъ, душечка! это мигъ нетерпѣнья, это пройдетъ; я только мимоходомъ хотѣла замѣтить, что грустно, очень грустно не имѣть прихотей, которыя бы не исполнялись, между-тѣмъ какъ единственное, справедливое желаніе безотвѣтно и безнадежно!... Сердце мое вянетъ на холодной золотой звѣздѣ... вянетъ... и гдѣ любовь, гдѣ самая дружба, чтобъ оживить его слезою участія!!!

Полночь. Темно и тихо кругомъ... только море, какъ любовникъ, грозитъ и ластится къ камнямъ

Монъ-плезира, въ которомъ живемъ мы; только вдали повременно мелькаютъ на яхтахъ огоньки, какъ неясныя мысли. Грусть клонитъ меня ко сну... до завтра, моя милая Софья.»

Петергофъ, 1 іюля 1829 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Отъ той же къ той же.

«Закладую свою слезу противъ блестки, да слезу, десять, двадцать слезъ даже (а это для меня не бездѣлица, какъ ты знаешь, милая кузина) — ты никакъ не угадаешь гдѣ я была сегодня. На гуляньѣ верхомъ, на танцовальномъ завтракѣ? скажешь ты. — О нѣтъ, это слишкомъ обыкновенно. На смотру войскъ? — Мимо. На фейерверкѣ? — Еще того менѣе. Я каталась, и знаешь ли гдѣ, и повѣришь ли на чемъ?... Не въ прудѣ на поромѣ, не въ рѣкѣ на яликѣ — вообрази себѣ... я каталась въ открытомъ морѣ, на сорокашестипушечномъ фрегатѣ! О я увѣрена, что твое московское воображеніе, не видавшее нигдѣ бури, кромѣ Чистыхъ-Прудовъ, блѣднѣетъ передъ мыслію о неизмѣримости, объ ужасахъ моря. Сущіе пустяки, моя милочка! Мода и насъ робкихъ женщинъ можетъ производить въ героини, а разъ ступивши на палубу, скоро такъ приглядишься къ страху, что въ океанѣ будешь какъ въ гостиной. Ну, право, море премилое созданіе, и мнѣ такъ полюбилось оно съ перваго визита нашего знакомства, что я готова бы совершить путешествіе кругомъ свѣта. Вообрази себѣ... но нѣтъ... лучше себѣ припомнить, что надо начать сначала... m'y voilà.

Я надѣюсь, ты слышала — какъ нынѣшній Государь любитъ флотъ?... Онъ воскресилъ его, Онъ вдохнулъ въ него русскую силу и далъ ему чистые лавры подъ Навариномъ. Государю угодно было

угостить Дворъ и Посланниковъ прогулкой по морю; и въ самомъ-дѣлѣ, какое угощеніе отъ достойнаго внука Великаго-Петра могло быть царственнѣе, величественнѣе этого! — Катера были готовы — утро прелесть... Дворъ началъ размѣщаться... признаюсь, не охотно разсталась я съ берегомъ; казалось мнѣ больно оторвать стопу отъ земли, и я съ трепетаніемъ сердца спрыгнула въ катеръ. Но когда весла грянули, когда длинная вереница шлюпокъ, изъ коихъ каждая подобилась пловучей корзинѣ съ цвѣтами, ринулась въ море, и впереди всѣхъ орломъ полетѣлъ двадцати-весельный катеръ, несущій въ себѣ славу и надежду Россіи; когда берега стали бѣгомъ уходить отъ насъ, а далекій Кронштатъ, съ дремучимъ лѣсомъ мачтъ, поплылъ къ намъ на встрѣчу: тогда безграничное море развилось за нимъ, синѣя и сверкая... страхъ мой перелился въ тихое, новое для меня наслажденіе, и мнѣ стало такъ-хорошо въ ладьѣ, будто въ колыбели когда-то.

И вотъ миновали мы Кронштатъ, и приблизились къ эскадрѣ, готовой вступить подъ паруса. Матрозы унизывали всѣ снасти, всѣ реи въ узоръ, и кричали ура! Едва Государь съ Высочайшимъ семействомъ взошелъ на адмиральскій корабль, весь флотъ поднялъ якоря, и катера наши приставали къ ближнимъ кораблямъ на удачу... видъ былъ восхитительный! упавшіе паруса образовали словно пловучую стѣну съ огромными башнями. Мы долго спорили со своими подругами о выборѣ: одна хотѣла стопушечнаго корабля, толстаго, какъ нашъ предсѣдатель палаты; другая, болѣе умѣренная, довольствовалась семидесятнымъ, лишь бы на немъ вѣялъ флагъ контръ-адмирала; третья желала сѣсть на раззолоченную, разряженную будто на балъ, яхточку. Не знаю-почему, только мнѣ всѣхъ болѣе понравился стройный фрегатъ, идеалъ легкости, красоты и силы. Онъ такъ гордо бросалъ въ облака свои стрѣлы; долгіе флюгера его такъ остроумно и прихотливо сверкали въ воздухѣ — онъ самъ такъ важно колебался на волненіи... пушки его съ такимъ

любопытствомъ выглядывали на насъ изъ оконъ, — что во мнѣ родилось непреодолимое желаніе видѣть это милое чудовище у себя подъ ногой. Не знаю, красивѣе ли всѣхъ, или настойчивѣе всѣхъ подругъ моихъ на катерѣ была я, только побѣда осталась за мною. Офицеръ гвардейскаго экипажа, который лѣвою ногой управлялъ кормиломъ нашей двѣнадцати весельной республики, отдалъ честь моему вкусу и поворотилъ подъ корму моего любимца. На поясѣ рѣзной его галлереи золотыми буквами написано было: *Надежда*. Это одно слово стоило предпочтенія.

Висячая лѣстница устлана была флагами... всходимъ... вообрази себѣ! — нѣтъ, ты не можешь себѣ вообразить, что я тамъ увидала; не знаю съ чего начать, не знаю можно ли кончить!... то былъ новый міръ, то была чудная поэма. Помостъ чистый, вылощенный какъ столъ; снасти, закрученныя завитками, блоки сверкающіе какъ серьги, сѣтки, сплетенныя фантастическими кружевами, мѣдь горитъ какъ золото, чугунъ орудій какъ сизое вороново крыло! И потомъ — эта стройная суета кругомъ... это необозримое раздолье передъ очами... По звуку серебряныхъ свистковъ, казалось, великанъ нашъ размахнулъ широко руками, чтобы поймать вѣтеръ; грудь его надулась, и онъ съ каждымъ мигомъ ускоряя бѣгъ, ринулся наконецъ прямо, пожирая пространство. Голова моя закружилась какимъ-то обаятельнымъ вихремъ, и когда глаза мои прояснѣли опять, они встрѣтились съ очами капитана корабля, котораго не разглядѣла я сначала, хотя онъ и привѣтствовалъ насъ при встрѣчѣ. Природа, какъ говоритъ Шекспиръ, могла бы указать на него пальцемъ и сказать: *вотъ человѣкъ!* Высокій, стройный станъ, благородная осанка и это *не знаю что-то* привлекательное въ лицѣ, ни-сколько не правильномъ, и столько выразительномъ, отличали его отъ прочихъ. Но глаза его — что это были за глаза, моя Софья! — влажные, голубые, какъ волна моря: они сверкали и хмурились подобно волнѣ, готовой

и лелѣять и поглотить того, кто ей ввѣрится. Въ пріемахъ его не было модной вертляности; въ немъ замѣтна была даже какая-то крутость, какая-то дикость, происходящая, быть можетъ, не отъ замѣшательства; со всѣмъ-тѣмъ, это очень шло къ нему. Онъ, краснѣя, говорилъ съ нами, онъ опускалъ очи передъ взорами дамъ, и сначала голосъ его дрожалъ, какъ металлическая струна цитры. И — вотъ нашъ дикарь оправился, поднявъ свои огнистыя очи, сталъ разсказывать намъ о всѣхъ эволюціяхъ, о назначеніи каждой вещи такъ мило, такъ занимательно, такъ шутливо, что мы, женщины, забыли свою обычную болтовню, и развѣ-развѣ вплетали въ гирлянду разсказа кой-какіе вопросы. Я упала съ облаковъ, ma chérie. Судя по слухамъ, я самаго любезнаго изъ моряковъ считала немного половче моржа, играющаго на гитарѣ, котораго показывали въ кадкѣ подъ качелями, а тутъ нечаянно встрѣтила на доскахъ палубы человѣка образованнаго, хотя и въ шляпѣ безъ султана, даже безъ плюмажа, — человѣка, который бы украсилъ любой паркетъ столичныхъ гостиныхъ. Занимаясь нами, онъ не забывалъ однако своей обязанности, и одно слово, одинъ взглядъ его двигали громаду корабля — эту геніяльную мысль, одѣтую въ дубъ и желѣзо, окриленную полотномъ.

Мы сошли внизъ — какая изысканность въ роскоши каютъ! какой тонкій вкусъ въ украшеніяхъ! Строй орудій вооружалъ оба борта. Ядра низались кругомъ красивыми бусами. Копья, топоры и всѣ абордажныя оружія развѣшаны были, какъ галантерейныя вещи. По срединѣ просторнаго дека (я замучу тебя морскими шарадами) разѣвалъ свою пасть огромный люкъ, то есть отверстіе, сквозь которое далеко, глубоко внизу, во мракѣ, глазъ съ ужасомъ распознавалъ ряды бочекъ и лапу огромнаго запаснаго якоря... надежда всегда остается на днѣ. Мужу моему всего болѣе понравилась чугунная кухня со всѣми затѣями гастрономіи. Когда ему поднесли на пробу кусокъ говядины, назначенной для

команды, онъ повторилъ фразу Ларевьера: Ainsi cuit on aurait mangé son père.

Наконецъ, капитанъ незамѣтно свелъ насъ au fin food de l'enfer, и сердце у насъ сжалось; мы всѣ ахнули отъ страха, когда онъ сказалъ намъ, помахивая свѣчкой, что мы находимся теперь въ пороховой каморѣ, въ сердцѣ корабля. Мнѣ ужъ показалось, что заряды, — не смотря на увѣреніе, что они заключены въ ящикахъ, — прыгаютъ около меня какъ шутихи, что все горитъ около, что я дышу, что я задыхаюсь пламенемъ.... я быстро выпрыгнула на свѣжій воздухъ.—И точно, вамъ всѣхъ болѣе должно было опасаться взрыва, шутя молвилъ капитанъ... одинъ взоръ такихъ глазъ—и какое сердце не взлетитъ на воздухъ! Я на него взглянула.

Между-тѣмъ эволюціи шли своей чередой. Флотъ катился въ открытое море; берега тонули. По приказу адмирала, высказанному флагами, корабли то строились въ двѣ линіи, то обращались въ другую сторону, то прорѣзывали одну линію другою... точно шахматы Титановъ; и мы такъ близко миновали другіе корабли, что могли мѣняться привѣтами со своими знакомыми. Наконецъ Императоръ поднялъ свой штандартъ—и едва побѣдоносный орелъ взмахнулъ крилами въ золотомъ полѣ — въ мигъ салютные выстрѣлы загремѣли со всѣхъ судовъ. Ахъ! какой это былъ прелестный адъ, душечка! Сначала клубы дыма отдѣльно катились по волнамъ, но скоро все море превратилось въ жерло волкана. Вѣтеръ не успѣвалъ разнести одну тучу — а ужъ другія напирали все выше и выше, все чернѣе и чернѣе. Не говорю о громѣ: я думала, что я на вѣчность оглохну, такъ-что и страшной трубы не услышу. Съ кормы любовалась я на валы дыма и моря... Капитанъ фрегата стоялъ подлѣ, задумчиво устремя на меня очи; мы молчали, да и можно-ль было говорить подъ говоромъ тысячи чугунныхъ кумушекъ; но мнѣ было такъ-весело, будто игривый сонъ носилъ меня на крилахъ въ пространствѣ. Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ меня, раздался еще выстрѣлъ и

въ слѣдъ за нимъ крикъ: «Упалъ, упалъ человѣкъ, тонетъ!» Я обмерла. Одинъ канониръ, прибивая зарядъ, былъ оглушенъ нечаяннымъ его взрывомъ, и съ подмостковъ *, на которыхъ стоялъ онъ, сброшенъ за бортъ... въ одинъ мигъ несчастный очутился за кормою... потерявъ память, онъ только крутился въ пѣнной бороздѣ, вьющейся въ слѣдъ руля. Ни одной шлюпки не было спущено, а брошенный ему поплавокъ плылъ въ другую сторону... онъ уже погружался — еще мигъ, и онъ бы исчезъ — но въ этотъ мигъ капитанъ бросился съ борта въ море: всѣ ахнули, всѣ прильнули къ поручнямъ, верхнія пушки умолкли — и вотъ онъ вынырнулъ, схватилъ утопающаго, плыветъ къ кораблю, но корабль уходитъ... человѣческая воля не можетъ вдругъ сдержать разбѣжавшуюся громаду. Ужасъ оледенилъ насъ, когда увидѣли, что спаситель изнемогаетъ подъ тяжестію: онъ сталъ кружиться на мѣстѣ — окунулся — опять всплылъ, опять ушелъ — и долго, долго не было видно его!... вотъ, золотой эполетъ блеснулъ изъ сѣдой пѣны, но это было на два мгновенія... я ужъ не могла ничего видѣть, и когда раздирающій душу крикъ: *утонулъ!* раздался кругомъ меня — я потеряла чувства...

Какъ сладостно возвращаться къ жизни, покуда одно тѣлесное чувствуетъ этотъ возвратъ, покуда какая-нибудь горестная мысль не пронзитъ ума... такъ было и со мною. Вдругъ воспоминаніе о погибели великодушнаго капитана сжало мнѣ сердце, будто стальною перчаткой, едва-едва я стала приходить въ себя. Я съ крикомъ открыла глаза — и кто бы, думаешь ты, стоялъ за мною, орошая меня струями воды, текущей съ утопленника, какъ съ зонтика: ты угадала — это былъ *онъ!*...

Закрываю письмо, какъ я закрыла тогда глаза, чтобы хоть минутою долѣе насладиться такимъ сновидѣніемъ... я была имъ такъ счастлива!... О, дай

---

* Вѣроятно, съ бизань-русленей. Между вантпоутингсовъ не рѣдко прорѣзываются порты.

мнѣ еще разъ улетѣть изъ свѣтской жизни; дай мнѣ, какъ пчелѣ, упиться росой этого цвѣтущаго воспоминанія: я хочу забыться, хочу забыть — я забываю все остальное...»

Петергофъ, 2 іюля 1829 года.

I.

«...E per questo, quend'io veggo che gli nomini cercano per una certa fatalità le sciagure con la lanterna, e che vegliano, sudano, piangono per fabbricarsele dolorosissime, eterne — io mi sparpaglierei le cervella temendo che non mi cacciasse percapo una simile tentazione.»

Ugo Foscolo.

Двѣ недѣли спустя послѣ Императорскаго смотра флоту, въ каютъ-компаніи фрегата Надежды, часу въ 11-мъ ночи, за ужиннымъ столомъ сидѣлъ одинъ уже лекарь Стеллинскій. Всѣ прочіе офицеры разошлись по своимъ каютамъ, но сынъ Эскулапа, по достохвальной привычкѣ, остался для химическаго разложенія вновь привезеннаго портвейна. Разсуждая и прихлебывая, потомъ прихлебывая и разсуждая, онъ дофилософствовался до премудраго сомнѣнія: голова ли вертится на плечахъ, или предметы около головы? Склоняясь болѣе къ послѣднему мнѣнію, лекарь, казалось, поджидалъ, когда подойдетъ къ нему, одна изъ недопитыхъ бутылокъ, танцующихъ передъ нимъ оптическіи польскій. Онъ, правда, порывался раза два отхлопнуть эту красавицу у свѣчи, тускло сіявшей между бутылками, какъ разумъ между страстями, но глазомѣръ измѣнялъ желанію, и длань героя блуждала въ простран-

ствѣ: окаянная шейка увертывалась изъ подъ его пальцевъ не хуже школьника, играющаго въ жмурки. На бѣду, качка усиливалась съ каждою минутой, и борьба силы самохраненія съ силой, влекущею лекаря къ бутылкѣ, по закону механики, вѣроятно кончилась бы тѣмъ, что его туловище отправилось бы по діагонали, проведенной отъ его носа подъ столъ — но, къ счастію, столъ былъ привинченъ къ полу, и Стеллинскій такъ вцѣпился въ него руками, какъ-будто хотѣлъ спастись на немъ отъ потопленія. Въ это время въ каютъ-компанію вошелъ вахтенный лейтенантъ... его только-что спустилъ товарищъ поужинать. Скидывая измоченную дождемъ шинель, онъ уже смѣялся на продѣлки Стеллинскаго.

— Эге, Флогистонъ Хиниповичъ, молвилъ онъ: ты кажется, бѣдствуешь!... Смотри, братъ, не подмочи своихъ анатомическихъ препаратовъ.

— Не бойтесь, не испортятся, отвѣчалъ лекарь, размахнувъ руками, какъ балансеръ на веревкѣ шестомъ, отыскивая центръ своей тяжести: я ихъ сохраняю въ спиртѣ!

— Прекрасное средство, сказалъ лейтенантъ, глотая рюмку водки: отличное средство, и я прошу извинить меня, господинъ докторъ, что употребляю его теперь безъ вашего рецепта.

— Стократъ блаженны тѣ, которые лечатся и умираютъ по рецептамъ... неужели вы, Илья Павловичъ, считаете рецепты безполезными?

— Напротивъ, я считаю ихъ преполезными — для закуриванія трубокъ, отвѣчалъ лейтенантъ, буквально врѣзавшись въ кусокъ ростбифа, и столь же проворно выпуская рѣчи, какъ глотая говядину.

Къ-счастію, что портвейнъ служилъ тому и другому путемъ сообщенія, такъ-что слова и ростбифъ расплывались, не зацѣпляя другъ-друга.

— Какъ сударь, рецепты?... ре-ре-цепты? О sana insania! Жечь векселя на полученіе здоровья!

— Скажите лучше — контрамарки на входъ въ кладбище. Впрочемъ, мнѣ случалось не-разъ быть

больнымъ; не разъ писалъ мнѣ мой докторъ и рецепты вдвое длиннѣе своего носа, хоть носъ у него являлся наканунѣ, а самъ завтра. Я очень набожно бралъ ихъ между большимъ и указательнымъ перстами, держалъ на чистомъ воздухѣ въ горизонтальномъ положеніи минутъ по пяти....

— И потомъ?... спросилъ лекарь, изумленный этимъ новымъ средствомъ симпатической фармакопеи.

— И потомъ — пускалъ на вѣтеръ. Желудку моему отъ-того было не хуже, а кошельку вдвое лучше.

— Вы конечно любите Ганемановы выжидающія средства, Нилъ Павловичъ.... и надѣясь па природу.... подвиньте, пожалуйста, бутылочку.

— Но ты кажется, не гомеопатъ, Стеллинскій, не хочешь ждать, чтобъ природа подала тебѣ бутылку, и, вмѣсто капельныхъ пріемовъ — тратишь столько вина за-разъ, что имъ бы, по методѣ Ганеманна, можно было напоить до-пьяна всѣхъ рыбъ Финскаго залива на 50 лѣтъ, не считая этого. Однако, чѣмъ чортъ не шутитъ: развѣ не попадаютъ порою въ цѣль съ завязанными глазами! И такъ, вамъ же поклонъ, любезный внукъ Эскулапа. Вмѣсто того, чтобъ ловить ночью мухъ, пошарьте-ка въ кивотѣ своего генія — не отыщете-ль въ немъ какого нибудь дѣйствительнаго средства противъ сумашествія?

— Развѣ вы хотите лечиться? лукаво спросилъ лекарь, между-тѣмъ какъ лице его сморщилось въ гримасу, которую въ великій постъ можно было бы счесть за усмѣшку.

— Ай да, Флогистонъ Кислотворовичъ! славно, братъ; право, хоть куда. Иной подумаетъ, что ты изобрѣлъ этотъ отвѣтъ на-тощакъ. Но я все-таки ложусь на прежній румбъ и повторяю вопросъ мой. Ты теперь въ восторженномъ состояніи, въ возвышенной температурѣ, такъ-что зерномъ пороху, которое, сгарая, расширяется въ тысячу разъ противъ прежняго объема...

— ...Sic est... притотъ же масоны красное вино называютъ краснымъ порохомъ... картузъ въ дуло!... ну, теперь я заряженъ. И такъ,—продолжалъ крякая и охорашиваясь лекарь — и такъ вамъ угодно знать лекарство противъ сумасшествія?... гм! ге? Древніе, между прочимъ и отецъ медицины...

— Т. е. мачихи человѣчества... ввернулъ словцо лейтенантъ.

— Гиппо-по-кратъ, думали, что частое употребленіе геллебора, т. е. чемерицы, или въ просторѣчіи чихотки, можетъ помочь, т. е. облегчить или, лучше сказать, исцѣлить поврежденіе церебральной системы... да и почему же не такъ? Развѣ не знаемъ, или не видали, или не испытывали вы сами, что щепотки три гренадерскаго зеленчака могутъ протрезвить человѣка, ибо носъ въ этомъ случаѣ служитъ вмѣсто охраннаго клапана въ паровыхъ котлахъ, чрезъ который лишніе пары улетаютъ вонъ. А поелику и самое безуміе есть не что иное, какъ сгущенная лимфа, или пары, или мокроты, именуемыя вообще serum, которыя, отдѣляясь отъ испорченной крови, наполняютъ клѣтчатую мозговую плеву... (въ это время лекарь любовался гранеными изображеніями стакана, изъ котораго онъ орошалъ цвѣты своего краснорѣчія) — гм, ге!... плеву и — постепенно дѣйствуя и противудѣйствуя сперва на тунику, потомъ на перикраніумъ, а наконецъ и на бѣлое существо мозга... а, это вѣрно птица! или пава? — почему Авицена и Аверроэсъ, даже самъ Парацельсъ... пава, точно пава! — совѣтуютъ діэту и кровопусканіе! другіе же, какъ напримѣръ, Бургавъ дѣйствуютъ шпанскими мухами, вессикаторіями и синапизмами; третьи, чтобъ сосредоточить умъ, вѣроятно разбѣжавшійся по всему тѣлу, брѣютъ голову, льютъ холодную воду на темя и охлаждаютъ его ледянымъ калпакомъ...

— Чтобы чортъ изломалъ грота-рей на головѣ проклятаго выдумщика такой пытки! Мало содрать съ живаго кожу — такъ давай закапывать въ ледъ, какъ бутылку вина на выморозки! Вся ваша меди-

цина — умѣнье промѣнивать кухонную латынь на чистое серебро, покуда матушка природа не унесетъ болѣзни, или ваши лекарства — больнаго!

— Прошу извинить, Нилъ Павловичъ, медицина — за ваше здоровье, — происходитъ отъ латинскаго слова... какъ бишь его... ну да къ чорту медицину!... А безуміе, какъ имѣлъ я честь доложить, дѣлится на многіе разряды. Во-первыхъ на головокруженіе, во-вторыхъ на ипохондрію, потомъ на манію, на френезію...

— И на магнезію...

— Какъ на магнезію?—Это что за извѣстіе? Магнезія не болѣзнь, а углекислая известь, а френезія напротивъ...

— Есть вещь — о которой вы часто говорите, которую вы рѣдко вылечиваете, и которой никогда не понимаете... Не правда ли, нашъ возлюбленный докторъ?

— Правда на днѣ стакана, Нилъ Павловичъ...

— То-то ей бѣднягѣ и достаются однѣ дрожжи.

— Пускай же она и вьется въ нихъ, какъ пискарь... мы обратимся къ нашему предмету.

— То есть, къ вашему предмету, докторъ.

— Гм! ге! Вы вѣрно не знаете, что многіе врачи причисляютъ къ безумію головную боль, цефальгію и даже сплинъ!

— Не знаю, да и знать не хочу.

— Вещь прелюбопытная-съ... вообразите себѣ, что однажды (это было очень недавно), нѣкто знаменитый русскій медикъ, анатомируя тѣло одного матроза, нашелъ... то есть, не нашелъ у него селезенки, сирѣчь spleen, которая и дала свое названіе болѣзни. Изъ этого заключили, что человѣкъ одаренъ въ ней лишнею частію, безъ которой онъ легко бы могъ жить. Правда, иные утверждаютъ, будто въ животной экономіи селезенка необходима для отдѣленія желчи — но лучшіе анатомисты до сихъ поръ находятъ ее пригодною только для гнѣзда сплина, считаютъ украшеніемъ, помѣщеннымъ для симметріи.

Медицинскія лекціи такъ еще свѣжо-врѣзаны были въ памяти лекаря, что онъ и пьяный могъ говорить чепуху съ равнымъ успѣхомъ, какъ и натрезвѣ; но лейтенантъ, который кончилъ уже свой ужинъ, остановилъ оратора, такъ сказать, на самомъ разлетѣ.

— Усталъ я слушать твою микстуру, любезный докторъ. Вамъ, ученымъ людямъ, все то кажется лишнимъ, чему вы не отыщете назначенія, и еслибъ вы не носили очковъ и тавлинокъ, то — чай и носъ осудили бы въ отставку безъ мундира. Не о томъ дѣло, можно ли жить безъ селезенки, а о томъ, что худо служить безъ ума. Мнѣ кажется, исчисляя виды сумасшествія, ты пропустилъ самый важный — и этотъ видъ называется любовь, и больной, зараженный ею — капитанъ нашъ.

— Капитанъ?... вы шутите, Нилъ Павловичъ... произнесъ лекарь, протирая туманные глаза и опять хватаясь за стулъ, какъ будто чувствуя, что, полный винными парами, онъ можетъ улетѣть вверхъ, будто аэростатъ.

— Ни-сколько не шучу, отвѣчалъ лейтенантъ. Я повторяю тебѣ, что это Илья Петровичъ Правинъ, достойный командиръ нашего флегата — Правинъ со всѣми буквами...

— Гм! ге! вотъ что... такъ онъ-то боленъ любовью?... съ вашего позволенья...

— Нѣтъ, вовсе безъ моего позволенья. Ужъ эта мнѣ черноглазая княгиня! — она словно околдовала Илью Петровича. И то сказать, хороша собой какъ царская яхта, вертлява какъ люгеръ и, говорятъ, умна какъ бѣсъ... ты, я думаю, помнишь ее — ну, ту высокую даму въ черномъ платьѣ, съ которою въ красотѣ, изо всѣхъ нашихъ гостей, могла поспорить только фрейлина Левичъ... Какъ находишь ты, докторъ, которая лучше?

— Мадера лучше, возразилъ докторъ. Погруженный въ созерцаніе бутылокъ, онъ только и слышалъ два послѣднія слова.

— Мадера гораздо лучше: ближе къ цѣли.

— То есть ближе къ постели. И дѣльно, братъ; пора твоей посудинѣ въ докъ на зимовку. Однако я говорю не о винахъ, докторъ, но о дамахъ!

— О дамахъ или, по просту, о женщинахъ? Гм! Да развѣ это не все равно? Молодая женщина и молодца какъ разъ состаритъ... а старое вино помолодитъ и старика — гдѣ ядъ, тамъ и противоядіе; гдѣ боль, тамъ и лекарство.

— Гротъ-марса-фаломъ клянусь! оба эти зла, или оба эти блага вмѣстѣ, приведутъ хоть-какой умъ къ одному знаменателю. Ужъ если бъ выбрать меньшее зло, я бы скорѣй посовѣтовалъ капитану трепать почаще бутылочную, чѣмъ женскую шейку; и по мнѣ, пусть лучше зарится онъ на карточныя очки, чѣмъ на очи красавицы. Отъ вина поболитъ голова, отъ проигрыша заведется въ карманѣ сквозной вѣтеръ, но отъ дамъ, кромѣ головы и кармана, зачахнетъ и сердце.

— Сердце! сердце? а что оно такое, какъ не химическая горлянка, въ которой совершается процессъ кровообращенія и окрашиванія крови посредствомъ вдыхаемаго кислотвора!... Читали вы Гарвея?... знаете ли вы трактатъ доктора Крейсига: о болѣзняхъ сердца?

— И все таки я думаю, въ книгѣ этого добраго Нѣмца такъ же трудно найти лекарство противъ болѣзни нашего капитана, какъ шутку въ часословѣ. Право, я бы очень желалъ, чтобы ты, нашъ любезный докторъ, хоть крашеною водой и пластырями, магнетизированіемъ и шарлатанствомъ продержалъ его мѣсяца два на фрегатѣ... разлука и діэта — два смертельные врага любви. Авось бы онъ развлекся службой; авось бы наши споры возвратили ему прежнюю веселость, а то онъ самъ не свой теперь. Бывало, его калачемъ не сманишь съ фрегата; ему не спалось на землѣ, ему душно казалось въ городѣ — а теперь все бы ему жить на берегу, да кататься на колесахъ, да лощить бульвары. Подумаешь, право, что онъ поймалъ эту глупую страстишку, какъ жемчужину со дна моря, въ день

смотра, когда спрыгнулъ въ воду спасать утопающаго канонера. За него нечего было ахать — онъ плаваетъ, какъ ньюфоундлендская собака * — за-то самъ онъ растаялъ, когда увидѣлъ, что черноглазая княгиня, отъ участія къ нему, въ обморокѣ...

— Да, да, да, да!... Теперь-то я припоминаю все дѣло. Я засталъ тогда капитана на колѣняхъ передъ нею — онъ былъ мокръ какъ тюлень, а суетился, будто муха надъ дорожными. Подруга ея сама обезпамятѣла, и вмѣсто того, чтобъ помогать, кричала только: воды, воды, кликните соль, принесите лекаря!...

— Скажите, пожалуйте, какая напраслина!... Ты, кажется, тогда могъ самъ ходить!...

— У васъ все шутки, Нилъ Павловичь! Ну, вотъ какъ я вошелъ: подруга ея приказывала капитану распустить ея шнуровку!...

— Вотъ тебѣ и разъ! съ ужасомъ вскричалъ лейтенантъ. — Распустить шнуровку! Пускай бы спросили у Ильи Петровича, куда проходитъ и гдѣ крѣпится послѣдній гитовъ [1] на каждомъ суднѣ христіанскаго и варварійскаго флота — онъ разсказалъ бы это, какъ Отче нашъ, отъ коуша [2] до бензеля [3], а скоро-ль было ему доискаться, гдѣ крѣпится дамскій булень [4]!... За-то ужь и попалась въ силокъ морская птичка!... Видно, чортъ возьми, не

* Ихъ называютъ иначе sovetage-dogs... Въ Англіи близъ каждаго опаснаго мѣста лежитъ ихъ множество; онѣ, видя разбитое судно, кидаются въ воду и вытаскиваютъ утопающихъ; также пригоняютъ къ берегу тюки и боченки.

[1] Снасть для сдержки паруса.

[2] Кольцо жолобкомъ.

[3] Закрѣпка.

[4] Снасть съ боку паруса, удерживающая болѣе въ немъ вѣтра.

всякое *полушаріе* обойти безопасно, и хорошенькая дамочка бурливѣе мыса Горна. — Съ тѣхъ поръ нашъ капитанъ рыскаетъ, будто самъ лукавый стоитъ у него на рулѣ. Говоришь ему объ укладкѣ трюма, а онъ толкуетъ о гирляндахъ. Просишь перемѣнить якорь, а онъ перемѣняетъ жилетъ. Глядитъ въ зрительную трубку, и ему кажется, что голландскій гальотъ прогуливается по берегу въ желтомъ платьѣ. Налетитъ шквалъ, трещатъ стеньги, а онъ хохочетъ. Товарищи смѣются, а онъ вздыхаетъ. Мы пьемъ, а онъ смотритъ въ стаканъ, словно гадаетъ на кофейной гущѣ, какъ тетушка Пелагая Фарафонтьевна.

— Это манія—чистая манія!... Это столь же вѣрно, какъ и то, что гиппопотамъ пускаетъ себѣ кровь тростникомъ, боясь апоплексіи, а собаки лечатъ себя отъ бѣшенства водянымъ шильникомъ... Это манія — ма-манія, говорю я вамъ...

— Зови, какъ хочешь: отъ этого капитану не легче, намъ не лучше. Да и, между нами будь сказано, къ чему поведетъ такая глупая страсть? — *Она* его не можетъ любить: она за мужемъ; а если и полюбитъ, тѣмъ хуже — не должна. Если дѣло остановится на первомъ — онъ исчахнетъ; но если, чего Боже сохрани, дойдетъ до втораго — онъ совсѣмъ потеряетъ себя — онъ ничего не умѣетъ дѣлать и чувствовать въ-половину... я вѣдь знаю его съ гардемаринскаго галуна до штабскаго эполета, отъ лапты на дворѣ Морскаго-корпуса до картечь Наваринскаго дѣла. О какъ бы дорого далъ я! вскричалъ отъ глубины сердца лейтенантъ, проглотивъ разомъ стаканъ вина, будто имъ хотѣлъ онъ залить свое горе, я отдалъ бы всѣ свои призовыя деньги, лишь бы увидать моего добраго друга, Илью, въ прежнемъ духѣ... Это душа въ обществѣ, это голова въ дѣлѣ: добръ какъ ангелъ, и смѣлъ какъ чортъ!... Я предвижу, что онъ настроитъ кучу проказъ; онъ вовсе забудетъ службу, совсѣмъ покинетъ море... и что тогда станется съ нашимъ лихимъ фрегатомъ, со всѣми офицерами, съ командою,

что его такъ любитъ? Пусть лучше молнія разобьетъ гротъ-мачту, пусть лучше сорвется руль съ петель, пусть лучше потеряемъ мы весь рангоутъ *, нежели своего капитана! Съ нимъ все это трынь-трава, а безъ него команда не вывернетъ бѣгомъ якоря, не-то чтобы на славу убрать въ штормъ паруса, и перещеголять чистотою и быстротою Англичанъ, какъ мы дѣлывали въ прошломъ году въ Средиземномъ-морѣ. Per bacco e signor diavolo! я бы готовъ на полгода отказаться отъ вина и елея, лишь бы вылечить Илью... хоть, признаться сказать, я считаю это такъ же труднымъ, какъ проглотить собаку-блокъ послѣ ужина!...

Стеллинскій въ свою очередь говорилъ, не слушая лейтенанта, о медицинѣ. Вино выказало страсти обоихъ — какъ обозначаетъ оно въ хрусталѣ незамѣтныя дотолѣ украшенія.

— Должно начать леченье прохлаждающими средствами — говорилъ онъ зѣвая — креморъ-тартаръ,... маг-мадера... потомъ піявки, потомъ—можно послѣдовать совѣту славнаго римскаго врача Анахарета, который рѣзалъ руки и ноги, чтобъ избавить отъ бородавокъ — и сдѣлать ам-пу-та-цію, да тереть противъ сердца чѣмъ-нибудь спир-ту-о-знымъ!...

Сынъ Эскулапа былъ пораженъ Морфеемъ въ началѣ рѣчи — участь, грозившая слушателямъ, если бъ они были тутъ. Голова его упала на грудь, руки повисли, и онъ началъ матеріяльно доказывать, что — согласно съ мнѣніемъ нашего знаменитаго корнеискателя — русскій глаголъ *спать* происходитъ отъ слова *сопѣть*.

Но прежде чѣмъ лейтенантъ кончилъ говорить, а лекарь началъ храпѣть, дверь каюты распахнулась съ трескомъ: въ нее вбѣжалъ вахтенный мичманъ, блѣденъ, испуганъ.

— Нилъ Павлычъ, сказалъ онъ задыхаясь: насъ дрейфуетъ **.

* Всѣ мачты, все дерево выше палубы.
** Тащитъ съ якоремъ.

— Людей на верхъ, пошелъ всѣ на верхъ! крикнулъ лейтенантъ такимъ голосомъ, что онъ могъ бы разбудить мертвыхъ.

Съ этимъ словомъ онъ кинулся на шканцы безъ шапки и безъ шинели: тамъ уже замѣнявшій его лейтенантъ хлопоталъ, какъ помочь горю. Окинувъ опытнымъ взоромъ море и небо, Нилъ Павловичъ увидѣлъ, что съ погодой шутить нечего. Крутые, частые валы съ яростію катились другъ-за-другомъ, напирая на грудь фрегата, и онъ бился подъ ними, какъ въ лихорадкѣ. Сила вѣтра не позволяла валамъ подыматься высоко — онъ гналъ ихъ, рылъ ихъ, рвалъ ихъ — и со всего раската билъ ими какъ тараномъ. Черно было небо, но когда молніи бичевали мракъ— видно было, какъ ниже, и ниже, и ниже катились тучи, будто готовясь задавить море. Каждый взрывъ молніи разверзалъ на мигъ въ небѣ и въ хляби огненную пасть и, казалось, пламенныя змѣи пробѣгали по пѣнистымъ гребнямъ валовъ. Потомъ чернѣе прежняго зіяла тьма, еще сильнѣе хлесталъ ураганъ въ обнаженныя мачты, крутя и вырывая верви, свистя между блоками.

— Пошелъ на брасы, на топенанты *: ходомъ, бѣгомъ! надо обрасопить [1] реи вдоль судна. Задержалъ-ли якорь? — Есть [2]. — Слава Богу! г. шкиперъ! разнесенъ ли канатъ плехта [3]? можетъ надо лечь фертоингъ [4]. Сдвоить стопора на даглистѣ... очистить бухты [5]! Послать топоръ къ правой кранбалкѣ; если крикну — отдай: разомъ пертулинъ [6]

---

* Снасти, коими поддерживаются и обращаются реи.
[1] Поворотить.
[2] На морскомъ языкѣ *есть* значить: *да*, исполнено.
[3] *Плехтъ* одинъ изъ большихъ якорей; *даглистъ* не много менѣе.
[4] На два якоря.
[5] Въ кольцы сложенныя снасти.
[6] Веревка, на которой виситъ якорь.

пополамъ. Г. мичманъ! вы эполетами отвѣчаете, если рустовъ [7] отдадутъ рано... не забудьте участи Фалька [8]. Драй, драй, бакштаги въ струну вытягивай! — ну, молодцы, шевелись, поплясывай! не то я васъ завтра въ ворсу истреплю. Гей вы, на марсахъ! все ли исправно у васъ? Ага! стеньги хрустятъ? эка невидаль! треснутъ, такъ на зубочистки годятся! Боцмана! осмотрѣть кранцы [9]: чтобъ ни одно ядро не тронулось — теперь некогда играть въ кегли. Крѣпко ли задраены порты [*]? Г. штурманъ, много ли футъ по лоту? сто двадцать... лихо!... гуляй душа! далеко еще килю до рачьей зимовки!

Такъ, или почти такъ, покрикивалъ Нилъ Павловичъ, прибавляя къ этому, какъ водится, сотни побранокъ, которыя Николай Ивановичъ Гречъ сравнилъ съ пѣной шампанскаго. Онъ, казалось, попалъ въ родную стихію: осматривалъ все своимъ глазомъ, успѣвалъ самъ вездѣ, и матрозы, ободренные его хладнокровіемъ, работали смѣло, охотно, но безмолвно, при тускломъ свѣтѣ фонарей. Порой, когда надъ головами ихъ разражался перунъ, подвижныя купы ихъ озарялись ярко и живописно — будто сей часъ изъ подъ мрачной кисти Сальватора; и только мѣрный стукъ ихъ бѣга, только пронзительный голосъ свистковъ мѣшался съ завываніемъ бури и съ тяжелымъ скрыпомъ фрегата.

— Ай-да, ребята — спасибо! сказалъ Нилъ Павловичъ, потирая отъ удовольствія руки. За капитаномъ по чаркѣ! теперь дуй — не страшно: мы готовы встрѣтить самый задорный шквалъ, откуда бы онъ къ намъ ни пожаловалъ. Хорошо, что я не послушалъ васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ

---

[7] Цѣпь, поддерживающая якорь въ горизонтальномъ положеніи.

[8] Бригъ Фалькъ погибъ отъ того, что якорь долго висѣлъ вертикально, и качаясь прошибъ лапою скулу судна.

[9] Мѣста, гдѣ лежатъ ядра.

[*] Ставни амбразуръ.

подвахтенному лейтенанту, и спустилъ заранѣ брамъ-стеньги *: ихъ бы срѣзало, какъ спаржу. Я, правда, съ вечера предвидѣлъ бурю: солнце на закатѣ было красно, какъ лице англійскаго пивовара, и синія рѣдкія тучки, будто шпіоны, выглядывали изъ-за горизонта; признаюсь, однако, не ждалъ я никакъ такого шторма: всѣ вѣтры и всѣ черти спущены, кажется, теперь со своры... того и гляди, что сорветъ съ якоря и выкинетъ на финскій берегъ по клюкву.

— Шлюпка идетъ! раздалось съ баку.

— Скажи лучше, тонетъ, вскричалъ съ безпокойствомъ Нилъ Павловичъ. Кому это вздумалось искать вѣрной погибели? Опрашивай!

— Кто гребетъ?

— Матрозъ.

— Съ какого корабля?... Есть ли офицеръ!

Шумъ бури и волненія мѣшалъ разслушать отвѣты...

— Кажется, отвѣчаютъ: *Надежда* — закричали на бакѣ **.

— Ослы! загремѣлъ Нилъ Павловичъ, который въ это время вскочилъ на форъ-ванты *, чтобы лучше разсмотрѣть шлюпку. Развѣ не видите вы двухъ фонарей на водорѣзѣ **? Это нашъ капитанъ. Изготовить концы, послать фалрейныхъ *** съ фонарями къ правой!

Долгая молнія разсѣкла ночь, и оказала гонимую бурею шлюпку, съ изломанной мачтой, съ изорван-

* Самыя верхнія части мачтъ.

** При опросѣ: *есть ли офицеръ?* — съ шлюпки, когда въ ней командиръ судна, отвѣчаютъ именемъ судна. Бакъ — носъ судна.

* Лѣстницы веревочныя у передней мачты.

** Отправляя гребное судно на берегъ, условливаются взаимно о числѣ и мѣстѣ фонарей, чтобы ночью можно было опознать и найти другъ друга.

*** Веревки для всходящихъ на лѣстницу (трапъ) корабля.

нымъ парусомъ. Огромный валъ несъ ее на хребтѣ прямо къ борту, грозя разбить въ щепы о пушки— и вдругъ онъ опалъ съ ревомъ, и мракъ поглотилъ все.

— Кидай концы! кричалъ Нилъ Павловичъ, вися надъ пучиною... Промахъ! — Другой! — Сорвался... Еще, еще!

— Новая молнія растворила небо, и на мигъ видно стало, какъ отчаянные гребцы цѣплялись крючьями и скользили вдоль по борту фрегата. Лови, лови! раздавалось сверху, и многія веревки летѣли вдругъ; но вихорь подхватывалъ ихъ и онѣ падали мимо.

— Боже мой! вскричалъ Нилъ Павловичъ, сплеснувъ руками — они погибли...

Но они не погибли; ихъ не унесло въ открытое море. Одинъ багоръ удачно вцѣпился въ руль-тали, * и по штормтрапу, съ горемъ пополамъ, взобрались наши пловцы, чуть не утопленники, на ютъ (корму). Пустую шлюпку мигомъ опрокинуло вверхъ дномъ, и черезъ четверть часа на бакштовѣ ** остался лишь одинъ обломокъ шлюпочнаго фернштевня ***.

— Ты живъ, ты спасенъ, другъ мой, братъ мой картечный! говорилъ добрый Нилъ Павловичъ, задушая въ объятіяхъ капитана.

Но вдругъ онъ вспомнилъ долгъ подчиненности— отступилъ на два шага и преважно началъ рапортовать о состояніи судна и команды. Въ этой сценѣ было много забавнаго и почтеннаго вмѣстѣ. Глядя тогда на Нила Павловича, вы бы сказали: Онъ прекрасный человѣкъ, онъ достойный солдатъ! вы бы поручились за него, что онъ не измѣнитъ ни одному благородному чувству, какъ не преступитъ ни одной причуды службы.

— Благодарю сердечно, благодарю всѣхъ господъ за исправность, говорилъ капитанъ окружившимъ

---

* Снасти у руля, снаружи висящія.

** Верфь, за которую вяжутъ шлюпки за кормою.

*** Носовая основа.

его офицерамъ — а васъ, Нилъ Павловичъ, особенно. За вами я бы могъ спать спокойно, если бъ вы могли повелѣвать такъ же удачно стихіями, какъ вахтой. Но я предвидѣлъ ужасную бурю, и хотѣлъ раздѣлить съ вами опасность. Могу вамъ разсказать новости о погодѣ, потому-что я былъ тамъ, куда не достанутъ ночью ваши взоры. Шквалъ налетитъ сію минуту. Готовъ ли другой якорь? — Готовъ — Тѣмъ лучше. На бакѣ ало!... закричалъ капитанъ въ рупоръ... Изъ бухты вонъ! отдай якорь!

Какъ ни силенъ былъ плескъ волнъ и ревъ бури, но послышалось, когда бухнулъ въ воду тяжкій якорь, и съ глухимъ громомъ покатился канатъ изъ клюза.

— Шквалъ съ вѣтра, шквалъ идетъ! раздалось на бакѣ.

Случалось ли вамъ испытывать сильный шквалъ на морѣ?

Передъ нимъ на минуту воцаряется какая-то грозная тишь, море кипитъ, волны мечутся, жмутся, толкутся, будто со страху; водяная мятель съ визгомъ летитъ надъ водою — это раздробленные верхушки валовъ; и вотъ вдали, подъ мутнымъ мракомъ, изорваннымъ молніями, бѣлой стѣною катится валъ... ближе, близко — ударилъ! Нѣтъ словъ, нѣтъ звуковъ, чтобъ выразить гудѣнье, и вой, и шорохъ, и свистъ урагана, встрѣтившаго препону; кажется, весь адъ пируетъ и хохочетъ съ какою-то сатанинскою злобой!... Такой-то шквалъ налетѣлъ на фрегатъ Надежду, и зарылъ носъ его въ бурунъ, такъ-что волна перекатилась по палубѣ до самой кормы.

Ударъ водяной массы и порывъ вѣтра были такъ жестоки, что стопора * перваго якоря лопнули, прежде-чѣмъ канатъ втораго вытянулся. Фрегатъ задрожалъ какъ листъ, и вдругъ съ невѣроятною быстротой кинулся по вѣтру. Второй канатъ, едва

* Снасти, коими канатъ прикрѣпляется къ кольцамъ (рымамъ), вбитымъ въ палубу.

полузастопоренный, не могъ сдержать корабля съ разбѣга, и оба вдругъ пошли сучить въ оба клюза.

Не каждому моряку во всю свою службу случалось видать суматоху отъ высучки канатовъ: это страшно и смѣшно вмѣстѣ! Вообразите себѣ два каната чуть не въ-охватъ толщиною, которые съ ревомъ и громомъ бѣгутъ съ кубрика или изъ дека, гдѣ были уложены, вверхъ... они вьются какъ удавы огромными кольцами, хлещутъ какъ волны, взбрасывая на воздухъ все встрѣчное: сундуки, койки, ядра, людей; и наконецъ, крутясь узломъ черезъ толстый брусъ битенга *, зажигаютъ его треніемъ. Это пеньковый тифонъ, отъ котораго все летитъ въ дребезги или бѣжитъ съ воплемъ. Напрасно кидаютъ въ клюзъ койки и вымбовки, ** чтобы сдавило и заѣло канатъ — онъ бѣжитъ вонъ неудержимо.

Къ-счастію на фрегатѣ оба каната закрѣплены были огономъ за шпоръ *** гротъмачты. Удары отъ незапной задержки съ-разбѣга заставили вздрогнуть весьостовъ, и едва-едва уцѣлѣли стеньги. Якоря забрали, фрегатъ сталъ въ тотъ мигъ, когда капитанъ, не надѣясь на канаты, послалъ по марсамъ, готовясь па обрывѣ вступить подъ паруса, чтобы жестокій нордъ-нордъ-остъ не выкинулъ его на отмели и рифы негостепріимнаго берега Финляндіи. Осмотрѣлись: люди были цѣлы, изъянъ ничтоженъ. Волненье ходило горами, дождь лился потокомъ, и къ довершенію этой ужасно-прекрасной картины не-вдалекѣ показались смерчи, или тромбы. Они очень замѣтны были воماкѣ, вздымаясь, бѣлые, изъ валовъ, какъ духъ бурь, описанный Камоэнсомъ... голова ихъ касалась тучь, ребра увивались безпрерывными молніями... Море съ глухимъ гуломъ кипѣло и дымилось котломъ около — они вились, вытягивались и распадались съ громомъ, осыпая валы фосфориче-

* Устой для крѣпленья канатовъ.

** Палки, коими вращаютъ воротъ.

*** Низъ.

скими огнями. Матрозы съ благоговѣйнымъ ужасомъ глядѣли на это рѣдкое для нихъ явленіе.

— Не прикажете ли, капитанъ, поподчивать этихъ незванныхъ гостей ядрами? спросилъ Нилъ Павловичъ.

— Прикажите только изготовить два плутонга пушекъ на оба борта, и стрѣлять тогда-развѣ, когда какой нибудь любопытный тифонъ вздумаетъ пощупать насъ за утлегарь. Мнѣ не хочется дѣлать тревоги въ Кронштатѣ. Пожалуй, тамъ подумаютъ, что мы перепугались, что наша Надежда гибнетъ.

Миновалась опасность, но не буря. Вѣтеръ дулъ ровнѣе, но все еще жестоко, и фрегатъ, бросаемый волненіемъ, то носомъ, то кормой ударялся въ воду, разбрызгивая буруны въ пѣну, но содрогаясь, но стоная и скрыпя отъ каждаго взмаха. Половину команды распустили по койкамъ, другая смирно жалась у сѣтокъ. Нилъ Павловичъ съ рупоромъ подъ мышкой ходилъ по шканцамъ, заботливо взглядывая то на море, то на капитана — а капитанъ, безмолвенъ, стоялъ опершись о колесо штурвала. Свѣтъ лампы изъ нактоуза * падалъ прямо на его блѣдное, но выразительное лице. Взоры его слѣдили вереницы летящихъ тучъ и бразды молній, ихъ разсѣкающихъ... онъ не чувствовалъ ни вѣтру, ни дождя; онъ долго не слышалъ голоса друга: душа его носилась далеко, далеко....

Наконецъ Нилъ Павловичъ дернулъ его за рукавъ.

— О чемъ замечтался ты, Илья? спросилъ онъ съ братскимъ участіемъ.

Правинъ будто проснулся.

— О чемъ? — какъ легко это спросить, за-то какъ трудно отвѣчать на это! Вихорь мыслей крутился въ головѣ, и цѣлый водоворотъ мыкалъ мое сердце. Если бъ я и умѣлъ тебѣ высказать все это — я бы не досказалъ всего до сѣдыхъ волосъ. Впрочемъ, нѣтъ дѣйствія безъ причины, и если я не

---

* Шкафъ, въ которомъ хранится компасъ.

смогу разсказать, о чемъ мечталъ, то не умолчу, отъ-чего эти мечты меня обуяли. Загадка, для чего насъ ото всей эскадры оставили однихъ на Кронштатскомъ рейдѣ — объяснилась: нашъ фрегатъ назначенъ въ Средиземное море; мы повеземъ важныя бумаги союзнымъ адмираламъ и президенту Грецiи.

— И вѣрно ядра да картечи для закуски Туркамъ; Гротъ-марса-рея меня убей, мнѣ смерть хочется сцѣпиться на абордажъ съ какимъ-нибудь-капитанъ-пашинскимъ кораблемъ!

— Но я, милый Нилъ, я краснѣю за себя!... душа моя рвется на-двое: одна половина хочетъ пустить корни въ столицѣ, между-тѣмъ какъ другая жаждетъ раздолья и битвы. И такъ, думалъ я, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... сего-дня же, сей-часъ хотѣлъ бы я вырваться изъ оковъ своихъ... я съ радостiю ждалъ минуты, когда насъ сорветъ съ якорей, чтобы распустить крылья и улетѣть изъ этого чада, растлѣвающаго душу?

— Не долга-пѣсня скомандовать на марсафалы! Но вступать подъ паруса въ такую темную ночь, въ такую бурю!....

— Въ бурю?... повторилъ разсѣянно капитанъ: въ такую бурю! Что значитъ эта буря противу бунтующей въ моей груди?...

Нилъ Павловичъ долго и пристально глядѣлъ въ лицо друга, наконецъ крѣпко сжалъ ему руку и произнесъ:

— Бѣдный Илья!

Бѣдный Правинъ! повторю и я.

КАПИТАНЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ПРАВИНЪ, КЪ ЛЕЙТЕНАНТУ НИЛУ ПАВЛОВИЧУ КОКОРИНУ.

«Что-бы ты сказалъ, что-бы подумалъ ты, добрый другъ мой, если бъ увидѣлъ мои вчерашніе сборы на-вечеръ къ княгинѣ? Я, я, которому, такъ же какъ и тебѣ, до сихъ поръ все платье шилось парусникомъ, я затянулся въ мундиръ, шитый самымъ лучшимъ, т. е. самымъ дорогимъ портнымъ столицы, да и тотъ не угодилъ на меня. То, казалось мнѣ, не выровнены пуговицы, то проглядываютъ кой-гдѣ преступныя складки... тамъ это, здѣсь не то... словомъ, я бы на вечеръ пріѣхалъ на завтрашнее утро, еслибъ бой часовъ не заставилъ меня поторопиться. Волосы мои натированы * были помадою, бѣлье пробрызгано духами; галстухъ не галстухъ, перчатки не перчатки — верчусь передъ зеркаломъ: молодецъ хоть-куда. Повторивъ нѣсколько разъ всѣ эволюціи салюта и ордеръ марша по гостиной, и потомъ ордеръ баталіи: «спуститься по вѣтру, чтобы прорѣзать линію непріятельскихъ стульевъ, потомъ лечь въ дрейфъ и начать перестрѣлку» — плащъ на плечо, наемная карета у крыльца — качу.

Крѣпко забилось мое ретивое, когда Каменноостровскій мостъ задрожалъ подъ колесами моей кареты. И вотъ дача князя! — въ окнахъ сіяетъ день, сквозь цвѣты мелькаютъ тѣни, народу тма — храбрость моя роняетъ брамсели. Однакожъ, снайтовя **

* т. е. *высмолены*, отъ англ. слова tare — *смола*. Тируютъ только стоячій такелажъ.

** Скрѣпя.

сердце, перехожу аванзалу такъ осторожно, будто сквозь каменистый входъ въ портъ Свеаборга. Имя мое изъ устъ офиціянта раздается словно боевая пушка — во мнѣ занялся духъ и на глаза упалъ туманъ, хоть подымай сигналъ: *не ясно вижу!...* Но экваторъ былъ уже перейденъ — ворочаться поздно: вхожу, кланяюсь безъ прицѣла, краснѣю будто каленое ядро, верчусь направо и налѣво не лучше рыскливаго корабля — однимъ словомъ, чувствую самъ, что я такъ же ловокъ, какъ выброщенный на берегъ китъ — и мѣшаюсь вдвое пуще. Мужскіе лорнеты, казалось, сожигали меня въ-пепелъ; дамскіе взгляды пронизывали на перекрестъ, будто Конгревовы ракеты; даже ковры егозили подъ ногами, и проклятые зеркала, это оптическое эхо, передразнивали въ двадцати видахъ мое замѣшательство. О! если бъ знала княгиня, какъ дорого стоило моему самолюбію быть на такой выставкѣ: она бы пожалѣла, она бы наградила меня! Вещь, которая для всякаго свѣтскаго повѣсы была бы или незначаща или пріятна, во мнѣ обращалась въ истинное самоотверженіе... Пріѣхавъ въ надеждѣ понравиться княгинѣ, я уже трепеталъ за то, что не понравлюсь... стѣнь ложнаго стыда удушала меня. Къ-счастію, эта сцена была не продолжительна. Толстякъ-хозяинъ поспѣшилъ ко мнѣ на-выручку, и сама хозяйка, привставъ съ дивана, такъ ободрительно меня попривѣтствовала, что душа моя распрямилась вдругъ... я гордо поднялъ голову, я окинулъ всѣхъ свѣтлымъ окомъ: что значила для меня невзгода всѣхъ пустоцвѣтовъ и пустозвоновъ гостиной, когда я былъ уже обласканъ тою, чья единственно ласка была дорога мнѣ!—Гости поняли эту мысль, и ропотъ затихъ, и всѣ улыбнулись мнѣ, будто по приказу. Общественное мнѣніе всегда склоняется къ тому, кто не дорожитъ имъ нисколько.

Меня усадили въ полукругѣ между какимъ-то кавалеромъ посольства, — который глядѣлъ на весь міръ съ вышины своей накрахмаленной косынки —

и незнакомымъ офицеромъ, отъ котораго еще благоухало браиловскою гюлябъ-су *. Первый надувалъ остроуміемъ мыльные пузыри; другой заклинался гуріями не хуже любаго ренегата — прочіе гости занимались умноженіемъ нуля, т. е. переливали изъ пустаго въ порожнее... Послѣ неизбѣжныхъ переспросовъ, я притаился въ креслахъ и далъ полный разгулъ глазамъ и мечтамъ своимъ. Ты, не добиваясь патента на пророчество, угадаешь, къ какому полюсу влекся компасъ мой: это была она — истинный полюсъ, охваченный полярнымъ кругомъ свѣтской холодной суеты. И что такое были всѣ эти собесѣдники, какъ не льдины: блестящія, но безжизненныя, носимыя вѣтромъ моды вмѣсто своей воли, и порой зеленѣющія чахлыми порослями, какіе видѣлъ Парри въ Баффиновомъ заливѣ! И это-то называютъ они цвѣтами общества!

Но возвратимся къ ней, еще къ ней, опять къ ней! Я пилъ долгими глотками сладкій ядъ ея взоровъ — мнѣ было такъ хорошо! Она шутила — я отвѣчалъ тѣмъ же... откуда что бралось! не даромъ говорятъ, что любовь и сводитъ съ ума, и даетъ умъ. Когда я говорилъ съ нею — застѣнчивость покидала меня; за-то едва другая дама обращала ко мнѣ слово — я краснѣлъ, я блѣднѣлъ, я вертѣлся на стулѣ, будто онъ набитъ былъ иголками, и бѣдная шляпа моя чуть не пищала въ рукахъ. Ты знаешь, что я могу лепетать по-французски не хуже дымчатаго попугая; но знаешь и то, что, изъ упрямства ли, иль отъ народной гордости, не люблю мѣнять роднаго языка на чужеземный. Вотъ, сударь, волей и неволей — господа, удостоивавшіе меня своимъ разговоромъ, слыша твердо

---

* Розовая вода: она въ большомъ употребленіи въ Азіи. Это арабскія слова: *гюль* — роза, *и абъ* — вода, *су* — (тоже вода) прибавляютъ Азіятцы изъ невѣжества. У насъ ее звали: гуляфъ.

— Я гуляфною водою бѣлы руки мою!

Пѣсня временъ Елисаветы.

произнесенный отзывъ: *я не говорю по-французски*, принуждены были изъясняться со мной по-русски, и признаюсь, я не разъ жалѣлъ, что не взялъ съ собою переводчика. Охотнѣе всѣхъ и, къ удивленію моему, чище всѣхъ говорила по-русски княгиня — это дѣлаетъ честь Москвѣ — это приводило меня въ восхищенье. Радъ ты или не радъ, а меня беретъ искушенье послать къ тебѣ кусочекъ нашего разговора, хоть я очень знаю, что разговоръ, какъ вафли, хорошъ только прямо съ огня и въ летучей пѣнѣ шампанскаго.

Мы спорили. Княгиня вѣрить не хотѣла постоянству чувствованій моряковъ. Она называла насъ кочевымъ народомъ, людьми, которые ищутъ двухъ веснъ въ одинъ годъ, и гоняются за открытіями, чтобы оставить на нихъ чугунную дощечку съ надписью: *тогда-то здѣсь былъ такой-то.* Но развѣ *быть* значитъ *жить!* Или *видѣть* — значитъ *чувствовать?* Частыя перемѣны мѣстъ не даютъ окрѣпнуть привязанностямъ до страсти, воспоминанію до глубокаго сожалѣнія.

— Даже вы сами, продолжала она: вы — скиталецъ съ раннихъ лѣтъ по далекимъ морямъ—признайтесь: надышавшись воздухомъ ароматныхъ лѣсовъ Бразиліи, набродившись по чуднымъ коралловымъ островамъ Тихаго-океана или по исполинскимъ дебрямъ Австраліи, налюбовавшись пловучими ледяными горами южнаго полюса, или волканами, раскаляющими небо своимъ дыханіемъ,—скажите, какова показалась вамъ послѣ того болотная, плоская, туманная родина!

— Прелестнѣе чѣмъ прежде, княгиня! Вы меня считаете въ ощущеніяхъ вѣтренѣе всякой дамы, которая, сбросивъ съ себя украшеніе, назавтра забываетъ или, нашедши, презираетъ его. Чувства не льзя забыть какъ моду, и прекрасный климатъ не замѣна отечеству. Эти туманы были моими пеленами, эти дожди вспоили меня, этотъ репейникъ былъ игрушкой моего дѣтства. Я выросъ, я дышалъ воздухомъ, въ которомъ плавали частицы мо-

ихъ предковъ, я поглощалъ ихъ въ растеніяхъ: русская земля во мнѣ обратилась въ тѣло и въ кости. О, повѣрьте мнѣ, отечество не мѣстная привычка, не пустое слово, не отвлеченная мысль: оно живая часть насъ самихъ; мы нераздѣльная мыслящая часть его—мы принадлежимъ ему нравственно и вещественно. И какъ хотите вы, чтобы въ разлукѣ съ нимъ мы не грустили, не тосковали? Нѣтъ, княгиня, нѣтъ! въ русскомъ сердцѣ слишкомъ много желѣза, чтобы не любить сѣвера!

— И въ вашемъ тоже, капитанъ? спросила княгиня.

— Я Русскій, княгиня; *я суровый Славянинъ*, какъ говоритъ Пушкинъ.

— Тѣмъ на этотъ-разъ хуже: я ненавижу чугунныя сердца—на нихъ невозможно сдѣлать никакого впечатлѣнія!

— Почему же нѣтъ, княгиня! разгорячите этотъ металлъ, и онъ будетъ очень мягокъ, и потомъ рука времени не сотретъ того, что вы на немъ изобразите.

— Но для изображенія чего-нибудь, надо ковать молотомъ, а это вовсе не дамское дѣло.

— Терпѣнье, княгиня, даетъ умѣнье.

— Но всякой ли, капитанъ, можетъ командовать терпѣньемъ, какъ вы Надеждою? Да кстати о Надеждѣ: все ли въ добромъ она здоровьѣ?

— Напротивъ, княгиня, бури ее одолѣли съ тѣхъ-поръ, какъ вы ее оставили.

— Надѣюсь по крайней-мѣрѣ, продолжала княгиня, все еще играя словами о имени моего фрегата: надѣюсь, она васъ не покинула!

— Все равно почти: я очень далекъ отъ нея!

— Но, какъ вѣрный рыцарь, не покидаете за то ея символа: на воротникѣ вашемъ таинственно блестятъ два якоря.

— Замѣтьте, княгиня, примолвилъ я съ вздохомъ: они съ оборванными канатами.

Въ это время офицеръ, сосѣдъ мой, наклонив-

нись сзади меня къ дипломату, сказалъ ему въ полголоса: Il se pique d'esprit, ce lion marin.

— Oui-da отвѣчалъ тотъ: Il *s'en pique!*

— Et cette fois il n'est pas si bête qu'il en a l'air, примолвилъ первый, презрительно покачиваясь на стулѣ.

Я вспыхнулъ. Такое неслыханное забвеніе приличій обратило вверхъ дномъ во мнѣ мозгъ и сердце; я бросилъ пожигающій взоръ на наглеца, я наклонился къ нему и также въ полголоса произнесъ:

— Si bon vous semble, mr., nous fairons notre assaut d'esprit demain à 10 heures passées. Libre à vous de choisir telle langue qu'il vous plaira — celles de fer et de plomb y comprises. Vous me saurez gré j'espère, de m'entendre vous dire en cinq langues européennes, que vous êtes *un lâche?*

Не можешь представить себѣ, какъ смутился мой обидчикъ: онъ покраснѣлъ краснѣе своихъ отворотовъ, онъ окинулъ глазами собраніе, какъ будто искалъ въ немъ подпоры или обороны — но всѣ отворотились прочь, будто ничего не слыхали. Наглецъ и тутъ хотѣлъ еще отдѣлаться хвастовствомъ.

— Очень охотно, отвѣчалъ онъ, играя цѣпочкой часовъ; только я предупреждаю васъ: я бью на лету ласточку.

Я возразилъ ему, что не могу хвастаться такимъ же удальствомъ, но вѣроятно не промахнусь по сидячей воронѣ.

Противнику моему пришлось плохо, но мнѣ было едва-ль не хуже его. Гнѣвъ пробѣгалъ меня дрожью; я кусалъ губы чуть не до крови; я блѣднѣлъ, какъ желѣзо, раскаленное до-бѣла. Невнятныя слова вырывались изъ моихъ устъ, подобно клочьямъ паруса, изорваннаго бурей... присутствіе людей, въ глазахъ которыхъ я былъ униженъ и еще не отомщенъ, меня душило... наконецъ я осмѣлился поднять глаза на княгиню... говорю: осмѣлился, потому-что я боялся встрѣтить въ нихъ сожалѣніе, горчайшее самой злой насмѣшки... И я встрѣтилъ въ

нихъ участіе, сострастіе даже. Взоры ея пролились на мою душу, какъ масло, утишающее валы: въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражались и гнѣвъ за мою обиду, и страхъ за мою жизнь... они такъ отрадно укоряли и умоляли меня!... Я стихъ. Общество занялось прежнимъ, будто не замѣчая нашего à parte; разговоръ катился изъ рукъ въ руки. Я чувствовалъ себя лишнимъ, всталъ, раскланялся и вышелъ, но уже безъ оглядокъ: обиженная гордость придала мнѣ самонадѣянія. — Мы надѣемся видѣть васъ почаще, молвилъ хозяинъ, прощаясь со мною. Ступая за дверь, я обернулся... о, другъ мой, другъ мой!— я худо знаю женскую сигнальную книгу, но за взоръ, брошенный на меня княгиней, я бы готовъ былъ вынести тысячу обидъ и тысячу смертей!... *Завтра* со своими пулями и страхами для меня изчезло... всю ночь мнѣ видѣлась только княгиня. Меня волновалъ только прощальный взглядъ ея.»

Петергофъ, іюля, 1829.

Отъ того же, къ тому же.

День послѣ.

Въ Кронштадтъ.

«Брось въ огонь исторію кораблекрушеній, любезный Нилъ: мое сухопутное крушеніе куріознѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ, говорю я тебѣ. Воображаю, съ какимъ изумленіемъ протиралъ ты глаза, читая послѣднее письмо мое: Илья влюбленъ, Илья щеголь, Илья въ гостиной, Илья наканунѣ поединка!! Потвоему, все это для моряка столько же несбыточно, какъ прогулка Игорева флота на колесахъ—и между-тѣмъ все это гораздо болѣе историческое, чѣмъ романы Валтеръ-Скотта. Счастливецъ ты, Нилушка, что не знаешь не вѣдаешь, куда забросить можетъ сердце валъ страсти. Я стыжусь другихъ, браню себя — и все таки влекусь отъ одной глупости къ другой. Бѣднягу-умъ укачало на этомъ волненіи, и онъ лежитъ да молчитъ, и во всѣ глаза глядя, ни зги не видитъ.

Впрочемъ, что ни толкуй, а отъ прошлаго не отлавируешься. Дѣло было сдѣлано: поединку рѣшено *быть;* не доставало только тебя въ секунданты... Благодаря, однако-жъ, принятому повѣрью, въ Петербургѣ — черезъ край охотниковъ въ свидѣтели *суда Божія*, какъ говорили въ старину,—удовлетворенія дворянской чести, какъ говорятъ нынѣ — съ одинаковою основательностію. Въ 10 часовъ утра мы съѣхались, раскланялись другъ-другу съ возможною любезностію, и между-тѣмъ, какъ секунданты

отошли въ сторону торговаться о шагахъ и осѣчкахъ, противникъ мой, видно по пословицѣ — утро вечера мудренѣе—подошелъ ко мнѣ ласковый: тише воды, ниже травы.

— Мнѣ кажется, капитанъ, сказалъ онъ мнѣ: намъ бы не изъ-за чего ссориться.

— Безъ всякаго сомнѣнія, намъ не изъ-за чего ссориться, но драться есть поводъ и весьма достаточный: я обиженъ вами, какъ человѣкъ, какъ Русскій и какъ офицеръ — пули рѣшатъ наше дѣло, отвѣчалъ я.

— Но какъ рѣшать, капитанъ? убитый будетъ всегда виноватъ, а убитымъ можете быть и вы.

— Что жъ дѣлать, м. г.! Я-ль виноватъ, что въ вашемъ свѣтѣ право заключено въ удачѣ? Убьютъ— такъ убьютъ! Меня повезутъ тихомолкомъ на кладбище, а вы поѣдете въ театръ разсказывать въ междудѣйствіи о своемъ удальствѣ.

— Вы говорите объ этомъ по преданію, капитанъ. Нынѣшній Государь не терпитъ дуэлей, и если кто-нибудь изъ насъ положитъ другаго — ему отведутъ келью немного развѣ поболѣе той, въ которую опустятъ покойника. Подумайте объ этомъ, капитанъ!

— М. г.! обидчикъ вы, а не я: ваше дѣло было подумать о слѣдствіяхъ прежде, чѣмъ такъ дерзко шутить на счетъ другаго!

— Но я вовсе не полагалъ, что вы знаете по-французски: вы сами сказали, что не говорите на этомъ языкѣ.

— Значитъ, вы, м. г., плохо знаете русскій языкъ, когда слово *не говорю* принимаете за *не понимаю!*

— О! что касается до русскаго языка — я предаю вамъ его цѣлкомъ! Мнѣ вовсе не охота ломать копье за мадамъ грамматику, а такъ-какъ я вижу, что вы благоразумный и достойный человѣкъ, капитанъ, то за удовольствіе сочту кончить все попріятельски.

— Благодарю за пріязнь, м. г.: я не имѣю при

вычки дружиться подъ вліяніемъ пуль или пробокъ. Мы будемъ стрѣляться!

— Если за этимъ только стоитъ дѣло — мы будемъ стрѣляться, но — какъ философы, какъ люди повыше предразсудковъ — такъ, чтобы и волки были сыты и бараны цѣлы. Послушайтесь меня, примолвилъ онъ тихо, отводя меня въ-сторону: я знаю, что я не совсѣмъ правъ, но развѣ и вы не виноваты?... Вы можете принять, что я говорилъ о васъ заочно, а заочно и про царей говорятъ!... я съ своей стороны будто не слыхалъ чего-то рѣзкаго, вами въ-лицо мнѣ сказаннаго. Сдѣлаемтесь же, какъ многіе сдѣлываются. Выстрѣлимъ другъ въ друга, но—такъ, въ сторону, мимо, понимаете? Объ этомъ никто не будетъ знать: можно надуть даже самихъ секундантовъ. Послѣ выстрѣла, я попрошу у васъ извиненія: и дѣло въ шляпѣ, и шляпы на головахъ. Послѣ всѣ станутъ кричать: вотъ истинно храбрые, благородные люди: одинъ умѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ, а другой остановиться въ-пору. Конечно я могъ бы попросить извиненія и раньше; но извиняться передъ дуломъ пистолета — это какъ-то нейдетъ, не водится; пожалуй, иной злословникъ скажетъ, будто я струсилъ—а я дорого цѣню свою честь!... И такъ по рукамъ, любезный капитанъ!

Не можешь себѣ вообразить, какое глубокое презрѣніе почувствовалъ я, видя столь безстыдное хвастовство, прикрывающее столь расчетливое униженіе, и въ комъ же? въ человѣкѣ, который по привычкѣ, если не по духу, долженъ быть храбрымъ, или по крайней-мѣрѣ для мундира, если не для лица — храбрымъ казаться! Не могу вѣрить, говорилъ маркизъ Граммонъ, чтобы Богъ любилъ глупыхъ. Не хочу вѣрить, говорю я, чтобы женщина могла любить, а мужчина уважать труса. Я такъ взглянулъ на него, что онъ потупилъ глаза и покраснѣлъ до ушей. Не сказавъ ни слова, указалъ я ему на секундантовъ: они приближались съ готовыми пистолетами; мы сбросили плащи, и стали на 30

шаговъ другъ-отъ-друга, каждому оставалось пройти по двѣнадцати до средняго барьера. Маршъ!

У меня секундантомъ былъ одинъ гвардеецъ, премилый малый и прелихой рубака... Въ дуэляхъ классикъ и педантъ, онъ проводилъ въ Елисейскія поля и въ клинику не одного, какъ другъ и недругъ. Онъ далъ мнѣ добрые совѣты, и я воспользовался ими, какъ не льзя лучше. Я пошелъ быстрыми, широкими шагами на встрѣчу, не поднявъ даже пистолета; я сталъ на мѣсто, а противникъ мой былъ еще въ полу-дорогѣ. Всѣ выгоды перешли тогда на мою сторону: я преспокойно цѣлилъ въ него, а онъ долженъ былъ стрѣлять на ходу. Онъ понялъ это и смутился: на лицѣ его написано было, что дуло моего пистолета показалось ему шире Кремлевской пушки, что оно готово проглотить его цѣлкомъ. Со всѣмъ-тѣмъ стрѣлокъ по ласточкамъ хотѣлъ предупредить меня, заторопился, спустилъ курокъ: пуля свиснула — и мимо. Надо было видѣть тогда лице моего героя: оно вытянулось до пятой пуговицы.

— Прошу на барьеръ! сказалъ я ему: онъ не слышалъ, онъ стоялъ, какъ алебастровый истуканъ. Наконецъ секунданты подвели его къ барьеру; и такъ силенъ предразсудокъ надъ духомъ, не только умомъ слабыхъ людей, что онъ выискалъ въ стыдѣ замѣну храбрости, и принудилъ себя улыбнуться въ тотъ мигъ, когда бы со слезами готовъ былъ спрятаться въ кротовую норку, придавленную его пятою. Секундантъ, съ дипломатическою точностію, поставилъ его бокомъ, съ пистолетомъ, поднятымъ отвѣсно противъ глаза, для того, говорилъ онъ, чтобы, по возможности, закрыть рукою бокъ, а оружіемъ голову, хоть прятаться отъ пули подъ ложу пистолета по мнѣ одно, что отъ дождя подъ бороной. Это плохое утѣшеніе для человѣка, по которому цѣлятъ въ пяти шагахъ, и какъ ни вытягивался противникъ мой, чтобъ наименѣе представить площади пулѣ, но если бъ онъ превратился даже въ астрономическій меридіанъ, все еще оста-

валось довольно мѣста, чтобы отправить его верхомъ на пулѣ въ безъизвѣстную экспедицію. Я два раза подымалъ пистолетъ и два раза опускалъ его поправить кремень, наслаждаясь между-тѣмъ страхомъ хвастуна; наконецъ мнѣ стало жаль его, или прямѣе сказать, онъ сталъ мнѣ такъ презрителенъ, что я подумалъ: для такихъ ли душъ изобрѣталъ порохъ Бартольдъ-Шварцъ, а Лепажъ тратилъ свое искуство? — отворотился и выпалилъ на воздухъ. Противникъ мой чуть не запрыгалъ отъ радости, и схватилъ бы меня за руку, если-бъ я не спряталъ ее въ карманъ.

— Господа! сказалъ онъ, обращаясь къ секундантамъ: теперь, выдержавъ выстрѣлъ (ему слѣдовало сказать: выслушавъ выстрѣлъ), я долгомъ считаю просить у моего противника извиненія... т. е. прощенія, примолвилъ онъ, замѣтивъ, что мой секундантъ принялся снова заряжать пистолеты... Я былъ точно виноватъ предъ нимъ—довольны ли вы этимъ? Что жъ до меня касается, то отнынѣ я стану говорить всѣмъ и каждому, что г. Правинъ самый храбрый и благородный офицеръ.

— Жалѣю, что не могу отплатить вамъ тѣмъ же, сказалъ я своему противнику. Господа! благодарю васъ... прощайте!

— Лихо! — сказалъ мой секундантъ, влѣзая за мной въ карету — она помчалась въ городъ.»

С. Петербургъ.

Отъ того же, къ тому же.

Два дня спустя.

Въ Кронштадтъ.

«Перевяжи узломъ мой брейтъ-вымпелъ, любезный другъ, опусти его въ полстеньги, вели пѣть за упокой моего разсудка — приказалъ онъ долго жить! Его стоитъ выкинуть теперь за бортъ, какъ пустую бутылку. Да и какая-бы голова устояла противъ электрической баттареи княгини Вѣры? Досихъ-поръ мнѣ казалось, что привязанность моя къ ней — одна шалость; теперь я чувствую, что въ ней судьба моей жизни — въ ней сама жизнь моя. Сначала въ воображеніи моемъ любовные узлы путались со снастями; еще фрегатъ нашъ заслонялъ порой милый образъ своими лиселями *, и бурное море оспоривало владычество у любви: теперь же все соединилось, слилось, исчезло въ княгинѣ; не могу ничѣмъ заняться, ничего вообразить, кромѣ ея; всѣ мои мечты, всѣ страсти мои скипѣлись въ три магическія буквы: *она*. Это весь мой міръ, вся моя исторія. Но что я разсказываю, но кому говорю я! Можетъ ли безстрастный человѣкъ постичь меня, когда я самъ себя не понимаю! Можешь ли ты, со своимъ мѣднымъ секстаномъ, со своими вычисленіями безконечно малыхъ, охватить это новое, лишь сердцу доступное, небо, опредѣлить быстроту и путь этой рѣющей по немъ кометы! По-край-

* Паруса, съ боку другихъ поднимаемые.

ней-мѣрѣ, ты можешь пожалѣть меня, своего друга, — меня, который не завидуетъ ничему въ обѣихъ жизняхъ: ни вѣнку генія на землѣ, ни крыльямъ серафимовъ въ небѣ, ничему, кромѣ взаимности Вѣры. О! если-бъ ты видѣлъ теперь мое сердце, и если бъ ты былъ способенъ къ поэзіи, ты бы сравнилъ его съ Мильтоновымъ эмпиреемъ, оглашеннымъ битвою ангеловъ съ демонами!... оно — да нѣтъ у меня словъ выразить, что такое переполняетъ, волнуетъ, взрываетъ его!! Можетъ ли сказать какой-нибудь путешественникъ-денди, скрыпя табакеркой, выточенною изъ лавы: я знаю, что такое лава! Вотъ мое письмо — вотъ мое сердце! Не станемъ же переводить высокое на смѣшное, не станемъ точить игрушекъ изъ молніи. Но могули не говорить о ней, когда о ней одной могу я думать! Очень знаю, что мое болтанье для тебя несноснѣе штиля, скучнѣе расходной тетради офицерскаго стола, гдѣ всѣ страницы испещрены риѳмами: водки, селедки, шпеку *свинаго*, уксусу ренск*оваго* и тому подобными; — но если ты не хочешь, чтобы другъ твой задохнулся отъ сердечнаго угара, то читай волей и неволей, что я неволей пишу.

Въ самый день моего глупаго поединка, я поскакалъ къ княгинѣ, не смотря ни на какія приличія. Мнѣ хотѣлось показать ей, что я живъ, что я не трусъ, ибо мысль показаться трусомъ въ глазахъ всякой женщины, была бы для меня нестерпима, а въ ея глазахъ вовсе убійственна. Колокольчикъ прозвенѣлъ. — Княгиня въ саду — княгиня изволитъ прогуливаться. — Съ кѣмъ? — Одна-съ! Бросаюсь туда опрометью; сердце бьетъ рынду *, замѣчаю ее на траверзѣ ** и прямо прыгаю къ ней на перерѣзъ, черезъ цвѣтникъ; встрѣчаюсь — и что жъ? останавливаюсь передъ ней безъ словъ, безъ дыханія... въ глазахъ у меня кружилась огненная мя-

* Сплошной звонъ колокола, обыкновенно въ полдень.

** Т. е. съ боку.

тель, а языкъ будто растаялъ. Бездѣльная опасность протекла между нами, какъ долгія лѣта разлуки, и уже сколькими чувствами надо было подѣлиться, сколько промѣнять разсказовъ! Я былъ такъ радъ и такъ смущенъ, что забылъ скинуть шляпу. Хорошъ былъ я — нечего сказать; за то и она была не лучше. Румянецъ пропадалъ и выступалъ на бѣлизнѣ ея щекъ попеременно; она протянула на встрѣчу ко мнѣ руки, она готова была вскрикнуть отъ изумленія, заплакать отъ радости — да, да, отъ радости! Это не была мечта самолюбія. Сладостна, неизъяснимо-сладостна была для меня эта нѣмая сцена; отрадно это лице, горящее ко мнѣ участіемъ — и все исчезло въ мигъ, подобно туману, который принимаешь иногда за берегъ: дунетъ вѣтеръ и спахнетъ обѣтованную землю!

Княгиня оправилась; ни-какого выраженія, кромѣ обыкновеннаго участія, не осталось на ея лицѣ. Боже мой, что за хамелеонъ свѣтская женщина!

— Какъ я рада васъ видѣть здоровымъ и невредимымъ, капитанъ, сказала она мнѣ. Скажите скорѣй, какъ вы кончили вашу ссору съ N. N.! гдѣ онъ? что съ нимъ сталось?

— Я оставилъ его на мѣстѣ — былъ отвѣтъ мой: я былъ уколотъ ея участіемъ къ моему противнику.

— Богъ мой! вы убили его! вскричала княгиня.

— Успокойтесь, княгиня, онъ будетъ долголѣтенъ на землѣ. Я оставилъ его здоровѣе, чѣмъ прежде поединка.

— Но за-то сами стали менѣе прежняго добры: вы испугали меня. Сколько раскаянія дали бы вы самому себѣ, сколько слезъ роднымъ, если бъ его убили! Повѣрите ли, что я вчужѣ не спала цѣлую ночь: мнѣ все представлялись кровавыя сцены поединка и страшныя слѣдствія его для васъ.

— Цѣною вашего сожалѣнія, княгиня, готовъ бы я купить самое злѣйшее несчастіе и, что еще болѣе, не роптать на него. Но не только участіе, ваше мнѣніе цѣню я такъ высоко, что поспѣшилъ

сюда нарочно: разсказать, какъ было у насъ дѣло. Я уже довольно знаю свѣтъ и увѣрился, что онъ злобно осуждаетъ дерзающихъ вступить въ завѣтный кругъ его — я хочу предупредить толки злорѣчія. Пусть другіе говорятъ обо мнѣ что угодно, лишь бы вы, княгиня, лишь бы вы однѣ худо обо мнѣ не думали.

Я разсказалъ ей дуэль нашу. Я кончилъ.... она молчала.... въ глазахъ ея, обращенныхъ къ небу, блистали двѣ слезы, лице горѣло умиленіемъ; какое-то нектарное пламя протекло, облило мое сердце.... я самъ готовъ былъ плакать—Богъ знаетъ отъ чего; я жаждалъ упасть къ ногамъ ея, распасться въ прахъ у милыхъ ногъ; я не дерзалъ и думать цѣловать ихъ; мнѣ довольно было бы прильнуть устами къ слѣду ея стопы, къ краю ея платья — и я не смѣлъ того! я былъ уже слишкомъ счастливъ ея присутствіемъ, слишкомъ несчастливъ моими желаніями, я былъ просто безуменъ, другъ мой! Но за этотъ припадокъ сумасшествія я бы отдалъ всю мудрость вѣковъ и все собственное благоразуміе! Къ намъ приближались. Княгиня встала, закрыла на мигъ рукой глаза и потомъ, краснѣя, приподняла ихъ.

— Вы не будете впередъ играть такъ своею жизнію, сказала она... я требую этого, обѣщайте мнѣ это.

— Вы заставите меня любить жизнь, отвѣчалъ я, вы... я не съумѣлъ сказать ничего лучше; я не смѣлъ сказать ничего болѣе.—То-то простакъ! скажетъ какой-нибудь Ловласъ: потерять такую драгоцѣнную для признанія минуту?

— Пусть такъ... минута эта была потеряна для любви, но не для сердца... глаза наши встрѣтились — о, она меня любитъ, она любитъ меня!!»

С. Петербургъ.

II.

Frailty — thy name is — woman!

Shakespeare.

Въ кругу молодыхъ повѣсъ и полустарыхъ петербургскихъ степенниковъ, всѣхъ болѣе понравился Правину бывшій секундантъ его, ротмистръ Границынъ. Какъ представитель нашего военнаго дворянства, онъ стоилъ изученія, потому-что крайности рисовались на его правѣ рѣзкими чертами. Правинъ нашелъ въ немъ и болѣе и менѣе, нежели ожидалъ. Богатъ, и въ долгахъ по маковку, и за рѣдкость съ рублемъ въ карманѣ. Уменъ, и вѣчно дѣлалъ однѣ глупости. Вольнодуменъ, и трется въ переднихъ безъ всякой цѣли. Надъ всѣмъ смѣется, а не смѣетъ ничѣмъ пренебречь; всѣхъ презираетъ, и всѣ имъ помыкаютъ. Храбрѣйшій офицеръ, и не имѣетъ довольно смѣлости, чтобы иному мерзавцу сказать *нѣтъ!* Благороденъ въ душѣ и, краснѣя, бывалъ употребленъ на недостойныя порученія, участвовалъ въ постыдныхъ шалостяхъ, однимъ словомъ: человѣкъ *безъ воли*. Существо, которое въ свѣтской книгѣ животныхъ значится подъ именемъ: *добрый малой* и *лихой малой*.... названіе самаго эластическаго достоинства, какъ резинные корсеты: оно для неразборчиваго нашего племени заключаетъ въ себѣ всякую всячину, начиная съ людей истинно благородныхъ и отличныхъ, до игрока, поддергивающаго карты, и виртуоза, подслушивающаго у дверей — терпимость истинно христіанская,

достойная подражанія! Пускай себѣ возятся Французы да Англичане со своимъ общимъ мнѣніемъ: мы и безъ этого рогаля живемъ припѣваючи.

Совсѣмъ-тѣмъ любопытно, если не пріятно бывало расидѣть съ нимъ вечеръ или присосѣдиться къ нему за обѣдомъ. Гдѣ не былъ, чего не видалъ онъ? Хотя, по привычкѣ, онъ большую часть жизни промаячилъ съ пустѣйшими людьми, но онъ могъ цѣнить живой умъ въ другихъ, и *случаемъ* читывалъ дѣльныя книги. Къ привязчивому, чтобъ не сказать наблюдательному, духу отъ природы, прижилъ онъ невольную опытность. Онъ не-даромъ проѣлъ съ пріятелями свое имѣнье, не-даромъ отдалъ женщинамъ свою молодость. Отъ обоихъ осталась у него пустота въ карманѣ и душѣ, а на умѣ — ѣдкій окиселъ свинцовой истины. Имъ-то посыпалъ онъ щедрою рукой всѣ свои анекдоты о походныхъ проказахъ, всѣ розсказни о столичныхъ сплетняхъ. Къ чести Границына прибавить надобно, что онъ былъ самый откровенный болтунъ и самый безкорыстный злоязычникъ. За душой у него не схоронится, бывало, ни похвала врагу, ни насмѣшка пріятелю, и часомъ онъ безпощадно смѣялся надъ самимъ-собою. Иной бы сказалъ: это апостолъ правды, другой бы назвалъ его кающимся грѣшникомъ; третій произвелъ бы въ Ювенала — бичевателя пороковъ! Онъ не былъ ни то, ни другое, ни третье. Не хотѣлъ онъ самъ исправляться, не думалъ исправлять ближнихъ, за-то не думалъ и вредить имъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что тамъ, гдѣ цѣнится лишь наружность добродѣтелей, — не укоръ скрытые пороки, и потому злословіе есть лишь гальваническое средство пробуждать смѣхъ въ притупленныхъ сердцахъ. Этимъ исполнялъ онъ невольно наклонность нашего времени: разрушать все нелѣпое и все священное старины — предразсудки и разсудокъ, повѣрья и вѣру. Вѣкъ нашъ истинный Діогенъ: надъ всѣмъ издѣвается. Онъ катилъ бочку свою по распутіямъ всѣхъ странъ, давя ею цвѣты и грибы безъ различія. Не заслоняй

солнца, не отнимай того, чего дать не можешь, гордо говоритъ онъ македонскому донъ-Кихоту, и потомъ освистываетъ Платоново безсмертіе, и потомъ съ циническимъ безстыдствомъ хвастаетъ своею наготой. Люди нынѣ не потому презираютъ собратій, что себя высоко цѣнятъ: напротивъ потому, что и къ самимъ себѣ потеряли уваженіе. Мы достигли до точки замерзанія въ нравственности: не вѣримъ ни одной доблести, не дивимся ни какому пороку. Но, слава Богу, не всѣ таковы: есть еще избранные небомъ, или сохраненные случаемъ смертные, которые уберегли или согрѣли на сердцѣ своемъ дѣвственныя понятія о человѣчествѣ и свѣтѣ. Издали жизнь имъ кажется завѣтнымъ садомъ, и они съ неизъяснимымъ любопытствомъ читаютъ на воротахъ Дантову надпись: Pér me si va nella citta dolente! и думаютъ: какъ жаль, что я не знаю по-итальянски — я бы разгадалъ эту заманчивую загадку.

Таковъ былъ Правинъ. Изъ корпуса онъ перешелъ на палубу, и какъ прежде каменная стѣна ограничивала его ребяческій міръ, теперь его міромъ сталъ безграничный океанъ. Онъ хорошо узналъ нравъ моря, но гдѣ могъ узнать характеръ людей? Знакомо ему стало лицо неба: по малѣйшему его румянцу, по малѣйшей морщинкѣ облачной предугадывалъ, предсказывалъ онъ всѣ прихоти погоды — но лицо женщины... о, это на каждой минутѣ приводило его въ замѣшательство, ставило въ тупикъ! Какое-то темное, но вѣрное чутье говорило ему: не вѣрь и половинѣ того, что говорятъ и высказываютъ люди, но вотъ вопросъ: которой половинѣ не вѣрить? Явившись въ свѣтъ съ твердымъ сомнѣніемъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть на сторожѣ отъ всѣхъ и отъ всего, таялъ онъ отъ перваго, казалось душой затепленнаго взора; готовъ былъ отдать послѣднюю пуговицу, не только денежку, за квакерское пожатіе руки. Зная страсти и обязанности только по слуху или изъ рѣдкихъ романовъ, имъ читанныхъ, онъ загорѣлся любовью какъ

отъ молніи, предался ей какъ дикарь, несвязанный ни-какими отношеніями. Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнный перлъ — и его-то, за милый взглядъ, бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ, въ уксусъ страсти. Оно должно было распуститься въ немъ, все, все безъ остатка. Слѣдя свою звѣзду-княгиню повсюду, онъ не могъ уже снести уединенія, которое прежде было ему такъ сладостно; уединеніе стало ему одиночествомъ, и онъ кинулся въ разсѣяніе. Быть съ нею или не быть съ собой: вотъ мысль, которая овладѣла имъ, и онъ началъ посѣщать гульбища, театры, гостинницы.

Въ одинъ изъ такихъ дней онъ сошелся, въ одномъ изъ лучшихъ трактировъ столицы, съ ротмистромъ Границынымъ. — А, дружище! Сѣли за обѣдъ рядомъ; слово за слово, бокалъ за бокаломъ— языки разгулялись, и сердца зашипѣли словно шампанское: за Балканъ, за Саганлугъ! за Варну, за Ахалцыхъ! — за счастіе Россіи, за славу Царя! Было тогда чѣмъ пить, было и за что пить.

— Ну, теперь череда за женщинъ, за прекрасныхъ петербургскихъ дамъ! сказалъ Границынъ Правину. Не знаю право — почему, только искони — гдѣ слава, тутъ приплетаются и дамы: ужь не за тѣмъ ли развѣ, что слава сама — женщина? И такъ: pro teterrima causa omnis belli *! Я страхъ люблю англійскій тостъ: I like the women too, forgive my folly **, какъ говоритъ Байронъ. Amour aux dames, honneur aux braves ***! Чортъ меня возьми! Шампанское славный самоучитель: оно свой языкъ вяжетъ, а чужимъ учитъ!... Я право скоро стану язычникомъ, какъ Іосифъ Сенковскій... Алла верды ****! Пей же скорѣе, amico diletto, шампанское

* За сокрытую причину каждой войны.

** Охотникъ я и до женщинъ—простите мнѣ эту глупость.

*** Любовь дамамъ, честь храбрымъ.

**** *Богъ далъ!* заздравное восклицаніе мусульманъ.

выдыхается такъ же скоро, какъ и добродѣтель женщины!

— Ты опять принялся за свою старую пѣсню, неисцѣлимый грѣшникъ, отвѣчалъ Правинъ, осушая бокалъ до капли. Видно, братъ, укололся шипами, а бранишь розы.

— Шипами! шипами строгости, — не-бось? Ха, ха, ха! да ты презабавный чудакъ, mon cher: ты своимъ простодушіемъ не испортилъ бы ни одной классической комедіи, въ которой всѣ ваши братья моряки одного набора и одного разбора. Клянутся громомъ да молніей, и пьютъ пуншъ въ прикуску со здравымъ смысломъ. Шипы у тафтяныхъ розъ! ха, ха, ха! да этакихъ диковинокъ не показывалъ въ Петербургѣ самъ Пинетти. Впрочемъ, не думай, пожалуйста, будто я хочу хвастать тебѣ побѣдами, какъ пѣхотный подпоручикъ, и божиться по кіевскимъ святцамъ, что нѣтъ такой дамы, которая бъ устояла противъ огня стальныхъ моихъ очковъ и гармоніи серебряныхъ шпоръ!! Удача съ одной стороны — прихоть, съ другой — случай, и если мнѣ подъ-часъ доставалось вѣеромъ по пальцамъ, изъ этого слѣдуетъ только, что я *не былъ* счастливъ, не то — что онѣ *были* не приступны.

— Границынъ! помни, что униженіе паче гордости!

— Испытай самъ, увидишь. Стоитъ тебѣ разъ попасть въ оглашенные съ какою-нибудь модницей, такъ расхватятъ по пуговкамъ. Въ этомъ, правда, чаще всего удается дуракамъ; но вѣдь у тебя, слава Богу, на лбу не написано: *здѣсь живетъ разумъ!* Притомъ же морякъ въ обществѣ рѣдкость и новинка. Иная красавица возьметъ тебя изъ любопытства, чтобъ увѣриться не кусаешься ли ты; другая, чтобъ похвастать любезнымъ земноводнымъ, котораго надобно держать на розовой ленточкѣ, чтобы не юркнулъ въ воду. Не теряй поры, Правинъ: я предсказываю тебѣ легкія побѣды!...

— Та бѣда, что я до легкихъ побѣдъ не охотникъ.

— Бери вещи, какъ онѣ плывутъ, а не какъ издали кажутся... Намъ не перестроить на свой ладъ свѣта: пристроимся же мы къ его ладу. И правду сказать, для меня смѣшна эта рыцарская любовь, которая чахла, глазѣя на окошко своей Дульцинеи. Богъ создалъ міръ и человѣка въ шесть дней, а мы станемъ любить вѣчно? это что за извѣстіе! Любовь весна сердца — но у весны много цвѣтовъ... рви же розы и ландыши. Хорошо бордо въ полъобѣда: но теперь лучше эперне... посмотри на эту пѣну; это свѣтская любовь, mon cher — она рѣзва и сладостна, но она мгновенна — пей ее на лету!

— Я не понимаю тебя, Границынъ. Ты подчиваешь меня свѣтскими радостями, какъ будто бы онѣ у тебя въ погребу, какъ будто-бъ мнѣ стоитъ только ототкнуть пробку, чтобъ онѣ полились рѣкой.

— Славно, милый, право, славно! въ тебѣ будетъ прокъ. Сперва у тебя не было и охоты, а теперь ужъ не достаетъ только возможности. Вотъ тебѣ правило: смѣлость беретъ города... Я увѣренъ, что тебѣ недолго носиться съ пустымъ сердцемъ, какъ съ сумой по міру... Столичныя дамы такія добрыя, такія чувствительныя, а ты такъ свѣжъ и занимателенъ, что грѣхъ заставить вздыхать по напрасну.

— И ты говоришь о подобныхъ связяхъ такъ легко и равнодушно, будто о трюфеляхъ...

— Да неужели ты думаешь, что онѣ для моднаго свѣта важнѣе, чѣмъ трюфели? Разувѣрься, mon ami! Наше воспитаніе обстригло у страстей ногти, и потому онѣ мало опасны. Дѣвушки у насъ разсчетливы на жениховъ; дамы осторожны съ любовниками; ни тѣ, ни другія не захотятъ себя компрометировать; но разогни у послѣднихъ молитвенникъ — и ты увидишь науку любить въ переплетѣ подъ крестами. Да я ихъ за то и не виню. Откровенно говоря — смѣхъ и горе, какъ у насъ совершаются свадьбы! Мы торопимся жить, а жениться опаздываемъ: всякой хочетъ добиться до штабскихъ или генеральскихъ эполетовъ, чтобы дороже перепро-

дать ихъ по рядной записи. Невѣста идетъ въ придачу къ приданому, а какъ сочтутся на дѣлѣ: смотришь, у невѣсты недочетъ душъ, у жениха даже тѣла. И вотъ нашъ его высокоблагородіе или его превосходительство, которому уже въ 17 лѣтъ не за чѣмъ было ѣздить въ Египетъ за разгадкой таинствъ природы — изволилъ жениться. Жена у него профессоръ туалетнаго искусства. Рукава пуфъ съ новоизобрѣтеннымъ механизмомъ; носки башмаковъ тупѣе ума графа Сивича! шаль — продѣнь сквозь кольцо, но врядъ ли саму ее вдѣнешь въ ухо. Она скачетъ верхомъ и стрѣляетъ въ-летъ; она играетъ и поетъ, только пѣсни ея не всегда подъ голосъ мужа. Хороша ли—нѣтъ ли она собой, но она молода, она желаетъ нравиться и наслаждаться, она умѣетъ спрягать глаголъ *я хочу*, не хуже г-жи Линьель; а что находитъ она въ благовѣрномъ своемъ супругѣ? Подъ сукномъ да ватою — завернутый фланелью барометръ, наполненный сладкою ртутью. Находитъ усталаго, чахлаго человѣка, который по утрамъ кашляетъ, цѣлый день зѣваетъ, и каждый вечеръ скучаетъ или докучаетъ. День денской онъ на службѣ, а ночь въ гостяхъ: или играетъ до утреннихъ пѣтуховъ, или хочетъ побѣдить питуховъ за бокаломъ; онъ весь вѣкъ будто маятникъ, между бутылкой бургонскаго и стклянкой съ лекарствомъ. Хорошо еще, если онъ не отправляется тратить случайную искру веселости и здоровья съ какой-нибудь актрисой. Таковы, братъ, всѣ мы гуси: чего же тутъ ждать добраго! Жена, по-неволѣ, станетъ бѣгать изъ дома: тамъ пахнетъ пустотой! Кончается тѣмъ, что домъ ея будетъ въ ложѣ 1-го яруса, отечество въ англійскомъ магазинѣ, а рай — на балу... Глядь... молодежъ увивается около ней, словно хмѣль, и вотъ какой-нибудь краснощекій франтикъ приглянулся ей болѣе другихъ. Разсыпается онъ въ объясненіяхъ мелкимъ бѣсомъ — на счетъ ума наши дамы не прихотливы, и если запоздаетъ почта изъ Парижа, принимаютъ и вывороченныя доморощенныя нѣжности. Клянет-

ся онъ такъ, что вѣдьмы крестятся отъ ужаса, и не рѣдко, проигравши и прогулявши всю ночь на-пролетъ, увѣряетъ, что блѣденъ съ отчаянія отъ ея жестокости. Она, разумѣется, ничему этому невѣритъ, но съ должнымъ для чиновной дамы приличіемъ, съ ноги на ногу идетъ на встрѣчу къ обману, для того, чтобъ при случаѣ броситься въ кресла, закрыть платкомъ глаза и сказать — вы, сударь, камень, вы, сударь, ледъ — вы злодѣй, вы меня обольстили! Ну долго ли до бѣды! хоть бѣды въ томъ я никакой не вижу. А Мефистофель тутъ-какъ-тутъ съ своимъ носомъ. Онъ, скаля зубы, уже готовитъ его превосходительству рожки самой лучшей работы: точеные и позолоченые.

— Ты клевещешь, вскричалъ Правинъ: ты сочиняешь изъ головы злые пасквили на общество. Я недавно трусь между вами, однако жь не замѣтилъ и тѣни, не только слѣда того разврата въ нравахъ, какой ты проповѣдуешь. Мнѣ кажется, напротивъ, петербургскія дамы черезъ-чуръ щекотливы и недоступны.

— Нѣтъ, mon cher! вскричалъ проказникъ Границынъ, поперхнувшись отъ смѣха: — ты изъ рукъ вонъ! Ужъ не служилъ ли ты полно, подъ камандою перваго адмирала Ноя, гардемариномъ? Съ твоею допотопною простотой не уйдешь ты у женщинъ далѣе гостиной: я тебѣ пророчу это. Вѣрить щекотливости и недоступности здѣшнихъ дамъ — такъ вѣрить всякой эпитафіи. Правда, потемкинскій вѣкъ миновалъ для любовниковъ, но не для любви. Теперь дама не краснѣетъ пріѣхать на балъ съ мужемъ, или поцѣловать его въ лобъ при многихъ, а съ кавалеромъ-сервенте своимъ говоритъ о разводахъ, о семипольномъ засѣвѣ и о Викторѣ-Гюго. Но утѣшься милый: Купидонъ возметъ свое. Она знаетъ, что хромой бѣсъ не сниметъ кровли съ ея будуара; что замокъ ея спальни, чуть тронутый, наигрываетъ «réveillez-vous, belle endormie,» и что нескромный взоръ не упадетъ на трюмо, передъ которымъ она примѣриваетъ или поправляетъ пелеринку у своей

marchande de modes. Благодаря европейскому просвѣщенію и столичному удобству, у насъ всѣ репутаціи такъ же круглы и бѣлы, какъ бильярдные шары — по какому бы сукну онѣ ни катились.

Доброе, чистое сердце Правина сжалось, внимая этой холодной повѣсти о порокахъ общества, украшенныхъ столь блестящею личиной смиренства.

— Въ самомъ-дѣлѣ, молвилъ онъ съ горькою улыбкой: я зналъ не болѣе устрицы о нравахъ свѣта на кораблѣ своемъ! Я постигаю въ женщинѣ слабость, могу представить, что страсть можетъ увлечь ее, но помѣстить въ свою голову мысль объ этомъ глубокомъ, разчетливомъ, безстрастномъ развратѣ, — это выше силъ моихъ! Я видѣлъ въ Турціи одну баядерку: она вынула изъ-подъ подушки своей вѣски и медленно взвѣшивала предлагаемые ей червонцы, надбавляя цѣны, глядя въ очи путника. Не такъ ли взвѣшиваютъ твои дамы сердечную забаву, бросая въ другую чашку возможность скрыть ее! Онѣ берутъ оброкъ и съ титула добродѣтели — уваженіемъ, и съ сущности порока — наслажденіями. О свѣтъ, свѣтъ! ты даже изъ самой невинности дѣлаешь новый порокъ, заставляя порочныхъ быть самозванцами и скрываться подъ краденымъ у тебя платьемъ!

— Ты напрасно горячишься, возразилъ ротмистръ. Лицемѣріе есть невольная дань нравственности, а всякая дань — узда. Нерѣдко знатныя дамы обязаны сохраненіемъ своего имени безъ пятна, мелочному разсчету—не запятнать своего платья, и я увѣренъ, что китовые усы въ старину сохранили болѣе браковъ, чѣмъ въ наше время разорвали ихъ гусарскіе усы. Пускай же плетутъ пустые люди кружева изъ песку, называемыя модой; пускай себѣ старушки въ чепцахъ и фракахъ съ важностію разсуждаютъ о лучшемъ способѣ чихать за обѣдней и кланяться на выходахъ: безъ этихъ вздоровъ лучшее общество сгнило бы какъ Прѣсненскіе пруды. Не бывать въ лохани бурѣ, такъ ему надобно мутовка. Впрочемъ, будемъ безпристрастны, mon cher: слова нѣтъ, свѣтъ

очень развратенъ, но совершенства, слава Богу, нѣтъ и въ этомъ. Природа великое дѣло. Она хоть и не смѣетъ горланить въ гостиной, какъ въ трагедіи, но въ тиши кабинета обращаетъ въ свою вѣру многихъ. Бываетъ, что связь, начатая минутною прихотью, очищаетъ огнемъ своимъ сердца и переливается въ долгую, безкорыстную страсть, готовую на всѣ жертвы, выкупающую всѣ заблужденія, страсть, которая бы сдѣлала честь любому рыцарю среднихъ вѣковъ и любому человѣку во всѣхъ вѣкахъ. Я, не вѣрующій ни въ невинность мужчинъ, ни въ вѣрность женъ — я самъ...

Границынъ глубоко вздохнулъ и умолкъ въ раздумьѣ... передъ его очами носились образы милые, но укорительные...

— Да, молвилъ онъ печально про себя — да, я не стоилъ... ея.

— Послушай, Границынъ, мнѣ жаль тебя, съ чувствомъ сказалъ Правинъ — и я не могу понять, какъ, проповѣдуя противъ пороковъ не хуже Саллюстія, ты пляшешь по дудкѣ, не говорю ужъ какъ Саллюстій, но какъ Репетиловъ въ Горе отъ ума!

— Таковы всѣ мы, рожденные на границѣ двухъ вѣковъ, милый мой; XVIII-й насъ тянетъ за ноги къ землѣ, а XIX-й за уши къ верху. Не разберешь, право, что мы такое? ни рыба, ни мясо, ни Европа, ни Азія. На прошлое мы недоумки, въ настоящемъ недоросли, а въ будущемъ недовѣрки, чуть ли не Spottgeburt aus Dreck und Feuer. * Животнымъ привычкамъ нашимъ любо валяться въ грязи-матушкѣ: но умъ ужь проснулся, умъ проситъ поѣсть и хочетъ разгрызть орѣхъ современнаго просвѣщенія, да жалуется, что у него болятъ зубы отъ свекольнаго сахара.

Правинъ былъ не доволенъ оборотомъ разговора. Макіавель и Купидонъ заклятые враги другъ-друга. Ему хотѣлось получше извѣдать море, называемое женщиною; а когда онъ думалъ о женщинахъ вооб-

* Выродки бренія и огня. *Гете.*

ще, это значило, что онъ разумѣлъ въ особенности княгиню Вѣру. И вотъ онъ искусно свелъ разговоръ на прежнее.

— Неужели, сказалъ онъ Границыну, развращеніе столичное такъ всеобще? Неужели не найти дамы, на чье доброе имя, какъ на этотъ хрустальный бокалъ, не всползетъ ни одинъ червякъ злословія?

— Я не оберъ-полицеймейстеръ, милый другъ, мнѣ вѣдь не подаютъ списковъ о числѣ рогатаго племени въ столицѣ. Буало насчиталъ въ Парижѣ до двухъ Лукрецій; Пушкинъ въ цѣлой Россіи не находитъ трехъ паръ стройныхъ ножекъ — я принимаю то и другое за клевету, и хотя суровыя сердца должны быть рѣже, нежели маленькіе слѣдки, — со всѣмъ-тѣмъ я въ самомъ Петербургѣ назову тебѣ болѣе дюжины вѣрныхъ супругъ.

— И вѣрно въ числѣ ихъ помѣстишь жену Мирона Ильича Н. и княгиню Вѣру, жену князя **?

Произнося, однако, послѣднее имя, Правинъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Первая любовь не можетъ равнодушно слышать любимаго имени, не можетъ безъ замѣшательства произнести его.

— Про первую ничего не скажу, и этого ужъ довольно къ ея чести, а другая, московская звѣздочка — гмъ! она такъ недавно блеснула на петербургскомъ горизонтѣ... она еще въ медовыхъ мѣсяцахъ супружества — гдѣ ей просвѣтиться! гдѣ успѣть злословію подстеречь ее, если-бъ что и было?

Лице Правина прояснѣло.

— Если-бъ что и было! молвилъ онъ... Никогда и ничего не можетъ быть.

— Ты не членъ ли страховаго общества, Правинъ? насмѣшливо возразилъ ротмистръ. Смотри, другъ, обанкрутишься, если принимаешь на поруки такія ломкія вещи. Важное слово *нѣтъ*, а *не можетъ быть* еще важнѣе. Постой-ка, дай Богъ памяти... княгиня Вѣра?... гмъ!! князь Петръ!... онъ толстъ и простъ, она красавица и мечтательница... скорѣе соединишь масло съ шампанскимъ!... ну, я

раскину словно на картахъ... между ними улегся какой-то червонный валетъ — это дипломатъ, поэтъ, кудрявый архиваріусъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Этотъ поэтъ ищетъ себѣ на прокатъ вдохновенія и пожаловалъ, кажется, княгиню въ музы. Слѣпой развѣ не замѣтитъ, какъ увивается онъ около ней, какъ оборачивается слѣдомъ за нею, будто подсолнечникъ. Куда бы княгиня ни явилась, онъ какъ грибъ изъ-подъ земли выростаетъ: ни дать-ни взять, сказочный сивка-бурка, вѣщій каурка. На балѣ у австрійскаго посланника онъ напѣвалъ ей что-то на ухо въ продолженіе высокоснаго котильона: вѣроятно читалъ 7-ю главу Онѣгина! Ну, пускай мнѣ первый мой врагъ скажетъ comment vous portez-vous передъ разводомъ, если между ними чего-нибудь не заводится. Я старый воробей: меня, братъ, не озадачатъ никакія маски.

— Его имя? заботливо спросилъ Правинъ.

— Ты знаешь его въ лице, не только по имени: да если и не знаешь, такъ замѣтишь съ перваго взгляда, когда найдешь ихъ вмѣстѣ. Одинъ развѣ безстрастный мужъ, или страстный влюбленникъ, можетъ быть такъ слѣпъ, чтобы ничего тутъ не видѣть.

— Его имя? съ бѣшенствомъ повторилъ капитанъ.

Кровь его кипѣла.

— Іеронимъ Леновичъ.

Какъ шпага пронзило это имя сердце Правина, и на него низались уже въ его памяти тысячи вѣроятій, тысячи сомнѣній. Да, точно, онъ самъ видѣлъ ихъ умильные взоры!... Правинъ уже не слыхалъ болѣе, что говорилъ товарищъ. Сердце его дрожало будто въ лихорадкѣ, кровь то стыла, то жгла его... невнятный ропотъ исчезалъ на губахъ. Онъ пожалъ Границыну руку, бросилъ на столъ ассигнацію и, не ожидая сдачи, вышелъ, поскакалъ домой. Отрывчатыя восклицанія и мысли сталкивались:

— Такъ молода и такъ коварна! говорилъ онъ. И къ чему было обманывать меня сладкими рѣчами и

взорами? зачѣмъ манить къ себѣ?.... Или она хочетъ забавляться, дурачить меня? держать вблизи вмѣсто отвода?.... Меня дурачить! Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать! скорѣй я стану ужасенъ ей, чѣмъ для кого нибудь смѣшонъ.. И кто-бы могъ подумать, кто бы!.... впрочемъ, быть-можетъ, все это вздоръ, зависть, пустыя сплетни.... да и что мнѣ до этого?.... чѣмъ я привязанъ къ ней, чѣмъ она мнѣ обязана? А хотѣлосъ бы узнать однако-жь истину—такъ, изъ одного любопытства — я бы посмѣялся ей.... я бы заставилъ ее плакать кровью!!... Но какъ добраться до открытія въ городѣ, въ которомъ рѣдкій мужъ не дерзнетъ поклясться, цѣлуя жену свою вечеромъ, что цѣлуетъ ее сегодня первый, — гдѣ потому только всѣ невинны, что въ истинной невинности можно усомниться, а истинной вины нельзя доказать.

И сонъ не освѣжилъ Правина. Подъ изголовьемъ его шевелились ревнивыя мечты — и сколько насмѣшекъ наготовилъ онъ для первой встрѣчи съ княгиней Вѣрой, для первой ошибки съ ея угодникомъ! Дай-только мнѣ увидѣться съ нею, говорилъ онъ, скрежеща зубами....

И всему этому виной были слова Границына, слова, основанныя на пѣнѣ шампанскаго и на желчныхъ догадкахъ болтуна. Бѣгите, юноши, встрѣчь, не только дружбы съ подобными людьми! Они безжалостно обрываютъ почки добрыхъ склонностей съ души неопытной; они жгутъ и разрушаютъ въ прахъ довѣріе къ людямъ, вѣру въ чистое и прекрасное; боронятъ пепелъ своими правилами — и засѣваютъ его солью сомнѣнія.

КАПИТАНЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ПРАВИНЪ КЪ ЛЕЙТЕНАНТУ КОКОРИНУ.

Августа 1829 г. въ Кронштадтъ.

«Ѣду, ѣду къ вамъ, завтра-же ѣду, любезный Нилъ! Да и что мнѣ дѣлать въ этомъ Петербургѣ, въ этой столицѣ *раскрашенныхъ снѣговъ* *), какъ говоритъ Байронъ. Да и какой безумецъ выдумалъ влюбляться, да и какоіі лукавый дернулъ меня за полу полюбить свѣтскую даму?... Любить! любить! Какъ дико звучитъ это слово въ свѣтѣ! отголоски, будто въ пещерѣ, повторяютъ много разъ *любить* — но кто отвѣчаетъ вамъ? — Камни.... хуже чѣмъ камни — пустота! Содрогаюсь отъ негодованія!... И я могъ думать, могъ вѣрить, что любовь можетъ ютиться въ сердцѣ, слѣпленномъ руками свѣта! Безумецъ! безумецъ! скорѣе найдешь сочувствіе въ раззолоченномъ яичкѣ для дѣтей, на которомъ снаружи написаны нѣжности, въ серединѣ насыпаны сладости, а все вмѣстѣ — дерево, крахмалъ и сусальная позолота. Но что говорить о томъ, чего не воротишь! не возвратиться и любви моей! Поздравь меня, Нилушка, я здоровъ: я сбросилъ съ себя страсть къ княгинѣ Вѣрѣ, вмѣстѣ съ модными побрякушками. Теперь, чѣмъ скорѣе въ море, тѣмъ лучше. Земля, кажется, горитъ подо мною — горитъ и сердце — и лишь въ туманахъ океанскихъ погашу я его!!

Поговоримъ о дѣлѣ. Ты пишешь, что адмиралтей-

---

* «This famed capital of painted snows» Childe Harold's pilgrimage.

ство не даетъ довольно мастеровыхъ и не отпускаетъ хорошихъ матеріяловъ, что во всемъ задержки и недопуски... все это, всѣ эти господа, меня скоро взбѣсятъ: я буду жаловаться прямо начальнику штаба,—или воображаютъ они, что послѣ грозы, для нихъ будетъ роскошнѣе сѣнокосъ?... Пусть разубѣдятся въ томъ. Прошли ужъ тѣ времена, когда корабельные мастера строили дома изъ мачтовыхъ деревъ и крыли ихъ мѣдною обшивкой... Теперь едва они спроворятъ себѣ на глаголь.

Поставилъ-ли ты козлы, чтобы перемѣнить бизань? * Посадилъ-ли въ должный уклонъ бушпритъ? ** Навѣсь 10, 20 на него бочекъ съ водою, если упрямится.... я терпѣть не могу бушпритовъ, которые задираютъ носъ къ верху, словно дежурный каммеръ-юнкеръ. Для марсовыхъ септоровъ *** просилъ ты рисунка сѣтокъ! Долой ихъ, сбрось совсѣмъ прочь и прежнія. Эти узорчатыя плетенки напоминаютъ мнѣ дамскія кружева.... на послѣднемъ балѣ княгиня была вся ими изувѣшена. Ты, пожалуй, скажешь, что вѣрно я пришелъ туда, увидѣлъ, побѣдилъ. Увидѣлъ, и возненавидѣлъ ее, другъ мой.... Стоитъ разсказать тебѣ, какъ это было: можетъ статься, для тебя это будетъ любопытно, а для меня какъ памятно! Чудомъ показалось тебѣ, что я ѣздилъ на балъ; что-же будетъ, когда я скажу, что ѣздилъ на балъ незваный и въ домъ, мнѣ вовсе незнакомый; что я былъ тамъ только изъ желанія взглянуть на нее, и взглянуть непріятельски. Я ужъ писалъ къ тебѣ о своихъ подозрѣніяхъ: я жаждалъ или прояснить или разсѣять ихъ, и долго напрасно. Не находилъ я ея дома, не встрѣчалъ въ городѣ. Наконецъ узнаю, что княгиня Вѣра отправилась на званый вечеръ за городъ, къ графу Т. Какъ быть? Я тамъ незнакомъ, туда не званъ; нетерпѣніе мое возрасло до нестерпимости, ревность

---

* Задняя мачта.

** Наклонная, изъ носа выдающаяся, мачта.

*** Поручни.

до бѣшенства. Рѣшаюсь хоть умереть, а взглянуть на нее. Сажусь въ наемную карету, и скачу на 13-ю версту по петергофской дорогѣ. Пріѣзжаю.... вхожу.... встрѣчаю хозяина — на дорогѣ уже изобрѣлъ я предлогъ посѣщенія: графъ, страстный охотникъ до рѣдкихъ книгъ, и обладаетъ богатою библіотекой — я прицѣпился къ этому. Простите, графъ, флотскому чудаку неумѣстность его визита, но пусть необходимость извинитъ меня: я могу располагать только настоящею минутой и, проѣздомъ въ Ораніенбаумъ, рѣшился заѣхать къ вамъ съ просьбою. Вотъ въ чемъ дѣло: я пишу записки объ исторіи мореплаванія, а ваша библіотека знаменита въ цѣлой Россіи; только у васъ можно найти книги рѣдчайшія самыхъ кладовъ, и между прочими, я знаю, что у васъ есть въ оригиналѣ, путешествіе Испанца Гвереры въ Южномъ-Океанѣ, а оно для моего предмета необходимо. Отъ васъ зависитъ крайне обязать меня, ссудивъ этою книгой для прочтенія. Графъ былъ доволенъ, какъ не льзя болѣе..... цапъ меня подъ мышку, и потащилъ въ свою библіотеку. Скрѣпя сердце, долженъ я былъ дивиться глупостямъ всѣхъ форматовъ, топографическимъ рѣдкостямъ въ ослиной и въ телячьей кожѣ, безцѣннымъ лишь потому, что ихъ давнымъ-давно никто не читаетъ. Я чихалъ отъ пыли старины, я протиралъ себѣ глаза, я проклиналъ и книгопечатаніе и книгобѣсіе, но хозяинъ этой кунсткамеры былъ неумолимъ, и отпустилъ мою душу на покаяніе не ранѣе, какъ перещупавъ спинки всѣхъ своихъ диковинокъ. Наконецъ, вручивъ мнѣ завѣтныя сказки Испанца, пригласилъ въ танцовальную залу: я только того и ждалъ. Закрывъ шляпою сердце, точно какъ голубка, чтобъ оно не выпорхнуло, пробирался я дальше и дальше. Прелестныя личики мелькали мимо въ бѣшеномъ вальсѣ, то опереннныя, то разцвѣченныя, то осыпанныя алмазами; но какъ въ тысячахъ звѣздъ назвалъ бы я звѣзду любимую, такъ издали и въ толпѣ распозналъ я княгиню Вѣру.... никогда еще не казалась она мнѣ такъ пре-

лестна, такъ воздушна, такъ идеальна! Любовь проникла и освѣтила все ея существо: она горѣла въ очахъ, дышала устами, пробивалась лучами сквозь всѣ поры.... зачѣмъ измѣна можетъ быть столь очаровательною!... И вдругъ я замѣтилъ, къ кому обращены были ея очи, кто одушевлялъ ее необычайною прелестію — душа у меня превратилась въ ледъ, а умъ въ уголь.... ужасный мигъ!... И такъ все, что мнѣ говорено, все, что подозрѣвалъ я — правда! Итакъ я потерялъ ее, не владѣвъ ею!.... Не замѣчая меня, она сѣла рядомъ съ вѣчнымъ моимъ соперникомъ; что-то говорила съ нимъ въ полголоса; оба они улыбались отъ удовольствія, и порой она задумчиво склоняла голову, и глаза ея подергивались туманомъ мечты.... О, какъ проклиналъ я тогда сладкозвучную музыку! Она мѣшала мнѣ слышать разговоръ ихъ! она раздирала мнѣ слухъ, распиливала сердце, кипятила кровь въ жилахъ моихъ растопленнымъ металломъ... О, да-избавитъ небо злѣйшаго моего врага отъ мученій ревности — какой еще ревности! которой я не имѣлъ права чувствовать и не смѣлъ показать; но могъ ли я тогда владѣть собою? Думаю, что лице мое было страшно, потому-что страшное совершалось въ душѣ моей. Въ ту минуту, какъ они оба встали, чтобы вальсировать въ свою очередь, когда она подала ему свою руку — я устремился какъ тигръ на добычу, я возникъ передъ ней, какъ призракъ-укоритель — и я насладился ея смущеніемъ, я съ улыбкою видѣлъ, какъ погасъ ея взоръ, блиставшій за-мигъ яснѣе алмазовъ ея діадимы; видѣлъ, какъ поблекъ ея румянецъ, какъ замеръ льстивый голосъ на устахъ! О, сладка месть, сладка!.... Гомеръ не даромъ назвалъ ее страстью боговъ.... зачѣмъ же нельзя сказать того же о ревности? зачѣмъ же нѣтъ въ ней, въ этой адской страсти, ни одной отрадной капли, напоминающей небо!

Я отвратилъ мое Медузино лице отъ испуганной четы — и скрылся. Я мчался во весь опоръ.... Катай, извощикъ, удуши лошадей; пять, десять, двад-

цать рублей тебѣ на-водку! Я летѣлъ; колеса жгли мостовую; я хотѣлъ закружить себя быстротой, упиться самозабвеніемъ — напрасно! Чудныя чувства бушевали въ моей груди: то я давалъ полный разгулъ моему негодованію, и смотрѣлъ на княгиню и ея Миловзора съ ледяной вершины презрѣнія. Стоитъ-ли взора, не только вздоха женщина, которую слѣпитъ мишура, плѣняютъ пошлые каламбуры? Потомъ горячая, глубокая зависть проницала душу: я завидовалъ, и чему же! блистательной ничтожности свѣтскихъ любезниковъ, ихъ кукольной развязности, ихъ птичьей болтовнѣ съ дамами — мало этого — я завидовалъ примaнчивому богатству глупца, связямъ мерзавца, даже искусству бездѣльника дѣлать огромные долги, умѣнью игрока обыгрывать въ карты, низости продавать себя дорого, или учтиво грабить другихъ, средствамъ, принятымъ у насъ въ число оптовой торговли душой, которыя бы дали мнѣ возможность часто быть съ нею, дивить ее, блистать въ обществѣ, въ которомъ золото, какими бы путями ни-было добыто оно, даетъ всѣ права гражданства!... Правда, такое унизительное желаніе пролетѣло сквозь меня въ мигъ, но пожалѣй меня, что оно могло пролетѣть даже мимо. О, любовь, любовь! ты мать и мачиха душѣ человѣческой! ты можешь ее возвысить до звѣздъ и утопить въ лужѣ. Ты дѣлаешь героевъ или злодѣевъ изъ людей съ могучею душой, честолюбцевъ или мерзавцевъ изъ людей слабыхъ духомъ... я ненавижу тебя, я проклинаю тебя, я срываю долой твои путы! — и... о слабость недостойная — я плачу надъ обломкомъ своего ярма... хорошо, если-бъ я могъ плакать, если-бъ я могъ еще разсуждать!»

С. Петербургъ.

III.

«Zwei liebende Herzen sind wie zwei Magnetuhren; was in der einen sich regt, muss auch die andere mit bewegen, denn es ist nur Eins, was in beiden wirkt; eine Kraft, die sie durchgeht.»

Göthe.

Фрегатъ-Надежду приказано было изготовить къ осени для дальнаго похода. Его ввели опять въ гавань для перегрузки трюма, для перемѣны нѣкоторыхъ частей рангоута и стоячаго такелажа. Командиръ судна, Правинъ, былъ уважаемъ какъ офицеръ отличной храбрости и познаній, и ему дали средства украсить фрегатъ свой на щегольство, со всѣми прихотями, доступными боевому судну; бронзу на винты каронадъ, на рѣшетки каютныхъ люковъ, на кофель-нагели, на поручни къ трапамъ; дубъ съ рѣзьбой и красное дерево по каютамъ. За дѣло принялись горячо, вели его неутомимо. Терзаемый ядомъ ревности, Правинъ хотѣлъ дѣятельностію подавить тоску сердца, и старою страстью заглушить новую. Отъ зари-до-зари не сходилъ онъ съ палубы, и ни одна бездѣлка, ни малѣйшая подробность не ускользала отъ его вниманія. Онъ все осматривалъ лично, все поправлялъ самъ; своею привязчивостію онъ надоѣлъ даже Нилу Павловичу,

а Нилъ Павловичъ самъ былъ знаменитъ во флотѣ своею точностію.

— Слава Богу, сказалъ однажды тотъ лекарю Стеллинскому: нашъ Илья образумился — служба какъ рукой сняла съ него дурь. Я не даромъ говорилъ, что распрысканная духами модница—любовь, убѣжитъ отъ смолянаго духа, какъ бѣсъ отъ ладону!

— Если она и убѣжала, такъ вовсе отъ другой причины, возразилъ Стеллинскій. Капитана исцѣлили мои фумигаціи... Онъ вовсе не замѣчалъ въ разсѣянности, что я подмѣшиваю въ его курительный табакъ лекарственныя травы.

Но исцѣлился ли полно Правинъ??

— — — — — — — — — — — —

Между-тѣмъ работы кипѣли, вооруженіе расло, не по днямъ а по часамъ, и съ нимъ вмѣстѣ расло нетерпѣніе Правина. — Скорѣй бы, скорѣй бы тянуться намъ на рейдъ и тотчасъ въ море, и какъ можно вдаль отъ этого проклятаго Петербурга! — вовѣки нога моя не будетъ тамъ! воскликнулъ онъ однажды—и черезъ два часа Правинъ стоялъ уже надъ колесомъ бертовскаго парохода, какъ будто считая каждый оборотъ его, шумно роющій воду. И вотъ г. капитанъ-лейтенантъ и кавалеръ Правинъ въ столицѣ. — Да помилуйте, какъ ему и не быть въ столицѣ! На обсерваторіи у него повѣряются хронометры; изъ академіи наукъ надобно ему получить ученыя инструкціи, изъ адмиралтейства новыя карты, отъ начальника-штаба особенныя приказанія. Да и почему не остаться ему день, другой лишній? вѣдь не завтра подымать якорь. У него же такой надежный помощникъ на фрегатѣ!... Мы чрезвычайно богаты на доводы, когда хотимъ потѣшить свою прихоть. Стоитъ только вздумать-дазагадать — за возможностью дѣло не станетъ.

Со всѣмъ-тѣмъ гордая рѣшимость Правина: не искать, не видать княгини, была непоколебима. Мысли его, какъ улитковыя линіи, сходились всегда въ одну точку — и эта точка была *она;* за то-самъ онъ, буд-

то ринутый средобѣжною силой, все далѣе и далѣе бродилъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы могъ встрѣтиться съ нею. Правинъ былъ поэтъ въ прозѣ, поэтъ въ душѣ, самъ того не зная: да и есть ли на бѣломъ свѣтѣ человѣкъ, который бы ни однажды не былъ имъ? Вся разница въ томъ, что одинъ чаще, другой рѣже; одинъ глубже, другой мимолетнѣе. Не однѣ величавыя красоты природы поражали и плѣняли Правина,—нѣтъ, онъ горячо любилъ всѣ произведенія искусства, запечатлѣнныя поэзіею, въ чемъ бы она ни проявлялась: въ стихѣ, въ смычкѣ, въ кирпичѣ, въ бронзѣ—и тамъ, гдѣ человѣкъ слилъ свои труды съ природою, и въ томъ, гдѣ претворилъ ее по своему безотчетному идеалу. Любовь изострила въ немъ чувство изящнаго, и теперь чувство, выброшенное изъ русла, разливалось прямо изъ сердца на всѣ предметы, одушевляло все его окружающее. Лоно водъ дышало для него звуками грустными, но пріятными; воздухъ вѣялъ словно дружескою рукой въ лицо. Онъ находилъ новый, но знакомый смыслъ въ книгахъ; схватывалъ сладостные переливы въ стихахъ, которые не за-долго казались ему беззвучными; занимательность сказалась ему въ наличникѣ дома, въ стрѣлѣ колокольни, въ столбѣ, въ картинѣ. Онъ иногда простаивалъ по четверти часа, любуясь какою-нибудь частью города, улицею, мостомъ, красивымъ домикомъ. Онъ не замѣчалъ усмѣшекъ и толчковъ прохожихъ, благоговѣя передъ монументомъ Петра Великаго; но всего болѣе полюбилъ онъ бродить по великолѣпнымъ комнатамъ дворца, извѣстнаго подъ именемъ Эрмитажа... это было его наслажденіе, его утѣшеніе. Такъ, казалось ему, онъ снова повторялъ свои путешествія— и образы міра на-мигъ заслоняли отъ очей души образъ ненавистный и милый. Онъ утихалъ, какъ дремучія болота Рюисдаля, вдыхалъ свѣжесть ночей Фанъ-деръ-Неера, летѣлъ съ кораблемъ по желтому Нѣмецкому-морю Фанъ-Остада. Портреты Фанъ-Дейка шевелились, небо Рафаэля растворя-

лось... Правинъ хотѣлъ удержать камни, летящіе въ св. Стефана Лесюерова; врубался въ ряды Мидянъ съ Пуссеномъ, молился съ блуднымъ сыномъ Мурильо. Прелестныя личики улыбались ему, рыцари протягивали руки, сельскій праздникъ манилъ къ себѣ. Шумная встрѣча штатгалтера тянулась мимо, и будто знакомые люди кивали изъ толпы головою, грозили перстомъ изъ окна. Влѣвѣ шумѣлъ черный лѣсъ Сальватора, вправѣ плескалось бурное море Вернета — люди, климаты, города, небеса, океаны во весь ростъ, во всю прелесть, развивались, расли, смѣшивались, меркли. То былъ какой-то гармоническій, но безмолвный танецъ образовъ, идей, вѣковъ; то былъ осязаемый микрокосмъ души человѣческой, начиная съ грязной вещественности Теньера, до недосягаемой святыни Урбино — безконечный какъ хаосъ, неясны какъ сны, уже готовые, но еще невиданные человѣкомъ.

Правинъ обжился, ознакомился съ обитателями этого міра, въ которомъ дремалъ онъ на-яву. Но кромѣ безкорыстнаго наслажденія разсматривать зеркальныя ширмы свѣта, закрывавшія отъ него досадный, настоящій свѣтъ, Эрмитажъ привлекалъ его прямымъ отношеніемъ къ его страсти. Въ комнатахъ, заключающихъ въ себѣ музей Жозефины, между прелестною Гебой и танцовщицею Кановы, возвышается, его же рѣзца, чета Амура и Душеньки. Душенька эта была, ни дать-ни взять, вылитая княгиня Вѣра. Къ ея-то подножію спѣшилъ Правинъ отдыхать отъ заботъ службы... отдыхать? — О, столько же отдыхаетъ труженикъ на постели, усыпанной щебнемъ!! Нѣтъ, онъ спѣшилъ туда горевать наединѣ и высказывать подобію измѣнницы свои упреки, проклинать ее и восхищаться ею.

Вы вѣрно видѣли эту прелестную купу, одно изъ лучшихъ твореній Кановы! Душенька, обнявшись съ Амуромъ, любуется бабочкою, сидящею у нея на ладони. Высока какъ небо, чиста какъ лучъ солнца, многоплодна какъ самый климатъ Греціи, была идея выразить сочетаніе души съ тѣломъ, или

юности съ любовью, любовью Амура и Психеи. Но если группа Скопаса (поцѣлуй ихъ) превосходна въ отношеніи къ искусству, — въ отношеніи полноты превосходнѣе группа Кановы. Въ той вы видите символъ первобыта — страсть; въ этой символъ нашего времени — мысль. У современнаго намъ художника идея жизни расцвѣла идеею безсмертія. Вглядитесь хорошенько въ идеальныя лица обоихъ любовниковъ: подъ младенческую улыбку Душеньки вкралась уже неясная дума. Она еще усмѣхается разсказамъ своего милаго, но уже мечтаетъ о преображеніи, — загадка эта уже томитъ ее. Напротивъ, вѣтренникъ Амуръ едва обращаетъ вниманіе на бабочку — его глаза прильнули къ Душенькѣ, будто бабочка къ розѣ. Положеніе кисти лѣвой руки, ласкающей плечо Душеньки, на которомъ она покоится, доказываетъ, что чувство для него сладостнѣе думы — а движеніе правой руки, кажется, молвитъ уже: пусть она летитъ, эта бабочка! Со всѣмъ-тѣмъ мысль невольно бросила на лицо, на осанку обоихъ тѣнь важности, въ противоположность съ отроческими ихъ формами. За-то какая прелесть въ поворотѣ головъ, какая нѣга въ выраженіи лицъ, какая легкость въ постановкѣ (pose), благородство въ осанкѣ! Пламенный рѣзецъ Кановы размягчилъ въ тѣло мраморъ, но мысль дала жизнь этому тѣлу, сдѣлала его прозрачнымъ и воздушнымъ — однимъ словомъ, вдохнула въ него душу.

Вереница другихъ сравненій, другихъ примѣненій, мелькала въ воображеніи Правина. Какъ мало лѣтъ и какъ много происшествій, какъ много историческихъ лицъ протекло у стопъ этого мрамора! Передъ нимъ, можетъ быть не однажды, плакала развѣнчанная царица Французовъ. На нее падалъ мимолетный, какъ молнія, взоръ Наполеона, безумствующаго о завоеваніи міра. На него глядѣла толпа королей и полководцевъ — одни съ разсѣянностію пресыщенія, другіе съ равнодушіемъ невѣжества, многіе съ завистью: зачѣмъ это не мое! И

гдѣ очутился этотъ мраморъ изъ чертоговъ Тюльери? И потомъ — гдѣ тѣ, которые любовались имъ такъ недавно и тамъ и здѣсь?—Однихъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече, со вздохомъ думалъ Правинъ.

Поутру въ какой-то праздникъ, Правинъ, самъ не зная какъ, очутился у стопъ Душеньки. Онъ погрузился въ глубокую думу, въ живую грусть, любуясь милыми чертами.

— Когда я увидѣлъ тебя впервые, думалъ онъ: мнѣ казалось, что ангелъ кликнулъ мою душу по имени, что ты съ издѣтства обручена мнѣ сердцемъ! Безумецъ!... я смѣялся надъ этою дикою мыслію — и влюбленный повѣрилъ ей предался ей... и чему послѣ этого вѣрить, если не вѣрить такому лицу? Такъ прелестна и такъ коварна! столь умна и столь легкомысленна! И зачѣмъ я встрѣтилъ ее, зачѣмъ дозволила она себя полюбить! Внушить такую пылкую страсть, раздуть пожаръ и потомъ развѣять пепелъ сердца по воздуху, не уронивъ даже слезы участія, не только взаимности, поманить надеждой и предаться другому!

Правинъ былъ одинъ одинехонекъ... онъ тихо колебалъ головою, и слезы текли неслышимо по его лицу.

— Вы плакали! сказалъ кто-то подлѣ него.

Голосъ этотъ бросилъ трепетъ во все его существо: сладкозвученъ и нѣженъ былъ онъ. Глубокое участіе отзывалось въ немъ. Правинъ обернулся: рядомъ съ нимъ стояла княгиня Вѣра, въ газовомъ золотошвейномъ платьѣ, въ полномъ блескѣ убора и красоты и молодости — во всемъ очарованіи чувства... Она была лучезарна, божественна! Видно было, что она ускользнула съ выхода, подышать свободнѣе на просторѣ, взглянуть на мастерскія произведенія рѣзца и кисти, быть можетъ — влекомая тайнымъ предчувствіемъ сердца — а сердце нашъ вѣщунъ! — не даромъ сказано Дмитріевымъ.

— Вы плакали? повторила она: она была тронута.

Первое обаяніе прелести миновало, вспышка не-

годованія улетѣла съ сердца Правина, но обиженное самолюбіе — червь; оно не имѣетъ ни ногъ, ни крыльевъ — оно осталось. Онъ отступилъ, поклонился княгинѣ съ холодною почтительностію и отвѣчалъ, краснѣя:... — Да, княгиня, я плакалъ, и горьки были слезы мои... я думалъ, что я здѣсь одинъ...

— Неужели для васъ больно, капитанъ, что я въ вашихъ глазахъ застала слезу?... Чудныя созданія мужчины: не краснѣя могутъ хвастаться кровью друга, и стыдятся слезы чувства!...

— По-крайней-мѣрѣ я долженъ стыдиться этихъ слезъ, и признаюсь, всѣхъ менѣе васъ желалъ бы я имѣть свидѣтелемъ такой слабости: слезъ моихъ не видалъ и не увидитъ свѣтъ, и будьте увѣрены, княгиня, что онѣ не прибавятъ блестокъ ни на чье платье!

Правинъ никогда не говорилъ княгинѣ о любви своей; но какая женщина не понимаетъ пламенной рѣчи взоровъ, румянца щекъ, волненія груди, трепетанія руки? Княгиня и въ этотъ разъ поняла весь укоръ Правина. Въ ея отвѣтѣ видно было болѣе чувства, чѣмъ гордости.

— Неужели вы думаете, капитанъ, что удѣлъ мой одна мишура и блески, что я не знаю слезъ горя? Но вы бросили стрѣлу еще далѣе, еще глубже: вы почти сказали, что я могу радоваться чужому горю. Скажите, чѣмъ заслужила я такое несправедливое обвиненіе? и отъ кого же!... отъ кого это?

Правинъ смѣшался. Онъ былъ пойманъ, какъ школьникъ, который выскочилъ впередъ для объясненія съ учителемъ, и оробѣлъ отъ его грознаго взгляда. Въ такомъ случаѣ начинаютъ обыкновенно увѣрять, что и не думали ничего намекать противъ, что никогда бы не осмѣлились и подумать обвинять!... Правинъ наговорилъ кучу подобныхъ пошлостей.

Княгиня грустно качала головою.

— Капитанъ, сказала она: — откровенность флот-

скихъ вошла въ пословицу — вы хотите опровергнуть ее. Я уже нѣсколько дней замѣчаю, что вы на меня сердиты.

Правинъ будто проснулся отъ сна.

— Я докажу вамъ на-дѣлѣ откровенность мою! сказалъ онъ горячо. Знаете-ли, княгиня, на кого походитъ эта Душенька!

Княгиня улыбнулась съ самодовольнымъ видомъ, подняла глаза на мраморъ и, зарумянившись, сказала:

— Многія изъ подругъ моихъ находятъ, будто во мнѣ есть небольшое сходство съ этою статуей, но, признаюсь, я мало вѣрю комплиментамъ женщинъ.

— Повѣрьте же чувству мужчины, княгиня! Сердце необманчивый знатокъ. Признаюсь вамъ, я уже не впервые у ногъ этой Душеньки. Было время, что я приходилъ сюда любоваться ею, высказывать ей то, чего не смѣлъ говорить ея подобію, и не могъ таить въ себѣ. Теперь... о! теперь совсѣмъ иное дѣло: я пришелъ излить на нее свои укоры и уронить на безчувственный мраморъ слезу тоски невыразимой. Вы сами вызвали мою откровенность — услышьте ее вполнѣ. Да, княгиня! теперь не время притворствовать: я не хочу этого — если бъ могъ, не могу — если бъ и хотѣлъ.... не отрицайтесь, не говорите «нѣтъ» — вы видѣли, вы знали, что я люблю васъ; но вы не знали *какъ* я любилъ васъ; вы не поняли меня, не оцѣнили этого сердца, — сердца, переполненнаго къ вамъ любовью!... Видите ль эти царскія сокровища? Видѣли ли вы Оружейную-Палату? Въ нее каждый вѣкъ сносилъ свои драгоцѣнности, свои короны, свои оружія и воспоминанія — не смѣйтесь же сравненію: мое сердце — эта палата! Его я бросилъ, его разсыпалъ бы я къ ногамъ вашимъ; мои чувства, мои мысли, моя страсть — стоили бы жемчуга и золота!... Черпая изъ этой сокровищницы, я могъ бы стать всѣмъ, чѣмъ бы только захотѣли вы меня видѣть — вы властительница, царица души моей! всѣмъ, чѣмъ вы бы велѣли мнѣ быть! Сказали

бы мнѣ: *будь поэтомъ!* — и черезъ годъ я склонилъ бы свою увѣнчанную голову передъ тою, которой обязанъ вдохновеніемъ. Развѣ не поэзія высокая любовь моя! Развѣ нѣтъ пылу въ моей душѣ? Я бы разбилъ ее въ искры, и звуки, и мысли— и свѣтъ отвѣтилъ бы мнѣ вздохами и слезами и рукоплесканіями! Пожелали ль бы вы увидѣть меня героемъ — и что бы устояло противъ меня? И скоро я бы сжегъ ваше сердце лучами моей славы. Этого мало: я, жадный дѣятельности, я, честолюбецъ въ душѣ, я, въ которомъ внутренній голосъ говоритъ: ты можешь быть многимъ, я бросилъ бы саблю и перо, отказался бы отъ милыхъ бурь океана, ото всѣхъ радостей и обольщеніи земли, даже отъ страсти къ познаніямъ, и весь вѣкъ мой бросилъ бы слиткомъ золота въ потокъ забвенья, для того только, чтобы любоваться вами какъ міромъ, слушать какъ райскую птичку; чтобы только быть близъ васъ часто, дышать вашимъ дыханіемъ — угождать вамъ, боготворить васъ... но вы, — вы не захотѣли этого...

Говоря это, Правинъ схватилъ руку княгини, между-тѣмъ какъ его пылающія рѣчи и взгляды пронзали сердце ея.

— Полноте, перестаньте, замолчите, капитанъ! вскричала она: я не хочу, я не должна васъ слушать. Вспомните — кто я, вспомните — что я: на рукѣ моей сжимаете вы кольцо — оно видимое звено невидимой, но неразрывной цѣпи, меня окружающей. Судьба моя — навѣкъ принадлежать другому!

Правинъ горестно опустилъ ея руку.

— О, еслибъ одна судьба стояла между нами, я бы менѣе роптал: я бы завидовалъ, глубоко завидовалъ человѣку, которому досталась рука ваша; но онъ самъ позавидовалъ бы мнѣ, если бъ вы отдали мнѣ свою душу. Было время, что я вѣровалъ въ это сочетаніе, въ это супружество душъ... напрасно! Поманивъ меня взаимностію, вы съ насмѣшкою отвернулись отъ меня, отвергли мою без-

граничную любовь, оттолкнули мое сердце — и не долгъ супружества былъ тому виною, нѣтъ: иное чувство, иная любовь! Да, княгиня — я сей часъ думалъ: эта Душенька вылитая княгиня Вѣра; жаль только, что Амуръ не похожъ на Леновича. Будь еще это, и всякой бы сказалъ, что Канова снималъ эту чету съ васъ обоихъ, когда вы сбирались вальсировать!

— Удержитесь, Правинъ, съ жаромъ прервала его княгиня. Пустая ревность ослѣпляетъ васъ: Леновичъ близкій родственникъ моего мужа, и давно женихъ моей двоюродной сестры, Софьи З., единственнаго друга моего дѣвичества. Теперь, когда я говорю съ вами, онъ уже въ Москвѣ, онъ уже у ногъ ея. Объ ней-то, объ ея-то судьбѣ говорили мы съ нимъ, когда вы явились незапно, неприглашенные на балъ къ Графу Т. Несчастный балъ! несчастная Вѣра?... внушить столько страсти, и нисколько довѣрія... Нѣтъ, капитанъ! кто любитъ, тотъ вѣритъ, до легковѣрности вѣритъ: это я знаю по себѣ; нѣтъ, сударь, вы не стоите, чтобы я оправдывалась. Боже мой, Боже мой! думала ли я когда-нибудь, что изъ пустаго подозрѣнія, изъ ничтожной наружности, я потеряю доброе мнѣніе человѣка, котораго всегда отличала, котораго такъ много уважаю, такъ горячо люблю!...

Вѣра была увлечена досадою: досада есть лучшее средство заставить женщину высказать сердце. Но что для опытнаго любовника было бы дѣломъ разсчета — тутъ было дѣломъ случая. Послѣднія слова княгини вырвались изъ сердца не какъ признаніе, но какъ восклицанье. Она забылась — но могъ ли счастливецъ забыть сказанное? могъ ли не вѣрить, что признанное было истинное чувство? Нѣтъ, никогда лицемѣріе не говорило такимъ голосомъ, не сверкало такимъ взоромъ! всѣ сомнѣнія исчезли — душа растаяла въ Правинѣ — онъ впалъ въ какое-то изступленіе восторга: осыпалъ поцѣлуями руку Вѣры, прижималъ ее къ своему сердцу.

— Оно ваше, навѣки ваше, божественная жен-

щина! восклицалъ онъ. Кто дастъ мнѣ силъ вынести мое благополучіе!... теперь я готовъ сжать руку злѣйшему врагу какъ другу, обнять цѣлый міръ какъ брата!

Княгиня ничему не внимала, ничего не видѣла; казалось, съ роковою тайною вылетѣла изъ нея жизнь. Склонясь челомъ на пьедесталъ Душеньки, она была блѣдна, какъ та... Крупныя слезы дрожали на опущенныхъ рѣсницахъ — она вся трепетала, какъ листъ; Правинъ испугался...

— Что съ вами, княгиня? вскричалъ онъ.

— Удалитесь! едва могла она произнести—теперь вы все знаете, будьте же великодушны — уйдите! Въ иной разъ, въ другой день мы увидимся... теперь я умру со стыда, если взгляну на васъ. Когда вы дорожите хоть сколько-нибудь моимъ спокойствіемъ — оставьте меня!

Полный блаженства и страха, Правинъ удалился.

Ввечеру князь Петръ, съ озабоченнымъ видомъ, но съ салфеткою въ рукѣ, вышелъ изъ столовой на встрѣчу къ доктору, который на цыпочкахъ выходилъ изъ спальни княгини Вѣры.

— Ну-что, любезный докторъ, спросилъ онъ, вытирая губы: какова моя Вѣрочка?

Докторъ съ значительною улыбкой, которую носилъ онъ неизмѣнно на всѣ обѣды и похороны, отвѣчалъ, что слава Богу, что это не опасно, что это пройдетъ! Докторъ этотъ, изволите видѣть, мастеръ былъ золотить пилюли, и отъ того кармашки его всегда подбиты были золотомъ. Не рѣшали впрочемъ, потому ли онъ знаменитъ — что искусенъ, или потому — что дорогъ.

— Прописали ли вы ей что-нибудь, докторъ?

— О, за мной дѣло не станетъ, ваше сіятельство! Я настрочилъ рецептъ длиннѣе майскаго дня, и если княгиня будетъ въ точности принимать, что я

предписалъ ей, то лихорадка убѣжитъ отъ перваго взвода баночекъ.

— Каковъ у нея пульсъ, докторъ?

— Немножко не ровенъ, в. с. — отвѣчалъ тотъ, натягивая съ трудомъ нижнюю петлю фрака на пуговицу... да это минуетъ, когда уймется попеременный знобъ и жаръ: надобно потеплѣе укрыть княгиню.

— Что за причина ея болѣзни, докторъ? Сегодня поутру на выходѣ она была весела, словно ласточка, и вдругъ...

— Самая естественная причина, в. с.! Изволите видѣть: наша зеленая зима, которую мы условились называть лѣтомъ, очень непостоянна, а дамы одѣваются черезъ-чуръ легко... мудрено-ль, что сквозной вѣтеръ уноситъ ихъ даже съ бѣлаго свѣта... все у нихъ зефиры, да дымки, да кисеи, да газы...

— Не льзя же въ палатинѣ ѣздить на выходъ! замѣтилъ князь Петръ съ важностію.

— Нельзя же въ газовомъ платьѣ и не простудиться, ваше сіятельство.

— Такъ вы думаете, что это отъ простуды, докторъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, ваше сіятельство.

— Но она такъ-тяжко вздыхаетъ, докторъ, будто у нея заложило грудь; она стала такъ капризна, что ни сообразить, ни вообразить нѣтъ способа... не хочетъ даже, чтобы я былъ при ней.

— Это все отъ простуды, ваше сіятельство.

Добрякъ-докторъ готовъ былъ клясться иготью Эскулапа, что это отъ простуды....

IV.

Strudziłem usta daremnen u'zyciem
Teraz je s twemi chce stopic ustami,
I chce rozmawiac tylko serca biciem
I westchnieniami i calowaniami.
I tak rozmawiae godziny, dni, lata,
Do kònca swiata i po koncu swiata.

Mickiewicz.

Быстро и сладостно утекаютъ дни счастія. Минувшія радости и будущія надежды сливаются воедино устами, и мигъ настоящаго цоходитъ на привѣтное лобзанье друзей на порогѣ. Вчерась, сегодня, завтра не существуетъ для любовниковъ—нѣтъ для нихъ самаго времени: оно превращено въ какую-то волшебную грезу, въ которой воздушная нить мечтаній вьется съ нитью бытія нераздѣльно, въ которой сердце каждое біеніе свое считаетъ наслажденіями — о нѣтъ! наслажденіе и не умѣетъ считать: счетъ изобрѣтенъ нуждою или тоской.

Правинъ любилъ впервые, Правинъ любимъ сталъ впервые; а какая дѣвственная любовь, какъ истинная страсть не робка до простоты, не почтительна до обожанія? Но скоро переживаетъ любовникъ всѣ возрасты страсти. Вѣчный младенецъ въ своемъ лепетѣ, въ своихъ прихотяхъ, взысканіяхъ, ссорахъ, не по годамъ, а по часамъ растетъ онъ своими желаніями, мужаетъ волей, беретъ силу взаим-

ностію. Бѣднякъ искатель, онъ спитъ и видитъ, какъ-бы удостоиться привѣтливаго словца, нѣжнаго взгляда, самой ничтожной ласки. «Я былъ-бы счастливъ тогда!» говоритъ онъ, и озирается, не подслушалъ ли кто его, и трепещетъ дерзости своего воображенія. Но онъ скоро знакомится, дружится, роднится съ нею — скоро она овладѣваетъ имъ — и онъ гордъ, похитивъ первый поцѣлуй, какъ Прометей похитивъ огонь съ неба. Раскипаясь счастіемъ, словно бокалъ шампанскаго (я увѣренъ, что счастье какой-нибудь газъ и что химики на-дняхъ разложатъ его), онъ уходитъ черезъ край, радость улетучивается изъ сердца, а природа не любитъ пустоты, вопреки Паскалю и водяному насосу, и вотъ новыя желанія проницаютъ въ ретивое — закупорьте вы его хоть герметически. Они будто волосатики впиваются въ персты, разогрѣваютъ кровь лучами взора, упояютъ легкія воздухомъ, вѣющимъ съ милой, топятъ васъ въ звукахъ ея голоса, въ благоуханіи ея кудрей! Ночью они распускаются кактусомъ, днемъ взбѣгаютъ будто кресъсалатъ. Проклевываются птичками... тормошатъ, щиплютъ, терзаютъ бѣдное сердце — хоть вонъ изъ груди! — Опять новыя завоеванія, опять новыя причуды. Повадка балуетъ шалуна; вчерашняя уступка—для него завтрашнее право! По-мнѣ, сердце — настоящій вестминстерскій кабинетъ: оно умѣетъ и выканючить и выторговать, и обыграть и выбить. «Если ты любишь меня!» — говоритъ любовникъ, нѣжно ласкаясь — «только это, это одно— и я богъ!» Но этотъ богъ — языческій; амброзія для него постъ; онъ готовъ превратиться изъ орла въ лебедя, изъ лебедя въ бычка. Съ каждымъ днемъ онъ становится смѣлѣе, съ каждымъ днемъ онъ обламываетъ по иглѣ, обороняющей розу: поглядишь, вянетъ сама роза подъ жаркимъ дыханіемъ страсти! Знаете ли, какъ называю я знаменателя всѣхъ страстей, и всѣхъ болѣе любви? Я называю его — любопытство! — Узнали мы, испытали мы, повладѣли мы — и уже знаніе, опытъ, власть намъ

скучны. Мы ужъ хотимъ постичь иное, извѣдать лучшаго, завладѣть большимъ. *Еще, еще, дальше и болѣе* — вотъ границы духа человѣческаго, а границы эти за звѣздами млечнаго пути, за тѣнью могилы.

Но не каждому дано пересѣкать пути многихъ страстей, подобно кометѣ, пронзающей многія солнечныя системы. Не каждому удается побыть любовникомъ, поэтомъ, честолюбцемъ, корыстолюбцемъ, и лечь въ гробъ съ тою же побрякушкою, которая тѣшила первое его ребячество. Многіе глубоко врѣзываются въ колею, катятся вдоль которой-нибудь одной дороги, и не рѣдко съ рожденія души до смерти тѣла. Такъ Наполеону выпало распутіе власти, на которомъ первая верста была батарея подъ Тулономъ, а послѣдняя островъ с. Елены. Исполинъ — выкидышъ революціоннаго волкана, онъ отдалъ свои останки волканической скалѣ, горѣ застывшей лавы. Какой величественный, многосмысленный памятникъ, какой чудный риѳмъ судьбы съ вещественностію!... Багряныя облака, точно огневыя думы, толпятся вкругъ чела твоего, неприступный утесъ св. Елены... Экваторъ опирается на твои рамена; сизыя волны океана, какъ столѣтія, съ ропотомъ расшибаются о твои стопы, и сердце твое — гробъ Наполеона, заклейменный таинственнымъ іероглифомъ рока!!...

Простите отступленіе: я увлекся Наполеономъ, и мудрено ль? При жизни — онъ тащилъ за своей колесницей по грязи народы. По смерти — его геній уноситъ наши помыслы въ область громовъ, свою отчизну. Впрочемъ, примѣръ Наполеона вездѣ кстати; его имя приходится на всякую руку: оно какъ всезначащее число 666 въ Апокалипсисѣ. Какъ ненасытенъ былъ онъ—олицетворенное властолюбіе—къ завоеваніямъ: почти такъ же ненасытны всѣ любовники ласками. Послѣ перваго письма — ихъ перехода черезъ Альпы — они уже вздыхаютъ о лаврахъ Іены и Маренго... они забываютъ, что у самаго Наполеона была Москва, гдѣ онъ чуть не

сгорѣлъ, путь за Березину, гдѣ онъ чуть не замерзъ, и Литовскія грязи, въ которыхъ едва-едва не утонулъ. Горячая кровь не слишкомъ покорна доктору философіи, г-ну разсудку, и рѣчь сердца начинается, обыкновенно, съ чистѣйшаго платонизма, а заключенье у ней: «индѣекъ малую толику!» Къ слову стало о платонизмѣ: онъ очень похожъ на ледяную гору, съ которой стоитъ разъ пуститься — ужъ не удержишься или, пожалуй—хоть на коверъ, постланный въ ноги дѣтей, чтобы имъ не больно было падать. Да, милостивые государи и милостивѣйшія государыни — зовите меня какъ вамъ угодно — а я зло. усмѣхаюсь, когда слышу молодую особу или молодаго человѣка, разсуждающихъ о безкорыстной дружбѣ платонизма, прелестнаго и невиннаго какъ цвѣтокъ, соединяющій въ чашечкѣ своей оба пола. Усмѣхаюсь точно такъ же, какъ слыша игрока, толкующаго о своей чести, судью о безмездіи, дипломата о правахъ человѣка. Опять грѣхъ сказать, будто платонизмъ всегда умышленный подъименникъ * эротизма; напротивъ, его скорѣй можно назвать граничной ямой, въ которую падаютъ неожиданно, чѣмъ западней, поставленной съ намѣреніемъ; и вотъ почему желалъ бы я шепнуть иной дамѣ: не вѣрьте платонизму, или иному благонамѣренному юношѣ: не довѣряйте своему разуму! Платонизмъ — Каліостро, заговоритъ васъ; онъ вытащитъ у васъ сердце, прежде чѣмъ вы успѣете мигнуть; подложитъ вамъ подъ голову подушку изъ пуху софизмовъ, убаюкаетъ гармоніей сферъ, и вы уснете будто съ маковки; за то проснетесь отъ жажды угара, съ измятымъ чепчикомъ и, можетъ быть, съ лишнимъ раскаяніемъ. Притомъ — но неужто вы не замѣтили, что я шучу, что я хотѣлъ только попугать васъ?... Помилуйте, г. г.! мнѣ ли, всегдашному поклоннику этого милаго каплуна въ нравственномъ мірѣ, поднять на него руку! Мнѣ ли писать

---

* Подъ чужимъ именемъ торгующій. Слово употребительное между купцами.

противъ него, когда я, вслухъ и въ полголоса, всегда говорилъ въ его пользу, писалъ ему похвалы стихами и прозою! Любопытные могутъ прочесть мою статью: Нѣчто о любви душъ. Она напечатана въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія, не помню только въ которомъ году, рядомъ съ рѣчью: О вліяніи свирѣли и барабана на юриспруденцію.

— Но къ дѣлу, къ дѣлу, говорятъ мнѣ; а развѣ слово не дѣло? Юридически говоря, между ними великая разница; законъ дѣйствуетъ положительно, но мы сравниваемъ относительно. Конечно человѣкъ рѣдко говоритъ, что думаетъ, еще рѣже исполняетъ, что говоритъ; потому-то не льзя обвинять, ни хвалить его, если онъ обѣщаетъ или грозитъ — но это относится къ будущему; напротивъ, прошлое переходитъ въ полное владѣніе слова, оно существуетъ только словомъ — слово можетъ обличить или оправдать его. Я для того веду свою долгую присказку, чтобы доказать любезнымъ читателямъ, что слова мои — факты, что намеки мои на госпожу никто, Mistriss Nodody англійскихъ фарсовъ, летѣли не въ бровь, а прямо въ глазъ; однимъ подчеркомъ, что нравъ всѣхъ любовниковъ вообще — такой же какъ у Правина въ особенности: такъ *бывало* съ другими, такъ *было* и съ нимъ.

Да-съ, Правина любили нѣжно, даже страстно; но самъ онъ любилъ беззавѣтно, бѣшено. Правинъ былъ звѣрекъ, котораго не всегда обуздаешь дамскою подвязкой. Въ одну и ту же минуту онъ ропталъ то на холодъ, то на горячность Вѣры.

— Не считаете ль вы меня ртутью, княгиня, которая тогда постоянна и ковка, когда заморожена? — говорилъ онъ съ укоромъ. То умоляющимъ голосомъ восклицалъ: — О, не гляди такъ на меня, очаровательница! развѣ хочешь ты, чтобъ я истаялъ, какъ воскъ подъ тропическимъ солнцемъ!

Цѣлуя браслетъ, онъ клялся, что не завидуетъ раю, и черезъ часъ онъ клялся, что онъ самый несчастный изъ смертныхъ — зачѣмъ? Ему полюбился поясъ, завѣтный еще для его губъ; послѣ

пояса слѣдовало ожерелье, а тамъ я не знаю, право, что. Близость разлуки извиняла его порывы и восторги, его гнѣвъ и самозабвеніе. Лестно, но страшно было быть такъ любимой. Жаркія битвы должна была выдержать Вѣра и съ бурнымъ нравомъ Правина, и съ собственнымъ сердцемъ. Каждый отказъ стоилъ ей слезъ непритворныхъ. Она плакала, и пламя погасало въ Правинѣ отъ немногихъ слезъ милой, какъ по народному повѣрью гаснетъ, молніею запаленный, пожаръ отъ парнаго молока. Она противилась, какъ порохъ, смоченный небесною росой, противится искрамъ огнива: сотни ударовъ напрасны, но каждый ударъ сушитъ зерна пороха, и близокъ мигъ, когда онъ вспыхнетъ.

Какъ московская барышня, Вѣра половину своей юности прожила среди полей, другую въ столицѣ. Но дѣвушки въ Москвѣ имѣютъ гораздо болѣе свободы, чѣмъ въ Петрополѣ, а гдѣ свобода, тамъ и природа. Вотъ почему дѣвушекъ находилъ я гораздо занимательнѣе въ Москвѣ, дамъ въ Петербургѣ. Въ первыхъ найдете вы нерѣдко милую простоту, въ послѣднихъ остроуміе; въ первыхъ прелесть, во вторыхъ ловкость, которую даетъ лишь Дворъ, и вкусъ, впрочемъ болѣе дитя привычки, нежели чувства; однимъ словомъ, въ Москвѣ есть гармонія — въ Петербургѣ тонъ. Въ Москвѣ учатся многимъ иностраннымъ языкамъ и много читаютъ. Въ Петербургѣ нѣтъ времени ни для науки, ни для чтенія, а владыка языкъ французскій. По-итальянски только поютъ, о Байронѣ говорятъ по наслышкѣ, и боятся языка Шиллера, чтобы не изломать своего. Притомъ же въ Петербургѣ столько гвардейцевъ и дипломатовъ, столько чиновниковъ всѣхъ цвѣтовъ, столько парадовъ, гуляній, спектаклей, визитовъ, выходовъ, что будь день о 48-ми часахъ, — и тогда не стало бы времени на разсѣяніе. Кромѣ того, въ Москвѣ еще пахнетъ Русью; въ ней хоть не много характеровъ, за-то куча оригиналовъ, въ ней есть свои повѣрья, свои причуды, свои обычаи — въ ней есть *старина*. За-то ужъ въ Петербургѣ

хоть мало современнаго, но все новое, все съ молотка — ни русскаго міра, ни русскаго словца! На площадяхъ толкутся маймисты, на перекресткахъ стоятъ синьіоры съ продажными зонтиками, по набережнымъ покачиваются Англичане съ руками въ карманахъ и съ годдемомъ въ зубахъ; у крылецъ шаркаютъ Французы, въ нижнихъ этажахъ шевелятся Нѣмцы. Русскій калачъ тамъ чужестранецъ; благословленная бородка пробирается по стѣнѣ, и рада-рада, если унесетъ въ цѣлости свои бока отъ будочника, или отъ дышла какого-нибудь посланника, который скачетъ разыгривать во весь духъ дипломатическую *ноту*. Нѣтъ дома, гдѣ бы садились за столъ крестясь одинаково, гдѣ бы хвалили одно и то же кушанье, просили однимъ и тѣмъ же языкомъ напиться. Про высшій кругъ и говорить нечего: тамъ отъ собачки до хозяина дома, отъ плиты тротуара до этрусской вазы — все не русское и въ нарѣчіи и въ пріемахъ. Бары наши преважно разсуждаютъ, каково Брюно игралъ Жокрисса, какъ была одѣта любовница Ротшильда на послѣднемъ роутѣ въ Лондонѣ; получаютъ телеграфическія депеши о привозѣ свѣжихъ устрицъ, а спросите-ка вы ихъ, чѣмъ живетъ Вологодская губернія? Они скажутъ: Je ne saurais vous le dire au juste, mr : у меня нѣтъ тамъ помѣстьевъ.

Впрочемъ нравственность одна въ обѣихъ столицахъ: посредственность и эгоизмъ! Никто не заботится о томъ, что подумаютъ о насъ добрые люди: у нихъ лишь то на умѣ, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна. Во всѣхъ личность, все частность, вездѣ разсчетъ. Ничего общаго, ничего высокаго. Княгиня Вѣра взросла на такомъ же миндальномъ молокѣ, но она была довольно счастлива, что нашла истинно добрыхъ и умныхъ подругъ, и довольно умна сама, что ихъ оцѣнила. Чтеніе поэтовъ познакомило ее съ прекраснымъ міромъ; она пристрастилась къ нему, восхищалась имъ; но эта страсть дала ей другую опасность — опасность мечтательности. Не всѣхъ птицъ можно

стрѣлять сидячихъ — иныхъ выгоднѣе на лету; Вѣра принадлежала къ числу послѣднихъ. Недоступная ничтожности вертопраховъ, несгараемая отъ мышьяго огня свѣтскихъ болтуновъ, закруженная вихремъ свѣта, въ который только что явилась — она была равнодушна, хотя ее не защищала любовь къ человѣку доброму, но пустому, но холодному, къ которому тетушки и судьба приковали ее, какъ узника къ колодѣ. Чтобы плѣнить ее, надо было сперва поразить вниманіе чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, раздражить любопытство занимательностію — а тамъ не далека и любовь, потому-что сердце ея жаждало любви, какъ сухая губка. Такъ и сталось. Встрѣча съ человѣкомъ безъискуственнымъ, пылкимъ, новымъ, который такъ-чудно выходилъ изъ рамъ всего, что дѣлается и говорится въ свѣтѣ — побѣдила ее потому именно, что съ этой стороны она не ждала нападенія, еще меньше паденія. Она, однакожъ, скоро почувствовала, что любитъ, и письма ея къ подругѣ стали съ той поры скромнѣе, хотя краснорѣчивѣе... она говорила обо всемъ, кромѣ своего сердца, обо всѣхъ, кромѣ Правина. Да и могла ли замужняя женщина дѣлать изъ дѣвушки, изъ невѣсты повѣренную тайнъ, которыхъ бы сама она не желала имѣть? Эта недѣлимость, это одиночество страсти еще болѣе одолѣвали Вѣру. Быстро увлеченная въ чужой слѣдъ, она однако-жъ уступала, борясь мужественно; она чувствовала, что для спокойствія, если не для счастія къ свѣтскому правилу: sauvez les apperences, необходимо было прибавить: sauvez la conscience! и надѣясь на эту рѣшимость, вмѣсто того, чтобы вытащить свой челнъ на берегъ, она смѣло простирала свой газовый парусъ противъ бурнаго дыханія страсти — и валъ, грозный валъ разсыпался въ прахъ о слабую грудь ея ладьи или, отбитый, съ ропотомъ катился обратно.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, но мѣсяцъ вѣкъ для признанной любви. Онъ вѣкъ броженія. Думы, желанія, требованія роятся, кочуютъ, смѣняютъ, истребля-

ютъ другъ-друга. Корабль, будто пловучій ледникъ, сохранилъ сердце Правина дѣвственнымъ, и въ немъ силы юности. Онѣ бушевали неудержимо, особенно когда свѣтская философія надѣвала на себя мундиръ Границына, и пѣнила и кипятила ихъ своими кислотами.

— Мнѣ кажется, ты воспитанъ въ брюхѣ кита, говорилъ Границынъ, разстегивая крючки воротника своего. — Вмѣсто того, чтобы вторить своей княгинѣ Вѣрѣ въ аріи *di tanti palpiti*, тебѣ бы надо увѣрить ее, что *una voce poco fa*. Терпѣніе прекрасная добродѣтель въ дромадерѣ, но сами дромадеры, mon cher, нужны въ степяхъ, а не на паркетѣ. Правда, многіе пояса затянуты гордіевымъ узломъ; за то рѣжь ихъ пополамъ, если не хочешь, чтобъ другой разорвалъ ихъ у тебя подъ носомъ. Право стыдно будетъ, если эта бѣлокаменная Московочка проведетъ тебя. Вотъ тебѣ моя рука — она надъ твоею простотою смѣется, а быть можетъ, и сама досадуетъ на твою застѣнчивость.

Эти насмѣшки, перемѣшанныя съ шампанскимъ, лились прямо въ сердце Правина: онѣ то льстили, то подстрекали его страсть. Нѣтъ, думалъ онъ: полно мнѣ жеманиться. Сегодня или никогда! И на завтра было то-же, на послѣ-завтра то-же. Пламенныя письма, неистовыя сцены, упреки, угрозы, гнѣвъ, разлука, все было напрасно: Вѣра стояла непреклонна. Правинъ рѣшился.

Любовь хитра на выдумки свиданій: Правинъ видался по нѣскольку разъ въ день съ княгинею, и все устроивалось, будто, самымъ естественнымъ и случайнымъ образомъ. Однажды онъ пріѣхалъ къ ней на дачу въ полдень.

— Что это значитъ, капитанъ, спросила Вѣра: вы въ полномъ мундирѣ?

Любовь есть страсть исключительная: ей нестерпима мысль о множествѣ или раздѣлѣ. Вотъ почему такъ скоро переходятъ любовники отъ мѣстоименія *вы* къ мѣстоименію *ты*. Со всѣмъ-тѣмъ первыя при-

вѣтствія встрѣчи принадлежатъ свѣту; любовь беретъ свои привычки послѣ.

— Княгиня, сказалъ онъ, холодно поцѣловавъ у ней руку: я пріѣхалъ къ вамъ проститься — надолго — можетъ навсегда.

— Вы шутите, капитанъ — ты меня пугаешь, Elie — зачѣмъ это? Развѣ не тысячу разъ увѣрялъ ты меня, что воротишься на весну, и возвратишь весну душѣ моей!

— Я сей-часъ отъ начальника-штаба. Узнавъ, что фрегатъ мой готовъ, онъ былъ такъ добръ, что позволилъ выбрать мнѣ любое изъ двухъ порученій: или итти не надолго въ Средиземное море — тамъ что дѣлать? вѣдь миръ съ Турками почти подписанъ — или отправиться на четырехъ-лѣтнее крейсерство къ Американскимъ берегамъ, частью для открытій, частью для покровительства нашей ловли у Ситхи, у Алеутскихъ острововъ и близь крѣпости Россъ: я избираю послѣднее!

— Нѣтъ! ты этого не сдѣлаешь, ты не смѣешь этого сдѣлать! И какъ рѣшаешься ты, не посовѣтовавшись со мною? Развѣ я чужая твоему сердцу! вскричала вскочивъ, вспыльчивая княгиня. Я бы могла еще помириться съ мыслію, что неотразимый приказъ службы забросилъ тебя отъ меня далеко и надолго; но чтобы ты по своей доброй волѣ бросилъ меня на четыре года — нѣтъ, этому не бывать, никогда не бывать!

— Никогда, неговорите никогда, княгиня! Это слово имѣетъ вѣсъ только въ устахъ судьбы. Вы сказали, что я по доброй волѣ отправлюсь отсюда— и вы могли это сказать, вы, за чей взоръ отказался я отъ собственной воли, для кого жертвовалъ и обязанностями службы и обѣтами славы! Вы!... Для кого жъ инаго мила мнѣ жизнь? за кого жъ красна была бъ мнѣ смерть? за кого, если не за тебя отдалъ бы я душу свою, промѣнялъ на любовь твою рай, и за мигъ счастія — вѣчность!! Но вы, ваше сіятельство, не удостоили снизойти до взаимности; вы любили на мѣрку и раскланивались чувству, ког-

да приходили на границу, дѣлящую удовольствіе отъ опасности; вы въ то-же время думали, какъ бы не смять своихъ газовыхъ лентъ, когда сердце мое разрывалось, когда я умиралъ у ногъ вашихъ!

— Злой человѣкъ, неблагодарный человѣкъ! Я ли не цѣнила тебя, я ль не дѣлила твоей любви! но я не раздѣляю твоего безумія. Тебѣ отдала я чистоту души и покой совѣсти, но чести моей не отдамъ: она принадлежитъ другому.

— Какъ вы искусны въ теологіи и геральдикѣ, ваше сіятельство! Вы до золотника знаете, что вѣситъ поцѣлуй на вѣсахъ неба, и какую тѣнь бросаетъ онъ на гербъ. Признаюсь вамъ, я не постигалъ никогда градусовъ любви по Реомюру. Гордостью считалъ я любить безмѣрно, беззавѣтно предаваться весь: такъ люблю я, такъ желалъ быть любимъ, такъ — или ни-сколько. Чувствую, что я теряю разсудокъ, а вы, вы не хотѣли бросить вздорнаго предразсудка!... Помните ли, въ одномъ письмѣ я писалъ къ вамъ — не читайте далѣе, или исполните, что далѣе сказано... Зачѣмъ же вы преступили завѣтъ и отринули мольбу! Однако не думайте, княгиня, будто я ни во-что ставлю ваши ласки, вашъ умъ, ваши достоинства! О, никто въ мірѣ не могъ лучше, не могъ выше оцѣнить и ваши прелести, и вашу снисходительность ко мнѣ. Но любовь питается жертвами, доказывается пожертвованіями — *все* или *ничего* ея девизъ, а я измученъ вашими полужестокостями, уничтоженъ вашими полумилостями.

— Боже великій! и я могла любить такого безжалостнаго человѣка!

— Любить?... бросимъ-те этотъ разговоръ, княгиня. Я уступаю вамъ пальму нѣжности. Я беру на себя всѣ вины: я жестокосердъ, я все, что вамъ угодно. Будьте счастливы, княгиня! Люди съ вашимъ нравомъ созданы для свѣтскаго счастія. Они очень довольны, если на сердцѣ у нихъ пробьются цвѣтки, хоть эти цвѣтки жалкіе подснѣжники. Еще разъ будьте счастливы. Наслаждайтесь своею лю-

бовью «съ дозволенія правительства»; ожидайте съ поклономъ прилива нѣжности своего супруга, за которую обязаны вы будете бутылкѣ бургонскаго или перигорскому пастету!

— Слезы, а не слова — отвѣтъ на такую обидную насмѣшку!

— Слезы — роса, княгиня. Взойдетъ солнце, укажетъ часъ ѣхать на прогулку — и онѣ высохнутъ!

— Онѣ высохнутъ раньше — но это будетъ отъ отчаянія!

— Отчаяніе?... это новое выраженіе въ модномъ словарѣ! Нѣтъ ли какого перстня или браслета такого имени! Вѣдь есть же супиры и репантиры и сувениры у любаго золотыхъ дѣлъ мастера. Отчаяніе!!

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука;
Пройдетъ печаль, настанетъ скука...
Красавица полюбитъ вновь!

Съ гордостію подняла княгиня свои заплаканныя очи на Правина, и взоръ ея пронзилъ его укоромъ.

— Кто такъ худо зналъ прошлое, тому напрасно браться за пророчества, сказала она. Любуйтесь своимъ жестокосердіемъ, капитанъ; хвалитесь своимъ подвигомъ, смѣйтесь надъ бѣднымъ сердцемъ, которое вы разбили. Да, вы убиваете меня, какъ Авеля, — зачѣмъ я принесла одни чистые плоды на жертвенникъ любви!... Будьте же сестроубійцею за то, что я любила васъ, какъ брата!

— Какъ брата, говорите вы? но развѣ братскія мученья не требуютъ братскаго раздѣла? Впрочемъ, я не пришелъ считаться съ вами, княгиня, ни укорять васъ, ни умолять васъ: я ожидаю одного прощальнаго поклона... ни полслова, ни полвзора болѣе!

Изображаютъ вѣчность змѣей, грызущею свой

хвостъ — точно такъ-же изобразилъ бы я гнѣвъ... онъ тоже поглощаетъ самъ себя: крайности слиты и въ немъ. Правинъ, чрезвычайный во всемъ, увлекся несправедливымъ негодованіемъ; оно, подавленное будто льдомъ, хладнокровіемъ наружнымъ, тѣмъ сильнѣе крушило сердце — и вдругъ замѣтилъ онъ губительную силу словъ своихъ надъ Вѣрою. Она была блѣдна, какъ батистъ; слезы застыли на лицѣ— но она уже не плакала, не рыдала. Лѣвая рука ея сжата была на колѣнѣ, между-тѣмъ какъ правою упиралась она въ грудь свою, будто желая выдавить оттуда удушающій ее вздохъ: въ очахъ, въ устахъ ея замиралъ укоръ небу.

О! злобенъ тотъ, кто заставляетъ свою милую проливать горькія слезы, кто влагаетъ въ ея уста ропотъ на провидѣніе; но тотъ, кто съ усмѣшкою удовлетворенной мести или равнодушія можетъ ихъ видѣть или слышать — тотъ чудовище. Правинъ упалъ къ ногамъ Вѣры, плакалъ — плакалъ какъ дитя, и рѣчи раскаянія пролились, смѣшанныя съ горючими слезами.

— Вѣра, прости меня, говорилъ онъ, обнимая ея колѣна, цѣлуя ея стопы. Ангелъ невинности! я оскорбилъ тебя, я не понимаю что говорю, не знаю что дѣлаю! я безумецъ! Но не вини моего сердца ни за прежнія обиды, ни за теперешнія клеветы: у меня доброе сердце — и можетъ ли быть злобно сердце, полное любовью, любовью къ тебѣ!!... За то у меня буйная кровь... у меня кровь — жидкій пламень: она терзаетъ мое воображеніе, она палитъ молніями умъ!... я ль виноватъ въ томъ? я ли создалъ себя! За каждую каплю твоихъ слезъ, я бы готовъ отдать послѣднія песчинки моего бытія, послѣднюю перлу счастія. Да, нѣтъ мнѣ отнынѣ счастія! На одной вѣткѣ распустились сердца наши — вмѣстѣ должны бъ они цвѣсть, — но судьба разрываетъ, рознитъ насъ! Пускай же океанъ протечетъ между нами — пускай бушуетъ; онъ не зальетъ моей любви, лишь бы ты, ты, сокровище души моей, была невредима отъ это-

го пожара! Я ѣду — не говори: нѣтъ, ангелъ мой — не могу я, не долженъ я остаться. Это необходимо для твоего, для моего спасенія, для сохраненія моего разсудка и твоей чести — прощай!!... О! какъ тяжко разлучаться! легче разстаться душѣ съ тѣломъ, чѣмъ душѣ съ душою. И я буду жить не съ тобой, вдали отъ тебя, не имѣя вечеромъ надежды увидѣться по утру; осужденъ буду не любоваться твоими очами, не чувствовать на сердцѣ твоего дыханія, не слышать рѣчей твоихъ, не вкушать поцѣлуя! и быть одному — и въ этомъ ужасномъ одиночествѣ знать, что ты принадлежишь иному!! Скажи: какая мука превысить это, кромѣ муки при глазахъ своихъ видѣть тебя въ чужихъ объятіяхъ? Прости жъ, прости! Мнѣ суждено бѣжать тебя всегда, и всегда любить безнадежно. Душа моей души! ты была единственною радостью моей жизни; ты останешься единственною моею горестью, всегдашнею мечтою, послѣднею мыслію при смерти! О! я любилъ тебя, Вѣра, много люблю — взгляни на меня по прежнему, милая, и прощай — я ѣду.

Столь быстрый переходъ отъ укоровъ къ нѣжности, отъ гнѣва къ грустному отчаянію — изумилъ княгиню. Раздирающія душу жалобы любовника ея поколебали, его слезы побѣдили ее. Взоръ княгини блеснулъ необычайною ясностію; прелестное лице ея одушевилось зарею самоотверженія.

— Поѣзжай хоть на край свѣта, Илья, сказала она Правину голосомъ, который звучалъ сладостно, какъ вѣсть прощенія преступнику на плахѣ... Поѣзжай, молвила еще, цѣлуя его голову — но ты поѣдешь не одинъ: я сама отправлюсь съ тобою; съ этого часа у насъ одна доля, одна судьба. Тебѣ я жертвую всѣмъ, для тебя все перенесу! лишь бы ты, одѣваясь могильною тѣнью, сказалъ: Вѣра меня любила! Не спрашивай, какъ я сдѣлаю, чтобы намъ не разлучиться — любовь научитъ меня. Требую одного и непремѣнно: иди въ Средиземное-море, а не въ Америку!

Это произошло 17 августа 1829-го года, ровно въ часъ за полдень. Такъ по-крайней-мѣрѣ отмѣчено было краснымъ карандашемъ въ памятной книжкѣ Правина.

V.

> L'homme s'épuise par deux actes instinctivement accomplis qui tarissent les sources de son existence. Deux verbes expriment toutes les formes que prennent ces deux causes de la mort: vouloir et pouvoir.
>
> *Balzac.*

Ровно черезъ десять дней послѣ числа, записаннаго красными буквами, отличной красоты фрегатъ снялся съ якоря, и съ южнаго Кронштатскаго рейда пошелъ въ открытое море. На кормѣ его рисовалась група изъ трехъ особъ: одного флотскаго штабъ-офицера, подлѣ него человѣка небольшаго роста съ генеральскими эполетами, и прелестной дамы. Фрегатъ этотъ назывался Надежда; на кормѣ его стояли: капитанъ Правинъ, князь Петръ ** и его супруга.

Обѣщаніе княгини Вѣры сбылось — да какъ и не сбылось бы оно? Если женщина рѣшительно захочетъ чего-нибудь, для нея нѣтъ невозможности. Князь Петръ давно проговаривалъ, что ему хочется попутешествовать для поправленія здоровья — воля жены заставила его рѣшиться, даже убѣдиться, что для него необходимы макароны въ оригиналѣ, устрицы прямо изъ Адріатическаго моря. Разумѣется, къ этому прибавилъ онъ нѣсколько восклицаній о чистой радости дышать небомъ Авзоніи, прогуляться по Колизею, бросить нѣсколько русскихъ гривенниковъ лазаронамъ Неаполя, и на за-

куску покататься по Брентѣ въ гондолѣ, дремля подъ напѣвъ Торкватовыхъ октавъ! Князь Петръ безъ надписи не отличилъ бы Караважа отъ Поль-Поттера, и не разъ покупалъ чуть не суздальскія мазилки за работу Луки-Крапаха; но князь Петръ, какъ человѣкъ, который хотѣлъ слыть ровесникомъ вѣка или, какъ выражаются у насъ, à la hauteur du siécle — скрѣпя сердце заглядывалъ иногда въ энциклопедію, и довольно бѣгло, хоть очень не въ-попадъ, толковалъ о художествахъ и о пушкахъ Пексана, о паровой машинѣ и примадоннѣ Каменно-Островскаго театра, о сморчкахъ и политикѣ. Вздумано — прошено: князя Петра не думали удерживать. Напротивъ, ему дали еще нѣсколько порученій, и позволили ѣхать до Англіи на фрегатѣ Надеждѣ: это случилось такъ невзначай и такъ кстати!! Князь Петръ не зналъ, откуда у него взялась такая охота къ морю! Конечно, сборы князя Петра продолжались бы, вѣроятно, до заморозковъ: то нѣтъ дичиннаго бульіону или толченыхъ рябчиковъ или сушеныхъ сливокъ, то не нашли настоящихъ Picadilli, то не достали вѣчнаго Донкинсова супу въ жестянкахъ. За то княгинѣ не долго было уложить свое сердце, а имѣвши его въ груди, влюбленная женщина смѣло можетъ сказать: *omnia mecum porto*, все съ собою ношу!

— Я готова, мой другъ, — ласково сказала она своему раздумчивому супругу, — фрегатъ не будетъ ждать насъ: завтра мы перебираемся на него непремѣнно.

Такой лаконизмъ не очень понравился князю Петру, который начиналъ уже догадываться, что какъ ни вкусна морская рыба, за-то она все таки далѣе отъ губъ, нежели теленокъ на рынкѣ; но услышавъ, — какъ рѣшительно объявила княгиня его повару и камердинеру, что если они не будутъ во всей готовности къ пути сегодня, то завтра слѣда ихъ не останется въ ея домѣ, — проглотилъ свое *но*, и вотъ онъ волею, а пуще того неволею — морской путешественникъ.

Покуда вывертывали якорь, покуда фрегатъ катился подъ вѣтеръ съ парусами, трепещущими будто отъ нетерпѣнія, сомнѣнье — точно ли мы останемся на фрегатѣ? — волновало грудь Вѣры. Взоры ея перелетали съ береговъ, — словно кружащихся около, — на мужа, который съ сожалѣніемъ ловилъ ихъ глазами. За-то, когда фрегатъ взялъ ходъ и сталъ салютовать крѣпости, — это торжественное прощанье съ Россіею убѣдило Вѣру, что уже возвратъ на берегъ не возможенъ, что она долго и близко будетъ съ Правинымъ: очи ея засверкали; она взглянула на море, которое развивалось впереди все шире и шире; потомъ на своего милаго — и взоръ ея сказалъ: передъ нами море, море блаженства! Ни одна печальная мысль, ни малѣйшій страхъ не возникали между нею и Правинымъ: чувство счастія казалось ей безпредѣльнымъ.

Но высоко билось сердце Правина, и не однимъ наслажденіемъ: какой мужчина покинетъ родину, не оглянувшись на нее, не вздохнувши по ней, будучи даже подлѣ любимой особы? Сомнительная дума: увижу-ль я тебя, и какъ я тебя увижу? — щемитъ ретивое, и сквозь слезу тускнетъ синева дали.

Грустно смотрѣлъ Правинъ на покинутый берегъ отечества, и съ какимъ-то безпокойнымъ любопытствомъ прислушивался къ перекатамъ отвѣтныхъ выстрѣловъ съ Кроншлота. Съ промежутками, одно за другимъ гремѣли огромныя орудія, грозно, таинственно, повелительно! Вы бы сказали: то голосъ судьбы, которому вторило небо... Правинъ внималъ имъ, будто своему приговору, прочитанному на невѣдомъ для него языкѣ, но непостижимый смыслъ убѣгалъ отъ понятія человѣческаго. Наконецъ седьмой, послѣдній выстрѣлъ сверкнулъ и грянулъ, какъ седьмая роковая пуля во Фрейшицѣ, и постепенно громъ стихъ. Умолкли и далекіе гулы во всѣхъ четырехъ сторонахъ горизонта. Тогда черныя облака дыма, слетѣвшія съ чугунныхъ устъ, возникать стали передъ очами Правина. Казалось, роковые звуки превратились въ іероглифы, подобные надпи-

си, начертанной огненнымъ перстомъ на стѣнѣ пиршества для Вальтасара!... Потомъ іероглифы тѣ развились чудными, вѣщими образами, будто переходя изъ мысли въ существенность, будто олицетворяя, дополняя собою непонятное изрѣченіе. Дунулъ вѣтеръ, и спахнулъ эту величественную строфу, этотъ дивный очеркъ судьбы!... еще мигъ, и тамъ, гдѣ виталъ онъ — весело сіяло вѣчное солнце, однообразно катились вѣчныя волны.... тайная грусть влилась въ сердце Правина.... Не звукъ ли, не чудные ли іероглифы, не перелетный ли образъ дыма самито мы въ вѣчности міра, подумалъ Правинъ; но онъ взглянулъ на Вѣру, и родина съ своими воспоминаніями, море съ своими волнами, небо со своимъ солнцемъ, будущее со своими страхами — все, все исчезло отъ Правина: онъ видѣлъ одну ее, существовалъ только для нея; онъ былъ весь наслажденіе, весь любовь!....

На три вещи могу я смотрѣть по цѣлымъ часамъ, не замѣчая ихъ бѣга; три вещи для меня ненаглядны: это очи милой, это Божье небо и синее море. Велико ли яблоко глаза? но въ немъ между-тѣмъ раздольно тремъ мірамъ, т. е. чувству, мысли и свѣту видимому. Въ глазѣ, какъ въ яблокѣ познанія добра и зла, таятся сѣмена жизни и смерти. Сладостно созерцать въ любимыхъ очахъ игру свѣта и тѣней, т. е. чувства и мысли; замѣчать, какъ распускается и сжимается зрачекъ, на коемъ, какъ на гомеровскомъ щитѣ Ахиллесса, рисуется вся природа; слѣдить, угадывать, ловить искры страсти, проницать туманъ грусти, и по складамъ читать въ глубинѣ души понятія, склонности, ненависти; наблюдать, какъ на милую особу дѣйствуетъ міръ и какъ-бы она дѣйствовала на міръ. Это разговоръ сердецъ взорами, это гальваническая сплавка душъ. Но любопытенъ и глазъ каждаго человѣка: чудный, хотя и неизданный романъ таится въ немъ; каждый взоръ его есть уже глава то въ родѣ Жилблаза, то въ родѣ донъ-Кихота или Робъ-Роя. Какъ въ двухчасномъ снѣ переживаемъ мы иногда цѣлые годы,

такъ въ одной, клубкомъ свитой, мысли, — мысли умирающей въ полуродахъ, мысли, которой весь вѣкъ четверть мига, — заключается и желанье добыть, и готовность на всякое зло, чтобъ добыть, и раскаянье за то совѣсти, и страхъ закона, страхъ общаго мнѣнія, и наконецъ торжество добраго начала, которое стираетъ эту черную точку даже съ памяти. Или, напротивъ: мысль чистая, какъ слеза, сверкаетъ во взорѣ — помочь несчастному, выручить изъ бѣды друга, отдать все, погибнуть за правду — и въ слѣдъ за тѣмъ сомнѣнье: полно, правда ли это? полно, право ли это? потомъ отсрочка: еще завтра успѣемъ; потомъ дать, пожертвовать менѣе, менѣе и наконецъ совѣтъ себялюбія: есть люди богаче и сильнѣе тебя.... ты что за выскочка? За этимъ слѣдуетъ обыкновенно финалъ самой бездушной скупости:

Ты все пѣла? — Это дѣло,
Такъ поди же, попляши,

И потомъ какое быстрое сплетеніе намѣреній, выдумокъ, уловокъ, приключеній; сколько злыхъ замысловъ, никогда не свершающихся; сколько словъ, которыя никогда не будутъ произнесены; сколько дивныхъ мыслей, которыя сольются съ ничтожествомъ! — И все это, какъ сказалъ я, заключенное въ одномъ мигѣ, въ одномъ взорѣ, даже въ одномъ сотрясеніи зрачка. О! кто хочетъ изучить китайскую грамоту души человѣческой, кто желаетъ видѣть ее нагою, тотъ изучай очи! Но знай тотъ, что онъ берется за ремесло могильщика, что на каждый день онъ будетъ зарывать въ прахъ по лестной мечтѣ, по доброму мнѣнію о людяхъ, что онъ схоронитъ, какъ родныхъ своихъ, участіе къ нимъ и наконецъ собственное сердце.... разобьетъ свой заступъ о черепъ, и уйдетъ въ лѣсъ съ базара — кладбища, которое въ просторѣчіи называютъ — свѣтъ! Уйдетъ туда умереть одинъ, отдать трупъ свой звѣрямъ и птицамъ и вѣтрамъ, лишь бы не

потѣшить своею кончиною любезныхъ братьевъ человѣковъ!!

Но неужели таково все человѣчество, всѣ люди? Сохрани Богъ задумать, не только повѣрить! Поколѣніе наше бурная, мутная волна, но и въ этой волнѣ есть легкая пѣна, есть чистыя капли, есть перлы, вымытыя со дна морей. Сколько высокихъ душъ зналъ я, сколько знаю доселѣ! Онѣ мирятъ человѣка съ человѣчествомъ, какъ миритъ природа человѣчество съ его судьбою. Повѣрьте, если не всѣ добро дѣлаютъ, то всѣ добро признаютъ — а это не бездѣлица.

Люблю я глядѣться и въ безбрежное небо. Когда пристально и долго смотришь въ него, то замѣтны становятся струйки эфира, прелестно играющія по синевѣ... это истинная гармоника для очей. Раздольно тамъ, привольно тамъ шипряться орлу, рѣять вѣчно вешней ласточкѣ, жужжать незамѣтной мушкѣ, порхать однодневной бабочкѣ! Тамъ странствуютъ тучи, чреватыя перунами, тамъ гуляютъ облака, играющія отливомъ радуги. Тамъ живутъ звѣзды; оттуда живитъ насъ солнце.

Мирныя свѣтила! вы не знаете бурь и смутъ нашихъ!... Солнце не блѣднѣетъ отъ злодѣйствъ земныхъ, звѣзды не краснѣютъ кровью, рѣками текущею по землѣ. Нѣтъ! они совершаютъ пути свои беззаботно и неизмѣнно. Солнце встаетъ такъ же пышно на утро, хоть можетъ быть цѣлое поколѣніе, цѣлый народъ исчезъ съ лица земли послѣ его заката, и во мракѣ, по прежнему, распускаются — ночные цвѣты неба — звѣзды, по прежнему сверкаютъ намъ огнемъ любви и, мнится, текутъ въ океанъ благости! Да, созерцая сводъ неба, мнѣ кажется, грудь моя расширяется, растетъ, обнимаетъ пространство. Солнцы, будто отраженныя телескопомъ на зеркалѣ души, согрѣваютъ кровь мою; миріады кометъ и планетъ движутся во мнѣ; въ сердцѣ кипитъ жизнь безпредѣльности, въ умѣ совершается вѣчность! Не умѣю высказать этого необъятнаго чувства, но оно просыпается во мнѣ каждый

разъ, когда я топлюсь въ небѣ... оно залогъ безсмертія, оно искра Бога! О, я не доискиваюсь тогда, лучше ли называть Его Іегова или Dios или Алла? Не спрашиваю съ нѣмецкими философами: Онъ ли das immerwährende Nichts — или das immerwährende Alles? но я Его чувствую вездѣ, во всемъ, и тутъ— въ самомъ себѣ. О, тогда весь шаръ земной кажется мнѣ не больше и не дороже мѣднаго гроша. Но жизнь, подобно удаву, наводитъ на меня свои обаяющіе глаза и я, какъ жаворонокъ, падаю въ пасть ея съ неба!!

И ты, море, бурный другъ моей юности! какъ горячо любилъ я тебя въ старину, какъ постоянно люблю донынѣ! Отрокъ, я игралъ съ твоими всплесками; юноша, я восхищался твоими зеркальными тишинами и грозными бурями съ вышины мачты. Праздники были мнѣ тѣ дни, тѣ недѣли, которые могъ я проводить на палубѣ, вырвавшись изъ душной столицы, сбросивъ свинцовыя цѣпи педантизма. Помню, какъ бывало вахтенный лейтенантъ, шутя, отдавалъ мнѣ рупоръ для поворота — и съ какимъ неизъяснимо-сладкимъ удовольстіемъ командовалъ я: право на бортъ, и кливеръ-шкотъ отдай! Какъ важно посматривалъ на вымпелъ, чтобы во время крикнуть: гротъ-марса-булень отдай! Съ этимъ магическимъ словомъ всѣ реи, съ рокотомъ блоковъ, переметывались на другую сторону, и корабль, подобно коню, который дрожитъ отъ ярости, но покорястся волѣ всадника, довершалъ оборотъ по слову 13-лѣтняго мальчика. Я высоко подымалъ брови, я гордо смотрѣлъ на небо, у котораго уловилъ я вѣтеръ, на море, которое пробѣгалъ безстрашно, на фрегатъ, которымъ повелѣвалъ по прихоти, коимъ могъ повелѣвать даже по ошибкѣ!... я уже постигалъ это, я чувствовалъ силу свою!

Море, море! тебѣ хотѣлъ я ввѣрить жизнь мою, посвятить способности. Я бы привольно дышалъ твоими ураганами; валы твои побратались бы съ моимъ духомъ. Твои вѣтры носили бы меня изъ края въ край, тобою раздѣляемые и тобою же связанные.

Статься можетъ, моя молодость проспала бы, какъ чайка, на твоихъ бурунахъ; статься можетъ, отшельникъ свѣта въ пловучей кельѣ, не зналъ бы я душевныхъ грозъ въ заботѣ отъ грозъ океана... но судьба судила иначе...

Ты не моя, прекрасная стихія, но все еще я люблю тебя, какъ разлученнаго со мной брата, какъ потерянную для себя любовницу! Сколько-разъ, мучимый безсонницею въ теплой постели, завидовалъ я ночамъ, проведеннымъ на шлюпкѣ, подъ ливнемъ осеннимъ, подъ бурей и страхомъ, на драницу отъ смерти! Сколько-разъ, въ противоположность тому, сожалѣлъ я, въ грязи биваковъ, о зыбкой койкѣ на кубрикѣ, въ которой засыпалъ, внимая журчанію скользящей вдоль борта воды надъ самымъ ухомъ, и повременному оклику вахтеннаго лейтенанта на рулевыхъ: Держи вестъ-зюдъ-вестъ! — Есть такъ.—Полшлага еще!—Есть.—Держи такъ!— Есть такъ.

И теперь, съ холоднымъ сердцемъ не могу я глядѣть на зыбкую степь твою, по коей рыщутъ дружины волнъ, внимать твоему реву и ропоту; ты говоришь мнѣ роднымъ языкомъ, ты вѣешь мнѣ стариной. Люблю я мечтать, склонясь надъ тобою, и переживать то, чего давно нѣтъ; люблю вскачь пускать коня моего вдоль песчанаго берега, разбрызгивая твою пѣну, и любоваться — какъ волны смываютъ мгновенный слѣдъ мой!

Это мое былое и будущее.

Такъ любовался Правинъ черными очами Вѣры, такъ глядѣлась она въ голубые глаза Правина, глаза, которые чудной игрой природы осѣнены были черными рѣсницами, черными бровями и кудрями. Рука съ рукой любовались они пѣнною колеей, врѣзанною кормой, колеей, безпрестанно новой и безпрестанно исчезающей. Волны, какъ друзья, то улыбались имъ, то хмурились на нихъ, и мѣрно поражая фрегатъ, звучали какъ стихи Пушкина; при солнцѣ разсыпались радужными снопами, при лунѣ растопленнымъ серебромъ; въ темную ночь сверка-

ли фосфорною пѣною — корабль плылъ въ морѣ свѣта. И бездонное небо, то со своимъ ночнымъ пологомъ, вышитымъ звѣздами, то съ голубымъ шатромъ дня, у коего маковкой было солнце, то въ бурной ризѣ изъ тучь, такъ величаво и таинственно возставало надъ любящимися, что они безмолвно терялись въ созерцаніи и въ разгадываніи. Очи, небо и море! море, очи и небо! — Какого вѣка было-бъ достаточно, чтобъ насытиться вами, наглядѣться вами!! Но любовь даетъ душѣ тысячи граней: въ нихъ, въ одно мгновеніе отражается множество предметовъ, и всѣ различно, всѣ ярко, всѣ блистательно. Такъ малѣйшая красота природы, пустая шутка офицеровъ за чайнымъ столикомъ, смѣшная сказка матрозовъ, усѣвшихся съ трубками надъ лоханью воды у камбуза * подъ бакомъ, страница книги, прочитанной вмѣстѣ, давали нашимъ любовникамъ неистощимый родникъ споровъ и разговоровъ, порождали тысячи новыхъ мыслей.

Правду сказать, имъ для этого было довольно досуга. Правинъ уступилъ гостямъ всѣ свои каюты, за исключеніемъ самой маленькой въ сторонѣ. Безпечный супругъ скоро привыкъ къ корабельной жизни: да и о чемъ было ему горевать? Поваръ съ нимъ былъ отличный, живности вдоволь, слѣдовательно любимое его изящное художество, т. е. Plastik des fliessenden (зодчество жидкостей), по выраженію нѣмецкихъ мыслителей, шло какъ не льзя лучше. Потолковавъ съ художникомъ поварни, онъ цѣлое утро игралъ въ каютъ-компаніи съ мичманами въ шахматы; за обѣдомъ подливалъ Стеллинскому бордо; послѣ обѣда отдыхалъ, а тамъ опять таже исторія. Между-тѣмъ какъ князь Петръ живмя жилъ въ каютъ-компаніи, между-тѣмъ, какъ иной шалунъ, лукаво улыбаясь, замѣчалъ, что самая слабая его игра — шахъ ферязи, капитану Правину припала необыкновенная охота къ письменнымъ дѣ-

* У печи.

ламъ: онъ безпрестанно сидѣлъ за астрономическими выкладками, у коихъ итоги были едва ль не взоры княгини, и за журналомъ своихъ путешествій вокругъ обѣихъ гемисферъ.

Взгляните на карту: какое раздолье между Тигромъ и Ефратомъ приписано было земному раю, для первой четы нашихъ праотцевъ; мы не такіе баловни, мы попривыкли къ тѣснотѣ... Эдемъ нашъ умѣститься можетъ на одной полосѣ земли, въ четырехъ стѣнахъ кабинета, въ скромной каютѣ, гдѣ вамъ придется жить втроемъ съ любовью и съ тридцати-шести-фунтовою пушкой. Если не вѣрите, спросите у Правина и княгини Вѣры. Къ счастью-жъ Правина и княгини Вѣры, хотя къ большой досадѣ всѣхъ его товарищей, бури и противные вѣтры замедляли ихъ плаваніе, задерживали въ портахъ, куда необходимо было зайти для освѣженія припасовъ и налива водою. Такъ все относительно въ этомъ свѣтѣ. Вождѣленна молнія, когда указываетъ она потерянную дорогу. Ужасна заря, открывающая осужденному эшафотъ. Для путника первая блистаетъ, какъ свѣча пиршества; для преступника вторая, какъ лезвее топора. То, что раждало зѣвоту и побранки на устахъ моряковъ, внушало любовникамъ сладкія рѣчи и еще сладчайшіе поцѣлуи.

— Не бойся, милочка! говорилъ Правинъ Вѣрѣ, когда она страстно прижималась къ его груди, внимая ударамъ разъяренныхъ валовъ въ составъ фрегата.

— Мнѣ ли бояться ихъ, возражала она, когда я знаю, что каждая волна приноситъ мнѣ лишнюю минуту счастья. Пускай дрожитъ отъ нихъ дубъ: мое сердце трепещетъ не отъ робости.

Оба любовника не выходили изъ забытья любовной горячки, забытья, оживленнаго наслажденіями и пламенными мечтами. Правда, минутная ревность злобно терзала сердце Правина, когда князь Петръ приближался къ Вѣрѣ со своими насущными ласками, но тогда ея умоляющій взоръ, но послѣ ея

беззавѣтная преданность награждала его терпѣніе— и онъ успокоивался. Чистое сердце—точно волшебная прялка: она выпрядаетъ золото поэзіи изъ самой грубой пеньки вещественности; любовь Правина и Вѣры была истинна: то была страсть, какой давно не видитъ и не вѣритъ свѣтъ. Они блаженствовали.

Я сказалъ, что противные вѣтры замедляли путешествіе фрегата Надежды... безъ-сомнѣнія любовь въ томъ выигрывала; но едва-ль не теряла въ томъ служба, и очень много. Правинъ утопилъ въ своей привязанности всѣ другія заботы. Любоваться Вѣрой когда вмѣстѣ, думать о ней когда врознь, стало его любимымъ занятіемъ. То задумчивъ, то разсѣянъ, онъ мало обращалъ уже вниманія на порядокъ управленія парусами, на внутреннее устройство фрегата и команды. Только въ буряхъ, только въ опасностяхъ пробуждался онъ отъ дремоты, схватывалъ трубу и грознымъ словомъ своимъ укрощалъ злобу стихій. Но съ бурею утихалъ онъ самъ и снова падалъ въ досадное равнодушіе ко всему, кромѣ предмета своей страсти.

Нилъ Павловичъ сперва лишь качалъ головою, потомъ сталъ пожимать плечами, а наконецъ безъ шутокъ началъ журить Правина за его небреженіе къ службѣ.

— Я предсказывалъ тебѣ, говорилъ онъ не разъ, что кто начнетъ кривитъ противъ долга честнаго человѣка, противъ связей общества, тотъ конечно не минуетъ забвенія обязанностей службы. Полно ребячиться, Илья: твоя связь не доведетъ тебя до добра; ты можешь въ эту игру проиграть здоровье и доброе имя—кто знаетъ, можетъ быть, самую жизнь; а что всего хуже, ты погубишь съ собой и княгиню... это прелестное созданіе, которое стоитъ лучшаго свѣта и чистѣйшей судьбы. Грѣшно человѣку съ душою вербовать ее въ дружину падшихъ ангеловъ.

Правинъ сперва оправдывался, ссылался на примѣръ другихъ, на силу своей страсти. Потомъ онъ отыгрывался шутками — наконецъ сталъ молчать и сердиться. Совѣты друга ему наскучили, выговоры

его досаждали ему. Не желаніе блага, а тщеславіе своего превосходства находилъ онъ въ прямизнѣ Кокорина. Его строгость называлъ онъ безчувственностію, его неуклончивость гордостью. Такова бываетъ участь всѣхъ тѣхъ, которые не поблажаютъ нашимъ слабостямъ, которые даютъ лекарство, не обмазавъ медомъ края стакана. Мы терпѣть не можемъ людей, которые угадываютъ наши тайные помыслы и даютъ имъ клички по шерсти: для насъ обидно, когда собственная совѣсть заговоритъ чужими устами. Кстати ли послушаться кого нибудь! Да что я за ребенокъ? Да я развѣ не знаю, что дѣлаю? У каждаго свой умъ — царь въ головѣ! Я не люблю плясать по чужой дудкѣ... Самолюбіе засыплетъ подобными пословицами—уколи его хоть булавкой. Холодность и принужденіе разрознили старыхъ друзей. Правинъ забылъ, что съ Ниломъ Павловичемъ дѣлилъ онъ и дѣтскія забавы и опасности мужества; что его попеченіямъ обязанъ былъ, если не жизнію, то здоровьемъ, ибо жестоко раненый подъ Наварпномъ, за что произвели его послѣ въ капитанъ-лейтенанты, онъ цѣлый мѣсяцъ не могъ двинуться, а Нилъ Павловичъ, во все время его выздоровленія, не спалъ ночей, предупреждая всѣ его желанія и нужды, снося его причуды.

О! любовь чужеядное растеніе... Оно скоро разрастается по сердцу, и скоро выживаетъ вонъ всѣ другія чувства!

Между-тѣмъ, не смотря на бури, не смотря на вѣтры, не смотря на умышленныя замедленія ходу отъ капитана, давно остались назади дебристые острова и гранитныя скалы Финляндіи, рыцарскій Ревель, коего шпицы и башни вонзаются въ небо, словно копья великановъ, и другой стражъ, противоставшій ему съ берега Швеціи — Свеаборгъ, опоясанный тремя ярусами батарей. Побывавъ въ Копенгагенѣ, пролетѣвъ Зундъ, оставивъ Гельсиноръ за собою, фрегатъ миновалъ грозные утесы Дернеуса — крайняго мыса печальной Норвегіи — и вошелъ въ Нѣмецкое-море. Наконецъ Нордъ-форъ-

ландскій маякъ, какъ звѣзда Венеры, блеснулъ ночью надъ зыбями... Англія! радостно закричалъ матрозъ съ форсалинга *; но этотъ блескъ, этотъ звукъ зловѣще поразили чувство обоихъ любовниковъ... они сказали имъ близкую разлуку!

Князя Петра уговорили выйти на берегъ въ Плимутѣ. Фрегату способнѣе было тамъ освѣжиться, чтобы оттоль прямо спуститься въ океанъ. А князю, изъ Плимута до Лондона, предстояло любопытное путешествіе, избавлявшее его лишнихъ хлопотъ нарочно ѣздить посмотрѣть Англію и возвращаться обратно. И такъ фрегатъ несся по Ламаншскому каналу, ловя, такъ сказать, лишь пѣну видовъ Англіи и Франціи. Кале и Дувръ мелькнули какъ сонъ; скрылся и Спитгидъ, подобный вдали дикобразу отъ множества мачтъ, и Вайтъ — изумрудный перстень Англіи. Берега Пертшира бѣжали, и наконецъ завиднѣлся Эддистонскій маякъ, истинный геркулесовъ столбъ, вонзенный рукою человѣка въ подводную скалу. Величавый памятникъ воли — не той тиранской воли, которая воздвигла безполезныя пирамиды въ безплодныхъ пескахъ Египта, — но воли благотворной, хранительной, которая зажигаетъ для пловцовъ новыя звѣзды, чтобы онѣ, подобно оку Провидѣнія, неусыпно стерегли и блюли отъ гибели тысячи кораблей. Вправѣ открылся Плимутъ, славный своимъ портомъ, который защищенъ недавно великанскимъ волнорѣзомъ (break-water) отъ бурь океана. Англичане велики въ полезномъ.

Но чудесность этого волнорѣза, но богатство города, но прелесть окрестностей и новость предметовъ не утѣшали любовниковъ, которымъ каждый домъ, каждый шагъ на землѣ напоминалъ: вамъ должно разстаться! И наконецъ должно было сказать: *прощайте*, слово — задатокъ терзаній разлуки; слово, которое, какъ желѣзный гвоздь, вытягивается въ безконечную проволоку, въ струну, изъ

* Верхній перекрестокъ веревокъ на передней мачтѣ.

которой каждой повѣвъ вѣтра извлекать будетъ звуки печали. Должно-было проститься, и проститься не такъ, какъ любовникамъ, какъ супругамъ, на груди другъ-друга, растворяя горесть слезами, изсушая слезы лобзаніями — нѣтъ! должно было проститься поклономъ, при опасномъ свидѣтелѣ, задавить слезу улыбкой, задушить вздохи привѣтами, желать счастья, нося адъ въ груди своей. И этотъ адъ всегда удѣлъ тѣхъ, которые закладываютъ душу свою за чужое счастье, которые украдкою рвутъ плоды Эдема. Настоящій владѣтель снимаетъ съ нихъ счастье, какъ праздничный кафтанъ съ своего раба — и онъ не смѣетъ молвить слова. Онъ прячетъ въ сердцѣ и поминку о томъ, будто краденую вещь; онъ краснѣетъ благороднѣйшаго чувства, какъ низкаго поступка. Правинъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ комнатъ князя Петра. Онъ очнулся уже на фрегатѣ, при кликѣ боцмана—якорь всталъ! — которому отвѣчало громкое ура! шпилевыхъ *. Въ рукѣ его замерла карточка, всунутая въ его руку княгиней Вѣрой при разставаньи. Но прежде чѣмъ прочесть ее — онъ прильнулъ къ ней устами.

---

* Т. е. матрозовъ, вывертывающихъ воротомъ якорь.

VI.

«Sic volo, sic judeo — sta pro ratione voluntas!»

Juvenal.

Тихо катился фрегатъ-Надежда вдоль береговъ Девоншира. Колокольни Плимута и лѣсъ мачтъ его гавани врастали въ воды. Живописныя мѣстечки, цвѣтущія деревни являлись и убѣгали точно въ стеклѣ косморамы... даль задергивала предметы своею синевою. Свѣжестью осеннею дышала земля; мирно было все въ небѣ и на морѣ; но въ дали сѣрыя облака заволокали кругомъ горизонтъ, широкая зыбь грозно катилась въ проливъ, и западные склоны ея волнъ, встающіе все круче и круче, предсказывали крѣпкій вѣтеръ съ океана.

Вечерѣло. Нилъ Павловичъ, ворча что-то про себя, съ заботливымъ видомъ поглядывалъ на туманное небо и на тусклое море—онъ стоялъ на вахтѣ.

— Не прикажите ли, капитанъ, убрать наши чепчики, т. е. брамсели разумѣю я, а въ слѣдъ за ними и брамъ-стенги? спросилъ онъ Правина.

— Прикажите, отвѣчалъ тотъ равнодушно. Хоть я не вижу въ этомъ большой нужды — посмотрите-ка: паруса наши чуть не левентихъ *. — Конечно такъ, возразилъ Нилъ Павловичъ, немного уколотый такимъ замѣчаніемъ. Теперь пузо ** нашихъ пару-

---

* Т. е. полощутся, висятъ не надувшись.

** Техническое выраженіе — округлость паруса.

совъ какъ передникъ десятилѣтней дѣвочки; за то взгляните, какъ надуло свое, море! Этакая прожора! этакой Фальставъ земнаго шара! — оно готово скушать и насъ безъ перцу и лимоннаго соку! Прислушайтесь, какъ стало оно ворчать и разѣвать пасть свою!.. Нѣтъ, погоди ты, морская собака: мы еще не довольно грѣшны, чтобы познакомиться съ твоею утробою, не исповѣдавшись на Аѳонской-горѣ. Не придержать ли, капитанъ, круче къ вѣтру, чтобы до ночи удалиться отъ береговъ?

— Нѣтъ, Нилъ Павловичъ, мы спустимся въ океанъ не ранѣе, какъ обогнувши мысъ Лизардъ, чтобы, забравшись выше, далеко миновать бурливую Бискайскую бухту. До той поры держаться надо параллельно берегу.

— Чтобъ не прижало насъ волненіемъ къ бурунамъ;... каменный утесъ плохой сосѣдъ деревянному боку.

— Кажется, Нилъ Павловичъ не перешелъ еще мередіана жизни, за которымъ и самую робость величаютъ осторожностію.

— Одною осторожностію больше — однимъ раскаяніемъ менѣе, капитанъ!

— Рискъ дѣло благородное, Нилъ Павловичъ! не съ вами ли ходили мы на гниломъ рѣшетѣ между ледяныхъ горъ Южнаго океана, и боялись ли тогда итти все впередъ, да впередъ? Бывало, смѣнившись съ вахты, чуть заснешь, смотришь выбросило изъ койки, а сквозь пазы хоть звѣзды считай — что такое? — стукнулись о льдину... течь заливаетъ трюмъ, качка тронула изъ гнѣзда мачту! Да-тонемъ, что-ли? — Нѣтъ еще, отвѣчаютъ сверху. И мы засыпали опять богатырскимъ сномъ:

— Это правда, капитанъ: мы засыпали, но это было отъ того, что вы не были командиромъ судна, а я первымъ лейтенантомъ, какъ теперь. На насъ не лежалъ отвѣтъ даже за свои души, намъ съ полъ-горя было тогда тонуть, не раскрывъ даже одѣяла, боясь простуды. Теперь иное дѣло: отъ

насъ Богъ и Государь требуютъ сохраненія корабля и людей.

Капитанъ не слыхалъ окончанія этой рѣчи: онъ уже въ глубокой думѣ стоялъ на подвѣтренной сѣткѣ, устремивъ свои очи на волны.

Какое странное дѣйствіе производятъ онѣ на воображеніе тронутаго человѣка! Игра ихъ отражается въ немъ будто въ зеркалѣ. Самыя мечты его колышатся, возникаютъ, опадаютъ въ немъ вещественно и, не образуясь ни во что опредѣленное, сливаются съ моремъ, не оставивъ по себѣ слѣда. Такъ было и съ Правинымъ. Любовь его была глубока какъ море — сердце его было на время оглушено разлукою, и оно очнулось лишь тутъ; оно пробудилось какъ младенецъ, подкинутый безжалостною матерью къ чужимъ воротамъ, зимою — и первый звукъ, изъ него вырвавшійся, былъ болѣзненный крикъ отчаянія. Неразсвѣтающій мракъ, убійственный холодъ, вотъ что отнынѣ будетъ его тюрьмою и пыткою. Люди не сохранятъ для него въ гостинецъ ни одной радости. Уединеніе не дастъ ни одной свѣтлой мысли. Опустошаетъ, какъ Тимуръ-Ленгъ, душу разлука, душу человѣка, одареннаго мыслію и чувствомъ! Онъ отчуждилъ её, онъ перелилъ ее въ бытіе милой, онъ сплавилъ свои мысли съ ея мыслями, свои чувства съ ея чувствами. Какъ чудные близнецы, сердца ихъ срослись въ одно цѣлое — и вдругъ это цѣлое разорвано, разбито, разброшено судьбой. Такой человѣкъ теряетъ вдругъ все, потому-что онъ все отдалъ; онъ не вѣритъ надеждѣ, потому-что забралъ слишкомъ много у прошлаго, потому-что онъ въ часахъ истратилъ годы счастія. Лишь одно воспоминаніе вползаетъ въ развалины, какъ змѣя. О воспоминаніе! ты льешься тогда горючими слезами изъ очей, каплешь кровью изъ сердца. Разлука встаетъ между любящимися будто ледяная стѣна — и на ней, словно въ волшебномъ фонарѣ, изображается въ тысячѣ видахъ все былое. Вторится каждая прелесть, каждое слово нѣги и нѣжности! Чародѣй—она воскре-

шаетъ ласки, уносившія насъ до восторга, утоплявшія насъ въ небесномъ самозабвеніи, зажигаетъ вновь взоры и поцѣлуи, и когда на устахъ разгорается жажда лобзаній, когда кровь пышитъ, когда сердце рвется слиться съ другимъ въ пламени взаимности — рука и уста и сердце встрѣчаютъ ледъ, и мечта тонетъ въ мерзлой рѣкѣ, подобно голубку, опаленному пожаромъ. Тогда, о! тогда невольно раждается вѣра въ злое начало, въ самовластіе Аримана, въ силу ангела тмы! Кажется, чувствуешь тогда его мертвящее дыханіе, видишь во тмѣ его злобныя очи, внемлешь его адскій смѣхъ за собой.

Мрачнѣй, все мрачнѣй становилось море, и съ нимъ за-одно чернѣли думы Правина. Грудь его вздымалась тяжело, будто свинцовые валы обливали ее своею тяжестію, будто лежала на ней колоссальная рука судьбы. Онъ смотрѣлъ на полетъ чаекъ; онѣ, одна-по-одной, отставали отъ фрегата, и съ жалобнымъ крикомъ исчезали въ туманномъ небѣ.

— Съ вами, — думалъ онъ — улетаютъ мои послѣднія радости, и когда Англія, эта раковина, хранящая жемчужину моей души, исчезнетъ изъ глазъ моихъ — не все-ли равно, что я схороню ее въ океанѣ... Когда случай сведетъ насъ? гдѣ могу я встрѣтить ее? А между-тѣмъ я, бѣдный скиталецъ, останусь надъ бездной одинъ, одинокъ!

Какъ обыкновенно звучатъ эти слова! Раскройте словарь, и вы съ трудомъ ихъ отыщете на страницѣ. Какъ грамматическое орудіе, они ничѣмъ не отличны отъ своихъ собратій; но какъ выраженіе мысли, какъ символъ чувства, какъ слѣдъ дѣла — я никогда не могу прочесть или услышать ихъ, чтобъ сердце мое не сжалось. Одинъ Богъ можетъ быть одинокъ безъ скуки, ибо въ лонѣ Его движется все. Только Богъ можетъ быть одинъ безъ сожалѣнія, потому-что нѣтъ Ему равнаго.

Предвѣщанія, предчувствія тѣснились въ сердцѣ Правина: сильныя страсти насъ дѣлаютъ суевѣрными; но къ нимъ прививалась и ревность, которой не могъ отрицать ни-чей разумъ.

— Она будетъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, думалъ онъ, и кто порука, что въ вихрѣ разсѣянности она не забудетъ меня! Притомъ, устоитъ ли она противу обольщенія, вооруженнаго всѣми прелестями дарованій, ума, славы, красоты, моды! — устоитъ ли противъ собственнаго тщеславія? И я, неопытный, ни разу не дерзнулъ ей напомнить о вѣрности, связать ее клятвою! О, какъ бы я желалъ еще хотьчасъ побыть съ нею, услышать ея обѣтъ вѣрной, вѣчной любви — умолить: хоть изъ жалости, не измѣнять мнѣ, и если суждено намъ судьбой не видаться болѣе, — проститься съ ней не равнодушнымъ знакомцемъ, какъ это было въ Плимутѣ, но страстнымъ любовникомъ наединѣ, слить наши слезы и пламеннымъ поцѣлуемъ запечатлѣть пламенную любовь!

Онъ вынулъ изъ кармана послѣднія слова княгини, написанныя карандашемъ на оборотѣ карточки адреса лучшаго трактира въ мѣстечкѣ.... (мы назовемъ его Ляйтъ-Боругъ,) куда сбиралась ѣхать сегодня же княгиня, отдохнуть вдалекѣ отъ шуму и пыли, покуда сошьютъ ей въ Плимутѣ англійскій костюмъ. Ей такъ разхвалили здоровое мѣстоположеніе и живописныя окрестности этого Ляйтъ-Боруга... ей такъ необходимо поправить свою слабую грудь послѣ морскаго путешествія. Князь пріѣдетъ за нею дня черезъ три, и вмѣстѣ отправятся въ Лондонъ; и теперь княгиня должна быть уже тамъ, и его фрегатъ противъ самаго Ляйтъ-Боруга, и до берега не болѣе двухъ миль! Все это пришло вдругъ на память Правина. Онъ нѣсколько разъ поворачивалъ карточку — и каждое слово ея казалось теперь ему чертами свѣта: онѣ загорались, подобно электрическому фейерверку, отъ прикосновенія проводника. Недоконченная рѣчь: ангелъ мой, я твоя.... принимала тысячу разныхъ смысловъ, и всѣ они сходились къ одному: свиданье или смерть! Для чего-жъ инаго она хотѣла ѣхать въ Ляйтъ-Боругъ? Для чего инаго написала свое таинственное посланье на карточкѣ адреса?...

— Свиданье или смерть! молвилъ себѣ Правинъ.

— Нилъ Павловичъ! сказалъ онъ, быстро обернувшись къ лейтенанту: прикажите спустить съ боканцевъ мою десятку: я ѣду на берегъ!

— На берегъ? вы, капитанъ, ѣдете на берегъ? съ изумленіемъ спросилъ Нилъ Павловичъ. Этого быть не можетъ.

Правинъ важно посмотрѣлъ на лейтенанта.

— Желалъ бы я знать, почему не можетъ этого быть? съ ироніею возразилъ онъ.

— Потому-что не должно, капитанъ!

— Нилъ Павловичъ будетъ конечно такъ добръ, что растолкуетъ, почему это?

— Я думаю, вы лучше всѣхъ знаете, капитанъ, что глядя на вечеръ, опасно пускаться въ прибой — для шлюпки; еще опаснѣе ложиться въ дрейфъ, — для фрегата, когда буря на носу. Притомъ это напрасно замедлитъ путь.

— Оставьте мнѣ знать, что напрасно и что надобно. Я такъ хочу — и оно такъ будетъ. Прикажите сей часъ спустить шлюпку!

Нилъ Павловичъ поздно замѣтилъ, что онъ ошибся въ расчетѣ, обращаясь къ Правину, какъ къ начальнику и между-тѣмъ противорѣча какъ другу, — вмѣсто того, чтобы обратиться къ другу и уговорить капитана.

— Ты сердишься, Илья? сказалъ онъ, подошедши къ нему ближе — и право напрасно. Посмотри на небо и на море: они хмурятся на насъ, будто судья на уголовнаго преступника. Не покидай же фрегата въ такую пору; не клади на себя упрека, что ты уѣхалъ отъ опасности!

— Я бѣгу отъ опасности? Послушай, Нилъ... на свѣтѣ не было другаго, кромѣ тебя, кто бы осмѣлился мнѣ сказать это; и нѣтъ никого, кто бы сказалъ это дважды. Я довольно жилъ и служилъ, чтобы меня не подозрѣвали въ трусости!

— Илья, Илья! прочь отъ меня укоръ въ подобномъ сомнѣніи. Не отвага, а благоразуміе тебѣ измѣняетъ. Не въ трусости, а въ безразсудствѣ ста-

нутъ обвинять тебя, если ты поѣдешь... ну, чего Боже сохрани, если безъ тебя что случится!...

— Кажется, Нилъ Павловичъ боится отвѣтственности, когда останется старшимъ.

— Не отвѣтственности, но вреда судну и людямъ боюсь я. Не плохой я морякъ, Илья Петровичъ, ты знаешь это: за-то я самъ знаю, что ты морякъ лучше меня. Лежать въ дрейфѣ, дожидаясь тебя въ бурную ночь вблизи камней — право не находка. Другъ Илья! отложи свое намѣреніе, — взявъ его за руку, съ чувствомъ продолжалъ Нилъ Павловичъ — волненіе развело огромное — видишь, какъ сильно поддало!

Въ самомъ-дѣлѣ валъ расшибся о скулу фрегата и черезъ сѣтку окропилъ брызгами обоихъ друзей. Фрегатъ вздрогнулъ, но сердце капитана осталось спокойно: ему ничто не казалось зловѣщимъ. Любовь ослѣпляетъ самый опытъ и даетъ какую-то темную вѣру, что природа можетъ иногда измѣнять свои законы для любовниковъ. Правинъ отряхнулъ брызги и тихо отвелъ руку Нила Павловича.

— Пустые страхи! произнесъ онъ. Ѣду; хочу ѣхать!...

— Твоя воля мнѣ законъ, но воля, а не прихоть. Не сердись, что я круто говорю тебѣ правду — я не придворный. Будь мужъ, Илья! ты ужъ и то много потерялъ во мнѣніи товарищей черезъ свою предосудительную связь: ну да прошлое прошло — Богъ съ нимъ! распростились — баста! Нѣтъ, такъ давай еще амуриться. Самъ посуди: стоитъ ли рисковать царскимъ фрегатомъ и жизнью этихъ добрыхъ людей, даже собственною славой, для масляныхъ губокъ какой нибудь безпутной княгини?

Капитанъ вспыхнулъ.

— Прошу васъ, г. лейтенантъ, быть не очень тороватымъ на осужденье особъ, которыхъ вы хорошо не знаете. Вмѣсто-того, чтобы разбирать поведеніе вашего капитана, лучше бы вамъ исполнять его приказанія.

— А! молвилъ тогда обиженный въ свою очередь

Нилъ Павловичъ, отступая и возвысивъ голосъ. Вамъ угодно говорить мнѣ, какъ начальникъ подчиненному? такъ позвольте мнѣ, въ-лицѣ вахтеннаго лейтенанта, замѣтить вамъ, капитанъ, что вамъ неприлично отлучаться со ввѣреннаго вамъ фрегата передъ бурею, зная, что этимъ вы подвергнете его неминуемой опасности.

Нилъ Павловичъ брызнулъ масломъ на огонь.

— Вы, сударь, не судья мнѣ! Прикажите, сударь, спустить шлюпку, говорю я вамъ! вскричалъ Правинъ въ запальчивости. Не заставьте меня самого приказывать. Знайте, что если вы меня выведете изъ терпѣнія, я могу забыть и прежнюю дружбу и долгую службу нашу вмѣстѣ.

— Мнѣ кажется, капитанъ, вы уже забываете ее, оставляя свой постъ. Я гласно протестую противъ вашего отъѣзда, и прошу записать мое мнѣніе въ журналъ.

— Г-нъ штурманъ! гнѣвно воскликнулъ капитанъ: запишите въ журналъ слова г-на лейтенанта Кокорина, и прибавьте къ тому, что онъ арестованъ за ослушаніе. Отдайте, милостивый государь, вашъ рупоръ лейтенанту Стрѣлкину и не выходите изъ вашей каюты. — Шлюпку!

— Пусть насъ судитъ Богъ и Государь! горестно сказалъ Нилъ Павловичъ, уходя. Но вспомните мои слова, капитанъ... вы дорогою цѣной купите горькое раскаяніе!

Капитанъ корабля, безпрестанно находясь на службѣ и вблизи своихъ офицеровъ, по неволѣ облекается недоступностію, чтобы подчиненность не исчезла отъ частаго товарищества, и это наконецъ обращается въ привычку властвовать. Правинъ, какъ и всякій другой, скоро привыкъ къ безусловному повиновенію, а тутъ Нилъ Павловичъ, не умѣя взяться за дѣло, раздражилъ вдругъ и страсть и гордость Правина, будто нарочно. Затронутый за живое, онъ счелъ обязанностью сдѣлать наперекоръ своему другу.

Отдавъ всѣ нужныя приказанія молодому лейте-

нанту, Правинъ спрыгнулъ въ катеръ. Десять лихихъ гребцовъ ударили въ весла, и скоро, выбравшись на вѣтеръ, поставили паруса. Катеръ покатился съ волны на волну, между-тѣмъ какъ сѣдая пѣна забрасывала мгновенный слѣдъ его, будто ревнуя, что утлая ладья презираетъ ярость могучей влаги.

VII.

— И въ думѣ нѣтъ, что наслажденье —
прахъ,
Что случая крыло его уноситъ;
Что каждый маятника взмахъ
Цвѣты минутной жизни коситъ.

А. Б.

Свѣчи догорали въ комнатѣ княгини Вѣры, въ гостинницѣ Ляйтъ-Боруга. Било три часа за полночь — и счастливецъ Правинъ вырвался изъ объятій своей страстной и прекрасной любовницы.

— Возможно ли! сказалъ онъ... уже близко утро — цѣлая ночь испарилась, какъ поцѣлуй!

Съ дикимъ восклицаніемъ поднялась съ дивана княгиня — глаза ея впились въ Правина...

— О, не говори мнѣ объ утрѣ, не напоминай о разлукѣ: я не пущу тебя... ты самъ не покинешь меня... не правда ли? продолжала она съ ребяческою нѣжностью, привлекая его на свою грудь. Мой Илья не будетъ такъ жестокъ — онъ не предастъ меня отчаянію — я не отдамъ тебя морю!... слышишь, какъ сѣчетъ ливень въ окна, какъ завываетъ буря!...

Правинъ въ половинѣ поцѣлуя оторвалъ уста отъ коральныхъ устъ княгини, и заботливо прислушивался къ шуму сражающихся стихій. Мысль о штормѣ, о бѣдствіи, въ которомъ могъ быть его фрегатъ, прожгла его мозгъ. Страшно было видѣть его

поблѣднѣвшее лице подлѣ томнаго лица княгини, подернутаго прозрачнымъ румянцемъ нѣги..... Вѣра была тогда прелестна, какъ страстное желаніе поэта, въ которомъ болѣе неба, чѣмъ земли; Правинъ со своими мутными очами походилъ на раскаяніе, пробужденное страхомъ.

— Спасите! вскричалъ онъ наконецъ безумно.... фрегатъ мой тонетъ.... слышите-ль выстрѣлъ, еще выстрѣлъ — еще....

Буря будто притихла съ усталости.... какой-то гулъ замиралъ вдали — подъ скалой звѣремъ ревѣло море.... но кругомъ все было тихо, до того тихо, что слышно было паденіе капель съ кровли и бой испуганнаго сердца княгини.

— Нѣтъ, мой безцѣнный — ты ошибся: то были удары грома. Можетъ ли быть несчастливъ кто-нибудь въ то время, когда мы такъ счастливы!...

Правинъ съ какою-то неистовою нѣгой упалъ въ объятія Вѣры. —

— Ты моя! Вѣра моя! что-жъ мнѣ нужды до всего остальнаго: пускай гибнутъ люди, пускай весь свѣтъ разлетится въ дребезги! я подыму тебя надъ обломками, и послѣдній вздохъ мой разрѣшится поцѣлуемъ!... О, какъ пылки, какъ жгучи твои уста въ эту минуту, очаровательница!... Знаешь-ли, примолвилъ онъ тише, сверкая и вращая очами, какъ опьянѣлый — ты должна любить меня, уважать меня, поклоняться мнѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь... знаешь-ли, что я богаче теперь Ротшильда, самовластнѣе англійскаго короля, что я облеченъ въ гибельную силу, какъ судьба? — Да, я могу сорить головами людей по своей прихоти, и за каждый твой поцѣлуй платить сотнею жизней — не жизнію враговъ — о, нѣтъ! это можетъ всякой разбойникъ: это слишкомъ обыкновенно... нѣтъ, говорю тебѣ, я бросаю на вѣтеръ жизнь моихъ любимыхъ товарищей, моихъ друзей и братьевъ — а за нихъ во всякое время готовъ бы я источить кровь по каплѣ, изрѣзать сердце въ лоскутки!

Трепеща, внимала княгиня этимъ несвязнымъ рѣчамъ, невполнѣ понимая ихъ.

— Ты меня ужасаешь, милый! говорила она. Илья! ты уморишь меня со страха!

— Умереть? кто говоритъ умереть — Вздоръ! — теперь-то и надо намъ жить, потому-что одна любовь стоитъ назваться жизнію; ты сама прелестна, какъ жизнь, Вѣра! произнесъ онъ, обтекая ее взорами, пожирая лобзаніями: ты божественна какъ смерть, потому-что заставляешь забывать все, потому-что заключаешь въ себѣ рай и адъ. Помнишь ли обѣтъ мой отдать тебѣ и за тебя душу! — вотъ она вся: я не продавалъ ея по мелочи за ничтожныя радости, не промѣнивалъ на золото. Дѣвственну и чисту сохранилъ я ее до сихъ-поръ — и теперь бросаю ее къ ногамъ твоимъ, какъ разорванный вексель. Дорого, о, невообразимо дорого ты мнѣ стоишь, милая! но я не раскаяваюсь — я заплаченъ выше цѣны.

Съ какимъ-то судорожнымъ восторгомъ онъ притиснулъ къ своей груди княгиню; та робко отвѣчала на его ласки. Со своими воздушными формами, она казалась съ неба похищенною Пери, на колѣняхъ суроваго Дива; и наконецъ, уступая оба неодолимому очарованію страсти, они слились устами, будто выпивая другъ-изъ-друга жизнь и душу.

Часы могли бить, пѣтухъ пѣть, не возбуждая любовниковъ изъ упоительнаго забытья; но они пробудились не сами. Страшный, какъ труба, пронзающая могилы и разсѣвающая льстивыя грезы грѣшниковъ, раздался надъ ними голосъ... Сердца ихъ вздрогнули: передъ ними стоялъ князь Петръ! . . .
. . . .
. . . .
. . . . . Она вырвала пистолетъ изъ руки Правина, и почти безъ чувствъ прильнула къ его плечу. Онъ бережно опустилъ ее на кресла и, потупивъ очи, но поднявъ брови, обратился къ обиженному супругу.

— Часъ и мѣсто, князь! Я знаю важность моей вины; знаю требованія чести...

Физіогномія и осанка князя, весьма обыкновенныя, одушевились въ-то время какимъ-то необычайнымъ благородствомъ. Ничто такъ не возвышаетъ языка и движеній человѣка, какъ негодованіе.

— Требованія чести, м. г.? отвѣчалъ онъ гордо... и вы говорите мнѣ о чести въ спальнѣ моей жены? Вы, котораго я принялъ къ себѣ въ домъ какъ друга, которому довѣрился какъ брату, и вы обольстили мою жену — эту женщину хотѣлъ я сказать — запятнали доброе имя, пустили позоръ на два семейства, отняли у меня домъ и лучшую отраду мою — любовь супруги: вы, сударь, однимъ словомъ, похитили честь мою, и думаете загладить все это пистолетнымъ выстрѣломъ, прибавя убійство къ разврату? Послушайте, г-нъ Правинъ: я самъ служилъ моему Государю въ полѣ, и служилъ съ честью. Я не трусъ, м. г., но я не буду съ вами стрѣляться, не буду потому, что нахожу васъ недостойнымъ этого. Не буду, потому что не хочу вовсе безславить ни себя, ни жены моей. Пусть это происшествіе умретъ между нами, — но между мной и ею съ этихъ-поръ не будетъ менѣе ста верстъ. Чужая любовница не назовется съ этихъ-поръ моею женою. Мы разъѣзжаемся, и навѣкъ! — она богата: стало быть найдетъ и утѣшенье и утѣшителей. Это мое неизмѣнное слово, это святая клятва моя! Для свѣта можно сказать, будто мы поссорились за пелеринку, за модное кольцо — за-что угодно. Вотъ все, что я имѣю сказать вамъ, только вамъ, сударь! Эта неблагодарная женщина не услышитъ отъ меня ни одного упрека; она не стоитъ не только сожалѣнія — даже презрѣнія. Я добръ, я былъ слишкомъ добръ, но я не изъ тѣхъ добряковъ, которые терпятъ рога добровольно. Съ вами я надѣюсь встрѣчаться какъ можно рѣже — съ нею никогда! Я ѣду въ Лондонъ; я оставляю васъ наединѣ съ этою безсовѣстною женщиной и съ вашею совѣстью и — увѣренъ, что вы не будете долго ссориться всѣ трое!

Обиженный супругъ закрылъ глаза руками — но крупныя слезы прокрадывались изъ-подъ нихъ... онъ медленно отворотился... онъ вышелъ.

Княгиня рыдала безъ слезъ, на колѣняхъ, склоня голову на подушку дивана. Правинъ стоялъ въ какомъ-то онѣмѣніи, сложа на груди руки; онъ не могъ ничего сказать на отпоръ князю, потому-что внутренній голосъ обвинялъ его громче обвинителя; онъ не могъ промолвить никакого утѣшенія княгинѣ отъ того, что не имѣлъ его самъ. Эгоизмъ страсти предсталъ передъ него тогда во всей наготѣ, въ своемъ звѣриномъ безобразіи! «Ты, ты, вопіяла въ немъ совѣсть, разбилъ этотъ драгоцѣнный сосудъ, бросилъ въ огонь эту мирру, для того, чтобъ одну минуту насладиться благоуханіемъ. Ты зналъ, что въ ней заключенъ былъ талисманъ счастія, завѣтъ неумолимой судьбы, слава и жизнь твоей милой — зналъ — и дерзко изломалъ печать, какъ ребенокъ ломаетъ свою игрушку, чтобъ заглянуть внутрь ея. Взгляни же теперь на душу Вѣры, тобой разрушенную, полюбуйся на сердце ея, которое ты вырвалъ и бросилъ въ добычу раскаянію, на умъ, который съ этихъ-поръ будетъ гнѣздомъ черныхъ мыслей, укоригельныхъ видѣній — и для чего, для кого все это?... не лицемѣрь, не прячься за отговорки: все это было *для себя*, *для собственной забавы*. Ты не боролся со своею страстью, не бѣжалъ отъ искушенія, не принесъ себя въ жертву — нѣтъ, ты, какъ языческій жрецъ, зарѣзалъ жертву во имя истукана любви и—самъ пожралъ ее. Въ какой свѣтъ, въ какое общество сбросилъ ты княгиню? Отнынѣ въ каждомъ поклонѣ будетъ она видѣть обиду, въ каждой улыбкѣ насмѣшку, въ родномъ поцѣлуѣ — лобзанье Іудино; вездѣ будутъ казаться ей качаніе головой и перемигиваніе и лукавый шопотъ; самый невинный разговоръ будетъ колоть ее шипами, самую дружескую откровенность вообразитъ она вызнаваньемъ, вся жизнь ея будетъ: горечь сомнѣнья, и подавленные вздохи и слезы, снѣдаемыя сердцемъ!»...

Да, ужасное похмѣлье дастъ намъ упоеніе страстями! Изможденные тѣломъ и духомъ, мы пробуждаемся передъ судомъ для того, чтобъ услышать приговоръ неумытныхъ жюри, которые изъ глубины души произносятъ страшное guilty! виновенъ!

Правинъ отвелъ очи отъ княгини. Уже свѣтало, и взоры его сквозь чистое окно упали на безпредѣльное море. Оно было мрачно и пусто, подобно его душѣ. Огромные валы, словно стада китовъ, рыскали и плескались въ пространствѣ, и вдругъ между ними мелькнулъ корабль, — только образы его во мракѣ и туманѣ были такъ неясны, что суевѣрный морякъ сказалъ бы: это корабль-привидѣніе, осужденный вѣчно скитаться по океанамъ съ проклятыми своими пловцами. Съ тяжкимъ біеніемъ сердца, не переводя духу, слѣдилъ его Правинъ; но корабль, одѣтый сумракомъ, исчезалъ, и снова обозначался, и снова сливался какъ облако съ облаками. Буря уменьшилась, но черныя тучи ходили еще по небосклону взадъ и впередъ, какъ побѣдители, которые считаютъ трупы убитыхъ.

Наконецъ заря облила воздушною кровью и тучи и волны съ востока: туманы и сомнѣнія Правина разсѣялись. Замѣченное имъ судно было точно фрегатъ-Надежда, но въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ стеньгъ, съ изломанной фокъ-мачтой и бушпритомъ, съ искривленными реями. Два или три стакселя *, поднятые въ половину, казались послѣдними усиліями борьбы съ судьбой, влекущею его на скалы. О, великъ былъ бы тотъ сердцевѣдецъ, кто физіологически разложилъ бы тогдашнее восклицаніе Правина: и это! — кто разложилъ бы намъ ѣдкость отравы, проникнувшей его сердце, или степень мукъ отъ угрызенія совѣсти! Лесажевъ бѣсъ снималъ кровли, но если-бъ онъ снялъ черепъ съ головы Правина и заглянулъ въ умъ его — онъ бы содрогнулся отъ ужаса, и адскій даже языкъ прильнулъ бы къ гортани.

---

* Косые паруса.

Стиснувъ рукою чело, — какъ будто отъ страха чтобы голову его не расторгъ вихорь мыслей, — съ кровавыми пятнами по лицу, съ очами, кои, подобно маятнику, ходили отъ фрегата къ княгинѣ, отъ моря къ любовницѣ, — Правинъ былъ живой образъ казни между двухъ жертвъ, между двухъ преступленій: противъ нравственности и службы.

Наконецъ, долгъ побѣдилъ страсть. Правинъ горячо поцѣловалъ въ лобъ княгиню и произнесъ:

— Вѣра, прости меня — и прощай!! Намъ должно разстаться: фрегатъ бѣдствуетъ!

Львицей, у которой уносятъ послѣдняго дѣтенка, вскочила Вѣра.

— Бѣдствуетъ! фрегатъ твой бѣдствуетъ!... и ты, злобный человѣкъ, можешь говорить мнѣ объ этомъ, будто я на розахъ, будто сама я не бѣдствую! Ты жалѣешь дерево, жалѣешь чугунъ, — и безжалостенъ къ сердцу, тебѣ отданному, тобой разбитому: бросаешь меня на съѣденье отчаянію. Для тебя я забыла все, отдала все — и ты все это забываешь! Нѣтъ! ты мой, мой навѣчно: я купила тебя, я вымѣняла тебя на мое счастіе здѣсь, на рай мой тамъ! Не правда-ли, ангелъ мой! — ты мой? ты не покинешь меня въ такомъ положеніи: кромѣ тебя нѣтъ у меня покровителя. За часъ передъ этимъ я имѣла имя, отечество, семью, друзей — ты оборвалъ съ меня все это, какъ эти цвѣты; какъ эти цвѣты растопталъ ты ихъ пятою. И я не жалѣю о нихъ, покуда ты со мной. Твое сердце мнѣ будетъ родина, твои объятія — родные, твои рѣчи — подруги мои; ты будешь свѣтъ мой, міръ мой... о, не покидай же меня, не убивай меня!!

И она нѣжно обвила Правина своими прозрачными руками, и она обольстительно шептала ему несвязныя рѣчи. Но мужчина можетъ забыться — не забыть бѣды его окружающія и — въ-то время, когда женщина множитъ любовь своими пожертвованіями, своимъ несчастіемъ, когда она въ цѣломъ мірѣ не думаетъ ни очемъ, кромѣ любви, — мужчина самою жестокостію бѣдъ возбуждается изъ ду-

шевнаго разслабленія: онъ уже ищетъ, какъ бы поправить дѣло.

— Душа моя, душа моей души: прошлое невозвратно — но подумай о будущемъ!... его еще можно заставить служить намъ. Я съѣзжу на фрегатъ, чтобъ пособить поврежденіямъ и не допустить до крушенія. Ты теперь свободна — ты можешь ѣхать, куда хочешь — спѣши въ Италію! Тамъ я встрѣчу тебя въ какомъ-нибудь приморскомъ городѣ, въ одномъ или въ каждомъ изъ портовъ Средиземнаго моря. Позволь же мнѣ отлучиться: это необходимо для спасенія обломковъ моей чести, для спасенья, можетъ-быть, пяти сотъ моихъ товарищей. Честное слово тебѣ даю, что завтра вечеромъ я буду въ твоихъ объятіяхъ... посмотри, буря утихаетъ!...

Долго и пристально смотрѣла княгиня въ глаза Правина.

— Ты меня не обманываешь, съ тяжкимъ вздохомъ сказала она.... но развѣ не можетъ обмануть насъ судьба!... о, не ѣзди, мой милый... мнѣ что-то говоритъ, что мы не свидимся болѣе... по крайней-мѣрѣ не говори мнѣ *прощай* — мнѣ ненавистно это слово. Въ твои руки, Илья, отдаю я свое сердце — промолвила она, заливишись слезами — въ руку Бога поручаю твое.

Она упала на колѣни передъ окномъ, будто умоляя свирѣпое море пощадить ея друга; потомъ очи ея слились съ небомъ: она молилась, горячо молилась! — и кто-бы не сказалъ, видя это прелестное лице, дышащее чистою вѣрой, орошенное слезами умиленія, что ангелъ молитъ небеса о спасеніи грѣшника!.. Она обратилась къ Правину съ улыбкой грусти, съ простертыми устами, чтобы встрѣтить его прощальное лобзанье — проводила его взорами и упала безъ чувствъ на холодный полъ гостинницы.

— Ребята! крикнулъ капитанъ своимъ гребцамъ, лежащимъ подлѣ вытащенной на берегъ шлюпки: мнѣ непремѣнно должно быть на фрегатѣ — если умирать, такъ умирать вмѣстѣ съ товарищами — ѣдемъ!

— Рады стараться! закричали въ одинъ голосъ удалые гребцы. Они привыкли каждое желаніе капитана считать святымъ, каждое слово правдивымъ, и разомъ сдернули десятку на воду.

Но не такъ легко было выбраться изъ бухты. Шумные буруны ходили стѣнами и отбрасывали назадъ катеръ. Четыре раза разгребая въ упоръ, силились гребцы переметнуться за спорный валъ — и четыре раза, черпая носомъ воду, уступали ярости удара. Утроивъ силы, улучивъ способный мигъ, удалось наконецъ имъ выбраться въ море, — но море еще кипѣло и бушевало, раскачанное ночною бурей. Валы сливались въ огромную зыбь; вставали и падали неправильными рядами, и взбрасывая катеръ, какъ щепку, грозили залить или поглотить его. Вѣтеръ билъ на берегъ, и потому пришлось идти на-греблѣ. Волненіе выбивало изъ уключинъ весла; два человѣка безпрестанно отливали воду; въ катеръ поддавало со всѣхъ сторонъ.

На рулѣ сидѣлъ заслуженный урядникъ, который свыкся съ бурями и опасностями, какъ съ лишнею чаркою водки, для котораго, по собственному его выраженію, море было масляница, а девятый валъ милѣе девятаго блина. Онъ прехладнокровно глядѣлъ то на свой носъ, то на носъ катера, наблюдая, чтобы онъ не рыскалъ. Казалось, все-что совершалось кругомъ его, было ему совершенно чуждо. Всегдашній спутникъ поѣздокъ капитанскихъ, онъ уже ознакомился съ его нравомъ и зналъ, когда можно было молвить ему словцо-другое.

— Смѣю спросить, Илья Петровичъ, сказалъ онъ капитану въ полголоса: сны иногда бываютъ, то есть, отъ Бога!

— Случается, отвѣчалъ разсѣянно Правинъ.

— Я чай, отъ Бога, ваше высокоблагородіе! Да-и

какъ залѣзть лукавому въ христіанскую голову, когда на ночь перекрестишь лобъ. Я вчерась, то есть кажись, положилъ крестъ даже на изголовье; съ крестомъ, изволите видѣть, ваше высокоблагородіе, мягко спать и на камнѣ, а все-таки привидѣлся мнѣ чудный сонъ — грянь, други, грянь, проводи дальше весла! — такой сонъ, то есть, что ума-разума не приложу разгадать его—ну девятый прокатился!— Видѣлось мнѣ, будто у насъ на Надеждѣ смотръ не смотръ, праздникъ не праздникъ, только народу кишмя кипитъ: генераловъ, амираловъ, штабства: видимо невидимо. И всѣ, словно на-яву, пьютъ и закусываютъ; только всѣ молчать: такая тишь, что муху бы услышалъ. И вотъ, то есть, будто кто-то крикнулъ: смирно! Команда наша выстроилась на шканцахъ; глядимъ, гости потянулись мимо насъ, а сами заглядываютъ въ глаза. И шли будто шли — конца не видать. Вдругъ, то есть, откуда ни возьмись и ваше высокоблагородіе — въ полномъ мундирѣ, только черезъ плечо, вмѣсто ленты, красный флагъ: не вѣдь гюйсъ, не вѣдь какой сигнальный. А идете будто вы подъ-ручку съ какою-то барынею; лице открыто, а лица не видать!... ну, други, ну, навались! — что зазѣвались на зайчиковъ!... И вотъ остановились будто вы, Илья Петровичъ — какъ теперь гляжу, передо мною. — Выйди впередъ, Гребневъ! сказали мнѣ и положили руку на мое плечо, да и молвите барынѣ: я его беру съ собою, онъ довольно послужилъ, надо успокоить его старыя кости! То есть, видно въ отставку выйдите, да и меня старика въ дворецкіе возьмете: буду я себѣ въ ту-пору посвистывать въ ключъ вмѣсто этого свистка. — Ну, да не о томъ рѣчь, в. в-е.! глядь будто я на себя, да такъ и сгорѣлъ: на мнѣ, вмѣсто куртки, бѣлая рубашка! — Просыпаюсь, а сердце будто вырваться хочетъ — на силу открестился. Что бы это значило, в. в?.

Правинъ невольно впалъ въ глубокую думу. Смутная мысль о смерти пала на душу впервые, и въ этотъ разъ она ничего не имѣла въ себѣ отраднаго.

Умереть, утонуть, не помирившись съ совѣстью добрыми дѣлами, не выкупивъ у прошлаго проступковъ своихъ блестящими поступками!... Онъ вспомнилъ, что тонкая досчечка отдѣляла его отъ влажной могилы — и содрогнулся онъ и обозрѣлся кругомъ: море крутилось страшно; фрегатъ былъ близокъ, но зыбь валяла его съ боку на бокъ такъ сильно, что мѣдная обшивка обнажалась до киля, сверкая будто броня великана; потомъ валъ снова закрывалъ корпусъ, такъ-что чуть виднѣлись снизу марсы. Полъкабельтова, не больше, оставалось до борта — но бортъ былъ опаснѣе всякой скалы: прибой расшибался, воя, о ребра его, и широкими всплесками грозилъ каждый мигъ залить и опрокинуть катеръ.

— Молись, Гребневъ, Николаю-угоднику, сказалъ капитанъ, ударивъ урядника по плечу — молись — матрозскія молитвы до неба доходны. Если мы счастливо пристанемъ къ борту, ты будешь няньчить внуковъ моихъ.

— Крюкъ! закричалъ урядникъ... съ борту кричали: лови, лови! Роковая минута настала. Глазъ капитана не обманулся въ степени опасности—сонъ Гребнева упалъ въ-руку...

VIII.

Къ ночи того же дня вѣтеръ совершенно стихъ, море опало. Оно едва-едва будто дышало отъ усталости, и что-то шептало засыпая. Обломанный фрегатъ-Надежду прибуксировали ближе къ берегу, и онъ лежалъ уже на якорѣ. Работы на немъ кипѣли: скрипъ блоковъ, треканье и удары мушкелей раздавались повсюду. Ставили запасный рей вмѣсто потерянной мачты, перемѣняли стеньги, такелажъ; починивали изломанныя сѣтки. Помпы хрипѣли будто больной; палубы изображали прекрасный отрывокъ хаоса. Вездѣ царствовала суета, но въ ней не было души: матрозы работали безъ пѣсень, безъ сказокъ; тихо перемолвливались и печально качали головою: видно было, что свершилось какое-то важное несчастіе.

— Что, нѣтъ надежды? спросилъ одинъ мичманъ лекаря Стеллинскаго, который вылѣзалъ изъ-подъ сукна, коимъ отдѣляется лазаретъ отъ палубы.

— Никакой, отвѣчалъ тотъ: лекарства ему такъ же безполезны теперь, какъ трубка табаку. Пусть подшкиперъ снимаетъ съ него мѣрку на саванъ.

— Жаль! Гребневъ былъ лихой урядникъ. Ну, а изъ вчерашнихъ, ушибенныхъ сорвавшимся реемъ?

— Двое будутъ живы; остальные-жъ трое отправятся сквозь портъ туда же, куда слетѣли семеро сверху.

— Худо, очень худо! Десять жертвъ съ фрегата, и шесть съ капитанскаго катера, — это не бездѣлица! У меня душа замерла, когда со всего размаху ударился катеръ въ бортъ — только щепки брызнули! Одного гребца, въ моихъ глазахъ, размозжило о

руслени; другаго прищемило днищемъ и расплющило какъ пуговицу. Ну да это все не бѣда, лишь бы живъ остался нашъ капитанъ: вы давно провѣдывали его, Стеллинскій?

— Съ полчаса назадъ: онъ потерялъ много крови—проклятый гвоздь съ изломанной доски шлюпки глубоко вонзился ему между ребрами — я насилу могъ остановить кровотеченіе. Однако теперь горячка стихла, и онъ вообще больше боленъ духомъ, чѣмъ тѣломъ: affectione mentale. Онъ, видите, нервознаго сложенія: на него крѣпко подѣйствовало повреждение фрегата и гибель людей. Если бы намъ, медикамъ, случалось приходить въ отчаяніе отъ ошибокъ, такъ пришлось бы задавиться турникетомъ послѣ перваго дежурства въ клиникѣ.

— Слава Богу, докторъ, что добрые люди не вдругъ привыкаютъ къ чужой гибели; при томъ, кромѣ худой славы передъ своими и Англичанами, не мудрено, что капитанъ нашъ поплатится за свою прогулку эполетами.

— Не ужели-жъ его отдадутъ подъ судъ за мачту?...

— Да, Стеллинскій! не дай Богъ попасться подъ военный судъ: это хуже вашего консиліума — и между-тѣмъ, это вѣроятно. Государь, правда, лично знаетъ Правина и, послѣ Наваринскаго дѣла, самъ назначилъ его командиромъ фрегата; начальство уважаетъ его; но сами вы знаете, что служба ни шутить, ни лицепріятничать не любитъ.

— Да, да! — это будетъ невозвратная потеря для флота!

— Впрочемъ, дѣлайте вы свое дѣло, а мы офицеры, обработаемъ свое. Развѣ не льзя три четверти вины пустить на вѣтеръ? Съ бурями такъ же, какъ съ вашими болѣзнями: все шито, да крыто.

— Дай Богъ, дай Богъ!

Лекарь вошелъ въ капитанскую каюту.

Кто бы узналъ въ этомъ блѣдномъ, изможденномъ страданіями тѣлѣ, вчерашнаго Правина, цвѣтущаго здоровьемъ, кипящаго надеждой? Расшибенная го-

лова его была обвязана полотенцемъ, лице мерцало могильною блѣднозной, зрачки не двигались въ глазахъ, охваченныхъ синимъ кругомъ: они лишь расширялись и сжимались повременно. Подперши лѣвою рукой голову, правой держалъ онъ за руку Нила Павловича, который сидѣлъ у него на кровати и съ нимъ разговаривалъ. У обоихъ остатки слезъ дрожали на щекахъ.

— Нилушка! не оправдывай меня; отливъ крови — приливъ разсудка: я вижу теперь, что во всемъ виноватъ самъ — одинъ я буду и въ отвѣтѣ. Не арестуй я тебя, мы не потеряли бы ни одного лисель-спирта. Не вини Стрѣлкина; онъ молодой офицеръ, онъ новичекъ-лейтенантъ и — если спустился подъ шкваломъ на фордевиндъ, не убравшись даже съ ундеръ-зейлями — это отъ того, что онъ никогда не бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ...

— Впрочемъ, сказалъ ласково Нилъ Павловичъ: все зависитъ отъ того, въ какомъ видѣ представимъ дѣло начальству.

— Неужели ты думаешь, другъ мой, что я стану лгать въ извиненіе? Ни-въ-чемъ, никогда! Завтра же рапортую о несчастномъ случаѣ Императору и адмиралтейству: и все, какъ было, все безъ утайки. Ты простилъ меня — можетъ-статься, накажетъ слегка и начальство; но могу ли я простить самому себѣ, успокоить совѣсть за смерть людей!

— Гротъ-марса-рей сорвался случайно. Въ торопяхъ, въ потемкахъ одинъ урядникъ отдалъ топенантъ вмѣсто гротъ-стенгъ-стаксельфала, и люди полетѣли долой. Это могло случиться и при тебѣ.

— Я увѣренъ, что ни при мнѣ, ни при тебѣ не было бы суматохи, не было бы и торопливости.... а гребцы мои, а?... Правинъ вздернулъ одѣяло на лицо, и нѣсколько минутъ безмолвствовалъ. Только содроганіе одѣяла доказывало, что онъ подъ властію ужаснаго чувства; наконецъ онъ открылся. Нилъ, тебѣ извѣстно все, сказалъ онъ: были проступки и въ прежней жизни моей — но я бы отдалъ смерти половину дней, назначенныхъ мнѣ жить, и посвя-

тилъ бы остальную на благодарность Богу, еслибъ можно было вычеркнуть изъ бытія послѣдніе 24 часа....

— И я преступникъ, вскричалъ онъ, помолчавъ съ минуту, и потомъ подымаясь на ложѣ: я, который игралъ царскою довѣренностію, который обольстилъ, погубилъ любимую женщину, обидѣлъ друга, запятналъ русскій флотъ, утопилъ 16 человѣкъ для насыщенія своей прихоти.... и я-то думаю жить! Нѣтъ! я не переживу ни своей чести, ни своей души—я не хочу, я не долженъ существовать. Море взлелѣяло меня, море дало мнѣ свои бурныя страсти — пускай же море и поглотитъ ихъ: только въ безднѣ его найду я покой! Если суждены мнѣ муки за гробомъ, то пусть мучусь внѣ тѣла, безъ сердца, одною душой!... это ужъ выигрышъ!... Смерть — ты улыбаешься мнѣ, какъ Вѣра.... пріиди, пріиди!

Онъ страшно восклицалъ, онъ жадно простиралъ руки къ какому-то незримому предмету, — онъ былъ въ изступленіи.

— Горячка снова имъ овладѣла — сказалъ на ухо Нилу Павловичу лекарь — надо употребить утишающія средства, и завтра же будетъ mens sana in corpore sano.

Онъ заботливо уложилъ больнаго.

Нилъ Павловичъ вышелъ на-верхъ отдохнуть отъ сильныхъ впечатлѣній. Солнце садилось. Били вечернюю зорю; оба флага скатились тихо-тихо долой; ночь ниспадала прозрачная и мирная, но все было мутно въ возмущенной душѣ добраго моряка: участь друга свинцомъ налегла на сердце.

— Дорогою цѣной платите вы, баловни природы, за свой умъ, за свои тонкія чувства! подумалъ онъ. Высоки ваши наслажденія, за-то какъ остры, какъ разнообразны ваши страданія!! У васъ сердце телескопъ, увеличивающій все до гигантскаго размѣра. — О, кто бы, глядя на Правина, не пожелалъ быть глупцомъ, всегда довольнымъ собой, или безчувственнымъ камнемъ, ничего не терпящимъ отъ другихъ!

— Въ полночь Нилъ Павловичъ потихоньку вошелъ въ каюту капитана... на столѣ подлѣ постели лежало недоконченное письмо; казалось, Правинъ недавно писалъ: чернила еще блестѣли на перѣ, — на бумагѣ не засохли двѣ капли крови, упавшей вѣроятно съ оцарапаннаго лица; самъ онъ спокойно лежалъ, закрывшись весь одѣяломъ. Рука друга подняла покровъ, заботливый взоръ его упалъ на лице больнаго: онъ, казалось, спалъ глубокимъ сномъ. Румянецъ игралъ на щекахъ, но выраженіе бровей было болѣзненно.... страданіе смыкало уста.

— Онъ и во снѣ страдаетъ, сказалъ про себя Нилъ Павловичъ, и на-цыпочкахъ вышелъ вонъ.

— Слава Богу, капитану лучше, сказалъ онъ матрозамъ, которые съ участіемъ толпились у дверей каюты.... и они разсѣялись, и по палубамъ пролетѣла шопотомъ отрадная вѣсть: капитану лучше.

Ему въ самомъ-дѣлѣ было лучше.

IX.

Съ минуты разлуки, княгиня не отходила отъ окна. Солнце сѣло; солнце взошло; солнце перекатилось за полдень: она все сидѣла съ тоской въ сердцѣ, съ зрительною трубой въ рукѣ — она все глядѣла на фрегатъ, въ которомъ, не для игры словъ, заключалась вся ея надежда. Она видѣла, какъ на немъ исправлялось, очищалось, приходило въ порядокъ все. Долгое наблюденіе сквозь телескопъ производитъ не только въ глазу, но и въ воображеніи какое-то странное чувство. Отдаленность съ своею нѣмою, но живою игрой людей и предметовъ, кажется, будто принадлежитъ иному свѣту. Стотришь на нихъ, какъ на тѣни; хочешь угадать ихъ рѣчи, ихъ думы, ихъ заботы по движеніямъ; внимаешь очами и — любопытство растетъ до горячаго участія.

Часу въ 5-мъ вечера, княгиня замѣтила необыкновенное, но стройное движеніе на фрегатѣ. Матрозы унизали бортъ корабля; что-то красное мелькнуло съ борта въ воду, и вслѣдъ за тѣмъ сверкнулъ огонь изъ пушки... изъ другой... изъ третьей... гулъ раздался долго послѣ!... Потомъ флагъ, который до сихъ-поръ спущенъ былъ до половины и перевязанъ узломъ, упалъ — и въ тотъ же мигъ поднялся до мѣста распущенный... и потомъ звукъ изчезъ въ пространствѣ, дымъ улетѣлъ къ небу и все приняло прежній видъ.

Это непостижимое для Вѣры явленіе мелькнуло въ стеклѣ трубки, будто въ неясномъ, худо запомненномъ снѣ. Княгиня протерла стекло — но все задернулось туманомъ въ очахъ ея, и съ нихъ

брызнули слезы. Это отъ усталости, молвила она, и въ думѣ опустила голову на руку. Невольная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Какой холодный вѣтеръ, подумала она — и закуталась шалью... наконецъ неизъяснимая тоска сжала ей грудь... она съ горестію сказала: видно онъ не пріѣдетъ и сегодня! — Но въ голосѣ ея слышалась обманутая, хотя еще не разрушенная надежда: какая-то слѣпая довѣрчивость ребенка къ палачу. О, эти простыя слова привели бы въ трепетъ каждаго, кто угадывалъ истину! — Сегодня? Но вечерѣетъ ли день замогильный? разсвѣтаетъ ли ночь мертвецовъ?

И княгиня погрузилась въ долгое, тяжелое забытье — забытье безъ чувствъ и мыслей — забытье въ которомъ, какъ въ мертвомъ морѣ, нѣтъ ни зыби, ни прилива, ни отлива, не витаютъ рыбы, не перелетаютъ, черезъ, птицы: — все изсушено, все задушено!! — Словомъ, забытье, которое потому только не могло назваться смертью, что оно хранило муку.

Мѣсто и время исчезли для княгини. Было 11 часовъ ночи, когда звукъ мужскихъ шаговъ въ коридорѣ гостинницы пробудилъ ее изъ гробовой дремоты. Первая мысль, первый крикъ ея были: это онъ! — и она стремглавъ бросилась къ дверямъ. Тусклый ночникъ едва мерцалъ въ радужномъ кружкѣ, будто глазъ какого-то злаго духа; но Вѣра ясно разслушала его походку, она узнала шотландскій плащъ Правина — если не слухомъ и не взоромъ, то сердцемъ угадала она желаннаго гостя — она прыгнула къ нему на встрѣчу, и съ радостнымъ ахъ! упала на грудь пришельца.

Тѣсно смежны въ сердцѣ женщины восторгъ и отчаяніе, смѣхъ и слезы, — смежны, какъ двѣ стороны червонца. Лезвее мысли ихъ не дѣлитъ, сомнѣніе не простираетъ своей плены между. Княгиня въ восхищеніи сжимала съ своихъ объятіяхъ пришельца.

— Княгиня! — произнесъ незнакомый голосъ — вы ошиблись: я не Правинъ — я только посолъ его!

Нилъ Павловичъ подалъ письмо княгинѣ.

Княгиня отпрянула отъ него... какъ будто коснулась змія.

— А Правинъ? Онъ не хотѣлъ пріѣхать?—вскричала она съ укоромъ — онъ обманулъ меня.... Да кому теперь можно вѣрить, когда и самое сердце мое меня обмануло. Скажите-жъ скорѣе: живъ ли, здоровъ ли мой Илья? — гдѣ онъ? Когда онъ пріѣдетъ сюда?

Нилъ Павловичъ безмолвствовалъ.

Глаза Вѣры засверкали, какъ острея кинжаловъ.

— Я понимаю васъ, г. лейтенантъ, гнѣвно произнесла она: вы отговорили, вы не пустили его, — вы всегда были противъ нашей любви. Ваше имя не разъ отрывало Правина отъ моей груди... онъ мрачно озирался, слыша вашу походку. Вы это, вы отняли его у меня... но куда вы дѣвали вашего друга — куда схоронили вы моего Илью? отвѣчайте же, сударь! — вскричала она, безумно схвативъ его за грудь.

— Несчастная женщина! вамъ самимъ повторяю я вопросъ вашъ: что вы сдѣлали съ Правинымъ? Куда, куда вы схоронили его?

— Онъ умеръ? — спросила княгиня, леденѣя отъ ужаса.

— Пусть отвѣчаютъ бездны моря! Бѣдный другъ мой изошелъ кровью... но прежде крови онъ пролилъ по васъ горкія слезы — онъ въ письмѣ завѣщалъ мнѣ утѣшить васъ; но могу ли дать то, чего не имѣю самъ — я не Богъ. Онъ одинъ можетъ утолить слезами горесть и совѣсть, примолвилъ тише Нилъ Павловичъ, въ которомъ потеря друга превозмогла всѣ прочія чувства. Прощайте, княгиня — дай вамъ Боже забвенія: это единственное счастіе несчастныхъ!

Онъ исчезъ.

Съ трепетомъ открыла Вѣра письмо, начертанное почти во мракѣ смерти хладѣющею рукой полумертвеца... мы не прочтемъ его... языкъ жизни не выразитъ тайнъ могильныхъ, тайнъ, которыя уноситъ

умирающій въ прахъ, тайнъ, которыя истлѣваютъ сердце, какъ чума своимъ прикосновеніемъ.

Плачъ и жалобы — дары неба! вами откупается несчастный отъ половины страданій, отъ пытки, его терзающей. Но горе тому, для чьей тоски нѣтъ слезинки въ очахъ, нѣтъ въ устахъ рыданія, нѣтъ въ сердцѣ вздоха! Горе тому, въ чьей душѣ потонутъ всѣ думы, всѣ, — кромѣ одной, неумолимой думы объ одиночествѣ — думы о судьбѣ своей... думы, которая шепчетъ: ты, какъ ястребъ Прометея, будешь вѣкъ терзать свое сердце!

Это ужасно!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

(Выписка изъ Сѣверной Пчелы, 1831 года, августа мѣсяца).

Кронштадтъ... Августа. Вчера пришелъ на здѣшній рейдъ изъ Средиземнаго моря фрегатъ-Надежда, подъ командою флота капитанъ-лейтенанта Кокорина. Красота корабля, отличный порядокъ, на немъ господствующій, здоровый и бодрый видъ людей обратили на себя вниманіе начальства и всѣхъ посѣтителей фрегата.

Тридцать перваго августа, 1832 года, въ Петербургѣ было открытіе Александринскаго театра. Въ 7 часовъ вечера зала была уже полна. Партеръ, половина котораго сходила къ ложамъ амфитеатромъ, алѣлъ, какъ заря, красными мундирами, отворотами, лентами, — блисталъ, какъ еще непотухшій западъ, звѣздами. Пять поясовъ ложь пестрѣлись женскими уборами; иной бы сказалъ: то живыя цвѣточныя вязи, окропленныя росою алмазовъ — такъ ярки, такъ блестящи были онѣ; и между нихъ вѣяли и склонялись перья надъ прелестными личиками, словно крылья херувимовъ. Тысячи свѣчь горѣли букетами по раззолоченнымъ стѣнамъ и поручнямъ ложъ, сливались въ ослѣпительный метеоръ люстры. Гордо и легко смыкался потолокъ своими радужными облаками. Боги Олимпа съ завистью смотрѣли на роскошь земную съ высоты

живописнаго неба. Богини, краснѣя отъ досады, чуть не прятались другъ-за-друга, видя что красота русскихъ дамъ пересіяла ихъ. Старый грѣшникъ, Юпитеръ, замѣтивъ, что онъ одѣтъ не по вкусу времени, сердито косился на свою бороду: казалось — хотѣлъ сбрить ее, и для послѣдняго превращенія облечься въ гусарскій доломанъ.—Три Граціи морщились на петербургскихъ красавицъ, будто хлебнули амброзіи, которая скислась; — девять сестрицъ Парнасса, которыя весьма поустарѣли со временъ Гомера, ревниво смотрѣли на своихъ жениховъ, разсыпающихся жемчугомъ передъ свѣтскими вдохновительницами; даже сова Минервы завистливо таращила глаза на ученые воротники. Только посланница любви, Ирида, весело расправляла свои голубиныя крылышки, да пролазъ Меркурій лукаво заглядывалъ въ ложи, будто дожидаясь письмеца. Вулканъ же, — гладя по головкѣ сына своей жены съ самодовольнымъ видомъ нѣмецкаго барона, — считалъ мужей, рисующихся по стѣнамъ, для тѣни картины, и напѣвалъ пѣсенку:

«Нашего полку прибыло, прибыло!»

Между-тѣмъ передній занавѣсъ, блѣдный, какъ туманъ германской поэзіи, таинственно колебался между зрителями и сценою, будто занавѣсъ судьбы, скрывающій отъ насъ даль грядущаго. И все было прелесть, свѣтъ и очарованіе! Самый воздухъ былъ упоенъ благовоніями, и дышалъ нѣгою вздоховъ. Онъ оживлялся отъ малѣйшаго трепетанія райскихъ птичекъ, отдыхавшихъ на головахъ красавицъ; отъ волненія газа на грудяхъ, отъ сладостнаго ропота ихъ устъ, отъ пылкихъ взоровъ, летающихъ, крестящихся, словно падучія звѣзды, отъ звуковъ, возникающихъ порой изъ оркестра — звуковъ неясныхъ, смѣшанныхъ, чудныхъ, какъ мысли поэта въ просонкахъ... однимъ словомъ, вся зала Александринскаго театра и все, что въ ней было, походили тогда на какой-то великолѣпный, волшебный

сонъ юноши подъ жаркимъ небомъ юга. Сердце плавало въ обаятельной, розовой атмосферѣ, и въ блестящемъ разсѣяніи забывало все, что творится за стѣнами... О, повѣрьте мнѣ: свѣтская жизнь имѣетъ свою поэзію — за-то какъ дорога и какъ рѣдка она!

Царской фамиліи еще не было; все жужжало и колебалось въ роскошномъ ожиданіи, въ томленіи нетерпѣливости. Въ это-время, въ третьемъ ряду креселъ, два человѣка учтиво пробирались на свои мѣста, платясь извиненіями за каждый переходъ черезъ чужія ноги, и поклонами за то, что протирались мимо чужихъ грудей. Наконецъ они, положивъ шляпы на кресла свои, вздохнули и обозрѣлись свободно. Одинъ былъ молодой человѣкъ, въ вицъ-мундирѣ Иностранной-коллегіи, очень пріятной наружности и окружности — система округленія въ лицахъ. Сложивъ накрестъ руки, онъ равнодушно оперся спиной о спинку креселъ втораго ряда, и едва отвѣчая на дальнія киванья своихъ знакомцевъ, беззаботно взглядывалъ на ложи сквозь очки (очки есть необходимое условіе дипломата, хотя не рѣшено до-сихъ-поръ — носятъ ли они ихъ для того, чтобъ лучше видѣть глазами, или для того, чтобъ меньше видѣли ихъ глаза). — Другой былъ юноша во всемъ цвѣтѣ этого слова: живъ, румянъ, веселъ, разговорчивъ; онъ былъ такъ-доволенъ своими красными отворотами, такъ-счастливъ блескомъ, его окружающимъ, будто майская бабочка въ ясный день. Онъ простодушно глазѣлъ на все и на всѣхъ, и смѣялся отъ чистаго сердца эпиграммамъ своего моднаго сосѣда, — смѣялся съ откровенностію истинно-армейскою. Въ самомъ-дѣлѣ, не смотря на четвероугольный лорнетъ, который онъ довольно ловко наводилъ на право и на лѣво, легко угадать было можно, что онъ недавно переведенъ изъ арміи. Любопытнымъ распросамъ его не было конца. Кто это въ мальтійскомъ мундирѣ? Кто эта дама въ оранжевой шали? Дипломатъ едва успѣвалъ ввернуть при каждомъ имени острое словцо.

И вотъ, — когда перебрали они всѣхъ посланниковъ и вельможъ, всѣхъ красавицъ и знатныхъ дамъ — съ шумомъ распахнулась дверь въ одной ложѣ, и въ нее вошли дамы блистательной красоты, и наряда отличнаго вкуса. Будто не замѣчая ропота и взоровъ одобренія, кипящихъ вкругъ и подъ ногами ихъ, онѣ сбросили свои шали и, поправляя газовые рукава, обратились къ вошедшему за ними кавалеру съ замѣчаніемъ, что коридоры театра необыкновенно тѣсны. Кавалеръ этотъ былъ генералъ пожилыхъ лѣтъ, кубической фигуры, со звѣздами на обѣихъ грудяхъ и съ улыбками на обѣихъ щекахъ. Онъ отвѣчалъ что-то, склонясь между ихъ безъ чиновъ.

— Ахъ, Жозефъ! съ жаромъ сказалъ дипломату нашъ юноша: скажи скорѣй, кто эта прелестная особа по правую руку въ малиновомъ токѣ? Глаза ея сыплютъ алмазныя искры, губки раскрылись улыбкой, будто жемчужная раковина отъ солнечнаго луча... около нея какъ сіяніе — она богиня радости!... Имя, имя ея?

— Какъ, mon cher, ты разгорѣлся! отвѣчалъ дипломатъ. Изволь, однако, я потѣшу тебя: ея имя Софья Леновичъ — моя жена.

Жалко было видѣть бѣднаго юношу: онъ смутился, онъ не зналъ, изъ какого кармана выискать отговорокъ. Леновичъ съ самодовольнымъ видомъ забавлялся его смущеніемъ, и шутливо продолжалъ:

— Да-съ, это моя жена; но ты, дружокъ, не будешь ея поэтомъ. Нѣтъ-нѣтъ, стара шутка. Полгода еще милости просимъ жаловать ко мнѣ, когда угодно; полгода ты будешь безопасенъ — но потомъ, милый, сердись-не-сердись, а я тебѣ за твой восторгъ едва ли не прочту:

«Vous êtes un brave garçon un homme honnête—mais
Remarquez bien ma porte pour n'y entrer jamais!»

Эта шутка была сказана такъ по-дружески, что мой юноша ободрился. Желая сгладить прежнія

похвалы, онъ сталъ горячо хвалить другую даму, подругу жены Леновича.

— Но сосѣдка твоей Софьи, Жозефъ, прелестна, какъ сама задумчивость — посмотри: каждый взоръ ея черныхъ глазъ блеститъ грустью, будто слеза; каждое дыханіе вырывается вздохомъ — и какъ нѣжно ластятся черные кудри къ ея томному лицу, съ какою таинственностію обвиваетъ дымка ея воздушныя формы!

— Не на Варшавскомъ-ли приступѣ, mon cher, набрался ты этого романическаго дыму? Изруби же его поскорѣе въ стихи; поставь внизу прапорщицкую звѣздочку, отошли въ Молву, и будь увѣренъ, что если ты спрыснешь свою новинку полдюжиной шампанскаго — пріятели прокричатъ тебя поэтомъ.

— Ты можешь шутить, какъ хочешь, но вѣрь, что черты красавицы такъ врѣзались въ мою память, что я завтра же нарисую ея портретъ, и всякой — кто лишь разъ видѣлъ ее, увидѣвъ его — скажетъ: *это она*! но кто жъ она?

— Замѣтилъ-ли ты генерала, сидящаго за моею Софьей? это мой дальній родственникъ, князь Петръ **, а черноглазая дама — его жена.

— Княгиня Вѣра! вскричалъ гвардеецъ съ такою шумною радостію, что на него оборотились многіе лорнеты... Княгиня Вѣра, которая цѣлый годъ увлекала всѣ сердца и всѣ мысли Петербурга — Вѣра, любимая мечта моего брата! Воротясь въ 29-мъ году отсюда, онъ прожужжалъ мнѣ про нее уши... и наконецъ-то удалось мнѣ увидѣть это прекрасное созданіе!

— Прекрасное не долговѣчно на землѣ, сказалъ со вздохомъ Леновичъ. Эта черноглазая дама—вторая жена князя Петра, а Вѣра, ангелъ доброты и прелести — Вѣра, которой обязанъ я своимъ счастіемъ, умерла въ Англіи. Когда-нибудь я разскажу тебѣ ея печальную исторію! На глазахъ у Леновича, сколько ни дипломатъ былъ онъ, навернулись слезы... Гвардеецъ молчалъ въ грустномъ раз-

думьѣ... Но загремѣла музыка, занавѣсъ взвился — и судьба Вѣры была забыта.

Забыта? — О, я готовъ пожать руку у того, или поцѣловать у той, кто назоветъ эту лѣтопись сердца скучною сказкой, кто будетъ зѣвать при ея чтеніи, кто забудетъ прочтенную половину и броситъ въ огонь недочитанную. Забвеніе ждетъ всѣхъ: забвеніе безвредно. Но, можетъ-быть, какой-нибудь бездушный Ловласъ выдавитъ сладкую отраву изъ любви Правина и Вѣры, — перескажетъ неопытности лишь то, что льститъ его намѣреніямъ. Можетъ быть, онъ прочтетъ эту тетрадь въ уединенномъ кабинетѣ прекрасной дамѣ, которой доселѣ онъ говорилъ, *люблю васъ*, только взорами. И румянецъ страсти загорится на щекахъ его, и голосъ его задрожитъ будто волненіемъ души, и послушная слеза сверкнетъ на рѣсницахъ... онъ подстережетъ вздохъ грусти, слезу сожалѣнія — сожалѣнія, предтечи любви — и упадетъ къ ногамъ своей тронутой любовницы.

— О будьте для меня Вѣрою за-то, что я обожаю васъ, какъ Правинъ... восклицаетъ онъ.

— Вы забыли участь ихъ? возразитъ она...

— У всякаго своя участь... насъ ждетъ доля блаженства, беспрерывнаго, неисчерпаемаго блаженства! Но если бъ меня ждала судьба еще горче Правиной, я пріиму ее за мигъ счастія — о, если бъ вы знали, какъ я люблю васъ!

И его слушаютъ, ему почти вѣрятъ!

При этой мысли я готовъ изломать перо свое!

Но существуетъ-ли въ мірѣ хоть одна вещь, — не говоря о словѣ, о мысли, о чувствахъ, — въ которой бы зло не было смѣшано съ добромъ? Пчела высасываетъ медъ изъ белладоны, а человѣкъ вывариваетъ изъ ней ядъ? Вино оживляетъ тѣло трезваго, и убиваетъ даже душу пьяницы. Тацитъ, учитель добродѣтели, былъ виною изобрѣтенія нойядъ * въ ужасы революціи. Бросимъ же смѣшную

* Неронъ утопилъ мать свою на галерѣ съ окномъ;

идею исправлять словами людей: это забота Провидѣнія. Мы призваны сказать: *такъ было* — пусть время извлечетъ изъ того злое и доброе. Приморскій житель ужасается вечеромъ, видя гибель корабля, а на утро собираетъ останки кораблекрушенія, строитъ изъ нихъ утлую ладью, сколачиваетъ ее костями братій и, припѣваючи, пускается въ бурное море....

подобные плошкоуты замѣняли гильотину во время террора.

РОМАНЪ И ОЛЬГА.

(Повѣсть 1396 года).

I.

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали:
Всему конецъ!
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить!

Жуковскій.

— Этому не бывать! говорилъ Симеонъ Воеславъ, именитый гость новогородскій, брату своему: не бывать, какъ двумъ солнцамъ на небѣ. Правда, твой любимецъ, Романъ Ясенскій, хорошъ и пригожъ, служилъ вѣрой и правдой Новугороду, потерпѣлъ много за Русь-святую; гораздъ повесть слово на вѣчахъ, въ бесѣдахъ; удалъ на игрушкахъ военныхъ *, и на

* Такъ назывались на-Руси турниры.

все смышленъ, ко всѣмъ привѣтливъ... Одна бѣда— примолвилъ Симеонъ, съ гордостію перебирая связку ключей на поясѣ — онъ бѣденъ, стало-быть не видать ему за собой Ольги.

— У тебя ль, Симеонъ, нѣтъ золота? возразилъ братъ его, Юрій Гостиный, сотникъ конца Славенскаго. Тебѣ-ли желать богатаго зятя, когда ты можешь устлать деньгами всю дорогу его къ церкви вѣнчальной.

— Но кто мнѣ порука, что не деньги влекутъ Романа къ моей дочери?

— Его чувства, Симеонъ, его поступки: кто безкорыстно принесъ въ жертву родинѣ свою кровь и молодость, кто первый запалилъ наслѣдственный домъ, чтобъ онъ не достался врагамъ Новагорода,— тотъ конечно не промѣняетъ души на приданое!

— Такъ не хочешь-ли, братецъ любезный, чтобъ я бросилъ мою лучшую, завѣтную жемчужину въ мутный Волховъ, чтобъ я отдалъ мою дочь за человѣка, у котораго нѣтъ три-девяти сноповъ для брачной постели, у котораго и любимый конь пасется муравой пріятелей! Моей ли Ольгѣ онъ чета! у нея корабли въ морѣ; у него—журавли въ небѣ.

— Братъ! не порочь добраго гражданина! Сердце Романово стоитъ твоихъ мѣшковъ съ золотомъ, и въ его жилахъ течетъ не худая кровь дѣтей боярскихъ: племянницѣ моей не стыдно сложить руку съ рукою правнука Твердиславова *.

— Да-будь онъ потомокъ самаго Вадима, и тогда безъ золотаго гребня не расплести ему косы моей Ольги, и своей славною саблей не отворить кованаго ларца съ ея приданымъ!

— Чудный человѣкъ! ты ищешь за свое добро купить себѣ горе, а дочери несчастье. Ольга любитъ Романа; ея слезы...

— Слезы — вода, а про любовь ея, задуманную безъ моего согласія, не хочу я и слышать.

---

* *Твердиславъ* былъ посадникомъ новгородскимъ въ 1219 году.

— Братъ Симеонъ! сердце не слуга: ему не прикажешь!

— За-то можно отказать. Съ этого часу запрещаю Ольгѣ и мыслить о Романѣ, а ему ходить ко мнѣ. Я хочу, чтобы она думала не иначе, какъ головою отца да-матери: жила бы по старинѣ, а не по своей волѣ, и не подражала бъ чужеземнымъ, привознымъ обычаямъ. Правду молвить, въ этомъ первою виной — Германцы, и когда бы могъ, то изгналъ бы ихъ всѣхъ изъ православнаго Новагорода.

— Еслибъ не торговыя выгоды!—прервалъ Юрій, съ усмѣшкой разглаживая усы свои.

— Да, да, если бъ не торговыя выгоды! отвѣчалъ Симеонъ, тронутый такимъ замѣчаніемъ: выгоды, которыя сдѣлали меня первымъ гостемъ новогородскимъ, а мою дочь богатѣйшею невѣстой, у которой свахи лучшихъ жениховъ обили пороги.

— И всегда и навсегда напрасно: Ольга не изберетъ другаго, если ты не выберешь ею избраннаго. Братъ и другъ! ты хорошо знаешь свои счеты, но худо страсти людскія. Ольга можетъ въ твою угоду скрыть слезы свои, но эти слезы сожгутъ ея сердце, и она безвременно увянетъ какъ цвѣтъ, изсохнетъ какъ былинка на камнѣ. Не дѣлай же ее несчастною, не заставь крушиться родныхъ на твое позднее раскаяніе. Послушай совѣта отъ друга и брата, чтобъ послѣ не плакаться Богу; исполни мою просьбу, а молодыхъ мольбу — отдай Ольгу Роману!...

Слово: совѣтъ, пробудило гордость Симеонову.

— Побереги эти совѣты для дѣтей своихъ — сказалъ онъ, нахмуривъ брови, чтобы подъ суровостію чела скрыть слезы, навернувшіяся на глазахъ отъ рѣчи Юрія, — старшему брату поздно жить умомъ младшаго.

Долго длилось молчаніе. Юрій, недовольный худымъ успѣхомъ сватовства, видѣлъ, что онъ оскорбилъ самолюбіе брата. Симеонъ досадовалъ на него за противорѣчіе, а на себя за поминъ о старшинствѣ; одинъ глядѣлъ въ косятчатое оконко, другой

игралъ кистью своего узорчатаго кушака: оба искали словъ къ разговору и не находили. Наконецъ нетерпѣливый Юрій рѣшился избавить себя и брата отъ затрудненія, уходомъ.

— Прощай братецъ! тихо сказалъ онъ, снимая со стопки бобровую свою шапку.

— Съ Богомъ, Юрій! но почему ты не останешься здѣсь ужинать? Я поподчую тебя стерлядью и славнымъ виномъ заморскимъ.

— Если бъ, даже, ты угостилъ меня княжескими павлинами, я не останусь: тоска племянницы отравить рѣдкія твои яствы и дорогую мальвазію.

— Вольному воля! повторилъ раза два Симеонъ, провожая брата.

Задумавшись, сѣлъ онъ подъ божницей, блестящей золотыми окладами и вѣнцами старинныхъ иконъ, изукрашенныхъ камнями самоцвѣтными. Сватовство Романа не выходило изъ его головы, участь дочери лежала на сердцѣ, гордость боролась съ отеческою любовью. Больше всего на свѣтѣ любилъ Симеонъ великій-Новгородъ, но больше всего уважалъ богатство, и потому-то человѣкъ, неотличенный еще согражданами, ненадѣленный счастіемъ, съ своими заслугами и достоинствами, казался ему ничтожнымъ. Къ этому присовокупилась давняя досада за противность на Вѣчѣ, гдѣ Романъ сильно опровергалъ его мнѣнія. Симеонъ скоро увидѣлъ истину, но старые люди рѣдко ее прощаютъ юношамъ. Разчетливость не охладила въ немъ чувствъ, но тщеславіе заставило желать для дочери жениха именитаго и богатаго: судьба Романа рѣшилась. Симеонъ не любилъ говорить дважды.

— Братъ посердится и уймется — думалъ онъ — а любовь дѣвушки — ледъ вешній: поплачетъ она, поскучаетъ... и другой женихъ оботретъ ея слезы бобровымъ рукавомъ шубы своей!

Блѣденъ, какъ полотно, выслушалъ Романъ изъ устъ Воеслава приговоръ свой. Добрый Юрій былъ ему вмѣсто отца роднаго: онъ старался смягчить отказъ словами ласковыми, льстилъ надеждой дале-

кою; но могъ ли обольстить несчастливца! Сердце влюбленнаго чутко, взоры его не обманчивы: Романъ издалека прочиталъ бѣду на лицѣ благодѣтеля. Въ изступленіи нѣмаго отчаянія, вперивъ неподвижные взоры на дверь, долго сидѣлъ онъ на лавкѣ дубовой, ничего не видя и не слыша. Горькіе вздохи вздымали грудь, занимали его дыханіе; наконецъ природа взяла верхъ: въ два ключа брызнули слезы изъ очей юноши; онъ, рыдая, упалъ на грудь великодушнаго друга.

Въ тѣ времена добрые люди не стыдились еще слезъ своихъ, не прятали сердца подъ привѣтною улыбкой: были друзьями и недругами явно. Воеславъ плакалъ вмѣстѣ съ Романомъ, и благодарная душа его, какъ будто, утѣшилась росою отрады.

II.

Уста раскрывъ, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая;
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.

А. Пушкинъ.

Милая Ольга не знала—не вѣдала о бывшемъ. Въ высокомъ липовомъ своемъ埋 теремѣ, въ кругу нянекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, сидѣла она за пяльцами, вышивая коверъ шелковый, и между-тѣмъ какъ нѣжная рука выводила узоры, воображеніе рисовало ей блестящія картины будущаго. Она краснѣла отъ удовольствія при мысли, что на этотъ коверъ, можетъ-быть, ступитъ она подъ вѣнецъ съ милымъ сердцу. Воспоминаніе переносило ее къ первой встрѣчѣ съ прекраснымъ юношею, когда онъ забылъ поклониться, пораженный ея красою, боясь свести глаза съ Ольги плѣнительной. Съ младенческою подробностью припоминала она ту прелестную весну, когда сердце ея распустилось, какъ роза, подъ дыханіемъ первой любви; тотъ незабвенный семикъ, когда впервые рука ея трепетала въ рукѣ Романа, когда нехотя убѣгала она въ рѣзвыхъ горѣлкахъ отъ милаго незнакомца и, какъ будто случаемъ, съ нимъ встрѣчалась, съ нимъ завивала березку, и когда Волховъ умчалъ гадальный вѣнокъ ея, въ глазахъ Романовыхъ хотѣла прочесть будущую свою участь. Припоминала мѣста,

гдѣ видались они, и тайныя рѣчи, и поступь и одежду сердечнаго друга. Иногда, опустивъ иголку, въ обманѣ мечты, ей казалось, какъ на-яву, будто Романъ стоитъ передъ нею въ свѣтлосинемъ кафтанѣ своемъ, съ серебряными застежками, обтянутомъ около стройнаго его стана, въ зеленыхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ золочеными каблуками. Казалось, она видѣла, какъ онъ клянется съ обычною увѣтливостью, какъ отряхаетъ русыя кудри свои, какъ закладываетъ шитыя съ бахрамою перчатки за кушакъ шамаханскій — и мимолетный вѣтеръ чудился ей голосомъ любезнаго. Какъ любила слушать она Романовы повѣсти о дальнихъ походахъ Новогородецъ, на поморье и на подолье; о битвахъ съ богатырями желѣзными, съ суровыми Шведами, съ дикими Половцами и Литовцами! Она заслушивалась имъ, растворивъ окно свѣтлицы надъ крыльцемъ отеческимъ, гдѣ милый воитель бесѣдовалъ за стопой кипящаго меду, сидя съ братьями Воеславами, по субботамъ въ часъ вечера, когда кончены всѣ заботы недѣли, и тонкій паръ встаетъ съ бань приволховскихъ, и рѣка кипитъ пловцами. Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ благоговѣніемъ внимала она разсказу о недавнемъ нашествіи Тамерлана, о промыслѣ Всемогущаго, спасшаго Москву отъ гибели, вѣрою гражданъ, заступленіемъ Дѣвы Пречистой, образомъ Владимірской - Богоматери *! Съ какимъ участіемъ провожала Романа плѣненнаго въ Ельцѣ, за войскомъ Монголовъ, гонимыхъ мечемъ невидимымъ изъ Россіи! Описаніе вѣчно-цвѣтущей Астрахани, коверчатыхъ береговъ Закубанскихъ и Кавказа, подпирающаго небо шлемомъ снѣжнымъ, опереннымъ тучами, и грозное величіе бича вселен-

---

* Тамерланъ, или Тимуръ, съ московскаго пути обратился на югъ Россіи, какъ пишутъ современники, въ самый тотъ день (26 авг. 1395 года) когда Московитяне встрѣтили сію чудотворную икону, нарочно изъ Владиміра привезенную. Ист. гос. Росс. томъ 5.

ной — Тимура, его роскошный дворъ, его звѣронравныхъ подданныхъ съ ихъ нарядами, съ ихъ обрядами и забавами, привлекали вниманіе Ольги. Добыча цѣлаго свѣта, запечатлѣнная кровію милліоновъ людей, лежала горами въ престольномъ станѣ Тимуровомъ, говорилъ Романъ. Цари и владѣльцы всей Азіи служили хану рабами. Ковры персидскіе, украшеніе дворцевъ Багдада, стали попонами верблюдамъ, многоцѣнные пояса дѣвъ русскихъ обратились въ смычки собакъ; багряницы князей вѣяли чапраками на коняхъ побѣдителя. Гордые Моголы, нѣжась на войлокахъ подъ шалевыми палатками Тибета, пили вино разграбленной Грузіи, изъ священныхъ чашъ Царьграда. Сердце ея замирало, когда она внимала ужасамъ, висѣвшимъ надъ головою Романа во время плѣна и опасностямъ во время бѣгства его на родину, отъ береговъ Чернаго моря.

Неустрашимость мужчины вливаетъ въ грудь дѣвушки какое-то возвышенное къ нему уваженіе. Соучастіе дружитъ, сближаетъ съ страдальцемъ, и любовь, какъ тиховѣйный вѣтеръ, закрадывается въ душу. Плѣнили Ольгу повѣсти богатырскія; но что было съ нею, когда Романъ садился за звонкія гусли, и подъ говоръ струнъ запѣвалъ томиую пѣсню! Его голосъ казался тебѣ, красавица, отголоскомъ тайныхъ чувствъ твоихъ; твоя душа сливалась и замирала съ звуками любовныхъ припѣвовъ; ты млѣла въ какомъ-то сладостномъ забытьѣ, и долго, долго слышались тебѣ отрадные звуки знакомаго голоса, и взоры пѣвца ласкали, проницали сердце. Неужели все то правда, что поется въ пѣсняхъ? не разъ спрашивала Ольга у добродушной няни своей. — О конечно! отвѣчала няня: въ сказкѣ — басня, а въ пѣснѣ — быль.

И въ слѣдъ-за-тѣмъ запѣвала она любимыя пѣсни Ольгины, сложенныя Романомъ, и неопытная предавалась страсти злосчастной, и съ потворствомъ внимала шепоту сердца, которое отъ часу громче твердило: люблю, люблю Романа! Ты спознала, не-

преклонная красавица, грусть и сладкіе вздохи, и неясныя желанія и, въ награду безсонницы — сны, украшенные образомъ незабвеннымъ. Да и кто жъ, коль не онъ, ей суженый? Развѣ даромъ ей явился Романъ въ зеркалѣ, развѣ даромъ приснился о-святкахъ, наканунѣ крещенья и перевелъ, какъ на яву, черезъ мостъ свадебный? Неужели лучшій вѣщунъ — сердце, ее обмануло!...

Такъ лелѣяла надежды свои, невинная Ольга; но жребій судилъ иначе...

Вечерѣлъ ясный день Рюэня *. Ольга задумчиво сидѣла подъ густою яблонью, въ тѣнистомъ саду отеческомъ. Вдругъ затрещалъ частоколъ высокій, кто-то спрыгнулъ съ него; еще мигъ — и Романъ очутился передъ испуганною Ольгою.

— Не бѣги, не пугайся, не гнѣвайся, милая! говорилъ онъ, схвативъ ее за руку: выслушай твоего вѣрнаго Романа. Моя жизнь, мое счастіе отъ того зависятъ.

Красавица вырывалась напрасно; разсудокъ совѣтовалъ ей: бѣги! сердце шептало: останься! Что скажутъ добрые люди? повторялъ разумъ. Что станется съ милымъ, когда ты скроешься? замѣчало сердце. Еще борьба страха и стыдливости не кончилась, а Ольга нехотя, сама не зная какъ, сидѣла уже съ Романомъ рука-объ-руку, и плѣнительнымъ голосомъ любви упрекала любезнаго льстеца въ безразсудствѣ.

— Ольга! сказалъ тогда Романъ, я принесъ вѣсть нерадостную: я сватался, и мнѣ отказано! Жить безъ тебя я не могу, и когда твоя любовь не однѣ пустыя рѣчи — бѣжимъ къ доброму князю Владиміру: у него найдемъ пріютъ, а въ сердцахъ своихъ счастье. Рѣшайся!

Поражена, изумлена вѣстью и предложеніемъ Ро-

* Рюэнь — сентябрь.

мана, безмолвна сидѣла Ольга. Все кончилось! всѣ мечты — любимыя подруги сердца, погибли. Исчезла радость навѣкъ, будто павшая звѣзда, и такъ безнадежно, такъ неожиданно! Долго бушевали страсти въ груди ея; долго тускнѣло зеркало разума подъ дыханіемъ отчаянія; наконецъ ужасающая мысль о побѣгѣ возбудила вниманіе Ольги.

— Бѣжать, мнѣ бѣжать! воскликнула она рыдая: и ты Романъ, могъ предложить средство позорное для моего роду и племени, пагубное для меня самой! Нѣтъ, ты не любилъ Ольги, когда забылъ о ея доброй славѣ, о чистотѣ ея совѣсти. Бѣжать! совершить дѣло неслыханное, бросить край родимый, обезславить на вѣкъ родителей, прогнѣвать Бога и святую Софію! Нѣтъ, Романъ, нѣтъ! отрекаюсь любви, если она требуетъ преступленій, и даже тебя самаго. — Слезы прервали рѣчь ея.

Съ нахмуреннымъ челомъ, блуждая окрестъ сверкающими взорами, внималъ вспыльчивый Романъ укорамъ дѣвы.

— Женщины, женщины! произнесъ онъ съ дикою усмѣшкою: и вы хвалитесь любовію, постоянствомъ, чувствительностію! Вы, жалостливыя только до пѣсенъ, вы, изъ тщеславія плѣняющія легковѣрныхъ! Любовь ваша одна прихоть, болтлива и летуча, какъ ласточка; но когда приходится доказать ее не словомъ, а дѣломъ, какъ вы обильны въ извиненіяхъ, какъ щедры на совѣты, на старыя басни и на упреки! И для чего-жъ было льстить мнѣ коварными взорами, рѣчами ласки и надежды? Чтобы убійственнымъ *нѣтъ* оледенить сердце любовника! Не для тебя-ль, непроклонная, забывалъ я славу, и свѣтъ, и все, меня окружающее; не замѣчалъ, какъ откидывались отъ глазъ, будто ненарокомъ, при встрѣчѣ со мной, фаты первыхъ красавицъ; какіе взгляды стремились ко мнѣ изъ за штофныхъ занавѣсовъ богатѣйшихъ изъ моихъ сосѣдокъ? Не я ли вѣковалъ на улицѣ, чтобъ уловить небесный взоръ твой, услышать звукъ твоего голоса, шумъ легкой твоей походки! Не я ли посвятилъ

тебѣ жизнь и счастіе жизни? И ты разомъ все у меня похищаешь: мѣняешь мою руку на роскошь, хочешь, чтобъ золотымъ, обручальнымъ кольцомъ приковали тебя къ чугунной цѣпи немилаго супружества — немилаго, говорю я?... но вѣдь женская любовь — привычка; долго-ль красавицѣ позабыть прежнее!... И можетъ статься, если переживу я свое несчастіе, Ольга захочетъ видѣть меня дружкой своимъ, чтобы съ саблей въ рукѣ скакалъ я въ ночь около ея спальни, и охранялъ покой новобрачныхъ!

Въ пылу гнѣва, Романъ не внималъ умоляющему голосу Ольги, но изліявъ словами сердце, онъ увидѣлъ слезы ея: онѣ потушили изступленіе. Ярость исчезла, какъ тающій снѣгъ на раскаленномъ желѣзѣ.

— Неблагодарный другъ! говорила красавица: и ты могъ вымолвить, что я разлюбила тебя! Надѣялась-ли я когда нибудь слышать упреки за справедливость? думала-ли получить такую награду, когда твои вздохи волновали грудь мою, когда по цѣлымъ часамъ я внимала взорами тайному разговору ясныхъ очей твоихъ?... а теперь!

— Прости, прости меня, безцѣнная! — повторялъ тронутый Романъ, цѣлуя хладную ея руку...

Невольно склонилась дѣвица на кипящую грудь юноши; щеки обоихъ горѣли румянцемъ — и первый, сладостный поцѣлуй любви запечатлѣлъ примиреніе.

— Жить и умереть съ тобою! тихо произнесла Ольга, и всѣ жилки Романа затрепетали чувствомъ неизъяснимымъ.

Души пылкія! вамъ они понятны: вы извѣдали сіи волшебныя мгновенія, когда каждая мысль—радость, каждое ощущеніе — нѣга, каждое чувство — восторгъ!

— Черезъ три дня, въ праздникъ пятилѣтія мира съ Нѣмцами, въ часъ полуночи, я буду ждать милую Ольгу подъ окошкомъ садовымъ; борзые кони умчатъ насъ отсюда, суматоха праздничная побла-

споспѣшествуетъ побѣгу, и на берегу чуждой рѣки найдемъ мы покой и счастіе и, можетъ статься, дождемся благословенія отеческаго.

Роковое *да*! излетѣло со вздохомъ. Любовники поцѣловались еще, и еще разъ. Прощальныя слезы сверкнули — Романъ удалился.

III.

Они въ ручной вступили бой,
Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ —
Они стопами землю роютъ.

Дмитріевъ.

Наступилъ день праздника.

Веселый звонъ колоколовъ огласилъ воздухъ, и Новгородъ запестрѣлъ народомъ; собираются старъ и малъ: граждане въ церковь Софійскую, нѣмцы къ св. Петру. Громогласно читаютъ договорную мирную грамату съ Рижанами и Готскимъ берегомъ: молебствіе отходитъ, и всѣ спѣшатъ отъ обѣдни къ обѣду на городище. Сановники за столами браными ждутъ гостей, гости ожидаютъ другъ друга. И вотъ уже посадникъ привѣтствуетъ купцевъ ревельскихъ, любскихъ, армянскихъ, союзниковъ Литовцевъ, земляковъ Россіянъ. Владыка благословляетъ яствы, гремитъ труба и всѣ садятся: богачъ подлѣ бѣднаго, знатный съ простолюдиномъ, иновѣрецъ рядомъ съ православными. Все смѣшано, всѣ дышатъ братствомъ и дружествомъ: благодатное небо раскинуто одинаково надъ всѣми. Казалось, тогда обновился пиръ Изяслава, князя любезнаго народу, угощавшаго на этомъ же мѣстѣ любимый народъ свой.

Протекли съ того дня три вѣка; измѣнились князья Новогорода; за-то Новгородцы остались тѣ-же. По

прежнему шумны, какъ липецъ, по прежнему гнѣвъ ихъ сердецъ опадаетъ какъ пѣна, и незлопамятная рука Новгородца охотно покидаетъ мечь для кубка мироваго, и недруги садатся друзьями за гостепріимный столъ, за хлѣбъ-соль русскую.

Текутъ часы, течетъ вино рѣкою, и заздравный рогъ кружится между гостями, и цвѣтныя наливки румянятъ ланиты пирующихъ. Смѣхъ и шумъ возвѣщаютъ конецъ обѣда. Встаютъ — и веселыя, живыя пѣсни раздаются по берегу.

— Милости просимъ, алдерманъ Бруно, фохтъ фонъ-Роденшейнъ, и всѣ господа рыцари нѣмецкіе, и всѣ ясные паны Литвы! говорилъ ласковый Юрій Воеславъ пріѣзжимъ. Милости просимъ послушать пѣсенокъ русскихъ; пѣвецъ Романъ вѣрно не откажется потѣшить дорогихъ гостей нашихъ.

Любопытные стѣснились въ кружокъ. Романъ настроилъ гусли, робко окинулъ взоромъ собраніе, и запѣлъ о любви дочери Ярославовой Елисаветы къ смѣлому Гаральду, витязю Скандинавіи, изгнаннику, великодушно принятому при дворѣ новгородскомъ. Князь, говорилъ ему мудрый Ярославъ: ты милъ моей дочери, этого довольно — мѣняйтесь сердцами и кольцами, но знай, что однѣми пѣснями не купишь руки Елисаветиной, покуда слава не будетъ твоею свахою. Иди и заслужи меня! произнесла полумертвая княжна, и Гаральдъ полетѣлъ въ Грецію, сражался годы за св. крестъ, побѣждалъ потому, что любилъ, и презрѣвъ страсть императрицы Зои, съ вѣрною дружиною Варяговъ, между тысячами опасностей, возвратился къ Новгороду, и корысти, и славу и почести повергъ къ ногамъ вѣрной Елисаветы.

Вдругъ затихли живыя струны, и свѣтлая дума минувшаго налетѣла на кругстоящихъ. Романъ, зарумянясь будто красная дѣвушка, внималъ похваламъ и плескамъ всеобщимъ. Какъ подстрѣленный орелъ рвется въ путахъ, завидя добычу, такъ билось въ груди юноши сердце; когда въ княжемъ са-

ду увидѣлъ онъ Ольгу, когда замѣтилъ на лицѣ ея улыбку одобренія — онъ былъ счастливъ!

— Къ играмъ, къ играмъ! прокликнулъ бирючъ, скача на татарскомъ конѣ по набережной, звуча по временамъ въ трубу серебряную.

Расхлынули волны народа, и просторный кругъ образовался для борьбы и для ристанія. Нѣмцы были первыми гостями на праздникѣ: они первые въѣхали за веревку. Взоры всѣхъ стремятся на оружіе всадниковъ: одинъ изъ нихъ въ свѣтломъ серебряномъ панцырѣ, въ такихъ же поручахъ и поножахъ, въ стальныхъ перчаткахъ, закрытъ отъ золотой шпоры до золотаго нашлемника, разцвѣтшаго, будто махровый макъ, строусовыми перьями. Забрало опущено, черный крестъ украшаетъ лѣвую грудь; чешуйчатый приборъ гремитъ на сѣромъ конѣ рыцаря. Стальной клѣтчатый намордникъ, прикрѣпленный къ вѣтвистому мундштуку, охраняетъ конскую голову. Молодой витязь рыщетъ по поприщу, поднимаетъ рѣшетку шлема, увидя красавицъ, выглядывающихъ сквозь вѣтви окружныхъ садовъ, вьетъ пыль, и окровавленною шпорою вперяетъ свой жаръ въ хладнокровнаго бѣгуна фряжскаго. Другой тихо разъѣзжаетъ кругомъ. Его броня чернѣе ночи, тяжко вооруженіе и мечъ огроменъ. Голова Мавра видна въ золотомъ полѣ щита *; кудри бѣлоснѣжныхъ перьевъ играютъ съ вѣтромъ. Безстрастные глаза рыцаря едва блистаютъ сквозь крестовидныя скважины глухаго его забрала. Но вотъ разскакались противники, летятъ на встрѣчу, сердца зрителей бьются, по скоку коней—ударъ, и копья въ осколкахъ, и кони, сгрянувшись, поверглись на земь: рыцари, запутанные, задавленные латами, лежатъ подъ своими бѣгунами недвижимы и невредимы.

* Военно-торговое общество братьевъ *Шварценгейптеровъ*, существовавшее въ Ревелѣ и Ригѣ, въ гербѣ своемъ имѣло голову с. Маврикія, который былъ Мавръ по роду и воинъ по званію.

— Прекрасны ваши брони, говорили, поднимая ихъ, Новогородцы, но для насъ не сручны: Русскій не согласится сидѣть, будто въ засадѣ, въ такомъ панцырѣ и, какъ въ тюрьмѣ, дышать Божьимъ воздухомъ сквозь рѣшетку!

Литовскіе пятигорцы * на рѣзвыхъ коняхъ взнеслись на площадь. Ихъ было трое; легкія кольчуги облекаютъ станъ до колѣна, медвѣжьи шкуры вѣютъ на лѣвыхъ плечахъ, орлиныя крылья шумятъ за спиною. Бобровыя прилбицы ** надвинуты на брови; кривыя сабли ихъ брячатъ; мелькаютъ копья, увѣнчанныя полосатыми значками; высоки сафьянныя сѣдла ихъ, убитыя золотомъ, увѣшенныя корольковыми кисточками и ременными плетнями; лядунки съ снарядомъ огнестрѣльнымъ висятъ на правомъ боку; фитили курятся въ жестяныхъ трубкахъ. Они гарцуютъ и съ воплемъ скачутъ по полю, крутятъ дротиками, мечутъ и ловятъ ихъ на полетѣ, или покинувъ повода на шею послушныхъ бѣгуновъ, берутся за едва видѣнные дотолѣ самопалы ***, и какъ перуномъ разятъ перелетныхъ ласточекъ, и дивятъ народъ своимъ проворствомъ.

— Удалы наѣздники! говорятъ про нихъ межъ собою Новгородцы, а не разъ случалось намъ щипать этихъ орловъ Задвинскихъ.

Пращи свистятъ, русскія стрѣлы рѣшетятъ цѣль; юноши опереживаютъ вѣтръ, бѣгая въ запуски; всадники скачутъ, сопровождаемые восклицаніями, ожидаемые наградою у мѣты. Борьба, любимая забава племенъ Славянскихъ, привлекаетъ удальцевъ; кулачный бой рѣшитъ побѣду. Ужъ строятся стороны: особо Софійская, особо Торговая; уже громко вызываютъ поединщики другъ друга; двое первыхъ бойцевъ выходятъ на средину, сбрасываютъ съ себя кушаки, цвѣтные кафтаны и съ правыхъ

* *Пятигорцы*, родъ легкой кавалеріи на образецъ Венгерскихъ Пятигорцевъ.

** *Прилбица*—шлемъ, а иногда наличникъ (visière.)

*** *Самопалы*, — пищали или ружья.

рукъ рукавицы, обнажаютъ ихъ до локтя. Айфалъ бьется со стороны Торговой, Буслай отъ Зарѣчья. Первый ретивъ, быстръ, грозитъ взорами и словамя, другой насмѣшливо молчаливъ и неподвиженъ. Въ двухъ шагахъ другъ отъ друга колеблются они, склонясь напередъ всѣмъ тѣломъ, закрыты, какъ щитомъ, лѣвыми руками, стерегутъ удачнаго мгновенья, чтобы поразить правою — вотъ ударъ, и великанъ Айфалъ сгорѣлъ отъ руки Буславича; но вотъ и обѣ стѣны сошлись, схватились, смѣшались; воздухъ стонетъ отъ кликовъ; удары дождятъ — какъ вдругъ раздался глухой звонъ вѣчеваго колокола: изумленные борцы остановились, и еще стиснувъ въ рукахъ противника, прислушивались къ вѣстовому звуку. Удары повторялись за ударами, и съ каждымъ разомъ росло смятеніе. Новгородцы забыли и бой и веселье, когда общее дѣло зоветъ ихъ на вѣче. Народъ потекъ на Дворъ Ярослава; у каждаго въ глазахъ было написано недоумѣніе, на всѣхъ устахъ леталъ вопросъ: что значитъ эта неожиданность, и что она сулитъ намъ?

— Граждане! сказалъ посадникъ Тимоѳей собравшемуся народу: послы князей, Василія Димитріевича и Витовта, сына Кестутіева, привезли граматы о дѣлахъ важныхъ, и неотлагаемо хотятъ вручить ихъ новогородскому вѣчу. Когда и какъ дозволите вы явиться имъ передъ собою?

— Теперь, сей часъ! — воскликнули тысячи. — Допускаемъ ихъ поклониться святой Софіи, и по старинѣ справить свое посольство.

Послы явились. Московскій бояринъ Константинъ Путный взошелъ на крыльцо съ обнаженною головою, поклонился народу и читалъ:

«Василій Димитріевичъ, великій князь московскій, суздальскій, ниже и новогородскій, и всея Руси, шлетъ поклонъ своимъ вѣрнымъ людямъ Новгородцамъ!... Вложивъ мечь въ ножны, послѣ кары строптивыхъ городовъ вашихъ, я три года жду покорности новогородской митрополиту Москвы — жду и не дождусь. Уже-ли вѣчно раздумье ваше? Знай-

те-жъ, что мое терпѣніе не вѣчно. Это старое: желаю иного. Нѣмцы усиливаются и богатѣютъ въ ущербъ православнымъ, обрываютъ сосѣднія, союзныя области, и изъ вашего желѣза куютъ стрѣлы на Русскихъ. Призванный на княженіе по роду, я и по сердцу блюду моихъ подданныхъ, и обязанъ предупредить васъ отъ зла, тѣмъ вреднѣйшаго, чѣмъ болѣе оно похоже на пользу. Съ тестемъ Витовтомъ мы ссудили войну Ордену Меченосцевъ: требуемъ того же отъ Новагорода.»

Еще не смолкъ гулъ изумленія, когда Литовецъ Ямонтъ гордою поступью вышелъ на середину и громко вѣщалъ:

— Новогородцы! васъ привѣтствуетъ Витовтъ, князь Чернигова, князь Бѣлой и Червонной Руси, земли витязей и всей Литвы. Я съ вами въ мирѣ, а вы съ врагами моими, рыцарями, въ дружбѣ и совѣтѣ. Принимаете и жалуете моихъ бѣглыхъ мятежниковъ *. Такъ-ли поступаютъ союзники? Такъ-ли платятъ за ласку новаго брата по вѣрѣ, у котораго съ вами одни друзья, одни враги. Новогородцы! хочу знать рѣшительно, меня или магистра предпочитаете? Если его, то вспомните, что Витовтъ не за горами, и болота не щитъ Новугороду. Ваши лѣса склонятся мостомъ для моихъ безстрашныхъ; я пущу огнь и мечь по вашей волости, и подковами вытопчу нивы. Мой зять, а вашъ государь сѣдлаетъ коня за одно со мною. Выбирайте: жду отвѣта!

Невнятное жужжанье негодованія пронеслось въ толпѣ народной. Одинъ изъ старшихъ посадниковъ

* Здѣсь Витовтъ говоритъ о Василіи Іоанновичѣ, Князѣ Смоленскомъ (который, видя свое владѣніе измѣною захваченное, Смоленскъ сожженный и разграбленный, бѣжалъ отъ братоубійцы Витовта въ Новгородъ) и Литовскомъ князѣ Панкратіи, сынѣ Нариманта, которому Новогородцы дали въ управленіе Приневскія области.

проводилъ пословъ до посольскаго дома *. Граждане, по обычаю, остались судить о слышанномъ. Епископъ, послѣ краткой молитвы, благословилъ всѣхъ на правое совѣщанье о святомъ дѣлѣ родины. Всѣ сановники удалились, ибо старинный законъ запрещалъ имъ присутствовать на вѣчахъ, дабы уничтожить вліяніе власти. Какъ море шумѣло собраніе: разногласіе волновало умы; наконецъ огнищанинъ Іоаннъ Завережскій, мужъ правдивый, но миролюбивый, взошелъ на ступени, и громко спросилъ позволенія вымолвить слово; ему позволили, и вотъ что говорилъ онъ:

— Народъ и граждане, вольные люди Новогородцы! Вы слышали предложеніе князей; вы чувствуете неправоту онаго, и обидность угрозъ, и высокомѣріе княжее; но вы знаете мѣру силъ своихъ, и теперь благоразуміе должно начертать отвѣтъ нашъ. Дѣло состоитъ въ разрывѣ съ Лифляндцами, или въ войнѣ съ могучими князьями, и мое мнѣніе: избрать меньшее, первое зло изъ двухъ необходимыхъ. Правда, отъ Ганзы получаемъ мы всѣ прихотные товары, но жизненныя потребности въ рукахъ Василія: онъ можетъ пересѣчь намъ и путь къ каменному поясу, а безъ соболей что будетъ съ нашей заморскою торговлею? Это еще не все: Нѣмцы пріятели намъ только въ гостиномъ дворѣ, и злодѣи въ полѣ; набѣги ихъ на границы наши отъ

* Дѣйствительный посадникъ назывался *степеннымъ*, прежніе посадники *старшими*. Каждый *конецъ*, или часть города, имѣлъ своего *старосту*, дѣлился на военныя и торговыя *сотни*. Первѣйшіе *мьстичи* или граждане назывались *огнищанами* и *житыми людьми*. Въ *боярское* достоинство, равно какъ и во всѣ должности, избиралъ народъ міромъ, т. е. обществомъ; но оно не было наслѣдственнымъ. Простой или черный народъ пользовался одинакими правами съ прочими сословіями. Купцы или гости имѣли свою особую расправу — въ *Думѣ*.

Невы и Великой тому порукою: за нихъ-ли, чужеземцевъ, прольемъ кровь братьевъ, наведемъ бѣды на отечество? И безъ того еще не встали изъ пепла села и монастыри и запольскіе * посады Новагорода, недавно принесенные въ жертву, великодушно, но безполезно. Прошлый разъ Василій вооружилъ двадцать городовъ: теперь одинъ Витовтъ приведетъ болѣе, и тяжкая сила задавитъ волю. Не лучше-ли жъ до поры до времени уступить нѣкоторыя выгоды, чѣмъ вдругъ потерять все?

— Правда, правда! — закричали многіе. — Куда намъ вѣдаться съ двумя сильными врагами?

Тогда, кипя досадой и гордымъ мужествомъ, Романъ просилъ слова. — Говори! зашумѣли всѣ. Романъ говорилъ:

— Вольные мѣстичи вольнаго Новагорода! Не дивно было, когда послы князей винили и стращали насъ по своему: дивлюсь, какъ Новгородецъ могъ предложить мѣры, столь противныя пользамъ соотечественниковъ! Мы поклялись управляться въ дѣлахъ Церкви своимъ епископомъ; мы цѣловали крестъ на миръ съ рыцарями — уже ль будемъ играть душею, чтобъ угодить Витовту? Уже ли новогородская совѣсть отдана въ приданое за его дочерью? Недовольный клятвопреступствомъ, онъ хочетъ и насъ сдѣлать предателями, требуя, чтобъ мы выдали Василія и Патрикія на участь Скиргайла и Нариманта, имъ изведенныхъ; но можемъ ли, захотимъ ли нарушить искони славное гостепріимство наше! Измѣнимъ ли заповѣди евангельской, повелѣвающей прощать и благотворить врагамъ? Витовтъ, забрызганный кровью нашихъ одноземцевъ, хвалится, что разилъ враговъ Новагорода, пируетъ съ зятемъ въ Смоленскѣ, и вооружаетъ его на Нѣмцевъ. Василій жалуется на нихъ, чтобъ обвинить насъ, но отъ кого будетъ самъ получать парчи, бархаты, сукна, оружіе? Чрезъ какія ворота

* *Запольскіе* — загородные.

потекутъ въ Русь искусства, рукодѣлія и всѣ новыя изобрѣтенія странъ далекихъ? Черезъ кого мы сами богаты и сильны? Разорвется узелъ торговли, и обѣднѣвшій Новгородъ — вѣрная добыча первому пришельцу. Вспомните, граждане, старинную пословицу: пустой мѣхъ стоять не можетъ!

Громкіе знаки одобренія заглушили рѣчь Романа. Когда утихло, онъ продолжалъ:

— Говорятъ, что ключъ отъ новогородской житницы въ рукахъ Василія; но развѣ нѣтъ хлѣба за моремъ? Дорогою же къ золотому Сибирскому дну завладѣть не легко: въ Двинской области у насъ есть войско, которое отстоитъ города, промышленые копьемъ въ полѣ, а не поклонами въ ордѣ; здѣсь, найдутся люди, чтобъ ихъ выручить. Враги наши ужасны, за то въ нихъ нѣтъ единодушія: Витовтъ, роскошный на обѣты и угрозы, любитъ грѣться у чужаго пожара, и теперь, собираясь громить Монголовъ, не завяжется въ битву съ сосѣдами. Василій могущъ, опасенъ — тѣмъ сильнѣе должны ополчиться мы сами. Вамъ предлагаютъ купить миръ временною уступкою правъ своихъ, и вѣчнымъ стыдомъ родины. Граждане! развѣ не испытали вы, что уступки становятся чужимъ правомъ? развѣ серебрянымъ лезвіемъ отразили предки булатъ Андрея Боголюбскаго? Нашъ колоколъ не даетъ спать въ Кремлѣ Василію: заснемъ ли мы подъ грозою? Или забыли замученныхъ торжецкихъ братій своихъ *, или нѣтъ въ Новѣгородѣ сердецъ новогородскихъ, или не стало мечей, или мы разучились

* Первая торговая и смертная казнь была при Димитріѣ Донскомъ. Василій усугубилъ ее. Плѣнныхъ гражданъ Торжка, числомъ 70 человѣкъ, терзали на площади Московской. «Они исходили «кровію въ мукахъ; имъ медленно отсѣкали руки «и ноги и твердили, что такъ гибнутъ враги го«сударя Московскаго.» Ист. гос. Росс. Карамзина, томъ 5, стр. 135.

владѣть ими? Пускай же возстаютъ тьмы Русскихъ на своего прадѣда, на великій Новгородъ: за насъ наша мать, святая Софія!

Скоро окончилось вѣче, и каждый понесъ домой страхъ или надежду въ сердцѣ.

IV.

Ахъ ты, душечка, красна дѣвица,
Не сиди въ ночь до бѣла свѣта.
Ты не жги свѣчи воску яраго,
Ты не жди къ себѣ друга милаго!

Народная пѣсня.

Стихъ, стемнѣлъ шумный Новгородъ; гасли огни въ окнахъ гражданъ и чужеземцевъ: сонъ смежилъ очи заботы. Покойно все на берегахъ Волхова: только ты не спишь и не дремлешь, прелестная Ольга! и сильно бьется сердце дѣвическое, высоко воздымается грудь твоя; ожиданіе, страхъ и раскаяніе тебя терзаютъ. Любимая няня уже распустила ей русую косу, сняла съ нея праздничныя ферези, прочитала молитву вечернюю, спрыснула милую барышню крещенскою водою, осѣнила крестомъ постелю, нашептала надъ изголовьемъ, и съ наговорами благотворными ступила правою ногою за порогъ спальни. Добрая старушка! для чего нѣтъ у тебя отговоровъ отъ любви-чародѣйки! Ты бы вылечила ими свою барышню, отъ кручины отъ горести, отъ истомы сердечной. Или зачѣмъ сердце твое утратило память юности? Ты бы провидѣла страсть милой Ольги, заглушила бъ ее еще въ цвѣту — совѣтами и разсѣяніемъ. Но ты сама раздувала пламень, сама напѣвала ей пѣсни Романовы, хвалила его нравъ и стать. Бѣда юношѣ, когда вѣтреная красавица только думаетъ, что его любитъ; горе дѣвушкѣ, если

она любитъ неложно! Въ шумѣ боевой, походной жизни, съ чужеземными красавицами, забываетъ молодецъ прежнюю милую, но въ тиши дѣвичьяго терема гнѣздятся томительныя страсти, и любовь глубоко впивается въ невинную душу. Ахъ, зачѣмъ, добрая няня, ты не вѣдаешь отговорокъ отъ любви-чародѣйки? Зачѣмъ старостью отуманились твои очи!

Но вотъ Ольга сбрасываетъ съ себя жаркое одѣяло, и робкою, бѣлоснѣжною рукою осторожно отдергиваетъ камчатныя завѣсы полога — прислушивается; дыханіе замираетъ въ груди, блескъ лампады передъ иконою обличаетъ волненье бѣглянки. Трепеща, надѣваетъ она соболью шубку, и наконецъ — рѣшается встать съ постели; долго ищетъ ножкою по холодному полу туфлей сафьянныхъ — каждый скрипъ половицы бросаетъ ее въ холодъ. Красавица отворила окно. Все было мертвенно, тихо въ окрестности, и мѣсяцъ плылъ въ зыбкихъ осеннихъ туманахъ. Изрѣдка слышался крикъ перепелки въ нивахъ сосѣднихъ; изрѣдка брянчанье цѣпей на собакахъ, стерегущихъ нѣмецкій гостиный дворъ, раздавалось по Михайловской улицѣ. Нигдѣ ни души. Нѣтъ условнаго знака, страшнаго и желаннаго вмѣстѣ. Склонясь на руку, уныло смотрѣла Ольга на сверкающій вдали Волховъ, и тоска по родинѣ сдавила ея сердце. Прости, въ послѣдній разъ, все что семнадцать лѣтъ меня радовало! Простите, добрые, милые родители! Ольга залилась горючими слезами, и невольно упала на колѣна передъ Спасовымъ образомъ, и въ теплой молитвѣ излила свою душу. Страсти улеглись въ ней постепенно, и постепенно ярчей слышался голосъ раскаянія. «Гдѣ найдешь ты покой, дочь ослушная, безъ благословенія родителей, тобою убитыхъ? Проклятіе отца отяготѣетъ надъ тобою; грызеніе совѣсти и общее презрѣніе будутъ преслѣдовать тебя въ жизни и заградятъ грѣшницѣ небо; ты истаешь слезами, изсохнешь въ объятіяхъ мужа. Чуждый песокъ засыплетъ глаза твои. Твое имя надолго будетъ уко-

ромъ!» Тронутая Ольга молилась съ благоговѣніемъ, и благодать низлетѣла на ея сердце свѣтлою мыслію. — Нѣтъ! не огорчу, не обезславлю побѣгомъ родителей! сказала она съ благородною твердостію. Романъ ослѣпленъ любовью, но онъ меня послушаетъ — я упрошу или оплачу любезнаго. Пусть буду несчастна, за то невинна! Побѣда надъ собою пролила небесную отраду въ утомленныя чувства красавицы, и ангелъ сна осѣнилъ ее крыломъ своимъ.

Покойся, душа непорочная! Ты не одну еще ночь встрѣтишь тоскою безсонницы, не одно изголовье смочишь слезами, которыхъ не осушитъ ни солнце, какъ росу, ни поцѣлуй сострадательной матери, ни самое время, и долго тебѣ ронять ихъ на вѣтеръ, долго ждать друга милаго!

V.

Подъ звѣзднымъ небомъ теремъ мой,
И первый другъ мнѣ — мракъ ночной,
И мой второй товарищъ ратный
Неумолимый ножъ булатный;
Товарищъ третій — вѣрный конь
Со мною въ воду и въ огонь;
Мои гонцы неподкупные
Летуньи — стрѣлы каленыя.

Старинная пѣсня.

Подъ мракомъ ночи, невидимкой миновалъ Романъ Софійскія ворота Новагорода, и на ворономъ конѣ поскакалъ по дорогѣ Московской. Быстро, не озираясь, несся онъ, будто русалка гналась по пятамъ, будто хотѣлъ умчатся отъ измѣннической стрѣлы. Вѣтеръ взвѣвалъ кудри Романа; широкія полы опашня трепетали на сѣдлѣ татарскомъ, и кривая сабля гремѣла, ударяясь о стремена. Протяжный звонъ службы всенощной раздался съ сѣдой колокольни монастыря Хутынскаго, и пробудилъ Романа отъ забытья. Взглянувъ на узорчатыя главы онаго, блистающія во тьмѣ крестами золотыми, онъ вспомнилъ, что выѣзжая въ дорогу, не осѣнилъ себя крестомъ, и торопливо осадилъ опѣненнаго коня, снялъ шапку и набожно прочелъ: «Богородице дѣво, радуйся,» и трижды склонялся къ лукѣ поклонами молитвенными.

— Мучительно оставить милую, мыслилъ Романъ,

когда брачный вѣнецъ ожидалъ насъ. Тяжко покинуть ее въ жертву сомнѣній и незаслуженной тоски; но видно Богъ не хотѣлъ союза тайнаго, неблагословеннаго; да будетъ воля Его святая!

Съ думою на угрюмомъ челѣ пустился онъ далѣе. Совѣсть упрекаетъ насъ сильнѣе, когда рѣшимость на худое дѣло напрасна, ибо досада неудачи ее подстрекаетъ: то же самое было съ Романомъ.

Долго ѣхалъ молодецъ по дорогѣ разлучницѣ; кручина, какъ ястребъ, рвала его сердце. Мѣсяцъ свѣтилъ, сквозь радужную фату облаковъ, на пустую тропу и на сонныя дубравы. Кругомъ не шелохнется листокъ, не встрепенется птичка; только звонкій отголосокъ вторитъ мѣрному топоту коня, или хрустятъ порой гнилыя мостницы подъ его ногами. Настала полночь, часъ привидѣній, но наважденіе ада безсильно противъ невинности — ужасной ему, какъ пѣснь пѣтуха, по преданію. Чего жъ намъ страшиться за нашего витязя, когда теплая вѣра ему покровомъ!

Частой рысью спускался Романъ съ крутаго берега Вишеры на утлый мостъ, черезъ нее брошенный — громкій свистъ пробудилъ его изъ глубокой задумчивости — другой свистокъ отозвался въ глуши лѣса. Конь вздрогнулъ и поднялъ голову, по тѣлу всадника пробѣжалъ морозъ. Узкій бревенчатый мостъ, опирающійся на шаткія козлы, лежалъ передъ нимъ, сзади круть берега, кругомъ сѣдой боръ. Шатромъ перекачнувшіяся ели заслоняли мѣсяцъ, потокъ невидимый журчалъ внизу между камешками. Разсуждать было бы напрасно: Романъ выправилъ рукоять сабли и, озираясь, проѣхалъ до половины моста. Чуткій конь прялъ ушами, храпѣлъ, робко ступалъ — но все было тихо: Романъ думалъ, что ему почудилось.

— Стой, или убью! загремѣлъ невѣдомый голосъ и пять удальцевъ, выскочивъ изъ заобрушенныхъ пней, изъ подъ моста, заступили ему дорогу.

— Прочь, бездѣльники! вскричалъ безстрашный

Романъ, и дерзкій, схватившій подъ устцы его лошадь, покатился отъ сабельнаго удара.

— Рѣжьте его! воскликнули разбойники, и кистени засвистали вкругъ витязя. Бодро отмахивался онъ отъ наступающихъ; пробиться и ускакать была единственная надежда; но Богъ судилъ иначе. Блестящій ножъ испугалъ бѣгуна Романова: онъ съ маху рванулся въ бокъ, скользнулъ и полетѣлъ съ мосту, и тамъ, на днѣ ручья, всей тяжестію тѣла придавилъ разбитаго, безчувственнаго всадника....

Свѣтало.

Вкругъ умирающаго огонька спали нераздѣтые разбойники; на ихъ браныхъ мѣдью поясахъ сверкали длинные ножи. Самострѣлы, колчаны, кистени висѣли кругомъ на вѣтвяхъ; три коня подъ сѣдлами ѣли пшено вмѣстѣ съ Романовымъ. У переметныхъ сумъ, полныхъ добычею, дремалъ сторожевой, съ свисткомъ въ рукѣ; атаманъ, съ завязанною головою, лежалъ на волчьей кожѣ и читалъ какую-то грамату: вотъ какое зрѣлище представилось изумленному Роману, когда онъ опамятовался.

— Гдѣ я? спрашивалъ онъ у самаго себя. Какъ давно забытый, зловѣщій сонъ, мелькало въ его памяти прошлое. Онъ смутно припоминалъ объ условленномъ побѣгѣ, о вѣчѣ, о любви, принесенной въ жертву отечеству, о винѣ пути своего; наконецъ со страхомъ схватился за грудь.... на ней уже не было хранительной сумки, ни данныхъ ему наказовъ, ни золота, ему ввѣреннаго. Обморокъ снова охватилъ чувства Романа, испуганнаго сею важною потерею. Атаманъ разбиралъ по складамъ письмо, сорванное съ Романовой груди, и гласно повторялъ каждую рѣчь. Послушаемъ, что въ немъ написано.

«Наказъ тысяцкаго и посадниковъ новогородскихъ боярскому сыну Роману Яссенскому! Добрые люди знаютъ тебя за твою правду; мы увѣрены въ твоей вѣрности: мы поручаемъ тебѣ дѣло тайное. Правда, ты молодъ, но умъ не ждетъ бороды, и намъ не стараго, а бывалаго надо. Внимай: великій князь

грозится на насъ войною. Не боимся ея, но не хотимъ лить крови христіанской, если можно того избѣгнуть; къ этому одинъ путь — золото. Бояре московскіе сдружились теперь съ баскаками, любятъ стольничать добромъ народа. Собираютъ татарской рукою двойныя подати, продаютъ правду. Обманываютъ князей и простолюдиновъ. И такъ спѣши въ Москву; никѣмъ незнаемый, ты можешь выдать себя за иногородца, и тайкомъ склонять на нашу сторону княжихъ сановниковъ. Не жалѣй ни казны, ни краснаго слова; представь имъ несправедливость требованій, невѣрность счастія въ битвѣ, силу Новагорода и упорство Новогородцевъ. Корысть и нелюбовь бояръ къ трудностямъ похода будутъ стоять за одно съ тобою. Князь молодъ и, можетъ, ими отговоренный, онъ отмѣнитъ гнѣвъ на милость. — Однако не полагайся на обѣты, на ласки придворныхъ — съ ними дружись, а за саблю держись. Замѣчай самъ за всѣми, повѣряй все собою. Спи и гляди, и чтобъ первая боевая труба слышна была на Ильменѣ, чтобъ не палъ на насъ князь, будто снѣгъ на голову. — Крѣпко держи нашъ совѣтъ на умѣ, тайною запечатлѣй осторожность исполненія, а въ остальномъ указъ своя голова. — Когда приложишь сердце къ дѣлу правому, святая Софія тебѣ поможетъ, и государь великій Новгородъ тебя не забудетъ. Съ Богомъ!»

Атаманъ, прочитавъ грамоту, заботливо бросился къ лежащему безъ чувствъ Роману. Кропилъ его студеной водою, лилъ вино въ посинѣвшія губы — все напрасно: смертный сонъ оковалъ члены юноши. Напослѣдокъ отозвалась жизнь въ Романѣ, мгновенный румянецъ, какъ зарница, мелькнулъ на щекахъ его: онъ поднялъ отяжелѣвшія вѣки, и удивился, увидя себя на колѣняхъ разбойника, между тѣмъ какъ другой окуривалъ его жженымъ опереньемъ стрѣлы.

— Здравствуй, землякъ! сказалъ радостно атаманъ, смягчая грубый свой голосъ.

Романъ привсталъ, чтобъ удостовѣриться, не сонъ

ли это, и сомнительный взоръ его остановился на привѣтствующемъ — и быстрая мысль сорвала вопросъ съ полуоткрытыхъ устъ.

— Понимаю! возразилъ, усмѣхаясь атаманъ: тебѣ чудно, что разбойникъ, которому вчера разразилъ ты буйную голову, теперь ухаживаетъ за тобой какъ за невѣстой: не дивись этому; гонецъ новогородскій всегда будетъ у меня гостемъ почетнымъ. Пусть ржавчина съѣстъ мою игольчатую саблю, если я вѣдалъ вчера, что ты Новгородецъ! Но говорятъ, отъ судьбы на конѣ не ускачешь, и я нехотя сталъ твоимъ грабителемъ. Ободрись однако, добрый молодецъ! ты не въ худыя руки попалъ: я не вѣкъ былъ разбойникомъ.

Съ сими словами онъ помогъ Роману встать, подвелъ его къ огню, теръ цѣлительною мазью его ушибы и подчивалъ виномъ кипящимъ.

— Благодарю! отвѣчалъ Романъ: я еще не пью питья хмѣльнаго: оно для меня какъ ядъ.

— Ахъ, кому оно полезно! сказалъ атаманъ, вздохнувши: многихъ бы грѣховъ не лежало на моей совѣсти, когда бы вино не мрачило разума. Буйныя страсти отъ него кипѣли гнѣвомъ, и невинная кровь лилась. Ты имѣешь право, юноша, глядѣть на меня съ ужасомъ и презрѣніемъ; но было время, въ которое и моя душа свѣтлѣла, какъ хрустальное небо, въ которое могъ бы я встрѣтить твои взоры своими не краснѣя. Меня сгубила роскошная, разгульная жизнь. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, весь Людинскій конецъ пировалъ и бражничалъ за моими столами, и прозвище хлѣбосола Беркута гремѣло на Волховѣ. Всего было разливанное море, но съ нимъ скоро утекло наслѣдство отеческое. Я привыкъ жить шумно, блистательно, весело, и не могъ снести бѣдности и правдивыхъ укоровъ; ложный стыдъ повлекъ меня съ вольницею новгородскою на берега Волги, нечест-

нымъ копьемъ добывать золота*. Умолчу о злодѣйскомъ молодечествѣ моихъ товарищей; умолчу о пылающемъ Ярославлѣ, о разграбленной Костромѣ, о залитомъ кровью Новѣгородѣ-Нижнемъ. Русскіе губили русскихъ, продавали ихъ въ неволю Болгарамъ; добромъ одноземцевъ запружали Волгу и Каму. — Небесный гнѣвъ постигъ святотатцевъ: шайка наша встрѣтила гибель у стѣнъ астраханскихъ. Князь Монголовъ, Сальчей, заманилъ ее къ себѣ, упоилъ, усыпилъ, и неосторожные заплатили головами за коварное угощенье. — Насъ двое избѣгли побоища, и я съ раскаянной совѣстію спѣшилъ на родину, гдѣ ждали меня новыя бѣды. Война съ Димитріемъ кончилась, но не усталъ въ Новгородцахъ духъ раздора. Посадникъ Іосифъ раздражилъ народъ гордостію, и три Софійскіе конца вооружились противъ концевъ Торговыхъ; грозили другъ другу, разметали мостъ Волховскій, разграбили, срыли подъ корень домы бѣжавшаго посадника, и всѣхъ его сторонниковъ. Я былъ женихъ его внучки, и буйная толпа, предводимая моимъ завистнымъ союзникомъ, сожгла мои хоромы, провозгласила меня измѣнникомъ. Я бѣжалъ. Месть глубоко заронилась въ оскорбленное сердце: какъ лютый звѣрь стерегъ я по дебрямъ и оврагамъ своего злодѣя — и онъ палъ отъ моего желѣза, но съ нимъ схоронилось мое счастіе. Его трупъ лежитъ неперест упаемымъ порогомъ между людьми и мною. Ужасная клятва вяжетъ меня съ этими преступниками, и съ тѣхъ поръ я напрасно хочу задушить совѣсть игомъ злодѣяній великихъ, въ крови и въ винѣ утопить чувства человѣка. Мнѣ всюду чудятся тѣни и вопли и запахъ тлѣнія. Солнце въ день кроваво, и звѣзды въ ночи какъ глаза мертвеца, и кажется, листья въ лѣсу шепчутъ невнятныя укоризны. Мут-

* Это было въ 1385 году. Привыкнувъ грабить области рыцарей Меча, новогородская вольница отправлялась въ ладьяхъ (ушкуяхъ) по рѣкамъ, и грабила чужихъ и своихъ.

ный сонъ не освѣжаетъ очей моихъ, а палитъ ихъ. О какъ тяжки мученія душегубца — онъ не можетъ забыть ни былаго, ни вѣчнаго будущаго!

Романъ прослезился, внимая раздирающему голосу преступника.

— Счастливецъ ты! продолжалъ Беркутъ: у тебя есть слезы на состраданіе и печаль. Небо отказало злодѣямъ и въ этомъ.

Онъ закрылъ лице руками.

Въ безмолвной думѣ пролетѣлъ часъ разсвѣта.

Встало осеннее солнце изъ-за влажнаго, цвѣтистаго лѣса.

Конь Романа кипѣлъ подъ сѣдломъ; Беркутъ прощался съ гостемъ.

— Вотъ твои письма, говорилъ онъ, и твое золото: оно невредимо. Спѣши, куда зоветъ тебя долгъ гражданина, и знай, что и въ самомъ разбойникѣ можетъ таиться душа новогородская. Новогородцы лишили меня счастія въ жизни и спасенія въ небѣ, но я люблю свое отечество. Прощай, Романъ, не поминай насъ лихомъ!

Романъ поблагодарилъ атамана, и чудясь видѣнному и слышанному, выѣхалъ заглохшею тропою изъ чащи въ сопровожденіи одного изъ разбойниковъ.

VI.

Ты безъ союзниковъ.

— Мой мечъ союзникъ мнѣ,

И сограждан любовь къ отеческой странѣ.

Озеровъ.

Три дня ждали отвѣта послы княжіе; въ четвертый позвали ихъ на Ярославль дворъ. Уже вѣче было созвано: посадники, воеводы, тысяцкіе окружали крыльцо. Бояре, люди житые, купцы и народъ толпились за ними; все кипѣло, шумѣло и волновалось. Послы взошли на возвышеніе, поклонились на всѣ четыре стороны — посадникъ Юрій далъ знакъ, и жужжанье умолкло.

— Послы московскіе и литовскіе! по своей волѣ и старинѣ мы совѣщались міромъ о предложеніяхъ государей вашихъ, и вотъ что присудило вѣче въ отвѣтъ имъ.

Посадникъ разогнулъ и громко прочелъ грамату: «Великому князю Василію Дмитріевичу, благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадниковъ, отъ огнищанъ, отъ старѣйшихъ и меньшихъ бояръ, отъ людей торговыхъ и ратныхъ и всѣхъ гражданъ новогородскихъ! Господинъ князь великій! у насъ съ тобою миръ и съ Нѣмцами миръ.»

— Только! примолвилъ Юрій, завертывая висячія печати въ свитокъ, и отдавая оный изумленному Московитянину. Князю Витовту тотъ же самый отвѣтъ отъ нашего государя, великаго Новагорода.

Литовецъ получилъ одинаковый свитокъ, и раздались рукоплесканія. Ямонтъ обратился къ народу:

— Новогородцы! сказалъ онъ. Именемъ и словомъ Витовтовымъ спрашиваю еще разъ: хотите ль покоя или брани?

— Хотимъ дружбы со всѣми сосѣдами! воскликнули тысячи голосовъ; но имѣя щиты для друзей, есть у насъ и мечи для недруговъ!

— Война, война! воскликнулъ разъяренный Литовецъ, удаляясь, и гибель области Новогородской!

— Пусть Витовтъ творитъ, что хочетъ: мы сдѣлаемъ, что должны, говорили старѣйшины. Тогда посолъ московскій началъ слово къ предстоящимъ:

— Новогородцы! Еще есть время одуматься; еще громъ Василія не грянулъ надъ Новымъ-градомъ за строптивость, неправду и волжскіе разбои ваши. Какъ отецъ, онъ ждетъ раскаянія сыновъ заблудшихъ; какъ государь, накажетъ ослушниковъ. Выбирайте любое: или исполненіе требованій моего государя, или гнѣвъ его и месть Новугороду!

Упреки Путнаго раздражили народъ: ропотъ разлился въ немъ, какъ вешнія воды. Прежній посадникъ Богданъ выступилъ тогда на крыльцо и, горя негодованіемъ, отвѣчалъ:

— Московитянинъ! вспомни, что ты говоришь не слугамъ князя: Новгородъ еще не отчина Василія. Напоминать старое напрасно: презрѣніе людей и мщеніе божеское наказали расхитителей поволжскихъ и двинскихъ. О разрывѣ съ Нѣмцами ты слышалъ отвѣтъ вѣча, а что имъ сказано, то свято. Князь твой цѣловалъ крестъ, чтобъ держать насъ по старинѣ и по граматѣ Ярославовой: для чего жъ теперь измѣняетъ слову, требуя неправеднаго?

— Обидныя рѣчи! воскликнулъ Путный: вы сторицей за нихъ заплатите. Волховъ пересохнетъ отъ пламени пожара, и казнь Торжка повторится надъ Новымъ-городомъ!

— Мы докажемъ, что не забыли ея! зашумѣли

всѣ: но у насъ не найдется, какъ въ Нижнемъ, другаго предателя Румянца *. Мы станемъ за свою старину, а кто противъ Бога и Великаго Новагорода!

Московскій посолъ удалился при буйныхъ кликахъ народа.

---

* *Румянецъ*, вельможа Борисовъ, присовѣтовалъ ему впустить Василія въ Нижній, и предалъ своего прежняго князя въ руки сего послѣдняго.

6 *

VII.

Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани и свободы?
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей?

Батюшковъ.

Между-тѣмъ Романъ ѣхалъ далѣе и далѣе. Скоро остались за нимъ Торжокъ и Тверь, еще опаленные недавними пожарами. Дороги пустѣли: рѣдкіе обозы тянулись по нимъ, и гордый Новгородецъ кипѣлъ въ душѣ негодованіемъ, видя какъ смиренно сворачивали они въ сторону передъ каждымъ Татариномъ, который, спѣсиво избочась, скакалъ на грабленномъ конѣ. Между полуразрушенными деревнями, разбросанными по два, по три двора, между заглохшими нивами, возвышались невредимые монастыри и церкви: расчетливые Монголы не смѣли касаться святынь, сего послѣдняго убѣжища угнетеннаго ими народа, которому оставили они одно имущество — жизнь, одно оружіе — терпѣніе, одну надежду — молитву. Развращеніе нравовъ, эта ржавчина золота, не перешло еще отъ бояръ къ бѣднымъ: въ дымныхъ, покрытыхъ соломою хижинахъ находилъ Романъ гостепріимный ночлегъ, и радушное: добро пожаловать, встрѣчало его у порога. Хозяева угощали проѣзжаго, чѣмъ Богъ послалъ, и на утро провожали его какъ роднаго, отъ сердца желали ему добраго пути и счастья. — Для меня нѣтъ

счастья! думалъ грустный Романъ: оно поманило мнѣ надеждой, будто пѣснею райской птички, и скрылось, какъ блескъ меча во тьмѣ ночи.

На девятый день къ вечеру показались башни Кремля, золотоверхія церкви и многоглавые соборы московскіе: заревыя тѣни играли на великанскихъ стѣнахъ города; слитный шумъ оживлялъ картину, и отдаленный звонъ вселялъ какое-то благоговѣніе! Радостна, прекрасна была погода, но Романъ вспомнилъ о первомъ своемъ проѣздѣ черезъ Москву бѣлокаменную, когда онъ былъ такъ счастливъ неопытностью, такъ удивленъ, такъ занятъ каждою бездѣлкою!... а теперь, теперь!... Съ тяжкимъ вздохомъ проѣхалъ онъ сквозь ворота Тверскія, и желѣзная рѣшетка за нимъ запала.

Романъ въ точности выполнилъ порученія вѣча. По долгу, но противъ сердца, казался веселымъ и привѣтливымъ, нашелъ друзей между сановниками Двора, настроилъ многихъ своею мыслію, узналъ мысли великаго князя: онѣ были не радостны Новогородцамъ. Юный Василій далеко превзошелъ отца своего въ наукѣ властвовать, хотя и не наслѣдовалъ отъ героя Донскаго ни прямодушія, ни храбрости личной. Онъ не привыкъ быть самострѣломъ въ рукахъ вельможъ: слушалъ ихъ, и дѣлалъ по своему. Разметная грамата была отослана къ Новогородцамъ съ объявленіемъ войны; но Романъ заранѣ предувѣдомилъ купцевъ новогородскихъ, въ Москвѣ бывшихъ, и ни одинъ изъ нихъ не впалъ въ руки грознаго князя: товары ихъ не были разграблены. — Новогородцы радовались, Василій негодовалъ.

Прошла зима, и нѣтъ приказа отъ вѣча: Романъ тщетно ждетъ, съ ноющимъ сердцемъ, тайнаго гонца съ родины.

Сонъ, единственный другъ несчастныхъ, вѣялъ надъ изголовьемъ Романа, измученнаго тоскою разлуки и неизвѣстностью будущаго. Льстивыя сновидѣнія сближали его съ милою; сладко билось сердце отъ поцѣлуя мечтательнаго — вдругъ, сквозь сонъ, слышитъ онъ скрипъ двери, брянчанье оружія — чувствуетъ, кто-то схватилъ его руки; силится встать — его вяжутъ, клеплютъ ротъ, обвертываютъ глаза, влекутъ, бросаютъ въ телѣгу и скачутъ; но куда? но зачѣмъ? Онъ приходитъ въ себя уже въ тѣсномъ, сыромъ подземельѣ. Громъ запоровъ и звукъ цѣпей удостовѣряютъ, что онъ въ темницѣ! Тогда-то отчаяніе врывается въ чувства плѣнника, и силы души цѣпенѣютъ. Все кончено. Романъ узнанъ — позорная казнь ожидаетъ его.

Унылый звонъ колоколовъ возвѣстилъ уже первую недѣлю великаго поста, а позабытый Романъ все еще глотаетъ ядовитый воздухъ тюремный. — Однажды вошелъ къ нему бояринъ Евстафій Сыта, недавно бывшій княжимъ намѣстникомъ въ Новѣгородѣ — и отступилъ отъ изумленія.

— Тебя ли, Романъ, вижу я! воскликнулъ онъ. Когда и какъ ты сюда попался!

Романъ разсказалъ, что его схватили какъ врага Москвы.

— Сожалѣю о твоей участи, молвилъ Сыта: но посланный великимъ княземъ творить за него по тюрьмамъ милость и милостыню, я могу испросить тебѣ свободу передъ его исповѣдью — однако жъ

не иначе какъ съ условіемъ — остаться здѣсь навсегда. Послушай, Романъ! я знаю твои достоинства, и знаю какъ мало ихъ цѣнятъ въ Новѣгородѣ. Здѣсь не то: даю мое слово, что князь осыплетъ тебя дарами и почестями; сдѣлаю больше: издавна любя тебя, отдаю за тебя свою дочь, которая хорошо знаетъ Романа, которою не разъ и Романъ любовался. Я увѣренъ, ты не отказываешь, продолжалъ онъ, протягивая руку: не правда ли, старый знакомецъ?

— Не правда! отвѣчалъ Романъ съ хладнокровіемъ: я не продамъ своей родины за всѣ блага въ мірѣ, не хочу вести переговоровъ съ врагомъ Новагорода, когда не въ рукахъ, а на рукахъ моихъ гремитъ желѣзо! Если бъ я принялъ твое предложеніе, бывши на волѣ, то я сталъ бы измѣнникомъ, но теперь сдѣлался бы презрительнымъ трусомъ! — нѣтъ, Евстафій, мнѣ видно невѣста — смерть, и одной милости прошу отъ князя: не морить, а уморить меня поскорѣе. —

— Ты получишь ее, упрямая голова! съ гнѣвомъ сказалъ Сыта, хлопнувъ дверью.

Съ гордою, утѣшительною мыслію: умереть за любовь и отечество, ждалъ Романъ неминуемой смерти.

VIII.

Какъ мнѣ слушать пересудовъ всѣхъ людскихъ!
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой.

Мерзляковъ.

Быстро текутъ слова повѣсти: не скоро дѣлается дѣло. Прошла зима, лѣто исчезло, какъ утренняя тѣнь; наступили вновь зимнія вьюги, а Романа нѣтъ какъ нѣтъ съ Ольгою. Вешнее солнце растопило синій ледъ на Ильменѣ; уже рѣзвыя ласточки, рѣя по воздуху, цѣлуютъ пролетомъ поверхность Волхова; все оживаетъ, все радуется—одной Ольгѣ нѣтъ радости! И кому же свѣтелъ день сквозь слезы? кому не долги короткія ночи, когда измѣряютъ ихъ кручиною? Увядаетъ краса милой дѣвушки, будто радуга безъ дождика, и блѣдность измѣняетъ тоскѣ сердечной. Напрасно отецъ даритъ ее соболями якутскими, убираетъ въ жемчужныя кружева, въ алмазныя серьги и запястья; напрасно молодыя подружки забавятъ Ольгу играми и пѣснями: она дичится игръ юности, и петли ея терема ржавѣютъ мало по малу.

Съ утра до поздняго вечера она любитъ сидѣть подъ окномъ свѣтлицы, и ждать, кого не надѣется увидѣть, кого уста ея не смѣютъ назвать. Часто, гордость красавицы пробуждалась при мысли, что Романъ уѣхалъ, не простясь съ нею, не сказавъ ни слова, куда, для чего. Часто ревность возмуща-

ла душу ея, и придавала возможность призракамъ подозрительнаго воображенія, но скоро любовь укрощала бурю. Нѣтъ! онъ не можетъ измѣнить, говорила съ собою невинная, потому что я любила его нѣжно и нераздѣльно. Кто не вѣритъ чистой любви, тотъ не достоинъ взаимности. Если бъ можно было скинуться птичкою, съ какимъ бы нетерпѣніемъ полетѣла я по свѣту искать милаго: когда онъ живъ, наглядѣться на него, когда жъ убитъ — умереть на его могилѣ.

Горько плакала тогда Ольга, склоняясь на грудь доброй матери, и рѣдко ей въ угоду, мелькала улыбка на лицѣ задумчивой, какъ блудящій огонекъ надъ кладбищемъ.

— Ольга! полно горевать, полно упрямиться! не разъ говорилъ ей Симеонъ: слезами не наполнить моря; живымъ безразсудно мертвить себя для умершихъ: твой Романъ пропалъ безъ вѣсти на вѣки. Забываю все прошлое, но исполни теперь мою волю, порадуй отца на старости, ступай за мужъ, дитя милое, чтобы не угасла поминная свѣча по мнѣ безродномъ! Выбирай... жениховъ именитыхъ много!... И Симеонъ нѣжно цѣловалъ дочь свою, и рыданія Ольги были обычнымъ ему отвѣтомъ. Растроганъ и раздосадованъ, выходилъ Симеонъ изъ дѣвичьяго терема.

Это пройдетъ! думалъ онъ, и обманывался какъ прежде.

Наконецъ созрѣла гроза на Новгородъ: Андрей Албердовъ, воевода Василія, ворвался въ Двинскія области, принудилъ жителей задаться за великаго князя, и осаднаго воеводу края, новогородскаго боярина Іоанна съ братьями, сдѣлалъ измѣнниками отчизнѣ. Послышавъ о томъ, Новогородцы созвонили вѣче.

— Князь идетъ на насъ: что дѣлать? спросили сановники.

— Предложить миръ и готовиться къ битвѣ! воскликнули всѣ единогласно.

— Посадникъ Богданъ былъ отправленъ въ Москву, и воротился безъ успѣха: Василій принялъ ихъ, но не хотѣлъ слушать.

— Да будетъ! сказали тогда оскорбленные Новогородцы: — на начинающаго Богъ!

Обнялись какъ братья, и подъ благословеніемъ епископа поклялись пасть до одного. Кликнули кличъ: люди житые поскакали во всѣ пятины, вооружать, собирать, одушевлять ратниковъ, исполчить стараго и малаго. Симеонъ вызвался поднять всю пятину Деревскую, какъ самую опасную по сосѣдству съ землями Московскими.

Въ кольчатыхъ латахъ зашелъ онъ проститься къ женѣ и дочери.

— Прощай, Ольга! сказалъ Воеславъ рѣшительно: я ѣду на службу Новагорода: чему быть, того не миновать; но если Богъ судитъ воротиться — мы отпируемъ твою свадьбу съ Михаиломъ Волотомъ: онъ добрый слуга вѣчу, молодъ, пригожъ и богатъ— очень богатъ! примолвилъ Симеонъ, глядя въ сторону, какъ будто боясь встрѣтиться со взоромъ дочери. Понравился мнѣ — и тебѣ полюбится. Готовься!

Отчаяніе помрачило взоръ Ольги: она не видѣла, какъ священникъ окропилъ отца ея святою водою, какъ въ безмолвіи всѣ сѣли, встали и прощались по обряду проводовъ русскихъ; не чувствовала, какъ Симеонъ прижалъ ее къ своей груди, благословилъ и уѣхалъ. Бѣдная дѣвушка! какая участь ждетъ тебя?

IX.

Крѣпка тюрьма, но кто ей радъ?

Русская пословица.

— Привѣтствую тебя, первый гость обновленной природы, милый пѣвецъ, жаворонокъ! Какъ весело вьешься ты надъ проталиной, какъ радостно звенитъ твоя пѣсня въ поднебесьѣ! Странникъ воздушный, ты не вѣдаешь, какъ грустно невольнику глядѣть на вольную птичку, какъ мучительно за стѣной тюрьмы видѣть весну и жизнь, и каждый мигъ ожидать смерти! Слетай, жаворонокъ, на мою родину святую, и принеси оттоль вѣсточку о милой Ольгѣ: любитъ ли она Романа по прежнему, помнитъ ли друга, у котораго и передъ смертью одна мысль объ ней и объ родинѣ!

Такъ жаловался Романъ на судьбу свою, завидя сквозь рѣшетку окна жаворонка.

Спустилась ночь — и кто-то стукнулъ въ косякъ отдушины.

— Спишь или нѣтъ, товарищъ? шепотомъ спросили Романа.

Романъ отозвался, и на вопросъ: кто тамъ? отвѣчали:

— Въ этотъ разъ добрые люди.

— Зачѣмъ?

— Спасти тебя отъ плахи.

— А эта цѣпь, эта рѣшетка?

— Распадутся, какъ соль, отъ нашей разрывъ-травы.

И въ то же мгновеніе, обернувъ кушаками железныя полосы, чтобы онѣ не гремѣли, принялись распиливать ихъ. Черезъ полчаса Романъ былъ уже внѣ темницы. Два удальца разбили его рогатки; по веревкѣ перелѣзли они чрезъ монастырскую стѣну — на коней, и вотъ уже Москва далеко осталась за бѣглецами. Романъ не зналъ какому чуду приписать свое избавленіе, а его проводники скакали впередъ, не говоря ни слова.

Наконецъ они своротили съ большой дороги въ лѣсъ дремучій, и поѣхали тише. Черезъ полчаса свистокъ раздался и откликнулся, и Беркутъ съ тремя наѣздниками выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу: загадка Романова разгадалась.

Здравствуй, землякъ! сказалъ атаманъ: я радъ, что удалось сослужить тебѣ службу, и вотъ какимъ образомъ: мои невидимки почуяли наживу въ монастырѣ, куда забросилъ тебя Василій. Чтобы не попасть въ западню, надо было ощупать всѣ закоулки, и въ одномъ погребѣ, вмѣсто боченка съ золотомъ, нашли они тебя, невзначай, да кстати: говорю кстати, потому что черезъ три дня (это узналъ я отъ болтливаго приворотника) твою голову расклевали бы птицы, какъ вишню. Медлить было не когда, и ты видишь, каково успѣли мои молодцы, изъ которыхъ каждый стоитъ самой высокой висѣлицы. Теперь, Романъ, ты воленъ, какъ рыбка: куда жъ ѣдешь? отдыхать ли въ Новгородъ, или биться къ Орлецу?

— Туда, гдѣ мечи и враги! воскликнулъ пылкій юноша: они поворотили къ области Двинской.

Оставя въ сторонѣ Дмитровъ, Бѣжецкій, Краснохолмскій, избѣгая встрѣчь съ московскими кормовщиками и отсталыми, они безъ всякаго приключенія пробрались околицею за три часа ѣзды до Орлеца, который съ самой христовской заутрени былъ въ рукахъ измѣнниковъ Двинянинъ, предводимыхъ княжимъ намѣстникомъ Ѳедоромъ Ростовскимъ. Тамъ замѣтили они въ сторонѣ огонекъ. Двадцать всадниковъ отдыхали на полянѣ;

къ копьямъ привязаны были кони; одни поили ихъ изъ шишаковъ, другіе лежали вкругъ огня, смѣялись и пили. Все доказывало непривычку сихъ новобранцевъ къ военному дѣлу: никто не думалъ о стражѣ; кольчуги развѣшаны были, какъ будто, сушиться, луки распущены, и сабли сброшены въ одно мѣсто; самъ десятникъ вооруженъ былъ однимъ только огромнымъ ключемъ, который висѣлъ у него на латномъ поясѣ. Романъ долго не могъ понять, что за остроконечная надѣта на немъ шапка, и съ трудомъ разглядѣлъ, что онъ, вмѣсто тяжелаго шлема, надвинулъ на уши бобровый колчанъ свой. Связанный человѣкъ лежалъ невдалекѣ. Романъ слѣзъ съ коня, прокрался тихонько и подслушивалъ ихъ разговоры: плѣнный обратилъ рѣчь къ десятнику:

— Скажи мнѣ, добрый человѣкъ, куда вы меня везете?

Десятникъ, который по праву старшинства, казалось, не упустилъ случая поздороваться съ круговою чаркою, оборотился къ нему, зѣвнулъ вслухъ и замолчалъ.

— Неужто вы, Москвичи, только умѣете такать? продолжалъ плѣнникъ.

— Когда бы и вы, упрямые Новогородцы, держали свои языки на привязи, ты, старый затѣйникъ, спокойно бы сидѣлъ дома, и противъ воли не плясалъ бы по канату до Москвы.

— Что же тамъ со мной сдѣлаютъ?

— Что сдѣлаютъ? отправятъ на покой! сказалъ десятникъ, улыбаясь и начертивъ пальцемъ букву П на воздухѣ.

Ратники захохотали, а нашъ остроумецъ охорашивался съ самодовольнымъ видомъ.

— Беркутъ! сказалъ Романъ атаману: спасемъ Новогородца! Нѣтъ нужды, что ихъ двадцать человѣкъ, а насъ семеро: у страха глаза велики. Впрочемъ какъ хочешь, я и одинъ рѣшаюсь на все.

Вмѣсто отвѣта, Беркутъ поднялъ топоръ и съ крикомъ: сюда, товарищи! о бокъ Романа, налетѣлъ

грозой на оплошныхъ Москвитянъ: черезъ мгновенье уже не было ни одного противника. Самые храбрѣйшіе разбѣжались; другіе остались на мѣстѣ отъ ранъ, отъ страха или хмѣлю. Распустивъ коней, переломавъ и побросавъ въ огонь ихъ оружіе, Романъ развязалъ полоненаго и узналъ въ немъ — Симеона.

— Добрый, великодушный юноша! говорилъ Воеславъ своему избавителю, съ чувствомъ сжимая его руку: я не стою тебя! но пусть Ольга помиритъ насъ и заплатитъ долгъ отцовскій. Теперь время дорого: посадникъ Тимоѳей и братъ Юрій собираются ударить на приступъ, а между нами и Орлецомъ еще двадцать верстъ и только остатокъ ночи: поспѣшимъ!

Романъ, съ радости о битвѣ и невѣстѣ, перецѣловалъ всѣхъ разбойниковъ, едва не уморилъ коня своего скачкою, и утѣшалъ бѣдное животное разсказами, что онъ станетъ драться за Новгородъ, какъ будетъ счастливъ съ Ольгою.

На разсвѣтѣ, полки новогородскіе облегли ровъ города, остановились на перелетъ стрѣлы, и посадникъ въ послѣдній разъ послалъ сказать осажденнымъ, чтобы они сдались честью, или онъ возьметъ городъ копьемъ.

— У этого копья еще не выросло ратовье! отвѣчали съ насмѣшкою Московитяне: впрочемъ, милости просимъ: мы готовы мечемъ похристосоваться съ дорогими гостями.

— Впередъ! воскликнули воеводы, и ливнемъ прыснули стрѣлы.

Новогородцы лѣзли и падали въ тѣнистый ровъ, зажигали деревянныя стѣны, вонзали въ нихъ тяжкіе стрикусы *. Въ это мгновенье приспѣли наши путники.

* *Стрикусы, пороки* — стѣнобитныя орудія, родъ тарановъ (bélier).

— Други! сказалъ Беркутъ разбойникамъ: мы долго жили чужбиной безъ чести — погибнемъ теперь за свою родину со славою. Туда!

Онъ указалъ на московское знамя, вѣющее на крѣпости новгородской, и ринулся по лѣстницѣ на стѣну, ударомъ топора разнесъ древко знамени, и пораженъ стрѣлой, мертвый опрокинулся съ нимъ въ ровъ. Сѣча была ужасна; Русскіе поражали и отражали Русскихъ; побѣда колебалась, какъ вдругъ въ дыму и огнѣ, будто ангелъ разрушитель, явился Романъ на гребнѣ бойницы, и скликалъ дружину свою; но подгорѣвшая твердыня рухнула, и витязь исчезъ въ ея обломкахъ.....

Затихла битва. Труба новогородская прозвучала на отступленье, но осажденные уже не имѣли силъ на новый отпоръ, и крѣпость сдалась побѣдителю.

X.

Отворяйся, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Собирайтесь, старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши въ ладъ,
Пойте: многи лѣты!

Жуковскій.

Въ Новѣгородѣ носились печальные слухи: говорили о какой-то несчастной битвѣ, о погибели первѣйшихъ воиновъ, о приближеніи войска княжаго. Народъ толпился по площадямъ; всѣ спрашивали, многіе сомнѣвались, никто не зналъ истины.

Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ, волнуемая страхомъ, Ольга молилась за спасеніе отца отъ опасностей, и невольно включала въ молитву свою имя любезнаго. — Вотъ слышитъ она бѣгъ коней по Михайловской улицѣ; топотъ ближе и ближе — пронеслись мимо сада; ворота заскрипѣли, и два всадника въѣхали на дворъ, слѣзли съ коней и, къ удивленію Ольги, привязали ихъ къ почетному кольцу *.

* На дворъ именитаго человѣка могъ въѣзжать только ему равный или высшій — если вѣрить пѣснямъ. — Въ коновязномъ столбѣ бывали всегда три кольца: одно желѣзное, другое серебряное, третье золотое.

— Это батюшка, батюшка!

Весь домъ поднялся на ноги; огни забѣгали по сѣнямъ, и Ольга бросилась въ объятія отеческія.

— Тише, тише! ты задушишь меня своими поцѣлуями — не худо бы поберечь для твоего жениха!

Это привѣтствіе какъ громомъ поразило Ольгу.

— Милый батюшка! не дѣлай дочь свою несчастною, избавь отъ постылаго замужства: я въ святомъ монастырѣ окончу дни свои, и, можетъ быть, умолю Бога, что прогнѣвила родителя.

— Полно, полно, Ольга, что за черныя мысли? къ чему такое притворство? Я бьюсь объ закладъ, что не пройдетъ и получаса, и ты будешь кружиться и пѣть словно ласточка.

— Нѣтъ, никогда, ни за что!

— Эй, дочь, не ручайся за свое сердце — да вотъ кстати и женихъ: онъ поможетъ развеселить несговорчивую!

Ольга вскрикнула и закрыла лице руками, увидя входящаго юношу; но скоро любопытство преодолѣло: сквозь пальцы, украдкой взглянула она на пріѣзжаго.

Предъ нею стоялъ Романъ Ясенскій.

— Обнимитесь, дѣти! сказалъ Симеонъ, сложивъ руки ихъ; благословляю васъ на бракъ: живите мирно и счастливо, и твердите своимъ дѣтямъ, что Богъ, рано или поздно, награждаетъ безкорыстную любовь!

Долго еще проповѣдывалъ Симеонъ, но влюбленные не слыхали ни слова, и долго бъ длился поцѣлуй свиданія, когда бы отецъ не прервалъ ихъ восторга и своего нравоученія.

Весь городъ праздновалъ на свадьбѣ Романовой, съ тѣмъ большимъ весельемъ, что побѣды доставили Новогородцамъ выгодный миръ съ Василіемъ, на всей ихъ волѣ и старинѣ. Ольга съ гордостію шла подъ вѣнцемъ подлѣ Романа, и взоръ ея, бро-

шенный на подругъ, говорилъ: онъ мой. — Какъ мила невѣста! шептали мужчины. Какая прелестная чета! твердили всѣ.

Молодые жили благополучно. Симеонъ, часто любуясь на ихъ согласіе, за шахматной доской проигрывалъ брату коней и слоновъ, и добрый Юрій говаривалъ: братъ и другъ! не правъ ли я въ выборѣ? и Симеонъ, съ слезами умиленія на глазахъ, отвѣчалъ: такъ, я *былъ* виноватъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ VIII.

ВЕЧЕРЪ

на Кавказскихъ водахъ въ 1824 году.

**— Зачѣмъ отъ насъ могилъ ужасный кладъ
Видѣнія и страхи сторожатъ?**

— Вотъ Эльборусъ, сказалъ мнѣ казакъ-извощикъ, указывая плетью на лѣво, когда приближался я къ Кисловодску: и въ самомъ-дѣлѣ Кавказъ, дотолѣ задернутый завѣсою тумановъ, открылся передо мною во всей дикой красотѣ, въ грозномъ своемъ величіи.

Сначала трудно было распознать снѣга его съ грядою бѣлыхъ облаковъ, на немъ лежащихъ; но вдругъ дунулъ вѣтеръ — тучи сдвинулись, склубились и полетѣли, расторгаясь о зубчатые верхи. Солнце западало. Розовый, неизъяснимо прелестный румянецъ таялъ на голубоватыхъ и словно прозрачныхъ льдахъ горнаго гребня, и мимолетные пары, разцвѣченные всѣми отливами радуги, оживляя ихъ игрою тѣней, придавали еще болѣе очаровательности картинѣ. Я не могъ наглядѣться, не могъ налюбоваться Кавказомъ: я душой понялъ тогда, что горы есть *поэзія природы*. Чувства мои стали чище, думы яснѣе. Я могъ словами поэта сказать тогда:

Тамъ горести, тамъ страсти ядъ нѣмѣетъ,
Тамъ юностью невянущею вѣетъ,
Забвеніе, цѣлительной рукой,
На сердце льетъ усладу и покой;
Душа слита съ возвышенной природой!
И дышетъ грудь безсмертною свободой!

Но заря догорала. Однѣ за другими, гасли вершины горъ; только двуглавый Эльборусъ сіялъ двумя звѣздами надъ океаномъ тучь... наконецъ и онъ утонулъ во мракѣ. Изрѣдка перепадали крупныя капли дождя; вѣтеръ вздувалъ по степи пыльные столбы, и телѣга моя неслась будто на перегонку съ ними.

— Далеко-ли? спросилъ я извощика.

— Полверсты, отвѣчалъ онъ.

Въ тотъ же мигъ сверкнула молнія и озарила передо мной новую станицу Линейскихъ казаковъ, и дальше домы и домики для пріѣзжихъ на воды. Спѣшить мнѣ было не для чего, и я рѣшился провести въ Кисловодскѣ день и другой, чтобы удовлетворить любопытству: посмотрѣть общество и увидѣться съ знакомыми.

Заревой барабанъ гремѣлъ и раздавался въ окрестности, когда вошелъ я въ залу гостинницы, гдѣ за ужиннымъ столомъ нашелъ двухъ добрыхъ моихъ пріятелей. Помѣнявшись новостями и перебравъ по зернышку старину, мнѣ досужнѣе стало прислушиваться къ общему разговору. Ужинъ кончился; но человѣкъ десять романтиковъ на-счетъ покорности къ предписаніямъ Эскулапа, не думали покидать стола, и по числу опустошенныхъ бутылокъ я заключилъ, что кавказская вода имѣла для нихъ чудесное свойство — возбуждать жажду къ вину.

— Ну, что наши московскія красавицы? сказалъ молодой человѣкъ въ венгеркѣ, значительно поглядывая на капитана Нижегородскаго драгунскаго полка и капитана гвардіи, между которыми сидѣлъ онъ. Пріятель мой, склонявшій мнѣ имена и каче-

ства каждаго, шепнулъ, что это матушкинъ сынокъ, пріѣхавшій сюда изъ Бѣлокаменной лечиться отъ застоя въ карманахъ.

— Милы, какъ всегда, отвѣчалъ гвардеецъ, равнодушно покачиваясь на стулѣ.

— Скажите, божественны! съ жаромъ воскликнулъ усталый драгунскій капитанъ. Можно-ли такъ сухо говорить о красавицахъ? Эй, мальчикъ — шампанскаго!

— Позвольте сказать мнѣ по-дружески, любезный капитанъ, возразилъ гвардеецъ: вамъ не мудрено восхищаться ими, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ на безсмѣнной стражѣ или въ перестрѣлкахъ и наѣздахъ. Видя женщинъ, какъ луну, только на телескопическомъ растояніи, всякій приметъ первую образованную даму, съ которою встрѣтится онъ лицомъ къ лицу, за идеалъ совершенства; но причина этому не въ ней, а въ немъ. Вы горите сами, и воображаете, что онѣ сіяютъ.

— Тутъ есть много истины, капитанъ, но между *много* и *все* — цѣлое море. Я не говорю о кавказскихъ Татаркахъ, изъ которыхъ самая красивѣйшая, по рабскимъ привычкамъ своимъ, достойна только закуривать трубки, ни о Грузинкахъ, въ которыхъ одна глупость можетъ сравняться съ красотою. Черкешенки вовсе иное дѣло, да мы осуждены любоваться ими, какъ недоступными вершинами Кавказа, и видимъ ихъ едва-ль не рѣже солнечнаго затмѣнія. Но я самъ жилъ и служилъ въ столицахъ; видѣлъ свѣтъ не въ подворотню, и образованная женщина хотя здѣсь для меня и рѣдкость, но никогда не можетъ быть диковинкою.

Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ, сказалъ толстый рязанскій помѣщикъ, улыбаясь, какъ воображалъ онъ, очень лукаво.

— Эта пословица мнѣ не сосѣдка, отвѣчалъ усачъ. Я говорю безпристрастно и утверждаю, что, на этотъ разъ, обѣ московскія красавицы милѣе здѣшнихъ петербургскихъ умницъ въ блузахъ, съ вѣчными разсказами о погодѣ, да поправками адресъ-

календаря, милѣе помѣщицъ въ капотахъ, которыя всякаго мужчину принимаютъ, кажется, за амбаръ для складки отчетовъ о винѣ и льнѣ и ячменѣ, о садоводствѣ и скотоводствѣ — въ которомъ не мудрено имъ успѣть, обращаясь часто со своими супругами. Господа! здоровье двухъ прекрасныхъ Московокъ!

Видя, что рыцарь разгорячился, собесѣдники, уважая добрый его нравъ, не сочли за благо подстрекать его еще болѣе противорѣчіями: всѣ напѣнили бокалы и выпили въ ладъ.

— Здоровье прекрасныхъ посѣтительницъ кавказскихъ водъ, на берегахъ Москвы разцвѣтшихъ! воскликнулъ нѣжный сотрудникъ Дамскаго Журнала, повторяя по своему предложенное здоровье.

— Этотъ же тостъ, въ переводѣ г. Свирѣлкина съ моего бивачнаго языка на языкъ свѣтскій, возразилъ драгунъ: кто не пьетъ — не товарищъ! (пьютъ и чокаются.)

— Между нами, капитанъ, сказалъ ему гвардеецъ: бѣлокурая или черноволосая сестра вамъ болѣе нравится?

— Этотъ же самый вопросъ я дѣлаю самому себѣ 24 раза въ сутки, и до сихъ-поръ не добьюсь у своего сердца толку: оно увѣряетъ, что и утренняя и вечерняя заря прелестны. Въ полдень, любуясь нѣжными, небесными глазами и плѣнительною томностью лица блондинки, я бы готовъ былъ влѣзть въ ея, соломою оплетенный, стаканъ, чтобы коснуться розовыхъ губокъ, и потомъ растаять въ кислой водѣ; но при свѣчахъ или при лунномъ сіяніи — пронзительные взоры и пылкій румянецъ брюнетки зажигаютъ меня какъ гранату, и я радъ кинуться на чеченскія шашки, чтобы до нее прорубиться. Полно-те вздыхать, г. адъютантъ! Чокнемся лучше, да выпьемъ за здоровье прелестнаго румянца нашей богини.

Адъютантъ закраснѣлся и выпилъ.

— Именнымъ бы указомъ запретилъ красавицамъ, у которыхъ въ лицѣ играетъ румянецъ, ѣз-

дить на воды, сказалъ чахоточный прокуроръ, поправляя въ ухѣ хлопчатую бумагу. Онѣ дѣлаютъ больными здоровыхъ и мѣшаютъ больнымъ выздоравливать.

— Что такъ строго, г. прокуроръ? возразилъ артиллерійскій ремонтеръ обвинителю. Я увѣренъ, что не любовь, а дѣловые экстракты причины вашихъ недуговъ.

— То есть уксусъ, который выжимали вы изъ справокъ, прибавилъ Москвичъ.

— Настоящій vinaigre de quatre voleurs! наддалъ еще драгунскій капитанъ, недавно проигравшій тяжбу и сердитый за-то на все канцелярское сѣмя. Излишнее рвеніе повредило ваше здоровье...

— Вамъ бы надобно-было довольствоваться только запахомъ, а вы хотѣли выпить все до дна, прибавилъ гвардеецъ.

— Господа! отвѣчалъ прокуроръ, поглядывая то на право, то на лѣво, въ нерѣшимости, разсердиться ему или принять градъ насмѣшекъ за шутку; наконецъ онъ расчиталъ, что послѣднее выгоднѣе. Господа! повторилъ онъ: конечно, мнѣ бы слѣдовало довольствоваться однимъ запахомъ, но тогда я не имѣлъ чести имѣть васъ высокимъ примѣромъ скромности — васъ, которые такъ счастливы въ любви однимъ глядѣньемъ.

— Браво, браво! воскликнули многіе голоса сквозь смѣхъ. Здоровье больной юстиціи!

И бокалы засверкали допышками.

Въ это-время молодой человѣкъ, прекрасной наружности, закутанный шалью, который задумчиво сидѣлъ противу меня и часто съ безпокойствомъ поглядывалъ на часы, всталъ и подошелъ къ окну. Выразительно было блѣдное лице его, и впалыя черныя очи, казалось, хотѣли пронзить темноту и дальность.

— Облака заволокаютъ мѣсяцъ, сказалъ онъ вслухъ, но болѣе обращаясь къ самому себѣ, чѣмъ къ обществу; вѣтеръ воетъ и дождь крапаетъ въ окна... какъ-то будетъ добраться до дому! Когда

вихорь разноситъ пары, то при блескѣ лунномъ порою бѣлѣетъ Эльборусъ, спящій въ лонѣ тучь передъ грозою.

— Покойной ему ночи, сказалъ сосѣдъ мой, отставной полковникъ. Ты, г. докторъ трансцендентальной философіи, навѣрно не будешь встрѣчать такъ равнодушно бурю, какъ онъ въ грозномъ колпакѣ своемъ.

— Конечно нѣтъ, любезный дядюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ, потому-что я не камень. Кавказу полъ-горя носить ледяной шлемъ на гранитномъ своемъ черепѣ — у него вся адская кухня грѣетъ внутренности и, можетъ-статься, природа обложила голову его льдомъ нарочно для умѣренія внутренней горячки съ землетрясеніями; но если бы вздумалось повторить такой опытъ надо мною даже и въ припадкѣ безумія — я бы конечно отправился въ Елисейскія поля. Выкупаться въ туманахъ, не только быть промочену дождемъ — значитъ испортить весь курсъ леченія, а мнѣ право не хочется начинать его въ третій разъ.

Сказавъ это, молодой человѣкъ учтиво поклонился собранію, завернулся въ плащъ и вышелъ.

— Вотъ каковы нынѣшніе молодчики! сказалъ полковникъ, провожая его глазами. Не понимаю, какъ можно въ двадцать пять лѣтъ такъ нѣжить себя! Прекрасный малой, а пречудакъ племянникъ мой. Порою, бѣгаетъ по цѣлымъ часамъ на распашку, или какъ угорь вьется по утренней росѣ; но когда ему вообразится, что онъ боленъ, то чего не накутаетъ на себя для прогулки въ самый полдень! Треухъ на голову, калоши на слѣдки, фланель для поддержанія испареній, замшу отъ сквознаго вѣтра, жилетъ для приличія, сюртукъ для красы, шинель для всякаго случая сверху, а сверхъ шинели *всю природу*. Недаромъ одинъ шутникъ назвалъ его египетскою муміею, набальзамированною романтизмомъ и испещренною іероглифами странностей, которыхъ не

разберетъ, думаю, ни самъ старый чортъ, не только Шампольонъ младшій! Простудиться!! человѣку въ 25 лѣтъ и гренадерскихъ статей простудиться! Я бы заставилъ его сломать похода два-три зимой, на холодной водѣ, въ прикуску съ гнилыми сухарями. Сегодня по поясъ въ снѣгу, завтра по колѣно въ грязи, и потомъ, промокши до самаго сердца, просушиваться подъ картечнымъ огнемъ непріятельскимъ. Въ цѣпи или въ разъѣздѣ, вмѣсто отдыха: то преслѣдуя побѣжденныхъ, то утекая разбитый, и въ довершеніе удовольствій, нося болѣе ранъ на тѣлѣ, чѣмъ петель на мундирѣ!... Тамъ забылъ бы онъ, за недосугомъ, и настоящія болѣзни, не-то что воображаемыя.

— Впрочемъ, кто изъ насъ, сказалъ на это гвардейскій капитанъ, чистя перышкомъ зубы: кто изъ насъ отказывался, послѣ дымныхъ биваковъ, попировать въ богатомъ замкѣ, покружиться, усталыми отъ похода ногами, съ милыми чужеземками и заснуть на мягкомъ пуховикѣ? *Наслаждайся — покуда можно* есть девизъ Русскаго; но когда приходитъ время лишеній, нужды и опасностей, онъ такъ же мало заботится и жалѣетъ о выгодахъ жизни, какъ о завтрашнемъ днѣ и, подъ мокрою буркою, въ грязи засыпаетъ не хуже праведника, поужинавъ горстью недоваренаго ячменя, уставъ отъ боя и похода!

— И то правда! отвѣчалъ полковникъ, перебирая по четкамъ памяти все подобное, извѣданное собственнымъ опытомъ.

— Племянникъ вашъ, можетъ быть, имѣетъ другія причины опасенія возвращаться домой такъ поздно, молвилъ человѣкъ небольшаго роста, въ зеленомъ сюртукѣ, коего таинственная наружность весьма походила на сосудъ, въ который царь Соломонъ запечаталъ множество духовъ. Онъ, пріѣхалъ позже всѣхъ на воды, принужденъ былъ нанять домикъ за кладбищемъ.

— Вотъ это мило! возразилъ полковникъ. Моло-

дой человѣкъ XIX-го столѣтія, и въ придачу того магистръ Дерптскаго-Университета, станетъ бояться пройти чрезъ кладбище! Да нынче дамы нерѣдко назначаютъ тамъ свиданія.

— Неужели вы думаете — насмѣшливо присовокупилъ гвардеецъ — что племянникъ полковника боится наступить на ногу какому-нибудь заносчивому покойнику, и тотъ потребуетъ отъ него *благороднаго удовлетворенія?*

— Не шутите надъ мертвыми, капитанъ, произнесъ торжественнымъ голосомъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ... Въ природѣ есть вещи страшныя, неразгаданныя! Племянникъ вашъ еще не утѣшился о потерѣ друга, котораго схоронилъ онъ здѣсь въ прошломъ году.

— Военный, или рябчикъ, былъ другъ его? небрежно спросилъ драгунъ.

— Никто навѣрно не зналъ ни его званія, ни его отчизны, хотя въ паспортѣ онъ названъ былъ венгерскимъ дворяниномъ. Сказываютъ, онъ былъ странное и непонятное существо. Выговоръ ни на какомъ языкѣ не измѣнялъ ему: онъ на всѣхъ европейскихъ говорилъ какъ не льзя чище. Жилъ весьма скромно, и между-тѣмъ сыпалъ золото бѣднымъ. Одѣвался просто, но одни солитеры его перстней стоили десятковъ тысячъ. Вообще онъ былъ нелюдимъ и молчаливъ, ни съ кѣмъ не сближаясь и никому не кланяясь. Однако-жь нѣкоторыя знатныя особы говорили всегда съ нимъ и о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Однимъ словомъ — продолжалъ таинственный человѣкъ, понизивъ голосъ — многіе считали его однимъ изъ двѣнадцати кадошей.

— А что-это за звѣрь? спросилъ толстый помѣщикъ, который, скучая молчаніемъ, какъ ловчій стоялъ на сторожѣ съ борзыми вопросами, ожидая по себѣ предмета; но видя, что ожиданія его напрасны, спустилъ ихъ со смычка въ чужую угонку.

— Кадожи? отвѣчалъ сфинксъ, опустивъ носъ свой въ стаканъ, какъ пьющая синица. Кадожи, какъ говорятъ, суть главные блюстители масонскихъ ложъ, изъ которыхъ, какъ я думаю извѣстно, шотландская считается за старшую. Не будучи великими магистрами, они важнѣе всѣхъ магистровъ, потому-что лишь имъ открыта главная, общая цѣль братства. Они могутъ находиться во всѣхъ степеняхъ, но всегда скрытно, всегда никѣмъ незнаемы; и сохраняя въ рукахъ своихъ главныя средства, путешествуютъ по свѣту для наблюденій, для дѣлъ и успѣховъ вольныхъ каменьщиковъ.

— Такъ бы вы и сказали, примолвилъ рязанскій помѣщикъ. Попросту сказать, онъ былъ атеистъ, то есть фармазонъ и отчасти Волтеріанецъ. Сосѣдъ мой прошлаго году наслалъ мнѣ отъ Макарья цѣлую кипу книгъ объ ихъ вѣрѣ: покланяются моськѣ, батюшка!

Никто не могъ удержаться отъ смѣха, слыша такое опредѣленіе масонства. Наконецъ затихли и отголоски этого выстрѣла веселости.

— Но какимъ же образомъ вы спровѣдали о кадожахъ? подозрительно спросилъ капитанъ гвардіи.

Сфинксъ въ зеленомъ сюртукѣ поблѣднѣлъ, боязливо взглянулъ на прокурора, потомъ на дверь, которая скрипѣла и не отворялась, потомъ покраснѣлъ онъ, потомъ щелкнулъ по серебряной табакеркѣ указательнымъ перстомъ, отворилъ ее, нюхнулъ, что называется вслухъ и, ободрившись, отвѣчалъ:

— Вы можете быть увѣрены, капитанъ, что еслибъ я когда нибудь принадлежалъ къ обществу масоновъ, то конечно бы не сталъ разсказывать объ ихъ распорядкахъ. Впрочемъ, я уже извѣстилъ васъ, что и сами масоны не имѣютъ о кадожахъ вѣрнаго понятія, и ежели Венгерца считали однимъ изъ нихъ, то это по однѣмъ догадкамъ, по соображеніямъ и вѣроятностямъ. Таинственность его рѣчей, скрытность поступковъ, его обширный

умъ, его богатство и связи, уваженіе къ нему людей почетныхъ — вотъ что служило къ тому поводомъ.

— Удивительная архитектура догадокъ, возразилъ насмѣшливо гвардеецъ: точь въ точь пирамида, у которой остріе служитъ основаніемъ. Какимъ же образомъ эти странствующія привидѣнія, эти всемірные блюстители узнаютъ другъ-друга вновѣ?

— Говорятъ — тихо отвѣчалъ разсказчикъ — впрочемъ я увѣрять не могу и отрицать не смѣю, что между ними главнымъ опознательнымъ знакомъ служитъ особаго вида кольцо.

— Видно эти осторожные по превосходству люди хранятъ въ рѣшетѣ свои таинства, замѣтилъ гвардеецъ, когда они доступны всякому встрѣчному и поперечному.

— Всякому? нѣтъ, капитанъ! возразилъ сфинксъ, нѣсколько обидясь. Не многимъ, очень не многимъ дается даръ проникать въ глубочайшія тайны, въ сокровеннѣйшіе изгибы души человѣческой, и по нѣсколькимъ точкамъ начертывать цѣлыя картины.

— Передъ вами, передъ вами всѣ эти достоинства! нетерпѣливо вскричалъ усатый кавалеристъ. Но скажите, ради Бога, какое сношеніе имѣетъ кладбище съ племянникомъ полковника?

— Кладбище — дорога на тотъ свѣтъ, отвѣчалъ человѣкъ, у котораго голова, какъ покинутая башня, населена была привидѣніями, между-тѣмъ какъ видъ его доказывалъ, что онъ чувствуетъ уже свою важность, возбудивъ любопытство.

— И въ рай, произнесъ сомнительно чахоточный прокуроръ, у котораго сердце пищало, какъ орѣхъ въ клещахъ, при мысли о смерти.

— И въ адъ, прибавилъ сосѣдъ мой, полковникъ, брякнувъ стаканомъ по столу, будто вызывая всѣхъ бѣсовъ въ доказательство, что ему нечего ихъ трусить.

— Да, и въ адъ! повторилъ съ глубокимъ вздохомъ прокуроръ, опуская отъ губъ нетронутую

рюмку: ему показалось, будто вино пахнетъ сѣрою.

— Продолжайте, почтеннѣйшій! сказалъ разсказчику любопытный артиллеристъ... За чѣмъ же этотъ Венгерецъ пріѣхалъ на воды?

— Зачѣмъ мы всѣ здѣсь? отвѣчалъ тотъ. Сдѣлайте подобный вопросъ каждому изъ насъ, и всѣ скажутъ: лечиться; но кромѣ этого есть побочныя, или главныя цѣли у многихъ. Одни пріѣзжаютъ разсѣяться любовными связями; другіе остепениться женитьбой; третьи поправить картами несправедливость фортуны; иные, чтобъ не упустить изъ виду умирающаго богача-родственника; очень многія для удовольствія про...

— Ради самого Пиѳагора, избавьте насъ отъ подобныхъ выкладокъ! Сочтите, будто мы знаемъ все, что можете высказать впредь на этотъ случай—и поскорѣе къ дѣлу! воскликнулъ гвардейскій капитанъ.

Таинственникъ продолжалъ:

— Теперь, милостивые государи, надобно вамъ объяснить, что, въ первыхъ вѣкахъ христіанства, греческіе купцы изъ Византіи, привлекаемые знатными выгодами, презирали тысячи опасностей отъ худыхъ и пустынныхъ дорогъ и варварскихъ нравовъ, заѣзжали сюда, или проѣзжали чрезъ этотъ край, изъ Персіи, чтобы мѣнять восточные товары на поморьяхъ Каспія и Чернаго-моря, и потомъ торговать съ Славянами за Дономъ или по Днѣпру, и возвращались потомъ съ драгоцѣнными мѣхами домой, какъ могли. Караванъ одного изъ нихъ, съ несмѣтными богатствами въ жемчугѣ и золотѣ, въ парчахъ и цвѣтныхъ каменьяхъ, былъ настигнутъ и окруженъ свирѣпыми Горцами, ночью по близости этихъ ключей. Видя неизбѣжную гибель, купецъ спѣшилъ зарыть все драгоцѣннѣйшее въ землю, чтобы скрыть отъ разбойниковъ и потомства обожаемое имъ золото, для котораго не щадилъ онъ ни поту, ни крови, и потомъ утратилъ жизнь и душу. Все это, какъ водилось въ тѣ времена, сопровождаемо было чарами и заклятіями. Караваны

тогда не ходили безъ прикрытія; вотъ, сударь, и тутъ отчаянная стража дралась на смерть и почти вся была изрублена варварами. Самъ хозяинъ легъ мертвый на сокрытыя свои сокровища, какъ будто желая охранять ихъ и по кончинѣ. Одинъ только раненый вожатый верблюда былъ увлеченъ въ плѣнъ въ горы, провелъ горькіе годы въ жестокомъ невольничествѣ и, перепроданный нѣсколько разъ, бѣжалъ къ Черному-морю и достигъ до своего отечества. Извѣстіе обо всемъ этомъ, отъ него, чрезъ многія руки и многія столѣтія, перешло во время крестовыхъ походовъ въ руки Тампліеровъ, съ вѣрными подробностями. Не знаю — старались ли они извлечь изъ нѣдра земли эти сокровища и какова была удача попытокъ, если старались; толко Венгерецъ прибылъ сюда, какъ полагали, съ тайнымъ порученіемъ ложи, повѣрить на мѣстѣ преданія и, если можно, вырыть изъ земли подъ вѣковымъ прахомъ погребенный кладъ.

— Кладъ! умильно воскликнулъ помѣщикъ, у котораго охота къ охотѣ спровадила въ закладъ почти все имѣнье.

— Кладъ! произнесъ, облизываясь и потирая руки прокуроръ: объ этомъ слѣдовало увѣдомить мѣстное начальство.

— Особенно, если тамъ найдутся старинныя монеты, оружія, утвари, чудныя украшенія или древніе идолы, примолвилъ въ первый разъ какой-то археологъ съ готическимъ носомъ, у котораго слова были, кажется, такъ же рѣдки, какъ медали съ изображеніемъ царей Кавказа.

— Со всѣмъ тѣмъ — продолжалъ таинственный человѣкъ, — Венгерецъ, по-видимому, не имѣлъ охоты дѣлиться съ мѣстнымъ начальствомъ, ни угождать господамъ искателямъ древностей, потому-что мѣры его были чрезвычайно скрытны и осторожны. Одинъ только чудный случай и странное стеченіе обстоятельствъ, ненамѣренныымъ образомъ открыли часть его тайнъ одному изъ друзей моихъ, который въ прошломъ году жилъ рядомъ съ его

комнатой. Онъ разсказывалъ про этого непонятнаго человѣка много такихъ вещей, отъ коихъ поднялись бы волосы дыбомъ у самаго невѣрующаго вольнодумца.

— Этому трудновато быть съ моею головою, сказалъ толстый помѣщикъ, поглаживая по своей лысинѣ и отдвинувшись отъ стола послѣ этой шутки, какъ откатывается пушка послѣ выстрѣла. Однако-жъ, боясь, чтобы лукавый не отплатилъ ему за насмѣшку, онъ потихоньку перекрестилъ грудь противъ третьей пуговицы, и снова навострилъ ухо къ разсказу.

Человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ пожалъ плечами и улыбнулся почти презрительно, что на мимическомъ языкѣ значило: какая жалкая шутка! стоитъ ли для нея прерывать занимательное повѣствованіе! И онъ, по краткомъ молчаніи, началъ вновь:

— По ночамъ, — разсказывалъ другъ мой, — Венгерецъ долго и пристально сиживалъ за какими-то книгами и тщательно запиралъ ихъ въ другое время. Потомъ, онъ то медленными, то быстрыми шагами ходилъ по своей комнатѣ, то вдругъ останавливался на одномъ мѣстѣ, какъ будто окаменѣнный какимъ видѣніемъ или мыслію. Порой неясные звуки вырывались изъ груди его; даже во снѣ тяжело стоналъ онъ, словно совѣсть его подавлена была какимъ-нибудь преступленіемъ, и его всегдашняя физіономія, могильная синева лица его, его впалыя, почти неподвижныя очи, рѣчь прерывистая и разсѣянная, обличали гораздо болѣе страданіе души, чѣмъ разрушеніе тѣлесное. Со всѣмъ-этимъ онъ бывалъ порой чрезвычайно занимателенъ: онъ вездѣ странствовалъ, все видѣлъ, все постигъ; о всѣхъ вѣкахъ, о всѣхъ народахъ говорилъ онъ съ достовѣрностію самовидца и съ безпристрастіемъ потомства. Всѣ важныя лица послѣдняго столѣтія были знакомы ему коротко, если не по свѣту, то по настоящимъ ихъ характерамъ. Въ это время, полковникъ, сдружился онъ съ племянникомъ вашимъ. Склонность молодаго человѣка къ мечтательности и

уединенію, его чистый, возвышенный нравъ и вмѣстѣ кроткая, но пылкая душа плѣнили довѣріе Венгерца. Казалось, онъ предчувствовалъ близкій конецъ свой, и спѣшилъ передать свои познанія и тайны достойному смертному. «Я не довольно чистъ душою для такого дѣла,» подслушалъ однажды другъ мой слова Венгерца къ юношѣ. Они были неразлучны: вмѣстѣ на ночныхъ прогулкахъ до самаго Подкумка, не страшась чеченскихъ хищниковъ и всегда въ мѣстахъ дикихъ и непосѣщаемыхъ, вмѣстѣ за чудными письменами до бѣлой зари, вмѣстѣ при свѣтѣ солнца и при мерцаніи мѣсяца. Чаще всего бродили они на здѣшнемъ кладбищѣ, въ глухую полночь, съ желѣзною тростью и телескопомъ въ рукахъ, то пронзая землю, то углубляясь въ небо.

— Скоро, скоро совершится въ мірѣ мое странствованіе, сказалъ однажды, прощаясь съ молодымъ своимъ другомъ, Венгерецъ: я уже чувствую на сердцѣ ледяную руку смерти. Но завтра стеченіе созвѣздій будетъ таково точно, какъ въ роковую ночь, поглотившую сокровища греческаго гостя. Когда ударитъ двѣнадцать—луна броситъ тѣнь отъ *того* пригорка прямо по направленію, гдѣ скрыто оно, и тамъ, гдѣ черта сія сойдется съ тѣнью.... Другъ мой не могъ разслушать болѣе. Утро застало Венгерца на одрѣ кончины.

— Онъ умеръ! вскричалъ съ досадою прокуроръ, воображая, что кладъ ускользнулъ уже отъ его химическаго процесса.

— Дайте ему умереть своею смертію! гнѣвно возразилъ артиллерійскій ремонтеръ.

— И такъ на одрѣ кончины, сказали вы?

— Больной былъ безнадеженъ: у него лопнула одна изъ кровеносныхъ жилъ, и сердце его заливалось, тонуло въ крови. Съ трудомъ могъ онъ произносить слова, и молодой другъ, пораженный ужасомъ и сожалѣніемъ, подавленный тоской разлуки вѣчной, незамѣняемой, ни на мигъ не покидалъ умирающаго. Отъ лекарей отказался Венгерецъ, го-

воря, что не хочетъ обманывать себя пустыми надеждами, а священника не принялъ подъ предлогомъ различія вѣръ. Настала ночь... и ему стало тяжело... смертный часъ видимо близился—и ужасна казалась кончина умирающему. Тьма зіяла передъ нимъ, какъ вѣчность; блуждающіе зрачки его то искали, то избѣгали чего-то въ пространствѣ. Каждое дыханіе его было вздохомъ тоски неизъяснимой, и хриплыя стенанія вырывались изъ устъ. Наконецъ онъ далъ знакъ, и всѣ удалились, кромѣ юнаго друга его. Сначала разговоръ ихъ былъ тихъ, но постепенно голосъ больнаго возникалъ выше и выше, и снова стихалъ какъ замерзающій ключь. Уже ни одной живой души, кромѣ ихъ, не осталось въ домикѣ, и все спало въ окрестности и вблизи. Только другъ мой, движимый любопытствомъ соучастія, сидѣлъ у двери общаго коридора, прислушиваясь къ каждому шороху. Въ комнатѣ Венгерца слышался лишь ропотъ невнятнаго разговора, и вотъ все притихло, все, кромѣ послѣдняго дыханія отходящаго... но вдругъ кликъ ужаса раздался тамъ: онъ былъ пронзителенъ и страшенъ; самъ другъ мой вчужѣ оцѣпенѣлъ, не постигая тому причины. Слушаетъ... нѣтъ, это не обманъ воображенія: третій, незнакомый голосъ, голосъ могильный, голосъ нездѣшняго міра произносилъ тамъ звуки укора, и тяжкія стенанія страдальца служили имъ страшнымъ отголоскомъ. —

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Полковникъ, опершись головой объ руку, безмолвно слѣдовалъ за разсказомъ, повѣряя, кажется, слышанное съ извѣстнымъ ему прежде... только дождь, бьющій въ окна, прерывалъ тишину залы.

— Значеніе словъ убѣгало однакоже отъ уха моего пріятеля — продолжалъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ — испуганнаго тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ, какъ самъ въ себѣ, что никто не могъ пройти въ комнату больнаго, не бывъ замѣченъ имъ сквозь замочную скважину. Дорого бы заплатилъ онъ тогда, еслибъ можно было превратить стѣну,

раздѣляющую ихъ комнаты, въ стеклянную. Наконецъ явственно услышалъ онъ страшный, послѣдній стонъ Венгерца, стонъ души, вырывающейся изъ тѣла... и потомъ долго длилось молчаніе — и потомъ шаги двухъ — не говорю людей — но существъ по комнатѣ... съ трескомъ растворились двери, свѣтъ фонаря сверкнулъ въ коридорѣ — и онъ увидѣлъ...

Въ это самое время быстрый топотъ ногъ послышался на лѣстницѣ, и дверь залы, сорванная ударомъ съ крюка, разскочилась настежъ обѣими половинками. Гвардейскій герой измѣнился въ лицѣ, артиллеристъ схватился за стаканъ, какъ за талисманъ противъ всякаго наважденія; драгунскій капитанъ сжалъ ручку черкесскаго кинжала, по обычаю всѣхъ Кавказцевъ носимаго на поясѣ; чахотный прокуроръ обомлѣлъ на стулѣ своемъ, а толстый баринъ, съ восклицаніемъ: — съ нами крестная сила! — такъ внезапно прикатилъ свое туловище къ столу, что рюмки и стаканы зазвенѣли другъ-о-друга. Всѣ прочіе съ робостію, болѣе или менѣе замѣтною, устремили глаза на дверь.

Это былъ, однако же, не иной кто, какъ племянникъ полковника. Съ чернаго плаща его катились крупныя капли дождя; шляпа надвинута была на самыя брови, и онъ, не снявъ ея, торопливо вбѣжалъ въ залу. Мутные глаза его бродили, на блѣдномъ лицѣ выражался испугъ, рѣчь исчезала на дрожащихъ губахъ. Тяжкими и долгими порывами дышалъ онъ, и наконецъ бросился или, лучше сказать, упалъ въ кресла, безпокойно озираясь кругомъ, будто боясь преслѣдованія. Безчисленные вопросы посыпались на него со всѣхъ сторонъ, но онъ ничего не слушалъ, никому не отвѣчалъ. Потомъ быстро вскочилъ онъ, схватилъ за руку дядю и увлекъ его на другой конецъ залы, чтобы изъясниться наединѣ. Всѣ шепотомъ и знаками выражали свое изумленіе, не спуская глазъ съ молодаго человѣка. Онъ говорилъ тихо, но съ жаромъ. Полковникъ слушалъ внимательно, но недовѣрчиво; ско-

ро однакожъ улыбка сомнѣнія слетѣла съ его лица: оно померкало постепенно и наконецъ поблѣднѣло, какъ полотно... Безмолвно стояли они потомъ, глядя другъ-на-друга въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ полковникъ угрюмо сжалъ руку племянника, опоясалъ саблю, засвѣтилъ маленкій фонарикъ свой, и оба вышли вонъ, не удостоивъ ни словомъ, ни даже поклономъ собраніе.

— Они пошли на кладбище, сказалъ таинственный человѣкъ, прильнувши къ окну; я вижу свѣтъ ихъ фонаря: онъ мелькаетъ вдали, подобно блуждающему огоньку надъ болотомъ.

— Это странно! произнесли многіе въ одинъ голосъ.

— Это удивительно! сказалъ гвардейскій капитанъ: я всегда зналъ полковника за человѣка, не вѣрующаго ни въ какія сказки, а теперь, судя по его лицу и поступкамъ, онъ раздѣлилъ испугъ своего племянника, которому почудилось что-нибудь сверхъ-естественное.

— Замѣтили ли вы, прибавилъ артиллеристъ, что на плащѣ его видѣнъ отпечатокъ пяти пыльныхъ перстовъ?

— Если бъ ихъ было шесть, это было бы немного поудивительнѣе, возразилъ гвардеецъ: что мудренаго? молодой человѣкъ споткнулся, оперся о пыльную могилу рукою и, поправляя плащъ, отпечаталъ ее на мокромъ суквѣ.

— Гмъ, гмъ! произнесъ сомнительно артиллеристъ; но направленіе этой кисти не могло естественнымъ образомъ принадлежать владѣльцу плаща: оно было вовсе напзворотъ.

Гвардеецъ молчалъ.

Рязанецъ вытаращилъ глаза.

— Я вамъ говорилъ, произнесъ тогда съ торжествующимъ видомъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ, что въ исторіи Венгерца есть вещи, о которыхъ, по словамъ Шекспира, и во снѣ не грезила ваша философія. Я долженъ прибавить вамъ, что ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый часъ — его не

стало. И чтобы вы сказали, капитанъ, если бъ тѣнь его, оставя прахъ могилы, встрѣтила васъ на кладбищѣ въ такую ночь?

— Я бы сказалъ, что это сущія басни, отвѣчалъ капитанъ: какъ могутъ жители того свѣта возвращаться на землю, когда всѣ ихъ органы истлѣли? Какъ могутъ они ходить, говорить, имѣть видъ человѣческій?

— Я не отвергаю, чего не постигаю, сказалъ артиллеристъ.

— А я такъ вѣрю всему, чего не понимаю, простодушно признался рязанскій толстякъ.

— Не боюсь, хотя и не понимаю! грозно воскликнулъ усатый кавалеристъ: не боюсь ни чорта въ человѣческомъ образѣ, ни людей, начиненныхъ всякою чертовщиной.

— Это можно испытать, хладнокровно возразилъ таинственный человѣкъ. Въ дальнемъ углу кладбища, направо, я видѣлъ сегодня мертвую голову, конечно вымытую дождемъ или выкопанную волками: тотъ, кто изъ всѣхъ насъ безстрашнѣе, пойдетъ и принесетъ этотъ черепъ сюда.

— Я готовъ! сказалъ драгунскій капитанъ, и наклонился впередъ, какъ птица, которая хочетъ слетѣть — однакожъ не тронулся съ мѣста.

— Я иду! произнесъ еще рѣшительнѣе гвардеецъ, оперся о ручки креселъ, чтобъ встать—и положилъ ногу на ногу.

— Я бы пошелъ очень охотно, если бъ погода была получше, проговорилъ антикварій съ готическимъ носомъ: а то въ-слякоть и въ дождь — слуга покорный! Хорошо, еслибъ это было еще за черепомъ какого нибудь героя древности — а то, я думаю, за пустою головой какого-нибудь кубанскаго казака или чахлаго водолея изъ Россіи.

— Ни для живыхъ, ни для мертвыхъ! возгласилъ толстякъ, поглядывая на донышко стакана, какъ будто это мудрое изрѣченіе написано было на немъ заглавными литерами. Гей, малой! донскаго-полынковаго!

— Эй, шампанскаго! вскричалъ гвардеецъ, желая смыть и слѣдъ прежняго разговора струями Эперне. Какъ можно, сосѣдъ, такъ много пить донскаго? оно очень землисто.

— Родимая земля, родимая земля, возразилъ толстякъ-помѣщикъ, разливая въ стаканы благодатную влагу, и въ это время онъ точь-въ-точь похожъ былъ на погребковую вывѣску, на которой Бахусъ, осѣдлавъ бочку, распѣниваетъ вино въ кубки.

Но человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ не далъ имъ такъ дешево отдѣлаться отъ испытанія храбрости.

— И такъ никто не хочетъ итти за мертвою головой? спросилъ онъ укорительнымъ голосомъ и вмѣстѣ съ лукавою гримасой.

— Самъ не хожу и другихъ не прошу, отвѣчалъ рязанскій помѣщикъ. Куда будетъ весело, если мертвецу вздумается пожаловать къ намъ за своею головой!

— Не бойтесь этого посѣщенія, возразилъ артиллеристъ: теперь уже минула мода прогуливаться безъ головы, по-крайней-мѣрѣ для покойниковъ.

— Почему знать? сказалъ сосѣдъ мой, адъютантъ, освѣжая усы въ шампанской пѣнѣ: въ этомъ случаѣ только первый шагъ труденъ.

— Проклятая рана! произнесъ драгунскій капитанъ, поправляя перевязку и морщась будто отъ боли: еслибъ не она, я принесъ бы этотъ черепъ на забаву компаніи. Кладбище, со всѣми своими мертвыми головами, для меня не страшнѣе бахчи съ арбузами.

— Что касается до меня, примолвилъ гвардеецъ, шаркая подъ столомъ ногами и задобривая всѣхъ бокалами: мнѣ не хочется покинуть столь пріятнаго общества.... особенно не дослушавъ до конца занимательный разсказъ вашъ о Венгерцѣ, прибавилъ онъ, учтиво обращаясь къ зеленому сфинксу.

— Окончаніе моего занимательнаго разсказа зависитъ отъ судьбы, очень сухо отвѣчалъ повѣствователь.

— Неужели же вы не знаете, что увидѣлъ другъ

вашъ въ коридорѣ? спросилъ съ безпокойствомъ нетерпѣнія артиллерійскій ремонтеръ.

— По-крайней-мѣрѣ вы этого не узнаете, хладнокровно отвѣчалъ таинственный человѣкъ.

— Но куда же дѣлся тогда племянникъ полковника съ привидѣніемъ? торопливо спросилъ тощій прокуроръ. Съ такимъ вожатаемъ, онъ навѣрное добрался до клада.

— Вырытый кладъ? привидѣніе? вы, видно, знаете болѣе моего. Я ни слова не говорилъ о привидѣніи, отвѣчалъ сфинксъ.

— Но, Боже мой, что сталось по крайней-мѣрѣ съ венгерскимъ кадожемъ, въ часъ смерти? вскричалъ Москвичъ съ видомъ отчаяннаго любопытства.

— Не мнѣ разглашать исповѣдь копчины и похищать тайны могилъ, отвѣтствовалъ важно человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ. Племянникъ полковника живой человѣкъ; онъ знаетъ все лучше моего: спрашивайте — я пожелаю вамъ полнаго успѣха.

Жужжанье неудовольствія, какъ пыланіе сухаго бурьяна, послышалось кругомъ всего стола. Возбужденное любопытство требовало какой нибудь жертвы, и драгунскій капитанъ рѣшился удовлетворить его аппетиту разсказомъ.

— Я плохой краснобай, сказалъ онъ: тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы службы на Кавказѣ, чаще слышу выстрѣлы и лучше понимаю конское ржаніе, чѣмъ людской говоръ; однакожъ, если господамъ не скучно будетъ выслушать приключеніе подобнаго же рода, съ роднымъ моимъ братомъ бывшее, то я чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Разумѣется, приглашенія и просьбы посыпались на него, какъ пудра. Пыхнувъ послѣдній разъ трубкою, онъ началъ такъ, сквозь облако табачнаго дыма:

— Надобно предувѣдомить васъ, господа, что братъ мой человѣкъ прямой, благородный и безъ всякихъ предразсудковъ отъ природы и воспитанія. Каждое слово его между всѣми знакомыми ходило вѣрнѣе билета на амстердамскій банкъ; и до сихъ

поръ не могу я разгадать этого случая, но сомнѣваться въ разсказѣ брата не имѣю никакого повода. Онъ выросъ и сталъ отчаяннымъ морякомъ на палубѣ англійскаго корабля, потому-что въ его время русскіе гардемарины посылались на британскій флотъ учиться мореплаванію и порядку. По этой причинѣ, бывъ уже впослѣдствіи старымъ нашимъ лейтенантомъ, онъ имѣлъ многихъ знакомцевъ и друзей между Англичанами, съ которыми дѣлилъ мичманскія шалости на водѣ и на сушѣ. Пять лѣтъ тому назадъ случилось фрегату, на которомъ братъ мой командовалъ первою вахтой, сойтись съ англійскою корветтой въ одномъ изъ большихъ норвежскихъ портовъ. Въ числѣ экипажа этого практическаго судна какой-то особенной постройки, нашелъ онъ кой-кого изъ *баковыхъ* своихъ пріятелей и, по обычаю, для поновленія дружества, они съѣхали на берегъ, заказали славный обѣдъ въ трактирѣ, которымъ ограничиваются обыкновенно топографическія изслѣдованія моряковъ, и бутылки пошли ходить кругомъ стола, между-тѣмъ какъ безконечные тосты въ three-times и three-time three, т. е. съ троекратнымъ ура, передавали всѣ краски винъ носамъ и лицамъ собесѣдниковъ. Братъ мой былъ удалой весельчакъ и непобѣдимый питухъ: два достоинства неоцѣнимыя въ глазахъ каждаго свободнаго Англичанина. Прибавьте къ этому, что онъ говаривалъ: S'blood, God damm my soul или stab my vitals! не хуже кембриджскаго профессора изящной словесности; и вы не удивитесь, что Британцы были отъ него въ восхищеніи. Послѣ тысячи и одного разсказа о кораблекрушеніяхъ, абордажахъ, призахъ и опасныхъ плаваніяхъ, то подъ экваторомъ, то среди ледяныхъ горъ полюсовъ, моряки наши удостоили ступить на землю, и вотъ пошли вѣсти о вѣчной войнѣ флотскихъ съ таможнею, о славныхъ трактирахъ и чудныхъ красавицахъ, съ описаніемъ боеваго крейсерства между подводными камнями этихъ архипелаговъ. Точно такъ же, какъ мы, беззаботно стучали они стаканами; точно такъ же,

какъ у насъ, упалъ и у нихъ разговоръ на выходцевъ съ того свѣта. Всѣ сознавались, что предразсудки младенчества, которые всасываемъ мы съ молокомъ и воздухомъ, оставляютъ въ насъ, едва ли не навсегда невольную боязнь, если не тайное вѣрованіе къ этимъ существамъ. Но одни, особенно Шотландцы, увѣряли и доказывали, что страхъ сей есть врожденное сознаніе въ возможности такихъ явленіи, чему приводили множество достовѣрныхъ примѣровъ и собственныхъ опытовъ, между-тѣмъ какъ другіе утверждали, что все это или обманъ чувствъ или бредни, достойныя старухъ и ребятъ. Братъ мой подвизался на сторонѣ послѣднихъ, и шумѣлъ какъ во время бури, не забывая заряжать себя мадерой, и осыпая картечью клятвъ логику противниковъ — маневръ, который почитается и между нашей братьи убѣдительнѣе сухихъ доводовъ.

— Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, смѣшно вѣрить и еще стыднѣе бояться того, чего нѣтъ. Я вызываю на закладъ каждаго изъ васъ испытать собственное мое мужество!

— Держу противъ 50 фунтовъ стерлинговъ! закричалъ лейтенантъ корветты.

— Держу противъ 50 фунтовъ! прибавилъ другой.

Англичане любятъ пятиться, но Русскіе идутъ всегда впередъ:

— Я держу за себя 100 фунтовъ, сказалъ братъ мой — и предлагайте опытъ сей-часъ же!

Капитанъ судна ударилъ въ руку, и 2500 рублей назначены были наградой доказаннаго безстрашія въ отношеніи къ мертвецамъ, или наказаніемъ самохвальства живаго — въ противномъ случаѣ.

Рѣшили, чтобы моему брату итти за городъ на лобное мѣсто, гдѣ они, прогуливаясь, видѣли трупъ вчера повѣшаннаго разбойника. Онъ долженъ былъ взять его за руку и поучтивѣе попросить сдѣлать ему честь пожаловать въ трактиръ и попировать съ нимъ до пѣтуховъ, послѣ которыхъ, какъ извѣстно,

всѣхъ чертей требуютъ на перекличку. Въ доказательство же исполненія условій навязать висѣльнику на лѣвую руку золотой снурокъ, который одинъ изъ Англичанъ сорвалъ со шляпы своей.

Какъ ни странно, какъ ни причудливо,—чтобы не сказать, какъ ни глупо было это условіе — братъ мой готовъ былъ на все. Англичане съ сомнительнымъ видомъ пожелали ему успѣха, и онъ, завернувшись въ клѣтчатый шотландскій плащъ, смѣло посвистывая, пустился по пустымъ улицамъ городка. Ночь была холодновата, путь не близокъ; голова и сердце его начали простывать, особенно когда очутился онъ въ пустырѣ за городомъ: ему показалось даже, что вѣтеръ дуетъ такъ пронзительно, какъ будто настоянъ январскими морозами Якутска. Въ это время луна выкатилась изъ-за облака и озарила всю окрестность; страшная висѣлица чернѣлась вдалекѣ — и на ней качался роковой плодъ ея. Братъ мой вздрогнулъ и остановился невольно; выправилъ маленькій, запутанный цѣпочками, кортикъ свой, который каждый Азіятецъ почелъ бы зубочисткой; потомъ оглянулся назадъ и сталъ считать въ кошелькѣ своемъ червонцы: худое начало для закладчика.

Однако же братъ скоро ободрился.... все было такъ тихо и мирно кругомъ. Позади его, темнѣя, лежалъ сонный городъ съ блистающими церковными шпицами; впереди — горизонтъ сливался съ грядою холмовъ, на коихъ, какъ привидѣнія великановъ, стояли мельницы съ неподвижными ихъ крылами; вправо и влѣво перелѣски и поля съ мелькающими вдали домиками. Нигдѣ человѣческаго голоса, ни даже лая собаки: брату стало стыдно самаго себя. Ему казалось, что мѣсяцъ дразнитъ его языкомъ, а вся окрестность укоряетъ въ робости; онъ распахнулъ плащъ, который прижималъ къ себѣ такъ плотно, будто онъ составлялъ часть его кожи, и смѣлыми шагами пошелъ къ висѣлицѣ. Чрезъ 10 минутъ — онъ стоялъ уже подъ нею.

Непріятно и днемъ, не только ночью, видѣть от-

вратительную картину нравственнаго и физическаго разрушенія, какую представляютъ намъ казни. Одинъ только графъ М—ръ нашелъ въ палачѣ лице утѣшительное для человѣчества, какъ въ представителѣ божескаго правосудія на землѣ. Братъ мой, правда, не читалъ о томъ ни строчки, но и прочитавъ, покорный голосу природы, не повѣрилъ бы этой коварной логикѣ Торквемады, гдѣ высокія причины смѣшаны съ унизительными орудіями. Съ тайнымъ ужасомъ глядѣлъ онъ на повѣшеннаго; лучъ мѣсяца прямо билъ въ посинѣлое лицо, индѣ уже исщипанное птицами. Послѣдняя минута тоски видимо замерла въ обезображенныхъ чертахъ и въ стекловидныхъ глазахъ его, въ коихъ отразились всѣ муки души преступной и отчаянная борьба жизни съ насильственною смертію. Волосы стояли дыбомъ, персты сведены судорогами. На немъ надѣтъ былъ родъ бѣлаго фланелеваго савана съ наножниками и рукавами, и онъ, при каждомъ дуновеніи вѣтра, то качался взадъ и впередъ, какъ маятникъ, то обращался влѣво и вправо подобно компасной стрѣлкѣ, между-тѣмъ какъ веревка держала голову его внизъ, будто недостойнаго смотрѣть на небо, загражденное ему собственными злодѣйствами. Долго, долго смотрѣлъ братъ мой на трупъ, и глубже, глубже входило въ сердце его холодное лезвее ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ. Наконецъ онъ вспомнилъ о своемъ закладѣ, и какъ ни мало расположенъ былъ въ ту минуту къ шуткамъ, однако же для честнаго слова благородные люди дѣлаютъ гораздо хуже чѣмъ глупости, и онъ, вытащивъ изъ кармана снурокъ, повязалъ его висѣльнику на кисть; потомъ снялъ шляпу и поклонился такъ ловко, что это сдѣлало бы честь всякому флотскому, который учился менуету на кубрикѣ, безпрестанно сгибаясь для сохраненія лба отъ низкой палубы, и безпрестанно оглядываясь, чтобъ не слетѣть въ люки. За поклономъ слѣдовала пригласительная рѣчь по данной формулѣ, и потомъ братъ мой снялъ перчатку, прикоснулся къ рукѣ мертвеца — должно

признаться однакожъ, съ такою осторожностію, какъ докторъ, который хочетъ пощупать пульсъ у зараженнаго чумой. Въ то самое мгновеніе, когда онъ обнялъ своими перстами ледяную руку висѣльника, зазвучали городскіе часы полночь, и заунывный гулъ ихъ, наносимый вѣтромъ, показался брату печальнѣе погребальнаго колокола; съ этимъ вмѣстѣ онъ почувствовалъ, что мертвецъ сжалъ и по-дружески потрясъ его руку.

Я вамъ сказалъ уже, господа, что братъ мой былъ безстрашный офицеръ по природѣ и по привычкѣ: онъ, не блѣднѣя встрѣчалъ внезапный тифонъ изъ-подъ вѣтра, и рупоръ его ревѣлъ подъ картечными выстрѣлами громче 36 фунтовыхъ каронадъ.... но тутъ было дѣло инаго рода. Онъ признавался мнѣ, что хотя мозгъ его и плавалъ до тѣхъ-поръ въ разгоряченныхъ парахъ вина, но отъ этого пожатія вдругъ превратился въ порцію мороженаго пунша... вся философія исчезла, холодъ змѣей проползъ по костямъ, и онъ съ изумленіемъ страха увидѣлъ, что, съ перваго удара часовъ, мертвецъ началъ потряхиваться, побрякивать своими закованными ногами и подпрыгивать то внизъ, то вверхъ на подобіе рулетки — такъ разобрала его охота поплясать подъ звукъ полночной музыки. Наконецъ часы протяжно добили двѣнадцать, и послѣдній ударъ стихъ въ окрестности. Вмѣстѣ съ боемъ кончились и адскіе антраша; за-то невнятный голосъ мертвеца поразилъ слухъ моего брата, который, и безъ того, ни живъ-ни-мертвъ стоялъ, желая не вѣрить собственнымъ чувствамъ. Мертвецъ не шевилилъ губами, но голосъ его, вырываясь изъ груди, то слышался глубоко подъ землею, то вдали, то прямо надъ ухомъ брата, и никогда въ жизни не слыхивалъ братъ столь ужасныхъ звуковъ, столь потрясающаго голоса.

— Онъ былъ вѣрно чревовѣщатель, замѣтилъ человѣкъ съ готическимъ носомъ: въ самой глубокой древности мы начитываемъ тому примѣры.

— Не знаю, продолжалъ капитанъ: бывали ли въ

древности мертвые чревовѣстники на треножникѣ оракульскомъ, только едва ли не первому моему брату удалось открыть это качество на глаголѣ. Онъ, какъ я уже имѣлъ честь сказать вамъ, стоялъ ни живъ, ни мертвъ, и звуки съ того свѣта лились на него, какъ холодный дождь на прозябшаго путника. Первая мысль, которая ему представилась, была — удалиться, но онъ не могъ тронутся съ мѣста: каблуки его будто пустили корни въ землю; волею и неволею надо было покориться адской силѣ, и онъ, опустя руки по швамъ, стоялъ предъ повѣшеннымъ, какъ виноватый солдатъ передъ ротнымъ своимъ командиромъ.

— Слушай, иноземецъ, что я скажу тебѣ, медленно произнесъ разбойникъ: ты пришелъ насмѣхаться надъ мертвымъ, но вспомни, что послѣ смерти перестаетъ судъ человѣческій и наступаетъ судъ Божій! Съ той минуты, что я пересталъ жить какъ разбойникъ, ты долженъ былъ пожалѣть обо мнѣ, какъ о собратѣ своемъ. Впрочемъ, ты честный человѣкъ, и твое сердце лучше твоей головы; небо допускаетъ грѣшника загладить черезъ тебя одно изъ вопіющихъ преступленій, записанныхъ кровью въ книгѣ осужденія. Недавно, убивъ отца одной иностранной дѣвушки, я ограбилъ все ея достояніе, но, что всего важнѣе, съ золотомъ похитилъ я и бумаги, безъ которыхъ она должна скитаться безъименною, нищею въ чужбинѣ и стать жертвой порока. Все это закопано на томъ же мѣстѣ, гдѣ совершено убійство, въ ближайшемъ отсюда лѣскѣ, подъ деревомъ, на которомъ зарублены два креста: оно деватое по тропинкѣ отъ входа, и ты легко узнаешь его. Возьми этотъ заступъ, приготовленный для позорной могилы моей, и рой землю на сѣверъ отъ пня, въ трехъ шагахъ разстоянія. Но не озирайся назадъ, что бы тебѣ ни чудилось: тамъ найдешь ты роковое сокровище, и если дорога тебѣ душа твоя, вручи его несчастной жертвѣ. Завтра, въ самый полдень жди ее на набережной, и первая женщина, которая встрѣтитъ тебя съ послѣднимъ

ударомъ часовъ — будетъ она. Дай руку и честное слово на исполненіе!

Тутъ висѣльникъ протянулъ ему ладонь свою, будто увѣренный въ согласіи.

— Хорошо сказано для разбойника! произнесъ Москвичъ.

— А на какомъ языкѣ говорилъ онъ съ вашимъ братцемъ? спросилъ гвардеецъ, у котораго каждая фраза, какъ скорпіоновъ хвостъ, непремѣнно загибалась вопросительнымъ крючкомъ.

— Да-въ немъ говорилъ нечистый духъ, увѣрительно примолвилъ толстый рязанскій помѣщикъ.

— А чортъ отличный филологъ, замѣтилъ антикварій: и если бъ онъ взялся сочинить всеобщую грамматику, то заставилъ бы краснѣть всѣ академіи въ свѣтѣ.

— Я совсѣмъ противнаго мнѣнія, возразилъ таинственный человѣкъ: врагъ человѣческаго рода не можетъ ни дѣлать, ни желать добра, а этотъ висѣльникъ, напротивъ, требовалъ очень добраго дѣла.

— Но кто вамъ поручился, что это не искушеніе, не адская западня, вскричалъ артиллеристъ.

— Я почти увѣренъ, что злые духи разорвутъ на части почтеннаго братца г. капитана, молвилъ Рязанецъ.

— А я такъ думаю, что онъ женится или, по крайней мѣрѣ, влюбится въ облагодѣтельствованную имъ дѣвушку, сказалъ догадливый сотрудникъ Дамскаго Журнала.

— Если вы, господа, станете безпрестанно перерывать разсказъ, то помѣшаете брату моему и жениться и быть разорвану въ клочки, вскричалъ разсказчикъ съ нетерпѣніемъ. Онъ, т. е. братъ мой, стоялъ въ нерѣшимости: дать или не дать ему слово на такое запутанное дѣло! Какъ ни перемѣшаны были мысли его сверхъестественнымъ этимъ явленіемъ, однако-жъ онъ ясно видѣлъ, что возвратъ золота и документовъ могъ навлечь на него подозрѣніе объ участіи въ злодѣйствѣ. Юстиція не при

нимаетъ никакихъ чудесныхъ откровеній послѣ смерти, и свѣтъ скорѣе могъ счесть этотъ поступокъ уликою совѣсти, чѣмъ случаемъ или чертой благородной рѣшительности. Сердце, однако же, перемогло разсудокъ.

— Пусть одинъ Богъ будетъ моимъ свидѣтелемъ, сказалъ онъ: что бы со мной ни случилось, я сдѣлаю все для несчастной сироты — и протянулъ руку къ покойнику.

— Благородный человѣкъ, произнесъ тотъ, пожимая руку брата, и въ этотъ разъ она показалась ему не столь холодна, какъ прежде.

Онъ схватилъ на плечо заступъ и быстрыми шагами пошелъ къ лѣсу.... Вступая въ опушку, онъ оглянулся, и ему почудилось, будто мертвецъ спрыгнулъ съ висѣлицы и бѣжитъ въ слѣдъ за нимъ; но облако налетѣло на луну и братъ ничего не могъ различить болѣе. Скрѣпивъ сердце, шелъ онъ по роковой тропинкѣ, и скоро, дерево — свидѣтель убійства и стражъ добычи, — предстало передъ глаза его. Мысль, что здѣсь раздавались напрасные крики о помощи, напрасныя мольбы о пощадѣ и послѣднія стенанія зарѣзаннаго; мысль, что онъ попираетъ стопой мѣсто, гдѣ злодѣйски пролилась кровь неповинная, снова взволновала его душу. Воображеніе рисовало очамъ ужасную картину... Ему въ самомъ дѣлѣ мечтались вопли и угрозы, борьбы, стонъ и хрипѣніе смерти. Въ этомъ расположеніи духа принялся онъ за работу. Холодный потъ капалъ съ лица, сердце билось высоко — и вотъ адскій хохотъ, дикіе свисты и плесканье въ ладоши раздались за плечами его. Синіе огни вспыхивали тамъ и сямъ; дерево сыпало на голову брата блеклые листья, и большіе камни падали кругомъ — онъ рылъ, не оглядываясь. Однако отважность его слабѣла, разумъ мутился, голова пошла кругомъ, ужасъ оледенилъ чувства. Наконецъ заступъ его ударилъ во что-то твердое — и въ тотъ же мигъ, съ утроеннымъ топотомъ, криками и плесками нѣчто тяжелое рухну-

ло на него внезапно — и онъ палъ безчувственъ въ яму, вырытую его руками.

Что съ нимъ сталось послѣ, онъ не помнитъ. На одно мгновеніе, будто сквозь удушающій сонъ, мечталось ему ржаніе коней, стукъ колесъ, говоръ людей — и только. Долго, долго послѣ, по-крайней-мѣрѣ черезъ сутки, казалось брату, очнулся онъ. — Была ночь, но при какомъ-то слабомъ свѣтѣ; щупая и озираясь кругомъ и припоминая прошлое, съ несказаннымъ удивленіемъ увѣрился онъ, что лежитъ на диванѣ, въ той же самой комнатѣ норвежскаго трактира, въ которой пировалъ онъ съ Англичанами. За столомъ, однако, не было уже никого; одинъ огарокъ едва озарялъ предметы и дремалъ, подобно всей природѣ. Только маятникъ старинныхъ часовъ, повторяя свои однозвучные *чикъ, чикъ,* еще замѣтнѣе дѣлалъ безмолвіе ночи. Стрѣлка показывала четверть пятаго.

— Хозяинъ! закричалъ братъ мой.

Никто не откликался.

— Хозяинъ! повторилъ онъ такъ громко, что зазвенѣли окошки, и толстая фигура, съ зѣвающимъ ртомъ и полуслѣпленными глазами, ввалилась въ двери въ шлафрокѣ.

— Гдѣ Англичане? былъ первый вопросъ моего брата — и вмѣсто отвѣта хозяинъ полѣзъ рыться въ огромномъ дѣдовскомъ комодѣ, въ которомъ каждый ящикъ могъ бы вмѣщать по нѣскольку человѣкъ гарнизона; вынулъ что-то оттуда, хладнокровно снялъ со свѣчи, поднесъ ее къ носу моего брата и, снявъ колпакъ, подалъ ему письмо. Братъ мой былъ человѣкъ акуратный, и какъ ни егозило любопытство въ глазахъ и пальцахъ, онъ раза два оборотилъ письмо направо и налѣво, прочелъ адресъ, весьма подробно написанный, потомъ взглянулъ на печать, въ гербѣ которой изображенъ былъ ползущій левъ — вѣрная эмблема воина придворнаго — и двѣ подковы — знакъ твердости, хотя вещь давно изгнанная съ паркета. Наконецъ онъ вскрылъ письмо; въ немъ написано было: «Сиръ! мы проиграли

закладъ: вы не только храбрѣйшій, но и достойнѣйшій человѣкъ! Вѣстовая пушка грянула, корветта снимается съ якоря и не даетъ намъ ни минуты для объясненій. Прощайте! будьте счастливы и не забывайте людей, которые считаютъ честью быть вашими друзьями.»

Внизу была подпись всѣхъ собесѣдниковъ того вечера.

— Понимаю, сказалъ человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ, значительно нюхнувъ табаку, понимаю.

— Этого не льзя и не понять, прибавилъ гвардеецъ: братецъ вашъ всю эту исторію или, лучше сказать, всю эту басню видѣлъ во снѣ.

— Во снѣ! неужели во снѣ? вскричалъ таинственный человѣкъ, обращаясь съ вопросомъ къ разскащику и боясь, чтобы эта прекрасная повѣсть о мертвецахъ не превратилась во что-нибудь естественное.

— Братъ мой сначала думалъ то же самое, возразилъ драгунскій капитанъ, покуда между сгибомъ письма не нашелъ банковаго билета на сто фунтовъ стерлинговъ. Вы, я думаю, согласитесь, г-нъ капитанъ, что хотя въ сновидѣніяхъ нерѣдко даются намъ золотыя горы, только онѣ разлетаются въ дымъ отъ одного мига рѣсницъ; но этотъ сонный кладъ преспокойно остался у него въ карманѣ.

— Англійская шутка, сказалъ тогда сосѣдъ мой, адъютантъ: нѣкоторые изъ моряковъ легко могли заскакать впередъ и сыграть эту драму; воображеніе дополнило остальное.

— Милостивый государь, возразилъ драгунъ-наѣздникъ, нахмурясь и грозно расправляя усы; братъ мой не говорилъ мнѣ ничего подобнаго, и я не думаю, чтобы вы имѣли причину сомнѣваться въ словахъ моихъ.

Нечего было спорить противъ такой убѣдительной логики — и всѣ прикусили язычки, готовые уже на разныя замѣчанія, не желая изъ-за мертвыхъ ссориться съ живыми.

— Господа! сказалъ артиллеристъ, закуривая трубку: мнѣ кажется, справедливо бы каждому разсказать какую нибудь исторію, какой-нибудь анекдотъ изъ своей или чужой жизни: это бы помогло намъ коротать другіе вечера и заключить сегодняшній.

— И еще справедливѣе, чтобы вы скрѣпили этотъ благой совѣтъ своимъ примѣромъ, возразилъ гвардеецъ. Артиллерія должна издали открыть огонь; мы, пѣхотинцы, будемъ прикрывать ее. Капитанъ, какъ отличный наѣздникъ, завязалъ дѣло и навелъ непріятеля на орудія — теперь ваша очередь.

— Помилуйте, господа, отвѣчалъ артиллеристъ, отговариваясь отъ приглашенія: — я, право, не приготовился и принужденъ буду стрѣлять холостыми зарядами.

— Тѣмъ-лучше, что не готовились, сказалъ прокуроръ; по первымъ показаніямъ и по горячимъ слѣдамъ скорѣй доберешься толку.

— Только что-нибудь необыкновенное, примолвилъ человѣкъ, похожій на запечатанный Соломоновъ сосудъ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, — произнесъ артиллерійскій ремонтеръ, окидывая глазами собраніе, между-тѣмъ какъ грустная улыбка воспоминанія изобразилась на его устахъ, — я разскажу вамъ истинное приключеніе моего дяди въ Польшѣ, при началѣ войны Конфедератовъ. Оно такъ-сильно подѣйствовало на его умъ, что онъ постригся въ монахи и умеръ въ Бѣлозерскомъ-монастырѣ.

Таинственный человѣкъ вытянулся въ нитку; всѣ придвинули стулья.

— Думаю, каждый изъ васъ, господа, — началъ артиллеристъ — слышалъ разсказы екатерининскихъ служивыхъ объ ужасной варшавской заутренѣ. Тысячи Русскихъ были вырѣзаны тогда, сонные и безоружные, въ домахъ, которые они полагали дружескими. Заговоръ веденъ былъ съ чрезвычайною скрытностію. Тихо какъ вода, разливалась враждебная конфедерація около довѣрчивыхъ земляковъ нашихъ. Ксіондзы тайно проповѣдывали кровопро-

литіе, но въ-глаза льстили Русскимъ. Вельможные паны вербовали въ маіонткахъ своихъ буйную шляхту, а въ городѣ пили венгерское за здоровье Станислава, котораго мы поддерживали на тронѣ. Хозяева точили ножи, но угощали безпечныхъ гостей, что называется, на убой: однимъ словомъ всѣ, начиная отъ командующаго корпусомъ генерала Игельстрома до послѣдняго деньщика, дремали въ гибельной оплошности. Знакомъ убійства долженствовалъ быть звонъ колоколовъ, призывающихъ къ заутренѣ на свѣтлое Христово Воскресеніе. Въ полночь раздались они, и кровь Русскихъ полилась рѣкой. Вооруженная чернь, подъ предводительствомъ шляхтичей, собиралась въ толпы, и съ грозными кликами устремлялась всюду, гдѣ знали или чаяли Москалей. Захваченные въ расплохъ, разсѣянно, иные въ постеляхъ, другіе въ сборахъ къ празднику, иные на пути къ костеламъ, они не могли ни защищаться, ни бѣжать, и падали подъ безславными ударами, проклиная судьбу, что умираютъ безъ мести. Нѣкоторые, однако жъ, успѣли схватить ружья и, запершись въ комнатахъ, въ амбарахъ, на чердакахъ, отстрѣливались отчаянно; очень рѣдкіе успѣли скрыться. Счастливцами назваться могли впавшіе въ плѣнъ. По всему городу, изъ конца въ конецъ, раздавался глухой вопль Посполитаго-Рушенья, заглушаемый набатомъ и выстрѣлами, между коими гремѣли тревожные перекаты русскихъ барабановъ и замолкали вновь, подавленные крикомъ народнымъ. Рѣзня длилась; смерть въ разныхъ образахъ сторожила Русскихъ — никому не было пощады. Я зналъ одного отставнаго солдата, который въ ту-пору, съ пятью товарищами, мылся въ банѣ: Поляки окружили ее, зажгли, заперли и со свирѣпою радостію слушали ихъ отчаянные крики. Къ счастью его, обрушился потолокъ; онъ вспрыгнулъ по пылающимъ стропиламъ къ верху и, полусожженный, кинулся въ Вислу, на берегу которой стояла баня. Другой — но теперь дѣло не о другихъ.

— Дядя мой, кирасирскій поручикъ, находился въ этомъ же корпусѣ безсмѣннымъ ординарцемъ при одномъ изъ генераловъ — и я прошу позволенія познакомить васъ съ моимъ дядею покороче. Онъ имѣлъ неоцѣненное счастіе родиться въ золотой, патріархальный вѣкъ русскаго дворянства, въ степныхъ деревняхъ Тамбовской-губерніи. Строгія понужденія Петра-Великаго, чтобы недоросли учились и служили съ малолѣтства, грянули тамъ громомъ, но давно уже минули, подобно страшному сну — и они безбоязненно катались въ невѣжествѣ, какъ сыръ въ маслѣ. Едва мальчикъ раждался на свѣтъ — цѣлое вѣче родныхъ и сосѣдокъ собиралось къ родильницѣ, и каждый и каждая, отпустивъ ей по нѣскольку привѣтовъ, одинъ другаго старѣе, одинъ другаго глупѣе, клали подъ подушку по золотой монетѣ *на зубокъ* новорожденному. За тѣмъ мамка выносила его самого на подушкѣ, краснаго какъ рака, и всѣ съ важнымъ видомъ обступали младенца, щупали, обдували, разсматривали его съ большимъ вниманіемъ и, обыкновенно по старшинству или по звонкости женскихъ голосовъ, рѣшали: будетъ ли у него руно или перья? Въ первомъ случаѣ, когда младенецъ могъ уже ходить на четвереренькахъ, какъ прилично столбовому дворянину — его пускали между телятами и барашками научиться кротости и благонравію. Въ другомъ — дожидались времени, когда онъ могъ стоять на двухъ собственныхъ ножкахъ, и тогда кругъ его воспитанія начинался на птичномъ дворѣ съ курами и гусями. Этотъ родъ домашняго воспитанія, столь близкаго къ простотѣ природы, съ очень неважными перемѣнами, продолжался обыкновенно до тѣхъ-поръ, покуда нѣсколько неугомонныхъ ревнивыхъ мужей, крестьянъ, не приходили съ жалобами на молодаго барченка. Тогда нѣжная матушка заключала, хотя и весьма неохотно, что ребенку пора учиться, и давай слать гонцовъ въ Москву за азбукой, а въ Петербургъ за патентомъ на чинъ гвардіи сержанта. Ни дать-ни-взять, этотъ же порядокъ произше-

ствій соблюденъ былъ и съ возлюбленнымъ моимъ дядюшкой. Совѣтъ чепчиковъ рѣшилъ, что въ немъ орлиная природа, и въ слѣдствіе такихъ примѣтъ, пернатое племя было товарищемъ его дѣтства, и юность его услаждалась дракою съ индѣйскими пѣтухами. Но у ребенка пробился усъ, и вотъ — Амуръ со стрѣлой своею, цирульникъ съ бритвой и приходскій дьячекъ съ указкой, явились къ нему вдругъ — рушителями покоя и безпечности. Книга показалась дядѣ моему медвѣдемъ, и это впечатлѣніе на юные нервы осталось въ немъ едва-ли не на всю жизнь: отъ книгъ онъ вѣчно бѣгалъ, какъ бѣсъ отъ ладона — и мать его увѣряла, что одна азбука стоила ей цѣлаго воза вяземскихъ пряниковъ для утѣшенія испуганнаго дитяти. Дитя, однако же, одарено было особенною понятливостію, и въ два года прошло до четверныхъ складовъ; но *поверхамъ*, вѣроятно отъ застѣнчивости, и на третьемъ годѣ читалъ онъ плоховато. За-то ужъ письмо далось ему на диво. По линейкамъ, начертаннымъ обыкновенно угломъ гребешка, бѣгло писалъ онъ по палочкамъ и, не хвастовски сказать могу, слова его походили на фрунтъ немножко хмѣльныхъ солдатъ; но въ позднѣйшія времена, въ службѣ, онъ еще болѣе наметалъ руку, и каждая буква его подписи, разгульными своими кудрями, походила на завитую въ семикъ березку.

Въ двадцать-два года, отецъ впервые назвалъ его *добрымъ молодцемъ*, а мать съ плачемъ стала собирать на службу. Какъ ни хотѣлось дядѣ моему посмотрѣть свѣта, но горьки показались ему слезы разлуки. Мать просила его беречь здоровье, отецъ велѣлъ беречь денежки, и оба крѣпко-на-крѣпко наказывали поздравлять съ праздниками петербургскихъ своихъ роденекъ — разумѣется чиновныхъ. Покорный сынъ влѣзъ въ повозку, съ твердымъ намѣреніемъ не слѣдовать ни одному совѣту и, въ сотовариществѣ со степнымъ и степеннымъ дядькой, покатилъ въ столицу. Прибытіе его въ полкъ, его сержантскіе подвиги при равносіяніи финскаго солн-

ца и при мерцаніи фонарей, которые нерѣдко бивалъ онъ, и наконецъ переводъ поручикомъ въ одинъ армейскій кирасирскій полкъ — не принадлежатъ къ нашей исторіи, и потому я скажу только, что дядя мой сталъ молодцомъ въ полномъ смыслѣ слова. По росту и дородству вы бы могли счесть его потомкомъ Сухаревой-башни, а сила соразмѣрна была огромности туловища: словомъ, онъ былъ достойный богатырь временъ суворовскихъ. Вообразите себѣ, что въ одномъ сраженіи съ Турками, конь его на ретирадѣ былъ контуженъ въ переднія ноги. Онъ любилъ коня, какъ брата, и не хотѣлъ, имѣя надежду вылечить, оставить его въ добычу непріятеля. Бѣдняжка! сказалъ онъ: ты не разъ вывозилъ меня изъ бѣды неминучей; теперь за мной череда послужить тебѣ, и съ этимъ словомъ, подхватя четвероногаго товарища подъ переднія лопатки, поволокъ на себѣ, между-тѣмъ какъ тотъ переступалъ задними ногами. Такимъ центавромъ прибылъ онъ ко фронту, и когда офицеры стали удивляться его усилію — онъ извинялся тѣмъ, что протащилъ не болѣе полуверсты. Впрочемъ дядя мой, славный уже рубака на войнѣ, былъ лихой товарищъ и въ обществѣ. Охотникъ пошутить и посмѣяться, онъ не былъ лишнимъ ни за бутылкой, ни подлѣ женщинъ. Природа не обидѣла его даромъ слова, а столица весьма и весьма округлила въ обращеніи. Вѣроятно, эти качества доставили ему мѣсто безсмѣннаго ординарца и, кажется, ни генералъ, ни генеральша не имѣли причинъ въ томъ раскаяваться. Варшава, со своимъ венгерскимъ виномъ и милыми Польками, показалась ему настоящимъ земнымъ раемъ: его жизнь плавала тамъ въ океанѣ меду, но гроза невидимо собиралась надъ Русскими и грянула ужасно,—судьба судила, однако жъ, дядѣ моему погибнуть не въ Варшавѣ. Онъ, на страстной недѣлѣ, отправленъ былъ съ важными депешами въ Литву и, удачно выполнивъ свое порученіе, поволько возвращался въ главную квартиру, ничего не зная - не вѣдая. На другой день свѣтлаго празд-

ника, онъ уже находился верстахъ въ полуторастѣ отъ Варшавы, поспѣшая на встрѣчу погибели. У худыхъ вѣстей долгія ноги, и если-бъ дядя мой былъ болѣе догадливъ или менѣе довѣрчивъ, то легко могъ бы замѣтить, что въ народѣ происходитъ необыкновенное волненіе. Но онъ, по обычаю всѣхъ русскихъ курьеровъ, просыпался только побраниться на станціи, выпить рюмку старой вудки у жида, и снова залечь въ плетеную бричку, лишь повременно покрикивая «пошелъ!» и пересыпая это увѣщаніе перцомъ весьма выразительныхъ русскихъ междометій, разнообразіе которыхъ неоспоримо доказываетъ древность и богатство нашего языка, хотя ихъ не льзя отыскать въ академическомъ словарѣ. На облучекъ съ нимъ садился вахмистръ того же кирасирскаго полка, Иванъ Зарубаевъ, удалецъ не хуже моего дяди. Онъ былъ у него квартермистръ, казначей, камердинеръ и тѣлохранитель въ одномъ лицѣ; и сомнѣніе-ли Поляковъ объ удачѣ варшавской заутрени, или робость при видѣ двухъ великановъ, вооруженныхъ съ ногъ до пояса — только, не смотря на косые взгляды и проклятія, процѣженные сквозь зубы, имъ до сихъ поръ вездѣ давали лошадей, и нагайка Зарубаева, гуляющая безъ лицепріятія по спинамъ четвероногихъ и двуногихъ служителей почтъ, доставляла путникамъ очень скорую ѣзду. Зарубаевъ однако, видя необычайное столпленіе шляхты, которая, заломавъ шапки и засунувъ руки за поясъ, гордо волочила за собой ржавыя сабли, явно браня Русскихъ и съ схвастливымъ видомъ угрожая искрошить ихъ на табакъ, счелъ за нужное отрапортовать о томъ поручику.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ, вытянувшись сколько могъ, половиной тѣла, на облучкѣ: Поляки затѣваютъ что-то недоброе,—они грызутся на насъ, какъ волки на собакъ. Во многихъ деревняхъ, я видѣлъ, насаживаютъ косы на ратовища и привязываютъ флюгарки къ виламъ; шляхта чиститъ дробовики и сабли — вонъ, изволите ли видѣть, намъ

перескакали дорогу человѣкъ пять съ пиками? Это не спроста!

— Въ самомъ-дѣлѣ, Зарубаевъ, отвѣчалъ мой дядя: я и самъ замѣтилъ, что Поляки стали съ нами горды, какъ трехбунчужные паши, и вмѣсто прежняго *падамъ до ногъ*, готовы взлѣзть на шею — далеко, братъ, кулику до Петрова-дня! А что, есть ли у насъ, Иванъ, Адамовы слезы?

— Какъ не быть, ваше благородіе! отвѣчалъ вахмистръ, открывая пробку оплетенной фляги, которая висѣла у него черезъ плечо: я всякой день насыпаю на полку свѣжаго пороху.

— Такъ не о чемъ и горевать, сказалъ мой дядя, потягивая душеспасительный травникъ: покуда у русскаго солдата есть чарка въ головѣ, сухарь въ карманѣ и желѣзо въ рукахъ, ему нечего бояться.— Пошелъ!

Въ этихъ миролюбивыхъ мысляхъ прикатили они къ слѣдующей станціи.

Шумный кругъ тѣснился у крыльца почтоваго дома; съ него, сухощавый Полякъ, — вѣроятно экономъ фольварка, весьма похожій на тощую фараонову корову, которая проглотила тучную, не ставъ отъ того сытѣе, — что-то съ жаромъ проповѣдывалъ, и грозные клики: вырзноць, вызрноць *! вмѣстѣ съ шапками летѣли на воздухъ.

— Лошадей! закричалъ Зарубаевъ, между-тѣмъ какъ ропотъ: Москаль, Москаль! раздавался кругомъ.

— Тройку изъ курьерскихъ, по указу Ея Императорскаго Величества, сказалъ мой дядя, швырнувъ подорожную въ носъ эконома.

— *Тымъ горжей* ** гордо возразилъ тотъ, — коней не ма.

— Какъ не ма? для курьера не ма? хоть роди да подай! вскричалъ, вспыхнувъ мой дядя, — или я тебя самаго впрягу въ хомутъ, тюленья харя!

---

* Вырѣзать ихъ, вырѣзать.

** Тѣмъ хуже.

Между-тѣмъ Поляки сжимали кругъ ближе и ближе и, съ каждой минутой, угрозы ихъ становились дерзостнѣе, поступки безчиннѣе.

— Схватить ихъ, связать ихъ! кричали одни.

— Убить, убить! ревѣли другіе: имъ однимъ скучно будетъ въ Польшѣ — отправьте ихъ гонцами къ свату ихъ, сатанѣ! и тому подобныя любезности.

— Не пустить-ли, ваше благородіе, шутиху въ зубы этой челяди? спросилъ Зарубаевъ у дяди. Пистолеты у меня заряжены картечью; или, по крайней-мѣрѣ, позвольте поработать палашемъ: ему бѣднягѣ душно въ ножнахъ.

Но дядя мой имѣлъ благоразуміе запретить вахмистру наступательныя дѣйствія, и далъ знакъ держать только оружіе на-готовѣ.

— Завладѣй сперва бричкой этого шляхтича, потихоньку сказалъ онъ Зарубаеву, и тотъ вмигъ исполнилъ фланговое движеніе къ бричкѣ. Тогда дядя мой рѣшился; медлить было нечего. Толпа готовилась задавить ихъ множествомъ: самые хвастливые изъ шляхтичей обнажили уже клинки свои, и гарцуя надъ головою дяди, то подносили концы ихъ къ носу его, заставляя нюхать старопольскую славу, то втыкали ихъ въ землю, то потачивали на колесѣ, — это вывело его изъ терпѣнія; онъ сверкнулъ глазами и палашемъ, скомандовалъ Зарубаеву: укороти поводья! схватилъ за воротъ сухощаваго Поляка и, между-тѣмъ какъ тотъ кричалъ, злапайцѣ тего дурня *! бросилъ его подъ мышку, какъ зонтикъ, и потащилъ, задушая, къ бричкѣ. Вскочить въ нее, втащить за собой плѣнника, и крикнуть Зарубаеву: катай по всѣмъ! было дѣло двухъ миговъ. Зарубаевъ, — который, выставя изъ-за края брички, какъ изъ-за бруствера, пару сѣдельныхъ пистолетовъ, грозился на каждую пулю пронизать по крайней-мѣрѣ по три души — не дожидался повтореній, и бичъ свиснулъ надъ конями.

---

* Схватите этого сумасброда.

— Слушай, пане экономе! сказалъ дядя плѣннику, сжимая воротъ его при каждой запятой: объяви этой сволочи, что если хоть одинъ кинетъ въ меня камнемъ, или выстрѣлитъ, или станетъ преслѣдовать, то я не иначе явлюсь въ пеклѣ, какъ верхомъ на тебѣ!

При окончаніи этого родительскаго увѣщанія, онъ такъ давнулъ бѣднаго шляхтича, что тотъ заревѣлъ, какъ фаларидовъ быкъ, и ради всѣхъ святыхъ сталъ умолять бѣгущую сзади громаду не трогать Русскихъ, щадя его. Долго еще имъ слышались брань и проклятія раздраженной черни, у которой ускользнула изъ рукъ вѣрная добыча; но повозка летѣла, и треть дороги была уже за ними, когда звукъ набата въ селѣ, впереди на дорогѣ лежащемъ, принудилъ ихъ остановиться. Ѣхать назадъ было имъ безразсудно, впередъ еще опаснѣе: что тутъ прикажете дѣлать? Дядя призадумался, спросилъ адамовыхъ-слезъ, которыя были у него въ родѣ карманнаго вдохновенія во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ жизни... потомъ приложилъ палецъ ко лбу, какъ-будто для извлеченія электрической искры ума — и снова ухватилъ шляхтича за воротъ.

— Слушай, ты, вавилонская лихорадка, сказалъ онъ ему: веди меня окольными дорогами не слишкомъ близко къ большой дорогѣ, и не далеко забираясь въ сторону. Если же ты задумаешь бѣжать или, чего Боже сохрани, завести меня въ западню, то я впущу тебѣ въ брюхо такую ягоду, что она не сварится въ немъ до страшнаго суда, хотя бы желудокъ твой былъ крѣпче нежели у строуса. Зарубаевъ! отдай ему вожжи, да держи за кушакъ, и чуть онъ покривитъ душой или зашевелитъ усами — спусти гончую собаку, понимаешь?

И трепещущій Полякъ понялъ это весьма хорошо: взлѣзъ на козлы, своротилъ вправо, и путники наши скоро выѣхали на какую-то проселочную дорогу.

Мы не удивимся поведенію дяди въ такомъ необ-

ходимомъ случаѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ уже въ отмѣстку за обиду и по чувству самохраненія; но впрочемъ онъ, подобно всѣмъ военнымъ того времени, безъ всякой нужды готовъ былъ на подобныя выходки. Ихъ вѣкъ былъ вѣкомъ, въ который люди угнетали другихъ людей во всей невинности сердца: тогдашній дворянинъ крѣпко вѣровалъ, что Богъ создалъ для него только девять заповѣдей, а десятую отдалъ ему въ бенефисъ; что крестьяне суть животныя, и что спины ихъ необходимо требуютъ побоевъ, лбы роговъ, а карманы просѣвки и, если ропщутъ, то вѣрно по глупости или отъ непривычки. Солдатъ, въ свою очередь, почиталъ себя тоже привиллегированнымъ существомъ. Слѣдуя примѣру старшихъ, онъ приходилъ на квартиру, какъ въ завоеванный приступомъ городъ — и мужикъ, вчерашній товарищъ его, Богъ знаетъ почему, становился его вассаломъ. Въ цѣлой деревнѣ мальчики прятались за углы, и собаки, поджавъ хвостъ, влѣзали въ подворотню, когда старый служивый совершалъ по улицѣ свое торжественное шествіе изъ кружала, и онъ, свертывая голову курицѣ или паля краденаго поросенка, бывало приговаривалъ: за матушку за царицу, за святую Русь, въ полной увѣренности, что этому не должно быть иначе. Мы еще застали образчики солдатскаго молодечества на постояхъ, но это была уже одна тѣнь золотаго вѣка, о которомъ вздыхаютъ отставные усачи, говоря: то-то было времячко! пришелъ ли на квартиры, все твое — и куры и жены: офицеры пьютъ-да-бьютъ исправниковъ, а мы свозимъ стога сѣна и щиплемъ бороды неугомоннымъ; ведро вина для квитанціи и — все шито-да-крыто... что за ябеда на слугъ государевыхъ? Бывало, что день, то масляница. На Руси кантуй, какъ въ землѣ непріятельской, а у союзниковъ, какъ на Руси! Мудрено ли же, правду сказать, что съ такою политикой между нашими гренадерами, Поляки не слишкомъ рады были незванымъ гостямъ?

— Между-тѣмъ, господа, бричка катилась, солн-

це садилось, и дядя мой, стягивая патронташъ съ пистолетами, очень умильно поглядывалъ въ обѣ стороны, не увидитъ-ли гдѣ деревушку для взысканія съ нея контрибуціи въ пользу тощаго своего желудка. Вмѣсто деревни, однако же, увидѣлъ онъ столбъ пыли на дорогѣ, которая тихо вилась къ нимъ на встрѣчу. Они разслышали хлопанье бича и дребезжаніе досочекъ и винтовъ и цѣпей какой-то повозки — и вотъ пыль разступилась: цѣлый цугъ коней, въ высокихъ хомутахъ съ вѣющими по нимъ флюгерами, кистями и бляхами — тащилъ старинную низкоходую карету. Верхъ у ней былъ сквозной, и кожаныя завѣсы, замѣняющія наши стекла, подвязаны къ столбикамъ. Внутри, на горѣ изъ подушекъ и всякой рухляди, лежалъ, преважно растянувшись, какой-то вельможный панъ, покручивая усы для препровожденія времени.

— Долой съ дороги! кричалъ Зарубаевъ.

— Вправо, или стопчу! былъ отвѣтъ польскаго кучера, и между-тѣмъ оба катили прямо другъ на друга, не уступая мѣста, какъ добрые дипломаты.

— Кеды Москаль-гицель не зврунци зъ дроги — паль го въ лэбъ зъ бича *! закричалъ возницѣ своему гордый панъ, которому и самая степь Киргизъ-Кайсаковъ показалась бы узка при встрѣчѣ; но кони уже сгрянулись, дышла затрещали, колесо пополамъ, и обѣ повозки полетѣли вверхъ копыльками. Между-тѣмъ какъ ѣздовые хлестались, и кони храпѣли подъ тяжестію кузова или запутанные въ упряжь, дядя мой — который выходилъ изъ себя отъ одного грубаго слова — бѣжалъ къ нему въ бѣшенствѣ отъ обидныхъ словъ, обнаживъ свой шестипядный палашище, и обѣщая сдѣлать изъ него двуглаваго орла. Но панъ уже успѣлъ выбиться изъ-подъ перинъ и ящиковъ, и съ саблей въ рукѣ ожидалъ нападенія. Разумѣется, ни одинъ изъ нихъ не скупился на удары, и между-тѣмъ какъ

* Если Русскій не своротитъ съ дороги, то катай его бичемъ въ лобъ!

искры сыпались съ клинковъ, брань летѣла съ языковъ и удвояла запальчивость обоихъ. Дядя мой кричалъ, что онъ допытается, чѣмъ подбита польская кожа, а панъ ревѣлъ, что онъ отрубитъ русскій носъ на завтракъ своему пуделю; и въ самомъ дѣлѣ противникъ былъ лихой рубака и дважды уже задѣлъ его по локтю, между-тѣмъ какъ дядя мой косилъ на право и на лѣво безъ всякаго разбора. Счастье однако лучше умѣнья — и дядя мой, рубнувъ съ плеча, раздробилъ саблю, которая была уже на дорогѣ короткаго знакомства съ его носомъ, и такъ стукнулъ противника въ лобъ рукояткою, что онъ рухнулъ въ крови, не успѣвъ ахнуть. Наживъ новую бѣду на руки, любезный дядюшка мой спѣшилъ ретироваться, покуда слуги суетились около вельможнаго: на бѣду, плѣнный шляхтичъ, пользуясь замѣшательствомъ, ударилъ до стараго замка, т. е. до лѣсу, а Зарубаевъ, потирая бока, докладывалъ, что онъ не знаетъ дороги. Ступай куда глаза глядятъ! — былъ приказъ, и нагайка взвилась опять надъ бѣгунами.

Скоро потеряли они изъ виду мѣсто побоища, и солнце юркнуло за горизонтъ, будто только и ждало конца славныхъ подвиговъ. Среди враговъ, въ мѣстахъ незнакомыхъ, въ темную ночь — не слишкомъ весело хоть какому рыцарю; но, что хуже всего, дядя мой чувствовалъ тогда страсть ужаснѣйшую всѣхъ прочихъ, ибо она не знаетъ забвенія, ни примиренья, и убиваетъ въ три дня, страсть, которую въ просторѣчіи называютъ голодомъ! Вообразите же себѣ его радость, когда, обогнувъ лѣсокъ, онъ увидѣлъ не вдалекѣ передъ собою старинный польскій замокъ и въ окошкахъ его освѣщеніе, достойное святой недѣли, которая въ Польшѣ есть настоящій праздникъ гостепріимства. Подъѣзжая ближе, онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что просѣка, ведущая ко въѣзду, заросла уже мелкимъ березнякомъ. Ограда во многихъ мѣстахъ была осыпана, гнилыя ворота лежали у верей въ крапивѣ, весь дворъ заглохъ дикими растеніями и самый

палацъ разрушенъ по оконечностямъ: однимъ словомъ, все доказывало давнее запустѣнье и необитаемость. Это поразило Зарубаева, и онъ сдержалъ копей.

— Ваше благородіе! сказалъ онъ крестясь: тутъ не чисто — въ этихъ брошенныхъ палатахъ могутъ стоять на постоѣ только злые духи. По всему замѣтно, что здѣсь лѣтъ сорокъ не бывало живой души, а теперь въ нихъ говоръ, шумъ и пѣнье. Если бъ сюда съѣхались крещеные люди, такъ были бы кони и повозки: вѣдь однѣ кіевскія вѣдьмы летаютъ на помелѣ. Не лучше ли, ваше благородіе, переночевать въ полѣ, а то не вынесемъ мы отсюда своихъ косточекъ!

— Пошелъ хоть къ самому сатанѣ! сердито закричалъ мой дядя: крестомъ или пестомъ у чертей и у людей можно всего добыть, а я такъ голоденъ, что готовъ вырвать ужинъ изъ пасти медвѣдя!

Мигомъ перекатили они широкій дворъ, и дядя мой, въ сопровожденіи Зарубаева, который ни зачто въ свѣтѣ не хотѣлъ остаться одинъ, пустился ощупью отыскивать входъ въ залу, откуда неслись громкіе голоса. Взбѣжавъ по полуразвалившейся лѣстницѣ во второй этажъ, не безъ опасности сломить себѣ шею, — въ передней, наскоро превращенной въ буфетъ, встрѣтилъ онъ толпу суетливыхъ слугъ. Всѣ они были въ охотничьихъ платьяхъ, и споря наперехватъ кто услужитъ хуже, готовились нести ужинъ. Нѣсколько сворь и смычковъ собакъ лежали и прогуливались попарно, въ ожиданіи добычи или подачки, и дядя замѣтилъ одного лакея, который теръ блюдо хвостомъ борзой, между-тѣмъ какъ она, ворча, грызла заячью косточку. Запахъ кушанья заставилъ его удвоить шаги — и вотъ онъ посреди залы, между множествомъ польскихъ пановъ и дамъ, въ недоумѣніи къ кому обратить слово.

Появленіе русскаго латника исполинскаго роста, косой сажени въ плечахъ, вооруженнаго съ головы до шпоръ, въ перчаткахъ съ раструбами по локоть,

въ сапожищахъ съ крагами до полубедра и съ суперверсѣ * на груди съ огромнымъ орломъ, что дѣлало его весьма похожимъ на странствующій пограничный столбъ Московской губерніи, а далѣе за нимъ, на благородномъ разстояніи, точно такая же фигура, ласкающая рукой ефесъ палаша — изумили и даже испугали собраніе. Съ безпокойствомъ поглядывали Поляки, нейдутъ ли въ слѣдъ за этимъ передовымъ корпусомъ другіе съ примкнутыми штыками, за тѣмъ-что время и мѣсто ихъ сбора не даромъ могли казаться подозрительными. Наконецъ дядя мой, выбравъ пана, у котораго гордѣе всѣхъ была осанка, длиннѣе прочихъ усы и богаче поясъ, изъяснился какъ могъ, что онъ русскій курьеръ, сбился съ дороги и зная польское гостепріимство, проситъ теперь хлѣба-соли для себя, и потомъ коней для службы государевой. Къ этому онъ придалъ глупость самаго большаго калибра: назвался племянникомъ главнокомандующаго — ложь, которая бывала ему доселѣ очень удачна для полученья подводъ, хорошихъ ночлеговъ и угожденій и угощеній.

— А, а! сказалъ вельможный, потирая руки: милости просимъ! мы весьма рады пану племяннику главнокомандующаго.

Эта новость обтекла въ одно мгновеніе ока вокругъ залы — и всѣ, наиболѣе дамы, столпились около дяди моего, измѣряя его глазами, какъ Страсбургскую колокольню.

— Но позвольте спросить, гдѣ ваша подорожная? спросилъ ласково хозяинъ.

— Вотъ здѣсь, отвѣчалъ дядя мой, опустивъ руку въ лосинные панталоны и вытаскивая трехпечатный листъ.

Взглянувъ на него, Поляки успокоились, веселость

* При Императрицѣ Екатеринѣ II гвардейскіе кирасиры носили, во внутренній караулъ, суконное подобіе кираса съ золотымъ шитымъ орломъ: это называлось суперверсомъ. Во время рыцарства онъ надѣвался на латы, какъ чахолъ.

возвратилась, и рады-не-рады нежданному гостю, усадили однакожъ его за столъ рядомъ съ очень милою дамой, и всѣ бѣды, всѣ страхи исчезали изъ головы моего дяди точно такъ же, какъ яства съ его тарелки, а вино изъ серебряной стопы, въ которую лукавый сосѣдъ не уставалъ подливать безпрестанно. Успокоивъ первые вопли желудка, дядя пустилъ глаза на волю. Въ-самомъ-дѣлѣ все, что ни окружало его, вовсе не походило на вещи здѣшняго міра: огромная зала, расписанная плѣсенью al fresco, грозила паденіемъ; потолокъ былъ выпученъ волнами, карнизы, украшенные паутиной, начинали обваливаться, и выбитыя окна на этотъ вечеръ завѣшены были коврами, попонами, даже плащами охотниковъ. Только на столѣ стояло нѣсколько подсвѣчниковъ, но по стѣнамъ воткнуты были охотничьи ножи и на нихъ пылали факелы. На одной изъ стѣнъ висѣлъ рядъ фамильныхъ портретовъ, мужчинъ и женщинъ попеременно — безмолвная лѣтопись ничтожности человѣческой. Краснощекія красавицы, перетянутыя какъ муравей и обвѣшанныя рядами кружевъ, на высокихъ золоченыхъ каблукахъ, нѣжно косили глазки на букетъ чудесныхъ цвѣтовъ съ серебряными листиками, навѣрно подарокъ жениховъ, потому-что въ-старину дѣвушки принимали подарки только отъ жениховъ. Усатые, бритоголовые паны съ длиннымъ чубомъ на маковкѣ, иные въ латахъ, грозно держась за саблю, другіе въ расшитыхъ кафтанахъ и кунтушахъ, миролюбиво размѣщая пальцы по квартирамъ между алмазныхъ пуговицъ, безпечною своею физіономіею и двойнымъ подбородкомъ невольно возбуждали аппетитъ, и дядя очень остроумно замѣтилъ, что старики не безъ намѣренія вѣшали портреты свои въ столовыхъ: любя пировать въ жизни, они и по смерти давали потомкамъ охоту къ тому же. Въ мебеляхъ представлялись остовы многихъ вѣковъ отъ самаго потопа. Тамъ широкія кресла протягивали одну ручку, будто прося милостыни, между-тѣмъ какъ на вышитой спинкѣ трепетались лоскут-

ки прежняго величія. Тамъ долговязый точеный стулъ качался на трехъ ножкахъ, потерявъ остальную въ какомъ-нибудь домашнемъ сраженіи, и всѣ они разнаго роста, цвѣта и вида, на утиныхъ и кривыхъ собачьихъ ножкахъ, съ высокими и низкими задинками, подъ блеклой позолотой, или изъ дуба, источеннаго червями, казалось, сбѣжались туда со всѣхъ чердаковъ, какъ на толкучій рынокъ или въ инвалидный домъ заслуженныхъ утварей. Сборъ гостей былъ не менѣе чудесенъ: они казались живыми списками висящихъ по стѣнамъ портретовъ, и всѣ покрои платьевъ, начиная отъ короля Ляшка-Бѣлаго, имѣли на нихъ свое мѣсто. Многіе молодые люди носили однако-жъ завитые волосы, и французскіе шитые жилеты сверкали изъ-подъ ихъ двурукавныхъ кунтушей. Хозяинъ, видя, что дядя мой изумляется, окидывая глазами гостей и комнату и уборы, поспѣшилъ успокоить на этотъ счетъ его любопытство.

— Не дивитесь, любезный ротмистръ, сказалъ онъ (Поляки любятъ производить въ чины), что видите насъ въ этихъ развалившихся стѣнахъ. Травя сегодня съ сосѣдами медвѣдя, я избралъ этотъ, давно уже покинутый, палацъ мѣстомъ отдыха послѣ охоты, по близости его къ лѣсу, гдѣ мы полевали. Не дивитесь и тому, что прекрасное это зданіе заброшено въ пользу нетопырей: я разскажу вамъ о томъ исторію:

— Надобно вамъ сказать, что полвѣка тому назадъ, домъ этотъ сіялъ какъ алмазъ, и былъ какъ полная чаша. Имъ владѣлъ тогда графъ Феліціанъ Глемба, родственникъ мой по женской линіи, человѣкъ страхъ-богатый деньгами, но еще болѣе прихотями и страстями. Онъ былъ женатъ на единственной наслѣдницѣ дома Тарловъ, женщинѣ очень умной и прекрасной, но, по обычаю всѣхъ славянскихъ женъ, чрезвычайно своенравной и повелительной. Чтобы разсѣяться немножко отъ домашняго благополучія, онъ уѣхалъ за границу, обрыскалъ всю Европу, дурачился вездѣ какъ не льзя

болѣе, влюблялся по пяти разъ на день, дрался на поединкахъ безъ счету, и наконецъ, истощивъ наличныя деньги и здоровье, воротился домой съ новыми долгами и застарѣлыми пороками. Нѣсколько лѣтъ послѣ-того протекло довольно тихо, потому-что жена была ревнива — равно къ его сердцу и карману, и держала молодца, что называется, въ ежевыхъ перчаткахъ: онъ же въ свою очередь боялся ея больше всего на свѣтѣ.

— Вотъ, въ одну осеннюю ночь, какой-то всадникъ прискакалъ на ворономъ конѣ къ воротамъ замка и просилъ ночлега, увѣряя, что онъ имѣетъ сообщить графу весьма важныя вещи. Разумѣется, велѣно просить гостя къ ужину, и графъ съ удивленіемъ замѣтилъ въ чертахъ незнакомца что-то очень-знакомое; но какъ путешествія и связи его были обширны, то онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ онъ его видѣлъ. Неизвѣстный ѣлъ мало, говорилъ еще менѣе, поглядывалъ на графа изъ подлобья такъ мрачно, что у него сжималось сердце, и наконецъ, для открытія тайны, просилъ особаго свиданія. Ему назначили для ночлега дубовую комнату, и черезъ полчаса явился туда и Глемба. Нельзя описать внезапный страхъ его, когда, вмѣсто незнакомаго мужчины, онъ нашелъ слишкомъ знакомую ему женщину, синьору Біанку Менотти, которую обольстилъ онъ, увезъ отъ отца, тайно женился на ней, и потомъ бросилъ и забылъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городкѣ. Она, какъ водится, плакала, укоряла и наконецъ объявила, что если онъ не признаетъ ея за жену свою, то, не могши утѣшаться его любовью, она найдетъ отраду въ мести; что она Италіянка, и знаетъ средство обнародовать его вѣроломные и беззаконные поступки, что она не пожалѣетъ даже пролить кровь или отравить измѣнника, для котораго забыла она невинность, домъ отеческій, родину и родныхъ, и долгія лѣта разлуки скиталась въ чужбинѣ безъ имени и пристанища. Графъ притворился, будто разнѣжился до слезъ и, трепеща, чтобы его не подслушали,

далъ Іудинъ поцѣлуй примиренія обманутой Италіянкѣ. Все, все обѣщалъ онъ: развестись съ первою женой, признать ее, любить вѣрно и горячо, и между-тѣмъ какъ Біанка всему вѣрила (влюбленное сердце такъ довѣрчиво) — онъ вращалъ въ головѣ кровавые замыслы: сжить съ рукъ опаснаго свидѣтеля и увядшую, постылую любовницу. Медлить было не возможно: онъ страшился ревности настоящей супруги болѣе ада — и скоро созрѣлъ губительный умыселъ въ душѣ порочной. Ласками усыпилъ онъ легковѣрную; потихоньку оторвалъ отъ оконнаго переплета листокъ свинцу, растопилъ его на свѣчѣ въ серебряной ложкѣ, и приблизился къ сонной жертвѣ своей. Руки его дрожали, совѣсть громко вопіяла: *удержись!* но страхъ позора, но боязнь преслѣдованій Италіянки и вѣчныхъ укоровъ жены перемогли все: кипящій свинецъ канулъ въ ухо Біанки, и жизнь ея прервалась однимъ вздохомъ.

— Совершивъ злодѣяніе, графъ позвалъ ловчаго, всегдашняго повѣреннаго его проказъ; вмѣстѣ съ нимъ выбросили трупъ за окно и зарыли тутъ же подъ деревомъ. На другой день онъ сказалъ женѣ, что это былъ обманщикъ, хотѣвшій выманить у него денегъ, и получивъ отказъ, онъ убрался до свѣту. Никто и не думалъ заботиться о человѣкѣ, который такъ же скрытно уѣхалъ, какъ прибылъ, однимъ словомъ: все, кажется, было улажено — и концы въ воду; но кровь не смывается ничѣмъ. Каждую полночь стали мечтаться графу привидѣнія; безсонница высосала его здоровье; совѣсть преслѣдовала повсюду. Увѣряли, впрочемъ, будто и всѣмъ домашнимъ чудилась женщина въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами: она медленно, изъ дубовой комнаты, пробѣгала весь замокъ и, встрѣтивъ графа, грозила ему перстомъ, указывая на небо, и потомъ исчезала. Гонимый раскаяніемъ, терзаемый призраками, Глемба вдругъ покинулъ домъ этотъ, вскорѣ заболѣлъ горячкой, высказалъ въ бреду ужасныя подробности преступленія—и умеръ.

— Съ той поры на замокъ легла печать отверженія. Село, бывшее вблизи, разсѣялось, дороги поросли кустарникомъ, и доселѣ такъ еще сильно повѣрье, будто здѣсь живутъ духи и прогуливаются мертвецы, что дровосѣкъ, не ждя вечера, выѣзжаетъ домой изъ окрестностей, и охотникъ, хотя бы ему попался пестрый зубръ, не погонится за нимъ подъ-ночь въ сосѣднія кущи. Мы однако же, надѣясь на учтивость привидѣній, рѣшились пировать здѣсь послѣ подвиговъ травли, и повторяемъ, пане ротмистрже, весьма рады случаю, что вы, вмѣсто пустыхъ стѣнъ, нашли здѣсь сытный столъ, и вмѣсто блѣдныхъ покойниковъ, краснощекихъ весельчаковъ, готовыхъ пить и любить... отъ пана до папа!

Между собесѣдниками пошли разные толки: кто морщился, однако всѣ стали поговаривать, что пора ѣхать. Но заздравные кубки кружились, и всѣ тайны всплывали на верхъ вина, какъ масло, мало-по-малу. Дядя мой плохо понималъ по-польски и вовсе не разумѣлъ по-латынѣ, но и онъ замѣтилъ нѣчто непріязненное къ имени Русскихъ. Толковали о всеобщемъ возстаніи въ Варшавѣ, о томъ, что вездѣ исполняется то же. Взоры гостей сверкали, восклицанія становились шумнѣе, воинственнѣе; наконецъ тостъ: pereat Stanislas, pereat Moscovia! загремѣлъ такъ, что дрогнули стѣны. Многіе вскочили, другіе пили, стуча саблями о столъ; хрусталь летѣлъ на полъ — и дядя мой, не понимая ни крошки, подтянулъ хору и, во всей чистотѣ души, осушилъ стопу свою.

Въ промежуткахъ между чарами, онъ не забывалъ однако жъ своей сосѣдки: смѣшилъ ее, ломая польскій языкъ безъ милости, забавляя разсказами о Россіи, льстилъ какъ умѣлъ — и казалось, что ему отвѣчаютъ. Вкусы у женщинъ причудливы, и недурной мужчина, 2 аршина и 12 вершковъ роста, имѣетъ свои достоинства — будь онъ Латышъ, не только Русскій; политическія же распри не входятъ въ расчетъ женскихъ склонностей — на этомъ пунк-

тѣ онѣ истинные космополиты: и пана племянника главнокомандующаго нашли бардзо пршiемнымъ! — Ободренный огневыми взорами милой Польки, и переполненный черезъ край любовью и венгерскимъ, дядя мой рѣшился на объясненiе. Должно полагать, рѣчь его была подобiе Цицероновой Pro Milone; онъ самъ былъ очень растроганъ, ибо первый почувствовалъ силу собственнаго краснорѣчiя, и въ самой срединѣ изъясненiя, желая вздохнуть — зѣвнулъ до ушей, нѣжно взглянулъ на прекрасную въ полглаза, и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Судя по высотѣ мѣсяца, было за полночь, когда онъ пробудился; въ ушахъ его звенѣлъ еще говоръ ужина, но, открывъ глаза, онъ чрезвычайно удивился, видя, что сидитъ одинъ одинехонекъ. Все было кругомъ въ мертвомъ молчанiи; гости исчезли, и никакого слѣда пирушки, кромѣ обнаженнаго стола и опрокинутыхъ стульевъ! Дядя мой не разъ протиралъ глаза, щупая себя за желудокъ и щипля за ухо, чтобы увѣриться, точно ли онъ испыталъ все это во снѣ. — И все-таки сомнѣнiе не покидало его. Зачѣмъ Поляки были здѣсь, и куда дѣвались, не разбудивъ его? Люди были это, или злые духи изволили забавляться надъ нимъ? И ежели злые духи, подумалъ дядя, то неужели разлетѣлись они отъ пѣнiя жаренаго пѣтуха, котораго не успѣлъ онъ начать? — предполагать же пѣтуховъ живыхъ, никакъ не льзя было въ окрестности. Полный мѣсяцъ ясно свѣтилъ въ полыя окна, и морозный вѣтерокъ, чтобы не сказать дума о мертвецахъ, русалкахъ и домовыхъ, которыми набожно набивали его голову съ малолѣтства, заставили героя пожаться: ему вовсе не было охоты провести ночь въ этомъ чертовомъ рѣшетѣ. Мурашки бѣгали по ретивому, да и портреты Поляковъ, которые за-часъ онъ находилъ такъ миловидными, хмурили брови, сторожили его страшными глазами и, колеблемые вѣтромъ, казалось, хотѣли выпрыгнуть изъ рамъ и раздѣлаться съ незваннымъ посѣтителемъ по-свойски.

Найдя свой плащъ въ углу, и завертываясь въ

него, онъ замѣтилъ, что при немъ нѣтъ уже ни палаша, ни пистолетовъ. Эта потеря поразила его, какъ громъ; безъ оружія онъ вовсе опустилъ крылья и опрометью кинулся къ выходу, трепеща звука собственныхъ шпоръ. Первый шагъ за дверь — и дядя мой былъ уже на полу, запнувшись за какое-то мертвое тѣло; но ужасъ его дошелъ до неимовѣрной степени, когда въ немъ онъ узналъ Зарубаева, исколотаго и плавающаго въ крови. Вѣрный служивый былъ еще живъ; онъ распознаъ своего поручика, собралъ послѣднія силы, приподнялся на локоть, и чрезъ два слова въ третье разсказалъ ему, что онъ не покидалъ, во все время ужина, своего поста у дверей, видѣлъ, какъ заснулъ дядя мой, слышалъ, какъ Поляки хотѣли связать и съ торжествомъ везти въ Варшаву племянника главнокомандующаго; но хозяинъ настаивалъ, что онъ беретъ его къ себѣ на поруки, и что стыдно платить униженіемъ человѣку, пришедшему просить гостепріимства. На бѣду прискакалъ шляхтичь съ вѣстью къ одному изъ вельможныхъ, что родной братъ его умираетъ, раненый въ пути русскимъ курьеромъ — и узнавъ насъ обоихъ, указалъ какъ на убійцъ и разбойниковъ. Тогда хмѣльные паны разъярились и, не смотря на всѣ увѣщанія добраго хозяина, сабли засверкали надъ головою соннаго дяди. Зарубаевъ кинулся защищать его, спустилъ курокъ по одному, и саблей сбилъ еще двоихъ, но былъ въ минуту изрубленъ сотнею клинковъ и, падая, видѣлъ, какъ распахнулись, на другомъ концѣ залы, заколоченныя двери — и вышла женщина въ бѣломъ платьѣ, блѣдная какъ смерть... Завидя ее, Поляки стихли, сабли опустились — и всѣ кинулись вонъ, давя другъ-друга, побросались на коней и ускакали, восклицая: фантомъ, фантомъ! Послѣ этого онъ потерялъ память—«и теперь умираю молодцомъ,» прибавилъ Зарубаевъ, силясь перекреститься: солдату всегда пора умереть, а тому и подавно кстати, кто выкупилъ свою душу парою вражескихъ; у меня же ни роду, ни племени! Велите, ваше благоро-

діе, отслужить только по мнѣ панихиду, и пусть товарищи выпьютъ за мою грѣшную душу на поминкахъ — деньги въ артели! Съ этимъ словомъ онъ упалъ, вытянулся въ послѣдній разъ по-солдатски — и баста. — Дядя ждалъ, не очнется ли добрый товарищъ, но трупъ холодѣлъ постепенно, и онъ, уронивъ пару слезъ на убитаго, удалился искать себѣ пріюту и безопасности. Смущенъ сердцемъ и не видя ничего въ темнотѣ, онъ никакъ не могъ найти выхода: изъ коридора попадалъ онъ въ комнату, изъ ряда комнатъ въ сѣни, оттуда на лѣстницу, тамъ на другую — это его утомило. Онъ бросился въ первую встрѣчную горницу, и найдя тамъ древнюю запыленную кровать, растянулся на ней, жмуря глаза, съ твердою рѣшимостію заснуть до свѣта, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ дяди: трупъ Зарубаева и разсказы о бѣломъ привидѣніи неотступно ходили кругомъ. Для развлеченія, онъ сталъ разсматривать комнату чуднаго своего ночлега.

Она вся убрана была дубомъ подъ тяжелою рѣзьбой: высокія панели и широкіе наличники, на коихъ хитро сплетались фантастическія головы звѣрей, птицъ и людей, долго занимали его. Казалось, подъ каждой рамкой скрывался шарнеръ, готовый повернуться и выпустить изъ-за себя какое-нибудь привидѣніе или, по-крайней-мѣрѣ, убійцу. Разбитое зеркало, тусклое отъ дождей, будто манило мертвецовъ поглядѣться въ себя. Старая дверь скрипѣла такъ жалобно, такъ заунывно, словно оплакивала своего жильца, и лѣстница, едва озаренная луной, казалось, вела прямо въ преисподнюю. Къ этому же сырыя стѣны пахли могилой, и флюгеръ, качаясь на ржавомъ стержнѣ, царапалъ дядю по сердцу: ему стало жарко и холодно, когда онъ вспомнилъ, что это должна быть роковая дубовая комната, — и на кровати, на которой лежалъ онъ, умерла несчастная Біанка! При этой мысли онъ вздернулъ плащъ себѣ на голову, но обнажилъ ноги; потомъ, желая обвернуть ноги, обнажилъ плеча и, наконецъ, послѣ многихъ перемѣнъ одного и того же,

проклиная портныхъ и домовыхъ, онъ свернулся въ крендель подъ епанчею, и такимъ образомъ, герметически закупоренный отъ вліянія духовъ, заснулъ, потѣя какъ губка.

Вино и молодость, подобно пружинѣ, уступаютъ на-мигъ силѣ, но потомъ разыгрываются по прежнему. Вино и молодость забушевали опять въ сердцѣ моего дяди, хотя онъ находился въ тѣхъ же тискахъ. Ему снилось, будто онъ еще за столомъ, и прелестная сосѣдка шепчетъ ему: «въ дубовой комнатѣ, въ полночь!» и палецъ таинственно сомкнулъ милыя уста... и вотъ онъ, на пыльной кровати, ждетъ-пождетъ красавицу... ему дремлется, тяжкій сонъ клонитъ къ подушкѣ — но вотъ скрипнули половицы подъ легкою ножкой... кто-то смотритъ ему въ очи; жаркое, прерывное дыханіе горитъ на его щекѣ — съ біеніемъ сердца простираетъ онъ руки — и тутъ проснулся въ самомъ-дѣлѣ — и въ самомъ-дѣлѣ, рядомъ съ нимъ лежала прекрасная Полька, и при закрытой туманомъ лунѣ спала крѣпкимъ сномъ. Голова пошла вальсировать у моего дяди, сердце вскипѣло какъ неудержимая пѣна шампанскаго: онъ не взвидѣлъ свѣта отъ восторга!...

Когда разсѣялся чадъ упоенія, облако сбѣжало съ мѣсяца — и онъ какъ день озарилъ всю комнату. Красавица лежала въ томномъ забытьи; дядя мой снова взглянулъ на нее, и волосы его стали дыбомъ, морозъ проникъ въ самое сердце костей: это была женщина-мертвецъ!!

Могильная блѣдность замѣняла на щекахъ ея румянецъ жизни, кровь не двигалась въ жилахъ, дыханье не вздымало груди, и страшны были синѣющіе глаза ея безъ зрачковъ — такъ по-крайней-мѣрѣ предполагалъ дядя, потому-что они были закрыты. Онъ увѣрялъ даже, что собственнымъ своимъ носомъ чувствовалъ, какъ отъ нея пахло гробовою доской — и я вѣрю ему тѣмъ болѣе, что онъ клялся только за картами. Какъ бы то ни было, господа, я самъ согласился бы скорѣе жарить руч-

ныя гранаты на мѣсто каштановъ, чѣмъ раздѣлять ложе съ выходцемъ того свѣта! И бѣдный дядя мой, молясь всѣмъ угодникамъ, желалъ бы спрятаться тогда въ свой карманъ, если бы это было возможно.

Но вотъ скелетъ поднялся съ кровати; говорю скелетъ, потому-что дядя мой очень явственно слышалъ бряканье косточекъ, вѣроятно собранныхъ на проволокѣ, а, на мѣсяцѣ, бѣлое платье ея сквозило, будто надѣтое на вѣшалку. Женщина-скелетъ подошла къ окну, закрыла себѣ лице рукою, будто стыдясь чего-то, потомъ потерла себя по лбу, словно разсуждая; изъ чего мой дядя заключилъ, что у жителей могилъ точно такія же тѣлодвиженія, какъ и по-сю сторону гроба. Потомъ она приблизилась къ дядѣ, и тотъ, воображая, что она начнетъ его грызть для препровожденія времени, закрылъ глаза и предался на Божью волю. Привидѣніе удовольствовалось, однако жъ, однимъ поцѣлуемъ — и дядя клялся, что съ той поры щека эта стала у него отмерзать при самомъ обыкновенномъ холодѣ. Потомъ, она дала знакъ рукой за нею слѣдовать: какъ осужденный, побрелъ онъ вслѣдъ за бѣлымъ привидѣніемъ. Сошли съ лѣстницы, прошли темный переходъ, и ему мнилось ужъ, что оборотень заведетъ его въ какой-нибудь погребъ, и оставитъ въ глубинѣ на съѣденіе мышамъ, какъ польскаго короля Попела. Долго не могъ онъ отвести души, вышедши и на свѣжій воздухъ; однако же ободрился, увидя, что вожатая вовсе не хотѣла ему зла; онъ готовъ уже былъ съ нею раскланяться, когда она стала говорить ему гробовымъ голосомъ. Дядя мой не зналъ, по несчастію, никакого чернокнижнаго нарѣчія и потому стоялъ передъ нею, выпуча глаза. Видя, что онъ ничего не понимаетъ, она указала ему дорожку влѣво, послала прощальный поцѣлуй рукою, и исчезла въ воздухѣ, оставя послѣ себя сѣрный запахъ, какъ ракета. Дядя отдохнулъ, перекрестился обѣими руками и побрелъ далѣе мыкать горе, не зная, гдѣ пройти и куда выйти. Не

удалился еще онъ двухъ-сотъ шаговъ отъ замка, какъ ему послышались крики и потомъ погоня, и скоро заблистали огни по окнамъ. Въ ту же самую минуту, человѣкъ дикаго вида, въ зеленой курткѣ, съ огромнымъ ножемъ на поясѣ, съ двуствольнымъ ружьемъ на плечѣ и съ лягавою собакой у ногъ, заступилъ ему дорогу.

— Кто ты? спросилъ изумившійся дядя: другъ или недругъ?

— Довѣрься мнѣ, и ты узнаешь, отвѣчалъ угрюмый незнакомецъ. Взгляни туда — тебя ищутъ: назади вѣрная гибель — впереди сомнительная опасность; слѣдуй за мною, и не дожидаясь отвѣта, врѣзался въ обнаженную отъ листьевъ чащу.

Дядя мой шелъ слѣдомъ, собака бѣгала кругомъ, замѣняя патрули и ведеты. Давно уже закатился мѣсяцъ, и кирасиръ нашъ въ тяжелыхъ ботфортахъ, перелѣзая чрезъ пни, бродясь черезъ рѣчки, едва тащилъ ноги свои и пыхтѣлъ, какъ волынка. Незнакомецъ отрывисто отвѣчалъ на вопросы, и скоро шелъ далѣе и далѣе. Наконецъ собака залаяла... лѣсъ сталъ рѣдѣть — и вотъ увидѣли они на полянѣ потухающіе огоньки биваковъ. Но Русскіе то, или Поляки? — вотъ задача!... Встрѣтиться съ послѣдними, значило попасть изъ огня въ полымя... а провожатый что-то очень подозрителенъ!...

— Кто идетъ? раздалось въ цѣпи—и человѣкъ въ зеленой курткѣ, сжавъ по дружески руку спасенному имъ дядѣ, скрылся въ лѣсу, не слушая никакихъ благодареній.

— Кто идетъ? говори, или убью! закричалъ часовой вторично — и слышно было, какъ онъ ударилъ ружьемъ въ руку, прицѣливаясь.

— Русскій, ей Богу Русскій! отвѣчалъ дядя мой, и казачій объѣздъ наскакалъ на него, воображая, что Поляки покушаются на ночную атаку.

Можете вообразить себѣ радость, когда увидѣлся онъ съ земляками и со знакомыми; отрядомъ командовалъ подполковникъ Тучковъ. Великодушіе Полекъ спасло жизнь многимъ русскимъ офицерамъ;

любовь спасла артиллерійскую роту Тучкова. Одна шляхтянка любила страстно фейерверкера этой роты, извѣстила его объ опасности—тотъ кинулся къ начальнику. Тучковъ въ ту-же минуту ударилъ сборъ и, присоединяя къ себѣ разсѣянныя побоищемъ кучки, успѣлъ уйти изъ окрестностей Варшавы, безпрестанно сражаясь и безпрестанно отстрѣливаясь. Тутъ, господа, кончатся похожденія моего дяди; случаи войны не принадлежатъ къ нему, да и безъ нихъ разсказъ мой имѣетъ въ себѣ слишкомъ много *сѣверной долготы.*

— И дядюшка вашъ такъ былъ пораженъ этимъ, что пошелъ въ монастырь? спросилъ сфинксъ въ зеленомъ сюртукѣ.

— Въ монастырь — отвѣчалъ артиллеристъ, снова закуривая трубку—только ровно тридцать лѣтъ спустя, когда онъ имѣлъ несчастіе потерять имѣнье и зубы.

— Но неужели онъ не былъ довольно любопытенъ, чтобы распросить у человѣка съ двухствольнымъ ружьемъ или хоть у двуногой его собаки, почему онъ спасаетъ его ни-дай ни-вынеси, и такъ удачно, кстати? спросилъ гвардейскій капитанъ.

— Прошу извинить, капитанъ, возразилъ артиллеристъ: дядя мой не забылъ этого, и добрый вожатый вкратцѣ, но ясно разгадалъ ему все. Онъ былъ Кіевлянинъ, т. е. полу-Полякъ, полу-Русскій, женился въ Ригѣ на Нѣмкѣ изъ любви, не имѣя ни гроша за душой и ни пяди земли въ подсолнечной. Но будучи лихимъ стрѣлкомъ, онъ воспользовался слухами о привидѣніяхъ въ замкѣ, и поселился тамъ съ женою, охотясь въ окрестности и продавая дичь въ ближнемъ мѣстечкѣ. Боясь, чтобы смѣлость польскихъ пановъ, которые съѣхались туда на совѣщаніе объ истребленіи Русскихъ, не была примѣромъ для другихъ, онъ съ женою согласился пугнуть ихъ порядкомъ: она набѣлилась, надѣла бѣлое платье и, видя, что дядю моего хотятъ изрубить соннаго, вбѣжала съ ужасающимъ крикомъ въ залу, въ самую минуту свалки.

Паны разбѣжались отъ страху. Желая вовсе спасти его отъ преслѣдованій, которыя не замедлили бы конечно, когда образумятся бѣглецы, она упросила мужа проводить его къ Русскимъ, о приближеніи которыхъ носились слухи. Прочее вы можете господа, разгадать сами.

— Это слишкомъ обыкновенная развязка, сказалъ таинственный человѣкъ со вздохомъ.

— Въ другой разъ я васъ угощу такою страшною повѣстію, отвѣчалъ артиллеристъ съ ироническою усмѣшкой, что не только вѣдьма станетъ творить молитву, сидя на трубѣ, по словамъ баллады, но даже нерожденные младенцы перекрестятся во чревѣ матернемъ, и всѣ нянюшки вздрогнутъ спросонокъ.

— Теперь ваша очередь что-нибудь разсказать, сказалъ драгунскій капитанъ сосѣду своему, молодому гусарскому офицеру, — который, завернувъ носикъ въ мѣховой воротникъ ментика, изъ лѣни или отъ слабости, во все это время не вымолвилъ ни слова и потому не обращалъ на себя вниманія: — гусарская ташка — арсеналъ любовныхъ писемъ и чудныхъ или забавныхъ выдумокъ и приключеній.

— Не лучше-ли идти спать? возразилъ гусаръ. Вамъ навѣрное во снѣ приснится болѣе занимательнаго, чѣмъ вы можете услышать отъ меня.

Разумѣется, возраженія задождили отовсюду:

— Сонъ своимъ чередомъ — говорили одни.

— Завтра ни мое, ни ваше, толковали другіе.

— Хотъ лепту въ казну общаго удовольствія, возглашали всѣ хоромъ.

Гусаръ сдался.

— Господа! сказалъ онъ: я разскажу вамъ случай, который имѣетъ только два достоинства: во-первыхъ, онъ не выдумка, во-вторыхъ, онъ кратокъ. Ему-то благодаря, я принужденъ былъ пріѣхать сюда лечиться; прошу прислушать:

— Три года тому назадъ полкъ нашъ переходилъ на новыя квартиры въ Гродненскую губернію. Это было въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самую веселую

пору для сельскихъ жителей. Поляки вездѣ встрѣчали насъ радушно, и каждая дневка навѣрно знаменовалась баломъ или обѣдомъ у котораго нибудь изъ пановъ окрестныхъ. Всякій военный сознается, что нигдѣ нельзя найти большаго удовольствія, какъ въ польскомъ обществѣ. Гостепріимство мужчинъ, остроуміе женщинъ, непринужденная веселость и эта свѣтская образованность или, по-крайней-мѣрѣ, товарищескіе пріемы во всѣхъ, невольно васъ очаровываютъ, и вы довольны съ самыми малыми средствами. Прибавьте къ тому тысячи развлеченій, охоту, стрѣльбу, катанье, гулянье, и танцы, и любовь — стихію польскихъ дамъ — и вы не удивитесь, что Русскіе воздыхаютъ объ этомъ краѣ, обѣтованномъ для юношей. Я самъ не любилъ терять времени за картами или за трубкой, и каждый часокъ, на который могъ урваться отъ службы, конечно посвященъ былъ прекрасному полу. Бывало, уставъ отъ похода, скачешь за нѣсколько миль чтобы разсидѣть вечерокъ или отгрянуть мазурку съ милою дамой, которую видишь въ первый, а можетъ быть и въ послѣдній разъ. Чуть завидя на балконѣ вѣющіяся ленты, перья или платья — сей часъ киверъ звѣрски на бекрень, бурку на опашь, и скачешь во весь-опоръ къ крыльцу, молодецки осаживаешь коня съ лансады, и прежде-чѣмъ хвостъ ляжетъ на землю, я уже на третьей ступени. Входишь, бывало котомъ — что когтей не слыхать — раскланиваешься, представляешь самаго себя хозяевамъ, рѣжешь по польски не краснѣя — и пошла потѣха! Гитара настроивается, фортепіана звучитъ — и, вмѣсто флейты, а компаниментъ изъ нѣжныхъ вздоховъ. Въ промежуткахъ толкую съ матерью о хозяйствѣ, разсказываю дочерямъ новый романъ Валтеръ-Скотта, не забывая главы изъ собственнаго; хвалю и ситирую молодымъ людямъ польскіе напечатанные стихи, и восхищаюсь съ отцемъ славою Косцюшки. Добрый старикъ сѣ слезами патріотизма говоритъ объ отчизнѣ своей, ищетъ сабли, не можетъ забыть Наполеонова генія, любезности Фран-

цузовъ и вкуса венгерскаго вина, отъ котораго у него осталась въ ногахъ подагра, а парижскіе союзники въ погребѣ его оставили одни черепки — но всѣ веселы, всѣ довольны, и время летитъ на крыльяхъ забавы.

Однажды, подходя къ одной мызѣ, меня встрѣтилъ нашъ эскадронный квартиргеръ, по обыкновенію, на маленькой обывательской лошадкѣ, такъ что издали казалось будто у нея шесть ногъ.

— Знатная квартира, ваше благородіе, сказалъ онъ мнѣ, снимая фуражку: конюшня чище горницы, рѣчка у воротъ для водопою и соломы въ поясъ.

— Главное: есть-ли паненки?

— Цѣлыхъ три, ваше благородіе.

— И хороши?

— Что твой мѣсяцъ, ваше благородіе, кровь съ молокомъ! Одна другой чище, одна другой дороднѣе — такъ-что глаза разбѣгаются. Одна бѣда: онѣ собираются ѣхать верстъ за десятъ къ дядюшкѣ на имянины.

Признаться, вкусъ и похвалы квартиргера мнѣ были весьма сомнительны и, зашедши на минуту, къ хозяину, я увѣрился, что предчувствія мои не напрасны: три дюжія панны, разряженныя въ пухъ и перья, мнѣ вовсе не понравились: въ формахъ тѣла, какъ и въ поэзіи я люблю что-то неопредѣленное, воздушное, и я очень охотно принималъ предложеніе ѣхать съ ними въ гости, поискать индѣ счастія. Переодѣвшись, я поскакалъ вслѣдъ за болтливою ихъ линейкою, и черезъ часъ мы были уже у пана Листвинскаго, добраго старосвѣтскаго Поляка, куда съѣхалось довольно сосѣдовъ и сосѣдокъ. Между послѣдними я встрѣтилъ одну даму, знакомую мнѣ еще въ Вильнѣ, которая имѣла всѣ потребныя качества, чтобы свести съ ума самаго хладнокровнаго человѣка: каждая шутка ея была мила и колка подобно розѣ, а взгляды — настоящій греческій огонь. Подлѣ нея за столомъ, преслѣдуя ее въ саду, безотвязенъ въ танцахъ, я ничего не

видѣлъ, кромѣ приманчивой знакомки своей, и не замѣтилъ, какъ минулъ день и вечеръ. Предъ ужиномъ, по модѣ, многіе разъѣхались; по обычаю многіе остались ночевать. Меня всѣ уговаривали послѣдовать благому примѣру — а пуще всѣхъ сердце; но зная, что завтра достанется мнѣ въ дежурство, я не могъ и не хотѣлъ согласиться. Къ виленской красавицѣ каждые полчаса приходили съ докладомъ, что сбираются тучи, что будетъ гроза, что крапаетъ дождикъ... я понималъ, что это значитъ — она упрашивала остаться, но я скрѣпилъ сердце и былъ непреклоненъ: упрямство нравится женщинамъ, и эта выходка пригодилась бы мнѣ впередъ. Она увѣряла меня, что я промокну, простужусь, могу заблудиться или попасть въ рѣку; что лѣсъ, черезъ который мнѣ должно ѣхать, теперь не безопасенъ отъ бѣглыхъ, ставшихъ разбойниками. Я возражалъ, что простуда будетъ спасительна пылкому сердцу; что купанье въ рѣкѣ можетъ излечить меня, какъ пучина Левкада; что всѣ разбойники въ свѣтѣ мнѣ менѣе страшны, чѣмъ жестокая женщина; наконецъ, что долгъ службы и самое благоразуміе требуютъ моего удаленія — а завтра, можетъ-быть, я буду не въ состояніи оторваться отъ ногъ ея. Станется, въ этихъ словахъ было немного и правды, но все шло за шутку: она смѣялась, я былъ грустенъ и радостенъ въ одно время, и наконецъ зловѣйшая кукушка выпрыгнула съ шумомъ изъ дверецъ стѣнныхъ часовъ, прокуковала двѣнадцать, и скрылась. Душа во мнѣ замерла — я сталъ прощаться.

— Вѣтеръ ужасный, дождь идетъ ливмя, сказали мнѣ.

— И все-таки я ѣду?

— Но темнота, но звѣри, но разбойники?

— Русскій ничего не боится — коня! и съ этимъ словомъ я ужъ былъ на крыльцѣ. Всѣ вышли провожать меня, упрекая въ упрямствѣ: я отдалъ поклоны кому слѣдовало, бросилъ значащій взоръ красавицѣ моей, — и ногу въ стремя, и шпоры въ

бокъ, и чрезъ четверть часа уже былъ въ дремучемъ лѣсу.

Я долго мыкался по бѣлому свѣту, много странствовалъ въ чужбинѣ и въ отечествѣ, но нигдѣ, даже въ самой Сибири, не видалъ такихъ густыхъ лѣсовъ, какъ въ Литвѣ. Бывало, охотясь за дичью, зайдешь въ такую чащу и глубь, куда отвѣка не проникалъ солнечный лучъ, ни крыло вѣтра. Во многихъ мѣстахъ растаявшіе снѣга образуютъ глубокія болота, и огромныя деревья кажутся водяными растеніями; въ другихъ — сосны тлѣютъ на корнѣ, не имѣя простора упасть. Толстые пни лежатъ подъ мохомъ и травой, какъ трупы великановъ, и мертвое молчаніе нарушается только стукомъ дятла по дуплистому дубу, или гробовымъ карканьемъ ворона, котораго тѣнь налетаетъ на васъ и наводитъ невольный трепетъ. Въ такомъ точно лѣсу ѣхалъ я. Буря уже затихла: одинъ мелкій дождь ропталъ, пробираясь по листьямъ, и звукъ подковъ, бьющихъ о корни елей, которые змѣями перевивались черезъ тропинку, далеко раздавался по бору. Мнѣ казалось днемъ, что я хорошо замѣтилъ дорогу, но судя по времени, давно бы уже слѣдовало быть дома; ѣхалъ, ѣхалъ, а селенія нѣтъ-какъ-нѣтъ! Передо-мной едва свѣтлѣла узкая тропа, а надъ головой низко склонялся сводъ неба, отягченный тучами. Наконецъ замѣтилъ я, что лѣсъ рѣдѣетъ, и скоро почувствовалъ, что конь мой бѣжитъ по травѣ, потомъ по вязкой почвѣ, потомъ вовсе по болоту. Удивленный тѣмъ, я слѣзъ долой, и увѣрился, что битая дорога потеряна. Куда идти? Позади чернѣлъ боръ, впереди слышалось журчанье рѣчки, и я побрѣлъ къ ней по затопленному лугу, таща въ поводу коня своего. Достигнувъ берега, мнѣ показалось, что на той сторонѣ разбросана деревня; какъ теперь гляжу — заборы, кровли и трубы обрисовались во мракѣ: въ одномъ окнѣ видѣлся огонекъ — и подъ нимъ стоялъ патронный ящикъ, вѣрный признакъ квартиры эскадроннаго командира. Мнѣ чудилось даже, будто я различаю, какъ

подлѣ ящика расхаживаетъ часовой, какъ возникаетъ на вѣтрѣ ночной перекликъ его: *слушай*! а потомъ сливается съ безмолвіемъ ночи.

Нѣсколько разъ кричалъ я часовому, но все было тихо. Прислушиваюсь: только паденье дождя, только шумокъ лопающихъ въ рѣчкѣ пузырьковъ и журчанье быстрины, пробивающейся сквозь рыболовную заколь — отвѣчало мнѣ. Воображая, что голосъ мой не достигаетъ ни до часоваго, ни до селенія, погруженнаго въ мертвый сонъ, я рѣшился переправиться черезъ рѣку, во-что бы то ни стало. Сонъ и усталость одолѣвали меня, и кромѣ того я былъ промоченъ съ ногъ и съ плечъ. Такъ наша братья, дорожа подъ часъ жизнію въ случаяхъ важнѣйшихъ, гдѣ нерѣдко выгоды и слава ожидаютъ отважнаго, иногда готовы рисковать ею за одинъ часъ успокоенія, изъ одной нетерпѣливости или прихоти. Рѣчка была не широка, но глубока — и я рѣшился перебресть ее по шаткому плетню закола. Пудель мой переплылъ первый, и визгомъ звалъ на другую сторону; за-то я на силу могъ согнать въ воду коня: онъ храпѣлъ и упирался, и бился даже на плаву; между-тѣмъ, какъ я осторожно переступалъ по сучьямъ, безпрестанно измѣняющимъ ногѣ — онъ уздой тащилъ меня то впередъ, то въ сторону. На самой серединѣ, гдѣ вода кипѣла черезъ плетень, обманутый тѣнью, я оступился и ухнулъ въ воду выше колѣна. Къ счастію, другая нога удержала меня: я кое-какъ справился и, хватаясь за верхи кольевъ, торчащихъ изъ воды, добрался до другаго берега, хоть мокоръ, но живъ. Едва ступилъ я на суходолъ—созданія мечты моей разсѣялись: нѣтъ ни селенія, ни заряднаго ящика, ни часоваго — все дичь, и лѣсъ, и пустыня кругомъ; но огонекъ точно мелькалъ между вѣтвями и согрѣлъ во-мнѣ надежду найти какую-нибудь избушку для пріюта.

Спѣшу туда, приближаюсь — и что же? то была ветхая уніятская часовня, съ деревяннымъ кре-

стомъ на верху, и изъ ея-то маленькаго окошечка едва лилось слабое сіяніе лампады.

Я привязалъ коня за уголъ и толкнулъ желѣзомъ окованныя двери: онѣ растворились — и глазамъ моимъ представился гробъ и въ немъ покойникъ, покрытый саваномъ.

Какъ ни былъ я чуждъ предразсудковъ, но такая нежданая встрѣча непріятно изумила меня. Сама природа вложила въ насъ таинственный ужасъ при видѣ разрушенія, себѣ подобныхъ и насъ самихъ ожидающаго. Но такъ-какъ въ свѣтѣ нѣтъ вещей, къ которымъ не привыкло бы воображеніе, особенно подкрѣпленное неизбѣжностію, то раздумавъ хорошенько, что ночевать подъ кровлей все-таки лучше, нежели мокнуть въ грязи, что находка моя нисколько не чудесна, потому-что и у насъ Русскихъ и у Литвиновъ-уніятовъ выносятъ всегда покойниковъ изъ деревень въ церковь или въ часовню, и наконецъ, что мертвое тѣло есть не болѣе какъ глыба земли, и конечно не побезпокоитъ меня своимъ сосѣдствомъ — я стоически бросилъ свою мокрую бурку въ уголъ и улегся, какъ могъ, закрывъ плеча сухимъ угломъ ея и положивъ въ головы пуделя, вѣрнаго товарища въ трудахъ и забавахъ. Къ удовольствію моему почувствовалъ я, что небольшая печка, сложенная, вѣроятно, для разжиганія углей въ кадило, была топлена и разливала кругомъ пріятную теплоту. Одно показалось мнѣ странно: изъ нея пахло жаркимъ, а покойники, сколько мнѣ было извѣстно, не ужинаютъ! Но чтецъ и караульщики могли, поминая покойнаго, не забыть и свое человѣчество; такъ мудрено ли, что вздумали на утро упитать наемную печаль свою кускомъ баранины? Въ этихъ мысляхъ началъ я засыпать: воображеніе гуляло Богъ-знаетъ-гдѣ; мысли путались и блѣднѣли — какъ вдругъ пудель мой заворчалъ и очень сердито. Я взглянулъ въ полглаза на гробъ, и мнѣ показалось, будто мертвецъ приподнимаетъ голову; долго и пристально смотрѣлъ я, но теперь онъ былъ вновь неподвиженъ, и полотно, закрывавшее лице

его, лежало спокойно, не волнуясь даже отъ вѣтра. Лампада передъ образомъ меркла и тускнѣла, почти погасая, и мракъ, обступая меня, сталъ проливать какой-то невѣдомый страхъ въ сердце. Привидѣнія всегда заводятся въ темнотѣ, какъ червячки въ лимбургскомъ сырѣ: это испыталъ, я думаю, всякій, и человѣческая храбрость въ этомъ отношеніи едва ли не закатывается вмѣстѣ съ солнцемъ на другое полушаріе. Иной молодецъ, насмѣхаясь надъ сказками и причудами, въ полдень грозится поймать чорта за хвостъ, если бы онъ дерзнулъ къ нему явиться, а въ полночь за версту обходитъ кладбище, и сердце у него бьетъ тревогу отъ полета летучей мыши. Признаюсь откровенно, что необыкновенная охота покойника заглянуть мнѣ въ лицо, а можетъ быть, и откусить мнѣ голову, какъ маковку, сначала весьма меня встревожила. Вся эта сцена была точь-въ-точь, какъ въ Свѣтланѣ Жуковскаго, но я не видалъ вблизи голубка-хранителя, который могъ бы защитить меня отъ зубовъ кровопійцы. Однако же, мало-по-малу, увѣренность возвратилась.

Что до мертвыхъ, что до гроба?
Мертвыхъ домъ — земли утроба.

— сказалъ я самому себѣ и обернулся къ стѣнѣ. Отъ прелестныхъ стиховъ Жуковскаго, гдѣ мѣсяцъ свѣтитъ и мертвецъ ѣдетъ, мысль моя на Астольфовомъ гиппогрифѣ залетѣла на луну, на которой, говорятъ, живутъ люди, которые пьютъ воздухъ и строятъ стѣны отъ вѣтра, какъ Китайцы отъ просвѣщенія. Отдохнувъ въ этой *гостинницѣ земли*, какъ сказано въ отчетѣ о лунѣ, съ нея сквозь Гершелевъ телескопъ и чрезъ петербургскую обсерваторію, спрыгнулъ я на материкъ подлѣ биржи. Биржа напомнила мнѣ свѣжія устерсы; отъ нихъ перешелъ я къ патріотическому желанію, чтобы у насъ удобривали поля устричными раковинами, для экономіи; потомъ вздумалъ о превосходствѣ много-

польной методы, потомъ о капустѣ вообще и о свекловицѣ въ особенности; съ этимъ связалась идея континентальной системы, потомъ идея о скалѣ св. Елены; потомъ о супѣ изъ костей графа Румфорда, свареномъ на дыму чужой трубы; потомъ о куреніи вина въ деревянныхъ чанахъ; потомъ о просвѣщеніи въ Россіи; далѣе о карманной паровой машинѣ, хозяйственно приспособленной къ дѣйствію зубочистки; далѣе, по странному сцѣпленію мыслей, о поѣздкѣ на пароходѣ въ Кронштадтъ съ прелестною Англичанкой; съ него прыгнулъ я въ Остъ-Индію, взглянулъ на прядильныя машины, которыми Британцы тянутъ цѣлый свѣтъ въ свою нитку; потомъ подумалъ о коварной ихъ политикѣ, о сдачѣ Праги, бомбардированіи Копенгагена, о греческомъ возстаніи, о лордѣ Байронѣ; потомъ о скаковыхъ лошадяхъ, до которыхъ всѣ великіе поэты были страстные охотники—потомъ, господа, все это вмѣстѣ могло бы составить заглавный листокъ телеграфа, и вѣрно усыпило бы васъ такъ же, какъ усыпило оно меня. Очень помню, что послѣдній образъ, съ которымъ окунулся я въ сонную Лету — былъ милая виленская дама — и только.

Должно полагать, пестрая моя дума крѣпко и глубоко усыпила меня, потому-что, хотя я не однажды слышалъ ворчанье и громкій лай собаки, лежащей у меня вмѣсто подушки, но ни-какъ не могъ открыть глазъ. Наконецъ пудель съ визгомъ выпрыгнулъ изъ-подъ головы моей, и я, испуганный, вскочилъ на ноги. Вообразите, какая картина была передо мной: мертвецъ злобнаго лица, со сверкающими очами и съ ножемъ въ рукѣ, порывался ко мнѣ, между-тѣмъ какъ пудель грызъ его, ухватя за горло. Кровь ручьемъ бѣжала по савану, и онъ, съ проклятіями и глухимъ стономъ боли, боролся съ остервенившимся животнымъ, а оно, хотя два раза было поражено ножемъ, не покидало своего противника. Въ то же самое время я увидѣлъ за печью бородатое лице другаго разбойника, который цѣлилъ въ меня изъ ружья; и еще двое, поднявъ

доску подполья, готовились вылѣзать на помощь къ товарищамъ... еще мигъ — и было бы поздно! Раздумывать некогда, а защищаться нечѣмъ: я имѣлъ неосторожность въ одномъ доломанѣ, безъ сабли, выѣхать изъ дому.

Къ счастію, въ рукѣ моей былъ плетеный хлыстъ съ тяжелою бронзовою рукояткой — и ею-то со всего размаха ударилъ я въ голову одѣтаго въ саванъ злодѣя: онъ зашатался, упалъ — и я черезъ него кинулся въ двери. Выстрѣлъ и другой полетѣли вслѣдъ меня, но оба ударились въ притолоку. Спрыгнулъ опрометью со схода — и къ лошади... за поводъ — онъ затянутъ узломъ; тороплюсь — и путаю крѣпче; рву — не рвется!! Убійцы за мной, но отчаяніе двоитъ мои силы, поводъ пополамъ, я перекидываюсь черезъ сѣдло, вскрикиваю — и борзый конь уноситъ меня какъ вихорь, куда ему хочется. Грязь брызжетъ, вѣтви хлещутъ въ лице — лечу стремглавъ по берегу рѣчки, влѣво, на старый мостъ, который гремя качается подъ скокомъ, гнилое бревно хрупаетъ — и конь мой со всѣхъ ногъ падаетъ на скользкій помостъ. Больно ушибенный, силюсь я встать, слышу топотъ погони, конь бьется и скользитъ — гибель неизбѣжная!

Удачная попытка подняла однако-жъ бѣгуна моего, и я снова помчался во весь опоръ. Разбойники между-тѣмъ настигали меня, гаркая и угрожая.

— Не уйдешь отъ насъ! кричали они.

— Бей его, рѣжь! звенѣло въ ушахъ моихъ.

Еще выстрѣлъ просвисталъ мимо — но онъ подстрекнулъ моего коня; однако-жъ это усиліе было лишь на нѣсколько шаговъ. Погоня не переставала, а бѣгунъ мой хрипѣлъ, качаясь на скаку, какъ вдругъ я увидѣлъ вблизи крестьянскую избу, и огонь въ окнахъ ея, и будто мелкающія тѣни людей. Съ напряженнымъ біеніемъ сердца, задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на лицѣ, направлялъ я къ ней побѣгъ мой — доскакалъ, бросилъ коня непривязаннаго, и съ крикомъ: «спасите, спасите» вбѣжалъ въ двери. Первое, что представилось мнѣ—былъ гробъ

и тусклое сіяніе свѣчей въ дыму ладона: я не взвидѣлъ свѣту... природа не выдержала болѣе... Сердце мое закатилось: я безъ чувствъ рухнулъ на полъ!! —

— Я опамятовался уже на другой день, въ домѣ пана Листвинскаго. Издыхающій пудель мой лежалъ подлѣ кровати, пробитый ножемъ мѣстахъ въ пяти, и кровью своею завѣрялъ, что происшествіе ночи не былъ сонъ горячки, меня палившей. Бѣдное, вѣрное животное съ радостію лизало мою руку, и я тронутъ былъ до слезъ его преданностію и вдвое потомъ его смертію. Къ стыду людей, долженъ я сказать, что эта собака была моимъ лучшимъ другомъ: она своею жизнію искупила мою!

Взаимныя объясненія не замедлили. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что я упалъ въ обморокъ въ его деревнѣ, въ избѣ одного крестьянина, у котораго наканунѣ умерла мать, и по ней совершали тогда панихиду. Мой разсказъ удивилъ его болѣе. Въ ту же минуту, съ пособіемъ исправника, посланъ былъ обыскъ въ роковую часовню, но въ ней не застали уже разбойниковъ. Тамъ нашли только лоскутья добычи, изломанное оружіе и несомнѣнные слѣды ихъ пребыванія. Вѣроятно, они избрали часовню своимъ притиномъ по уединенному ея положенію, а вздумали играть комедію мертвеца, чтобы удалить любопытныхъ и заманить на вѣрную гибель отважныхъ. Расшитый золотомъ доломанъ соблазнилъ ихъ, и я конечно исчезъ бы съ лица земли, ежели бъ сторожкій пудель мой не былъ со мною.

Скоро минулъ для меня свѣтлый часъ присутствія разума. Нервная горячка, слѣдствіе испуга и простуды, повергла меня на шесть недѣль въ безпамятство. Я оправился на тотъ разъ, но потрясеніе было жестоко: съ той поры здоровье мое видимо стало склоняться къ западу, и наконецъ доктора присовѣтовали мнѣ для исцѣленія Кавказскія воды. Здѣсь я въ самомъ-дѣлѣ чувствую себя гораздо лучше, но половиною моего выздоровленія, господа,

я конечно обязанъ удовольствію знакомства съ вами.

— Благодаримъ за честь привѣтствія и занимательность разсказа, произнесъ гвардеецъ, благодаря гусара отъ лица всего собранія: премилая повѣсть!

— Тѣмъ-болѣе, что она съ романическою завязкой соединяетъ историческою достовѣрность, прибавилъ драгунскій капитанъ.

— А всего болѣе потому, что она послѣдняя, возразилъ гусаръ, улыбаясь. Господа, уже два часа ночи!

Стулья загремѣли, и всѣ схватились за разборъ шляпъ, калошъ и шинелей.

— Часы люди выдумали, сказалъ таинственный человѣкъ, ожидая, что на скрѣпу засѣданія ктонибудь разскажетъ повѣсть, въ которой явился бы самъ лукавый au naturel.

— И мы не боги, возразилъ артиллеристъ: и потому должны жертвовать сну волей и неволей.

Видя, что всѣ выходятъ, зеленый сфинксъ поспѣшилъ послѣдовать общему движенію, и забился въ средину толпы, чтобы, въ случаѣ нападенія Горцевъ, быть въ безопасности, по крайней-мѣрѣ, отъ выстрѣловъ — и для этого онъ избралъ своимъ мантелетомъ рязанскаго толстяка. Дорогою успѣлъ онъ насказать о звѣрствѣ и дерзости Чеченцевъ тму ужасовъ, какъ два года тому назадъ, они увезли отсюда двухъ дамъ съ дочерьми, и еще очень недавно убили часоваго на редутѣ,, и проч. и проч. и проч.

— Но что сталось съ племянникомъ полковника? любопытно спрашивали многіе другъ-друга. Что заставило самаго полковника, блѣднѣя, покинуть залу?

— Я бы далъ отрѣзать себѣ лѣвое ухо, чтобы услышать правымъ окончаніе повѣсти о Венгерцѣ, сказалъ сфинксъ.

— Можетъ-быть, господа, сказалъ я, вашъ покорный слуга будетъ вамъ полезенъ въ этомъ случаѣ; полковникъ мнѣ пріятель, и если тутъ нѣтъ

домашнихъ тайнъ, онъ объяснитъ намъ все: утро вечера мудренѣе.

— И такъ до пріятнаго свиданія, милостивый государь! Добраго сна, господа! Покойной ночи, г. читатель!

СЛѢДСТВІЕ ВЕЧЕРА НА КАВКАЗСКИХЪ ВОДАХЪ.

(Отрывокъ.)

Можетъ быть, господа, вы не забыли занимательнаго молодаго человѣка, который, своимъ чуднымъ возвратомъ въ залу гостинницы, былъ причиной разсказовъ, мною описанныхъ. Если жь забыли, то ваше дѣло вспомнить, что онъ былъ племянникъ полковника, который, пригласивъ меня остановиться у себя, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ изъ общества. Теперь я предлагаю отрывокъ изъ его журнала; какъ онъ попалъ въ мои руки, будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

«Перечень моего напутника».

Между множествомъ особъ, которыхъ привлекало на воды желаніе здоровья или разсѣянія, замѣчательнѣе всѣхъ былъ одинъ венгерскій дворянинъ, прозваніемъ Коралли. Сходство вкусовъ, не глядя на различіе возрастовъ, сблизило насъ, и немудрено: въ пестрой толпѣ сборнаго общества, которое слетѣлось на воды, какъ гуси и кулики разныхъ странъ на одно болото, почти онъ одинъ могъ понимать мои мысли, цѣнить, если не раздѣлять, мои чувства. По опытности своей, онъ былъ уже внѣ обольщеній свѣта. Онъ скучалъ ими. По молодости, я еще не зналъ ихъ. Стало-быть мы оба были свободны отъ причудливыхъ требованій наводнаго круга. Всѣ другіе утромъ заняты были сплетнями, вечеромъ

зѣвательными пирушками и посѣщеніями, которыхъ ждали словно доктора, и рады были какъ лихорадкѣ.

Кони и собаки, свадьбы и похороны, связи и производства, о которыхъ базпрестанно говорили, конечно весьма почтенныя вещи, но онѣ не могли занимать меня послѣ Саллюста и Гете, послѣ Альфіери и Байрона, а всего болѣе въ виду стоглаваго Кавказа. Здоровье мое было слабо, но душа крѣпка отъ изученія умовъ высокихъ, на лонѣ грозно-величавой природы. Какъ-часто въ уединенныхъ прогулкахъ нашихъ, по берегамъ Подкумка, по цѣлымъ часамъ читали мы то того, то другаго автора! Свѣдѣнія его въ языкахъ были неисчерпаемы; чувство красотъ пылко и вѣрно, слухъ его не проронялъ ни одного сладостнаго звука; умъ схватывалъ смыслъ, незамѣтный для другихъ, въ малѣйшей бездѣлицѣ. Порой онъ цѣнилъ, объяснялъ, плодилъ мысль автора, но, порой, когда бывалъ тронутъ глубоко, тихія слезы катились по лицу его, книга скользила изъ рукъ и мы долго безмолствовали, проникнутые какимъ-то неизъяснимо-полнымъ ощущеніемъ высокаго, изящнаго.

— Что сталось бы со мной, говаривалъ онъ, безъ чтенія? Книги — друзья безкорыстные, друзья неизмѣнные — вы однѣ утѣшали, укрѣпляли меня на терновомъ пути моей жизни! Одна смѣлая мысль, часто одинъ звучный стихъ, одно счастливое выраженіе занимало, радовало меня цѣлый день. Чужія бѣды давали мнѣ бодрость сносить собственныя. Славные примѣры возбуждали душу быть имъ подобнымъ. Радуясь, плача, негодуя съ лицами, можетъ быть, никогда не существовавшими, я забывалъ существенное горе. Дивлюсь, право, что на свѣтѣ такое множество людей, которымъ чтеніе работа египетская, которымъ лучшій совѣтникъ бутылка и пріятнѣйшее разсѣяніе карты.

Уже-ль человѣкъ не можетъ избѣгнуть отъ времени, не ставъ безсмысленнымъ животнымъ или настоящимъ ребенкомъ, играя въ бирюльки, въ бу-

мажные лоскутки и въ копѣечки? Какъ жаль, что они не чувствуютъ выгодъ книги: это вѣрный другъ, это маякъ въ сомнѣніи, это якорь въ бурѣ страстей! Сколько разъ пылая гнѣвомъ, хватался я за книгу, и елей лился на бушующія волны души моей! Сколько разъ, готовясь на дурное дѣло, садился я читать, чтобы скоротать ожиданіе, и часъ порока билъ, миновалъ неслышимъ, и я вставалъ изъ за книги не съ мутнымъ наслажденіемъ удовлетвореннаго желанія, но съ чистою радостію собственной силы для побѣды надъ собой!

Онъ очень здраво судилъ и объ изученіи языковъ, называя ихъ гранью слова, ума, воображенія, подъ которою та же самая вещь представляется въ тысячѣ различныхъ видахъ. Напрасно думаютъ, прибавлялъ онъ, схватить въ переводѣ смыслъ подлинника: это все равно, что отдавать рѣдкую медаль за столько жъ золотниковъ серебра; цѣна та же, но то же ли относительное достоинство металла? Въ каждомъ языкѣ, въ каждомъ авторѣ есть выраженія непереводимыя, и всѣ объѣзды слога не выразятъ ихъ вполнѣ; и не въ одной литературѣ, даже въ философическомъ отношеніи, изученіе языковъ полезно. Для ума наблюдательнаго вся исторія народа, все развитіе ума, начертано въ его языкѣ, и часто простое слово, которое одинъ человѣкъ употребляетъ въ составленіе рѣчи, какъ наборщикъ свинцовую букву, даетъ ему новую идею, внушаетъ счастливое сравненіе, оправдываетъ историческую догадку.

Порядочное произношеніе при этомъ необходимо; иначе какъ будете цѣнить поэзію, не почувствуя стройности рѣчи, звучности выраженій? Тѣ, которые не доучились или не научились этому, ломая безчеловѣчно чужіе стихи и зубря гладкую прозу, обыкновенно винятъ въ томъ языкъ. Дался имъ италіянской камертонъ благозвучія, и за-то уже не смѣй похвалить инаго, между-тѣмъ какъ всякій языкъ подъ перомъ искуснаго писателя можетъ стать гармоническимъ и нѣжнымъ. Учиться, гово-

рилъ онъ, чему бы то ни было, особенно языкамъ, надо со страстію; только она можетъ истребить всѣ предразсудки, побѣдить всѣ препятствія, оцѣнить, оплодотворить занятія.

Разсужденія его о людяхъ всѣхъ временъ были новы и глубоки. Онъ много почерпнулъ изъ книгъ, гораздо болѣе изъ опыта. Живши въ самую любопытную эпоху сраженія старыхъ порядковъ и обветшалыхъ мнѣній съ новыми идеями, съ новыми образами, онъ былъ безстрастнымъ наблюдателемъ крайностей, безпристрастнымъ судьей тѣхъ и другихъ. Много путешествовавъ, онъ зналъ почти всѣхъ значительныхъ людей своего времени, и это дѣлало бесѣду его чрезвычайно занимательною. Искренность юноши раждаетъ дружбу, искренность человѣка пожилаго укрѣпляетъ ее: мы сдружились, мы стали неразлучными. Примѣнившись къ его характеру, я замѣтилъ, что его снѣдалъ не тѣлесный недугъ, но какая-то грусть душевная. Онъ былъ съ небольшимъ за 40, а уже ранняя сѣдина посеребрила его волосы, глубокія морщины проглядывали на челѣ. Всякій-разъ, какъ рѣчь заводилъ я о счастьи семейномъ, о любви сыновней, глаза его наполнялись слезами... онъ отворачивался и умолкалъ. Я не дерзалъ нескромными вопросами растравлять ранъ сердечныхъ, но участіе бывало написано на лицѣ моемъ и вѣрно оно вызвало довѣріе.

— Юный другъ мой, сказалъ онъ однажды, я объясню тебѣ причину моей тоски, послушай: я сынъ магната; молодость моя протекла въ роскоши и разсѣянности; я объѣхалъ всю Европу, бросая деньги и время на вѣтеръ; черпалъ наслажденія горстями, но душа моя, какъ бочка Данаидъ, была ненаполнима. Удачи не утоляли, но воспаляли жажду исканій; неудачи не исправляли меня: я хотѣлъ все знать, все испытать, все извѣдать. Какъ съ изношеннаго праздничнаго платья, одна по одной, въ тѣснотѣ опадаютъ блестки, такъ облетали онѣ съ моего идеала. Искренностію моею нажилъ непріятелей, золото свое промѣнялъ на мишурную любовь.

Двадцать разъ расточительность и запальчивость моя вводила меня въ крайности, въ бѣды, въ искушенія. Чудные случаи спасали меня; я выходилъ или убѣгалъ изъ темницъ. Природа побѣждала не только раны и болѣзни, но и самыя лекарства. Полунагой расплачивался я съ заимодавцами, и снова, запѣвалъ прежнюю пѣсню, но изъ этого извлекъ я одну выгоду: это познаніе людей и свѣта. — Изъ одной крайности бросился я въ другую. Сперва считалъ людей лучше, нежели они могли быть, потомъ сталъ думать о нихъ хуже, чѣмъ они есть. Я былъ ихъ игрушкой, а потомъ самъ началъ играть ими. Обманутый тысячу разъ въ самыхъ благороднѣйшихъ чувствахъ, преданъ въ самыхъ полезныхъ намѣреніяхъ, я сказалъ самъ себѣ: станемъ же отдѣлываться словами и обѣщаніями—это дешевле и безопаснѣе. Я несъ на встрѣчу красотѣ сердце, готовое любить безкорыстно, пламенно, готовое жертвовать всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ любви, и что же было мнѣ отвѣтомъ? Тщеславіе, прихоти, измѣны! Боготворивъ женщинъ, я сталъ презирать ихъ, я обратилъ въ жертву моихъ идоловъ. Такъ провелъ я три года въ свѣтѣ, которымъ скучалъ, съ людьми, которымъ не вѣрилъ, съ женщинами, которыхъ не уважалъ. Одно чтеніе, одна жажда познаній сдерживали меня на столбовомъ пути свѣтской безнравственности, но разсудокъ спалъ, страсти еще кипѣли, и привычка брала свое. Я тѣмъ злѣе чувствовалъ пустоту сердца, что могъ цѣнить ничтожность своей жизни, что не имѣлъ передъ самимъ собой извиненія, будто дѣлаю худо по незнанію, по неопытности. Въ это время я возвратился въ Пресбургъ оплакивать смерть отца, котораго не утѣшалъ при жизни. Имѣнье мое было велико, но разстроено; мои долги необъятны... не имѣя терпѣнія поправить доходы бережливостію, ни умѣнья умножить ихъ порядкомъ, я, какъ вся молодежь въ цѣломъ свѣтѣ, кинулся въ расточительность, очертя голову. Доломанъ мой блисталъ алмазными пуговицами, конь былъ облитъ золотомъ, жемчужныя

кисти висѣли на моихъ гайдукахъ. На всѣхъ балахъ, на всѣхъ гуляньяхъ гремѣло имя Коралли, и тамъ, гдѣ бренчали шпоры мои, разступались рубаки, и за ними любезники уступали мнѣ мѣсто. Не могши успокоить души, я хотѣлъ закружить ее, обуять себя вихремъ разсѣянности, и въ усталости вкусить усыпленіе нравственное.

Однажды я верхомъ выѣхалъ посмотрѣть на ученье гренадерскаго полка Гогенлое.

Между зрителями было множество дамъ въ экипажахъ.... Всѣ любовались стройными движеніями пѣхоты, и множество молодыхъ Венгерцовъ, по обычаю нашему въ разноцвѣтныхъ, расшитыхъ доломанахъ и ментикахъ, въ собольихъ шапкахъ, рисовались между каретами, любезничая съ красавицами; я, напротивъ, неся за собой повсюду скуку, тихо проѣзжалъ вдоль рядовъ, потупя голову. Я исторженъ былъ изъ моей задумчивости батальныхъ огнемъ, открытымъ пѣхотою, и въ то же время сзади меня раздался вопль и крики: «Спасите, удержите!» Испуганныя пальбой лошади одной коляски, закусивъ удила, начали бить, стоптали кучера, понесли ее вкругъ плаца, ломая и топча все встрѣчное.... Нѣсколько человѣкъ кинулись вслѣдъ за коляской, въ которой сидѣли двѣ женщины; но опасаясь сломить голову или, не умѣя взяться за дѣло, безполезно толкались, когда я, вонзивъ шпоры въ бокъ своему Арабу, какъ вихорь понесся на перерѣзъ бѣшеной четверкѣ: уже одно колесо было разбито въ дребезги, кузовъ трещалъ, сокрушаясь, и кони разметавъ по вѣтру гривы, несли прямо къ крутому берегу Дуная, когда я со всего наскоку врѣзался съ середину ихъ. Конь мой хотѣлъ перепрянуть, но пробитый въ грудь дышломъ, грянулся о землю; — онъ стоптанъ копытами, раздавленъ передкомъ; но ударъ былъ такъ-силенъ, что одна изъ коренныхъ пала и вся четверка, запутавшись въ уносахъ, оборвавъ ремни, фыркая и топчась на мѣстѣ, стала будто громъ упалъ у ней передъ ногами. Я былъ выброшенъ изъ сѣдла съ первой

встрѣчи, но такъ счастливо, что сейже часъ вскочилъ на ноги. Кидаюсь къ коляскѣ, и въ то же мгновеніе одна изъ дамъ, блѣдная какъ снѣгъ, съ крикомъ падаетъ ко мнѣ на руки.

Безчувственную, я принесъ ее въ ближайшій домъ, руки ея замерли, обвившись около моей шеи, и почти цѣлый часъ не могли развести ихъ, не могли возвратить ей памяти, и мнѣ должно было все это время держать ее въ объятіяхъ. Правду сказать, эта обязанность была мнѣ вовсе не тяжела. Незнакомка была прелестна, какъ ангелъ; чѣмъ болѣе глядѣлъ я на нее, тѣмъ сильнѣе билось сердце. Свѣтлорусые локоны, отброшенные назадъ въ безпорядкѣ, сыпались съ высокаго чела ея на алебастровую шею, на грудь, недвижимую дыханіемъ.... Съ неизъяснимымъ чувствомъ, тяжкимъ подобно тоскѣ, сладостнымъ какъ восторгъ, ждалъ я ея пробужденія; изъ этихъ блѣдныхъ устъ, казалось, долженъ былъ вырваться приговоръ моей судьбы, изъ подъ этихъ рѣсницъ — взоръ, который бы осудилъ меня на муку или погрузилъ въ блаженство.... Наконецъ я послышалъ подъ рукой моею тихое біеніе сердца красавицы; руки ея скользнули съ плечь моихъ, она открыла глаза!...

Не умѣю высказать какой нектарный пламень облилъ меня, когда глаза наши встрѣтились, и въ слѣдъ за этимъ я обомлѣлъ, какъ будто она ожила моею душой, поглотила мое существованіе. Я ничего не слышалъ, я видѣлъ только ее. Она съ изумленіемъ смотрѣла на меня, осматриваясь кругомъ, припоминая что съ нею сталось, и вдругъ она вспрянула съ крикомъ: «Матушка, матушка!» и упала въ объятія къ матери, которая и сама едва лишь тогда приходила въ себя, послѣ долгаго обморока.

Въ это время вошелъ въ комнату высокій мущина пожилыхъ лѣтъ, но разодѣтый щеголемъ; онъ развязно поклонился хозяевамъ и съ усмѣшкой подошелъ къ незнакомкамъ; поцѣловалъ руку у старшей, поцѣловалъ въ голову молодую. Вы потерпѣли кораблекрушеніе, сказалъ онъ по-французки:

очень радъ, что оно кончилось однимъ страхомъ; меня встрѣтила на дорогѣ тысяча вѣстей о вашемъ приключеніи, и я насилу отыскалъ куда вы скрылись. Судя по описанію, я вамъ, должно быть, обязанъ избавленіемъ жены и дочери, примолвилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Примите, милостивый государь, благодареніе и удостойте знакомства: я русскій дворянинъ Георгій Градовъ.

Онъ протянулъ ко мнѣ руку. Я готовъ былъ кинутся на шею отца моей красавицы, но этотъ неискренній тонъ свѣтской учтивости, эта хладнокровная встрѣча, оледѣнили меня. Я отвѣчалъ ему невнятными привѣтствіями; но за-то ласковость матери, но за-то взоръ дочери сторицей наградили меня за безчувственность отца.

Почтенная дама посадила меня подлѣ себя и со слезами благодарила за свое спасеніе, за спасеніе ея Вѣрочки, и между-тѣмъ съ нѣжностію перебирала кудрями дочери, которая, склонивъ голову на руку, съ нѣжностію ее цѣловала. Я не зналъ, что со мною сталось, я не понималъ самъ себя. Никогда въ самыхъ первинкахъ любви не былъ я такъ робокъ, такъ смущенъ и вмѣстѣ такъ доволенъ, такъ счастливъ. Доселѣ вольный съ женщинами до дерзости, шутливый какъ нельзя болѣе, и всегда ненавистникъ сладкихъ воздыхателей, я не смѣлъ долго смотрѣть на Вѣру; слова становились у меня въ горлѣ, какъ рыбьи кости, и румянецъ на лицѣ, и вздохи на устахъ вспыхивали при каждомъ къ ней приближеніи. Между-тѣмъ отецъ Вѣры, любезничая съ хозяйкой, шутилъ, смѣялся, какъ будто все это происшествіе, въ которомъ жизнь его дочери висѣла на волоскѣ, значитъ не болѣе какъ выигранная карта на пе, которая могла проиграть застольную ставку. Лице его было весьма правильное, даже пріятное; но что-то насмѣшливое въ устахъ, что-то льдяное въ глазахъ обличало человѣка себялюбиваго, расчетливаго, и отталкивало всякую короткость.

— Я проѣхалъ мимо моей изломанной коляски, сказалъ онъ, играя цѣпочкою часовъ, и видѣлъ ва-

шего павшаго коня, онъ былъ прекрасное животное. Какая голова, какія стати! Жаль, очень жаль!... Это чистая арабская кровь!

Я негодовалъ на его хладнокровіе; мы раскланялись съ намѣреніемъ не продолжать нашего знакомства. Но учтивость требовала, но сердце звало, но новая страсть, непреодолимо влекла меня въ домъ Градова, и я сталъ ѣздить къ нимъ часто.

Я искалъ случаевъ, гдѣ бъ ихъ встрѣтить, и разумѣется встрѣчалъ вездѣ. Мало-по-малу, въ очахъ милой Вѣры, сталъ отражаться пламень очей моихъ, грудь ея волноваться отъ моихъ вздоховъ. Не знаю что-то чистое, что-то свѣтлое возникло во мнѣ, обновляло, молодило, перерождало меня въ присутствіи этого младенчески-невиннаго существа. Казалось около Вѣры проведенъ былъ огненный кругъ очарованія; я чувствовалъ, что всѣ остатки, всѣ выгарки прежнихъ страстей моихъ сплавлялись, очищались, превращались во что-то новое, блистающее, прозрачное, крѣпкое, какъ алмазъ.

Алмазъ! а развѣ онъ не сгараетъ? но за чѣмъ въ разсказѣ упреждать время, которое мольбой желалъ бы удалить изъ дѣйствительности и памяти? Я сталъ любимъ, и сколько чувствъ, сколько восторговъ, сколько страданій заключено было въ этихъ нѣмыхъ звукахъ: цѣлый міръ новыхъ мечтаній, новыхъ происшествій развился передо мною. Казалось, я оставилъ за собой дряхлыя части свѣта, и съ Колумбомъ нашелъ дѣвственную землю. Океанъ протекъ между настоящимъ и минувшимъ. Все въ ней поражало меня новостью, плѣняло прелестью неизъяснимою. Самый воздухъ, которымъ дышалъ съ нею, былъ сладостнѣе. Быть только, быть съ Вѣрою было уже мнѣ высочайшимъ счастіемъ.

Вообразите, что за блаженство было говорить съ ней, говорить ей о взаимной любви, развивать небо надеждъ, тонуть въ мірѣ наслажденій и забывать въ одномъ поцѣлуѣ настоящее, будущее, самихъ себя и всѣхъ! Любовь есть сильнѣйшій дѣйствователь природы въ пользу усовершенія.

Посмотрите, какъ заботливо влюбленная женщина старается украсить свою память, если не умъ, чтобы понравиться достойному человѣку! какъ жадно ищетъ юноша случаевъ привлечь вниманіе любимой особы какимъ-нибудь блистательнымъ дѣйствіемъ, благороднымъ поступкомъ, и не рѣдко бросается въ неистовыя глупости, выказывая смѣлость или преданность!... Порочный пригнетаетъ на время свою природу и кажется благонравнымъ; каждый старается сбросить или скрыть свои недостатки.... Можно сказать, любовь похожа на Ринальдово зеркало. Оно обличаетъ наши пятна, и если мы хоть на мигъ чуждаемся собственныхъ недостатковъ, это уже есть невольная дань добродѣтели, слѣдственно самая любовь есть добродѣтель, потому-что всего сильнѣе и всего скорѣе заставляетъ ее чувствовать, уважать ее, выражать на дѣлѣ.

Но если многихъ, не исключая меня самаго, любовь заставляетъ казаться, если не быть лучшимъ, моя Вѣра не имѣла въ томъ нужды. Душа ея была чиста и прозрачна какъ гладкая поверхность, по которой не можетъ всползти ни одно насѣкомое. Лучь любви оживилъ только эту призму своими цвѣтами, и начерталъ около нея радужный кругъ неизъяснимой прелести. Рожденная въ томъ вѣкѣ, когда всеобщее истлѣніе нравовъ коснулось русскаго дворянства, она подобна была цвѣтамъ, которые въ первую эпоху роста развиваются, храня свѣжесть свою росой небесною, занимая зелень отъ солнца, и какъ любила она, о какъ она любила!! Бываетъ что и свѣтскія женщины «умѣютъ любить»; но это искуство, а не чувство, это умъ, а не душа; въ ней напротивъ было все природа и природа чистая, свѣтлая. Какъ противоположна была ея тихая, самозабывающаяся любовь съ моею прихотливою, бурною, полною эгоизма страстію! Она трепетала какъ листокъ отъ моихъ порывовъ, она таяла какъ снѣгъ, сквозь который проникаетъ лава. Но чѣмъ всегда кончалось это бореніе? Я, я неукротимый и невѣрующій, падалъ въ прахъ передъ святою силой умо-

ляющаго взгляда или слезой укора, этихъ двухъ неодолимыхъ оружій невинности!

Прости, что я на старости лѣтъ такъ-болтливо вспоминаю объ единственной любви моей! Другія связи съ тѣхъ-поръ, я не величалъ и не дразнилъ этимъ именемъ. Сердце мое только въ воспоминаніи о Вѣрѣ оживаетъ снова весною, отъ теплоты ея оно испаряется мечтами, какъ вода туманами.

Мать Вѣры была добрая женщина, но правду сказать, не выше предразсудковъ своего вѣка и званія; за-то она искупала ихъ безграничною привязанностію къ дочери, привязанностію, которая, впрочемъ, упала бы до слѣпаго баловства, если бы дочь ея могла избаловаться. Угождать своей Вѣрушкѣ, предупреждать всѣ ея желанія, рядить ее, учить ее, любоваться и восхищаться каждымъ ея шагомъ, каждымъ словомъ, было ея занятіемъ, отрадой и наградой. Она бы весь вѣкъ готова была продержать дочку у себя на колѣнахъ! Вѣра отвѣчала ей самою покорною, самою нѣжною любовью.... Отецъ Вѣры былъ олицетворенная противоположность женѣ своей. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ бездушниковъ, которыми 18-й вѣкъ населилъ высшее общество. Болѣе гордый своимъ родствомъ, чѣмъ предками, заносчивый расточитель своего добра, и рабъ передъ чужимъ богатствомъ, готовый все предать и продать для наслажденій или выгоды, недоступный настоящаго честолюбія, но тщеславный въ игрушкахъ до ребячества, онъ не задумывался обобрать въ картахъ друга, для того, чтобъ полчаса спустя, бросить копѣйку бѣдняку передъ толпой; — человѣкъ, у котораго ничего не было завѣтнаго для другихъ, ничего священнаго для себя; человѣкъ, который боялся болѣе пятна на платьѣ, чѣмъ на совѣсти, но гибкій, уклончивый.

Я открылъ свои намѣренія матери Вѣрѣ; добрая женщина плакала отъ радости: она такъ любила насъ обоихъ! Когда жъ объявилъ о томъ отцу ея

. . . .
. . . .

ИЗМѢННИКЪ.

I.

. . . . . Never pray more; abandon all remorse;
On horrors head horrors accumulate:
Do deeds to make heav'n weep, all earth amaz'd
For nothing canst thou to damnation add,
Greater than that.

Shakespear.

— О родина, святая родина! Какое на свѣтѣ сердце не встрепенется при видѣ твоемъ; какая ледяная душа не растаетъ отъ вѣянья твоего воздуха? Такъ думалъ Владиміръ Ситцкій, съ грустною радостію озирая съ коня нивы и пажити и рощи переяславскія, свидѣтелей его дѣтства, и любопытнымъ взоромъ, какъ будто желая испытать память свою, искалъ, предугадывалъ онъ мелькающія изъ-за лѣсу главы обителей. Правда, онѣ не казались теперь ему, какъ прежде, огромными; окрестность не была уже безконечна; но она была по прежнему свѣтла, все по старому привѣтна. Онъ выѣхалъ наконецъ на озеро Плещево и сталъ, пораженный красотою природы, чувствами давно-забытыми и новыми.

Тихо, какъ сонъ его дѣтства, лежало предъ нимъ озеро въ изумрудныхъ рамахъ своихъ, отражая ве-

чернее небо, и снѣжныя стѣны обителей, и сумрачный городъ, и чуть оперенныя майскою зеленью рощи. Ладьи рыбарей, мнилось, летѣли въ шаровидномъ небѣ и утомленныя чайки дремали на развѣшенныхъ сѣтяхъ или, чуть зыблемыя, на влагѣ хрустальной. Весенніе жаворонки провожали солнце съ поднебесья и сверкали тамъ послѣдними его лучами, сливая звонкое свое пѣніе съ гремленьемъ тысячи ручьевъ, сбѣгающихъ въ озеро.

Какъ пыль сраженія улегается подъ дождемъ, смывающимъ кровь съ лица земли, такъ улеглись страсти въ душѣ Владиміра. Память буйной молодости, дворское честолюбіе, жажда битвы и славы, и все, все уступило мѣсто чувству близкому къ раскаянію. Онъ слѣзъ съ коня, припалъ къ водѣ, которою часто плескался въ отрочествѣ, въ которой теперь, какъ въ святочномъ зеркалѣ, мелькало ему прошедшее, жадно пилъ ее — и спокойствіе вливалось въ него струей вмѣстѣ съ прохладой! Со вздохомъ сказалъ Владиміръ:

— Онѣ не терпятъ нечистаго въ своемъ лонѣ и съ гнѣвомъ выбрасываютъ его на берегъ *. Пусть же берега твои сохранятъ меня отъ гоненія моихъ злодѣевъ, отъ бури жизни, и всего болѣе отъ меня самого, какъ твои воды спасали нѣкогда предковъ отъ ярости Татаръ **!

Полный надеждою, взоръ Владиміра стремился къ стѣнамъ Переяславля. Тамъ уже не было его родителей; но добрая память стерегла ихъ могилы, и сердечное *добро-пожаловать* ждало ихъ наслѣдника у пороговъ друзей. Долго еще лежалъ Владиміръ на

---

* Доселѣ идетъ повѣрье, что Плещево при погодѣ выкатываетъ всякую брошенную въ него вещь. Вѣроятная тому причина есть пологое и сфероидное его дно.

** Жители Переяславля, большею частію рыболовы, спасались во время неоднократнаго нашествія Татаръ, на лодкахъ, выѣзжая съ лучшимъ имуществомъ на средину озера.

свѣжей муравѣ, улелѣянный мечтами подъ крыломъ родимаго неба, и сонъ росою упалъ на утомленные члены путника, сонъ, какого давно не знала кипучая душа его.

II.

Лѣниво подымались утренніе туманы съ тихаго Трубежа * и лѣтнее солнце невидимо вскатывалось надъ ними. На валу Переяславля часовой ратникъ, опершись на копье, глядѣлъ на работу плотника, поправлявшаго деревянный срубъ крѣпостной стѣны.

— Это бревно никуда не годится, — сказалъ онъ плотнику, — въ немъ сгнила сердцевина.

— Такъ-то и съ нашею Русью, Петровичъ, отвѣтствовалъ плотникъ, вонзая топоръ noскомъ въ дерево и присѣвъ на вѣнецъ. Москва сердце ея, испорчено, а мы терпимъ. Она кличетъ къ себѣ изъ Польши царей, а мы подавай войско то за нихъ, то противъ нихъ драться! Поляки пируютъ въ Москвѣ; воръ Сапѣга обложилъ Троицу, а отъ нея далеко ли и до насъ! Прогнѣвали мы Господа неправдой; коротается нащъ вѣкъ бѣдами; кто скажетъ, что мое доброе, моя голова будутъ у меня завтра?... Въ плохіе мы живемъ годы, Петровичъ — за царя Бориса не такъ было.

— Нашелъ чѣмъ хвалиться! Нашему брату ратнику не удалось при немъ разу сходить на добычу. Теперь иное дѣло; дай только дождаться сюда Литовцевъ: мы порастрясемъ ихъ карманы.

— Какіе у польской голыдьбы карманы, когда у ней надѣть нечего.

— За-то много грабленаго золота. Бездѣльникамъ этимъ надо на носъ зарубить, чтобы они не грабили

* На рѣкѣ Трубежѣ, впадающей въ Плещево, расположенъ Переяславль-Залѣсскій.

Божіихъ храмовъ, не обдирали бы ризъ со святыхъ иконъ.

— Такое добро, землякъ, никому въ-прокъ не пойдетъ.

— Кто живетъ день до вечера, тому какая забота — скороль подростутъ рога у молодаго мѣсяца. Мнѣ только душно сидѣть сиднемъ за стѣнами, когда самые монахи дерутся. Я очень завидую товарищамъ, которые идутъ съ нашимъ воеводой на подмогу къ Троицѣ *.

— Кто же здѣсь останется воеводой?

— Кому быть кромѣ старшаго князя Ситцкаго.... Ему, кажись, на роду написано повелѣвать: что твой орелъ, когда взглянетъ!

— Правда, землякъ, правда. Ростомъ и дородствомъ и поступью, всѣмъ взялъ. Я самъ нехотя хватаюсь за шапку, когда съ нимъ встрѣчаюсь. Одно бѣда: про него ходятъ недобрые слухи. Зачѣмъ онъ братался съ Поляками? Зачѣмъ не видали его въ рядахъ Шуйскаго? — Худо, коли онъ не хотѣлъ заступиться за правое дѣло, а еще хуже, коли его въ дѣло не приняли.

— Братъ, не всякому слуху вѣрь! Теперь и правда и клевета извѣрились пуще жидовскаго золота.

— Пусть оно такъ. Да вѣдь на нашихъ-то глазахъ онъ даромъ живетъ здѣсь три года! Что дѣлать удалому въ-глуши, когда Москва въ плѣну, а святая Русь у погибели отъ самозваныхъ царей и друзей незваныхъ; когда измѣна и разбой рыщутъ изъ края въ край, когда враги палятъ нивы и города, безславятъ братьевъ и женъ, навѣкъ позорятъ имя русское?

— Ты развѣ не слыхалъ, что ему больно полюбилась Елена Ивановна, дочь воеводы?

— Да онъ-то пришелъ ли ей по нраву? Княжой

---

* Воевода переяславскій, Иванъ Васильевичъ Волынскій, былъ со своею дружиной для помоги Троицкой Лаврѣ въ 1609 году. См. Сказаніе объ осадѣ Тр. Серг. Лавры.

дворецкій приговариваетъ, что баринъ въ такую смуту не станетъ играть свадьбы, а ужъ коли быть-не-быть сговору, такъ развѣ съ князь-Михайломъ, меньшимъ братомъ Ситцкаго. Вотъ душа — можно сказать что ангельская. Красивъ, какъ утренняя звѣздочка, и отъ брата отличенъ. Кротокъ, сердце на устахъ, и ко всѣмъ привѣтливъ, за-то и любимъ всѣми, отъ бояръ до простолюдиновъ. Въ черный годъ не сидѣлъ онъ за печкой, а бился и проливалъ кровь за царя, и коли призванъ сюда, не ластится къ красавицамъ, а смышляетъ, какъ защищать нашъ родимый Переяславль. Дай-то Богъ, чтобы князь-Михайла оставили у насъ засаднымъ воеводою!

Такъ судили о двухъ Ситцкихъ многіе умные горожане; но если Михаилъ привлекалъ къ себѣ любовь добротою души, а уваженіе своими заслугами и прямизною нрава, то Владиміръ исторгалъ у всѣхъ невольное вниманіе. Природа отмѣтила чѣмъ-то необыкновеннымъ его черты и рѣчи. Его имени не спрашивали дважды. Взоры Владиміра, облеченные въ какую-то вещественность, ничтожили равно и улыбку любви, и привѣтъ участія, и вопросъ любопытства. Они не проникали, но пронзали душу. Онъ не бѣгалъ людей, но удалялъ ихъ отъ себя. Въ хороводахъ съ красавицами, очи его, подобно кремню, сыпали искры и не загорались сами. Даже вино теряло надъ нимъ свою силу: ни лишняго слова, ни довѣрчивой ласки не вырывалось изъ неизмѣнной груди Владиміра. Правда, порой и его лице разгоралось заревомъ душевнаго пожара, но это не были страсти людей: онѣ невѣдомы были тѣмъ, кто замѣчалъ ихъ, какъ образъ заоблачной молніи, отъ которой видѣнъ блескъ и не слышно грома.

Кто знаетъ, любовь или гнѣвъ волновали его душу, когда лице его то пылало кровью, то вновь тускнѣло какъ булатъ? Кто знаетъ, гордость ли воздымала такъ высоко его брови, презрѣніе ли двигало уста? Высокія-ль думы, или тяжкое преступленіе провело морщины па челѣ? Иногда взоръ его сверкалъ огнемъ, но потухалъ столь мгновенно, что

наблюдатель оставался въ сомнѣніи, видѣлъ ли онъ то, или такъ ему показалось. — Его жизнь, его страсти, его замыслы оставались неразрѣшенною загадкой.

III.

Душная ночь налегла на холмы переяславскіе; небо слилось въ громовую тучу; смирно озеро въ берегахъ своихъ. Изрѣдка лучъ безмолвной зарницы вспыхиваетъ и гаснетъ въ темной глубинѣ водъ, обозначая въ небосклонѣ главы церквей и башни города. При синихъ блескахъ ея видны тяжелыя облака, безъ вѣтра надвигаемыя. Тихо все и мертвенно, будто природа въ тоскѣ передъ грозою.

Но кто же тотъ юноша, что въ бурю и полночь не ищетъ, а бѣжитъ крова? Взоры его съ яростью обращаются къ Переславлю, лице пылаетъ гнѣвомъ и злобой. Отъ быстраго хода черныя кудри путника развѣваются, и длинные въ серебряной оправѣ пистолеты, за поясъ заткнутые, гремятъ о рукоять меча. Для чего жъ не спитъ онъ, когда все живое наслаждается покоемъ? Неужели грызенія совѣсти о прежнемъ злодѣйствѣ, или покушенье на новое подняло его съ ложа?... Но вотъ уже онъ, бросивъ прибрежную тропинку, далеко въ бору дремучемъ. Привычною стопой пробѣгаетъ поляны — и глубже въ лѣсъ, и лѣсъ отъ часу диче и чаще. Сухія иглы хрустятъ подъ ногами; изсохшія вѣтви цѣпляются въ волосы; тлѣющіе пни заграждаютъ путь: но путникъ съ сердцемъ ломаетъ и рветъ упрямые сучья, смѣло прыгаетъ черезъ рогатые трупы сосенъ, и все уступаетъ дерзкому и онъ близокъ уже къ заповѣдному холму.

Тамъ, повѣствовало суевѣрное преданіе, болѣе вѣка тому назадъ, убитъ былъ молніею колдунъ, когда онъ съ помощію ада вынималъ заговоренный кладъ. Безъ вѣры изжилъ онъ вѣкъ, безъ раска-

нья сгибъ, безъ молитвы погребли его, но земля съ ужасомъ приняла въ свои нѣдра неотпѣтаго грѣшника: съ тѣхъ-поръ адскіе духи стали слетаться надъ могилой ихъ любимца. Каждую полночь, по словамъ удалыхъ охотниковъ, слышны тамъ плескъ крылъ, хохотъ и свисты. Синіе огоньки летаютъ по воздуху, мелькаютъ ужасныя привидѣнія, и волшебникъ съ кровавыми устами бродитъ кругомъ и манитъ заблудшаго путника. У смѣльчаковъ навертывались холодныя слезы отъ ужаса, на посидѣлкахъ, отъ сихъ шопотныхъ разсказовъ; дѣдушки вздрагивали при малѣйшемъ скрипѣ оконницы, при нечаянномъ трескѣ лучины, и дѣти съ трепетомъ жались къ груди матерей. Давно заглохла тропа на холмъ могильный, и ни топоръ дровосѣка, ни стрѣла звѣроловца, ни взоръ, ни вѣтеръ не проникали въ эту дебрь, загражденную страхомъ. И вотъ ужъ проникъ онъ до поляны, вѣнчающей холмъ; уже занесъ ногу, чтобы ступить на нее, когда долетѣлъ до него благовѣстъ, зовущій монаховъ ко всенощной. Холодный потъ проступилъ на челѣ отчаяннаго, мѣдь прозвучала ему совѣстью. Онъ вспомнилъ, какъ радостенъ былъ для него благовѣстъ Христовской заутрени въ подобный часъ полуночи... Все прежнее обновилось: безпечность прежней невинности и вѣра отцевъ, — теплая вѣра юности, — теперь имъ забытая. Тогда душа его была какъ голубь, теперь стала чернѣе ворона... Но мимолетны благія мысли въ сердцахъ, закаленныхъ въ буйствѣ и гордости, въ сердцахъ вѣчно укоряющихъ судьбу, а не себя—и мщеніе, ненависть, ревность закипѣли вновь сильнѣе прежняго.

— Нѣтъ, не мнѣ ворочаться! вскричалъ Владиміръ, ступая на поляну. Тому-ли страшиться ада, у кого адъ въ душѣ?

При озареніи молній, онъ видитъ обрушенный и мохомъ покрытый крестъ; на травѣ, будто истоптанной палящими стопами, лежалъ чей-то черепъ. Гдѣ-гдѣ между сѣдыхъ, полуистлѣвшихъ елей трепетала робкая осина — дерево казни предателя.

Пещерою склонилось небо надъ сею забытою поляной, и тихо въ ней какъ въ могилѣ.

— Пора! сказалъ Владиміръ, и сталъ творить суевѣрныя заклинанія, трижды обратившись противъ солнца, и съ каждымъ разомъ повторяя призваніе злаго духа. Явись мнѣ, искуситель рода человѣческаго, восклицалъ онъ, стань передо мной лицемъ къ лицу: я не кроюсь за кругами, начертанными мертвою рукой *; я безъ боязни увижу тебя, какъ предаюсь тебѣ безъ завѣта. Приди на помощь того, кто служилъ аду, служа себѣ самому; дай, хотя на часъ, поторжествовать надъ тѣми, кого ненавижу, и повладѣть тѣми, кого люблю! Будь товарищемъ моихъ замысловъ, что бы вѣчно, вѣчно быть моимъ властелиномъ; явись — я поклонникъ твой, за страшную, за ужасную плату!... Я отрекаюсь всего, до сихъ-поръ мнѣ святаго и драгоцѣннаго; какъ этотъ черепъ, попираю ногами все человѣческое; какъ этотъ поясъ, разрываю связь съ родствомъ... Врагъ всего высокаго и благороднаго, явись! Тебя призываетъ человѣкъ, который бы могъ быть ангеломъ, и который хочетъ стать злымъ духомъ, который мѣняетъ райское спокойствіе на власть ада — продаетъ вѣчность за мигъ... Явись, явись!

Дикій отголосокъ вторилъ его кликамъ опять и опять, и притихшій боръ, казалось, съ ужасомъ внималъ голосу отступника. Подулъ вѣтерокъ, листья залепетали, и у грѣшника занялся духъ. Онъ откинулъ рукою кудри съ чела, чтобы прохладить его свѣжестію; но вѣтеръ палилъ его лице, словно дыханіе ада. Снова все тихо. Но вотъ загорѣлся огонекъ въ чащѣ лѣса; онъ ближе и ближе съ шорохомъ вѣтвей... взоръ и слухъ призывателя на-сторожѣ, и дыбомъ волосъ его, и леденѣетъ въ немъ сердце; но вотъ двоится огонь — и щелканье зубовъ увѣряетъ его, что то свѣтятъ глаза хищнаго волка. Съ каждымъ

* Всѣ описываемые здѣсь обряды принадлежатъ еще доселѣ къ суевѣріямъ простаго народа.

шагомъ растетъ нетерпѣніе юноши, и наконецъ бѣшенство овладѣло имъ.

— Ты нейдешь, робкій злотворитель! Ты боишься грозы небесъ; тебя пугаетъ голосъ безстрашнаго, какъ пѣніе пѣтуха! Ты кажешься только дѣтямъ и старухамъ; смущаешь только мирныхъ отшельниковъ, бесѣдуешь съ одними полуумными чародѣйками! Вооруженный адскою злобою, ты не скинулъ съ себя людской трусости. Или не думаешь ли, что съ жертвою нѣтъ договора? что рано или поздно я твой! Нѣтъ, нѣтъ! я могу еще вырвать изъ когтей твоихъ свою душу: въ ней довольно силы, чтобы, на зло тебѣ, я могъ изумить добродѣтелью добрыхъ людей, какъ я радовалъ злыхъ духовъ своими замыслами. Еще-ли нѣтъ?... небо и адъ меня отринули!

Въ отчаяніи, со скрежетомъ зубовъ, повергся онъ на землю. Гроза выла, сквозь ливень рѣяли молніи, и наконецъ дикій хохотъ раздался надъ его головой.

IV.

Холодный трепетъ проникъ въ кости Владиміра отъ прикосновенія чьей-то руки, упавшей къ нему на плечо. Сердце его отъ прилива крови, будто, хотѣло разорвать грудь, но онъ гордо приподнялъ голову, и при блескахъ молній, открывающихъ небо и землю, изумленный взоръ его встрѣтился съ насмѣшливымъ взоромъ пріятеля его, Ивана Хворостинина, который въ венгерскомъ доломанѣ стоялъ передъ нимъ. Щеголи, со временъ Самозванца еще, носили тогда польское и венгерское одѣяніе.

— Безумецъ ты, Владиміръ, говорилъ онъ ему сквозь смѣхъ, неужели въ нашъ вѣкъ, когда люди перехитрили дьявола, ты хочешь обмануть его! Поздно, пріятель, поздно. Черти уже не вѣрятъ кровавымъ роспискамъ и душевнымъ закладамъ; да и что за прибыль бѣсу въ душахъ нашихъ теперь, коли даромъ проглотитъ насъ адъ пастью могилы. Я не узнаю тебя, князь — ты ли это? Тебѣ ли вѣрить въ чертей, когда ты не вѣровалъ въ Божью правду!

— Такъ, Хворостининъ, я заслужилъ, чтобы сумасброды упрекали меня въ безуміи. Брани меня, смѣйся надо мною; я стыжусь даже тмы, скрывающей стыдъ мой. Какого ада искалъ я внѣ себя, когда могу удружить недругамъ своимъ адомъ! У меня есть сила въ тѣлѣ и месть въ душѣ; на свѣтѣ есть еще огонь и желѣзо.

— Есть и висѣлицы, Владиміръ. Смутное время и безземельное твое княжество не спасутъ зажигателя и убійцу отъ этой качели.

— Кто противостанетъ мнѣ? что меня остановитъ?

— Каждая пуля. Полно, князь, мѣрять силы своимъ гнѣвомъ. Будь ты самъ Полканъ богатырь, но горсть пороху — и ты прахъ.

— Низкая выдумка! Ты равняешь храбраго съ трусомъ, сильнаго со слабымъ; тобой побѣждаютъ безъ чести, отъ тебя гибнутъ безъ славы. Но у меня есть товарищи, друзья. Они станутъ за меня...

— Они бы спрятались за тебя въ битвѣ, но не пойдутъ за тобой въ ссору. Послушай, Владиміръ, ты, кажется, довольно презираешь людей, чтобы разгадать, для чего къ тебѣ вѣшались на шею многіе земляки наши. Они думали видѣть въ тебѣ будущаго воеводу и зятя богатаго Волынскаго; обманулись — и когда я выходилъ изъ Переяславля, то уже слышалъ, какъ честили тебя горожане, какъ шумѣли брату твоему ихъ заздравные клики. Думаешь, это не правда?

— Какая клевета чернѣй этой правды? Да, я брошенъ въ-снѣдь безсильной злобѣ своей. Для чего мое негодованіе не дышетъ бурею! Для чего проклятія мои не могутъ летать и сжигать молніею; для чего этою рукой не могу я разорвать сводъ неба и обрушить его на головы враговъ моихъ!...

— Славно, князь! Ты бѣснуешься, будто кликуша * передъ херувимскою. Однакожь мнѣ право смѣшны вы, горячія головы. Вообразили себѣ, что цѣлый свѣтъ долженъ глядѣть вамъ въ глаза, и что природа для васъ вертится на курьей ножкѣ! Къ чему служатъ всѣ эти заклинанія и проклинанія? Какъ ты ни горячись, а это не высушитъ наши платья; поѣдемъ-ка лучше поискать ночлега. Одна пріязнь къ тебѣ выманивала меня слѣдомъ за тобою въ эту ночь, когда добрый хозяинъ не выгонитъ собаки за ворота, когда волки рады погрѣться на псарнѣ. Ухъ! холодъ, и дождь, и громъ, и вѣ-

* Такъ называютъ въ просторѣчіи одержимыхъ бѣсомъ.

теръ, будто свѣту представленье. Ѣдемъ, Владимiръ, кони за лѣсомъ...

— Нѣтъ, я хочу умереть здѣсь...

— Умереть, чтобы дать другимъ жить на просторѣ? Не лучше-ль уморить кой-кого, чтобы самому пожить въ-волю?

Владимiръ не слышалъ его.

— Князь, я темный человѣкъ, но могу тебѣ пригодиться въ нѣкоторое времячко, и это время теперь: отчины твои промотаны, твоя слава двулична. Въ Москвѣ ты имѣешь враговъ, а здѣсь друзей не нажилъ. Прекрасная Елена твоя полюбила другаго, и съ ея рукой воеводская булава отдана младшему твоему брату... Чего жъ тебѣ ждать здѣсь? какихъ еще обидъ доискиваться? Ситцкiй! я тянулъ съ тобой одну лямку и чарку; я знаю, я цѣню тебя; я вижу, какъ высоко стоишь ты надъ другими умомъ, и какъ низко брошенъ судьбою. Я грызъ зубы, когда князь Иванъ повѣрилъ неопытному юношѣ городъ и засаду. Вотъ хваленое безпристрастiе! да-и гдѣ ныньче найдешь правду на Руси? Сердце разрывается съ досады за всѣхъ, и за тебя всѣхъ болѣе. Родина отвергла, презрѣла тебя, чего жъ медлить? — Волынскiй уже не воротится, а Литовцы въ 50-ти верстахъ, подъ начальствомъ удалаго Лисовскаго, который съ Русскими и Казаками идетъ къ Сапѣгѣ. Намъ не первоученка дружиться съ Panami dobrodzieiami, и Лисовскiй приметъ тебя — чупъ до земли... и чрезъ два дня Переяславль нашъ, и Елена твоя, и пошла потѣха! Опять удалая жизнь, наѣзды, добыча. Опять звонъ сабель и кубковъ; снова громъ и дымъ, пепелъ, кровь и пѣсни красныхъ дѣвушекъ. Князь — рѣшайся!

Съ содроганiемъ, расширивъ глаза, слушалъ Владимiръ слова предателя. Сомнительно прикоснулся онъ къ груди его, чтобы увѣриться, человѣкъ ли говорилъ такiя рѣчи.

— Злодѣй! наконецъ вскричалъ онъ, ты, ты-то и

есть нечистый духъ... Русскій ли предлагалъ Русскому измѣнить отчизнѣ, предать свою родину!

— Не сего-дня, такъ завтра она и безъ насъ погибнетъ, а мы, не спасши ея, потеряемъ себя даромъ. Да одни ли мы передадимся Полякамъ? А вѣдь на людяхъ и смерть красна.

— Но презрѣніе добрыхъ людей! но проклятія потомства!

— Потомки если не оправдаютъ, то извинятъ насъ обстоятельствами, а изъ людскаго мнѣнія не шубу шить; да и гдѣ эти добрые люди? Кто правъ, кто нынѣ виноватъ? Одни бьются за Шуйскаго, другіе цѣлуютъ крестъ Владиславу; кто же и намъ не велитъ кричать громче всякаго: за матушку за Россію, за царя за Дмитрія!

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Нѣтъ?... Такъ оставайся же въ пыли, хвастливое дитя: я не хочу долѣе терять словъ съ человѣкомъ, который мечтаетъ перевернуть свѣтъ и не можетъ переломить вздорнаго предразсудка; который дышитъ братоубійствомъ и страшится измѣны, который всего хочетъ и ничего не смѣетъ!... Поди, кланяйся тѣмъ, которые за счастье должны бы считать поддержать твое стремя; грызи украдкою, какъ мышь, каблуки презирающихъ тебя враговъ; ступай на-вѣсти къ своему меньшому брату, жди подачки съ его стола... добивайся въ дружки къ той, которой ты можешь быть мужемъ; осыпай молодыхъ привѣтливо хмѣлемъ, когда бы ты хотѣлъ задавить ихъ подъ проклятіями, считай чужіе поцѣлуи, нянчи будущихъ дѣтей братниныхъ...

— Этого я не стерплю никогда...

— Ты не стерпишь? и, братъ Владиміръ — терпѣніе славная вещь... съ нимъ и съ покровительствомъ брата ты можешь подъ старость выслужить даже уголъ въ богодѣльнѣ. Прощай, Ситцкій: спасибо за урокъ. Ты показалъ мнѣ, что пустыя сердца звучатъ громко, что есть заячьи сердца въ грудяхъ орлиныхъ...

Бѣшенство, ревность, месть пылали въ Ситцкомъ; онѣ одолѣвали совѣсть. — Взошло солнце и, по сказкамъ раннихъ косцовъ, они видѣли двухъ незнакомыхъ всадниковъ, закутанныхъ въ охабни, которые торопливо ѣхали по Владимірской дорогѣ.

V.

Зарево отъ пылающаго монастыря Даніила-Столпника, бросало кровавый отблескъ на озеро, и бере[illegible]го вторили кликамъ военнымъ. Лисовскій облегъ уже Переяславль, уже отбилъ вылазку Михаіла Ситцкаго. Стычка только что кончилась, выстрѣлы смолкли; но облако дыма и пыли неслось еще надъ стѣнами города, гдѣ мелькали огни и оружія, слышались приказы, стукъ топоровъ и плачъ женъ. Другая картина представлялась подъ стѣнами: нисиадающая ночь мѣшала видѣть объемъ стана осаждающихъ; но какъ они не слишкомъ боялись недальнострѣльныхъ орудій города, то очень близко притиснули свои передовые отводы къ тинистому рву. Со стѣнъ сквозь мракъ видно было, что всадники разсѣдлываютъ коней, иные вываживаютъ ихъ, напѣвая пѣсни; другіе, насвистывая, поятъ ихъ у озера. Пѣшіе отираютъ брони и строятъ шалаши изъ вѣтвей. Тамъ дѣлятъ кормъ, тамъ добычу. Треща разгораются огоньки и здѣсь и тутъ и повсюду; котлы бьютъ пѣной и вотъ собираются воины въ артели: вотъ пошли шутки и хохотъ, крикъ и пѣнье. Никто не жалѣетъ о павшемъ, никто не думаетъ о себѣ — всѣ беззаботно веселятся послѣ и передъ битвой. Они пируютъ на свадьбѣ смерти, какъ на имянинахъ у друга.

Чудна и пестра была смѣсь народовъ, составлявшихъ хоругвь Лисовскаго. Польская шляхта, своевольно наѣхавшая на Русь, служитъ себѣ, безъ воли сейма, противъ воли короля. Они гордо похаживаютъ, крутя усы и отбрасывая назадъ рукава своихъ контушей, клянясь и хвастая ежеминутно. Ка-

заки косо поглядываютъ на союзниковъ, лѣниво дымя трубками, и часто сабли ихъ крестятся съ польскими, хотя къ ихъ знаменамъ добычи и славы привязали они переметную дружбу свою. Полудикіе Литовцы, приведенные панами на разбой и на убой, безстрашно сидятъ или спятъ вкругъ огней. Наконецъ измѣнники русскіе, иные изъ привычки къ мятежу и бездомью, другіе алкая корысти, третьи изъ надежды воротить грабежемъ у нихъ отнятое, передались къ гультяямъ польскимъ. Роскошь и бѣдность вмѣстѣ, разительно видѣлись въ станѣ. Индѣ ходилъ часовой съ заржавленнымъ бердышемъ, въ рубищѣ, но въ золоченомъ шишакѣ; другой въ бархатномъ кафтанѣ, но полубосъ; здѣсь поятъ коня серебрянымъ ковшемъ, а тамъ на дорогомъ скакунѣ лежитъ вмѣсто сѣдла цѣновка. Штофный занавѣсъ, вздѣтый на копье, завѣшиваетъ изъ бурки сдѣланную ставку какого-нибудь хорунжаго, который нѣжится на медвѣжей полсти, склоня голову на сѣдло. Здѣсь бобровое одѣяло кинуто на грязной соломѣ. Все это было странно и дико, но все кипѣло жизнью и силой. Вездѣ говоръ и ржаніе коней, звукъ и блескъ оружій во мракѣ.

Передъ ставкою у огня лежалъ на коврѣ Лисовскій и съ нимъ двое измѣнниковъ: Хворостининъ и Ситцкій. Крѣпкій складъ и суровое, загорѣлое лице, показывали въ Лисовскомъ обстрѣленнаго воина, а быстрые глаза и думные на челѣ морщины — опытнаго вождя. Беззаботная голова-Хворостининъ, уже спалъ безпробудно, утомленный сѣчею и виномъ, какъ это видно было по окровавленной саблѣ его и опрокинутому въ-головахъ кубку.

— Пей, товарищъ, пей, говорилъ Владиміру наѣздникъ Лисовскій, напѣнивая стопы. Смой усталость битвы, освѣжи твое грустное сердце радостными слезами винограда! Посмотри, какъ кипитъ и въ жемчужистой пѣнѣ скрываетъ румянецъ свой это некупленное вино. Оно дышетъ какою-то благовонною прохладой; оно не даромъ таило свой жаръ въ

ледникахъ дворцовскихъ, чтобы отводить тоску царей... Товарищъ! пей — оно и твою утолитъ!

— Нѣтъ, Лисовскій, нѣтъ. Злодѣйка тоска всплываетъ на верхъ, и вино подливаетъ пламень въ кровь, и безъ того кипучую. Я видѣлъ, какъ это вино лилось моремъ на столахъ Годунова и Димитрія. Я видѣлъ вблизи ихъ обоихъ, и вѣрь, оно не смывало кручины съ чела, стиснутаго вѣнцемъ и... есть неизлечимыя раны, есть неусыпающія мысли, которыхъ никто, ни-что въ свѣтѣ не въ-силахъ вырвать изъ размученной ими души!

Такъ говорилъ Владиміръ въ тоскѣ глубокой и непритворной. Уста его, еще покрытыя пылью, трепетали, и на лицо, обрызганное кровью, проступало мученіе души.

Тронутый Лисовскій задумчиво пилъ изъ стопы своей; соучастіе отозвалось въ жестокомъ его сердцѣ. Такъ-то и въ самыхъ неприступныхъ башняхъ есть тайники сокровенные, но проходимые. Правда, не вдругъ сошлись эти два характера: властолюбіе вождя взрывало Ситцкаго; вождю не нравилась въ Ситцкомъ непокорность. Но въ первомъ страсти сердца, умѣренныя войною и честолюбіемъ, любили припоминать въ другомъ свою когда-то неукротимую волю, а Ситцкаго плѣняла откровенность Поляка. Въ вѣрности русскихъ измѣнниковъ увѣрился Лисовскій на дѣлѣ; они русскою кровью смыли съ себя имя Русскихъ, а Владиміру нужно было высказать свои чувства тому, кто могъ бы ихъ почувствовать. Притомъ оба они были пламенны; нарѣчіе обоихъ, какъ восточная ткань, пестрѣло какими-то чудными цвѣтами — и вотъ Лисовскій, гроза Россіи, славный потомъ въ Германіи наѣздничествомъ за вѣру, сдружился съ измѣнникомъ, который навелъ его на свою родину. Не знаю, искрення или корыстна была дружба сія, но они стали неразлучны. Такъ два нагорныхъ потока, встрѣтясь, кипятъ и спорятъ, и съ ревомъ, неодолѣнные оба, сливаютъ волны свои и несутся одною дорогой.

Молча подалъ Лисовскій руку Владиміру и крѣпко, выразительно сжалъ ее.

— Лисовскій! сказалъ тогда Владиміръ: вижу, что вопросъ, внушенный дружбою, летаетъ па устахъ твоихъ — я предупрежду его. Да и для чего не облегчить мнѣ сердца, раздавленнаго тайною скорбію! Наружность винитъ меня болѣе, чѣмъ обвинитъ признанье, и ты можешь понять меня. Слушай:

Здѣсь повила меня жизнь, но путевое сѣдло было моею колыбелью, и я, какъ сквозь сонъ, помню себя въ станѣ военномъ: и громъ, и кровь, и пламя кругомъ меня. Это, какъ узналъ я послѣ, было при взятіи Шведами городка Падиса въ Чудской землѣ. Тамъ сидѣлъ безстрашный старецъ Данило Чихачевъ * и отвергнувъ переговоры, палъ послѣдній на трупахъ своихъ ратниковъ, на ввѣренной ему стѣнѣ. Отецъ мой, бывшій тамъ подвоеводчикомъ, раненый, избѣжавъ побоища, спасъ меня и мать мою. Это кровавое зрѣлище потрясло мою трехлѣтнюю душу и впечатлѣло въ ней буйныя, неутолимыя страсти. Отца я не помню: онъ умеръ вскорѣ послѣ похода, а мать забыла меня для меньшаго брата. Какъ буря по степи пронеслась моя молодость, и даже въ дѣтствѣ я не зналъ иной радости, кромѣ покоя. Я чуждался своихъ сверстниковъ, мнѣ казались жалкими ихъ игрушки; моею забавой было то, что и самихъ юношей пугало: бѣшеные кони, звѣриная ловля, и мракъ ночей, и непогодное озеро. Я наслаждался опасностями, и мое первое презрѣнье было къ тѣмъ, кто ихъ боялся. Скоро порода и красота призвали меня въ рынды ко двору Ѳеодора, и я равнодушно оставилъ за собой эту родину: тогда райская птичка — надежда, летѣла передо мной и манила впередъ своими блестящими крыльями. Сначала сіяніе двора ослѣпило меня, но тѣмъ чернѣй показалась чернота его послѣ. Я уви-

* Это точно случилось въ 1580 году. Спасся только одинъ Михаилъ Ситцкій.

дѣлъ во всѣхъ обманъ и во всѣхъ подозрѣніе, зеркальныя лица и ни-чѣмъ неподвижныя сердца, лесть, которой никто не вѣрилъ и каждый требовалъ, умничанье безумія и чванство ничтожества! Я чувствовалъ, какъ уменьшалась душа моя въ кругу людей, которыхъ грѣетъ улыбка любимцевъ болѣе, чѣмъ заемная шуба *, которые не могутъ жить безъ низостей, ни къ чему ненужныхъ! Съ каждымъ днемъ опостывалъ мнѣ дворъ... я вырывался изъ душныхъ палатъ Кремлевскихъ, чтобъ подышать отзывнымъ мнѣ вѣтромъ и бурею, чтобы выместить на звѣряхъ свою ненависть къ людямъ. Однако жъ, по какой-то пагубной привычкѣ, я не могъ жить вовсе безъ людей, съ которыми не могъ ужиться. Такова-то цѣпь общества: снять ее мы не въ силахъ, а разорвать не рѣшимся. Вступилъ на престолъ и Годуновъ, годы влеклись, и только изрѣдка моя душа порывалась къ чему-то сильному, къ чему-то грозному, и наконецъ труба мятежа пробудила ее. Какъ воронъ встрепенулся я, послышавъ кровь, и радостно полетѣлъ къ Новугороду Сѣверскому **. Съ кѣмъ и за что сражаться — не было нужды: лишь бы губить и разрушать. Эта забава стала мнѣ цѣлью, эта цѣль моей наградой. Душа освѣжалась въ пылу битвы; я оживалъ тою жизнію, что отнималъ у другихъ; но кто лучше Лисовскаго можетъ оцѣнить наслажденіе отваги и упоенье побѣды!

Ты знаешь, это длилось не долго: наши московскіе сидни признали Димитрія, и я со вздохомъ опустилъ мечъ и, увлеченный всѣми въѣхалъ въ свитѣ новаго царя въ столицу. Нечего было дѣлать —

* Тогда при дворѣ для праздниковъ и пріемовъ выдавались боярамъ дворцовскія богатыя шубы и кафтаны.

** Подъ Новогородомъ-Сѣверскимъ встрѣтилъ самозванецъ неожиданный и сильный отпоръ, покуда воевода Басмановъ, сей отважный измѣнникъ, не передался на его сторону (1604 въ ноябрѣ).

пришлось нянчить царскихъ соколовъ, чтобы заполевать, при случаѣ, воеводство. Я сошелъ въ кругъ людей, презираемыхъ мною, но необходимыхъ мнѣ, чтобы изъ него возвыситься. Лишняя горсть золотой пыли въ глаза, лишняя дюжина блестокъ на платьѣ, венгерское вино и арабскія лошади — и легкомысленные твои соотечественники стали моими пріятелями. Вмѣстѣ рыскали мы по улицамъ Москвы, топтали народъ и увозили красавицъ. Это напоминало мнѣ жизнь наѣздническую; въ буйствѣ я дышалъ веселѣе; я уже былъ наканунѣ исполненія моихъ желаній — но кто бывалъ въ будущемъ! На одной пирушкѣ молодой Оссолинскій обидѣлъ меня, и вельможная голова слетѣла въ прахъ. Я бѣжалъ, бѣжалъ не смерти, а позора, и родина приняла меня подъ кровъ свой, но какъ? — подобно дереву, которое манитъ въ сѣнь свою путника на отдохновенье, и наводитъ на него громовую стрѣлу!

Въѣзжая сюда, я какъ будто вновь народился. Воспоминаніемъ прежней невинности усыпилось мое мятежное сердце, какъ дитя колыбельною пѣснею. Здѣсь все было такъ-тихо и привѣтливо!... Родителей моихъ уже не было на свѣтѣ, но я нашелъ въ воеводѣ Волынскомъ, опекунѣ моемъ, втораго отца; у него-то познакомился я съ прелестною его дочерью Еленой, и.... признаюсь тебѣ Лисовскій, полюбилъ ее душой: невѣдомое мнѣ чувство какого-то небеснаго покоя пролилось въ грудь, ея взорами. Сердце мое стало какъ переполненная сладкимъ напиткомъ чаша, любовь къ ней проливалась на все меня окружающее. Я узналъ тогда радость доброты и потребность дружества; весь Божій свѣтъ сталъ для меня красенъ впервые. Какъ сладко потекли мои дни, какъ тихи и чисты были сны мои! Теперь я только помню, что это было; но понять, почувствовать это снова я уже не могу. Чего бы не сдѣлалъ, чего бы не отдалъ я, чтобъ воротить себѣ эту внимательную разсѣянность при милой, эту нетерпѣливую тоску безъ нея, эту безжелчную досаду за бездѣлицы, этотъ восторгъ за ласки! Три года протекли какъ

одно майское утро; она росла и развивалась въ глазахъ моихъ, и я забылъ для нея битву и славу, и Поляковъ и Русскихъ. Димитрія свергли вслѣдъ за моимъ бѣгствомъ. Его замыслы, власть и жизнь разсѣяны были вмѣстѣ съ его прахомъ пушечнымъ выстрѣломъ.... и это было настоящее изображеніе его царствованія: громъ и дымъ — и прахъ на вѣтрѣ!... Прочія московскія дѣла ты знаешь.... но я не хотѣлъ тогда знать, и желалъ бы позабыть; я сидѣлъ здѣсь очарованный сю, и какъ прелестна тогда была она! какъ искренна была со мною!... съ какою нѣжною заботливостію спѣшила разсѣять грусть мою, съ какою дѣтскою рѣзвостію веселилась, когда я былъ веселъ. Лисовскій! трудно повѣрить, и тяжело, стыдно вспомнить, какъ я, гордый и неуклонный, былъ тогда искателенъ передъ нею; сколько похвалъ и угодничества расточалъ ей; какъ по цѣлымъ часамъ, не сводя съ нея взоровъ, впивалъ ими обаяніе красоты; только о ней думалъ на яву, только объ ней грѣзилъ во снѣ.... да.... я не знаю средины и границъ въ страстяхъ моихъ: ненавижу до неистовства, люблю до упоенья! но не всѣмъ на счастье создана любовь. Смотри, какъ павшая роса оживляетъ быліе, но она снѣдаетъ ржавчиной булатъ моей сабли — и какъ эта персидская сабля, долженствовала моя любовь разсѣчь всѣ препоны или разбиться въ дребезги. Моя душа, полная страсти, подобилась громовой тучѣ, блистающей лучами солнца; но одно противное облако, одна искра— и кто осмѣлится играть съ перуномъ!... Это мгновенье настало. Меньшой братъ мой, Михаилъ, пріѣхалъ, за полгода, сюда, и скоро я не могъ не возненавидѣть того, котораго долженъ былъ любить. Я молчалъ... онъ таился, но уже взаимная ихъ любовь перестала быть тайною и я узналъ муки ревности, я спознался съ адомъ злобы. Свѣжія щеки, томные глаза, красныя рѣчи Михаила полонили ея сердце, да-и какое женское сердце не выбираетъ друга по себѣ?... Оно безсильно отвѣчать, ихъ умъ не можетъ понять сильной любви нашей. Онѣ охот-

но внимаютъ страстнымъ рѣчамъ страсти, какъ иноземной пѣснѣ, ласкающей слухъ и непонятной душѣ! Только лепетаньемъ, только дѣтскими игрушками привлечено ихъ вниманіе.

Но не одну любовь Елены похитилъ у меня Михаилъ, любовь, съ которой слитъ былъ покой души, стало-быть счастіе жизни—нѣтъ! онъ вонзилъ мнѣ въ грудь двойное остріе. Волынскій удалялся: мнѣ по старшинству и по опыту слѣдовало принять воеводство. Лучшіе граждане обѣщали избрать меня, если бъ даже и Волынскій воспротивился. Все было готово.... я рѣшился пересилить силу, думалъ несомнѣнно получить, если не взаимность, то руку Елены; сватаюсь.... и что жъ? Я вдругъ узнаю, что происками брата ему достается моя суженая, и ей въ приданое — воеводство.... и въ цѣломъ городѣ ни одинъ голосъ за меня не послышался. Какъ лютый звѣрь тогда вспрыгалось мое сердце; не знаю, какъ не сошелъ я съ ума отъ бѣшенства. Остальное тебѣ извѣстно. Люди, адъ, все измѣнило мнѣ — и я твой товарищъ. И ты видѣлъ, каково мстилъ я коварнымъ! Одной мести жажду я.... у меня нѣтъ другаго чувства; я уже сорвалъ съ сердца терновый вѣнокъ любови. Но клянусь всѣмъ, что было для меня свято, что теперь для меня дорого, Елена живая или мертвая будетъ въ моихъ объятіяхъ. Хочу насмѣяться ея мученіями, когда она презрѣла мои, хочу, чтобы она вѣкъ не смыла своими слезами кровь своего возлюбленнаго. Называй это ребячествомъ, прихотью, раздраженіемъ мелкаго самолюбія и честолюбія; смѣйся надъ этимъ какъ хочешь, но она будетъ моя. Въ томъ моя цѣль, въ томъ мое желаніе.... да и не лучше ли слушаться своей воли, чѣмъ вѣкъ повиноваться чужой! А брата.... злодѣя брата.... слышалъ ли ты отвѣтъ мой на его письмо, не давно ко мнѣ на стрѣлѣ перекинутое! Источу изъ тебя кровь, отвѣчалъ я ему, чтобы разорвать послѣднія узы, которыя насъ соединяютъ, а меня гнетутъ, пепломъ пожара посыплю главу Переяславля, который меня отвергнулъ — и если

суждено мнѣ погибнуть, то и враговъ повлеку съ собою въ бездну!...

Скоро сонъ сомкнулъ очи Лисовскаго и уста Владиміра. Но страшными сновидѣніями прерывалась его тяжелая дремота. Тише и тише кипѣла кровь, воспаленная гнѣвомъ.... волненіе уходилось, и предразсвѣтный вѣтерокъ обвѣялъ свѣжестью его чувства. И вотъ чудится Владиміру шелестъ шаговъ; кто-то, наклонившись надъ нимъ, шепчетъ въ ухо: Владиміръ!... и онъ трепеща, полусонный, хватается за пистолетъ, и поднявшись на руку, стремитъ изумленные взоры на пришельца: передъ нимъ молодой казакъ стоитъ въ сіяніи мѣсяца.... нерѣшительно снимаетъ онъ шапку свою, и длинные волосы распадаются по плечамъ: замирающій, знакомый голосъ повторяетъ: Владиміръ! — это Елена!

— Не дивись, Владиміръ, говорила она, что откинувъ дѣвичью робость и стыдливость, я пришла къ тебѣ сквозь всѣ опасности. Долго любя тебя, какъ брата — и теперь любя брата твоего болѣе себя, я была поражена твоею нежданною перемѣной; меня измучила мысль, что я тому виной; я рѣшилась зато дерзнуть на все, пожертвовать собою для спасенія родины, для спасенія твоей славы, твоей души. Такъ, Владиміръ!... я буду твоею, я постараюсь сдѣлать тебя счастливымъ, я изучусь любить тебя — но будь же достоинъ моей любви и уваженія всѣхъ— покинь это гнѣздо отступниковъ: твой примѣръ повлечетъ за собой тысячи русскихъ измѣнниковъ, твоя храбрость спасетъ Переяславль, твое разскаяніе загладитъ мгновенную измѣну. Самъ Богъ прощаетъ кающемуся грѣшнику, и благословеніе на землѣ и спасеніе въ небѣ ждутъ тебя. Братъ отдаетъ тебѣ все, что ты хочешь; я — все что могу... Какъ награды, какъ милости прошу: возвратись! Сжалься надъ моими слезами.... умились моими моленіями!

— Нѣтъ! ангельская душа! вскричалъ тронутый Владиміръ: я не продаю ни добрыхъ, ни злыхъ дѣлъ моихъ — ты останешься невѣстой Михаила —

и я снова слуга родинѣ! Елена, ты побѣдила меня — идемъ!...

И вдругъ, сердце пронзающій звукъ трубы загремѣлъ въ станѣ — и Владиміръ проснулся!.... Лисовскій уже въ бронѣ стоялъ передъ нимъ и будилъ его.

— Пора, Ситцкій, пора! говорилъ онъ: заря занимается и все готово: ты поведешь казаковъ на приступъ отъ озера, я съ лодками нагряну отъ Трубежа... огонь въ стѣны — и городъ нашъ!

— Неужели это былъ сонъ? вскричалъ озираясь, обманутый мечтою Владиміръ. Сонъ, злобный сонъ!— Такъ-то все доброе, все прекрасное въ свѣтѣ — одинъ разсказъ, одно пустое сновидѣніе: только во снѣ готовы люди на великое и благородное. Пусть же судьба влечетъ меня къ злодѣйству — я опережу ее, и чѣмъ невозвратнѣе мнѣ дорога, тѣмъ безпощаднѣе буду! На коней, впередъ! горе осажденнымъ!

Свѣтъ чуть брежжалъ. Толпы двинулись молча и не стрѣляя — но роковое *пали!* съ вала, было смертнымъ приговоромъ для многихъ. Какъ чугунные змѣи, таясь въ травѣ, пушки вдругъ разинули пасть свою, небо вспыхнуло и градъ смерти, свистя, запрыгалъ между рядами. Скорѣй, скорѣй, раздалось отовсюду.., сходи ко рву, бросай вязни, рви и руби частоколы! Поляки устремились впередъ по набросанной въ ровъ греблѣ; но стѣнные дробовики не умолкали, ядра пронизывали ряды наступающихъ, и вода поглощала скользящихъ и раненыхъ. Толпа остановилась.

— Впередъ, за мной! воскликнулъ Владиміръ и, надвинувъ на брови шлемъ, кинулся къ другому берегу. Съ гикомъ и воплемъ посыпали за нимъ Казаки, и онъ уже впереди всѣхъ, съ саблею въ зубахъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, уже на лѣстницѣ... отряхая съ себя камни и стрѣлы, уже схватясь за зубецъ, ступилъ онъ на стѣну. — Стой! загремѣло ему вслухъ — пушечный выстрѣлъ освѣтилъ ратника, съ которымъ столкнулся онъ грудь къ груди —

и что жъ? Надъ нимъ сверкала сабля Михаилова. Ужасное мгновеніе! Блѣднымъ отъ ярости, мелькнули имъ взоры другъ друга, и смеркло все.... Невольный трепетъ проникъ обоихъ. *Онъ измѣнникъ* — была первая мысль; но *онъ твой братъ*, было первое чувство Михаила, и сабля замерла въ рукѣ. *Это врагъ мой* — мелькнуло въ головѣ Владиміра, и пистолетный выстрѣлъ предупредилъ ниспадающую саблю. Проколотый самъ двумя копьями, упалъ онъ на трупъ умерщвленнаго имъ брата.

Измѣна! Побѣда! раздалось отъ Трубежа! и за тѣмъ клики грабежа и насилія огласили воздухъ.

Ночью двое Поляковъ бродили по стѣнѣ, ища на трупахъ добычи; они остановились надъ однимъ, чтобы снять съ него дорогую испанскую кольчугу. Между-тѣмъ цѣлый день мукъ истощилъ силы Ситцкаго; время катилось черезъ него колесомъ пытки. Огнемъ палило солнце его раны и жаждою уста; слѣпни пили кровь его, а онъ не могъ ни звукомъ, ни движеніемъ облегчить своихъ страданій. Исхлынувшая сквозь раны кровь уступила мѣсто совѣсти въ сердцѣ. Злодѣй, говорила она, ты пожертвовалъ всѣмъ своей прихоти — и что ты теперь? Терзайся! Это еще легкій задатокъ вѣчныхъ мукъ на томъ свѣтѣ... Слышишь ли эти вопли? — это тебя отпѣваютъ проклятіями, и многія столѣтія распадутся въ прахъ, покуда не сгибнетъ память предателя, заклейменная позоромъ. Между-тѣмъ пламя болѣзни спорило съ смертнымъ холодомъ о добычѣ, и ужасная минута, которой жаждалъ и страшился желать Владиміръ, приблизилась. Чувства смѣшались и прекратились... тяжелый вздохъ какъ будто хотѣлъ разорвать сердце...

— Это онъ — сказалъ Полякъ своему товарищу,

вглядываясь при свѣтѣ луны въ лице умирающаго— это Ситцкій. Не зарыть ли намъ его честно, Казиміръ? онъ былъ отважный молодецъ; нашъ Лисовскій уважалъ его.

— Уважалъ! Можно ли уважать измѣнника! если почитать людей за одну отвагу, такъ по этому все равно умирать на висѣлицѣ съ разбойникомъ! Нѣтъ! брось его на разщипку воронамъ. Земля не приметъ того, кто ее предалъ!

— Стащимъ съ него долой контушъ: онъ позоритъ польское платье!

— Нѣтъ, Янъ, я ни за-что не дотронусь до платья, обрызганнаго братнею кровью.

— О, не припоминай! этотъ злодѣй въ моихъ глазахъ застрѣлилъ брата... а тѣло его невѣсты нашли теперь въ рѣкѣ. Отъ страха ли, отъ горя ль утопилась она, или ее утопили — это неизвѣстно; но она хоть счастлива тѣмъ, что не видитъ бѣдъ своей отчизны... Да, вотъ, гляди, лежитъ и братъ его. Помоги мнѣ, Казиміръ, вытащить изъ-подъ этого Каина его тѣло. Завидна смерть за родину, и честно будетъ погребенье храброму отъ храбрыхъ!

Какъ голосъ трубы страшнаго суда пробудилъ сей разговоръ полумертваго Владиміра. Съ содроганіемъ открылъ онъ глаза, затекшіе кровію, и первое, что представилось его взору, было блѣдное, укоряющее лице убитаго имъ брата, на груди котораго лежалъ онъ... съ этимъ взоромъ выкатился свѣтъ изъ очей измѣнника.

ВЕЧЕРЪ НА БИВУАКѢ.

. . . Едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ;
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.
Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ — врагъ валится,
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

Давыдовъ.

Вдали, изрѣдка слышались выстрѣлы артиллеріи, преслѣдовавшей на лѣвомъ флангѣ непріятеля, и вечернее небо вспыхивало отъ нихъ зарницей. Необозримые огни, какъ звѣзды, зажглись по полю, и клики солдатъ, фуражировъ, скрипъ колесъ, ржаніе коней, одушевляли дымную картину, военнаго стана. ***го гусарскаго полка, эскадрону имени подполковника Мечина досталось на аванпосты. Вытянувъ цѣпь и приказавъ кормить лошадей черезъ одну, офицеры расположились вкругъ огонька пить чай. Послѣ авангарднаго дѣла, за круговою чашею, радостно потолковать нераненому о томъ-о-семъ, похвалить отважныхъ, посмѣяться учтивости нѣкоторыхъ передъ ядрами. Уже разговоръ нашихъ аванпостныхъ офицеровъ примѣтно рѣдѣлъ, когда кирасирскій поручикъ князь Ольскій спрыгнулъ передъ ними съ коня.

— Здравствуйте, други!

— Добро пожаловать, князь! насилу мы тебя къ себѣ залучили: гдѣ пропадалъ?

— Задаются ли такіе вопросы? Обыкновенно: передъ своимъ взводомъ рубилъ, кололъ, побѣждалъ. Однако и вы, гусары, сегодня доказали, что не на правомъ плечѣ ментикъ носите: объявляю вамъ мою благодарность. — Между-прочимъ, вахмистръ, прикажи выводить и покормить моего Донца: онъ сегодня ничего не кушалъ, кромѣ пороховаго дыма.

— Послушай-ка, ваше сіятельство.

— Мое сіятельство ничего не слышитъ и не слушаетъ, покуда не выпьетъ глентвейну, безъ котораго ему ни свѣтло, ни тепло; давайте скорѣе стаканъ!

— Изволь! сказалъ ротмистръ Струйскій, но знай, что эта чара завѣтная: за нее ты долженъ приплатиться анекдотомъ.

— Хоть сотней! за ними дѣло не станетъ: я весь слѣпленъ изъ анекдотовъ, и разскажу вамъ одинъ изъ самыхъ свѣжихъ, со мной случившихся. За здоровье храбрыхъ, товарищи!

Какъ-то недавно у насъ не было дня съ-три ни крошки провіанта. Кругомъ, по милости вашей и казацкой, стало чисто какъ въ моемъ карманѣ, а на бѣду, тяжелую конницу фуражировать не пускаютъ. Что дѣлать? голодъ тѣмъ болѣе умножался, что во французской линіи слышалось гармоническое мычаніе быковъ, которое плачевнымъ эхомъ раздавалось въ пустомъ моемъ желудкѣ. Разсуждая о суетѣ мірской, лежалъ я, завернувшись буркою и грызъ сухарь, такъ-заплеснѣлый, что надъ нимъ можно бы было учиться ботаникѣ, такъ-черствый, что его надо было провожать въ горло шомполомъ. Вдругъ блеснула во мнѣ пресчастливая мысль. Сей часъ же ногу въ стремя и маршъ.

— Куда, спросили меня, ѣдешь ты на своей бѣшеной Бьотти?

— Куда глаза глядятъ.

— Зачѣмъ?

— Умереть, или пообѣдать! — отвѣчалъ я трагическимъ голосомъ, далъ шпоры, и показывая видъ, будто меня занесла лошадь, пустился птицею и скрылся изъ глазъ изумленныхъ моихъ товарищей. Они считали меня погибшимъ. Проскакавъ русскую цѣпь, я навязалъ на палашъ платокъ, который въ молодости своей бывалъ бѣлымъ, и поѣхалъ рысью.

— Qui vive? раздалось съ непріятельскаго пикета.

— Parlementaire russe! отвѣчалъ я.

— Halte-là!

Ко мнѣ подъѣхалъ унтеръ-офицеръ со взведеннымъ пистолетомъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали?

— Поговорить съ начальникомъ отряда.

— Для чего безъ трубача?

— Его убили.

Мнѣ завязали глаза, повели пѣшаго — черезъ три минуты я уже по обоянію угадалъ, что нахожусь подлѣ офицерскаго шалаша. Добрый знакъ! думалъ я: счастливый какъ-тутъ къ обѣду. Снимаютъ повязку — и я очутился въ компаніи полковника и человѣкъ осьми конно-егерскихъ французскихъ офицеровъ. Малый я незастѣнчивый.

— Messieurs! сказалъ я имъ, поклонясь весьма развязно: я не ѣлъ почти три дня, и зная, что у васъ всего много, рѣшился по рыцарскому обычаю положиться на великодушіе непріятелей, и ѣхать къ вамъ на обѣдъ въ-гости. Твердо увѣренъ, что французы не воспользуются этимъ, и не захотятъ, чтобы я за шутку заплатилъ вольностью. Да и много-ли выиграетъ Франція, если завладѣетъ коннымъ поручикомъ, котораго всѣ знанія и дѣйствія очерчиваются концемъ палаша?

Я не обманулся: Французамъ моя выходка понравилась, какъ нельзя больше. Они пировали со мной до вечера, нагрузили съѣстнымъ мой чемоданъ, и мы разстались друзьями, обѣщая при первой встрѣчѣ раскроить другъ-другу голову, отъ чистаго сердца.

— Не изъ печатнаго-ли это? спросилъ, усмѣхаясь

штабсъ-ротмистръ Ничтовичъ, который слылъ въ полку за великаго критика.

— Да хотя-бы изъ печатнаго, для тебя оно всетаки должно быть новостью! — отвѣчалъ Ольскій.

— А послѣ какого дѣла это случилось?

— Послѣ того самаго, гдѣ ты раненъ былъ — въ сапогъ.

Штабсъ-ротмистръ запилъ пилюлю, и напрасно теребилъ усы, ища отвѣта на отвѣтъ: на этотъ разъ остроуміе его осѣклось.

— Не раскажетъ-ли намъ чего нибудь Лидинъ? сказалъ подполковникъ, обращаясь къ молодому офицеру, который въ разсѣянности курилъ давно погасшую трубку.

— Нѣтъ, подполковникъ! мнѣ нечего разсказывать. Мой романъ занимателенъ для меня одного, потому-что обиленъ только чувствами, а не приключеніями. И признаюсь вамъ: теперь вы разрушили самый великолѣпный воздушный мой замокъ. Мнѣ мечталось, что я за отличіе уже произведенъ въ штабъ-офицеры, что я сорвалъ Георгія съ непріятельской пушки, что я возвращаюсь въ Москву, украшенный ранами и славою, что троюродный мой дядя, который старѣе Деидерскаго зодіака, умираетъ отъ радости, и я, богачъ, бросаюсь къ ногамъ милой, несравненной Александрины!

— Мечтатель! мечтатель! сказалъ Мечинъ.

— Но кто не былъ имъ? кто больше меня вѣровалъ въ вѣрность и въ любовь женскую? — Я разскажу теперь случай моей жизни, который тебѣ, милый Лидинъ, можетъ послужить урокомъ, если влюбленные могутъ учиться чужою опытностью; для васъ-же примолвлю, друзья мои, что это будетъ исторія медальона, о которомъ я давно обѣщалъ вамъ разсказать: послушайте!

Года за-два до компаніи, княжна Софія S. привлекла къ себѣ всѣ сердца и лорнеты Петербурга; Невскій бульваръ кипѣлъ вздыхателями, когда она прогуливалась; бенефисы были удачны, если она пріѣзжала въ театръ, и на балахъ надобно было

тѣсниться, чтобы на нее взглянуть, не говорю уже танцовать съ нею. Любопытство заставило меня узнать ее короче; самолюбіе подстрекнуло обратить на себя вниманіе Софіи, и ея любезность, образованный умъ и доброта сердца очаровали меня навсегда. Впрочемъ говорятъ, и я вѣрю, что любовь прилетаетъ не иначе, какъ на крыльяхъ надежды — я не даромъ въ княжну влюбился. Вы знаете, друзья, что природа влила въ меня знойныя страсти, которыми увлекаюсь въ радости — до восторга, въ досадахъ — до изступленія или отчаянья. Судитежъ, каково было мое блаженство при замѣченной взаимности! Я забредилъ идилліями; мнѣ вообразилось, что одинокая жизнь несносна, тѣмъ-болѣе, что родители Софіи смотрѣли на меня благосклоннымъ взоромъ. Со мною жилъ тогда первый мой другъ отставной маіоръ Владовъ, человѣкъ съ благородными правилами, съ пылкимъ характеромъ, но съ холодною головой.

Ты дурачишься, не разъ говорилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на мои восторги, избирая невѣсту изъ блестящаго круга. У отца княжны болѣе долговъ и прихотей, чѣмъ денегъ, и твоего имѣнія не надолго станетъ для женщины, привычной къ роскоши. Ты скажешь: ее можно перевоспитать на свой образецъ, ей только 17 лѣтъ отъ роду; но за-то, сколько въ ней предразсудковъ отъ воспитанья! Все возможно съ любовью! твердишь ты, но кто жъ увѣритъ тебя, что княжна вздыхаетъ отъ любви, а не отъ узкаго корсета, что она глядитъ въ глаза твои для тебя, а не для того, чтобъ глядѣться въ нихъ самой? Повѣрь мнѣ, что въ ту минуту, когда она такъ нѣжно разсуждаетъ объ умѣренности, о счастіи домашней жизни — мысли ея стремятся уже къ дамскому току или къ каретѣ съ бѣлыми колесами, въ которой блеснетъ она въ Екатерингофѣ, или къ новой шали, для показа которой тебя затаскаютъ по скучнымъ визитамъ. Другъ! я знаю твое раздражительное отъ самыхъ бездѣлокъ сердце, и въ княжнѣ вижу прелестную, прелюбезную женщину,

но женщину, которая любитъ жить въ свѣтѣ и для свѣта, и едва-ли пожертвуетъ тебѣ котильономъ, не только столичною жизнію, когда разсчеты или долгъ службы позовутъ тебя въ армію. За упреками настанетъ убійственное равнодушіе, и тогда — прости счастье!

Я смѣялся его словамъ, однако-жъ извѣдывалъ наклонности Софіи, и каждый день находилъ въ ней новыя достоинства, и съ каждымъ часомъ страсть моя возрастала. Между-тѣмъ я спѣшилъ объясненіемъ: мнѣ хотѣлось, чтобы княжна любила во-мнѣ не мундиръ, не мазурку, не острыя слова, но меня самаго, безъ всякихъ видовъ. Наконецъ я въ томъ увѣрился, и рѣшился. Наканунѣ предполагаемаго сватовства я танцовалъ съ княжною у графа Т., и былъ радостенъ, какъ дитя, упоенъ надеждою и любовью. Одинъ капитанъ, слывшій тогда за образецъ моды, досадуя, что Софія не пошла съ нимъ танцовать, позволилъ себѣ весьма нескромныя на ея счетъ выраженія, стоя за мною, и довольно громко. Кто осмѣливается обидѣть даму, тотъ возлагаетъ на ея кавалера обязанность мстить за нее, хотя бы она вовсе не была ему знакома. Я вспыхнулъ, и едва могъ удержать себя до конца кадриля, услышавъ его остроты на-счетъ княжны. Объясненіе не замедлило. Г. Капитанъ думалъ отыграться шутками, говорилъ, что онъ не помнитъ словъ своихъ. Но я, м. г., по несчастію, имѣю очень счастливую память. Вы должны просить на колѣняхъ прощенія у моей дамы, или завтра въ десять часовъ, волею или неволею увидитесь со мною на Охтѣ!

Вамъ извѣстно, что я не охотникъ до пробочныхъ дуелей: мы стрѣлялись на пяти шагахъ, и первый его выстрѣлъ, по жеребью, положилъ меня замертво. Какой-то испанскій поэтъ—имени и отчества не упомню, — сказалъ, что первый ударъ аптекарской иготи есть уже звонъ погребальнаго колокола: пуля вылетѣла насквозь въ сосѣдствѣ легкихъ; антоновъ огонь грозилъ сжечь сердце, но,

вопреки Лесажу и Мольеру, я выздоровѣлъ, съ помощію лекарей и пластырей, въ полтора мѣсяца. Блѣдность лица очень мила, но чтобы не показаться княжнѣ мертвецомъ, я умѣрилъ на нѣсколько дней свое нетерпѣнье, и уже оправясь полетѣлъ верхомъ къ князю на дачу. Сердце мое билось новою жизнію: я мечталъ о радостной встрѣчѣ моей съ Софіею, о ея смущеніи, объ объясненіи, о супружествѣ, о первомъ днѣ его... Полный восторговъ надежды, взбѣгаю на лѣстницу, въ переднюю залу — громкій смѣхъ княжны, въ гостиной, поражаетъ слухъ мой. Признаюсь, это меня огорчило. Какъ! та Софія, которая грустила, если не видала меня два дня, веселится теперь, когда я за нее слегъ въ смертную постелю! Я пріостановился у зеркала: послышалось, будто упоминаютъ мое имя, говорятъ о донъ-Кихотѣ; вхожу — молодой офицеръ, склонясь на спинку стула Софіи, разсказывалъ ей что-то въ полголоса и, какъ кажется, весьма дружески. Княжна ни сколько не смутилась: спросила меня съ холодною заботливостію о здоровьѣ, обошлась со мною, какъ съ старымъ знакомцемъ, но видимо отдавала преимущество своему сосѣду: не хотѣла понимать ни взглядовъ, ни намековъ моихъ о прежнемъ. Я не могъ придумать, что это значитъ, не могъ вообразить вины такой необыкновенной холодности, и напрасно искалъ въ ея взорахъ столь милой досады, дѣлающей сладостнымъ примиреніе: въ нихъ не было уже ни тѣни, ни искры любви. Иногда она украдкой бросала на меня вздляды, но въ нихъ прочиталъ я одно любопытство. Гордость зажгла во мнѣ кровь, ревность разорвала сердце. Я кипѣлъ, грызъ себѣ губы, и боясь, чтобы чувства мои не вырвались рѣчью, рѣшился уѣхать. Не помню, гдѣ скакалъ я по полямъ и болотамъ, подъ проливнымъ дождемъ — въ полночь воротился я домой безъ шляпы, безъ памяти.

— Жалѣю тебя! сказалъ Владовъ, меня встрѣчая: и прости укоръ дружбы, не предсказалъ-ли я, что домъ князя будетъ для тебя ящикомъ Пандоры.

Однако-жъ, на сильныя болѣзни надобны сильныя лекарства: читай!

Онъ отдалъ мнѣ свадебный билетъ — о помолвкѣ княжны за моего соперника!...

Бѣшенство и месть какъ молнія запалили кровь мою. Я поклялся застрѣлить его по праву дуели (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ), чтобы коварная не могла торжествовать съ нимъ. Я рѣшился высказать ей все, укорить ее... однимъ словомъ, я неистовствовалъ.

Знаете-ли вы, друзья мои, что такое жажда крови и мести! Я испыталъ ее въ эту ужаснѣйшую ночь! Въ-тиши слышно было кипѣніе крови въ моихъ жилахъ — она то душила сердце приливомъ, то остывала какъ ледъ. Мнѣ безпрестанно мечтались: громъ пистолета, огонь, кровь и трупы. Едва передъ утромъ забылся я тяжкимъ сномъ, ординарецъ военнаго министра разбудилъ меня:

— Ваше благородіе, пожалуйте къ генералу! Я вскочилъ съ мыслію, что вѣрно зовутъ меня на счетъ дуэли. Являюсь.

— Государь Императоръ — сказалъ министръ — приказалъ выбрать надежнаго офицера, чтобы отвезти къ генералу Кутузову, главнокомандующему южною арміею, важныя депеши: я назначилъ васъ — спѣшите! Вотъ пакеты и прогоны. Секретарь запишетъ на подорожной часъ отъѣзда. Счастливаго пути, г. курьеръ!

Телѣжка стояла у крыльца, и я очнулся уже на третьей станціи: великодушный Владовъ ѣхалъ со мною. Тутъ-то извѣдалъ я, что дружество утѣшаетъ, но не наполняетъ сердца, и дорога дальняя, вопреки общему мнѣнію, только разбила, но не разсѣяла меня.

Главнокомандующій принялъ меня отмѣнно ласково, и наконецъ уговорилъ остаться въ дѣйствующей арміи. Презрѣніе къ жизни довело меня до мысли о самоубійствѣ, но Владовъ своими совѣтами и нѣжнымъ участіемъ тронулъ меня. Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ, и онъ спасъ мою со-

вѣсть отъ двухъ убійствъ, мое имя отъ насмѣшекъ.

Я зналъ все, говорилъ онъ мнѣ, но не смѣлъ объявить тебѣ во-время болѣзни. Видя, что открылась тайна, и зная твой бѣшеный нравъ, я бросился къ секретарю военнаго министра, моему пріятелю, просилъ, умолялъ: тебя послали курьеромъ. Время лучшій совѣтникъ, и теперь признайся самъ: стоитъ ли пороху твой противникъ, стоитъ ли шуму твоя любезная, избравшая въ женихи человѣка безъ чести и правилъ, потому только, что онъ въ-тонѣ, что матушка ея замѣтила лишній противъ твоего нуль въ звончатыхъ титулахъ, человѣка, который рѣшился проиграть мнѣ брильянтовый перстень своей невѣсты, ея подарокъ.

Онъ отдалъ тогда мнѣ этотъ медальонъ.

Подполковникъ снялъ его съ груди и показалъ офицерамъ.

— Пусть мнѣ тупымъ кремнемъ отпилятъ голову, если я вижу тутъ что-нибудь, вскричалъ Ольскій: вся эмаль разбита въ дребезги!

— Провидѣніе, продолжалъ подполковникъ, сохранило меня отъ смерти на берегахъ Дуная, чтобъ долѣе послужить отечеству: пуля сплюснулась на портретѣ Софіи, но не пощадила его. Прошелъ годъ, и армія, по заключеніи мира съ Турками, двинулась на перерѣзъ Наполеону. Тоска и климатъ разстроили мое здоровье: я на мѣсяцъ отпросился на Кавказъ — искать цѣлительныхъ водъ для здоровья, живой воды для моего духа.

На другой день по пріѣздѣ я пошелъ съ тамошнимъ докторомъ отправить визиты.

Вы увидите, сказалъ докторъ, когда мы приближались къ одному домику, молодую, прекрасную особу, которая чахнетъ, бывъ жертвою брака по разсчету. Родители напѣли ей о счастіи пышности, а обиженное самолюбіе завлекло ее въ сѣти блестящаго негодяя и, обманутая минутною прихотью сердца, она кинулась въ его объятія. Что жъ вышло? Тетушка и матушка, искавшія въ женихѣ бо-

гатства, нашли одно хвастовство, необъятные долги и развратъ; онъ искалъ приданаго, и, обманутый обѣщаніями въ свою очередь, оказался во всей чернотѣ: измучилъ жену язвительными упреками, поведеніемъ вогналъ ее въ чахотку, и наконецъ, проигравши и промотавши все, бросилъ ее, ославивъ въ свѣтѣ. Теперь она пріѣхала сюда съ отцемъ, умереть подъ теплымъ кавказскимъ небомъ.

Я боялся обезпокоить ее посѣщеніемъ.

— О, нѣтъ! говорилъ докторъ; вѣдь чахотные умираютъ на ногахъ, и я имѣю правиломъ: коротать разсѣянностью время больныхъ, когда лекарствами не льзя продлить ихъ жизни.

Говоря такимъ образомъ, вошли мы въ комнату.

Это была Софія!...

Есть невыразимыя чувства и сцены. Я думалъ, что ненавижу Софію; увѣрялъ себя, что если судьба приведетъ мнѣ съ нею встрѣтиться, я заплачу за измѣну холоднымъ презрѣніемъ; но я узналъ, какъ-много любилъ ее, когда, вмѣсто гордой красавицы, увидѣлъ несчастную жертву свѣта, съ потухшими очами, съ смертною блѣдностью лица. На краю гроба исчезаютъ всѣ приличія, и когда Софія пришла въ чувство, рука ея была омочена моими слезами и поцѣлуями.

— Вы не клянете меня? Викторъ, ты меня прощаешь? сказала она раздирающимъ сердце голосомъ... благородная душа... ты сожалѣешь, видя меня такъ-жестоко наказанную за легкомысліе. Теперь я умру покойно.

Жизнь, какъ тлѣющая лампада отъ дуновенія, вспыхнула въ ней на нѣсколько дней чѣмъ-то бывалымъ. Но каково было мнѣ видѣть разрушеніе Софіи, слышать, какъ постепенно сокращалось ея дыханіе, чувствоватъ ея муки, переносимыя съ ангельскимъ терпѣніемъ!... Она гасла безъ ропота, обвиняя во всемъ себя одну. Друзья! друзья! я перенесъ много страданій, но ни одно мученье въ мірѣ не сравнится съ мукою: видѣть умирающую лю-

безную — ужасно и вспомнить. . Софія умерла на рукахъ моихъ!

Подполковникъ не могъ продолжать. Тронутые офицеры молчали, и даже съ рѣсницы ротмистра скатилась слеза на усъ, и съ него канула въ серебряный стаканъ съ глинтвейномъ.

Вдругъ послышался выстрѣлъ, другой, третій. Казаки съ ведетовъ неслися мимо эскадрона.

— Что, много-ли непріятелей? спросилъ торопливо ротмистръ, вспрыгнувъ на своего черкеса.

— Видимо-невидимо, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ урядникъ.

— Мундштучъ, садись! скомандовалъ подполковникъ: фланкеры! осмотрѣть пистолеты. Сабли вонъ! По три-на-лѣво заѣзжай! Рысью! маршъ!

ВТОРОЙ ВЕЧЕРЪ НА БИВУАКѢ.

Орудій заряженныхъ строй
Стоялъ съ готовыми громами;
Стрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали — и подъ ихъ рукой
Фитиль курился роковой.

Жуковскій.

Эскадронъ подполковника Мечина прикрывалъ двѣ пушки главнаго пикета, расположеннаго на высотахъ ***. Сырой туманъ стлался по окрестности, рѣзкій вѣтеръ проницалъ насквозь; офицеры лежали вкругъ дымнаго огня; конно-артиллерійскій поручикъ сидѣлъ на колесѣ орудія; подполковникъ, опершись на длинную саблю свою, стоялъ въ задумчивости. Всѣ молчали.

— Какое вещественное созданье человѣкъ! началъ штабсъ-ротмистръ Ничтовичь: каждая игрушка его тѣшитъ, каждая бездѣлица огорчаетъ. Малѣйшая боль разстроиваетъ нравственныя способности, и перемѣна погоды дѣйствуетъ на расположеніе его духа. Давно-ли мы были веселы, пѣли, рѣзвились: подулъ холодный вѣтеръ, и вмѣстѣ съ небомъ нахмурились наши брови, и говоруны сидятъ, будто въ Пиѳагоровой школѣ молчанія.

— Не ручаюсь за другихъ, возразилъ Лидинъ, но покуда старость и подагра не сдѣлали изъ меня ба-

рометра, погода не имѣетъ на меня никакого вліянія. Когда я доволенъ, — по-мнѣ хоть трава не рости: снѣгъ, градъ, дождь, вьюга — все праздникъ. Но ежели грустно на сердцѣ, то и свѣтлый день досаденъ. Тогда, кажется, будто всѣ веселы на зло мнѣ, и я становлюсь прихотливъ, какъ невѣста.

— Слѣдовательно, сказалъ штабсъ-ротмистръ, погода дѣйствуетъ на тебя въ обратномъ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе вліяніе ея существуетъ.

— Не думаю, отвѣчалъ Лидинъ: это чувство есть слѣдствіе внутреннихъ, а не внѣшнихъ ощущеній, и до тѣхъ-поръ будетъ имѣть мѣсто, покуда перевѣсъ останется на его сторонѣ. Напримѣръ: я люблю смотрѣть на играющую молнію, люблю слушать вой грозы и шумъ проливнаго дождя.... но почему люблю я это?

— Потому, что ты чудакъ, перебилъ штабсъ-ротмистръ; впрочемъ, какъ самъ изъясняешься, ты любишь не испытывать, а только смотрѣть, только слушать бурю, какъ Вернетову картину или Моцартову ораторію.

— Прошу извинить, г. штабсъ-ротмистръ, я люблю наслаждаться ею на чистомъ воздухѣ, въ лѣсу, на горахъ; но возвращаюсь къ причинѣ: я люблю это по пріятнымъ воспоминаніямъ, которыя родятся во мнѣ отъ бури. Однажды, напримѣръ — ахъ! для чего это было только однажды!...

— Для того, перебилъ Ничтовичъ, что въ Кургановой ариѳметикѣ весьма замысловато сказано: единожды единъ — единъ, а не два.

Всѣ засмѣялись, но Лидинъ съ улыбкою продолжалъ:

— Надѣюсь, г. штабсъ-ротмистръ проститъ мнѣ это восклицаніе: оно вырвалось изъ сердца, а сердце плохой ариѳметикъ.

— Не знаю, каково твое, отвѣчалъ смѣючись Ничтовичъ: но мое даже подъ ядрами такъ вѣрно отсчитываетъ шестьдесятъ секундъ въ минуту, какъ патентовые часы.

— Во время сраженія мнѣ нѣкогда было зани-

маться повѣркой своего пульса, хладнокровно замѣтилъ Лидинъ.

Это замѣчаніе задѣло за-живое штабсъ-ротмистра: онъ уже съ примѣтною досадой спросилъ:

— Конечно ты за эскадрономъ въ замкѣ строилъ воздушные замки?

— Дурная игра словъ, Ничтовичъ! сказалъ подполковникъ дружески, желая замять ссору, которая бы навѣрное кончилась саблями: пустая игра словъ; да и предметъ ея не слишкомъ хорошій. Вы подсмѣиваетесь другъ надъ другомъ на счетъ отваги; но я желаю знать, кто бы изъ всей арміи осмѣлился подумать, не только сказать, что въ нашемъ эскадронѣ есть кто-нибудь двусмысленной храбрости.

— Пусть мнѣ французскій флейщикъ передъ разводомъ выбрѣетъ усы, если это не правда! вскричалъ ротмистръ Струйскій, который, лежа на попонѣ, казалось, слушалъ только какъ растетъ трава. Вамъ грѣшно, господа, въ нашей беззавѣтной бесѣдѣ говорить колкости, или обращать шутки въ дѣло.... Ну, други, мировую!... А если вы не поцѣлуетесь, то ты, Лидинъ, не зови меня никогда въ секунданты, а ты, Ничтовичъ, впередъ не узнаешь, длинны или коротки стремена на моемъ Черкесѣ, когда нужно будетъ понаѣздничать.

— Помилуй, Струйскій, съ чего ты взялъ, будто мы ссоримся, сказалъ Ничтовичъ, подавая Лидину руку.

— Ну, полно, полно! продолжалъ ротмистръ: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Я это всегда говорю своимъ заимодавцамъ, сказалъ Лидинъ; но уважая ротмистра.... онъ сжалъ руку Ничтовича.

— Надѣюсь однако-жъ, что анекдотъ, который начался такимъ романтическимъ восклицаніемъ, имъ не кончился, и Лидинъ доскажетъ его друзьямъ своимъ? сказалъ Мечинъ.

— О, безъ-сомнѣнія, подполковникъ! я такъ лю-

блю говорить о милой Александринѣ, что очень радъ случаю.

— Воля твоя, Лидинъ, возразилъ подполковникъ: ты сбиваешься въ происшествіяхъ. Сохраняя все уваженіе къ дамѣ твоего сердца, кажется, дѣло шло не объ ней, а объ ненастной погодѣ.

— Имѣйте немного терпѣнія, г. подполковникъ, и оно приведетъ насъ къ тому же.... Надобно вамъ знать, друзья мои, что живучи въ златоверхой Москвѣ, влюбился я....

— Знаемъ, знаемъ въ кого и у кого, какъ по формулярному списку, подхватилъ Ничтовичъ: благодаря твоей нѣжности, я могу описать ея ростъ, лѣта и примѣты, до послѣдняго родимаго пятнышка, какъ въ зеркалѣ. Ты намъ объ ней наговорилъ столько....

— Объ ней можно говорить, можетъ быть, *слишкомъ много*, но *довольно* наговориться объ ней нельзя. Ты не знаешь этого ангела, Ничтовичь, и потому скучаешь разсказомъ; но спроси у ротмистра, какъ она прелестна собой, какъ мила со всѣми, какъ любитъ просвѣщеніе, словесность....

— Бьюсь объ-закладъ, вскричалъ Ничтовичъ, что она хвалила стишки, которые написалъ ты ей въ альбомъ! —

— Какъ умна, какъ чувствительна!...

— Къ теплу и холоду, прибавилъ ротмистръ, одувая фитиль, которымъ сбирался закурить свою трубку.

— Вы вѣчно шутите, Струйскій; но что она любезна въ самомъ-дѣлѣ, это больше всего доказывается вѣрностію такого вѣтреника, каковъ я.

— Признаться, мудрено на бивуакахъ сыскать и случай для измѣны, примолвилъ ротмистръ: тѣмъ болѣе, что изъ женскаго пола здѣсь никого и ничего нѣтъ, кромѣ этой пушки.

— Это единорогъ, замѣтилъ артиллерійскій офицеръ.

— Тѣмъ еще безопаснѣе! отвѣчалъ ротмистръ.

— Но тѣмъ-хуже, что вы не даете мнѣ досказать моей повѣсти.

Подполковникъ, шутя, возгласилъ: смирно! и по долгомъ смѣхѣ, Лидинъ продолжалъ:

Я уже познакомился со всею роднею Александрины: ласкался къ матушкѣ, ухаживалъ за отцомъ, хвалилъ собакъ и пристяжныхъ братца, слушалъ роговую музыку дядей и, что всего несноснѣе, пересуды тетушекъ. Гостепріимство есть всегдашняя добродѣтель моихъ земляковъ, и наконецъ меня пригласили пріѣхать къ нимъ въ подмосковную. Нужно-ли сказывать, что я провелъ тамъ день, какъ въ раю, что мнѣ удалось говорить съ нею наединѣ, что я былъ неловокъ и смѣшонъ въ то время, будто юнкеръ, который не въ формѣ попался своему генералу; что у меня, наконецъ, вырвались кой-какіе намеки, и что меня слушали благосклонно. Ввечеру надобно было ѣхать тѣмъ ранѣе, что они сами сбирались въ городъ. Я раскланялся, со вздохомъ взлѣзъ на дрожки, и чрезъ минуту облако пыли скрыло отъ меня замокъ Армиды.

На дорогѣ я завернулъ въ деревню къ пріятелю. Черезъ-часъ выѣзжаю, и вообразите мое счастье: встрѣчаю дормезъ, везомый шестью заслуженными конями, и въ этомъ степенно-колыхающемся дормезѣ — Александрину со всѣмъ причетомъ. Между тѣмъ небо оболоклось тучами, началъ накрапывать дождикъ, и молнія заиграла во всѣхъ углахъ горизонта. Въ такую погоду ѣхать въ каретѣ выгоднѣе, чѣмъ на дрожкахъ — было первою моею мыслью; но быть вмѣстѣ съ нею, такъ близко подлѣ нея, вотъ что очаровало мое воображеніе до такой степени, что я бы отдалъ треть моей жизни за прокатъ въ этомъ полинявшемъ дормезѣ. Но какъ залетѣть въ него? Мы еще не такъ коротко знакомы, чтобъ они могли меня пригласить, а приговориться къ этому совѣстно. Однако жъ попытаемся. Проѣзжая мимо, я заговорилъ о грозѣ, о бѣшеныхъ лошадяхъ моихъ, но это не помогло: отецъ спросилъ только, съ какого онѣ завода? а мать пожелала мнѣ сча-

стливаго пути. Препятствія поджигаютъ желанья, и я рѣшился на отважную выходку. — Пошелъ во всѣмъ! — Я и то на-силу держу коней, отвѣчалъ мой кучеръ: если ихъ пустить, они растреплютъ насъ. — Пошелъ, говорю я: не разсуждать, а дѣлать! — и съ этимъ словомъ вся тройка подхватила бить, понеслась — и дрожки, звѣня, запрыгали по кочкамъ и выбоямъ, вправо, влѣво, подъ гору, и на поворотѣ прямо на камень — кракъ — ось пополамъ, колесо въ дребезги, и я вмѣстѣ съ кучеромъ отлетѣлъ сажени на три въ ровъ.

Къ-счастію, кучеръ вывихнулъ себѣ только носъ, а я *лишь крылышко помялъ*, но лежалъ недвижимъ изъ притворства, чтобы сдѣлать занимательнѣе сцену. Черезъ двѣ минуты открываю глаза — и вижу Александрину въ обморокѣ отъ испуга: мать оттираетъ ее спиртомъ, а отецъ окуриваетъ меня сѣрными спичками. Одно меня тронуло, другое разсмѣшило. Скоро все пришло въ порядокъ, и вотъ, послѣ многихъ распросовъ, приглашеній и отговорокъ, я влѣзаю, охая, въ карету, разсыпаюсь въ благодареньяхъ и внутренно радуюсь своей хитрости. И вотъ наконецъ я подлѣ милой Александрины!... У меня занялся духъ. Темнѣло, дождь лилъ ливмя, карета, вслѣдствіе моего трактата объ электричествѣ и опасности въ грозу скоро ѣздить, двигалась шагомъ; отецъ и мать дремали, и только при сильныхъ ударахъ грома пробуждались: одинъ, чтобы зѣвнуть, другая, чтобъ испугаться. Александрина молчала, а я не смѣлъ говорить, потому-что голосъ мой дрожалъ, какъ ненатянутая квинта; за-то я не сводилъ глазъ съ прелестнаго лица своей сосѣдки, ловилъ каждую черту, каждое выраженіе, каждый абрисъ его, исчезающій въ темнотѣ, каждый взоръ, когда молнія облескивала внутренность кареты. Я вдыхалъ какую-то томную свѣжесть съ щекъ ея, я слышалъ біеніе ея сердца, я чувствовалъ, какъ мое неровное дыханіе колебало ея локоны. Друзья мои! я молодъ, но я жилъ, я чувствовалъ, я наслаждался, но никогда не испытывалъ высшаго насла-

жденія, какъ въ этотъ разъ! Однимъ словомъ, когда есть счастіе въ жизни — я былъ счастливъ, потому что не имѣлъ никакого желанія!! Неужели, Ничтовичъ, ты будешь спорить, что буря не можетъ доставить удовольствія по воспоминаніямъ?

— Сушиться отъ дождика воспоминаніями или, что еще хуже, для нихъ мокнуть, для меня столько же смѣшно, какъ увѣреніе, будто скучать — весело! Что касается до меня, не согрѣтаго пылкимъ воображеніемъ, я бы промѣнялъ теперь двѣ дюжины золотыхъ своихъ поминокъ на рюмку бургонскаго.

— Я васъ беру на словѣ, штабсъ-ротмистръ, сказалъ артиллерійскій офицеръ: за виномъ дѣло не станетъ. Эй, фейерверкеръ! принеси сюда изъ заряднаго ящика двѣ бутылки, тѣ, которыя лежатъ въ крышкѣ на лѣвой сторонѣ.

— Да здравствуетъ артиллерія! воскликнулъ Струйскій, отбивая саблей бутылочное горлышко: ну, кто бы иной умудрился соединить въ одно мѣсто и смертные снаряды и жизненные припасы? Теперь предлагаю тостъ за твою Александрину!

Лидинъ положилъ руку на сердце, высоко поднялъ стаканъ, по-рыцарски вынилъ его и разбилъ въ-дребезги о шпору.

— Прошу извинить, господа, что я разбилъ послѣдній хрустальный стаканъ: теперь уже здоровье чужой красавицы не затускнитъ его, какъ въ моемъ сердцѣ не изгладится образъ моей невѣсты?

Бургонское оживило зябнущихъ офицеровъ, донышко серебрянаго стакана сверкало вновь и вновь, и похвала вину не переставала.

— Какая тонкость! говорилъ ротмистръ, высасывая послѣднюю каплю.

— Какой букетъ! сказалъ Ничтовичъ, нюхая опорожненную бутылку.

— Вотъ, Лидинъ, такое благовонное воспоминаніе — пріятно!

— Это вино, сказалъ артиллеристъ, доставляетъ мнѣ еще пріятнѣйшее воспоминаніе, которое дѣлаетъ честь великодушію женскаго пола, — воспо-

минаніе, за которое едва не заплатилъ я жизнію. Если господамъ угодно будетъ послушать хоть краемъ уха, я разскажу, какъ это случилось.

Три дня тому назадъ, я былъ посланъ фуражировать въ окрестности Сенъ-Дизье. Непріятеля близко не чаяли, и потому мнѣ дали только пять человѣкъ ѣздовыхъ. Я отправился прямо въ деревню Восюръ-Блезъ, гдѣ уже два раза проходила и стояла наша рота, и гдѣ жители принимали насъ очень ласково. Братская привязанность привлекала меня къ Генріетѣ, дочери мера: она премиленькое, преневинное созданье. Меня утѣшали ея дѣтская откровенность, ея неизмѣнно-веселый нравъ. Бывало, когда я задумаюсь, она рѣзвилась вокругъ меня, и шутя разглаживала морщины на лбу моемъ.

— Развеселись, добрый Русскій! говорила она, и я невольно улыбался ея привѣтливости, и въ ея свѣтлыхъ глазахъ искалъ—и находилъ забвеніе всего непріятнаго. Генріета выбѣжала и тогда меня встрѣтить, играла съ моею лошадью, пѣла, прыгала, какъ ребенокъ, и наконецъ унесла у меня саблю. Мера, отца ея, не было дома. Пославъ за нимъ канонера, я велѣлъ остальнымъ кормить коней и присматривать фуража, а самъ пошелъ на верхъ, въ обыкновенную свою комнату. Мнѣ принесли вина; но я едва выпилъ стаканъ его, едва успѣлъ сѣсть на канапе, какъ глаза мои сомкнулись, голова упала — я погрузился въ глубокій сонъ. Не помню, долго ли спалъ я, утомленный переходами и двухдневною безсонницей; знаю только, что я пробудился отъ голоса, который называлъ меня по имени. Открываю глаза: Генріета, блѣдная, трепещущая, стояла надо мною.

— Бѣги, Русскій! сказала она замирающимъ голосомъ. Спасайся, или тебя убьютъ! уже все готово... они собрались... твои солдаты заперты... Но я погибла, если узнаютъ. Бѣги, умоляю тебя, бѣги!...

И Генріета исчезла, какъ привидѣніе. — Русскому офицеру бѣжать! нѣтъ, этого не будетъ! Я вско-

чилъ, кипя гнѣвомъ, заткнулъ за портупею пистолеты и потихоньку сошелъ внизъ. Въ залѣ слышались многіе голоса... прикладываю ухо: одни хотѣли убить насъ, другіе совѣтовали отдать въ плѣнъ своему отряду, который, по ихъ словамъ, долженъ быть недалеко.

— Чего вы боитесь, говорилъ меръ, отомстить смертью за гибель отцовъ вашихъ и братьевъ, погубленныхъ Русскими? И почему эти будутъ счастливѣе другихъ, впадавшихъ къ намъ въ руки? Если вы не отдѣлаетесь отъ этихъ — эти проложатъ дорогу тысячамъ грабителей, и ваши запасы, ваши драгоцѣнности не на-долго скроются подъ кровлею церкви отъ ихъ поисковъ. Впрочемъ, умертвить ихъ необходимо для собственной безопасности, потому-что одна смерть можетъ ручаться за тайну: иначе, они изъ самаго плѣна накличутъ на насъ мщеніе своихъ!

Судите, каково мнѣ было слушать этого оратора; но я, обрадованный открытіемъ запаснаго ихъ магазина, рѣшился на все, только бы доставить ротѣ фуража, тѣмъ-скорѣе, что у насъ такой былъ въ немъ недостатокъ, что солдаты кормили лошадей хлѣбомъ, котораго и сами они не ѣли до-сыта. Вхожу... и если бы Конгревова ракета упала тогда между заговорщиками, то вѣрно бы она перепугала ихъ менѣе моего появленія.

— Г. меръ, сказалъ я: какой-то шалунъ, вѣроятно ошибкой, заперъ въ конюшнѣ солдатъ моихъ — прикажите ихъ отомкнуть, да теперь же, сей-часъ, сію минуту!

Грозящій взглядъ, брошенный на безоружныхъ храбрецовъ и движеніе руки моей къ пистолету, увѣрили ихъ, что я не шучу.

— Прошу впередъ, безъ церемоніи... И вотъ, между толпою зѣвакъ, въ конвоѣ ѣздовыхъ моихъ, я двинулся къ церкви.

— Звонарь! отпирай; а вы, господа, возьмите свѣчки, проводите меня на чердакъ и подивитесь чутью Русскихъ.

Между-тѣмъ я поставилъ двухъ рейтаровъ у входа, еще двухъ на разныя дороги, съ приказаніемъ по первому выстрѣлу скакать одному въ дивизіонный штабъ, другому въ роту, и объявить объ опасности. Съ остальными взобрался я на верхъ. Представьте себѣ, что закромы насыпаны были овсомъ и житомъ до кровли; все лучшее имѣніе поселянъ было снесено туда же. Куча сундуковъ, ящиковъ, парчей, золотыхъ и серебрянныхъ вещицъ, но что всего болѣе поразило меня — это были русскія ружья, кивера, уланскія пики, сабли, каски — вѣроятно, несчастныхъ земляковъ нашихъ, заплатившихъ жизнію за неосторожность. Я содрогнулся, но изслѣдованіе было не у мѣста. Въ это время поселяне, воображая, что мы станемъ грабить ихъ драгоцѣнности, взволновались, ударили въ набатный колоколъ, и съ воплями окружили церковь. Крикъ: à bas les Russes! mort aux brigands! вызвалъ меня на колокольню, и я насилу могъ добиться, чтобъ меня выслушали.

— Французы! сказалъ я, мы въ вашей власти; но вашъ пасторъ, вашъ меръ въ моей, и они жизнію заплатятъ за малѣйшее насиліе, да и мы четверо не даромъ продадимъ свою. Этого мало: часовые мои дадутъ знать о томъ въ армію, и мщеніе Русскихъ разразится надъ вашими головами. Я пришелъ не грабить ваше имущество, но взять не много овса и хлѣба, за что Государь нашъ заплатитъ по моей роспискѣ. Отвѣчаю жизнію, что все до послѣдняго волоса будетъ цѣло.

Это успокоило поселянъ. Я велѣлъ меру приказать въ полчаса доставить восемь подводъ, и нагрузивъ на двѣ оружія, чтобы не оставить имъ средства къ вооруженію, а на прочія шесть овса, хлѣба и немного вина, отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ роту. Проводивъ глазами обозъ мой, я спустился съ опасной каѳедры своей, простился съ ропщущими жителями и, поблагодаривъ поклономъ великодушную Генріету, поскакалъ назадъ. Французы вошли въ Во-сюръ-Блезъ на нашихъ хвостахъ...

— Кто идетъ? закричалъ часовой гусаръ на ближнемъ ведетѣ: стой, или убью!

— Ему тихо отвѣчали пароль и лозунгъ. Это былъ ихъ поручикъ Волгинъ, ѣздившій осматривать цѣпь.

— Г. подполковникъ! пикеты и ведеты стоятъ исправно. У непріятеля движеній никакихъ не видать.

— Нѣтъ ли чего новаго? не слышно ли объ дѣлѣ? спросили Волгина вдругъ всѣ офицеры.

— Радуйтесь, господа — отвѣчалъ поручикъ, не слѣзая съ коня, — я привезъ къ вамъ добрыя вѣсти. Наполеонъ уже въ Сенъ-Дизье и нашему маленькому корпусу достанется честь задержать всю армію, которая на насъ опрокинется, покуда союзники идутъ на Парижъ. Говорятъ, у Государя навернулись слезы, когда онъ простился съ нами! Друзья! врядъ ли намъ выстоять живыми, за-то объ насъ вспомнятъ въ Россіи, и отъ насъ поплачутъ во Франціи.

— Слава Богу, сказалъ радостно подполковникъ.

— Будетъ гдѣ позвенѣть саблями! воскликнулъ Струйскій. Смотрите, г. артиллеристъ не выдавайте насъ.

— Не бойтесь, ротмистръ! пылко отвѣчалъ артиллерійскій офицеръ: мои канонеры не разъ дрались банниками и даромъ не сожгутъ ни зерна пороху. Только вы, когда у меня не станетъ картечь, подѣлитесь со мною подковами и пуговицами — ихъ много на вашихъ доломанахъ, а тамъ будетъ довольно тепло, чтобы драться на распашку. Впрочемъ, когда до того дойдетъ дѣло, я буду стрѣлять послѣдними своими франками!

Офицеры шумѣли и радовались, будто наканунѣ гулянья; забытый ими огонь спадалъ, и только вздуваемый вѣтромъ сыпалъ искры и порою освѣщалъ дремлющихъ гусаръ, половину верхами, половину у ногъ коней.

— Отъ чего вы такъ грустны? съ участіемъ спросилъ Лидинъ у подполковника, который неподвижно

стоялъ, опершись на длинную саблю свою, ничего не видя и не слыша.

— Я неизлечимо боленъ воспоминаніемъ тяжкихъ потерь моихъ, отвѣчалъ онъ. И теперь, добрый мой Лидинъ, мнѣ казалось, будто я бесѣдую съ другомъ моимъ Владовымъ, и послѣднее наше свиданіе ожившлось передъ глазами моими. Это было передъ Кацбахскимъ сраженіемъ. Какъ теперь, дулъ холодный вѣтеръ отъ сѣвера; какъ теперь, туманъ стлался въ лощинахъ, и мы съ Владовымъ, покрытые одною буркой, безмолвно лежали у огонька.

— Вѣришь ли ты предчувствіямъ? спросилъ онъ меня.

Я улыбнулся.

— Другъ мой, продолжалъ Владовъ, ты знаешь, суевѣренъ ли я; ты видалъ, боюсь ли я смерти; но теперь, какой-то неотступный голосъ твердитъ мнѣ: ты будешь убитъ!...

Голосъ, которымъ говорилъ Владовъ, навелъ на меня ужасъ...

Впрочемъ, если это предчувствіе необманчиво — я радъ, жизнь истомила меня. Не удивляйся, Мечинъ, что другъ твой, сбросивъ съ себя покровъ шуточной философіи, окажется теперь въ мрачномъ своемъ видѣ. Я не хотѣлъ двоить тоски твоей своею; но теперь, на порогѣ смерти, открою тебѣ всю душу свою... Слушай: я любилъ — это еще не рѣдкость, — мнѣ измѣнили, Мечинъ, и это весьма обыкновенная вещь; но надобно было любить какъ я, чтобы почувствовать, подобно мнѣ, всю жестокость измѣны. Другъ! я бы простилъ это неопытной дѣвушкѣ, которая при первомъ трепетаніи сердца, при первомъ румянцѣ щекъ увѣряетъ себя, будто она любитъ — и глаза ея говорятъ то, что она когда-нибудь почувствуетъ. Я бы могъ простить это вѣтреной кокеткѣ, которая изъ тщеславія, или для забавы, твердитъ каждому недурному собой: люблю тебя! Но могу ли извинить дѣвушку, исполненную свѣтлаго ума, далекую отъ всѣхъ предразсудковъ, одаренную всѣми качествами, всѣми

прелестями и душой, открытой для чувствъ возвышенныхъ!... Сходность мнѣній насъ сблизила, пламень сердецъ и мечтательность породили любовь. Я уже позабылъ нарѣчіе любви, и потому скажу просто: мы любились, мы разумѣли другъ-друга, насъ одно радовало, одно огорчало... и не-разъ слышалъ я увѣренія, что она можетъ быть счастливою только со мной. И этотъ идеалъ моей фантазіи — плѣнился генеральскими эполетами, и этотъ-то ангелъ на землѣ, она — имѣла столько коварства, чтобы скрывать это; имѣла рѣшимость меня обманывать, и въ то время, когда готовилась отдать мнѣ руку — сердце ея принадлежало уже другому. Другъ! это опрокинуло мою нравственность; я безумствовалъ, и съ этихъ поръ возненавидѣлъ женщинъ. И можно ли довѣрять имъ счастіе жизни, когда ихъ мнѣнія, ихъ желанія, ихъ страсти — основаны на прихоти? Для нихъ сотворены моды, а не чувства; онѣ умѣютъ нравиться, но не любить; имъ незнакомо высокое ощущеніе—быть любимой человѣкомъ съ благороднымъ характеромъ... Съ тѣхъ-поръ прошло много времени; бывало, иногда, я забывался сномъ надежды подлѣ милой красавицы; бывало, какое-то сладостное чувство просыпалось вновь въ груди моей, но разумъ шепталъ: вспомни ее, и я отрывалъ отъ сердца льстивую мечту и, испуганный, бѣжалъ далеко, далеко, куда глаза глядятъ, покуда безнадежность вновь не охватывала сердца.

Я желалъ отдохнуть душою между людьми, къ которымъ принесъ братскую довѣренность и весь жаръ быть полезнымъ имъ. И что же? люди отравили остатокъ моего покоя. Однимъ словомъ, Мечинъ, кто испыталъ измѣну прелестной, можетъ быть, наилучшей изъ женщинъ, тотъ вѣрно презираетъ и любовь и ненависть женщинъ; кому случалось часто видѣть и разглядѣть вблизи низость и ничтожество мужчинъ, тотъ вѣрно потерялъ уваженіе къ человѣчеству, а безъ этого жить тяжело, несносно.

На-утро мы были въ-дѣлѣ. Полкъ три раза хо-

дилъ въ атаку, но Владовъ остался невредимъ. Мой эскадронъ послали между-тѣмъ преслѣдовать сбитаго непріятеля. Возвращаясь къ полку, я отсталъ отъ фронта, чтобы прямикомъ проѣхать въ штабъ съ рапортомъ. Смотрю — подлѣ дороги лежитъ раненый гусарскій офицеръ: я спѣшу къ нему — и что жъ?... это Владовъ. Рядомъ съ нимъ поверженъ былъ убитый конь его. Онъ самъ, опершись на обломокъ сабли, глядѣлъ на кровь, которою исходилъ. Глаза его стали, лице подернулось смертною синевой. Мой вопль возбудилъ друга: онъ приподнялъ голову, улыбнулся, хотѣлъ подать мнѣ окровавленную руку, — но она упала, какъ свинцовая.

— Другъ! сказалъ онъ тихо... мое предчувствіе сбылось — мое желаніе исполняется, я умираю...

Онъ замолкъ; кровь проступала сквозь ментикъ; я отъ ужаса и сожалѣнія не могъ промолвить слова.

— Смотри, сказалъ онъ опять, смотри, Мечинъ, какъ капля-по-каплѣ источается во мнѣ жизнь, какъ постепенно густѣетъ и холодѣетъ кровь моя: еще капля, еще минута — и меня не станетъ! Люди говорятъ, будто умирать тяжело; но прошедшее и будущее принадлежатъ не намъ, а терять настоящее уже ли мы не привыкли?...

Онъ стихалъ; я плакалъ на взрыдъ, — и могъ ли не плакать я, когда мой ангелъ-утѣшитель, тотъ, который былъ для меня все на свѣтѣ, покидалъ меня?

— Не плачь! продолжалъ онъ, тяжко переводя духъ: не жалѣй меня, потому-что на землѣ я жалѣю только о дружбѣ. Я не умѣлъ жить, за то умѣю умереть...

Въ это время я подложилъ ему подъ голову ташку свою, чтобы ему было покойнѣе... и глаза Владова засверкали, упавъ на вышитаго орла.

— Россія!... родина!... вскричалъ онъ... Мечинъ! прости...

МОРЕХОДЪ НИКИТИНЪ.

(Быль.)

A sail, a sail — a promised prise to hope!
Her nation, flag? what speaks the telescope?
She walks the waters like a thing of life
And seems to dare the elements to strife
Who would not brave the battle fire, the wreck,
To move the monarch of her peopled deck?*

BYRON.

Въ 1811 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, изъ устья Сѣверной-Двины выходилъ въ море небольшой карбасъ. Надо вамъ сказать, что въ 1811 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, точно такъ же какъ въ настоящемъ 1834 году, до котораго мы дожили по милости Божіей и по увѣренію календаря Академіи, старушка Сѣверная-Двина выливала огромный столбъ водъ своихъ прямо въ Сѣверный-Океанъ, споря дважды въ день съ приливомъ, который самымъ безсовѣстнымъ об-

* Корабль, корабль! — надежда на призъ! Какой онъ націи, подъ какимъ флагомъ? Что говоритъ зрительная труба? онъ, идетъ по волнамъ какъ одушевленный; онъ кажется, вызываетъ на бой стихіи. Кто побоится огня, воды, чтобъ только пройтись властелиномъ по этому многолюдному деку!

разомъ вторгался въ ея завѣтные омуты, и превращалъ ея сладкія, благородныя струйки въ простонародный разсолъ, годный развѣ для трески. Обязанъ я вамъ и объяснить, по долгу литературной совѣсти, что карбасомъ, въ тѣ-поры, какъ доселѣ, называлось судно шаговъ 18 длин., на 6 ширины, съ двумя мачтами однодревками, полусшитое корнями, полусбитое гвоздями, изъ которыхъ едва-ль пятая часть были желѣзные. Палубы на карбасѣ обыкновенно не полагалось, на кормѣ и на носу небольшіе навѣсы образовали конурки, гдѣ, на кучахъ клади, только русская спина, и только одна спина, могла ютиться, скрутясь въ три-погибели. Въ слѣдствіечего, какъ вы сами усмотрѣть благоизволите, въ середину судна бѣлый свѣтъ и безцвѣтная вода, сверху и снизу, справа и слѣва, могли забѣгать и проживать безданно, беспошлинно. Посудина эта, или выражаясь учтивѣе, этотъ корабль.... а слово «корабль», замѣтьте, произвожу я отъ «короба», а коробъ отъ «коробить», а коробить отъ «горбить», а горбъ отъ «горы» — надѣюсь, что это ясно; какіе-то подкидыши этимологи производятъ «корабль» отъ какого-то греческаго слова, котораго я не знаю, да и знать не хочу; но это напраслина, это ложь, это клевета, выдуманная какимъ-нибудь продавцемъ грецкихъ орѣховъ: я, какъ вы изволите видѣть, коренной Русской, происхожу отъ русскаго корня и выросъ на русскихъ кореньяхъ, за исключеніемъ биквадратныхъ, которые мнѣ пришлись не по-зубамъ, и потому, за секретъ вамъ скажу, терпѣть не могу ничего заморскаго и ничему иностранному не вѣрю. — И такъ этотъ корабль, то есть, этотъ карбасъ, весьма походилъ на ладію, или лодку, древнихъ Нордманновъ, а можетъ-статься и Аргонавтовъ, и доказывалъ похвальное постоянство Русскихъ въ корабельной архитектурѣ; но съ тѣмъ-вмѣстѣ доказывалъ онъ и ту истину, что мы съ неуклюжими карбасами наслѣдовали отъ предковъ своихъ Славено-Руссовъ отвагу, которая бы сдѣлала честь любому hot pressed, силой завербо-

ванному моряку, танцующему подъ свистокъ на лощеной палубѣ англійскаго man of war, линейнаго корабля или, спѣсивому *Янки*, бѣгущему крѣпить штыпъ-болтъ по реѣ американскаго шунера *.

Да-съ! Когда вздумаешь, что русской мужичокъ-промышленникъ, мореходъ, на какой-нибудь щепкѣ, на шитикѣ, на карбасѣ, въ кожаной байдарѣ, безъ компаса, безъ картъ, съ ломтемъ хлѣба въ карманѣ, плывалъ, хаживалъ на Грумантъ, — такъ зовутъ они Новую-Землю, — въ Камчатку изъ Охотска, въ Америку изъ Камчатки, такъ сердце смѣется, а по кожѣ мурашки бѣгаютъ. Около свѣта оноясать? Копѣйка! Послушайте, какъ онъ говоритъ про свои странствія, про которыя бы Французы и Англичане и въ пѣсняхъ не напѣлись, и въ колокола не назвонились, и вы убѣдитесь, что труды и опасности для него игрушка. «Забрались мы къ Гебридскимъ, да оттуда *на перевалъ* въ Бразилію, въ золотое царство махнули. Изъ Бразиліи *перетолкнулись* въ Камчатку, а оттоль вѣдь на Ситку-то *рукой подать!*» Вотъ этакихъ удальцовъ подавай мнѣ, — и съ ними хоть за живой водой посылай! Океанъ встрѣлся? — океанъ шапками вычерпаемъ. Песчаное море? — какъ тавлинку вынюхаемъ! Ледяныя горы? — вмѣсто леденца сгрызешь! Гдѣ жъ эта сударыня—невозможность запропастилась? Выходи, — авось на подметки намъ пригодишся! Подъ кѣмъ добрый конь авось-масти, тому лѣсъ не лѣсъ, рѣка не рѣка: куда ни поскачетъ — дорога, гдѣ ни обернется — просторъ. На кита, такъ на кита — экая невидаль, зубочисткой заострожимъ! На бѣлаго медвѣдя? щелчкомъ убьемъ, а въ красный часъ, и лукавой подъ руку не подвертывайся. Намъ ужъ не впервые на зубахъ у него гвозди ковать, въ носъ колечко вдѣвать. Правду сказать, Русакъ тяжелъ на подъемъ, раскачать его трудно: за то ужъ какъ пойдетъ, такъ въ самоходахъ не догонишь.

* Въ насмѣшку Англичане называютъ Сѣверо-Американцевъ — *Yankee*.

Куда лѣниво говоритъ онъ первое: «Ась?» Но когда послѣ многихъ: «Да на что мнѣ это! Да къ чему мнѣ это! живетъ и такъ; какъ нибудь промаячимъ!» — доберется онъ до: «Нешто, попытаемъ!» да «Авось сдѣлаемъ,» — такъ раздайтесь, разступитесь: стопчетъ, и поминай какъ звали! Онъ вамъ перехитритъ всякаго Нѣмца на каѳедрѣ, разобьетъ Француза въ полѣ, и умудрится на заводѣ лучше любаго Англичанина. Не вѣрите? — окунитесь только въ нашу словесность, рѣшитесь прочесть съ начала до конца пламенныя статьи о безсмертныхъ часахъ съ кукушкою, о вліяніи родимыхъ макароновъ на нравственность и воспитаніе виргинскаго табаку, — статьи столь-пламенныя, что ихъ невозможно читать безъ пожарнаго камзола изъ асбеста, и вы убѣдитесь, что литературные геніи-самотесы на-Руси такъ же обыкновенны, какъ сушеные грибы въ великій постъ; что мы ученѣе ученыхъ, ибо довѣдались, что науки вздоръ; что пишемъ мы благонравнѣе всей Европы, ибо въ сочиненіяхъ нашихъ никого не убиваютъ кромѣ здраваго смысла.

Но къ дѣлу. Въ 1811 г. еще ни одинъ пароходъ не пугалъ своими шумными колесами рыбнаго народа въ рѣкахъ русскихъ; и потому двинскія рыбки безбоязненно высовывали головки свои, чтобы полюбоваться на вороной, какъ смоль, карбасъ и тѣхъ, которые имъ правили. Вотъ физіологическія подробности, полученныя мною отъ одной, изъ очевидицъ, щуки: не смотря на архангелогородскую соль и непривычное ей путешествіе въ розвальняхъ, слогъ этой щуки такъ цвѣтистъ, какъ-будто бы она кушала сочинителей всѣхъ темныхъ, пестрыхъ и голубыхъ сказокъ; должно думать, что предметы, отражаясь въ тысячѣ граней рыбьихъ глазъ, производятъ необыкновенное разнообразіе впечатлѣній въ ихъ мозгѣ; образчикъ прилагается въ подлинникѣ.

Рѣка, — рыбы всегда начинаютъ рѣчь съ своего отечества, съ своей стихіи: благоразумныя рыбы! въ этомъ онѣ нисколько не слѣдуютъ сосцепительнымъ сочинителямъ, которые всего болѣе любятъ

говорить о томъ, что они знаютъ наименѣе,—рѣка чуть струилась; корабль катился быстро, напутствуемый теченьемъ и вѣтромъ; пологіе берега незамѣтно текли мимо его, и если бъ кой-гдѣ стоящія на якоряхъ суда не оказывали бѣга судна какъ поверстные столбы, то пловцы въ карбасѣ могли бы подумать, что они неподвижны: столь однообразно-пусты, такъ безмолвно-мертвы были окрестныя тундры. Тогда еще не видно было на берегахъ Двины сахарныхъ и канатныхъ заводовъ, и ни одна верфь не готовила бросить въ воду юныхъ скелетовъ корабельныхъ, еще не одѣтыхъ дубовою плотью. На всемъ пространствѣ, отъ Соломбола до устья, не встрѣтилось имъ ни одной живой души, хотя разноцвѣтный мохъ подернутъ былъ оранжевою ягодой морошки...

— Отличное противо-скорбутное средство! замѣчаетъ мой пріятель, медикъ. Природа помѣщаетъ всегда противуядіе вблизи яду: какъ мнѣ извѣстно морошка составляетъ теперь отрасль торговли Придвинскаго края: ея для англійскаго флота вывозятъ тысячами сороковыхъ бочекъ.

...Морошки, раскинутой причудливыми узорами, подобно фатѣ сѣверной красавицы...

— Лучше бы сказать, подобно русскому ситцу, говоритъ одинъ женатый помѣщикъ: потому что русскіе ситцы-самодѣлки точь-въ-точь морошка по болоту.

Рыба сморкаетъ носъ, и продолжаетъ:

Только одинокій журавль, царь пустыни, бродилъ тамъ, какъ ученый по части зоологіи...

Онъ, то есть, журавль, а не ученый, втыкалъ носъ въ мутную воду, въ жидкій илъ, и вытащивъ оттуда какого-нибудь червячка или пискаря, гордо подымалъ голову. Оглянувшись на карбасъ, онъ расчиталъ глазомѣрно разстояніе и, увѣрившись, что находится внѣ выстрѣла, погнался за рѣзвою лягушкой, безпечно кивая хвостикомъ. Онъ нашелъ лягушку гораздо занимательнѣе людей.

И справедливо: баронъ Брамбеусъ хоть во все не

похожъ на журавля, а чуть ли не того же мнѣнія. — Лягушекъ не лягушекъ, скажетъ онъ, а что устрицъ я всегда предпочту людямъ! во-первыхъ, древность происхожденія устрицъ глубже всякой лѣтописи и несомнѣннѣе Несторовой, такъ-что самъ баронъ Кювье не отыскалъ пятна въ ихъ предпотопной генеалогіи; во-вторыхъ, онѣ постояннѣе Китайцевъ въ своихъ мнѣніяхъ: родятся себѣ и умираютъ у скалы, къ которой приросли, и съ доброй воли не дѣлаютъ фантастическихъ путешествій; и въ-третьихъ, не заводятъ въ старомъ морѣ юной литературы.

Судя по хладнокровію или, лучше сказать, по безпечности, съ какою четверо-мореходцевъ, составлявшихъ экипажъ карбаса, спускались въ шумный бурунъ, образованный борьбой рѣчной воды съ напоромъ возникающаго прилива, ихъ можно было бы зачислить въ Варяжскую дружину, не подводя подъ рекрутскую мѣру. На рулѣ сидѣлъ здоровый молодецъ лѣтъ двадцати семи: волосы въ кружокъ, усы въ скобку, и бородка чуть-чуть закудрявилась; на щекахъ румянецъ, обѣщавшій не слинять до шестидесяти лѣтъ, съ улыбкой, которая не упорхнула бы ни отъ девятаго вала, ни отъ самъ-девять сатаны; однимъ словомъ, лицо вмѣстѣ смѣтливое и простодушное, беззаботное и рѣшительное — физіономія настоящая сѣверная, русская.

По одеждѣ, онъ принадлежалъ къ переходнымъ породамъ. На головѣ англійская пуховая шляпа, на тѣлѣ суконный жилетъ съ серебряными пуговицами: за то красная рубашка спускалась по-русски на китайчатые шаравары, а сапоги, по модѣ, сохранившейся у насъ со временъ Куликовской битвы, загибали свои острые носки къ верху. По самодовольнымъ взглядамъ, которые бросалъ нашъ рулевой на изобрѣтенный имъ топсель, вздернутый сверхъ рейковаго паруса, — онъ принадлежалъ къ школѣ нововводителей. У средней мачты, въ парусинной курткѣ и въ такихъ же брюкахъ, просмоленныхъ до непроницаемости, сидѣлъ старикъ лѣтъ за пять-

десять, у котораго благословенная бородища была въ явномъ разладѣ съ кургузымъ матрозскимъ платьемъ: явленіе странное всегда, и нерѣдкое до сихъ-поръ. Издавна ходилъ онъ по морямъ на корабляхъ купца Брандта и компаніи, но напрасно уговаривали его хозяева обрить бороду. Ураганы могли теребить ее, море вцѣплять въ нее свои ракушки, вкроплять соляные кристаллы, случай заѣдать въ блокъ или въ захлестъ каната; но владѣтель ея былъ непоколебимъ ни насмѣшками юнговъ, ни ударами судьбы. Онъ не возлагалъ даже на нее постризала, и она, въ природной красѣ, во весь ростъ разстилалась по груди и по плечамъ упрямца. Дядя-Яковъ, такъ звали этого чудака, сидѣлъ на боченкѣ русскаго элемента, квасу, и сплѣснивалъ, то есть, сращивалъ веревку. У ногъ его почти лежалъ молодой парень лѣтъ двадцати, упершись ногой въ бортъ и придерживая руками шкотъ, угловую веревку паруса. По его свѣжему лицу, по округлымъ, еще неизломаннымъ опытностію, чертамъ, по любопытству, съ какимъ поводилъ онъ вкругъ глазами, даже по неловкости его, больше чѣмъ по покрою кафтана, можно было удостовѣриться, что онъ не просоленой морякъ, новобранецъ, только что изъ села.

На носовомъ помостѣ лежалъ ничкомъ, свѣся голову за бортъ, коренастый мореходъ съ физіономіей, какія отливаетъ природа тысячами для вседневнаго расхода. Не на что было повѣсить на ней ни какого чувства, а мысль, будь она кована хоть на всѣ четыре ноги, не удержалась бы на гладкомъ его лбу. Онъ поплевывалъ въ воду и любовался, какъ струя уносила изображеніе его жизни, и потомъ запѣвалъ: «Охъ не одна! эхъ не одна»! — и опять поплевывалъ. Онъ принадлежалъ къ безконечному ряду практическихъ философовъ, которые разрѣшаютъ жизнь самымъ безмятежнымъ образомъ: работать когда нужно, спать когда можно.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій на рулѣ, былъ полный и законный хозяинъ карбаса вмѣстѣ съ гру-

зомъ, и временной командиръ, капитанъ или воевода дяди-Якова, Алексѣя, племянника по его сердцу, и неизбѣжнаго Ивана по сердцу всего свѣта. Оставшись сиротой на двѣнадцатомъ году возраста, онъ, какъ большая часть удалыхъ ребятъ архангельской губерніи, нанялся юнгою на англійскій купеческій корабль и мыкался бурями и волнами до двадцати двухъ лѣтъ, имѣя удовольствіе получать щелчки отъ шкиперовъ всѣхъ націй и побранки на всѣхъ языкахъ. Наскучивъ безпріютною жизнію матрозскою, онъ присталъ къ истинно-почтенному классу биржевыхъ артельщиковъ, людей испытанной честности, трезвыхъ, дѣятельныхъ, смышленыхъ, и потомъ взятъ съ хорошимъ жалованьемъ въ контору одного изъ богатѣйшихъ иностранныхъ купцовъ Архангельска. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ уже въ состояніи покинуть чужое гнѣздо. Его томила охота отвѣдать своего счастья, поторговать на свое имя, — и вотъ онъ купилъ и снарядилъ карбасъ, — и вотъ онъ теперь уже въ пятый разъ, въ другое лѣто, пускается въ море.

Впрочемъ, никогда еще Савелій Никитичъ, — это было его имя, — не пускался въ море съ такимъ запасомъ веселости, какъ этотъ разъ. Причину тому я знаю — да и чего я не знаю? — не хочу таить ее за душой: онъ — въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, — задумалъ жениться. Дочь его сосѣда, также архангельскаго мѣщанина, какъ онъ самъ, Катерина Петровна, прелестная, какъ всѣ Катерины вмѣстѣ, и миловидная, какъ ни одна изъ Катеринъ, до сердца приглянулась нашему плавателю. Его воображеніе, изощренное морскимъ воздухомъ, и во снѣ ни чего не грѣзило свѣжѣе, умнѣе и достойнѣе этой русокосой красавицы. Ему всего болѣе понравилось, что она порядкомъ отбояривала отъ себя молодыхъ флотскихъ офицеровъ, которые, сверхъ обязанностей по службѣ, берутъ на себя образованіе молодыхъ дѣвушекъ во всѣхъ портахъ пяти частей свѣта. Однимъ-словомъ и наконецъ, онъ, раскинувъ умомъ-разумомъ, подвелъ

итоги своихъ кармановъ, пригладилъ голову квас-комъ и, благословясь, пошелъ сватать свою зазнобу къ отцу ея. Съ самой Катериной Петровной онъ, должно быть, давно стакнулся; и хоть я не былъ свидѣтелемъ, да ужъ на свой страхъ говорю вамъ, что молодежь моя промѣняла между-собой не одну клятву любви и вѣрности съ приложеніемъ взаимныхъ поцѣлуевъ. Какъ быть, милостивые государи! въ торговлѣ всегда есть контрабанда, въ сватовствѣ потаенныя сдѣлки.

Савелій разчувствовался: упалъ на колѣни передъ отцемъ Катеньки, проситъ благословенія.

Старикъ-отецъ погладилъ его по головѣ, и поднялъ; погладилъ себя по бородѣ, и сказалъ:

— Послушай, Савелій Никитичъ! ты добрый человѣкъ, ты смышленый и честный парень: спасибо, что пришелъ ко-мнѣ прямо безъ свахъ, и тебѣ я скажу прямо безъ обиняковъ, — ты мнѣ по душѣ, я не прочь породниться съ тобою; однако...

Охъ, ужъ-мнѣ это «однако» вотъ тутъ сидитъ, съ тѣхъ еще поръ, какъ учитель хотѣлъ было, по его сказкамъ, простить меня за шалость, однако высѣкъ для примѣра; съ тѣхъ-поръ какъ мой искреннїй другъ и моя вѣрнѣйшая любовница клялись мнѣ въ привязанности, и за словомъ «однако» надули меня... Однако-жъ оставимъ это «однако.»

Савелій, не смѣя дохнуть, стоялъ передъ старикомъ, высасывалъ глазами догадки изъ его лица, но слово «однако», произнесенное съ такою разстановкой, что между каждымъ слогомъ уложиться могло по двадцати сомнѣній, распилило его сердце пополамъ, и опилки брызнули во всѣ стороны.

— Од-на-ко (послѣ *ко* двѣ черточки), — произнесъ старикъ и почесалъ въ затылкѣ, потому-что затылокъ есть чердакъ человѣческаго разума, въ который сваливаютъ весь хламъ предразсудковъ, всю ветошь правоученій, оглодки давно стоптантанныхъ мнѣній и вѣрованій, битыя фляжки изъ подъ воображенія; или, лучше сказать, онъ гостинодворская, темная, задняя лавка, въ которую обы-

кновенно заводятъ пріятеля-покупателя, чтобы сжить съ рукъ полинялый, староманерный товаръ. — Однако, Савелій Никитичъ! вѣдь не мнѣ жить съ тобой, а дочери, а за ней приданое не рогато. Я и самъ съ копѣйки-на-копѣйку перепрыгиваю. Радъ бы душой, да кусъ не большой: у меня же сыновья подростки. Опять, и дочери своей мнѣ не хочется видѣть въ-нуждѣ, лучше заживо въ землю закопаться. Впрочемъ, вкругъ Катеньки, самъ ты извѣстенъ, женихи словно хмѣль увиваются.

— Пропала моя головушка! подумалъ Савелій.

— Не-въ-укоръ тебѣ будь помянуто, покойникъ батюшка твой сидѣлъ въ лавочкѣ, да выѣхалъ изъ ней на палочкѣ: благодаря мичманамъ, проторговался; поплатился добромъ за свою простоту, и пустилъ тебя круглымъ сиротой кататься, словно мѣдный грошъ, по бѣлу-свѣту. Не осуди братъ, Савелій! имя твое знаю я, отчество знаю, а животовъ не знаю. Скажи мнѣ какъ на-духу: есть-ли на что у тебя хозяйствомъ обзавестись, да себѣ на прожитокъ, и дѣтямъ на зубокъ придобыть?

Савелій вытащилъ бумажникъ, показалъ ему свои аттестаты, выложилъ тысячу рублей чистагану, да еще тысячи на полторы квитанцій купленнымъ товарамъ: это для мѣщанина не бездѣлица.

— Притомъ я имѣю суднишко и кредитъ, сказалъ онъ, ношу голову на плечахъ и, благодаря Создателя, не сухорукъ. Прошлой годъ, я выгодно продалъ въ Соловкахъ свои товары, былъ тамъ и по веснѣ: да если съ тобой поладимъ, такъ съ жениной легкой руки въ Спасово-заговѣнье опять пущусь. Что жъ, Миронычъ: аль другіе-то лучше меня? Позволь!

— Ну, Савелій, руку! Только свадьбѣ быть послѣ Спаса. Ты напередъ съѣздишь въ Соловки, да сбьешь копѣйку на обзаводство; а то съ молодой женой ростаніямъ конца не будетъ. Не поперечь мнѣ, Савелій, у меня слово съ заклепомъ.

— Это очень хорошо! сказалъ Савелій. — Это очень плохо! подумалъ Савелій.

Но дѣлать было нечего: довелось согласиться на отсрочку. Благословили образомъ, обручили, а между-тѣмъ, покуда подружки-голубушки шили Катѣ приданое, да пѣли, — между-тѣмъ, какъ отецъ и мать ея пили да плакали, карбасъ Никитина снарядился и нагрузился. Минута разлуки была уже заплечами, ужъ на плечѣ, ужъ расправляла крылья, чтобъ улетѣть, а наши милые, или, какъ выражаются Архангелогородцы, бажоные обрученники о томъ и думать не думали. Дядя Яковъ принужденъ былъ вытащить жениха отъ невѣсты волокомъ. Попутный вѣтеръ казался ему самою противною погодой; но вѣтеръ пересилилъ любовь. Савелій выпилъ послѣднюю каплю наливки, сорвалъ послѣдній поцѣлуй съ губокъ невѣсты. Сладка ему была капля, поцѣлуй еще слаще; вѣкъ не разстаться бы съ ними, однако онъ разстался. Ему надо было спѣшить уѣхать, чтобы поспѣшнѣе пріѣхать. Онъ прыгнулъ въ карбасъ, цѣпь съ громомъ скользнула со сван, карбасъ отчалилъ.

Долго стояла Катя на набережной, провожая глазами суженаго, махая бѣлою рукой; сердце ея вѣщевало не на доброе: она залилась слезами и пошла домой, вытирая ихъ миткалевымъ рукавомъ своей сорочки. Съ Савельемъ было не лучше: покуда видна была Катя, онъ оглядывался до того, что чуть шеи не свихнулъ, а потомъ взгляды его ныряли въ воду, — словно онъ обронилъ туда свое сердце, — словно, онъ съ досады хотѣлъ ими зажечь струю разлучницу. И наконецъ, переполненный горечью, сосудъ пролился: слезы брызнули изъ глазъ бѣдняги въ три ручья, — именно въ три, потому-что двѣ струйки сливались у него на носу и катились внизъ рѣкою, точь-въ-точь какъ Югъ и Сухона образуютъ Сѣверную-Двину. Это однако-жъ облегчило Савелья, онъ отдохнулъ; доброе солнышко такъ-весело взглянуло ему въ очи, что онъ улыбнулся; вѣтеръ спахнулъ и высушилъ даже слѣды слезъ; вонъ, и надежда-летунья начала заигрывать съ его душой. И чего, въ самомъ-дѣлѣ, доброму

молодцу было печалиться? Впереди его — золото, назади — любовь!... Правда, между этими оконечностями лежали двѣ бездны моря, усаженныя опасностями отъ бурь и каперовъ, — тогда съ Англичанами была война, — да вѣдь Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья: не въ первый разъ ему было съ моремъ перевѣдываться. Пять часовъ пути и шестьдесятъ верстъ разстоянія прокрались мимо, какъ бѣглецы, и вотъ почему нашъ Савелій такъ беззаботно, такъ весело пускался въ бурунъ, разграничивающій соленую воду отъ прѣсной.

И шибко, со всего разбѣга, ухнулъ остро-грудый карбасъ въ бой шумящаго, плещущаго бара, — такъ шибко, что брызги засверкали, и разсыпчатая пѣна обдала пловцовъ съ головы до ногъ. Карбасъ черпнулъ. Испуганный, облитый Алексѣй выпустилъ шкотъ изъ рукъ своихъ; парусъ заполоскался, карбасъ возникъ, взбѣжалъ на хребетъ вала, и мигомъ, стремглавъ, промкнулъ сквозь водяную гряду. Чрезъ пять минутъ онъ гоголемъ плылъ уже по морю, которое съ ропотомъ наступало на берега.

— Что, Алексѣй, спросилъ новобранца Савелій, усмѣхаясь: аль тебѣ не любы крестины морскою водой?

— Хороши, отвѣчалъ Алексѣй, вытирая лице: только безъ каши и крестины не въ крестины.

— Погоди, братъ Алеша, мы тебя въ соленой купели выкупаемъ. Тогда ужъ съ весломъ и за кашу посадимъ тебя, — помѣси, да и въ ротъ понеси, — кушай, да похваливай. Захочешь-ли браги, — брага у насъ шипучка; зелено вино съ пѣнкой не купленыя, не мѣреныя, — пей, сколько въ душу войдетъ.

— Спасибо на ласкѣ! Подноси сперва старшимъ, дядюшка, лукаво отвѣчалъ Алексѣй.

— Ты въ морѣ гость, мы хозяева, сказалъ Савелій, а гостей подчуютъ не по лѣтамъ.

— Однако, молвилъ дядя-Яковъ, оглядывая въ дозоръ небосклонъ: не придержать-ли намъ на ве-

черъ-то вдоль берега? Что-то очень паритъ: словно пыль пылитъ надъ тундрой. Подымется, не ровенъ часъ, разыграй-царевичъ, — такъ и намъ въ открытомъ морѣ безъ бѣды бѣда придетъ.

— Волка бояться, въ лѣсъ не ходить, дядя-Яковъ! возразилъ Савелій. Вѣтеръ словно кладъ, не во всякую пору дается: упустимъ его, такъ трудно будетъ на него карабкаться послѣ. А когда теперь на Нордъ-Нордъ-Вестъ заберемся, такъ ужъ повѣтерь-то, какъ по маслу, скатимъ въ Соловки, когда вздумается. Небо чисто.

— Нешто! сказалъ дядя-Яковъ, и принялся доплетать узелъ веревки.

— Вѣстимо такъ! сказалъ Алексѣй, какъ-будто что-нибудь понялъ, и принялся зѣвать въ обоихъ значеніяхъ этого слова. Иванъ не разсуждалъ, и не говорилъ: онъ поплевывалъ въ море; Савелій, по привиллегіи, данной всѣмъ людямъ, у которыхъ звенитъ что-нибудь въ головѣ или въ карманѣ, строилъ воздушные замки. Карбасъ, пятое дѣйствіе нашей драмы, покачиваясь съ боку-на-бокъ, изволилъ плыть да-плыть въ необъятное море.

День шелъ въ гости къ вечеру. Прибережье никло; островокъ Мудюгъ, стоящій на часахъ у входа въ Двину, окунывался и опять выглядывалъ, и опять окунывался въ воду. Скоро земля слилась въ темную полосу, въ черту едва видную; валъ заплеснулъ и эту черту, — прощай моя родина! Бездонное небо, безбрежное море обнимаетъ теперь утлое судно. Только вольный вѣтеръ, да рыскучія волны напѣваютъ ему въ-ладъ свою вѣчную, непонятную пѣсню, возбуждая думы неясныя о томъ, что было и что будетъ, о томъ, чего никогда не было и никогда не будетъ.

Не знаю, случалось-ли вамъ испытать чувство разлуки съ роднымъ берегомъ на вѣру зыбкой стихіи. Но я испыталъ его самъ; я слѣдилъ его на людяхъ съ высоко-настроенною организаціей, и на людяхъ самыхъ необразованныхъ, намозоленныхъ привычкой. Когда почувствуешь, что якорь отдѣ-

лится отъ земли, мнится, что развязывается узелъ, крѣпившій сердце съ землей, что лопаетъ струна этого сердца. Груди становится больно и легко невообразимо!... Корабль бросается въ бѣгъ; надъ головой вьются морскія птицы, въ головѣ роятся воспоминанія; онѣ, однѣ гонцы неутомимые, несутъ вести кораблю о землѣ, имъ покинутой, душѣ о бываломъ невозвратномъ. Но тонетъ и послѣдняя альціона въ пучинѣ дали и послѣдняя поминка въ душѣ. Новый міръ начинаетъ поглощать ее. Тогда-то овладѣваетъ человѣкомъ грусть неизъяснимая, грусть уже неземная, не земляная, но еще и не вовсе небесная, словно откликъ двухъ міровъ, двухъ существованій; развитіе безконечнаго изъ почекъ ограниченнаго; чувство не сжимающее, а расширяющее сердце, чувство разъединенія съ человѣчествомъ и сліянія съ природою. Я увѣренъ, оно есть задатокъ перехода нашего изъ времени въ вѣчность, діэзъ изъ октавы кончины.

И неслышимо природа своею бальзамическою рукой стираетъ съ сердца глубокіе, ноющіе рубцы огорченій, вынимаетъ занозы раскаянія, отвѣваетъ прочь думы-смутницы. Оно яснѣетъ, хрусталѣетъ, — какъ-будто лучи солнца, отразясь о поверхность океана и пронзая чувства во всѣхъ направленіяхъ, передаютъ сердцу свою прозрачность и блескъ, обращаютъ его въ звѣзду утреннюю. Вы начинаете тогда разгадывать вѣроятность мнѣнія, что вещество есть свѣтъ, поглощенный тяжестію, а мысль, нравственное солнце, духовное око человѣка, сосредоточивая въ себѣ міръ, есть вещество, стремящееся обратиться опять въ свѣтъ, посредствомъ слова. Тогда душа пьетъ волю полною чашей неба, купается въ раздольѣ океана, и человѣкъ превращается весь въ чистое, безмятежное, святое чувство самозабвенія и мироневѣдѣнія, какъ младенецъ, сей-часъ вынутый изъ купели и дремлющій на зыби материнской груди, согрѣтый ея дыханіемъ, улелѣянный ея пѣснію. О, если-бъ я могъ вымо-

лить у судьбы, или обновить до жизни памятью нѣсколько подобныхъ часовъ! я бы...

— Я бы тогда вовсе не сталъ читать вашихъ разсказовъ, говоритъ мнѣ съ досадою одинъ изъ тѣхъ читателей, которые непремѣнно хотятъ, чтобъ герой повѣсти безпрестанно и безсмѣнно плясалъ передъ ними на канатѣ. Случись ему хоть на мигъ вывернуться, они и давай заглядывать за кулисы, забѣгать черезъ главу: — Да гдѣжь онъ? Да что съ нимъ сталось? да не убился-ли онъ, не убитъ ли онъ, не пропалъ ли безъ-вѣсти? — Или, что того хуже: — Неужто онъ до сихъ-поръ ничего не сдѣлалъ? Неужто съ нимъ ничего не случилось?

— Я бы вовсе не сталъ тогда читать вашихъ разсказовъ, г. Марлинскій, потому-что, — извините мою откровенность, — я уже не разъ и не-въ-тихомолку зѣвалъ при вашихъ частыхъ, сугубыхъ и многократныхъ отступленіяхъ. Хоть бы вы за наше терпѣніе перекувыркнули вверхъ дномъ этотъ проклятый карбасъ, который ползетъ по водѣ, какъ черепаха по камнямъ. Такъ нѣтъ, сударь: всплылъ, какъ всплылъ. Думаемъ, вотъ сцапаетъ онъ Савелья за вихоръ, минуя брантъ-вахту, и откроетъ въ немъ какого-нибудь Наполеоновскаго пролаза или морскаго разбойника. Ни тутъ-то было! Вмѣсто происшествій, у васъ химическое разложеніе морской воды; вмѣсто людей, мыльные пузыри и, что всего досаднѣе, вмѣсто обѣщанныхъ приключеній, ваши собственныя мечтанія.

Я ничего вамъ не обѣщалъ, милостивый государь, говорю я съ возможнымъ хладнокровіемъ для авторскаго самолюбія, проколотаго на-вылетъ, самолюбія, изъ котораго еще каплетъ кровь по лезвею насмѣшки. Ваша воля: читать или не читать меня; моя — писать какъ вздумается.

— Но, милостивый государь, я купилъ разсказъ вашъ.

Я не приглашалъ васъ; не бралъ васъ съ учтивостію за воротъ, какъ это дѣлается въ свѣтѣ при раздачѣ лотерейныхъ билетовъ или билетовъ на

концертъ для бѣдныхъ. Вы купили разсказъ мой, и можете сжечь его на раскурку, изорвать на завивку усовъ, употребить на обертку ваксы. Вы купили съ этимъ право бранить или хвалить меня; но меня самого вы не купили и не купите, я васъ предупреждаю. Перо мое смычокъ самовольный, помело вѣдьмы, конь наѣздника. Да: верхомъ на перѣ я вольный казакъ, я могу рыскать по бумагѣ, безъ заповѣди, куда глаза глядятъ. Я такъ и дѣлаю: бросаю повода и не оглядываюсь назадъ, не расчитываю, что впереди. Знать не хочу, заметаетъ-ли вѣтеръ слѣдъ мой, прямъ или узоренъ слѣдъ мой. Перепрянулъ черезъ ограду, переплылъ за рѣку, хорошо; не удалось, тоже хорошо. Я доволенъ уже тѣмъ, что наскакался по простору, цѣликомъ, до устали. Надоѣли мнѣ битые укаты вашихъ литературныхъ теорій, chaussées, ваши вѣковѣчныя дороги изъ сосновыхъ отрубковъ, ваши чугунныя ленты и повѣшенные мосты, ваше катанье на деревянной лошадкѣ или на разбитомъ конѣ; ваши мартингалы, шлихъ-цигели и шпаншъ-рейтеры.... бѣшенаго, брыкливаго коня — сюда! Степи мнѣ — бури! Легокъ я мечтами — лечу въ поднебесье; тяжелъ думами — ныряю въ глубь моря....

— И приносите со дна какую-нибудь ракушку.

Хоть бы горсть грязи, милостивый государь. Она все-таки будетъ свидѣтельницей, что я былъ на самомъ днѣ. Для купца дорогъ жемчугъ; естествоиспытатель отдаетъ свой перстень за иную подводную травку. Что прибавитъ жемчужина къ итогу счастья человѣческаго? А эта травка, можетъ быть, превратится въ свѣтлую идею, составитъ звено полезнаго знанія. Желаю знать купецъ вы, или испытатель?

Читатель мой дворянинъ, не только личный, но, можетъ-статься, двуличный, наслѣдственный: онъ никакъ не хочетъ назваться купцомъ. Опять онъ терпѣть не можетъ и естествоиспытателей всѣхъ родовъ, которые пластаютъ, потрошатъ природу, разсѣкаютъ мозгъ и сердце и карманы человѣческіе

вживѣ, будь они хоть пятаго класса, и ловятъ тамъ насѣкомыя мысли, пресмыкающіяся чувства. Да мало того, что они нашпиливаютъ все это на остроуміе и выставляютъ на благоразсмотрѣніе почтеннѣйшей публики: они подслушиваютъ у дверей кабинетовъ, заползаютъ подъ изголовья супружескія, втираются въ сѣни палатъ, подкапываются подъ гробы, проникаютъ всюду какъ золото, впиваются въ души какъ лесть, и потомъ — милости прошу — всѣ ваши тайны вынесены на толкучій.

— Нѣтъ, я не купецъ, не испытатель, а просто читатель.

Я кладу свои замѣчанія въ умъ вашъ, какъ свои деньги въ ломбардъ: на имя неизвѣстнаго!

Вотъ, это по-крайней-мѣрѣ ясно и неоспоримо. Не надѣйтесь же получить болѣе четырехъ, законныхъ процентовъ, и этого вамъ за-глаза. Правда, я веду слово про архангельскаго мѣщанина Савелья Никитина, и ручаюсь, что для Русскаго анекдотъ этотъ будетъ занимателенъ, потому ужъ одному, что онъ не выдумка. Но кто вамъ сказалъ, что самъ я менѣе занимателенъ, чѣмъ Савелій Никитинъ? Знаете ли, сколько страстей перемололъ я своимъ сердцемъ? какіе чудные узоры начеканилъ міръ на моемъ воображеніи? и если-бъ я вздумалъ перевесть съ души на ходячій языкъ свои опыты, мечты и мысли, вы, вы сами, сударь, нашли бы эти записки занимательными не менѣе записокъ «Трелоней» или «Послѣдней нескромности Современницы.«

— Ради Смирдина, сдѣлайте это поскорѣе, любезнѣйшій! И тисните въ большую осьмушку съ готическимъ заглавіемъ и съ виньеткою Жоанно. Я страхъ люблю виньетки и мемуары, особенно въ родѣ Видока. Даете вы слово? Скажите жъ — да! Полно-те упрямничать: снимите долой лѣнь свою!...

У насъ печатная сторона человѣка всегда будетъ походить на подкладку изъ однѣхъ афишъ комедіанта Цапата, въ Жилблазѣ; и вотъ почему, милостивый государь, если вы хотите узнать меня, то

узнавайте кусочками, угадывайте меня въ стружкахъ, въ насѣчкѣ, въ сплавкѣ. Не мѣшайте жъ мнѣ разводить собою разсказы о другихъ: право, не останетесь въ накладѣ.

Я поднимаю спущенную петлю повѣсти.

Савелій сидѣлъ, задумавшись, на рулѣ. Сердце его то вздувалось какъ парусъ, то опадало какъ волна. Чувство безпредѣльности завладѣло имъ, и тогда, на вопросъ — о чемъ ты думаешь? — онъ могъ бы отвѣчать, — ни о чемъ! но всей правдѣ; потому-что всѣ мысли, всѣ ощущенія въ такіе часы подобны каплямъ, вдругъ улетученнымъ въ безвидные пары: онѣ разливны, смѣшаны, безграничны. Товарищи Савелья больше или менѣе погружены были въ такое же безотчетное, нѣмое созерцаніе и вниманіе природы въ себѣ, и себя въ природѣ; въ чувство сознанія, неразлучнаго событію, доступное, какъ я думаю, всѣмъ животнымъ.

Наконецъ племянникъ дяди-Якова, который, по всей вѣроятности, не охотно разстался съ избой своей, и косой своей, и косой своей любушки, съ горѣлкой, и съ горѣлками, первый сломалъ общее молчаніе.

— Эка притча, подумашь-ты! Ухитрился же человѣкъ въ корытѣ по морю плавать, Бога искушать! Аль земля-то клиномъ сошлась? Аль на землѣ угодьевъ ему не стало?

— Молчалъ бы ты, молчалъ, возразилъ съ досадой дядя-Яковъ. Коли въ мореходы пошелъ, такъ по землѣ нечего тужить! Земля, эка невидаль! Видишь что выдумалъ!

— Право, дядя-Яковъ, не я ее выдумалъ.

— Тебѣ ль ее выдумать, когда ты объ ней подумать-то путемъ не умѣешь! Земли-то у насъ много, да въ землѣ мало: за-неволю пришлось рулемъ море пахать. Не бось, любишь ты и крупчатикъ съѣсть, и синій кафтанъ напялить, и почаевать порой, а развѣ тонкое сукно да сахаръ у насъ на березахъ растутъ? Ась? Вотъ и плывутъ удалыя го-

ловы за море, по красный товаръ. Въ лѣсъ не съѣздишь, такъ и на полатяхъ замерзнешь.

У глупцовъ голова ни-дать-ни взять азіятской караванъ-сарай: голыя стѣны безъ хозяина. Мысли приходятъ въ нее, неизвѣстно откуда; уходятъ, незнаемо куда. Слово «море» пролетѣло сквозь уши Ивана, и спустило пружину пѣсни. Въ головѣ его ничего не было кромѣ пѣсень — онъ затянулъ:

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала:
Солоду купила, хмѣлю въ-займы взяла.

Во свою-очередь слово «пиво» чуднымъ сцѣпленіемъ идей пробудило въ Алексѣѣ пивное воспоминаніе, и онъ, вытирая мечтательную пѣну съ губъ своихъ, сказалъ:

— Знаешь ли что, дядя-Яковъ! въ иную-пору мнѣ бы и въ умъ не впало тужить по родинѣ, а теперь у насъ въ деревнѣ праздникъ на дворѣ, такъ если-бъ удалось престолу свѣчку поставить, — повиднѣе бы въ море пускаться.

— Молодъ, братъ, ты Олеша, да вороватъ! Не свѣчка, а печка у тебя на умѣ. Не молиться, а столовать тебя охота разбираетъ. Старики не даромъ сложили пословицу: кто на морѣ не бывалъ, до сыта Богу не маливался. Да ужъ коли здѣсь мало простору, такъ въ Соловкахъ молись-не хочу. Добрые люди съ краю земли пѣшкомъ туда ходятъ на богомолье, а тебѣ къ случаю, безъ труда, выпала такая благодать: чудотворцамъ Зосимѣ и Савватію поклониться, къ мощамъ приложиться, чудесамъ ихъ подивиться! Ахнешь, братъ, какъ повидишь, изъ какихъ громадъ сложены стѣны монастырскія! Вышины, — взглянь, такъ шапка долой; толщины, — десять колесницъ рядомъ проскачутъ, и кажной камень больше избы. Вѣдь святымъ Угодникамъ ангелы помогали: человѣку ни вздумать, ни сгадать, не то чтобы руками поднять такое беремя.

— Аль Соловецкій-то островъ утесъ, дядя-Яковъ?

— Въ томъ-то и диво, что не утесъ. Берегъ какъ Двинской: песокъ, кой-гдѣ съ подводными валунами. А птицы-то птицы что тамъ! На зорѣ инда стонъ стоитъ! Гусей, лебедей словно пѣны: подъ Божьею тѣнью рай для нихъ: никто ихъ не бьетъ, не пугаетъ, сердечныхъ. У самыхъ воротъ журавли на одной ножкѣ стоятъ, дикіе утята полощутся, и усатые киты играютъ, со стѣнъ подачки дожидаются.

— А что, дядя-Яковъ, китъ-рыба, примѣромъ сказать, ростомъ-дородствомъ будетъ съ царской корабль?

— Китъ киту рознь, преважно отвѣчалъ дядя-Яковъ. Есть саженъ въ десять, есть саженъ въ двадцать, да это на нашемъ вѣку такъ они измельчились. Встарину то-ли было! лѣтъ два-сорока тому назадъ, въ страшную бурю, прошелъ мимо Соловецкаго китъ, конца не видать; разыгрался онъ хвостомъ, хвостъ-то вихремъ и вздуло какъ парусъ: не можетъ китъ хлеснуть имъ объ воду. А хлеснулъ бы онъ, затопилъ бы низменный островъ, залилъ бы монастырь съ колокольнями. Отецъ архимандритъ, со всѣми старцами, цѣлую ночь на-пролетъ слезно молились: пронеси, Господь, мимо кита-рыбу! Не дай ей ударить ошибомъ по морю? И отмолили бѣду неминучую: къ утру, китъ провалилъ мимо, гроза утишилась. Даже въ Архангельскѣ слышно было, когда пріударили на Соловкахъ съ радости въ огромные глиняные колокола. Ну, слава Богу! сказали: жива обитель преподобныхъ Савватія и Зосимы!

— А что, эти глиняные колокола-то обожженные, али изъ сырца? съ недовѣрчивостію спросилъ Алексѣй?

— Не сподобилъ Богъ видѣть самому: только понамарь мнѣ сказывалъ, что они до сихъ-поръ въ тайникѣ висятъ, а какъ благовѣстить въ нихъ станутъ, заслушанье: что твои райскія птицы поютъ! Да ты самъ обо всемъ распросить можешь: къ восходу солнышка мы станемъ въ Соловки.

— Если станемъ! молвилъ Алексѣй.

— А съ чего бы нѣтъ? Сто двадцать верстъ, спустя рукава перемашемъ.

— Не хвались, дядя-Яковъ, сказалъ Савелій: а лучше насвистимъ-ко погодку; видишь, вѣтерокъ-то стихъ, перепалъ.

Покорный общему суевѣрію моряковъ, дядя-Яковъ принялся свистать, какъ свищутъ конямъ на водопой. И въ самомъ-дѣлѣ вѣтеръ порхнулъ, будто дожидался приглашенія; засвѣжѣлъ, скрѣпчалъ скоро. Зыбь раскатывалась грядами, гряды сшибались въ крутые валы, и наконецъ море дало гулъ, подобный гулу, предшествующему вскипѣнію воды въ огромномъ котлѣ. Солнце садилось въ огненныхъ тучахъ, весь западъ кипѣлъ будто кровью, — вѣрная примѣта непогоды; когда-жъ горизонтальные лучи переломлялись въ прозрачной синевѣ, въ переливной зелени вала, онъ сквозилъ какъ стекло, онъ вспыхивалъ, какъ туча, молніею, и гасъ и темнѣлъ и обрушивался, подавленный другими.

Савелій, принужденный придержать къ вѣтру, чтобъ не зарыскнуть далеко въ океанъ, въ-упоръ налегалъ на румпель. Дядя-Яковъ съ Иваномъ держали на рукахъ шкоты зарифленнаго (уменьшеннаго) грота. Алексѣй, блѣдный какъ саванъ, сидѣлъ уцѣпившись за бортъ, и съ ужасомъ смотрѣлъ на хлещущіе въ бокъ судна валы. Ему казались они чудовищами, которыя заглядываютъ въ карбасъ, чтобъ схватить и сожрать его.

— Глянь-ко, глянь, дядя-Яковъ! сказалъ онъ: валы-то за нами въ перебой гонятся. Страсть, да и только!

— Аль тебѣ дивно, что валы-старички расплясались? Да, братъ, они скоро сами сѣдѣютъ, скоро и нашего брата сѣдымъ дѣлаютъ. Ты не смотри на ихъ пляску, а то какъ-разъ голова закружится.

— И впрямъ такъ! примолвилъ Савелій. Чѣмъ глазѣть на валы, возьми-ка, Алеша, лейку, да отчерпывай воду: вишь, то и знай, поддаетъ. Ну, дядя-Яковъ! напрасно я тебя не послушалъ: при-

держать бы къ берегу, а то меня и въ хорошую погоду знакомые отпѣвали, чуть я сберусь въ море на карбасѣ, а въ такую свалку, если бъ зналъ да гадалъ, я бы и самъ трезвый не пустился. Посмотри на облака: слово-слово недобрые люди бродятъ вкругъ-да-около, и промежъ собой перемолвливаютъ, куда бы на разбой стрекнуть.

— Чего добраго? сказалъ дядя-Яковъ. Пожалуй, и до насъ доберутся: а у насъ ворота настежъ. Долга намъ будетъ эта ночь!!

И ночь задвинула небо тяжкими тучами, и тучи всплескались какъ волны, и море забушевало какъ небо. Вихорь спиралъ, возметалъ, разбрызгивалъ пары и волны. То черныя облака разѣвали огненную пасть свою, зіяющую жаломъ молній; то бѣлогривые валы, рыча, глотали утлое судно, и снова извергали его изъ хляби. Въ карбасѣ едва успѣвали отливать. Паруса уже были убраны, но шквалы хлестали его такъ сильно, что нагія мачты трещали: онъ летѣлъ, какъ бѣшеный конь, и каждую минуту пловцы наши ждали, вотъ-вотъ зароется въ воду! И вдругъ разразился надъ ними ударъ грома: огонь ливнемъ рухнулъ во всѣ трещины лопнувшаго свода небесъ, и въ тотъ же мигъ вздутый порывомъ валъ ударилъ въ корму. Карбасъ пилъ смерть; мигъ былъ ужасный. Пловцамъ показалось, ихъ окатилъ огненный водопадъ сверху и снизу; они закрыли ослѣпленные глаза, чтобы не открывать ихъ на-вѣки. Савелій съ крикомъ — «Господи, прими мою душу:» — выпустилъ румпель. Алексѣй уронилъ лейку.......

— Теперь молись! сказалъ ему дядя-Яковъ.

Одинъ только Иванъ не бросилъ работы: сквозь ревъ бури и валовъ, слышалась звонкая пѣсня его—

Изъ-за Волги кума въ рѣшетѣ приплыла,
Веретенами гребла, юбкой парусила.

Савелій не хотѣлъ умереть, потому-что сбирался пожить; Алексѣй, потому-что не успѣлъ пожить;

дядя-Яковъ, потому-что не готовъ былъ умереть. Но что значила смерть, что прошлое и будущее для Ивана? Онъ не имѣлъ на чемъ свѣсить этихъ загадочныхъ мыслей. Онъ покинулъ бы свѣтъ точно такъ-же, какъ и вошелъ въ него, безъ малѣйшаго произвола или сожалѣнія. Счастливецъ Иванъ! не отбилъ бы я у тебя твоей жизни, но твоей смерти позавидовалъ бы. Кто, отваливая въ гробу отъ жизни въ вѣчность, не оглянется назадъ со вздохомъ, не взглянетъ впередъ съ сомнѣніемъ, если не съ ужасомъ?... А онъ тонулъ — и пѣлъ!

И повѣрите ли? когда стихъ гулъ громоваго удара въ душахъ пловцовъ, они расхохотались пѣснѣ Ивана, и смѣялись долго, смѣялись наперерывъ, будто въ припадкѣ. Разгадайте теперь сердце человѣческое! Оно скорѣй всего даетъ смѣхъ въ минуты самой жестокой скорби и ужаса! Я это видѣлъ, и испыталъ.

Буря издохла съ послѣднимъ ударомъ своей ярости. Вѣтеръ упалъ вдругъ. Природа какъ человѣкъ, или лучше сказать, человѣкъ, какъ природа въ свое лѣто, вспыльчивъ и буренъ на мигъ. Облака будто растопились молніею въ дождь, и мѣсяцъ, выкупавшись въ тучѣ, весело блеснулъ въ темѣ неба; лишь на краю горизонта толпились бѣглецы-облака. Они улетали, ропща, огрызаясь, и порой вспыхивали ихъ выстрѣлы зарницей; валы смывали отсталыхъ; валы еще ходили и сшибались грозно между-собой, какъ ратники иныхъ народовъ, послѣ войны со врагами, заводятъ междоусобія въ отчизнѣ, чтобы утолить свою кровавую жажду хоть изъ жилъ братій, и дотратить на нихъ боевой огонь, раздутый привычкой. Но скоро волны разлились въ широкую зыбь, и по ней зазмѣились бѣлыя полосы пѣны, недавно вѣнчавшей гребни валовъ. Онѣ тянулись подобно строкамъ на мрачной, безконечной страницѣ моря, подобно слѣдамъ поколѣній на океанѣ жизни. Исчезла самая пѣна, и синева бездѣйствія подернула лице моря. Оно дышало уже тяжело и прерывисто, подобно умирающему, и наконецъ къ

утру душа его излетѣла туманомъ, какъ будто преображая тѣмъ, что все великое на землѣ дышитъ только бурями, и что кончина всего великаго повита въ саванъ тумана, непроницаемый равно для дѣятеля, какъ для зрителя.

Свѣтало.

Аргонавты наши изъ несомнѣнной смерти попали въ смертельное сомнѣніе, и хотя при этой вѣрной оказіи убѣдились они, что выраженіе любовниковъ и подсудимыхъ, будто сомнѣніе хуже смерти, не совсѣмъ справедливо, однако-жъ положеніе ихъ было вовсе не завидное. Карты нѣтъ, компаса не бывало. Да и на кой-чортъ передъ ними раскладывать карту, когда нѣтъ умѣнья разбирать ее? Одинъ русской шкиперъ-мореплаватель, на вопросъ: развѣ у васъ нѣтъ картъ? — съ простодушіемъ отвѣчалъ: «были, батюшка, и золотообрѣзныя, да ребята расхлестали, въ-носки играючи!» Компасъ — иное дѣло; Савелій зналъ, какъ съ нимъ посовѣтоваться: да та бѣда, что въ свадебныхъ попыхахъ забылъ его дома! Какъ-быть? Вѣтеръ вчерась гонялъ ихъ то вправо, то влѣво, вертѣлся какъ бѣсъ передъ заутреней, и перетасовалъ всѣ румбы и умы нашихъ пловцевъ въ такой баламутъ, что самъ Бюффонъ со своею теоріей вѣтровъ проигралъ бы свое краснорѣчіе. Не могъ придумать Савелій, на носъ или на затылокъ должно надѣть сѣверъ. И солнце, по его мнѣнію, то входило въ лѣвое ухо, а закатывалось изъ праваго, то въ правое, и садилось въ лѣвомъ. Куда же поворотить? гдѣ искать Соловецкаго? Утро раскрывалось какъ цвѣтокъ; за-то ужъ туманъ клубился, — хоть на хлѣбъ намазывай! Вотъ, потянулъ вѣтерочекъ слѣва; но онъ былъ не вѣренъ, какъ свѣтская женщина, колебался туда и сюда, какъ нынѣшняя литература, и чуть бороздилъ воду, будто на цыпочкахъ бѣгая вкругъ судна, чтобъ не разбудить мореходцевъ.

Савелій держалъ совѣтъ съ дядей-Яковомъ.

— Соловки близко впереди, говорилъ Алексѣй.

Вихорь гналъ насъ въ тылъ, и мы бѣжали, какъ заяцъ отъ беркута.

— Соловки у насъ далеко въ правой рукѣ, утверждалъ дядя-Яковъ. Шквалъ зашолъ справа и занесъ карбасъ, какъ сокола на западъ.

А можетъ-статься и правда! молвилъ Савелій. Откудова-жъ теперь подулъ вѣтеръ?

— Вѣстимо съ сѣвера! Днемъ жарко, днемъ дуетъ вѣтеръ съ берега; ночью свѣжо, ночью онъ ворочается домой.

— Да теперь ужъ день и, на зло тебѣ, прошлую ночь вѣтеръ бѣжалъ съ берега, словно изъ острога съ цѣпи сорвался.

— Буря особь статья, Савелій Никитичъ! На землѣ-то цѣлую недѣлю пекло-да жарило такъ, что и ночь не въ ночь была: вотъ тепло безъ очереди и ввалилось въ море, а теперь земля искупалася, попростыла: теперь непремѣнно потянетъ холодокъ на берегъ, отъ того, что холодокъ сильнѣе тепла сталъ.

Дядя-Яковъ говорилъ правду. Онъ не читалъ, отъ чего происходятъ вѣтры въ атмосферѣ, не имѣлъ понятія о разрѣженіи воздуха электричествомъ бурь или по разновѣсію газовъ, но онъ имѣлъ здравый умъ и опытность. Савелій убѣдился. Рѣшили, какъ изъясняются наши доморощеные мореходы, *побрасовать*, то есть, поворотить паруса и держать на востокъ. Вьюнъ зашипѣлъ за рулемъ; карбасъ поплылъ въ полвѣтра. Однозвучное плесканье волнъ и утомленіе минувшей ночи клонили ко сну мореплавателей. Одинъ Савелій не смѣлъ предаться утреннему сладкому сну: онъ былъ хозяинъ судна, онъ былъ король этого государства, сколоченнаго деревянными гвоздями. Для блага своего и охраны другихъ, онъ не спалъ: за-то грѣзилъ на-яву. На ткани паруса и ткани тумана проходили, плясали, мелькали яркіе образы, будто по мѣсяцу волшебнаго фонаря. Ему видѣлось, какъ русая коса Катерины Петровны раздѣляется на двѣ половины и дважды обвиваетъ чело ея, и скрывается подъ гарнитуро-

вый платочекъ съ золотою каймою. Видѣлись ему и раздернутые ситцовые занавѣсы брачной кровати и смятая пуховая подушка подъ розовою щечкой невѣсты; видѣлись ему друзья и пріятели, — пируютъ ужъ у него на крестинахъ. Вотъ забота, какъ назвать перваго сына, кого позвать въ кумовья первой внучкѣ. Однимъ словомъ, около него рѣзвилась ужъ цѣлая толпа его нисходящихъ потомковъ, и онъ глядѣлъ на нихъ нѣжно и любовно, какъ иной сочинитель на свое литературное потомство, — малъ-мала-меньше, запеленанное въ телячью кожу съ золотымъ обрѣзомъ, которое, мечтаетъ онъ, грядущіе вѣки будутъ няньчить на-подхватъ. Онъ грѣзилъ ужъ о внучатахъ, говорю я, забывъ, что подъ нимъ голодная пучина, забывъ, что корабль не болѣе какъ дерево, матрозы не болѣе какъ люди, и что «есть земныя крысы и водяныя крысы,» по словамъ Шекспирова жида Шейлока, а крысы съѣли польскаго короля Попеля: такъ спустятъ-ли онѣ разночинцу?

Сонъ и мечтанія граждань карбаса прерваны были страшно и внезапно. Саженяхъ въ пятидесяти отъ нихъ, на вѣтрѣ, вспыхнула молнія сквозь туманъ и, за громомъ выстрѣла, ядро, свистя, перелетѣло черезъ ихъ головы. Всѣ вскочили съ мѣстъ: Иванъ съ знакомъ удивленія, въ скобкахъ зѣвка, Алексѣй съ облизнемъ отъ недопитой во-снѣ браги; дядя-Яковъ съ растрепанною бородой; капитанъ Савелій съ предчувствіемъ конечнаго разоренія. У всѣхъ уши выросли на вершокъ, у всѣхъ ужасъ вылился единогласнымъ крикомъ: что это?

— Не громъ ли? сказалъ крестясь Савелій.

— Не звонъ ли глиняныхъ соловецкихъ колоколовъ? молвилъ лукаво Алексѣй.

— Я-те задамъ такого благовѣсту съ перезвономъ, что у тобя до Касьянова-дня въ ушахъ будетъ звенѣть! крикнулъ дядя-Яковъ. Никитичъ! Лѣво на бортъ! Зѣвать нечего! Это Англичане.

Цѣлая стая годдемонъ зажужжала по дорожкѣ, прорванной въ туманѣ ядромъ и убѣдила нашихъ въ

несомнѣнности словъ Якова. Но желанье уйти отъ невидимаго капера, пользуясь мглою, оперило ихъ надеждой. Карбасъ кинулся по вѣтру, какъ утка, испуганная ружьемъ охотника. Но чрезъ минуту всякая вѣроятность избавленія исчезла. Туманъ, испаряясь, становясь прозрачнымъ, оказалъ погоню, за кормою. Англійскій куттеръ, взрывая волны и пары, катился вслѣдъ бѣгущихъ! Огромный гикъ, отброшенный на вѣтеръ, выходя изъ тумановъ, казалось, хваталъ ихъ; тѣнь треугольнаго паруса будто вонзалась въ корму: она обдала холодомъ сердца Русскихъ! Жестяная труба загремѣла: — Boat-ahoo! Strike your colour! «Ботъ! сдайся.»

Руки отнялись у бѣдняжекъ. Уползти не было возможности. Оружія у нихъ — одинъ дробовикъ, да два топора. Между-тѣмъ куттеръ напиралъ все ближе и ближе, заслоняя собою вѣтеръ.

— Down witte your rags! «долой ваши тряпки!» кликнула снова труба. Put the helm up, dammt! руль на бортъ, чортъ возми! «Strike, or I'll run over and sink you! «Сдайся, или я переѣду и утоплю тебя!» Съ этимъ словомъ куттеръ началъ приводить къ вѣтру, чтобы дать дѣйствовать артиллеріи. Савелій очень хорошо зналъ въ чемъ-дѣло. Онъ ясно видѣлъ, что Англичанинъ могъ пустить его ко-дну ядрами или ударомъ водорѣза; но онъ былъ оглушенъ мыслію неволи, разоренья, и когда же? — въ самомъ разгарѣ надеждъ, въ самомъ цвѣту счастья! Онъ пришелъ въ ярость, вообразивъ, что все его достояніе, все его потомство въ фунтикахъ, въ узелкахъ, въ тюкахъ, въ рогожкахъ, погребется въ брюхѣ разбойничьяго судна; что вмѣсто объятій Катерины Петровны, ожидаютъ его линьки боцмана, вмѣсто матушки-Руси, какой-нибудь блокшифъ *, исправляющій должность тюрьмы! Ретивое вспыхнуло: онъ схватилъ заржавѣлый дробовикъ и, бацъ, прямо въ бортъ куттера!

— Fire! «пали!» раздалось на немъ.

* Старый корабль, безъ вооруженія, въ портѣ стоящій.

Пламя каронады брызнуло по головамъ Русскихъ, и цѣпное ядро срѣзало обѣ мачты. Павшіе паруса накрыли карбасъ и, прежде чѣмъ наши выбились изъ подъ этой сѣти, шестеро вооруженныхъ матросовъ вскочили въ судно и перевязали ихъ. Сопротивленіе было бы безумствомъ. Судьба свершилась. Савелій со всею своею командой — военноплѣнный; его карбасъ вмѣстѣ съ грузомъ — добыча англійскаго капера, признаннаго въ этомъ достопочтенномъ званіи правительствомъ, и снабженнаго отъ него письменнымъ видомъ, lettre de marque, и чугунными ядрами, для законнаго грабежа враговъ Великобританіи.

Давно уже и много и красно писали гг. публицисты противу корсарства, приватирства, пиратства, каперства или, просто напросто, морскаго разбоя, прикрытаго флагомъ; но какъ такую пѣсню запѣвали всегда тѣ, которые не могли сами грабить, а не тѣ, которые смѣли грабить, то всѣ совѣщанія ученыхъ и обиженныхъ кончались обыкновенно, какъ совѣтъ мышей: не находили молодца, который бы привязалъ колокольчикъ на шею кошкѣ — Англіи. Забавнѣе всего, что Наполеонъ, который не признавалъ ни-какихъ правъ, кромѣ тѣхъ, что мотаются, какъ темлякъ, на шпагѣ, — Наполеонъ, который, гдѣ только могъ, изъяснялся діалектикою двадцати-четырехъ-фунтоваго калибра, унизился до смиренной прозы, толкуя о каперахъ. Онъ очень серіозно и остроумно доказывалъ, что морское народное право — вовсе не право; что не сходно ни съ европейскими нравами, ни съ понятіями вѣка, грабить и полонить беззащитныхъ купцовъ враждебной націи на морѣ, точно такъ же, какъ частную собственность мирныхъ гражданъ, на берегу; что, платя за съѣстные припасы поселянину и сохраняя жизнь, свободу и имущество даже въ городѣ, взятомъ въ бою, не безчеловѣчно-ли, не унизительно-ли отнимать и то, и другое, и третье, на караблѣ? Неужели соленая вода до того измѣняетъ краску понятій, что презрительное и беззаконное

на-сушѣ, становится на морѣ похвальнымъ и законнымъ? Проговаривался онъ, что каперы и крейсеры должны ограничиваться лишь осмотромъ купеческихъ судовъ и конфискаціей однихъ военныхъ снарядовъ. Англичане говорили, что это весьма справедливо — и не переставали забирать, ловить, грабить всѣ французскія и союзныя Франціи суда.

Послѣ Тильзитскаго-мира, очередь упала и на насъ-грѣшныхъ. Мы принялись сосать свеклу, увѣряя себя, что это сахаръ, и за тридорого одѣваться въ дрянное сукно, сотканное на континентальной системѣ. За-то мы точили тогда свои непокупные и неподкупные штыки и, вмѣсто кофе, пили надежду близкой мести. Она разразилась 1812 годомъ. Но такъ или сякъ, а Савелій Никитичъ — плѣнникъ. Англичане, какъ всѣмъ извѣстно, народъ ласковый, привѣтливый до того, что на бокахъ его и его товарищей напечатался не одинъ параграфъ морскаго права, покуда оно переселилось на палубу Его Великобританскаго Величества, эту пловучую почву habeas corpus, ступивъ на которую, каждый чужеземецъ пользуется неограниченною свободой носить свой носъ по буднямъ и праздникамъ новозбранно. Мы видѣли, какъ поступили они съ Наполеономъ, который имѣлъ простоту отдаться добровольно ихъ гостепріимству и великодушію: можете судить, каково приняли они русскихъ мѣщанъ, дерзнувшихъ убѣгать отъ ихъ правоты и даже ранить дробью въ носъ дубовый кутеръ подъ флагомъ Георга III. Le cas était pendable, — это висѣльный случай, какъ говорятъ Французы, а Савелью навѣрно бы досталось проплясать джигъ подъ концомъ рея, если бъ онъ попался англійской дисциплинѣ послѣ обѣда; но, къ счастью, плѣненіе карбаса произошло въ первую бутылку дня, * и потому капитанъ капера удовольствовалъ гнѣвъ свой, отпустивъ имъ на бра-

* Въ морскихъ, заморскихъ романахъ, я чай, не разъ случалось вамъ читать, — четвертая склянка, осьмая склянка. Это мистификація: это попросту

та по дюжинѣ образцовыхъ браней, standart jurements, — God damm your eyes! съ придачею не въ зачетъ нѣсколькихъ — You scoundrels ruffians! и barbed dogs! мошенники, бездѣльники, бородатыя собаки. Савелій и дядя-Яковъ, которымъ англійскія привѣтствія пріѣлись какъ насущные сухари, находили это въ-порядкѣ вещей. Но Алексѣй нѣсколько разъ пыталъ высвободить свою десницу изъ веревокъ, чтобы обратиться съ отвѣтомъ *прямо къ лицу* капитанскому: Иванъ поплевывалъ вдвое чаще.

Но въ сущности Англичане не злой народъ, и если вычесть изъ нихъ подозрительность, грубость, нестерпимую гордость и гордую нетерпимость всего иноземнаго, вы найдете, что они самые любезные люди въ свѣтѣ. Сердце Англичанина кокосовый орѣхъ: надо топоромъ прорубиться до ядра, но зато внутри не свищъ, какъ у Француза, а сокъ освѣжительный. По внѣшности, онъ дѣйствуетъ сообразно со своими угнетательными, корыстными, колоніяльными законами; дома — по душевному уставу. Таковъ былъ и краснощекій, толстопузый капитанъ Турнипъ, командиръ куттера: грубъ съ лица, радушенъ съ подбою. Раздраженный сопротивленіемъ ничтожной русской раковинки, онъ грубо принялъ гостей своихъ; но когда дѣло кончилось удачно, когда всѣ тюки и боченки перепрыгнули черезъ бортъ въ трюмъ его, когда и сама верхняя часть карбаса изрублена была на дрова, а днище отправилось ко-дну, когда онъ взглянулъ на бумаги Савелья, ограбивши прежде все дочиста, — это по судейски, люблю молодца за обычай, — и объявилъ, что карбасъ былъ законный призъ, улыбка разутю-

---

значитъ, что моряки хватили три бутылки, что они пьютъ уже восьмую. Часомѣріе это, самодвижное и самозвонное, весьма удобно и здорово: въ полдень опрокидываютъ они всѣ бутылки разомъ, и это называется: повѣрка хронометровъ. *Ученое замѣчаніе.*

жила сафьянное лице его, нахмуренныя брови раздались, разступились, и онъ, ласково ударивъ Савелья по плечу, бросилъ ему самое засмоленое изъ привѣтствіій, разцвѣтающихъ на палубѣ: Heave a head, boy, and never fear! подыми голову, и ничего не бойся! *

Савелій, по народному выраженію, лихо насобачился говорить по-англійски. Савелій былъ сердитъ, а потому безъ раздумья просунулъ отвѣтъ сквозь зубы на это ободреніе, англійской работы: Богъ тебя прокляни, морская собака, и пусть будетъ чортъ твоимъ флагманомъ! не бойся? Да чего мнѣ теперь боятся, когда ты ограбилъ меня до души.

Never mind! Забудь это! возразилъ съ улыбкой Турнипъ.

Мысль о добычѣ отбила прочь досаду за брань.

— Скорѣе чортъ забудетъ взять твою душу, чѣмъ я забуду счастье, которое ты у меня отнялъ!

— Ахъ, ты неблагодарное двуногое! Развѣ не подарилъ я вамъ жизни и боченка съ квасомъ, съ этимъ некрещенымъ напиткомъ, безъ котораго ни одинъ Русской не можетъ существовать? Развѣ я этого не сдѣлалъ? Waht, boy, did I not?

— Ты мнѣ жизнь и квасъ сдѣлалъ хуже уксусу. Не подчуй меня такою обглоданною жизнію. Я не собака, чтобы прыгать на цѣпи и лизать плеть твою. Утопилъ ты мой карбасъ, утопи же и меня.

— Если утопить тебя въ морѣ, оно сдѣлаетъ изъ тебя солонину рыбамъ: тебя жаль! Если жъ утопить тебя въ водкѣ, она превратится въ настойку глупости: водки жаль! Ты, пріятель, лихой морякъ, когда пускаешься по морю въ табакеркѣ: я не могу запретить себѣ уважать такую отвагу. Ну, скажи, за что ты сердишься? Будь ты сильнѣе меня, ты сдѣлалъ бы то-же со мною, что я съ тобой! Не лучше ли будетъ прохладить твою горячку, выливши на

* Heave a head, въ морскомъ значеніи, почти то-же, что у насъ, — по мѣстамъ! смирно! — то есть, будьте внимательны, слушайте.

тебя ведро холодной воды, и утопить твое горе, вливши въ тебя стакана два рому?

Хмѣль чудесная смазка для удовольствія и горя: онъ также плотно лѣпитъ къ сердцу расписанный изразецъ перваго, какъ зубристый булыжникъ втораго. Савелій долго отпѣкивался пить, отталкивалъ привѣтно подлетающій къ губамъ его стаканъ съ жидкимъ забвеньемъ; наконецъ глотнулъ, морщась; еще и еще разикъ, и вотъ, съ каждымъ глоткомъ, горе его таяло какъ сахаръ въ пуншѣ, и наконецъ онъ подумалъ: покуда самъ живъ, счастье не умерло! И онъ весело взглянулъ на Божій свѣтъ, будто выбирая, съ котораго края почать его. Онъ отломилъ каждому изъ своихъ товарищей по кусочку собственной бодрости, и протянулъ къ капитану руку.

— Такъ бы давно! сказалъ тотъ. Будьте смирны, да работайте, такъ на насъ жаловаться не станете. Дастъ Богъ, Русскіе подымутся съ нами заодно противъ этого разбойника, Бонапарта, и тогда вы опять увидитесь со своею родиной. Она хоть и ледяная, а все до тѣхъ-поръ не растаетъ!...

— А Катерина Петровна? подумалъ Савелій со вздохомъ. Женщины таютъ скорѣе снѣгу.

Капитанъ окунулъ свои руки въ карманы, и пустился ходить по палубѣ. Можетъ-быть и онъ думалъ о своей Фанни.

Капитанъ этотъ служилъ сперва на остъ-индскихъ корабляхъ, — на индѣйцахъ, Indiamen, какъ выражаются Англичане. Потомъ состоялъ онъ на полужалованьѣ; потомъ ему отказали и въ этомъ за долгую неявку. Онъ, изволите видѣть, разсудилъ, что лучше ѣсть пряности и сладости, чѣмъ перевозить ихъ съ береговъ Ганга, и женился. Тутъ онъ узналъ, однако-жъ, что вся сладость супружескаго чина состоитъ въ картофелѣ и въ кускѣ говядины. Это такъ его тронуло, что онъ съ горя потолстѣлъ, а для разсѣянія и барышей, пустился въ торговлю. Коварная стихія, — то есть, море, а не жена его — однакожъ-жъ, не сманила бы его самого съ берега,

если бъ несчастнымъ случаемъ часть его имущества въ товарахъ не попалась въ руки французскому каперу. Съ этой минуты онъ, отъ собственнаго лица, объявить войну Наполеону и, движимый любовью къ отечеству и къ своему карману, рѣшился вознаградить убытокъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ пришелъ къ нему. Оснастилъ онъ небольшое одномачтовое судно, нанялъ экипажъ, купилъ себѣ четыре пушченки, — вѣдь въ Англіи онѣ продаются на толкучемъ рынкѣ, и подъ часъ вы можете купить цѣлую батарею у носячаго; испросилъ у правительства билетъ на представленіе войны въ миньятюрѣ, и пустился пѣнить море. Ему удалось въ Каналѣ захватить какой-то ботъ съ контрабандой, да нѣсколько несчастныхъ рыбачьихъ лодокъ. Это его произвело въ собственномъ мнѣніи въ герои краснаго флага, и онъ, заслышавъ, что снаряжается не большая эскадра въ Ледовитое-Море для поисковъ надъ Шведами и Русскими, рѣшился идти вслѣдъ за нею, какъ чакалка за тигромъ. Онъ расчелъ, что шведскіе китоловы и русскіе мѣщане, ему по силамъ болѣе, чѣмъ французскіе корсары, и что, въ расплохъ нападая, скорѣй можно поживиться добычей. Онъ снялся съ якоря, и обогнулъ Норвегію вмѣстѣ съ королевскою флотиліей.

Разрывъ Россіи съ Англіей, въ угоду Наполеону, хотя и не былъ искреннимъ съ обѣихъ сторонъ, однако-жъ всѣ моря, которыя считаютъ Англичане своими столбовыми и проселочными дорогами, higsways and by-ways, были замкнуты для насъ живою цѣпью кораблей. Крейсеры ихъ шныхарили въ Балтійскомъ-морѣ, и въ 1811 году показались въ Бѣломъ-морѣ, съ набожнымъ намѣреніемъ разграбить Соловецкій монастырь. Свѣдавъ однако, что тамъ усилены гарнизонъ и артиллерія, они не посмѣли на приступъ, и возвратились. Одинъ только бригъ проникъ до самой Колы; однакожъ спѣшилъ улизнуть оттуда съ небольшою добычей за-добра-ума, когда былъ застигнутъ бурей, разлученъ со своимъ флагманомъ, и наткнулся на карбасъ Савелья. Те-

перь онъ правилъ бѣгъ свой во-свояси, и уже три дня протекло со дня плѣненія карбаса. Въ эти три дня, капитанъ Турнипъ обжился съ новобранцами своими. Капитанъ Турнипъ былъ неплохой морякъ по знанію моря, но очень плохой по своей лѣности. Женатая жизнь избаловала его: неохотно раставался онъ съ застольемъ и постелей. Крутой пуддингъ и мягкая подушка были для него, разумѣется съ примѣсью мадеры и грога, первымъ блаженствомъ міра: онъ не могъ вообразить идоловъ иначе, какъ въ видѣ соусника, бутылки или пуховика. Въ слѣдствіе-сего, онъ гораздо болѣе любилъ проводить время въ уютной каютѣ своей, чѣмъ на палубѣ. Что же дѣлать, милостивые государи! онъ привыкъ къ домовитой, къ порядочной жизни: онъ былъ человѣкъ женатый!

Впрочемъ, нашъ холостой XIX вѣкъ также прихотливъ, будто женатый вельможа: comfort — надпись его щита. Правда, онъ выдумалъ для непріятелей паровыя пушки, для пріятелей дрожки безъодолженія: за-то выдумалъ и сидѣнье сзади коляски для слугъ, тротуары для пѣшеходовъ, ошейники съ ресорами для собакъ, резинные корсеты для красавицъ, непромокаемые плащи для воиновъ, супъ изъ костей для бѣдныхъ, для богатыхъ нетлѣнный супъ, который выдержитъ потопъ, не потерявши вкусу, выдумалъ жаровню, которая жаритъ бифстексъ въ карманѣ, и ватерклозеты для спаленъ. Выдумалъ онъ... Да чего онъ не выдумалъ! Все, — отъ машины разстирать камни въ пузырѣ, до французской бритвы-гильотины, которая вамъ снимаетъ голову такъ легко и скоро, что вы не успѣете чихнуть, и до многихъ другихъ этого рода усовершеній. Скажите, можно ли быть заботливѣе, предупредительнѣе нашего вѣка? Не хотите ли вы мнѣ говорить про солнце старинное, про нестарѣющую природу, про наслажденіе бивуаковъ, про здоровье гнилыхъ сухарей и пріятности грязнаго бѣлья?... Вздоръ, сударь! я люблю искуства и промышленность. Я хочу жить и умереть при свѣтѣ газовыхъ лампъ,

на тюфякѣ, набитомъ благовоннымъ воздухомъ, въ перчаткахъ съ пружинами, съ резинною спиной, съ сердцемъ непромокающимъ даже отъ слезъ. Я Русскій своего вѣка, милостивый государь! Я люблю газеты и омнибусы... Я люблю comfort. Вашъ покорнѣйшій и проч.

Капитанъ Турнинъ, какъ Англичанинъ, который скорѣе бы согласился обнищить половину своихъ согражданъ и зачумить другую, скорѣе, чѣмъ оставить пустыми свои благоустроенныя тюрьмы и больницы, любилъ комфортъ не менѣе моего и, по обыкновенію своему, въ третій вечеръ отправился на боковую, оставя рулеваго за себя бодрствовать, а русскихъ плѣнниковъ спать на голыхъ доскахъ, подъ парусомъ вмѣсто одѣяла. Ночь была прелестна безъ метафоры. Въ самомъ-дѣлѣ, ночи Сѣвера очаровательны: это день при лунномъ свѣтѣ, это переливъ зари вечерней въ зарю утреннюю. Опаловыя небеса чуть блещутъ звѣздочками, и когда они роняютъ лучи свои въ синія волны, рѣзвушки-волны ловятъ ихъ, отнимаютъ другъ у друга, дѣлятъ, дробятъ ихъ искры, хотятъ затаить въ своемъ зыбкомъ хрусталѣ, и потомъ прыщуться ими игриво. Взоръ вашъ далеко пронзаетъ чистое небо, какъ-будто усиливаясь прочесть высокую, божественную мысль, по немъ разлитую; глубоко погружается въ бездну моря, разгадывая дивную тайну, въ немъ погребенную. Вы скажете, что эти улетающія отъ взора небеса, со своими алмазными цвѣтами, со своею радугой вкругъ мѣсяца, съ причудливыми образами облаковъ, есть — воображеніе, а море съ ропотною пучиной своею, съ обломками караблекрушеній, съ каменистыми растеніями, съ трупами, съ чудовищами на днѣ, съ фосфорическимъ блескомъ сверху — память человѣческая?

Савелій не разгадывалъ ни мысли, ни тайнъ творенія, но онѣ совершались въ немъ безъ его вѣдома. Тоска по отчизнѣ грызла его сердце, — тоска, которую превзойдетъ развѣ часъ разлуки съ жизнію. Выньте рыбу изъ воды, посадите птичку подъ

воздушный насосъ, и скажите имъ: живи! Оторвите человѣка отъ отечества, и потомъ дивитесь, что онъ чахнетъ, скучаетъ. Не спалось Савелью на новосельѣ: онъ тихо поднялъ голову...

Вѣтеръ былъ свѣжъ, но ровенъ. Закрѣпленные паруса были вздуты; куттеръ, склонясь на бокъ, шибко рѣзалъ волны, и онѣ разсыпались о грудь его серебряными колосьями. Всплески звучали мѣрнымъ ладомъ, и струя, скользя вдоль боковъ, сливалась за рулемъ въ завитки, и нашептывала, навѣвала сонъ на все живое. Покорный этому призванію, рулевой дремалъ надъ румпелемъ, и только повременно, по привычкѣ ворчалъ — Steady! steady! проворнѣе. Трое вахтенныхъ матрозовъ храпѣли уже, прикорнувъ къ сѣткамъ; остальные всѣ спали въ койкахъ, въ своей каютѣ, внизу.

И вдругъ огневая мысль выстрѣлила въ головѣ Савелья, и пролетѣла по всему его составу. Ему показалось, кто-то крикнулъ наухо — овладѣй куттеромъ! онъ толкнулъ дядю-Якова: тотъ проснулся.

— Видишь ты? сказалъ онъ шопотомъ, показывая на спящихъ Англичанъ.

— Вижу, отвѣчалъ Яковъ, оглядѣвшись.

— Хочешь ли ты свободы? спросилъ Савелій.

— Хочешь ли ты смерти? спросилъ въ свою очередь Яковъ.

— Смерть та-же воля: лучше умереть въ шубѣ, чѣмъ голому жить. Лучше отдать свои кости Божьему морю, нежели таскать ихъ по чужой землѣ. Со мной, что ли, дядя-Яковъ? Не то я одинъ надѣлаю проказъ, а въ кандалы не дамся.

— Слушай, удалая голова: я не меньше тебя люблю матушку-Русь, я тебя не выдамъ. Только подумай — гдѣ мы и сколько насъ?

Савелій указалъ ему на два люка, отверзтія ведущія подъ палубу, потомъ на ряды абордажныхъ орудій, висящихъ по сѣткамъ, и что-то пошепталъ ему на ухо тихо, тихо.

— Съ Богомъ! произнесъ дядя-Яковъ.

Съ двумя остальными Русаками нечего было совѣтоваться: имъ стоило только велѣть, и они готовы въ пылъ и въ омутъ. Савелій подобрался къ борту, отцѣпилъ топоръ и прямо пошелъ къ рулевому. Тотъ въ-полглаза взглянулъ на него, подернулъ штур-троса * и пробормоталъ свое steady! steady! Оно было послѣднимъ. Савелій разнесъ ему черепъ до плечъ: несчастный упалъ черезъ румпель безмолвенъ, и кровь рѣкой полилась по палубѣ. Трое Русскихъ схватили одного спящаго Англичанина и перебросили его черезъ бортъ въ море. По двое остальныхъ Англичанъ проснулись отъ шуму, схватились бороться, и только раненые уступили силѣ. Голодная пучина съ шумомъ приняла ихъ въ свое лоно, но не вдругъ поглотила ихъ. Жалобный, пронзительный крикъ то возникалъ, то смолкалъ надъ волнами, и наконецъ все слилось въ молчаніе могилы, въ тихій говоръ моря. Между-тѣмъ, смертный кликъ борьбы всполошилъ осьмерыхъ матросовъ, спящихъ внизу; но Русскіе успѣли уже надвинуть на отверзтія рѣшетчатыя крышки, и закрѣпить ихъ сверху болтами. Едва Англичане осмѣливались попытаться поднять кровлю своей западни, три заряженныхъ мушкетона отпугивали ихъ прочь. Люкъ въ каюту капитана былъ также заколоченъ прежде, чѣмъ онъ отрясъ съ рѣсницъ своихъ сонъ, утроенный мадерой.

Бой! закричалъ онъ грозно, услышавъ необычайную суматоху на палубѣ. *Бой*! повторилъ онъ съ приложеніемъ сотни браней; но *Бой* не являлся, хотя заклинанія капитанскія могли бы вызвать всѣхъ чертей изъ ада. Бѣдняга, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, вѣстовой капитана, былъ лишенъ на этотъ разъ неизбѣжнаго пинка, служившаго знакомъ восклицанія звательному надежу — *Бой*! онъ давалъ ему невѣроятную быстроту движеній. — *Бой*, принеси бутылку! *Бой*, кликни боцмана!—и пинокъ въ задъ— и онъ взлеталъ по лѣстницѣ соколомъ. Да! пинокъ

* Веревка, управляющая рулемъ.

есть первая буква англійской дисциплины, которой послѣдняя — петля на концѣ реи.

Видя, что *Бой* нейдетъ за полученіемъ своей порціи, капитанъ въ гнѣвѣ вскочилъ съ постели и кинулся къ дверямъ: онѣ были заперты.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ, потрясая задвижками.

— Это значитъ, что ты мой плѣнникъ, отвѣчалъ Савелій, сквозь люкъ. Половина твоихъ людей въ морѣ, другая забита въ палубѣ: сдайся!

— Что бы я, лейтенантъ королевской службы, сдался бородачу? Никогда! ни за-что! я пробуравлю дно и потоплю тебя! кричалъ Турнипъ.

— Я зажгу судно и взорву тебя на воздухъ, возразилъ Савелій.

Но судно не было потоплено, ни сожжено. Оно было только обращено назадъ, и тѣмъ же полувѣтромъ бѣжало къ Руси. Савелій правилъ рулемъ, и надзиралъ надъ капитанскимъ люкомъ. Двое другихъ стояли на часахъ при люкѣ матрозской каюты, одному позволялось спать. Всѣ они были обвѣшены оружіемъ. Тяжко бы имъ было управляться съ парусами, если бы вѣтеръ перемѣнился или скрѣпчалъ; но онъ дулъ ровно и постоянно, и Алексѣй, весело поглядывая впередъ, охорашивался и говорилъ: знай нашихъ! Тишина прерывалась, только порой, бранью запертыхъ въ клѣткѣ Англичанъ, да заклинаніями капитана. Наконецъ и онъ умолкъ. Какъ истинный философъ, онъ, принявъ тройной зарядъ рому, заснулъ, поверженный, но не побѣжденный.

На другой день Русскіе сдѣлали печальное открытіе, что у нихъ нѣтъ ни крошки сухаря: все съѣстное хранилось внизу. Побѣдители могли умереть съ голоду прежде, чѣмъ добѣжать до берега. Англичане не сдавались и не давали ничего. Къ-счастію случай уравновѣсилъ бѣдствіе обѣихъ воинствующихъ націй. Англичане не за долго выкатили на палубу остальныя бочки съ водой, для помѣщенія

подъ кровлю нѣжной добычи. Начались переговоры:

— Дайте намъ хлѣба! говорили Русскіе.

— Дайте намъ воды! говорили Англичане.

— Не дадимъ, отвѣчали Англичане, покуда вы насъ не выпустите.

— Не дадимъ, отвѣчали Русскіе: сдайтесь!

И парламентеры расходились отъ люка.

Но голодъ и жажда уладили перемиріе. Народное честолюбіе замолкло передъ воплемъ желудка: мѣна учредилась. За каждый кусокъ сухаря и солонины, данный въ-обрѣзъ, отмѣривались кружки воды на полжажды.

— Я бы желалъ, чтобъ ты подавился этимъ кускомъ! говорилъ капитанъ, просовывая оленій языкъ сквозь отверстіе люка.

— Я бы желалъ, чтобъ ты вѣкъ пилъ одну воду, говорилъ Савелій, подавая ему мѣрку невинной влаги. Авось бы ты съ этого поста поумнѣлъ!

— Ты разбойникъ! ворчалъ капитанъ.

— Я твой ученикъ, возражалъ Савелій. Утѣшься! я сдѣлалъ съ тобой то же самое, что сдѣлалъ бы ты со мной, если бъ былъ сильнѣе. Развѣ это не твои слова?

Капитанъ говорилъ, что ничего въ свѣтѣ нѣтъ глупѣе такихъ утѣшеній.

Куттеръ плылъ-да-плылъ къ Руси.

Куттеръ этотъ былъ забавное и небывалое явленіе въ политикѣ. Это не было уже status in statu, но status super statum, государство верхомъ на государствѣ, — побѣдители безъ побѣжденныхъ, и побѣжденные, непризнающіе побѣдителей; это было два яруса Вавилонскаго Столпа, спущенные на воду. Внизу ревѣли — да здравствуетъ Георгъ III навѣчно! Вверху кричали — ура батюшкѣ-Царю, Александру Павловичу! Англійскіе годдемы и русскія непечатныя побранки встрѣчались на-лету. Это, однако-жъ, не мѣшало куттеру бѣжать по десяти узловъ въ часъ, и вотъ завидѣли наши низменный берегъ родины, и вотъ съ полнымъ вѣтромъ, вбѣ-

жалъ онъ въ устье Двины, не отвѣчая на спросы брандвахты, несмотря на бой бара. Савелій не хотѣлъ медлить на минуты, и зная, что ему простятъ всѣ упущенія формъ, катилъ безъ всякаго флага вверхъ по рѣкѣ. Таможенные и брандвахтенскіе катера, задержанные баромъ, выбились изъ силъ, преслѣдуя его. Таможня и брандвахта сошли съ ума: ну что, если этотъ сумасбродъ — Англичанинъ! ну что, если онъ вздумаетъ бомбардировать Соломболу, сжечь корабли, спалить городъ? Конные объѣздчики поскакали стремглавъ въ Архангельскъ, и тревога распространилась по всему берегу прежде, чѣмъ призовый куттеръ показался.

Вооруженная шлюбка, однако-жъ, встрѣтила его на дорогѣ, опросила, поздравила, и суматоха опасенія превратилась въ суматоху радости. Прежде-чѣмъ снѣжный комъ докатился до Архангельска, онъ выросъ съ-гору. Всѣ кумушки, накинувъ на плеча епанечки, бѣгали отъ воротъ къ воротамъ,— время ли па дворъ заглядывать! — и разсказывали, что ихъ роденька (тутъ всѣ стали ему роднею), Савелій Никитичъ, напалъ на стопушечный англійскій корабль, разсыпался во всѣ стороны, окружилъ его своимъ карбасомъ, вырвалъ руль собственными руками, и давай тузить Англичанъ направо и налѣво: принуждены были сдаться, супостаты! Теперь онъ ведетъ его сюда на-показъ! Всѣ ахали, всѣ спрашивали, всѣ разсказывали чепуху: никто не зналъ правды.

Громкое ура съ набережной встрѣтило приближающійся куттеръ; шапки летѣли въ воздухъ, чоботы въ воду; въ порывѣ народной гордости, народъ толкалъ другъ-друга локтями и колѣнями. Всякой продирался впередъ, всѣ хотѣли первые поглядѣть на удалаго земляка. Савелій чуть не рехнулся: онъ бѣгалъ по палубѣ, обнималъ своихъ сподвижниковъ, стучался въ двери Турнипа.

— Сдайся! кричалъ онъ. Мы ужъ въ Архангельскѣ.

— Не сдамся бородачу! отвѣчалъ тотъ.

Когда причалили и бросили сходень, губернаторъ первый встрѣтилъ Савелья, прижалъ къ груди, назвалъ молодцомъ. Сердце закатилось у Савелья съ радости, слезы брызнули изъ глазъ его.

—Ваше превосходительство! отвѣчалъ онъ... Ваше превосходительство!... я Русской!

Капитанъ Турнипъ преважно сошелъ на берегъ, вручилъ губернатору свой кортикъ, и отправился подъ прикрытіемъ въ городъ, напѣвая:

Rule Britania the waves!
Владѣй Британія морями!

Всѣ смѣялись.

Нужно ли досказывать? Савелій не поѣхалъ въ Соловки: онъ пошелъ въ церковь со своею милою Катериной Петровной. Государь Императоръ, узнавъ о подвигѣ Никитина, напоминавшемъ подвигъ Долгорукаго при Петрѣ, прислалъ архангельскому герою знакъ военнаго ордена, и приказалъ продать, въ пользу его съ товарищами, грузъ призоваго капера.

Это не выдумка. Савелій Никитинъ живъ до сихъ-поръ, уважаемъ до сихъ-поръ; и если вы встрѣтите въ Архангельскѣ бодраго человѣка лѣтъ пятидесяти, въ русскомъ кафтанѣ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, — поклонитесь ему: это Савелій Никитинъ.

1834.
Дагестанъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ IX.

МУЛЛА НУРЪ *.

(Быль.)

О вахта эды-ки Гиндустанъ падишахи эглишибъ, меджилисында аали зіяфатъ варыды; нече шахзаделяръ, нече пегливанляръ, нече везириляръ, нече улемаляръ, дести растъ дести растданъ, дести чапъ дести чапданъ, эглешибъ, мешкулядыляръ.

Въ ту-пору случилось индійскому царю сидѣть въ бесѣдѣ; было у него пированье, великій пиръ. Сколько царевичей, сколько богатырей, сколько везирей, сколько улемъ, отъ правой руки къ лѣвой, отъ лѣвой руки къ правой, усѣвшись, промежъ-собой перемолвливали.

I.

Чахъ дашы, чакмахъ дашы,
Аллахъ версынъ ягышы!
Кремешки и камешки, дай Богъ вамъ
дождя, умыться!

Припѣвъ.

Грустно раздается *намазъ*, будто поминка по ясномъ днѣ, отлетѣвшемъ въ вѣчность.

---

* *Мулла* не только священникъ, но всякой грамотный, ученый; нерѣдко имя собственное. *Нуръ*

— Жарко, душно въ Дербентѣ! Взойди-ка на кровлю, Касимъ, посмотри какъ падаетъ за горы солнышко: не краснѣетъ ли западъ, не сбираются ли тучи на небѣ?

— Нѣтъ, *ами* (дядя)! Западъ голубѣе глазъ моей сестрицы. Солнце упало ярко, словно «золотой цвѣтъ» на ея груди *. Ни одинъ взоръ его не гаснетъ въ туманѣ.

Ночь распахнула звѣздистый вѣеръ свой. Темно.

— Взойди-ка на кровлю, Касимъ; присмотрись, не канетъ ли капель росы съ молодаго рога май-мѣсяца, не прячется ли онъ въ ночную радугу, какъ жемчужина въ перломутровую раковину.

— Нѣтъ, *ами*! Въ чистой синевѣ плыветъ мѣсяцъ: не слезы, а стрѣлы сыплетъ онъ на море! Кровли сухи, какъ степь Мугана; по нимъ весело бѣгаютъ скорпіоны — вѣщуютъ зной и на-завтра!

— Бѣда безъ дождя! говоритъ старикъ-дядя, засыпая; а городъ ужъ спитъ.

Только переликъ часовыхъ обвиваетъ дряхлыя стѣны звеньями звука, да море мѣрною зыбью ходитъ по берегу....... Вы бы сказали — это души покойниковъ бесѣдуютъ съ вѣчностью: такъ все кругомъ сходно съ кладбищемъ!

Край моря сквозитъ пожаромъ. Ласточки опередили своимъ привѣтнымъ щебетаньемъ кличъ муллы надъ мечетью; но и мулла не поздняя птичка;

значитъ «свѣтъ,» и встрѣчается очень часто въ составѣ мусульманскихъ именъ, напримѣръ, *Дарья-нуръ*, Море свѣта, прозвище лучшаго алмаза персидскаго шаха; *Нуръ-джанъ*, Свѣтъ души, *Нуръ-эдъ-динъ*, Свѣтъ вѣры, *Нуръ-магалъ*, Свѣтъ области, а не Свѣтъ гарема, какъ назвалъ ошибочно Томасъ-Муръ героиню прелестной поэмы своей, Light of the Haram.

* *Казыль-гюль*, золотая съ камнями бляха, женскій уборъ. Собственно, *казыль-гюль* значитъ красная роза.

онъ ужъ поетъ ходя вокругъ купола *, склонивъ голову на ладонь: «Проснитесь, правовѣрные! встаньте! потому-что молитва лучше сна.»

— Взбѣги на кровлю, Касимъ; погляди, не катится ли туманъ съ горъ Лезгистана. Не чернѣетъ ли море, не скачетъ ли бѣлогривый прибой черезъ камни?

— Нѣтъ, *ами!* горы облиты божьей позолотой; море сверкаетъ будто зеркало; флагъ на крѣпости Нарынкале обнялъ древко, какъ обнимаетъ *чадра* станъ красавицы. Ни одна волна не разсыплется жемчугомъ на берегъ; ни малѣйшій вѣтерокъ не завьетъ въ кудри пыли по дорогѣ: смирно все на море, тихо все на землѣ, ясно на небѣ!

Старикъ-дядя закручинился. Совершивъ омовенье, онъ вышелъ для молитвы на плоскую кровлю, разостлалъ коверъ по мягкому *кыру* **, сталъ на колѣни и, когда кончилъ молитву изъ памяти, горячо молился еще изъ сердца.

— *Бисми'льлях'иръ-рахман'иръ-рахимъ!* произнесъ онъ обводя печальнымъ взоромъ окрестность: во имя Бога, всемилосерднаго и всеблагаго, будетъ слово мое. Облака вешніе, дѣти нашего моря! зачѣмъ вы стадитесь по хребтамъ и прячетесь въ ущелья? Или вы, какъ разбойники Лезгины, любите рыскать по утесамъ и дремать на острiѣ вершинъ? Зачѣмъ же вы, забравъ съ нашихъ луговъ въ добычу всю влажность, расточаете ее безумно на голые кудри лѣсовъ, недоступныхъ человѣку, и поите до бѣшенства горные потоки, которые врываются въ наши долины для того, чтобъ унести или залить берега, или засыпать ихъ осколками, будто обглоданными костями своихъ жертвъ. Дѣти неблагодарные! посмотрите, какъ мать ваша, земля, рас-

---

* Замѣтьте, что мусульмане шiиты не строятъ минаретовъ у мечетей, тогда какъ у суннитовъ минаретъ есть необходимость.

** *Кыръ*, нефть, смѣшанная съ пескомъ; имъ обливаютъ плоскiя кровли домовъ, сверхъ земли.

крыла тысячи устъ своихъ... она сгараетъ отъ жажды, она проситъ напиться! Посмотрите, какъ меньшіе братья ваши — колоски дрожатъ, бѣдняжки, безъ вѣтра, ломаются подъ кузнечикомъ, вытягиваютъ головки, думаютъ высосать изъ воздуха влагу и встрѣчаютъ лучъ, который подсѣкаетъ ихъ, словно, раскаленою косой. Засуха выпила водоводы, въ нихъ уже перепелъ вьетъ гнѣздо, а паутина заплела всѣ бороздки. Жаркій вѣтеръ безвременно и насильно отнялъ у цвѣтовъ благоуханіе и разбросалъ по степи листья. Дерева блекнутъ, трава горитъ, марена чахнетъ. Буйволы бодаютъ другъ-друга за лужу; голодные кони роютъ копытомъ нагую землю; мальчики дерутся у фонтана за оскудѣвшую струю... *Первіядеръ,* Всевышній, что будетъ съ нами! Засуха мать голода, а голодъ отецъ болѣзней, братъ разбоевъ! Вѣтеръ горный, вѣтеръ свѣжій! принеси намъ на крыльяхъ своихъ благодать Божію. Облака, сосцы жизни! пролейте небесное мололо на землю, разразитесь грозой, но смойте съ лица земли загаръ, свѣйте укоръ въ безплодіи. Бросьте стрѣлы свои на грѣшныхъ, но обрадуйте невинныхъ... вѣдь не всѣ — грѣшники на свѣтѣ, и въ лонѣ вашемъ не однѣ молніи: есть и дождь освѣжающій, есть не только страхъ, но и надежда. Сизыя тучи, крылья ангеловъ! повѣйте намъ прохладой, отряхните съ себя росу. О, летите же и спѣшите! Милости просимъ.

Нейдутъ тучи, не слушаютъ приглашеній. Жарко, душно въ Дербендѣ. Засуха томитъ окрестность.

И это было въ маѣ мѣсяцѣ, въ ту-пору, когда ладожскій ледъ грозитъ петербургскимъ мостамъ по три раза на день, затираетъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ пестренькіе ялботы и навѣваетъ на столичную атмосферу прохладу и насморки; въ ту-пору, когда красавицы большаго свѣта выходятъ толпами на Невскій-проспектъ *пользоваться свѣжею пылью,* округляя прелестныя формы своихъ капотовъ ватою, безъ всякаго нареканія; въ ту-пору, когда сѣверная Пальмира не знаетъ еще другихъ цвѣтовъ,

кромѣ распускающихся подъ творческою рукой Лапиной, другихъ благоуханій, кромѣ высиженныхъ въ баночкѣ, однимъ словомъ въ ту прекрасную пору, когда тающая бѣлая зима уступаетъ свое мѣсто зеленой зимѣ; когда сѣверный зефиръ, питомецъ Лапландіи, еще переноситъ румянецъ щекъ на кончикъ носа, и камелекъ, это русское солнце, отогрѣваетъ любезность, дрожащую отъ прогулки, или остроуміе, съеженное разводомъ. Да; въ Дербендѣ заботились о жатвѣ, когда въ Петербургѣ еще толкуютъ о дороговизнѣ дровъ.

Вотъ уже пять недѣль не кануло капли дождя па поля южнаго Дагестана, а засуха есть величайшее изъ бѣдъ въ жаркомъ климатѣ, особенно если она падетъ весеннею порой. Она лишаетъ тогда все дышащее настоящаго и будущаго пропитанія, пожигая пажити и жатвы. Въ краю, гдѣ перевозъ хлѣба изъ другихъ областей или очень затруднителенъ или вовсе невозможенъ, голодъ есть неминуемый наслѣдникъ неурожая. Азіятецъ искони живетъ день-до-вечера, не вспоминая, что было третьяго дня, не заботясь, что случится послѣ-завтра; живетъ именно спустя рукава, потому-что лѣнь и безпечность — его лучшія наслажденія. Но когда бѣдствіе, которое онъ полагалъ за тридесять невозможностей отъ себя, вдругъ растуается подъ его ногами, когда «завтра» становится «сегодня,» онъ пробуждается опрометью, начинаетъ плакаться, что нѣтъ средствъ или роптать, что не даютъ ему средствъ, вмѣсто того чтобы искать ихъ; шумитъ, когда надобно дѣйствовать, и увеличиваетъ опасность испугомъ въ той же мѣрѣ, какъ онъ уменшалъ ее невѣріемъ. Можете теперь вообразить, каково было уныніе въ Дербендѣ, когда ранніе жары своимъ палящимъ дыханіемъ стали пепелить надежды купца и земледѣльца, а почти всѣ жители Дербенда, вмѣстѣ земледѣльцы и купцы, распахиваютъ свои участки на-половину подъ пшеницу, на-половину подъ марену.

Да и правду сказать, имъ на этотъ разъ было

много законныхъ причинъ къ страху. Окрестные Дагестанцы, со времени Кази-Муллы, были достойно казнены голодомъ за мятежъ свой. Въ пору посѣва, они сѣяли пули; въ пору жатвы пожали месть: конь и огонь опустошили ихъ нивы, или вѣтеръ осени развѣялъ несжатые хлѣба, оттого-что горцы лѣто и осень бѣгали за знаменами изувѣра или прятались отъ Русскихъ въ глубинѣ пещеръ. Тогда лишь коса смерти гуляла въ полѣ.

Слѣдствія угадать было не трудно. На другое лѣто, озими были съѣдены не въ зернѣ, а въ колосѣ. Все, что пощадила война, какъ то: мѣдная посуда, дорогое оружіе, хорошіе ковры, продавалось на городскихъ базарахъ за безцѣнъ, для купли необыкновенно вздорожавшей муки. У кого и этого не было, доѣдали стада свои, ушедшія отъ зубовъ друзей и непріятелей. Наконецъ, толпами стали сходиться нищіе съ горъ — просить въ городахъ милостыни. Попечительное начальство приняло всѣ мѣры для отвращенія голода и монополіи перекупщиковъ. Корабли пришли съ мукой изъ Астрахани; богатые были приглашены пожертвовать избытками для спасенія бѣдныхъ, и навремя народъ успокоился. Урожай могъ все поправить.

Дербендцы только-что отпраздновали тогда *хатыль*, религіозно-театральное воспоминаніе о судьбѣ Шахъ-Гуссейна, перваго мученика-халифа секты Алiевой. Предавшись съ ребяческимъ простодушіемъ мелочнымъ заботамъ и обрядамъ этого праздника, единственнаго развлеченія народнаго въ круглый годъ, они въ свѣжести ночей, посвященныхъ представленіямъ, вовсе забыли о жатвѣ и о зноѣ. Чего забыли? они радовались неразъ, что дождь не мѣшаетъ ихъ дикимъ забавамъ! Но когда утихъ шумъ празднества и они изъ минувшаго воротились въ дѣйствительность; когда, хорошо выспавшись, взглянули они за ворота городскія, сожженный видъ полей обдалъ ихъ варомъ. Страхъ голода, или — что для корыстолюбца гораздо хуже голода — страхъ убытка, подкрался къ нимъ на цыпочкахъ, со стклян-

кой розовой воды въ рукѣ, подъ звукъ бубновъ да пѣсенъ, и тѣмъ ужаснѣе показалась всѣмъ его блѣдная образина, чѣмъ неожиданнѣе она оскалилась передъ ними. Посмотрѣли бы вы тогда, какъ зашевелились всѣ черныя и красныя бороды, какъ пошли стучать всѣ деревянныя и янтарныя четки Дербенда. Всѣ лица вытянулись восклицательными знаками; на всѣхъ ртахъ бродили междуметія. На базарахъ, въ караванъ-сераяхъ, по угламъ улицъ, вездѣ гдѣ только лежало нѣсколько бревенъ или камней, навѣрно ужъ сидѣла кучка Татаръ на корточкахъ, толкуя о погодѣ, а толки о погодѣ, которыя у европейскихъ горожанъ безпрестанно повторяются и ни кѣмъ не слушаются, ложились свинчатками на сердца Дербендцевъ. Шутка-ли, въ самомъ-дѣлѣ, потерять отъ засухи марену, единственный источникъ ихъ благосостоянія, или платить за пшеницу на вѣсъ серебра? Бѣдные трепетали за жизнь свою, богатые за кошелекъ. Однимъ грозила нищета, другимъ невольная благотворительность. Желудки и карманы ежились при одной мысли о дороговизнѣ; все ахало и охало; а какъ скоро, говоритъ Монтань, кто зараженъ страхомъ болѣзни, тотъ уже зараженъ болѣзнію страха *. Тутъ мечта превращается въ дѣйствительность, и здоровое настоящее заранѣе мучится будущимъ, которое можетъ-быть совсѣмъ не придетъ или придетъ совершенно иное.

Вспомнимъ про недавнюю холеру, вспомнимъ какимъ разрушительнымъ ужасомъ нахлынула на Русь вѣсть о набѣгѣ этого индійскаго чудовища, этой причудливой заразы, которую не могли оковать цѣпи, не могли умолить молодость и здоровье, которая безъ разбору поражала осторожнаго и невоздержнаго, безстрашнаго и труса. Сначала мысль о холерѣ отравила самый воздухъ, не только радость, но мало-по-малу человѣкъ свыкся съ разрушеніемъ,

* Бомарше, въ числѣ другихъ остротъ, занятыхъ у Монтаня, вложилъ это въ уста Фигаро.

которое онъ видѣлъ кругомъ и впереди. Плачъ былъ коротокъ тогда; съ нимъ рядомъ слышался порой смѣхъ, и если подъ-конецъ люди не пѣли и не плясали, такъ-это потому только, что самый страхъ смерти не отучилъ ихъ лицемѣрить.

Какъ-бы то ни-было, а страхъ неурожая одолѣлъ Дербендцами. Мусульмане давай молится въ мечетяхъ: нейдетъ дождь! Давай потомъ молиться въ чистомъ полѣ, въ надеждѣ, что Аллаху сквозь открытое небо слышнѣе будутъ ихъ мольбы, чѣмъ сквозь плитные своды: ни капли! Пождутъ, поглядятъ, — небо словно мѣдное, такъ и таетъ лучами, а раскаленная земля разсыпается подъ ногою въ окалины и жадно пьетъ капли пота, падающія съ лица богомольцевъ. Что дѣлать?... Принялись за языческія повѣрья. Мальчики растилали платки на перекресткахъ, и сбирали съ проходящихъ деньги на воскъ да розовую воду; и потомъ, обвязавъ вѣтвями хорошенькаго, какъ ангелъ, мальчика, обвѣсивъ, разукрасивъ этотъ пукъ цвѣтами и лентами, пробѣгали по улицамъ, напѣвая въ-ладъ пѣсни въ честь *Гюдуля*, вѣроятно когда-то бога росъ и дождей. Говорю — вѣроятно, потому-что я не могъ собрать объ немъ ни-какихъ положительныхъ свѣдѣній. Призываніе дождя заключалось обыкновенно припѣвомъ:

Гюдуль, Гюдуль, хошъ гяльды!
Ардындань ягышъ гяльды!
Гялинъ, аяга дуръ-санъ-а,
Чюмчанынъ * *долдуръ-санъ-а!*

---

* Нѣкоторые наши писатели напрасно думаютъ, будто *чюмъ*, *чюмча*, значитъ мѣхъ, oûtre, а не ковшъ. Слово это сохранилось въ адербаеджанскомъ нарѣчіи доселѣ, и присвоено деревянному ковшу. Металлическій ковшъ, всегда возимый на сѣдлѣ, называютъ они *джамъ*. *Чюмъ-ча (ча* или *джа* прибавляютъ Татары ко многимъ словамъ для образованія уменьшительнаго) очевидно мать русской «чумички.

Гюдуль, Гюдуль, добро пожаловать!
Во-слѣдъ тебя дождикъ идетъ!
Встань, красавица, на ноги,
Поди пополнить свой ковшъ.

Молодежь, плеща руками, плясала и пѣла кругомъ, веселымъ хороводомъ, съ самоувѣренностью простодушія, и — глядите! — въ самомъ дѣлѣ влажныя облака загасили солнце... Небо нахмурилось, какъ скупецъ на разстаньяхъ съ деньгами, тѣнь какъ чужая собака убѣжала прочь, поджавши хвостикъ; окрестность померкла; за-то глаза всѣхъ заблистали и со слезами радости обратились на встрѣчу живой водѣ... Сталъ капать дождикъ. *Аллахъ! Аллахъ!* раздалось въ воздухѣ, и клики торжества, шипя какъ ракеты, крестились надъ Дербендомъ. Напрасные, преждевременные клики! Подулъ вѣтеръ изъ Персіи, жаркій словно лисья шуба, и спахнулъ долой перелетное облачко. Солнце вдругъ засверкало ярче прежняго и — пуще прежняго запечалился народъ.

Минулъ еще день. Вотъ еще день, какъ усталый путникъ по знойной степи, жарко дыша прошелъ за горы. Всѣ молятъ, все ждетъ дождя...

— Нейдетъ!

II.

Халхъ, народъ.
Бербадъ, чепуха.

Татарскій словарь.

Когда вы поѣдете черезъ Дербендъ, непремѣнно зайдите посмотрѣть главную *месджитъ*, — а то вамъ право нечего будетъ про этотъ богоспасаемый городъ, иже на Хвалынскомъ морѣ, разсказывать или вспоминать. Мечеть эта — такъ станете вы разглагольствовать, пощелкивая указательнымъ пальцемъ по табакеркѣ, или прижимая имъ табакъ въ трубкѣ своей, — мечеть эта, по всей вѣроятности, была встарину христіянскою церковью (не запинайтесь: я все приму на себя), потому-что она лицемъ стоитъ на востокъ, а магометанскія мечети обыкновенно обращены входомъ къ сѣверо-востоку, чтобы молиться на Мекку и Медину, то есть, на юго-западъ. Во-вторыхъ, слѣды, теперь сломаннаго, алтаря очевидны, и хотя Татары утверждаютъ, будто она построена въ первомъ вѣкѣ гиджры (около тысячи двухъ сотъ лѣтъ назадъ), но мы, опираясь на исчисленіе греческихъ епархій, въ которомъ дербендская упомянута очень правильно, можемъ полагать пооснователыгѣе, что древность этого храма гораздо глубже. Широкій четвероугольный дворъ, помощенный плитою, осѣненный огромными чинарами, съ водоемомъ посреди, разстилается, будто коверъ гостепріимства, передъ мечетью. Трое воротъ, все-

гда отверзтыхъ, призываютъ правовѣрныхъ отъ мірскихъ заботъ въ затишье думы о небѣ. Восточная сторона занята рядомъ келій; сѣверная — высокимъ навѣсомъ *айванъ*, убѣжищемъ молельщиковъ отъ лѣтняго зноя. На западъ возвышается древняя, мхомъ прозеленѣвшая, стѣна мечети, во всю длину двора; ее подпираютъ плечомъ дебелые устои. Надъ срединою зданія восходитъ къ небу, какъ молитва, заостренный куполъ, и маковка его разсыпается лучами звѣзды *. Стихъ изъ Корана горитъ надъ главными дверями. Входите, и вдругъ какой-то влажный сумракъ объемлетъ васъ, невольное безмолвіе уваженія покоряетъ (вылитый Шатобріанъ). Долой туфли, прочь мысли-смутницы! Не вносите въ домъ Аллаха грязи улицъ вашихъ, грязи вашихъ помысловъ. Преклоните къ землѣ колѣни, а сердце вознесите къ нему... Считайте по четкамъ не барыши, а грѣхи свои. *Ля иляге, илль Аллахъ, ве Мухаммеду ресулю' льлахъ*! (здѣсь для эффекту вы можете чихнуть). Нѣтъ божества кромѣ Бога, а Мухаммедъ посолъ Бога! Тихо журчитъ молитва правовѣрныхъ: сидя на колѣняхъ, или припавъ челомъ къ ковру, они погружены въ благоговѣніе, и ни слухъ, ни взоръ не вызываетъ ихъ вниманія на окружные предметы. На-право по два ряда аркадъ со стрѣльчатыми сводами, переплетая на помостѣ тѣни столбовъ своихъ, уходятъ въ сумракъ. Тамъ и сямъ купы молящихся чуть озарены блѣднымъ лучемъ, заронившимся во мглу сквозь небольшія окна сверху. Ласточки рѣютъ подъ куполомъ и вылетаютъ въ поднебесье, будто слова моленія; все дышитъ отсутствіемъ настоящаго (это хоть бы въ историческій романъ годилось), и навѣваютъ прохладно-отрадныя чувства усталому сердцу. Память перебираетъ струны давно минувшаго и мыслитъ — гдѣ же вы, христіане, зиждители этого храма? гдѣ

* Замѣчательно, что шіиты не украшаютъ полумѣсяцемъ своихъ мечетей: на нихъ или рука, или, звѣзда, или просто яблоко.

о васъ поминки? Вы забыты, даже въ баснословной исторіи Дербенда, въ *дербендъ-наме*, и кровожадные стихи Корана раздаются тамъ, гдѣ звучали нѣкогда священныя пѣсни благовѣстія!

Дворъ мечети у мусульманъ Дагестана и всѣхъ горцевъ есть вѣчевая площадь. Туда сбираются они толковать о раскладкѣ повинностей и для ябедническихъ сдѣлокъ противъ начальниковъ. Тамъ притонъ пересудовъ и судъ мнѣнія, ристалище происковъ и суевѣрій, и все это у порога правды и вѣры: странное проявленіе дерзости и лицемѣрія человѣка, который вмѣсто того, чтобъ трепетать сосѣдства святыни, говоря или совершая зло, старается укрыться подъ тѣнь ея, и ея именемъ скрѣпить свои замыслы!

Такъ и во время бездождія, дворъ главной дербендской мечети кипѣлъ народомъ. Вкругъ изсохшаго водоема, подъ тѣнью чинаровъ, на галлереѣ еще блестящей зеркалами, парчами, золотошвейными занавѣсками, знаменами съ надписью изъ Корана, толпы притекали и утекали. Красноглаголивые *мюемины*, то есть, крѣпковѣрные, составляли средоточія многихъ кружковъ. Около нихъ дружною цѣпью тѣснились *біюкъ-сакаллы*, долгобородые, то есть вся косматая премудрость мусульманъ, потому что у нихъ умъ не иначе свиваетъ гнѣздо какъ въ бородѣ, вещь чрезвычайно удобная для статистическихъ обозрѣній: вамъ стоитъ только подвесть итоги ко всѣмъ бородамъ, и вы будете имѣть мѣру татарскаго ума въ англійскихъ футахъ или въ аршинахъ; можете безошибочно сказать тогда, что въ такой-то мусульманской провинціи умственныя способности народа, вытянутыя въ волосокъ, равняются, напримѣръ, сотнѣ верстъ длиннику, принявъ, разумѣется, въ уваженіе число выбывающихъ бородъ, по случаю смерти, къ числу бородъ отпускаемыхъ вновь *. Очень жаль, что Мальтебрюнъ

* Въ Европѣ имѣютъ совершенно ложное понятіе о неприкосновенности бородъ у мусульманъ: воо-

или Мальтусъ — да почему же и не оба не вздумали и не выдумали найти точнаго соотношенія между двуми знаменателями европейскаго и азіятскаго умовъ, бородою и перомъ? — Если когда-нибудь эта геніальная догадка пойдетъ въ дѣло, и подобная перепись произведется на *семъ основаніи*, я непремѣнно потребую патента на изобрѣтеніе.

Промежду длинными бородами изъ втораго круга, и то съ великимъ подобострастіемъ, осмѣливались просовывать носы свои *тюкли*, то есть полубородые, молодые люди уже съ усами, но еще безъ рѣчей, потому-что въ Азіи уста, не вооруженные волосами, не смѣютъ на совѣтѣ отверзаться, развѣ для того только, чтобъ зѣвнуть. *Тюксюсы*, или безбородые, отроки или юноши отъ десяти до семнадцати лѣтъ, бродили поодаль, не имѣя права мѣшаться не только въ важныя дѣла, но даже просто въ разговоры со старшими. Тамъ-то видѣлось первобытное общество въ простѣйшемъ своемъ выраженіи, съ тремя ступенями правъ, которыхъ стихійное начало есть борода.

Однако жъ изъ бородъ всѣхъ величинъ и всѣхъ

бражаютъ, что у нихъ считается смертнымъ грѣхомъ брить бороду, между-тѣмъ какъ, по-крайней-мѣрѣ, двѣ трети молодыхъ людей, лѣтъ до тридцати, не запускаютъ себѣ бороды, а франты и до сорока лѣтъ брѣются, особенно въ Турціи. Вотъ почему султанъ не встрѣтилъ противудѣйствія за бороды при образованіи регулярнаго войска, какъ это было при Петрѣ Великомъ на-Руси. Правда, когда мусульманинъ разъ запуститъ бороду, онъ считаетъ грѣхомъ сбрить ее, но онъ можетъ безъ нареканія не запускать бороды до старости. Желая остепениться, мусульманинъ сзываетъ родныхъ и знакомыхъ на пирушку и объявляетъ имъ торжественно, что онъ отпускаетъ себѣ бороду. Этотъ праздникъ называется у нихъ *Сакалъ-коянъ зіафети*.

цвѣтовъ радуги, — бородъ, раскрашенныхъ хиною и природою—дербендскіе мудрецы не могли выжать ни капли дождя, ни выдумки чѣмъ бы замѣнить его. Говорили много, спорили еще болѣе, такъ-что на потокѣ ихъ пусторѣчья можно бы выстроить мельницу о четырехъ поставахъ, тѣмъ больше кстати, что старыя мельницы за безводьемъ не мололи уже недѣлю. Всѣ разсужденія, однакожъ, оканчивались отчаяннымъ вопросомъ — *неджелеихъ?* что жъ будемъ дѣлать? А затѣмъ на мигъ воцарялось молчаніе, а затѣмъ взлетала на воздухъ стая оховъ и вздоховъ. Плечи подымались до ушей, брови до шапокъ; ропотъ сливался въ умолительное восклицаніе: *аманъ, аманъ!* пощади, помилуй! Вотъ наконецъ возвысилъ рѣчь одинъ агамиръ *, мужъ святой по наслѣдству, ибо онъ былъ родственникъ Магомета, а родственники Магомета, какъ извѣстно и доказано, получили отъ него, съ зелеными чалмами, духъ святости въ вѣчное и потомственное владѣніе. Набравшись вдохновенія свыше и дыму изъ кальяна, онъ проронилъ золотое слово изъ устъ своихъ, смѣшанное съ благоуханіемъ ширазскаго табаку.

* То есть, ага-эмиръ, господинъ князь, иногда называютъ ихъ «сеидами». Ага-миры пользуются досихъ-поръ большимъ уваженіемъ между мусульманами, и особа ихъ считается неприкосновенною. Не получивъ власти въ удѣлъ себѣ въ Персіи и полагая унизительнымъ заниматься чѣмъ-нибудь по прибыточнѣе ханжества, они составляютъ самый бѣдный и тунеядный классъ народа. Гордые и заносчивые, они горько упрекаютъ тѣхъ изъ собратій своихъ, которые рѣшаются служить русскому правительству. Надобно замѣтить, что агамиры секты Шіи не носятъ зеленой чалмы, какъ турецкіе эмиры, и ничѣмъ не отличаются въ одеждѣ. У нихъ рѣдко и *гаджи* (пильгримы, путешественники въ Мекку) обвиваютъ папахъ бѣлой чалмою, между-тѣмъ какъ сунниты почитаютъ это долгомъ.

Аманъ-аманъ, взываете вы къ Аллаху! А! Дербендцы принялись, небось, просить пощады у Бога, и, тузить себя въ грудь, и съ горя щипать себѣ бороду! И вы думаете, что Аллахъ будетъ такъ простъ, что за одно слово проститъ васъ, что повѣритъ на слово вашему раскаянію? *Хейръ, іолдашлярь, хейръ?* нѣтъ, товарищи, нѣтъ! Наѣвшись грязи, Корана не цѣлуютъ! Бога не обманешь поклонами да жалобнымъ голосомъ, какъ русскаго коменданта: знаетъ онъ васъ давно! Сердца ваши исписаны грѣхами чернѣе чѣмъ книга *Седжиль*, въ которую заноситъ ангелъ Джебраилъ злодѣянія человѣческія, а вы и не думаете вымыть сердецъ своихъ въ молитвѣ и постѣ. Придетъ ли *ураза* (постъ великій), въ который, днемъ, набожной душѣ страшно хлебнуть даже дыму трубки *, а вы, смотришь, гдѣ-нибудь за угломъ чурекъ грызете, либо у свиноѣдовъ чаекъ распиваете, будто вамъ мало ночи наѣдаться раза по-три, до того-что кушакъ рвется! И вотъ вамъ за-то адское дерево *закумъ* проросло на землю. Кушайте же его горькіе плоды, плоды — головки змѣиныя. Охотники вы пить тайкомъ жидкій грѣхъ, смертный грѣхъ — водку, да вѣдь отъ Аллаха не запрешь воротъ на-запоръ, не увѣришь его, что это дѣлается не-хотя, болѣзни ради, *дерманъ эринда* **, вмѣсто лекарства! Онъ стережетъ за вами окомъ солнца въ день и тысячами-тысячъ глазъ-звѣздочекъ ночью. Онъ знаетъ по имени каждую мысль въ вашей головѣ, слышитъ малѣйшій шопотъ сердецъ вашихъ. Какъ же не знать ему всевѣдущему, когда я, не кала-бекъ ***, а знаю, что вы не только на водку, да и на вино, посягаете своими

* Азіятцы говорятъ пить табакъ или тянуть трубку: *тютюнъ ичмакъ, люлля чекмакъ. Тютюнъ* собственно значитъ дымъ.

** Водка позволена правовѣрнымъ только въ случаѣ недуга, требующаго спиртныхъ лекарствъ, и то въ крайности.

*** Полицеймейстеръ въ мусульманскихъ городахъ.

многогрѣшными устами! Кто на землѣ пьетъ вино безумія, того не напою я изъ потока радости, текущаго виномъ въ *дженнетѣ!* сказалъ Аллахъ пророку нашему. Не надѣйтесь же вы, винопійцы, испить въ раю вина блаженства, обѣщаннаго пророкомъ, затѣмъ-что вы сосете проклятіе изъ бутылокъ, слѣпленныхъ невѣрными руками на вашу пагубу! Не надѣйтесь и дождя на ваши нивы, за то, что вы изсушили до дна терпѣніе Божіе огнемъ порочныхъ желаній вашихъ? Это вамъ задатокъ той мучительной жажды, которою накажетесь въ *джегеннемѣ.* И растрескаются ваши уста, прося капли воды, какъ растрескалась теперь земля, и ни росинка не падетъ имъ въ освѣженіе. Аллахъ великъ! Вы сами накликали себѣ на голову проклятіе...

— Но за-что, прости господи, терпимъ за васъ мы, въ чьихъ жилахъ течетъ чистая кровь пророка, въ чьихъ головахъ пересыпаются какъ жемчугъ святыя правила корана? *Вай, вай!* подкопали грѣхи стѣну *эль Арафъ*, дѣлившую праведныхъ отъ неправедныхъ, и она падаетъ всѣмъ на голову, давитъ и того, который ни разу не ѣлъ съ гяурами баранины, убитой и очищенной не по закону, и того, который ѣстъ пилавъ не пальцами, а богопротивною ложкой, сидя... о времена, о нравы!... сидя на стулѣ, а не какъ Богъ показалъ, на пятахъ! И тѣхъ...

Всеобщій плачъ и восклики *шахъ Гуссейнъ, вай Гусейнъ!* заглушили проповѣдника: вѣдь слезы на Востокѣ ни-почемъ. Я подозрѣваю впрочемъ, что всѣ эти продѣлки печали и набожности клонились къ тому, чтобъ замять поимянную перекличку грѣховъ, а можетъ-быть и грѣшниковъ: на ворѣ и шапка горитъ, говоритъ пословица, — какъ же не горѣть щекамъ? Мусульманинъ на своемъ коврѣ заткнетъ за поясъ любаго изъ европейскихъ развратниковъ, за-то внѣ дома онъ важенъ и степененъ, не сдѣлаетъ неприличнаго движенія, не обмолвится скоромнымъ словомъ, и лучше пырнуть

его по-дружески кинжаломъ въ бокъ, чѣмъ разсказывать на *майданѣ* (площади) про его задверныя проказы. На-перекоръ Европейцамъ, базары мусульманъ—самая нравственная часть ихъ городовъ, а пороги самая нравственная часть домовъ ихъ, и то я разумѣю половинку глядящую на улицу: это не моя тайна!

Видя, что рѣчь задѣла слушателей за живое, бородатый цвѣтословъ пріосанился, торжественно крякнулъ и, раскинувъ взоры по всѣмъ угламъ двора, возвелъ ихъ наконецъ къ небу съ тихимъ восклицаніемъ — *эль хамду ли'ллахъ!* Правая рука его въ то время грозно сжимала красную его бороду, такъ-что онъ страхъ походилъ на Юпитера, готоваго бросить пукъ молній. И, правду сказать, лихой былъ низатель бисера * этотъ Миръ-Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы! Бывало, какъ пуститъ дробь языкомъ, — ну сололовей, точно соловей! Каждое слово, какъ сахарный *ногуль* **, катится, будто розовая вода на душу льется; да и столько онъ набьетъ вамъ въ уши фарсійскихъ и арабскихъ рѣченій, что руки врозь: двухъ человѣкъ въ цѣломъ Дагестанѣ не найдешь, кто бы его понялъ хоть въ половину, — а въ Дагестанѣ, благодаря Аллаху, живутъ не собаки. Случалось, что даже комендантскій мирза, человѣкъ, который съѣлъ всѣхъ стихотворцевъ Фарсистана, какъ примется переводить ага-мира, — да и языкъ проглотитъ. Куда ему!

Хорошо сказалъ нашъ *сафія* *** свое поученіе, и самому стало хорошо. Вокругъ него всѣ жужжали какъ пчелы — *Дюрюстъ сюзъ*! правое слово! *Герчекъ-диды*! истину говоритъ! *Аллахъ, иншаллахъ!* И всѣ, какъ пчелы, кормили его медомъ похвалъ. Облизнувшись очень умильно, крѣпковѣрный сказалъ своему кружку: — *Кулагъ асъ, кардашляръ*!

---

* Ораторъ, поэтъ, краснословъ.
** Конфеты изъ обсахаренныхъ орѣховъ.
*** Краснорѣчивый человѣкъ.

развѣсьте уши, братія, — и уже поласковѣе началъ:

— Что дѣлать, однакожъ, товарищи! кто не виноватъ Аллаху! До третьяго неба выросли грѣхи наши, но еще четыре неба осталось Божіей милости. Наказываетъ онъ правыхъ вмѣстѣ съ виноватыми, за-то за одного праведника милуетъ цѣлые народы нечестивыхъ. У грѣшныхъ и безгрѣшныхъ желудокъ проситъ ѣсть одинаково, и мы всѣ молились о дождѣ одинаково. Видно не взошла на небо молитва наша, забрызганная грязью помысловъ! Нѣтъ успѣха! Скажу, братья, одно слово: не знаю, придется ли оно вамъ по-душѣ, а слово это будто ангелъ обронилъ изъ своей думы. Отцы и дѣды наши, въ истому засухи, выбирали, какъ сами вы слышали, сами своими глазами видѣли, чистаго душой и тѣломъ юношу, и посылали его со своею молитвой къ Аллаху ближе, на высь горъ. И онъ долженъ бывалъ набрать снѣгу съ темени Шахъ-дага въ кувшинъ, и молиться за своихъ ближнихъ съ теплою вѣрой, и принести этотъ кувшинъ, не ставя его на землю, въ Дербендъ, и вылить растаявшій снѣгъ въ море. Аллахъ великъ! Море закипало, и тучи слетались откуда невидимо, и благодатный ливень напоялъ, живилъ мертвую землю!

— Правда!! *Аллахъ акберъ*! я, мы, всѣ видѣли, загремѣла тысяча голосовъ: восемь лѣтъ, десять лѣтъ тому назадъ! Я самъ тутъ былъ! Мой братъ несъ воду! Чудо чудное! вода въ морѣ стала сладка какъ молоко... капли дождя были съ яйцо куриное. Наконецъ вся эта дребедень невнятныхъ восклицаній слилась въ явственный крикъ: выбрать юношу, послать его на Шахъ-дагъ!

— На Шахъ-дагъ! заревѣлъ весь Дербендъ.

— На Шахъ-дагъ, повторило эхо мечети.

Казалось, это слово разрѣшило загадку, которая у всѣхъ свинцомъ лежала на сердцѣ: это слово пронизало всѣхъ одною увѣренностью. Бородачи были рады средству, которое не стоитъ ни копѣйки. Молодежъ съ гордостью думала: выбирать-то

вѣдь станутъ изъ насъ! Даже мальчишки веселѣй прыгали на одной ножкѣ, и какъ сороки щебетали: на Шахъ-дагъ! Стоитъ только выбрать молодца, толковали всѣ, и черезъ три дня каждая нива у насъ оборотится озеромъ. Дербентцы сводили счетъ безъ хозяина: многостоющимъ оказалось — *стоитъ послать*. Найти невинность — бездѣлица! Невинность въ горожанинѣ, въ юношѣ и Азіятцѣ? Помилуйте, да такого клада, въ нашъ вѣкъ, если и на святой-Руси поискать, такъ пары три желѣзныхъ чоботовъ стопчешь! А въ жаркомъ климатѣ и подавно.

Если нашъ ледяной истуканъ цѣломудрія подтаиваетъ отъ дыханія страстей, питающихся Имзеновымъ шоколадомъ на исландскомъ мху, то въ какую тѣнь спрятаться можно отъ азіятскихъ желаній, стрѣляющихъ калеными *ядрями*? Слова нѣтъ, наше сѣверное, игривое воображеніе, протопленное романами и вальсомъ, становится для насъ безвременно жаркимъ климатомъ; пороки у насъ — подснѣжники, взбѣгаютъ необыкновенно рано, а зрѣютъ гораздо ранѣе огурцовъ; но, господа, взгляните на термометръ Реомюра, прочтите надпись надъ 33 градусами тепла — *жаръ крови*, и сознайтесь, что климатъ, который развиваетъ не только раннія страсти, да еще раннія для нихъ силы, что-нибудь да значитъ въ животной экономіи. Такія страсти не требуютъ теплицъ, орошенія виномъ и прививки чужихъ прихотей; нѣтъ, онѣ взбѣгаютъ безъ подпоръ и крѣпнутъ на воздухѣ или, лучше сказать, воздухомъ, который заряженъ двойнымъ патрономъ электричества, который дышетъ, вѣетъ, окачиваетъ нѣгой и бросаетъ въ ваше сердце столь причудливыя мечты на-яву, что вы подъ русскимъ небомъ и во снѣ такихъ не видывали. Чтобъ судить и осуждать Востокъ надо сбросить съ себя все европейское: понятія, привычки, предразсудки, и рѣшительно сказать самому себѣ — я сегодня родился. Но къ-этому надо привезть на Востокъ и тѣло гибкое, воспріимчивое, и душу съ непорванными

еще струнами, и потомъ отдаться безусловно расплавкѣ знойной атмосферы: впечатлѣнію всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, не процѣживая ихъ сквозь ветошь книжныхъ повѣрій, не мѣшая туда собственныхъ предубѣжденій. Предположивъ, что это хоть приблизительно возможно, вы помиритесь со всѣмъ и со всѣми, что окружаетъ васъ. Вы сердцемъ убѣдитесь тогда, что природа и ея формы, люди и нравы ихъ, составляютъ тамъ недѣлимый гармоническій аккордъ или, еще того лучше, вы будете жить и дѣлать какъ сосѣди, не спрашивая и не заботясь — почему?

Да-съ, растительность Востока, которому Дагестанъ служилъ переднею, быстра до невѣроятія и роскошна до мотовства, а жизнь Азіятца — полурастеніе, полу-животность. Мудрено-ли жъ послѣ этого, или съ этимъ вмѣстѣ, что Дербендцы крѣпко затруднились, когда дѣло дошло до выбора? Въ самомъ-дѣлѣ, найти юношу чистаго какъ снѣгъ, который долженъ собрать онъ; какъ лучъ, который растопитъ этотъ снѣгъ; найти человѣка, котораго уста не знали бы сладости завѣтнаго поцѣлуя, ни вкуса поросенка подъ хрѣномъ, — чортъ возьми, это не шутка подъ тѣнью виноградниковъ и персиковыхъ деревъ, и въ такихъ короткихъ связяхъ съ Русскими! Пошли толки и пересуды; всѣ разцвѣтающія репутаціи оборваны были по листку, и къ концу счета оставались тѣ-же пять голыхъ пальцевъ. Этотъ слишкомъ молодъ, чтобъ могъ назваться невиннымъ; этотъ черезъ-чуръ смышленъ, чтобы невиннымъ быть. У того нѣтъ пуху на щекахъ, а у того пушокъ на рыльцѣ есть. Бѣда - да и только: старый за малаго хоронится. Никто не хочетъ принять на себя славы *тамисъ тамислярданъ*, чистаго изъ чистыхъ. Не находятъ достойнаго, или, кого находятъ такимъ, самъ отпирается. Споръ и переборъ этотъ дѣлалъ мало чести невинности Дербендцевъ, по-крайней-мѣрѣ много чести ихъ совѣсти. Взять бы Сафаръ-Кули, говорили иные. Онъ стыдливъ словно красная дѣвушка,

да-та бѣда, что недавно обезчестили у него коня: отрубилъ какой-то разбойникъ хвостъ, и это вѣрно не даромъ! (А почему не даромъ, спросите у барона Брамбеуса: онъ жилъ съ мусульманами долго, и вѣрно растолкуетъ вамъ эту притчу. Я не растолкую: я имѣю на то свои причины). Не-то Мурадъ-Амина? — Онъ живетъ тихо, какъ цвѣтокъ цвѣтетъ; да сказываютъ, не давно былъ въ гостяхъ въ саду у этого стараго грѣшника Алескеръ-бека и распѣвалъ такія пѣсни, что даже черти уши затыкали. Нельзя! — Или Мехмедъ-Расуля? — Про него нечего сказать худаго, а подумать можно: у нихъ въ домѣ живетъ примиленькая Лезгинка. Купилъ онъ ее во время голода у отца за двадцать рублей серебромъ, а теперь не продастъ и за сотню: человѣкъ-вѣдь? *инсанъ дегильми?* Сабля — сталь, а и та безъ ноженъ ржавѣетъ.

Про того много говорятъ; другой самъ много говоритъ: ищутъ не сыщутъ достойнаго. Повѣсили Дербендцы свои буйныя головы... Опять прежнее горе!

— А Искендеръ-бекъ? сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! подхватили многіе голоса: а Искендеръ-бекъ-то на что? Да-какъ это мы его забыли, какъ пропустили розу между цвѣтами, сокола между птицами? Аллахъ, Аллахъ! Или у насъ жаръ-то весь мозгъ изъ головы вытопилъ? Это странно! это непостижимо! это удивительно!

Я-такъ ни крошки не нахожу тутъ удивительнаго. Не-то что у Татаръ, у насъ православныхъ, не знаю какъ это дѣлается, только достойнѣйшихъ всегда вспоминаютъ напослѣдокъ; хорошо если еще вспоминаютъ. Это, должно полагать, отъ худаго механизма нашей памяти!

— Ну, слава Аллаху, нашли! Чего жъ даромъ зубы студить: Искендера-такъ Искендера! Скорѣе звать, просить, тащить его! Ступай, бѣги къ нему! Дай Богъ удачи нашему Искендеръ-беку: онъ выручитъ, онъ спасетъ насъ! Онъ не ѣстъ, не пьетъ, и дружбы не водитъ съ гяурами. Не помнитъ кто,

чтобы онъ хоть разъ ночевалъ въ садахъ; никто не видывалъ, чтобы онъ поднялъ глаза на *чадру* (женское покрывало). Не поютъ ему пѣсенъ наши молодцы и дарить цвѣтовъ не смѣютъ: онъ живетъ ясенъ и одинокъ, какъ мѣсяцъ въ ночи.

— Да, да, ступай къ Искендеръ-беку, возразили кое-кто.

— Нѣтъ, братъ, къ нему не во всякій часъ суйся. Порою бываетъ такой крутой, что на козѣ не подъѣдешь, а гордъ всегда, всегда, и дома и на улицѣ, въ разгулѣ и съ просонья. Посмотри-ка на него: идетъ-нейдетъ, башмаки волочетъ, а разсядется — что твой кала-бекъ! Слово у него по цѣлковому, а улыбки, хоть ты колесомъ катайся, не выманишь: такой дутикъ! Къ нему идти, надо два раза подумать, да одинъ разъ хорошо выдумать!

Сгадали, сдумали, сложили совѣтъ: идти посломъ отъ всего дербендскаго народа Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы, тому самому витіи, что говорилъ послѣднюю проповѣдь.

— Ты намъ вложилъ въ сердце выбрать изъ среды нашей молодца, ты же и бей челомъ, *башъ урсынъ,* Искендеръ-беку. Пусть онъ на наше горе смилуется, на нашу просьбу сдастся! Какъ хочешь, Гаджи-Фетхали: кромѣ тебя некому уговорить его, кромѣ его некому насъ выручить.

Отнѣкивался, отнѣкивался Миръ-Гаджи-Фетхали, — и онъ имѣлъ на то законныя причины, — однако жъ честолюбіе перемогло: уступилъ. Въ придачу къ нему послали еще двухъ почетныхъ бековъ, толстяка Гусейна и сухопараго Ферзали: то были два прилагательныхъ, безъ которыхъ, какъ модныя русскія, такъ и модныя фарсійскія, существительныя имена не выѣзжаютъ. Разумѣется и здѣсь употреблены бы они вовсе не для смыслу, а для парада, для поддакиванья. Депутація отправилась.

— Уговоритъ, какъ ему не уговорить? раздавалось въ толпѣ. Фетхали если прибѣднится, такъ у нищаго полбороды выканючитъ... Самого шайтана

перехитритъ!... Змѣю на хвостѣ заставитъ плясать! Преумнѣйшая бестія! Препочтенный плутяга! Тебя же обманетъ, съ тебя жъ за-то придачи возьметъ, да ты же ему и накланяешься. А какъ примется говорить, Господи твоя воля, какъ говоритъ! Кажется языкъ у него не во рту, а въ сердцѣ: такъ цвѣты и сыплетъ — успѣвай только загребать ушами.

— *Эле дюрь,* точно такъ, прибавилъ другой: какъ станетъ Фетхали уговаривать пожертвовать на мечеть либо на *Кербелу* *, такъ не только мы, да и кисы наши ротъ разѣваютъ **. Не даромъ онъ хвалится, что облегчаетъ насъ!

Эта игра словъ развеселила всѣхъ кругстоящихъ, подстрекнула всѣхъ на злословіе, и бѣдному Фетхали вышили спину въ-узоръ шелками шемаханскими. Охотники Татары умывать чужіе глаза розовою водой, то есть, льстить безъ милосердія: за-

* *Кербела* — мѣсто могилы Гусейна, въ Иракѣ, близъ Багдада. Мусульмане секты шіи ежегодно отправляются туда караванами, точно такъ-же какъ въ Мекку. Для этого дѣлаютъ сборъ со всѣхъ правовѣрныхъ на молитву.

** Очень недавно случилось мнѣ прочесть чудесное толкованіе на татарское слово *киса*, кошелекъ, занятое нами у монгольскихъ Татаръ, а Татарами у Персіянъ, а Персіянами у Аравитянъ. Кошельки, говоритъ господинъ этимологъ, дѣлались въ-старину (???) изъ *кошекъ* (не знаю, гдѣ видѣлъ и начиталъ онъ такую рѣдкость), а отъ ласкательнаго уменьшительнаго *кисочка* произошло *киса*. Бѣдная татарская киса никогда не думала попасть въ такое четвероногое родство. Я бы спросилъ однако жъ, отчего происходитъ библейское слово *кошница*? Неужели хлѣбъ и рыбъ носили Іудеи въ кошачьихъ шкуркахъ? А кошель, кошелекъ и кошница, безъ-сомнѣнія, росли на одномъ корнѣ: всѣ они родились отъ стариннаго *кошъ*, корзина.

то, чуть отвернись, распестрятъ они васъ вдоль и около. У нихъ, какъ и у насъ, бездѣлье замѣшано на пересудахъ, на *кайбетъ*. — Люди вездѣ люди!

III.

Эмюрумъ-баши гитты, яры, сенъ-сюсъ.
Безъ тебя, милая, вянетъ весна моей жизни.

Изъ пѣсни.

Достопочтенный Миръ-Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы тихо ступалъ съ камня на камень, подымаясь отъ мечети въ гору, по узкой и кривой улицѣ. Полы его чухи, противъ обыкновенія не подобранныя, мели пыль; огромные каблуки его туфель безпрестанно подвертывались на клыкастой, неровной мостовой Дербенда, хотя Фетхали глядѣлъ такъ-пристально себѣ подъ ноги, будто выбиралъ хорошенькій булыжникъ для перстня. То Гусейнъ, то Ферзали, почтенные его сопутники, одинъ пыхтя, другой кашляя, справа и слѣва закидывали ему вопросы; онъ не отвѣчалъ, не слышалъ ихъ: онъ до того былъ разсѣянъ, что брызги его плевковъ летѣли на черную бороду Гусейна и на розовую Ферзали, безъ извиненія: они оба осерчали.

— *На адамъ-дюръ бу?* сказалъ первый, отирая полою лицо: что это за человѣкъ? ему говоришь, а онъ плюетъ! Изъ какого фарсійскаго поэта укралъ онъ такую риѳму, чортовъ племянникъ!

— *Похъ онынъ башына!* грязи бы ему въ голову! воскликнулъ другой, стряхая бородку. Не даромъ сказано: если хозяинъ дома, такъ одной клички довольно, — сейчасъ отопретъ двери; а коли дома нѣтъ, такъ и палкой не достучишься. Что даромъ и толковать, Ферзали, когда здѣсь пусто!

Но у Фетхали не было тутъ пусто: напротивъ, голова его была полна такихъ забіякъ гостей, что за шумомъ онъ не могъ разслушать даже голоса разума. Въ ушахъ его звенѣли еще крики толпы: онъ уговоритъ, какъ ему не уговорить, а сердце шептало — едва ли! — Вспомни, Фетхали, какъ обидѣлъ ты Искендеръ-бека и какъ недавно обидѣлъ! Я разскажу вамъ, господа, зачто и почему между ними стало нелюбіе: только, чуръ, никому ни слова. А то, пожалуй, эти мерзавцы прославятъ меня рѣшетомъ; налгутъ на меня, будто мнѣ нельзя ничего повѣрить за-тайну, а вы сами знаете, что я скромнѣе мусульманской могилы *, — про наши не говорю: онѣ болтаютъ такой вздоръ эпитафіями, проговариваются такъ неосторожно, что краснѣешь за нихъ. Смотрите жъ, господа, между нами.

Искендеръ-бекъ, прекрасный, нравственный юноша, родился уже во время владычества Русскихъ надъ Дагестаномъ, но онъ всосалъ къ нимъ ненависть съ молокомъ матери и съ рѣчами отца. Отецъ его былъ любимцемъ изгнаннаго Фехтали-хана, и упорно сохранялъ къ прежнему владѣтелю горячую привязанность, доказалъ свою преданность на словахъ и на дѣлѣ, по всей справедливости за многократныя возмущенія былъ лишенъ помѣстьевъ, и

* Коранъ аапрещаетъ выставлять имена и достоинства на гробовой плитѣ.» «Недостойно правовѣрнаго это тщеславіе», говоритъ Магометъ. «Прохожій въ свѣтъ Эдема, не пиши своего имени на грязныхъ стѣнахъ караванъ-сарая, для потѣхи любопытнымъ. Кчему тебѣ имя теперь? Тѣло твое прахъ, а прахъ безъименепъ. Душу кликнетъ Аллахъ на судъ не по званію, а по дѣламъ.» Какая высокая философія! И точно, вы не встрѣтите мусульманскихъ гробницъ съ формулярнымъ спискомъ. Простыя, трогательныя слова украшаютъ ихъ. Молитесь за душу раба Божія, Омара или Нуръ-Али; потомъ стихъ изъ Корана, и болѣе ничего.

дотлѣвалъ въ забвеніи, въ опалѣ. Онъ умеръ въ 1826 году, убитый извѣстіемъ, что Персіане, которыхъ нетерпѣливо ждалъ онъ въ Дербендъ, прогнаны изъ Кубы; но, умирая, завѣщалъ сыну: не служить Русскимъ и не дружить Дербендцамъ.

На Дербендцевъ былъ онъ золъ особенно за то, что они согласились дважды выдать своихъ хановъ въ руки враговъ. «Потѣшились мы съ Фетхали-ханомъ, когда послѣ краткаго изгнанія воротились съ властію и грозою въ Дербендъ *, говаривалъ онъ. Не осталось ни одного хорошенькаго мальчика, который бы не взятъ былъ во дворецъ, ни одной красавицы, которая бы миновала его ложа или нашего ковра **. Наши стали всѣ лавки, наши всѣ сундуки измѣнниковъ. Бывало, ѣдешь по улицѣ, такъ всѣ до своего колѣна лбомъ кланяются, да цѣлуютъ стремя, а теперь они разстолстѣли мерзавцы, и хребетъ у нихъ не сгибается какъ у свиньи! Говорилъ я Фетхали-хану: вырви съ корнемъ это купеческое сѣмя, обруби головы этимъ торговцамъ душъ: нѣтъ поскупился онъ, не послушалъ меня, — и вотъ за то награда! Самъ ѣстъ чужой хлѣбъ, пересоленый упреками, а мы, его вѣрные слуги, умираемъ безъ куска хлѣба.

И онъ умеръ; но его повѣрья, его пристрастія и предразсудки ожили въ сынѣ. Искендеръ-бекъ почерпнулъ ихъ изъ гораздо чистѣйшаго источника,— изъ сыновей любви, а не изъ собачьей привычки,— изъ уваженія, совершенно безкорыстнаго, къ порядку вещей давно разрушенному, а не изъ платы за поддержаніе настоящихъ безпорядковъ; со всѣмъ тѣмъ его мечты и сожалѣнія о самовластіи хановъ,

* Первый разъ взятъ былъ Дербендъ Зубовымъ въ 1801 году и вскорѣ оставленъ. Второй — въ 1804.

** Дербендцы съ ужасомъ воспоминаютъ это время. Заслышавъ о такомъ наборѣ въ наложницы, они платили приданое (вещь неслыханная) за дочерями; отдавали ихъ за нукеровъ, только бы окрутить вчасъ.

о разгульной жизни подвластныхъ имъ беко́въ, объ удалыхъ набѣгахъ на сосѣдніе земли, однимъ словомъ о рыцарскихъ временахъ, когда мѣткое ружье, лихой конь и отвага, могли доставить человѣку все, чего жаждала душа его, были черезъ-чуръ дики. Не зная черной стороны прежняго правленія, онъ не видѣлъ хорошей новаго. Золото, не боясь болѣе грабежа отъ спутниковъ хана, пошло въ оборотъ, разраслось сторицею и наконецъ разлило довольство во всѣ классы народа. Русскій орелъ широко покрылъ своими крыльями округъ Дербенда, и садовникъ и пахарь, — безъ прежняго страха быть изрубленными Горцами у самыхъ воротъ — далеко въ горы и поле выдвинули свои виноградники и нивы. Безопасная торговля съ Русью и съ Персіею принесла дешевизну и сдѣлала доступнымъ для самыхъ бѣдняковъ тѣ предметы роскоши, что добывались прежде за рѣдкость богачами. Сперва не было у семи домовъ одного мѣднаго котла; теперь у каждой семьи не только посуда и кувшины, но даже мангалы изъ мѣди. Сперва для торжественныхъ дней брака, во всемъ городѣ былъ одинъ богатый кафтанъ тонкаго сукна, и женихи брали его на прокатъ; теперь Дербендъ славится щегольствомъ одежды, и почти каждый облитъ галунами, а собольи шубы не диво. Но всего этого не видалъ Искендеръ-бекъ, или не хотѣлъ вѣрить, что прежде было иначе. Исключительная гордость его страдала равенствомъ передъ законами; возвышеніе въ чины изъ недворянъ, по заслугамъ а не по роду, считалъ онъ личною обидой и, разлученный такимъ образомъ отъ Русскихъ и Татаръ двумя враждами, заперся въ одиночество добровольно, въ небольшомъ наслѣдственномъ домѣ, довольствуясь небольшими доходами съ лоскутка земли, — и не скучалъ: онъ былъ молодъ.

Молодость, молодость! волшебный край жизни! прелестенъ ты, когда лежишь впереди, необозримый какъ надежда, а не назади, какъ воспоминаніе, когда развиваешься очамъ какъ панорама, а не какъ

обнаженная карта. Зачѣмъ не дано человѣку способности, какъ сурку, засыпать на всю зиму настоящаго горя, чтобы хоть во снѣ дышать твоимъ вешнимъ воздухомъ, перевкушать прежнія радости, и прежнимъ, крѣпкимъ еще сердцемъ, выносить бури твои? Напрасно! Ничѣмъ не обновить юности, и никогда ея не забыть, и всегда сожалѣть—удѣлъ нашъ! Гдѣ взять теперь твоей плавкости характера, твоей неистощимой готовности къ слезамъ и смѣху, твоего мимолетнаго гнѣва, исчезающаго безъ досады и мести? Огорченный бездѣлкою, утѣшенный вздоромъ, счастливый до исступленія отъ одного взгляда, одного слова, — юноша предается довѣрчиво, и ему также предаются довѣрчиво, также скоро. Вездѣ находитъ онъ отголосокъ своей любви и дружбѣ, но, бросая той и другой беззаботно жизнь свою въ жертву какъ перчатку или какъ платокъ, онъ не отдаетъ имъ счастія жизни. Потеря друга, измѣна любовницы, оглушаютъ его, но гроза разсыпается дождемъ, и завтра уже его рука трепещетъ въ рукѣ новаго друга, кипитъ бокалъ за здоровье новаго завѣтнаго имени. Его связи не вросли еще въ сердце и, расторгаясь, не рвутъ сердца пополамъ; мысли — ему не думы, и самыя думы ему мечты. Плѣненный ихъ красотою или величіемъ, онъ не предчувствуетъ, что эти великаны острятъ на его сердцѣ топоръ, сбираясь безжалостно казнить собственныхъ дѣтей или задушить, какъ Отелло, вѣру въ высокое пуховою подушкой клеветы.

Горсть пшена, чашку воды, немного свѣта и много, много воздуха, — вотъ что нужно-было юношѣ Искендеръ-беку. Весной, когда весь свѣтъ превращался въ любовь и въ поэзію, онъ снималъ со стѣны свою длинную, драгоцѣнную винтовку, работы славнаго Гаджи-Мустафы, сѣдлалъ лихаго карабагскаго коня, сажалъ на лѣвую руку золотаго ястреба, *кызылъ кушъ*, и скакалъ по горамъ и по доламъ, скакалъ до усталости, если жажду нѣги можно назвать усталостью. И потомъ, онъ бро-

сался въ тѣнь, на берегу какого-нибудь горнаго ручья и, подъ опахаломъ благоуханнаго вѣтра, дремалъ подъ его журчанье, покрытое порой звонкою трелью соловья. Музыка ли природы струилась для него мечтами, или мечты осуществлялись ему въ цвѣтахъ и звукахъ? Не знаю я. Не знаю и того, мечталъ ли онъ, или размышлялъ; но онъ жилъ, жилъ всѣмъ своимъ существомъ — чего жь болѣе?

Зимою же, когда рѣзкій вѣтеръ приносилъ съ сѣвера въ его рѣшетчатое окно хлопья снѣгу, онъ любилъ прислушиваться къ заунывному вою каминной трубы, разлегшись у мангала, любилъ глядѣть на игру раскаленныхъ въ немъ углей, или на причудливый дымъ своей трубки, въ которомъ мелькали ему и крылья ангеловъ и рожи злыхъ духовъ. А между-тѣмъ воображеніе сказывало безконечную свою сказку, величая его героемъ этой тысячи-второй ночи. Онъ жилъ въ какомъ-то дивномъ, безъименномъ царствѣ; сражался, дружился съ кѣмъ-то невѣдомымъ, грабилъ сокровища, увозилъ красавицъ, любилъ и былъ любимъ, тонулъ въ опасностяхъ и въ наслажденьяхъ; и потомъ, когда ночь задергивала надъ нимъ брачный свой пологъ, онъ не зналъ на утро, видѣлъ ли онъ все это во снѣ или мечталъ открытыми глазами. Порой, онъ читалъ также тетрадку со стихами изъ лучшихъ фарсійскихъ поэтовъ, и досказывалъ сердцемъ непонятный смыслъ этихъ сладкозвучныхъ пѣсенъ. Порой, онъ призывалъ наемнаго нукера своего изъ Лезгинъ, и тотъ напѣвалъ ему дикія пѣсни горъ подъ звукъ бубна, славилъ набѣги своихъ предковъ, удальство своихъ братьевъ въ битвѣ и въ охотѣ,—и сердце Азіятца разгаралось на кровь, на истребленіе. Онъ сверкалъ очами, онъ пробовалъ лезвее кинжала, онъ восклицалъ: скоро-ль удастся мнѣ сразиться?

И ему скоро удалось это. Кази-Мулла осадилъ Дербендъ: отважнымъ раздолье открылось кидаться на вылазки. Я каждый разъ ходилъ съ Татарами, и каждый разъ видѣлъ Искендеръ-бека впереди: догнать его было можно, обогнать никогда. Онъ, какъ

серна, прыгалъ между гробовыхъ стоячихъ плитъ,— всегдашнимъ полемъ стычекъ были кладбища, опоясывающія Дербендъ — мѣтко металъ смерть изъ своей винтовки, и потомъ съ дикимъ воплемъ кидался на враговъ, махая кинжаломъ и мы, какъ пожигающая лава, гнали бѣгущихъ. Какъ теперь помню встрѣчу съ нимъ на послѣдней нашей вылазкѣ на Кубинскую сторону. Выбивъ непріятеля изъ виноградниковъ, мы отступали съ успѣхомъ, но въ безпорядкѣ, какъ водится у Азіятцевъ. Двѣ срубленныя головы воткнуты были на отнятое знамя, одна надъ другою, и Дербендцы съ криками торжества скакали около кроваваго трофея. Толпа провалила уже въ ворота, но я съ немногими, прикрывая отступленіе, остался у Фонтана освѣжить запекшіяся, отъ зноя и пыли и пороху, уста. Ядра ревѣли надъ нами вслѣдъ врагамъ; ихъ пули чикали о плиты водоема. Я поднялъ голову: передо мной стоялъ теска мой Искендеръ-бекъ, въ одномъ архалукѣ, съ засученными рукавами, оперщись на винтовку; онъ былъ живописенъ, онъ былъ гнѣвнопрекрасенъ тогда. Уста его роптали укоризны, взглядъ съ презрѣніемъ слѣдилъ Дербендцевъ.

— На кого ты сердишься, Искендеръ? спросилъ я.

— Бездѣльники, заячьи души, отвѣчалъ онъ: они умѣютъ только впередъ идти шагомъ, а чудь назадъ, то бѣгутъ опрометью. Мы тамъ оставили Нефтали.

— Какого Нефтали, Искендеръ? Не того ли красиваго мальчика съ крашеными *зюльфами*, который просилъ у меня патроновъ при началѣ схватки?

— Того самаго! Изъ цѣлаго Дербенда одного его любилъ я... Прекрасная душа!... И онъ погибъ!

— Взяли въ плѣнъ?

— Легъ на мѣстѣ. Храбрый лучше взрослаго, онъ былъ безразсуденъ какъ дитя. Погнался за кистью винограда, и заплатилъ за нее головою. Въ глазахъ нашихъ, Лезгины рѣзали ему шею, и я не могъ прогнать, не могъ умолить товарищей ударить на выручку его тѣла: мы бросили его на поруганье!

Еще разъ, послѣдній разъ зову, крикнулъ онъ, обращаясь къ нѣсколькимъ Татарамъ: въ комъ есть вѣра и у кого душа не потаскушка, пойдемъ, отобьемъ трупъ товарища, снимемъ съ себя позоръ предательства!

— Пойдемъ, сказалъ я.

— Пойдемъ! сказали еще двое увлеченныхъ примѣромъ.

Пошли.

И мы вышли безъ боя, хотя убитый лежалъ далеко въ виноградникахъ, внѣ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Лезгины никакъ не надѣялись подобной дерзости. Мы тихо вынесли, на плечахъ своихъ, обезглавленный, обнаженный трупъ несчастнаго, и положили у воротъ. Съ воплемъ, раздирающимъ душу, упала на него мать; шопотъ сожалѣнія пробѣжалъ по толпѣ. Искендеръ-бекъ стоялъ, сдвинувъ брови, но слезы противъ воли заливали ему глаза. Я подалъ ему руку и сказалъ:

— Жаль, что ты не Русскій!

Онъ сжалъ ее и отвѣчалъ: я поздравляю тебя только съ тѣмъ, что ты не Татаринъ.

Искендеръ-бекъ не годится въ придворные шегинъ-шаха. Въ пору соловьевъ, *бюльбюль заманы*, минуло двадцать лѣтъ Искендеру, и тогда только пробились у него усы, и тогда только сталъ безпокоенъ сонъ его, а на-яву посѣтили юношу пламенныя грѣзы. Давно уже замѣчено, что первые усы, признакъ мужества, всегда ровесники первымъ приступамъ любви. Искендеръ-бекъ испыталъ истину этого на самомъ-себѣ. Съ каждымъ тонкимъ, нѣжнымъ волоскомъ на верхней губѣ, раждалось въ сердцѣ его новое желаніе, — темное, безотчетное, но тѣмъ не менѣе сладостное, носящее цвѣтъ и плодъ на одной вѣткѣ, подобно бразильскимъ апельсинамъ. Мудрено-ли же, что усы такъ нравятся женщинамъ, когда они вылиты изъ одной стихіи съ любовью, когда они вьются отъ жара нѣги! Будь я дама, — мнѣ страхъ бы хотѣлось побыть дамою, — какъ могла бы я хладнокровно глядѣть на юношу,

у котораго персиковая кожица на щекахъ явно доказываетъ, что его усы только-что произведены изъ пуху, завиты сейчасъ розовыми пальчиками природы и такъ рѣзво глядятъ во всѣ стороны, будто просятъ — «пригладьте насъ поцѣлуемъ»! Да-съ, молодые усы — живой мостъ между двухъ коралловыхъ ротиковъ; съ молодыми усиками не нужно подписывать внизу письма — «всегда готовый къ услугамъ»: это будетъ плеоназмъ. Не чета они нашимъ заслуженымъ усамъ, подстриженнымъ какъ наши надежды, и колкимъ будто эпиграммы Пушкина, обозженнымъ порохомъ и виномъ, измятымъ страстями. Вовсе не-чета! Я, по-крайней-мѣрѣ, никогда не дерзаю входить въ состязаніе съ такими усиками и, опустивши свои, убираюсь за добра-ума.

Въ пору соловьевъ, по нашему стилю — въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Искендеръ-бекъ выѣхалъ однажды пополевать на перепеловъ съ ястребомъ. День былъ прекрасный, — настоящій праздникъ южной весны: жаркій, но безъ зноя, свѣжій, но безъ сырости. Воздухъ, казалось, напоенъ былъ дыханіемъ цвѣтовъ и пѣніемъ птичекъ: онъ струился вдали какъ живой сафиръ. Яркая зелень волнами лилась и переливалась съ холма на холмъ, а по нимъ плыли, какъ разцвѣченныя флагами яхточки, гранатники съ огненными, миндальныя деревья съ бѣлыми, персиковыя съ розовыми цвѣтами. Искендеръ-бекъ лавировалъ по этому морю зелени, между этихъ миленькихъ созданій, и каждое осыпало его дождемъ цвѣточнымъ, будто лаская, будто заманивая въ тѣнь. И долго такъ ѣздилъ Искендеръ изъ ущелія въ ущеліе, носился какъ безумный во всю прыть, то на круть горы, то на берегъ моря, и все чего-то ему не доставало: и мало было ему воздуха цѣлаго свѣта, и въ первый еще день волновалась грудь его, — какъ покрывало женщины, — чуть завидя женщину въ покрывалѣ. Бывало, проѣзжая по узкимъ улицамъ города, онъ не подыметъ глазъ на чадру, хоть распахнись она до пояса; а теперь каждый носикъ и глазокъ, лукаво проглядывающій изъ подъ скла-

докъ, бросалъ его въ ледъ и въ уголья. Онъ сроду не слушалъ лекцій сравнительной анатоміи, но съ чрезвычайною быстротой уже возсоздавалъ всю женщину безъ исключеній, а можетъ-быть и безъ ошибокъ, по маленькому слѣдку въ персидскомъ шалевомъ чулкѣ, выказывающемуся изъ подъ красныхъ *тумановъ* *, отороченныхъ позументомъ. Не знаю, право, удачна ли была въ тотъ день его охота, только ни одна, сколько-нибудь статная, Татарка, на возвратѣ изъ садовъ, не ускользнула отъ его взора: вѣроятно онъ почиталъ ихъ перепелками. Онъ пускалъ *чапъ-чапъ*, то есть, маршъ-маршъ, своего карабагца, и вдругъ осаживалъ его близъ испуганныхъ и тихо проѣзжалъ впередъ. Лукавецъ ужъ выучился разсматривать всю подноготную, не обращая глазъ, чтобы не испугать робости или стыдливости дѣвушекъ. Но, увы, всѣ лица были закрыты для него, подобно книгѣ Семи-печатей! Мусульманки страхъ боятся показывать себя одноземцамъ, а восемнадцати-лѣтнее воображеніе, съ едва пробивающимися усиками, любопытнѣе самой усастой женщины: оно не довольствуется парою ножекъ, даже самыхъ пророческихъ... Желанія Искендеръ-бека, не находя образа, въ который бы могли уютиться, разлетались въ воздухъ; онъ пригорюнился и оборотилъ коня къ дому.

Никогда я не миную придорожнаго фонтана, въ мусульманскихъ краяхъ, безъ умиленія и благодарности. Они выстроены съ большими издержками, съ немалыми трудами, въ безлюдныхъ степяхъ, или на безводныхъ распутьяхъ, для утоленія и омовенія прохожихъ, и выстроены не казною, не обществомъ частныхъ людей, но всегда кѣмъ-нибудь однимъ для общей пользы, — на поминъ душѣ или по обѣту, какъ видно изъ надписей, врѣзанныхъ на мраморной доскѣ надъ бронзовыми трубами. И въ ключѣ свода горитъ обыкновенно завѣтный стихъ корана: Благотвори и по смерти! И нѣсколько вѣковыхъ де-

* Женскія шаравары.

ревъ, посаженныхъ тутъ рукой вѣры, какъ дань раскаянія за злое дѣло или залогъ надежды за доброе, разстилаютъ свою прохладную тѣнь усталому путнику. Правда, мусульманинъ живетъ для себя, зато онъ умѣетъ безропотно умирать за вѣру и, умирая, не думать о себѣ; не заказываетъ сорочинъ и свѣчей по три пуда, — нѣтъ, онъ завѣщаетъ часть имѣнія бѣднымъ, или на вкладъ въ казну училища, всего чаще на постройку водопровода или водоема, потому-что вода въ жаркомъ климатѣ есть первая необходимость и лучшій напитокъ. Въ обгорѣлой отъ зноя пустынѣ, на окаленной дорогѣ, вы издали видите гостепріимный памятникъ, осѣненный тополями, и спѣшите къ нему съ отрадой, и съ наслажденіемъ пьете чистую струю, и съ признательностью думаете, — глядя на эту осязаемую идею примиренія съ Богомъ и съ людьми посредствомъ общей пользы: — Миръ праху твоему, блаженство твоей душѣ, добрый человѣкъ! Ты сочеталъ здѣсь дань Всевышнему и даръ твоимъ ближнимъ!

У подобнаго-то фонтана, верстахъ въ двухъ отъ города, спустился Искендеръ на дорогу, и вдругъ,— то не была уже мечта, но что-то столько же прелестное какъ мечта, кромѣ ея воздушности, — то была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, для которой слово милая, *азызъ*, казалось, только-что вырвалось изъ юнаго сердца, а не стариною выдумано. Она умывала лице, разгорѣвшееся отъ движенія, то плескалась струйкою, то любовалась собою въ зеркалѣ водоема, — и ничего не слыхала.

Черныя, какъ смоль, косы порой закрывали ей все лице; порой распадались на полуоткрытой груди, которую напрасно замыкала ревнивая цѣпь золотыми монистами и бляхами: она выглядывала сквозь разрѣзъ розовой сорочки изъ тафты, рвалась проколоть парчу архалуха, впившагося, какъ любовникъ, въ стройный станъ. Вообразите жъ себѣ юношу, раскаленнаго впервые мечтою о женщинѣ и почти не видавшаго женщинъ, а потомъ судите, что сталось съ нимъ, когда онъ увидалъ нечаянно это пре-

лестное личико, озаренное лучемъ души, и два эти снѣжные холма, будто двѣ зари раздѣленныя таинственнымъ сумракомъ, когда онъ замѣтилъ, какъ мятежно возникали и опадали они?... А между-тѣмъ золотая смородина пуговицъ, унизанныхъ по распашнымъ рукавамъ, звучала, ударяясь о край водоема; а между-тѣмъ тонкая бѣлая ткань ея покрывала прельстительно играла около, роскошными складками, то обрисовывая формы тѣла, то раздуваясь широко. У Искендера занялся духъ: онъ горѣлъ и таялъ какъ амбра, благоухая; свѣтъ улетѣлъ изъ подъ ногъ его; онъ до того сосредоточился весь въ зрѣніе, что не слыхалъ, какъ разгоряченный бѣгунъ его бросился къ водопойнѣ,— ошибка непростительная кавалеристу: долго ли запалить коня! Главное въ томъ, что всадникъ, давъ поводья невоздержности четвероногаго, лишилъ самъ-себя рая. Красавица съ ужасомъ увидѣла жаркую морду и, съ крикомъ — Ай, Искендеръ-бекъ! набросила на лице покрывало и — упорхнула.

Искендеръ-бекъ почувствовалъ всю неприличность своего поведенія въ отношеніи къ вѣрѣ и нравамъ (дербендскія красавицы пляшутъ передъ мужчинами и ѣздятъ по ночамъ за городъ съ нукерами только въ русской словесности; въ дѣйствительности — никогда), но почувствовалъ не ранѣе, какъ потерявъ изъ виду незнакомку. Она, правда, раза три останавливалась, будто поджидая старуху служанку, которая съ ней была, но Искендеръ не смѣлъ повторить своей невинной дерзости, и не тронулся съ мѣста. Между-тѣмъ какъ сердце его, пытая первыя крылenки, провожало красавицу, въ молодой головѣ поднялись тревожныя мысли... Аллахъ, Аллахъ, что скажутъ про меня и про нее, если насъ видѣли? А какъ мила!... Бѣда ей будетъ отъ отца и отъ матери!... Чудо что за глазки!... Пойдутъ сплетни!... Какъ хорошо, что она не румянится: она бы не мылась, если бъ была намазана. А шейка-то, шейка, что за милочка! Охъ ужъ мнѣ эти Дербендцы! Да еще знаетъ меня по имени: вѣрно ей не даромъ

захотѣлось узнать мое имя... Такъ и есть, это двѣ женщины: плакали на могилѣ и вѣрно все видѣли... А эти два полушара, нѣжные, бѣлые, полупрозрачные! Я бы оченъ желалъ... знать, за что они поссорились, — а вдвое того, помирить ихъ поцѣлуемъ. За что они поссорились!...

— Ну, зачто жъ?

Вы слишкомъ любопытны, господа. Если вы знаете это, вамъ напрасно разсказывать, а если не угадываете, зачто я отниму у васъ прелесть извѣданія при опытѣ? Я увѣренъ, что пословица — много будешь знать, скоро состарѣешься, — выдумана по любовному департаменту. Довольно съ васъ, что Искендеръ-бекъ поѣхалъ домой влюбленный, вровень съ краями, и ѣхалъ въ первые какъ воръ, оглядываясь и трепеща каждаго взгляда, каждаго слова, брошеннаго прохожими невзначай. Вы напрасно впрочемъ подумаете, что это было раскаяніе: у новопожалованнаго любовника кипѣла совсѣмъ другая забота. Если это пройдетъ безъ слѣдовъ — я могу найти случай опять съ нею встрѣтиться, думалъ онъ: если жъ не-равно встрѣча моя пойдетъ въ огласку, ее запрячутъ и закутаютъ такъ, что въ три года не дороешься! И бѣдненькій новичокъ трепеталъ и таялъ. Не даромъ наказывалъ ему отецъ: — Искендеръ, помни, что у розана цвѣтъ на часъ, а шипы навѣчно. Ласкай женщинъ, но не люби ихъ, если не хочешь изъ властелина сдѣлаться рабомъ. Повѣрь мнѣ, любовь сладка только въ пѣсняхъ; въ правдѣ, начало ея — страхъ, средина — грѣхъ, а конецъ — раскаяніе. Смотри, не заглядывайся на чужихъ женъ и не слушай свою собственную!

Съ тѣхъ-поръ какъ изобрѣтены совѣты, конечно этотъ былъ въ родѣ своемъ не послѣдній; за то, — надобно отдать честь Искендеръ-беку, — и позабылъ онъ его не ранѣе какъ черезъ четверть часа, хотя признано всѣми, подверженными совѣтамъ, что весьма полезно пускать ихъ мимо ушей и, только въ случаѣ неудачи, помнить одну минуту. Молодой Татаринъ любилъ и боялся, и никакъ не замѣ-

чалъ, что надъ нимъ совершается отцовское предсказаніе.

Днемъ моложе, какъ покойно спалъ нашъ юноша! Ночь для него была кратка и освѣжающа, словно глотокъ шербета. А теперь? Посмотрите на него теперь: онъ мечется, онъ бредитъ, онъ грызетъ пуховую подушку; прозрачная *бязь* * душитъ его хуже савана; ему кажется, будто цѣлый эскадронъ черныхъ гусаръ скачетъ по немъ, хотя я заподлинно знаю, что, несмотря на необычайную производительность дагестанскаго климата, по тѣлу Искендеръ-бека прыгали тогда вовсе неподозрительныя животныя, а просто жгучія искры желаній. Ночь эта, по самому вѣрному его счисленію, продолжалась ровно семь ночей съ полночью, и онъ истомленный снами и безсонницею, съ радостью протянулъ руку первому лучу, запавшему въ его окно, какъ рукѣ давно-невиданнаго друга. И отчего все это? Оттого, что шалуну-случаю угодно было показать ему одно прелестное личико, и потомъ забросить это личико въ неизвѣстность, въ тайну, въ запрещеніе; оттого, что природѣ забавно вселять въ насъ страсть ко всему неясному, таинственному и завѣтному; однимъ словомъ и наконецъ оттого, что онъ былъ *онъ*, а она *она*. — Но кто жъ она? — Искендеръ вскочилъ, уколотый въ сердце этимъ вопросомъ. *Она?* Какое дурное слово, она! Любовь не любитъ мѣстоименій, по-крайней-мѣрѣ Дагестанская любовь: ей нужна существительность и способность, ей нужно обладаніе, выше всего. Искендеръ-бекъ въ тотъ же мигъ увѣнчалъ свою возлюбленную завоевательнымъ мѣстоименіемъ и временнымъ именемъ: я узнаю какъ зовутъ *мою* Лейлу, сказалъ онъ, опоясывая кинжалъ: хоть умру да узнаю! Мигъ послѣ, онъ стоялъ на перекресткѣ.

Богъ построилъ горы, человѣкъ города: такъ по-крайней-мѣрѣ я думалъ, сравнивая щепетильность

---

* Бумажная матерія, которая добротою понижается отъ кисеи до парусины.

нашего зодчества съ неподражаемымъ величіемъ зодчества природы. Дербендцы судятъ свой городъ съ гораздо большею справедливостью; они говорятъ, что ихъ городъ построенъ чортомъ. Геркулесъ персидскаго баснословія, Рустемъ, такъ отзубрилъ однажды бока своему завистнику, шайтану, что тотъ запросилъ — *аманъ аманъ!* Къ Рустему за часъ передъ этимъ поступило прошеніе отъ поселянъ несчастной деревнишки, гдѣ сидитъ теперь Дербентъ, защитить ихъ отъ горныхъ набѣговъ. Рустемъ былъ великанъ, не только тѣломъ, но и душою, и готовый загребать жаръ чужими руками для всякаго бѣдняка, — блистательная черта героевъ, великодушныхъ отъ бездѣлья и щедрыхъ на все, что ничего имъ не стоитъ. Кстати, сказалъ Рустемъ чорту: вѣдь мнѣ на тебѣ не ѣздить; смотри жъ, собачій сынъ, чтобы къ утру ты мнѣ выстроилъ тутъ городъ со стѣнами и съ башнями: да станетъ Дербендъ!

И сталъ Дербендъ. Чортъ строилъ впотемкахъ и торопливо; мѣсилъ въ своихъ лапахъ камни, дробилъ ихъ, плевалъ на нихъ, бросалъ дома одинъ на другой, отбивалъ улицы по хвосту; къ разсвѣту Дербентъ поднялся на ноги, но заря ахнула отъ изумленія, взглянувши на него впервые: это былъ потокъ камней и грязи, съ трещинами вмѣсто улицъ, которыхъ самъ почтенный строитель не распуталъ бы середи бѣлаго дня. Всѣ дома родились слѣпыми, всѣ ихъ черепы были расплюснуты подъ адскою пятой, всѣ они пищали отъ тѣсноты, ущемленные между двухъ высокихъ, длинныхъ-предлинныхъ стѣнъ. Все вмѣстѣ походило, однимъ словомъ, на огромнаго удава, который подъ чешуею домовъ растянулся съ горы на солнышкѣ и поднялъ свою зубчатую голову крѣпостью Нарынъ *, а хвостомъ

* Нарынъ-Кале; если перевесть слово-въ-слово, значитъ — нѣжная крѣпость; но старинное ей имя — *Нарынджъ-Калеси,* крѣпость померанцевъ. Есть преданіе, что въ ней росли огромныя померанцовыя деревья.

играетъ въ Каспійскомъ морѣ. Затѣйникъ хотѣлъ и тутъ увѣковѣчить образъ животнаго своего герба, — змѣя искусителя. Надулъ первую чету, и до-сихъ-поръ этимъ хвалится. Отъ людей, говоритъ онъ, отъ охотниковъ и охотницъ соблазняться, нѣтъ отбоя: да у кого жъ изъ этихъ бѣдняковъ есть рай въ промѣнъ за яблоко?... Ей, ей, разоримся, если за нынѣшнихъ людей платить и наличною клюквой! Грѣхи и грѣшники ужасно подешевѣли.

Но должно быть лукавый что-нибудь да оставилъ въ Дербендѣ изъ своей прельстительности. Сколько разъ и сколько завоевателей дрались за него! сколько молодцовъ положили тамъ свои души за его красавицъ или золото! Обольстилъ этотъ змѣй и Искендеръ-бека. Ходитъ онъ, бродитъ, по его излучистымъ закоулкамъ; заглядываетъ во всѣ ворота, чуть зѣвнутъ они; хочетъ пробуравить глазами грязныя стѣны домовъ, сорвать взглядами чадру съ каждой прохожей. Напрасно! Татары говорятъ — дѣвушка въ окнѣ, все равно что яблоня у мельницы, и закладываютъ камнями даже кошачьи лазейки. Коранъ твердитъ — недобро мущинѣ смотрѣть на женское лице: взгляды — сѣмена грѣха! и завистливое покрывало скрываетъ каждую, отъ головы до самыхъ пятъ. *Ее* также трудно узнать въ тысячѣ бѣлыхъ покрывалъ, какъ мелькнувшую волну между синихъ волнъ Каспія. Отъ кого узнать ея имя? Кто покажетъ домъ ея? Томимый любопытствомъ сердца, онъ вмѣшался въ толпу, влекомую на площадь барабаномъ; но тамъ, вмѣсто безцѣнной своей, узналъ только цѣну мяса. Долго прислушивался къ крику перепродавца ветошей на базарѣ: купите, купите, господа!... славная чуха! узорчныя женскія шалвары! Десять абазовъ и три бисты (гроша)! Три бисты съ десятью абазами: кто больше? Право, за отъѣздомъ въ *Кабиристанъ* (въ страну гробовъ) продаются они... Возьмите, ага, *шалвары*.

— *Бошъ затъ!* пустая вещь! сказалъ Искендеръ-бекъ, и пошелъ далѣе.

Искендеръ-бекъ терпѣть не могъ пустыхъ вещей. Въ разсѣянности подошелъ онъ къ Армянину, торгующему балыкомъ, а Лейла неотступно танцовала передъ его глазами... Какъ зовутъ? спросилъ онъ, нѣжно схвативши за хвостикъ одну рыбку: онъ думалъ, что сжимаетъ ножку красавицѣ.

— *Шамая* *, отвѣчалъ хладнокровный Армянинъ.

Безъ мыслей блуждалъ онъ по базару, грязному даже среди лѣта, но и среди лѣта прохладному. Солнце едва проникало туда, и купцы сидя на откидной двери своихъ лавочекъ, набитыхъ всякою дрянью и всякою роскошью, однозвучно бросали ему въ оба уха свое — *что угодно вашей душѣ?* Ахъ, если бъ вы знали, чего хочетъ моя душа! думалъ Искендеръ-бекъ. Если бъ могли продать или подарить мнѣ то! Я бы отдалъ все, что имѣю, и аакабалилъ себя на вѣчную службу вмѣсто *кабина* (вѣна): да счастье не дарятъ и не покупаютъ. И онъ пришелъ, въ открытые ряды, гдѣ по восточному обычаю, каждая лавка — вмѣстѣ и рукодѣльня, гдѣ поетъ тетива шерстобоя, визжитъ пила оружейника, играетъ шило чеботаря и рядомъ съ ткацкимъ станомъ бренчитъ молоточикъ Кубачинца **, насѣкающаго дивныя арабески на кинжалахъ. Искендеръ-бекъ остановился у прилавка золотыхъ дѣлъ мастера, старика Джафара. — *Аллахъ версынъ кемакъ*, Богъ да поможетъ тебѣ! сказалъ онъ ему. — Богъ да ааплатитъ тебѣ счастьемъ! отвѣчалъ тотъ, не переставая что-то кропать обломкомъ пилочки; и Богъ заплатитъ ему счастьемъ нежданно. Въ чашечкѣ передъ старикомъ, въ кучѣ переломанныхъ

---

* Необыкновенно жирная рыба, родъ сельдя; ловится только у Кизлярскихъ береговъ Каспія.

** Кубачи большое селеніе вольнаго Кара-Кайтаха, въ девяноста верстахъ отъ Дербенда, славное въ горахъ оружіемъ, осадкою оружій и особенно насѣчкою по желѣзу. Кубачинцы увѣряютъ, что предки ихъ были Франки: ничѣмъ неподтвержденная басня.

украшеній, лежала серга незнакомки, — та самая серга, которая обличила ему вчера премиленькое, премаленкое ушко. Въ этомъ не сомнѣвался онъ, и не ошибался: онъ бы узналъ ее въ цѣломъ четверикѣ драгоцѣнностей... Сердце его билось, будто онъ прочелъ начальную букву завѣтнаго имени, будто увидалъ розовую, манящую его, ручку. Онъ долго не смѣлъ сказать слова, долго не умѣлъ съ чего начать, — такъ дрожалъ его голосъ, такъ перемѣшены были всѣ мысли. Любовь наконецъ подсказала ему военную хитрость: онъ, будто безъ вниманія, просыпалъ сквозь пальцы пуговки и колечки роковой чаши, и вынулъ не нарокомъ сергу незнакомки, поигралъ ею на свѣтъ возлѣ самаго носа Джафара, и вдругъ обронилъ на мостовую. Она давно уже щекотала хитреца за рукавомъ, а онъ все шарилъ по полу, наконецъ поклонился и жалобнымъ голосомъ произнесъ: потерялъ!

Огромные очки спрыгнули долой съ носа Джафара, — такъ сильно вздуло опасеніе его ноздри.

— *Аллахъ! я Аллахъ!* вскричалъ онъ. Что ты надѣлалъ, Искендеръ-бекъ? Да теперь старая лиса Миръ-Гаджи-Фехтали меня изъ бѣлаго свѣта въ три-шеи вытолкаетъ! Шутка ли, эмалевую сергу!

— Душа моя, Джафаръ, не смѣйся ты надъ моими усами: статочное ли дѣло, чтобы такой степенный человѣкъ, какъ Миръ-Гаджи-Фехтали, носилъ въ ухѣ женскую сергу съ подвѣсками!

— Да кто тебѣ говоритъ, что онъ самъ ее носитъ? Нѣтъ и жены у стараго скряги; онъ находитъ, что самая дешевая жена не стоитъ своей цѣны: такой товаръ и ѣсть и одѣться проситъ, и наскучитъ — съ рукъ не сбудешь, и на стѣнку не повѣсишь, какъ комузъ *, сыгравши пѣсню. Да у него вѣдь подъ опекой есть невѣста-племянница. Братъ его, Шафи, ужъ лѣтъ десять тому бѣжалъ въ Персію, и оставилъ больную жену съ дочерью на Божью

* *Комузъ,* или *кобузъ,* родъ балалайки съ тремя металлическими струнами.

волю... Кичкенѣ едва ли было тогда лѣтъ шесть... *Хурды-мурды* *, правда, не мало осталось...

— Такъ ее до-сихъ-поръ зовутъ *Кичкене* ** спросилъ Искендеръ-бекъ, усмѣхаясь.

А между-тѣмъ имя Кичкене показалось ему во сто разъ сладкозвучнѣе Лейлы. Надо признаться, Татары плохія знатоки эвфоніи.

— Я думаю, однако жъ, эта малютка теперь порядочно подросла?

— Самъ ты знаешь нашу землю, Искендеръ-бекъ: годовой ребенокъ двухъ лѣтъ становится, пяти-лѣтній десяти-лѣтнимъ глядитъ. А дѣвушки, что твоя виноградная лоза! Не успѣетъ съ земли подняться, чуть привили, — смотришь, гроздокъ налился. Такая, говоритъ дядя, стала Кичкене красавица да рѣзвушка, что Аллахъ упаси! Вчера одну сергу, ни съ того ни съ этого, изъ уха вырвала; да и ты на бѣду...

Искендеръ-бекъ опустилъ въ руку словоохотнаго Джафара сергу Кичкени, — и былъ таковъ. Чего было ему слушать болѣе? Теперь онъ узналъ все, что хотѣлъ узнать, — родъ и племя своей красавицы, имя и жилище ея... Онъ побѣжалъ опрометью осмотрѣть клѣтку райской пери или, лучше сказать, сундукъ, въ которомъ заперто было его сокровище: сундукъ этотъ стоялъ прислонившись, къ городской стѣнѣ; на улицу выпустилъ онъ только надворную стѣнку да чернавку трубу чурешни ***, — и тѣ царапались своими угловатыми камнями и гвоздистыми воротами. Не голосъ милой услыхалъ Искендеръ-бекѣ изнутри, а сердитое ворчанье со-

---

* Мелкіе пожитки.

** *Кичкене* значитъ — малютка. Искендеръ-бекъ играетъ здѣсь словами.

*** Хлѣбныя лепешки, то есть, чуреки, пекутъ на Востокѣ въ открытой на подобіе котла, изъ глины сбитой, печи. Ее разжигаютъ хворостомъ, и потомъ прилѣпляютъ тѣсто къ бокамъ: въ минуту хлѣбъ зрѣетъ и отпадаетъ самъ.

баки; онъ грустно прошелъ мимо, и съ досадою бросился дома на коверъ. Въ головѣ его ходилъ жерновъ, въ сердцѣ разгарался пожаръ, въ которомъ, какъ на всѣхъ пожарахъ въ свѣтѣ, спасалась дрянь, а драгоцѣнное летѣло въ огонь. Впрочемъ, одиночество, въ которомъ жилъ нашъ юноша, если не дало ему лоску общежительныхъ приличій, за-то сохранило душу отъ разврата общества. Предвѣчная совѣсть начертала свои законы на юномъ сердцѣ симпатическими чернилами: чѣмъ сильнѣе разогрѣвалось оно страстью, тѣмъ явственнѣе горѣли завѣты. Кончилось тѣмъ, что всѣ его проселочныя желанія вышли на большую дорогу, взялись за руки и побѣжали впередъ. Коранъ велитъ, а сердце упрашиваетъ жениться, какъ можно ранѣе. Искендеръ-бекъ рѣшился жениться, и почему же нѣтъ? Чѣмъ бы онъ не женихъ какой угодно ханумъ? Онъ посмотрѣлся въ зеркальцо, и улыбнулся; онъ высыпалъ на изголовье завѣтную кубышку, и ободрился... Онъ ужъ видѣлъ въ каждой монетѣ взоръ своей Кичкене, размѣнивалъ каждый червонецъ на жаркіе поцѣлуи. Онъ цѣловалъ ихъ, прижималъ ихъ къ сердцу. Деньги — все! думалъ онъ. Неопытный! Онъ еще не зналъ, что на золото въ нравственной торговлѣ можно купить только мишуру — заглавіе вещи, а не самую вещь, — личину, а не лицо. Юноша, онъ считалъ все легкимъ и возможнымъ; онъ думалъ, что и въ людяхъ, какъ въ немъ самомъ, всѣ враждебныя чувства разступятся для пріязни; что старость также забывчива на старое, какъ молодость безаботна о будущемъ. Кичкене, ты будешь моя, непремѣнно моя! восклицалъ онъ. Съ какою радостью отдамъ за тебя все, что добывалъ съ такими трудами! Съ какимъ восторгомъ кинусь въ первый разъ тебѣ на шейку, вздохну на твоей груди!... И ты будешь любить меня, Кичкене. Не правдали, милочка, ты будешь? Я стану наряжать, лелѣять, нѣжить тебя; отдамъ душу за твою душечку!...

Искендеръ-бекъ безумствовалъ. Онъ хотѣлъ по-

лучить въ свою власть Кичкене, страстно, какъ мусульманинъ, который въ любви не знаетъ прелюдій; хотѣлъ получить скоро, какъ юноша: а вѣдь одни только юноши имѣютъ даръ все дѣлать скоро и хорошо и, еслибъ Искендерово счастіе зависѣло отъ женщинъ, дѣло бы рѣшилось въ-мигъ въ его пользу. Женщины такъ любятъ порывы страсти, ими внушенной! Любятъ гораздо больше глупости, для нихъ сдѣланныя, нежели преумныя вещи, объ нихъ написанныя или имъ сказанныя. Это естественно; чувство для нихъ, раздражительныхъ созданій — сильнѣе, выше, увлекательнѣе мысли; жаръ на нихъ болѣе имѣетъ вліянія, чѣмъ свѣтъ. Будь юноша пылокъ хоть на-минуту, его подерутъ за ушко, поставятъ на колѣни, скажутъ, *какой вы дитя!* и все простятъ, все позволятъ. И вотъ изъ этого премилаго дитяти, выходитъ препзбалованное дитя: разберите кто виноватъ — маменьки или воспитанницы? И въ первый разъ почувствовалъ Искендеръ необходимость въ связяхъ; а онъ былъ отбитое звѣно въ обществѣ, въ которое кинула его судьба. Кстати онъ вспомнилъ, что у него есть какая-то старушка тетка, — я увѣренъ, что всѣ тетушки земнаго міра выдуманы и назначены самой природой въ свахи и вѣстоноши, — она могла бы пособить его горю, посовѣтовать ему на успѣхъ. Онъ запасся кускомъ клѣтчатой *дораи* *, на чадру, двумя часами терпѣнія на случай пѣней, и отправился къ доброй старухѣ. Онъ воротился отъ ней чуть не летомъ отъ радости: тетушка обѣщала ему употребить всѣ невинныя хитрости, позволенныя мусульманскими нравами, для сближенія свадьбы. Приходи ко-мнѣ завтра за часъ до *азана* **, сказала она, провожая племянничка до дверей: я зазову къ се-

* *Дорая*, крѣпкая тафта всѣхъ цвѣтовъ, шамахинское произведеніе.

** *Азанъ*, призывъ къ молитвѣ, слово, присвоенное болѣе къ полуденному моленію. Вечернее чаще называютъ *намазъ*.

бѣ Кичкеню красить рѣсницы; вѣдь лучше меня никто въ цѣломъ Дребендѣ не смѣшаетъ краски и ровнѣй не выведетъ кружковъ. Я тебя, шалуна, спрячу за этою занавѣской въ простѣнокъ. Смотри жъ, только будь уменъ: не дохни, не шевелись, и потомъ никому даже глазкомъ не мигни — былъ-не-былъ. Не вѣрьте, пожалуйте, господамъ путешественникамъ по Востоку, будто всѣ женитьбы мусульманъ совершаются такъ, что будущіе супруги не видятъ и не знаютъ другъ-друга. Это справедливо только въ отношеніи къ ханамъ, богатымъ купцамъ, людямъ власти и роскоши, которые на-слухъ сватуютъ или покупаютъ себѣ женъ. Средній классъ народа и бѣдняки, живутъ слишкомъ тѣсно другъ-съ-другомъ, чтобы не знать взаимныхъ отношеній и даже сосѣднихъ лицъ. Крѣпко заперты ихъ ворота, но плоскія кровли открыты для прохожихъ, и въ городахъ,—гдѣ всѣ женщины проводятъ жизнь на дворикахъ или подъ навѣсомъ, а домы, сходя ступенями внизъ, заглядываютъ другъ-другу въ сердце,—конечно, можно найти извинительный случай поглядѣть на красавицъ. Слова нѣтъ, это считается великою обидой, большимъ стыдомъ, но любопытство хитро на выдумки, и бываютъ часы, въ которые даже мусульмане и мусульманки забываютъ о кинжалѣ. Дѣвушки до одинадцати лѣтъ ходятъ съ открытымъ лицомъ, и потому предусмотрительные женихи могутъ замѣчать будущихъ невѣстъ по колосу. Потомъ, есть всегда услужливыя бабушки и тетушки, которыя украдкой покажутъ желаемую особу желателю. И онъ скажетъ потомъ: чудо, а не дѣвушка! Бѣла какъ хлопчатая бумага, стройна какъ серна. Голосъ — пѣсня соловьиная; пойдетъ — пава да и только! О душѣ онъ не заботится: въ Несомнѣнной-книгѣ сказано, что у женщинъ нѣтъ души. Объ умѣ еще меньше: умъ мусульманки состоитъ въ шитьѣ и въ стряпаньѣ. Если она умѣетъ разнообразить пловы, *альмы-дольмы* * и всѣ супру-

* *Альмадольма*, яблоко, начиненное мяснымъ фаршемъ.

жескія сладости, начиная съ пирожковъ до ласканій: она жемчужина всѣхъ женъ и можетъ надѣяться, что мужъ долго позволитъ ей угождать безъ смѣны. Многоженство, впрочемъ, кромѣ самыхъ богачей, рѣдко до невѣроятности. *«Я Аллахъ!* и одной жены слишкомъ!» сказалъ мнѣ Асланъ-ханъ. — О конечно, возразилъ я, но любовницы? — Онъ засмѣялся.

И дѣло любви кончено. Начинается дѣло расчетовъ. Тесть проситъ много кабину за честь... Зять сбавляетъ, думая про себя о красотѣ. Наконецъ торгъ кончился: бьютъ по рукамъ. Часть кабину по условію отдаютъ впередъ, и на эти деньги снаряжаютъ приданое; остается сводить невѣсту съ торжествомъ въ баню, и на другой день къ вечеру, когда всѣ пожитки ея перенесены съ музыкою въ домъ жениха, ее сажаютъ на осла (пророческая выдумка) и подъ пологомъ везутъ въ новое жилище, съ кликами, съ бубнами, съ пальбой изъ ружей. На-завтра она уже супруга. Нѣтъ ни обручанья, ни вѣнчанья. Мулла прочелъ молитву надъ условіемъ брака: остальное — въ волѣ Аллаха и мужа.

Вся эта перспектива будущаго блаженства снилась Искендеръ-беку въ очаровательныхъ цвѣтахъ съ мѣстными подробностями. Еще на темной зарѣ поднялся онъ, а за два часа ранѣе полудня сидѣлъ уже у тетки за сундукомъ. При малѣйшемъ шорохѣ, его бросало въ лихорадку. И наконецъ послышался лепетъ башмаковъ по плитамъ дворника: двѣ дѣвушки, хохоча между собою, взбѣжали на айванъ, бросили обувь у ковра, и съ привѣтами подсѣли противъ дверей къ старухѣ, Аджѣ-Ханумъ. То была Кичкене съ одной изъ своихъ подругъ. Покрывала обѣихъ упали долой.

Не знаю, по какимъ законамъ акустики каждый звукъ голоса Кикчени отдавался въ сердцѣ Искендеръ-бека, только оно во все время посѣщенія не переставало звенѣть, словно колокольчикъ. Когда же тетка его вывела тонкую сурмяную черту по ресницамъ красавицы, и большіе черные глаза ея за-

сверкали на волѣ, ему показалось, что два пистолетныхъ дула брызнули въ грудь его молнію. Сама старуха опустила кисть и долго любовалась своею гостьею; потомъ поцѣловала ее въ стыдливо-опущенные очи, и сказала: скоро ли, моя милая Кичкене, я разрисую тебя подъ пѣсни подружекъ, въ банѣ? У тебя такіе миленькіе глазки: дай Богъ, чтобы они каждый вечеръ замыкались поцѣлуемъ, и ни въ одно утро не отворялись слезами! Кичкене съ нѣгою во взорѣ обняла старушку: Искендеръ-беку послышалось, что она даже вздохнула, — я не слыхалъ, я не увѣряю въ томъ.

— Дядюшка Фетхали говоритъ, что я еще слишкомъ молода, примолвила она почти грустно.

— А что говоритъ твое сердечко, малютка моя? возразила смѣючись Аджа-Ханумъ.

Кичкене рѣзво схватила бубенъ, висѣвшій на стѣнѣ и, колебля звонки его между разцвѣченными хиной пальчиками, вмѣсто отвѣта пропѣла извѣстную пѣсню — *Пенджарая гюнъ тюшты:*

Для чего ты, лучъ востока,
Рано въ сѣнь мою запалъ?
Для чего ты стрѣлы ока
Въ грудь мнѣ, юноша, послалъ?

Свѣтитъ взоръ твой — не дремлю я;
Лучъ блеснулъ, — и сонъ мой прочь.
Такъ, сгарая и тоскуя,
Провожу я день и ночь!

У меня ли бархатъ — ложе,
Изголовье — бѣлый пухъ,
Сердце жаръ: и для кого же,
Для кого безцѣнный другъ?

И она покраснѣла до плечь, будто промолвилась тайной задушевною, потомъ захохотала какъ дитя, уронила бубенъ, прижатый, доселѣ накрестъ сложенными на груди, руками, и упала въ объятія сво-

ей подруги. Потомъ обѣ онѣ смѣялись отъ души, но объ чемъ? Я думаю о томъ именно, что тутъ нечему было смѣяться; можетъ-быть тому, что каждая изъ нихъ думала о разномъ, и каждая видѣла ошибку подруги.

Но старушка была догадлива, и хотѣла кой-для-кого превратить эту догадку въ увѣренность. О, ты мой *гюлъ їаси!* ты мой запахъ розы! сказала она, играя кольцами на мизинцѣ Кичкени. Если бъ мой племянникъ Искендеръ-бекъ услыхалъ хоть за стѣной твою пѣсню, онъ бы разбилъ стѣну грудью, чтобы увидать эту пѣвицу, а если бъ увидалъ, то похитилъ бы тебя какъ левъ серну.

Хрустальный кувшинъ съ розовою водой слетѣлъ въ этотъ мигъ съ сундука, и разбился въ дребезги. Хозяйка и гостья поблѣднѣли, обѣ отъ страха, обѣ отъ разнаго страха.

— *Бу наданъ хаберъ дюръ?* Откуда этотъ слухъ? спросила Кичкене трепетнымъ голосомъ.

— Упалъ сверху, отвѣчала старуха, притворяясь будто не понимаетъ вопроса. Ужъ эта мнѣ черная кошка!

— А я и пестрыхъ кошекъ терпѣть не могу, сказала Кичкене съ сердцемъ: онѣ вездѣ со своимъ хвостомъ суются, да мяукаютъ по всѣмъ кровлямъ на-худое *. *Сагъ олсунъ*, будь невредима, Аджа Ханумъ! Пойдемъ, милая Аспетъ. Маменька меня на часокъ отпустила, а вотъ ужъ мулла кричитъ.

Кичкене холодно поцѣловала хозяйку, но та, провожая гостей до воротъ, шепнула на ухо: ты напрасно сердишься, Кичкене; не бѣды, а цвѣты я хочу тебѣ на голову. Для меня дорого твое счастье какъ золотая нитка, а есть человѣкъ, который бы

* Чтобы понять всю ѣдкость этого упрека, надо знать, что старухи мусульманки носятъ по большой части пестрыя покрывала, и полемъ ихъ сплетней съ сосѣдками служатъ обыкновенно кровли домовъ. Тамъ, присѣвши на корточки, злословятъ онѣ или бранятся между-собою.

связалъ душу свою съ этою ниткой, и только я да Аллахъ вдвоемъ про то знаемъ! Кичкене раскрыла очи отъ изумленія, отъ любопытства, но дверь захлопнулась таинственно, и только громъ засова былъ ей отвѣтомъ.

Искендеръ-бекъ чуть не задушилъ добрую тетку въ объятіяхъ, когда та журила его, что не могъ онъ высидѣть смирно въ своей обсерваторіи.

— Насыпалъ бы пеплу на мою бѣдную головушку, если бъ онѣ догадались отъ-чего разбился и разлился кувшинъ!

— Могъ ли я не вздрогнуть, когда у меня сердце чуть не разсыпалось, чуть не пролилось рѣчью, когда я увидѣлъ эти лиліи и розы на щекахъ Кичкени при моемъ имени? Я хотѣлъ сорвать ихъ устами: кто сѣетъ, тому должно и пожинать.

— То-то и бѣда наша, что мы въ черномъ саду сѣемъ.

— Купи же мнѣ этотъ садъ, Аджа-Ханумъ; не дай умереть, какъ соловью, на шипахъ этой розы. Высватай мнѣ Кичкене, и ты узнаешь, что я не только влюбленъ, но и благодаренъ. Я куплю тебѣ лучшую буйволицу изо всего Дагестана.

На другой день Искендеръ-бекъ получилъ отвѣтъ отъ опекуна Кичкени, Миръ Гаджи-Фетхали-Исмаилъ-оглы: онъ былъ полный господинъ ея судьбины, потому что больная мать не имѣла никакой воли.

— Скажите отъ меня Искендеръ-беку, наказывалъ онъ Аджѣ-Ханумъ, что я живо помню отца его; и помню то, что долги отца платятъ дѣти до третьяго колѣна. Старикъ былъ буйный человѣкъ, и назвалъ меня однажды сыномъ позора, въ глазахъ всего народа. Я не успѣлъ взять съ него крови за это, потому-что русская власть придавила тогда наши обычаи широкою полой своей; я не схоронилъ съ нимъ вмѣстѣ своей обиды, не жегъ его гроба. Но развѣ я собака, чтобы ластиться къ тому, кто бьетъ меня? Да-правду сказать, хоть бы между нами не было не только лезвія, даже соло-

минки, — что за находка мнѣ, ага-миру, потомку пророка, залѣзать въ родню къ этому беку? Въ Дербендѣ семьдесять бековъ, ага-мировъ только пять, и я конечно изъ нихъ не послѣдній. И что поешь ты мнѣ о кабинѣ? На кабынъ его станетъ, а потомъ чѣмъ будетъ онъ жить съ моею племянницей? Гдѣ у него родня, которая бы могла помочь ему въ нуждѣ, черезъ которую и мнѣ бы вездѣ дали почетное мѣсто? Сколько вороньихъ яицъ получаетъ онъ доходу съ дома? Много ли продаетъ крапивы съ поля? Голышъ онъ, голышъ науличной! Скажи ты ему на-отрѣзъ — нѣтъ, и сто разъ нѣтъ. Я не принимаю къ себѣ въ родство молокососовъ, у которыхъ голова и киса такъ пусты, что дунь, улетятъ. *Сагъ олсунъ!*

Предоставляю судить всякому, какое бѣшенство обуяло Искендеръ-бека, когда ему слово-въ-слово былъ переданъ насмѣшливый отказъ. Наконецъ пѣна ярости скипѣла, и онъ затаилъ глубоко въ сердцѣ обманутую страсть свою и голодную ненависть: онъ былъ Татаринъ.

IV.

Янанъ ерденъ, чихаръ тютюнъ.
Съ мѣста, гдѣ горитъ, всегда дымъ подымается.

Пословица.

Теперь вы знаете отношенія Миръ-Гаджи-Фетхали къ Искендеръ-беку и не подивитесь конечно, что онъ съ большою неохотой, — не сказать ли съ робостью, — принялся стучать въ его дубовыя ворота. Это не былъ наглый стукъ заимодавца, не частые повелительные удары палкой комендантскаго есаула *, или чауша, вѣстника приказа явиться въ диванъ, или наряда ѣхать гонцемъ куда-нибудь. Не походилъ онъ на бранчивый стукъ ревниваго мужа по возвратѣ съ базара, или на гордыя колотушки отца, неожидающія ни замедленія ни прекословія; однимъ словомъ, на всѣ звуки, имѣющіе свойство разрывъ-травы, отъ которыхъ замки распадаются какъ соль и половинки раскиваются настежъ: нѣтъ, это былъ стукъ, средній между гордостью и лестью, между извиненіемъ и просьбою, — учтивый мягкостью тона, и многозначительный отъ разстановки.

Искендеръ-бекъ былъ не женатъ и не богатъ, и

* Есаулы — остатки ханскаго порядка, гонцы вѣстовые и охрана коменданта, народъ видный, смѣлый, смышленый и хорошо вооруженный. Чауши — десяцкіе.

потому двери его растворялись очень скоро, безъ обычныхъ мусульманскихъ вопросовъ: кто тамъ, что надобно; и растворялись на-отпашь, а не чуть-чуть, изъ страха чтобы гость не увидалъ его жены или сундука. Искендеръ-бекъ принималъ гостей не на улицѣ, какъ это большею частію водится у людей семейныхъ, а прямо въ домѣ, и просто въ завѣтной своей комнатѣ. Ему нечемъ было соблазнять воровъ сердецъ и воровъ денегъ; замки и подушки его не боялись чужаго прикосновенія.

— *Буюрунъ, эфиндиляръ*, милости просимъ, господа! раздалось изъ дому, и двери распахнулись привѣтно.

Искендеръ-бекъ сидѣлъ на порогѣ и покуривалъ коротенькую трубочку. Онъ наблюдалъ, какъ холилъ Лезгинъ, нукеръ, его коня. Не всталъ, а вскочилъ онъ, завидя Миръ-Гаджи-Фетхали въ головѣ гостей своихъ... Молодая кровь хлынула въ лице. Но онъ быстро подавилъ и негодованіе и любопытство свое; онъ учтиво положилъ руку на сердце и, съ легкимъ склоненіемъ головы, просилъ пришедшихъ въ комнаты. Когда они усѣлись на ковры по родамъ, оправили чинно полы платья надъ поджатыми калачикомъ ногами, огладили бороды съ восточною важностью и размѣнялись селямами, да вопросами о здоровьѣ родныхъ и домашнихъ, о состояніи благовонныхъ мозговъ и о прочемъ, начались сперва вздорные разговоры, околичнословія и предисловія, первые размахи пращи, назначенной ринуть камень. Дагестанскіе горожане, народъ необыкновенно церемонный и красноглаголивый, — достойные подражатели Персіянъ, которыхъ именемъ и родствомъ они очень гордятся. Тамъ всякая глиняная голова величаетъ себя золотою, *кызилъ-башъ*. Бѣгать они умѣютъ только отъ непріятеля, и не любятъ вѣтренности ни въ рѣчахъ, ни въ пріемахъ: я увѣренъ, что для-этого не хотятъ они строить и вѣтреныхъ мельницъ. Наконецъ Миръ-Гаджи-Фехтали разступился рѣчью о бѣдствіяхъ, грозящихъ жатвамъ Дербендцевъ. Не разъ

обращался онъ къ свидѣтельству своихъ товарищей, которые въ самомъ-дѣлѣ составляли приличный прологъ и эпилогъ его картинамъ: толстый и румяный Гуссейнъ какъ настоящее довольство, сухопарый Ферзали какъ будущій голодъ. Видно было однако жъ, что засуха подѣйствовала и на краснорѣчіе оратора: слова сыпались изъ рта, какъ изъ переспѣлаго колоса, но завялыя сѣмена падали на каменную почву. Искендеръ-бекъ былъ, или казался, равнодушнымъ, и только, порой, столбомъ вырывающійся изъ ноздрей его паръ доказывалъ, не въ пользу оратора, что въ груди его что-то кипѣло. Миръ-Гаджи-Фехтали заключилъ восклицаньемъ къ *пейгамбару* Али, пророку шіитовъ: горе, горе Дербенду!

— *Маалюмъ-дюръ!* конечно! произнесъ Искендеръ-бекъ.

— *Хальбетте-дюръ!* Непремѣнно, подхватилъ Гуссейнъ.

— *Шекъ-сюсь-дюръ.* Безъ-сомнѣнія! прохрипѣлъ Ферзали.

И потомъ — минута молчанія.

И потомъ Искендеръ-бекъ съ холодною учтивостью спросилъ, какую связь имѣетъ засуха съ его недостойною особой.

Онъ не могъ дослушать до конца изложенія, приглашенія и назначенія своего на подвигъ водоноса.

— *Мехтель затъ!* удивительная вещь! произнесъ онъ сердито. Дербендцы не удостоивали меня досихъ-поръ поклономъ, не только добрымъ словомъ, и вдругъ навѣшиваютъ на меня заслугу, которой я не стою и не желаю. Зачѣмъ бы я, позвольте узнать, просилъ у Аллаха дождя? Я очень радъ напротивъ, что моя кровля не течетъ теперь, что на небѣ нѣтъ тумановъ, а на улицахъ грязи. Вы смѣялись, что я не сажаю своей марены: съ чего же я стану плакать о вашей? Вы доносили, клеветали на отца моего; обобрали, гнали его, порочили и презирали меня, а теперь хотите, чтобы я служилъ вамъ, трудился за васъ, пыталъ для васъ милосердіе Бо-

жіе, можетъ-быть, на позоръ моей доброй славы. Ну есть ли какая-нибудь справедливость требовать этого? есть ли какое право ожидать? Да и не въ насмѣшку ли мнѣ выбрали вы почтеннаго и высокостепеннаго Миръ-Гаджи-Фетхали-Исмаил-оглы, *векилемъ*, повѣреннымъ вашихъ озарительно мудрыхъ выдумокъ? Впрочемъ верблюда не вьючатъ, когда онъ на ногахъ; вьючатъ, когда поставятъ на колѣна; у меня съ Миръ-Гаджи-Фетхали особенные счеты: извините, господа, мы выйдемъ на минуту потолковать съ нимъ къ сторонкѣ!

И онъ далъ рукою пригласительный знакъ Миръ-Гаджи-Фехтали; и Миръ-Гаджи-Фехтали, у котораго лицо вытянулось длиннѣе осенней ночи, всталъ съ улыбкой, будто она хотѣла укусить: оба вышли на галлерею.

Должно думать, языкъ у старой лисы былъ точно обмакнутъ въ медъ или волшебство, въ *джадуллухъ*, потому-что, не прошло получаса, оба недруга вошли въ комнату лучезарные и миловидные, ни дать-ни-взять, какъ персидскій орденъ Льва и Солнца, тѣмъ сходнѣе, что тегеранскіе живописцы изображаютъ обыкновенно льва бородатымъ козломъ, а солнце червонцемъ.

— *Эфиндиляръ!* произнесъ Искендеръ-бекъ, обращаясь къ посланцамъ: я имѣлъ свои причины не соглашаться на выборъ дербендскихъ жителей, но почтенный Миръ-Гаджи-Фехтали, да сохранитъ его Аллахъ въ своей милости, разжалобилъ меня надъ бѣдами скуднаго народа, убѣдилъ, упросилъ испытать послѣдняго, вѣрнаго, священнаго средства, которое вы предлагаете, — принести снѣгу съ Шахъдага и вылить его въ море. Конечно, все въ волѣ Аллаха и въ заступленіи пророка, но если теплая, чистая молитва можетъ смягчить сердце Всевышняго, я дерзаю думать, что облака развернутъ сжатую руку свою и дождь прольется. Молитесь, я буду трудиться. Я ѣду въ эту же ночь: время дорого.

Привѣты благодарности посыпались, туфли зашар-

кали. Искендеръ-бекъ остался одинъ, глазъ-на-глазъ съ своею душой. — Право, мнѣ пришлось краснѣть, думалъ онъ, передъ этимъ Миръ-Гаджи-Фехтали: я знаю, что онъ терпѣть не можетъ меня, а для общей пользы помирился со мной, выдаетъ за меня свою племянницу..... *Абуръ адамъ!* честнѣйшій человѣкъ!

— Не человѣкъ, душа, этотъ Искендеръ, говорили промежъ-собой беки: крѣпко сердитъ и на Дербендцевъ и на Фехтали, а какъ брызнули на него слезами бѣдныхъ — растаялъ!

Народъ, обрадованный вѣстью о согласіи молодаго бека, запѣлъ и заплясалъ. Миръ-Гаджи-Фетхали чуть не закинули съ благодарности на небо. Похваламъ добродѣтели Искендера не было конца.

А Фехтали смѣялся въ рукавъ. — Слово не закладъ, говорилъ онъ самъ себѣ, за полу не потянетъ. *Машаллахъ*, я не дуракъ! *Валлахи'ль азимъ, билля хи'ль керимъ*, не дуракъ! Я бы захлебнулся позоромъ, если бъ Искендеръ-бекъ отказалъ мнѣ. Сказали бы — онъ мыльный пузырь на вѣсахъ уваженія, онъ переломленнаго гроша не стоитъ! Что жъ дѣлать! съѣлъ грязи, — ударилъ рукой въ руку этому *гарамъ-заде* (бездѣльнику); за-то и завернулъ же я ему словцо въ условія: *если счастливо кончишь походъ свой*... Поглядимъ, посмотримъ!

А Искендеръ-бекъ съ радости цѣловалъ своего коня, приговаривая: — дураки они, дураки, воображаютъ, что я для ихъ пшеницы отдаю потъ свой! За такую красоточку я не пожалѣлъ бы и крови. Эй, Ибрагимъ, задавай ячмень гнѣдому!

Сколькихъ людей заклеймили бы мы стыдомъ, вмѣсто-того, чтобъ наряжать въ похвалы, если бъ узнали, на какой закваскѣ пекутъ они свои добрыя дѣла! Но Провидѣніе великій химикъ: оно кипятитъ и очищаетъ въ горнилѣ своемъ всѣ частные замыслы, всѣ расчеты, для того, чтобы отлить изъ нихъ общее благо въ прекрасную форму.

V.

Насибъ олсунъ!
Да свершится судьба!

Надпись на саблѣ.

Куда, подумаешь, прекрасная вещица — носъ! Да и преполезная какая! А вѣдь никто до-сихъ-поръ не вздумалъ поднести ему ни похвальной оды, ни стиховъ поздравительныхъ, ни даже какой-нибудь журнальной статейки хоть бы инвалидною прозой! Чего-то люди не выдумали для глазъ! и пѣсни-то, и комплименты, и очки, и калейдоскопы, и картины-то, и гармонику изъ цвѣтовъ. Уши они увѣсили сергами, угощаютъ Гайденовымъ хаосомъ, Робертомъ-Дьяволомъ, Фра-Дьяволомъ и всѣми сладкозвучными чертенятами музыки. Про лакомку-ротъ и говорить нечего: люди готовы бы жарить для него не только райскихъ птицъ, да самихъ чертей; скормить ему земной шаръ съ подливкою знаменитаго Карема. А что выдумали они для носа, позвольте спросить, для почтеннѣйшаго носа? Ничего! положительно ничего, кромѣ розоваго масла и нюхальнаго табаку, которыми развращаютъ они носовую нравственность многихъ и казнятъ обоняніе остальныхъ. Неблагодарно это, господа, какъ вы хотите, неблагодарно! Онъ ли не служитъ вамъ вѣрою и правдою? Глаза спятъ, ротъ смыкается иногда прежде пробитія зори, а носъ безсмѣнный часовой: онъ всегда хранитъ вашъ покой или ваше здо-

ровье. Онъ вѣчно въ авангардѣ. Испортятся глаза, — его сѣдлаютъ очками. Нашалили руки, — ему достаются щелчки. Ноги споткнулись, а онъ разбитъ! Господи, воля твоя..... за все-про-все бѣдный носъ въ отвѣтѣ, и онъ все переноситъ съ христіанскимъ терпѣніемъ; развѣ осмѣлится иногда храпнуть, — роптать и не подумаетъ.

Ну, да забудемъ мы, что его преискусно изобрѣла природа, какъ-бы разговорную трубу, для усиленія нашего голоса, для приданія ему разнозвучія и пріятности. Умолчимъ, что этотъ духовой инструментъ служитъ также и орудіемъ всасыванія благоуханій природы, проводникомъ и докладчикомъ души цвѣтовъ душѣ нашей. Откинемъ пользу его, возьмемъ одну эстетическую сторону, красоту, — и кто противъ носа, кто противъ величія носинаго? Кедръ ливанскій, онъ попираетъ стопой мураву усовъ и гордо раскидывается бровями. Подъ нимъ и окрестъ его цвѣтутъ улыбки, на немъ сидитъ орелъ — дума. И какъ величаво вздымается онъ къ облакамъ, какъ безстрашно кидается впередъ, какъ пророчески помаваетъ ноздрями — будто вдыхаетъ уже вѣтеръ безсмертія. Нѣтъ, не вѣрю, чтобъ носъ предназначенъ былъ судьбой только для табакерки или скляночки съ духами..... Не хочу, не могу вѣрить!...... Я убѣжденъ, что, при всеобщей скачкѣ къ усовершенствованію, носъ никакъ не будетъ назади!...... Для него найдутъ обширнѣе кругъ дѣятельности, благороднѣе нынѣшней роли.

И если вы хотите полюбоваться на носы, во всей силѣ ихъ растительности, въ полномъ цвѣтѣ ихъ красоты, возьмите скорѣй подорожную съ чиномъ коллежскаго ассесора, и поѣзжайте въ Грузію. Но я предсказываю тяжкій ударъ вашему самолюбію, если вы изъ Европы, изъ страны выродившихся людей, задумаете привезти въ Грузію носъ на славу, на диковину. Пускай объявите вы у тифлисскаго шлагбаума, въ числѣ вашихъ примѣтъ, носъ Шиллера или Каракаллы: суета суетъ! На первой площадкѣ вы убѣдитесь уже, что всѣ римскіе и нѣмец-

кіе носы должны, при встрѣчѣ съ грузинскими, закопаться со стыда въ землю. И что тамъ за носы, въ-самомъ-дѣлѣ, что за чудесные носы! Осанистые, высокіе, колесомъ, а сами такъ и сіяютъ, такъ и рдѣютъ: ну, вотъ кажется, пальцомъ тронь, брызнутъ кахетинскимъ. Надо вамъ сказать, что въ Грузіи, по закону царя Вахтанга IV, всѣ матеріи мѣряются не аршинами и не локтями, а носами со штемпелемъ. Тамъ говорятъ: я купила бархату 7 носовъ и $^{3}/_{4}$, или: куда какъ вздорожалъ канаусъ, за носъ просятъ два абаза. Многія дамы находятъ, что эта мѣра гораздо выгоднѣе европейской.

Да и въ Дагестанѣ, нечего Бога гнѣвить, хоть рѣдко, а попадаются такіе носы, что ни одинъ европейскій nasifex, или рипопластъ, то есть, носостроитель, не посмѣетъ безъ стропилъ выкроить. Не дальше искать, у дербендскаго бека, Гаджи-Юсуфа, да укрѣпитъ Аллахъ его плечи, такой вѣтрорѣзъ, что конечно сдѣлалъ бы честь любому носорогу. Нельзя мимо пройти безъ страха и умиленія: такъ, кажется, и рухнетъ этотъ эрратическій * утесъ на ноги! Зато подъ его тѣнью могли бы спать три человѣка. Должно полагать, такой носъ былъ въ большомъ уваженіи между всѣми правовѣрными носами, потому-что Дербендцы выбрали хозяина его въ проводники Искендеръ-бека; другихъ достоинствъ, по крайней-мѣрѣ мной, за нимъ не замѣчено. Правду сказать, Юсуфъ, побывавъ при какомъ-то своемъ родственникѣ въ Меккѣ, столько расказывалъ чудесъ про все, что видѣлъ и дѣлалъ, что между ротозѣями, на базарѣ, слылъ по-крайней-мѣрѣ за льва пустыни. *Билянъ адамъдюръ; гаджи хаваи дегюль*, опытный человѣкъ; не даромъ путешествовалъ, говорили усы и бородки, когда тотъ безъ милосердія рубилъ языкомъ головы

* Заносный издалека водоворотами или землетрясеніями; огромный обломокъ, чуждый составомъ почвѣ, на которой лежитъ. Геологическій терминъ.

кровопійцамъ, желѣзоѣдамъ, разбойникамъ, *канъ ичанъ дамирсянъ прамиляри;* какъ однажды заблудился онъ въ такихъ горахъ, что, по хребту идешь, звѣзды какъ репейникъ въ шапку цѣпляются; какъ питался онъ тамъ двѣ недѣли яичницею изъ орлиныхъ яицъ; какъ ночевалъ въ пещерахъ, въ которыхъ такое сильное эхо, что, чихни, оно — *Аллахъ сахласынъ,* здравія желаю! — отвѣчаетъ *. И пальцы слушателей невольно прыгали въ ротъ отъ удивленія, и восклицанія *машаллахъ, иншаллахъ,* раздавались кругомъ. Понабрался бы у него Бальби топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній! Говоритъ — не задумается, а скажетъ, такъ задумаешься. Господи, твоя воля, какихъ-то птицъ, какихъ звѣрей не ловилъ онъ! Самъ Кювье въ допотопномъ мірѣ подобныхъ и не выкапывалъ. А людей-то, что за людей видалъ! Черти, да и только! У тѣхъ двѣ головы и одна нога; у другихъ вовсе нѣтъ головы, а думаютъ брюхомъ. Эти питаются одними облаками, тѣ глотаютъ скорпіоновъ не поморщившись, а скорпіоны тамъ съ буйвола. Ну, ужъ разскащикъ былъ этотъ Гаджи-Юсуфъ! Да какъ примется клясться и божиться, даже пророкъ за бороду хватается. Я подозрѣваю, что онъ самъ назвался въ товарищи Искендеръ-бека, затѣмъ что росказни его очень поизносились; несмотря на множество заплатъ, которыми онъ ихъ подновлялъ, надо было нарвать пучокъ свѣженькихъ на Шахъдагѣ. Какъ бы-то ни-было, мигъ спустя послѣ намаза, Гаджи-Юсуфъ, въ полномъ вооруженіи и на конѣ, стоялъ у воротъ Искендеръ-бека и кликалъ его на всю улицу. Всѣ сосѣдніе щенки и ребятишки сбѣжались полаять и подивиться на *пегливана* **. И точно онъ былъ, говоря словами Волынскаго лѣтописца, «дивленію по-

---

* Татары при чиханьи здравствуются, точно такъ же какъ Русскіе.

** Пегливанами называютъ также прыгуновъ по канату, которые показываютъ вмѣстѣ и чудеса силы и ловкости.

добенъ». На папахъ свой, по праву молельщика, навертѣлъ онъ въ чалму цѣлую простыню; ржавая кольчуга и стальные поручи выглядывали изъ подъ чухи, испещренной галунами. На боку бренчала сабля; огромный кинжалъ рисовалъ на брюхѣ эклиптику. За поясомъ торчалъ пистолетъ; съ пояса висѣли сумки и сумочки, накременники и пороховые рожки; сзади ружье, на которое заброшены были откидные рукава; на лукахъ висѣли ковшъ, плеть и карманчики — съ чѣмъ, не знаю, — да и чортъ знаетъ чего у него не было. Желтые сапоги, съ высокими каблуками, довершали нарядъ: ратникъ нашъ насилу шевелился подъ своею военною збруей. Граненый носъ его сверкалъ послѣднимъ румянцемъ зари и вовсе не-мусульманскою краснотой. Молодецъ, кажется, на дорогу хватилъ завѣтнаго.

Искендеръ-бекъ выѣхалъ.

И оба они, миновавъ чешуйчатыя ворота Дербенда, и осыпанные напутными благословеніями народа, сидящаго у воротъ, пустили вскачь коней своихъ по Кубинской дорогѣ: какъ не показаться, не поджигитовать передъ толпой! Разумѣется, что молодецъ Искендеръ несся впереди на лихомъ своемъ карабагцѣ; за нимъ Юсуфъ; потомъ какая-то собачонка, которая изъ одного усердія провожала съ лаемъ каждаго коня; потомъ пыль, потомъ......? Потомъ ничего. Путники исчезли.

Но не вдругъ исчезъ Дербендъ для путниковъ. Доскакавши до холма Дашъ-кесенъ, они остановились, чтобы послать прощальный взглядъ городу. Видъ былъ прелестный: слѣва, крѣпость Нарынъ-Кале ярко отдѣлялась своими бѣлыми зданіями и красноватыми башнями на зелени предгорій, а яркая зелень обнимала холмы, какъ фата грудь красавицы. Сквозь нее тамъ-и-сямъ пробивались каменные сосцы. Справа играло море, какъ оживленное серебро, или глазетовая дымка, чуть струимая вѣтеркомъ. Жемчужная бахрама прибоя то обнажала, то покрывала опять взморье; два брига, какъ спящіе киты, тихо зыбились на влажномъ полѣ. Городская

стѣна, спадающая ступенями, тянулась, чернѣя поперегъ и, будто дряхлый старикъ, подпершись башнями, казалось, дышала открытыми воротами; буйволы, неподвижные какъ на картинѣ, стояли сбоднувшись; вереница ословъ, съ мѣдными кувшинами на спинѣ и съ мальчиками, сидящими у нихъ на хвостахъ, завивалась около фонтана. Подвижныя группы идущихъ и сидящихъ Татаръ, по холмамъ и близъ стѣнъ, сновались живописно, и между нихъ порой мелькали двѣ-три бѣлоснѣжныя чадры, пролетали будто лебеди по черной тучѣ, и пасть воротъ поглощала ихъ. Заревой барабанъ, послѣдній приказъ дня, смолкъ, флагъ упалъ, ворота сомкнулись тихо за толпами жителей, все опустѣло, все померкло...... Грустно стало Искендеръ-беку, неизъяснимо грустно. Ему казалось, онъ позабылъ душу въ Дербендѣ. Увѣренность въ успѣхѣ его оставила, даль и сомнѣнія раскинулись впереди безбрежною степью. *Она* на сѣверѣ, — а надо ѣхать къ югу, разорвать на двое сердце, раскинуть половинки Богъ вѣсть куда, Богъ вѣсть — на долго ли!..... О, если вы были когда молоды душой, любили душой, и въ первый разъ удалялись отъ того мѣста, гдѣ живетъ *она*, вы поймете тоску Искендеръ-бека! Если вы хотите, это глупость воображать, что, дыша однимъ воздухомъ, мы мечтаемъ одну мечту; что взглянувши десять разъ на окно, даемъ десять воспоминаній, но — это утѣшительная глупость! Это даритъ намъ самимъ мечты и воспоминанія, правда, одинокія, зато чистыя, аато яркія, зато умирающія дѣвственными. Воображеніе наше всегда роскошнѣе дѣйствительности; воображеніе — поэзія: оно порхаетъ птичкою, на его крыльяхъ нѣтъ ни бальной, ни подорожной пыли. Дѣйствительность — проза: она роется въ подробностяхъ словно кротъ, она зѣваетъ за бастономъ съ матушкой и, въ восторгѣ отъ своей невѣсты, разглядываетъ не поддѣльный ли жемчугъ у нея на шеѣ; или ухаживаетъ за мерзавцемъ мужемъ, подкупаетъ служанокъ, шляндаетъ по задворьямъ, чтобы пробраться въ рай; въ обѣто-

ванной землѣ можетъ хотѣть египетскаго чесноку, то есть, ужина, и.... и.... Со всѣмъ-тѣмъ я бы отдалъ цѣлый потокъ чистѣйшихъ мечтаній за одну струйку о-де-колона, брызнутую на меня кстати: добивайтесь вы толку у людей!

— Поѣдемъ! сказалъ Гаджи-Юсуфъ. Коли не остались въ городѣ съ живыми, нечего медлить за городомъ съ мертвецами, — сожгу я ихъ гробы! *уллларынъ кабириляры яндырамъ!* Посмотри, Искендеръ: гробовыя плиты по кладбищамъ будто шевелятся, будто обходятъ насъ; да и проклятая висѣлица у третьихъ воротъ вытягиваетъ вслѣдъ намъ свою черную лапу.

— Это она по тебѣ вздыхаетъ, Гаджи-Юсуфъ бекъ; боится, чтобы ты не измѣнилъ ей, не убѣжалъ отъ нея, возразилъ Искендеръ, шутя.

— Плюю въ бороду ея отца! Всякой-разъ что пройду мимо, кажется — она такъ и хватаетъ за воротъ. По правдѣ тебѣ сказать, Искендеръ-бекъ, не будь надъ нами этихъ гяуровъ, не усидѣли бы *мы* молодцы за стѣнами. Ружье за плечи, ногу въ стремя и, чуть улитка мѣсяцъ покажетъ рожки свои, берегись караваны! Ужъ-задалъ бы я себя знать и этимъ Табасаранцамъ: *парча-парча эйлярдымъ,* въ куски, въ лепестки бы изрубилъ.

— Ну братъ, Юсуфъ, ты видно изъ совинаго яйца проклюнулся, что ночью такой храбрый становишься. Во время осады Кази-Муллою, видѣлъ я тебя днемъ въ схваткѣ или, лучше сказать, не видалъ я тебя ни разу въ схваткѣ. Не орлиное, кажется, у тебя сердце.

— Душечка, жертвочка ты моя, *джанымъ, курбанымъ,* Искендеръ-бекъ! что ты вѣчно шутишь надо мной? Не при тебѣ ли я снесъ голову *бейрахчи* знаменщику, когда ходили на вылазку на Кейфарскую гору? *Гарамъ-заде* такъ былъ золъ на это, что голова его ужъ на полу укусила меня за ногу! Неужто ты не видалъ этого?

— Не хочу хвастать, не допустилъ Аллахъ!

— Да и развѣ люди эти Лезгины? *Лезги ганда, гюзи ганда! Аю ганда, дораи ганда!* Куда Лезгину глядѣться въ зеркало! куда медвѣдю одѣваться въ тафту! Стоитъ ли ихъ глупымъ, необтесаннымъ пулямъ подставлять свой образованный лобъ? Убей Лезгина, — одною лопатой меньше *; а вѣдь, если меня убьютъ, самъ Аллахъ призадумается, кѣмъ заступить мое опустѣлое мѣсто на дербендской шахматницѣ. Зато ужъ валялъ же я ихъ изъ пушки! Топчи-баши, бывало, такъ меня за полу и держитъ: «Наведи, говоритъ, Юсуфъ; ты мастеръ цѣлить.» Что дѣлать наводишь, иногда и нехотя: *гьозимъ уста! башимъ уста!* изволь! ради моего глаза! ради моей головы! Да какъ грянешь изъ *падишахъ тапенджасындань*, изъ царскаго пистолета, такъ-гдѣ кучка Лезгинъ была, однѣ крошки летятъ; посмотришь, воробьи расклевали; ну ужъ потѣшилъ я свою душеньку, и все даромъ отличался! Забыли начальники, такъ же какъ и тебя, Искендеръ. Обоимъ намъ фукъ дали!

Шайтанъ апарсынъ, чортъ возьми! подумалъ Искендеръ-бекъ: сперва я радъ былъ, что меня не наградили наравнѣ съ нѣкоторыми трусами, а теперь и въ числѣ недовольныхъ вмѣстѣ съ Юсуфомъ быть стыдно.

— Однако не слыхалъ ли ты чего, Искендеръ?

— Чего здѣсь услыхать, кромѣ шелеста вѣтра по лѣсу, да чакальяго плача!

— *Анасыны, бабасыны, атасынынъ эвельдакиляры батаимъ:* и мать, и отца, и предковъ отца этихъ чакаловъ утоплю я!..... Что это онѣ распѣлись словно тавлинскія дѣвки на *чикмасанъ*, на вечеринкѣ, Улу-бея?

— Вѣрно чуютъ себѣ ужинъ изъ свѣжихъ труповъ, такъ заранѣе радуются. Да и правду сказать, если твой носъ достанется имъ въ добычу, есть

* Лезгины нанимаются всегда копать марену у Дербендцевъ и ихъ обыкновенно называютъ лопатниками, *кюрекли.*

чему! Дербендскіе беки сдѣлались нынче такіе сидни, что самимъ чертямъ ихъ мясо въ диковинку: чакаламъ и подавно!

— Не пугай по-напрасну, душа моя, Искендеръ! худое слово кличетъ худое дѣло. Долго ли до бѣды! Теперь что ни самая-то пора для разбойниковъ; теперь они рыщутъ по дорогамъ, какъ голодные тигры; вѣдь не даромъ говорятъ: когда въ горахъ зерно не родится и самъ-другъ, порохъ родится самъ-сотъ. Если Мулла-Нуръ......?

— А кто такой этотъ Мулла-Нуръ?......

— Тише, ради Гуссейна и Алія! тише, Искендеръ! Не дожить мнѣ съ тобой до завтрашней бороды! У этого проклятаго Мулла-Нура уши на всѣхъ деревахъ вмѣсто ягодъ растутъ, паутины его раскинуты вездѣ. Не думаешь-не гадаешь, а онъ, откуда ни возьмется, давай строчить изъ ружей, покуда *аманъ* не закричишь.

— А потомъ?

— А потомъ, разумѣется, къ расчету; Мулла-Нуръ большой шутникъ: если замѣтитъ, у кого душа вынимается вмѣстѣ съ червонцами, оберетъ до нитки; съ иного, напротивъ, если ему взглядъ по душѣ прійдетъ, не возьметъ и рубля. У того потребуетъ золота вѣсомъ на двѣ, на три пули; у другаго серебряныхъ монетъ сколько уложится на кинжалъ. — Я, говоритъ онъ, самъ купецъ, торгую свинцомъ да булатомъ. Порой, бываетъ, только два на сто съ товара возьметъ. Вѣдь платите же вы *рахтаръ* *, на всякой переправѣ, въ каждомъ городишкѣ. А чѣмъ я хуже шамхала? И всѣ платятъ, да еще похваливаютъ, что безъ прижимокъ и проволочекъ пропускаетъ.

* Пошлина. Въ мусульманскихъ провинціяхъ не только провозъ товаровъ черезъ каждый городъ обложенъ ею, но по старымъ правамъ многіе ханы взимаютъ пошлину за переѣздъ черезъ свои владѣнія. Это чрезвычайно стѣсняетъ тамошнюю торговлю.

— Да развѣ у этихъ купцовъ однѣ трубки вмѣсто огненнаго оружія? Развѣ этотъ разбойникъ изъ чугуна вылитъ?

— Не-то изъ чугуна, изъ кованой стали! Сказываютъ, ни какая пуля его не беретъ. *Аллахъ акберъ!* Богъ великъ!

— Если тебѣ вѣрить, Юсуфъ, такъ онъ шайтанъ, не менѣе, потому-что, безъ чертовской помощи, какъ могъ бы одинъ человѣкъ останавливать и грабить цѣлые караваны!

— Видно, душа моя, Искендеръ, что ты въ сундукѣ росъ и кромѣ домашняго пѣтуха пѣсень не слыхалъ. Да кто тебѣ говоритъ у Мулла-Нура нѣтъ товарищей? Кому несѣянный хлѣбъ наскучитъ? Взойди здѣсь на первую горку: кто ко мнѣ, кто со мной, стрѣльцы, удальцы, бездомные молодцы? — отъ всѣхъ сторонъ, съ поморья и съ угорья, на это слово слѣтятся головорѣзы, всѣ, у кого имѣніе укладывается въ ножны, всѣ, кому ружейный зарядъ души дороже. Примѣромъ сказать, не будь у меня сбоку родныхъ, да впереди наслѣдства и этого стоглазаго коменданта надъ головою... я бы самъ... другъ мой, Искендеръ-бекъ... ой, Искендеръ-бекъ, куда ты ударилъ этакой иноходью—какъ разъ въѣдешь въ пасть шайтана! Не даромъ говорятъ, что темнота — чортовъ мостъ, а теперь такъ темно, *зюлматъ кими,* точно въ преисподней! Что жъ не отвѣчаешь, Искендеръ?... О чемъ ты задумался?

— Я думаю, что ты былъ плохой наѣздникъ, Гаджи-Юсуфъ.

— Я, плохой наѣздникъ? Я? Есть ли у тебя стыдъ, *уман-маз-ми-сынъ,* Искендеръ! *Валлахъ, билляхъ!* жаль, что ты не видалъ какъ подъ самымъ Шамомъ (Дамаскомъ) отработалъ я разбойниковъ. Не хвастовски сказать могу—весь караванъ молельщиковъ у меня въ ногахъ навалялся. Правду сказать, и было за что. *Дузъ чурекъ кой гюзляры тутсунъ,* пусть мнѣ хлѣбъ-соль очи залѣпитъ, если я лгу! Ружье у меня раскалилось до красна, такъ-что само стрѣляло, а сабля, чистый *месиръ,* съ золотою струй-

кой, — она у меня до-сихъ-поръ, какъ свидѣтель, у стѣнки стоитъ, — сабля гребнемъ вызубрилась: да и расчесалъ же я этимъ гребнемъ арабскія бороды, *анасыны, бабасыны!* А что за бороды у нихъ, Искендеръ! *Черкесъ япунджа кими,* словно черкеская бурка на плеча закинуты. Кончилось тѣмъ, что ровно семерыхъ я до смерти убилъ, а двухъ, *алинъ алиннанъ баглiибъ эгерустине чекибъ,* рука съ рукой связавши, на сѣдло встянувши, въ торокахъ до ночлега привезъ. На другой день шамскій паша, при насъ же, всѣхъ трехъ этихъ разбойниковъ сжегъ: словно бурьянъ горѣли бездѣльники, — такъ и трещатъ. Куда сухой народъ эти Арабы!

— И чернолицый, я думаю?

— Аллахъ упаси, какой чернолицый! Ни дать ни взять, сапогъ русскихъ офицеровъ. Бывало, не пощупавши рукой, никакъ не узнаешь, гдѣ у нихъ рожа, гдѣ затылокъ.

— И не краснѣютъ они?

— Заводу нѣтъ краснѣть! Я пробовалъ: даже пощечинами краски не добьешься.

— Вотъ бы тебѣ оттуда вывезти пару такихъ щекъ, Гаджи-Юсуфъ! А то, не ровенъ случай, родимыя, хоть и желтый сафьянъ, все могутъ иногда полинять отъ подобныхъ росказней. Ружье твое, на что желѣзо, а и то имѣло больше тебя совѣсти: покраснѣло-таки!

— И вѣдомо, покраснѣло отъ накала: спроси хоть у Сафаръ-Кули!... Жаль, умеръ онъ недавно: что бы ему подождать, мошеннику, до сегодня! А то, передъ тобой хоть весь въ клятвы разсыпься — не повѣришь. Такая видно въ тебѣ кровь, что ни съ водой, ни съ масломъ смѣшать нельзя: слѣдъ-въ-слѣдъ по отцѣ пошелъ! Да что же ты, въ самомъ дѣлѣ, трусомъ, что-ли, въ умѣ держишь меня? Но, давай мнѣ сейчасъ дюжину самыхъ лютыхъ людоѣдовъ: разобью я ихъ путь и вѣру, *iолины, динины кесемъ!* Проглочу — и на семь лѣтъ безъ вѣсти пропадутъ! Покажи мнѣ ихъ! Только покажи ты

мнѣ ихъ! Пхо!... Нутка, умудрись мнѣ ихъ показать теперь? Чего, братъ, я не вижу, того знать не хочу! Заглазно и коня не покупаютъ, а я тебѣ стану безъ глазъ драться? Нашелъ дурака! Я люблю, чтобы солнце любовалось на мою отвагу, чтобъ самъ я видѣлъ куда мѣтить: я вѣдь человѣкъ расчетливой, никуда не бью врага, кромѣ праваго глаза. Чѣмъ онъ будетъ цѣлиться, когда праваго нѣтъ, а лѣвый прищуренъ? Заневолю ружье броситъ!

— Я повода бросилъ, Гаджи Юсуфъ! У меня оба указательные пальца во рту отъ удивленія. *Машаллахъ!... Иншаллахъ,* какъ бы намъ поскорѣе свѣту дождаться, да Богъ дастъ встрѣтить хоть десятокъ разбойниковъ на закуску... Я отступаюсь отъ своей доли, я ихъ всѣхъ тебѣ отдаю. Я не обнажу не только кинжала, даже вилки изъ кинжала *. *Валлахъ, билляхъ*, не обнажу!

— Не божись даромъ, Искендеръ: чортъ меня унеси, это предурная привычка! Здѣсь и безъ исканья много разбойниковъ, а ты къ нимъ на встрѣчу напрашиваешься. Видишь, какой здѣсь край воровской: шайтанъ утащилъ съ неба мѣсяцъ, а ночь у насъ и дорогу изъ подъ-ногъ вытаскиваетъ... Ай, ай, ай, Искендеръ!

— Что съ тобой сталось, Юсуфъ? Кто тебя?

— Охъ, охъ, перепугалъ проклятый!... Я поймалъ кого-то, Искендеръ. *Кимъ сенъ? гарданъ-сенъ?* кто ты? откуда ты?

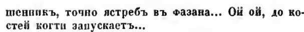
— Тащи его сюда, бездѣльника!

— Упирается, нейдетъ!

— Такъ брось его, да въ сторону: я буду стрѣлять!

— То-то и бѣда что не пускаетъ? вцѣпился, мо-

* На исподней сторонѣ ноженъ придѣлывается обыкновенно мѣсто для ножичка, *бичахъ*, и шило, *бизъ*. Хотя послѣднее и похоже на однозубую вилку, но какъ мусульмане ѣдятъ все руками, то она предназначена для провертыванія путлищъ.

шенникъ, точно ястребъ въ фазана... Ой ой, до костей когти запускаетъ...

— Ты видно забылъ, что на тебѣ кольчуга, Юсуфъ, что у тебя пистолетъ за поясомъ!

— Забудешь, что и голова на плечахъ!...
Ой, выручи, Искендеръ-бекъ, ради самаго пророка выручи!

Искендеръ бекъ не спѣшилъ: онъ зналъ, что у страха глаза велики. Онъ подъѣхалъ шагомъ, ощупалъ кругомъ Юсуфа и сказалъ въ полсмѣха и съ полудосадою:

— Такъ и есть! Въ него терновый кустъ вцѣпился? Ахъ! ты *дали-башъ*, *дали-башъ*, горемыка *, возилъ бы ты лучше на ослѣ воду изъ фонтана, чѣмъ ѣздить на конѣ въ горы за снѣгомъ! А еще разбойничать собираешся!

— На худой конецъ разбойниковъ колотить мое дѣло, произнесъ ободренный Юсуфъ. Задалъ же я ему тумака, бездѣльнику.... Лови, лови, Искендеръ; вонъ онъ подъ кустомъ, шелеститъ словно ящерица... Слышишь?

— Слышу какъ на тебѣ колечки дрожатъ!

— Дрожали, братъ, и у этого Лезгина косточки, когда я его тузилъ? Сжегъ я бороду его отца, да и его собственной бородѣ спуску не далъ. Теперь онъ чорту въ *чубукчи* годится: пощупай-ка сколько волосъ я у него изъ усовъ выщипалъ!

И Гаджи-Юсуфъ рванулъ цѣлый клокъ изъ праваго *зильфа* своего (локона сзади уха), и насильно втиснулъ его въ руку Искендеръ-бека. Между хвастунами есть свои ханжи и свои мученики. У Юсуфа текли слезы отъ боли.

---

* *Дали*, или *дели башъ* собственно значитъ — безумная, удалая голова, храбрецъ; но у Турокъ дели-баши — особенный родъ кавалеріи. Они носятъ высокій черный колпакъ, съ рукавомъ съ него вѣющимъ, и первые кидаются въ ряды непріятельскіе.

И вдругъ онъ схватилъ за поводья коня Искендерова.

— Посмотри, погляди впередъ, произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ: видишь ли, какъ сыплются искры? Это съ полки срываетъ... Тамъ засада!

— Тамъ Дарбасъ, отвѣчалъ спокойно Искендеръ: неужели ты не видишь и не слышишь, какъ сверкаетъ и шумитъ рѣка?... Худые же прикащики твои уши и глаза, Юсуфъ: надуваютъ тебя на всякомъ шагу въ половинѣ со страхомъ! Право, я бы тебѣ совѣтовалъ выбрать въ проводники свой носъ и ѣхать лучше ощупью.

— Лучше совсѣмъ не ѣхать, Искендеръ! Рѣка?... бездѣлица! Бѣшеная рѣка!... шутка! Да теперь самъ шайтанъ нарочно, я думаю, кипятитъ снѣга и камни въ горахъ, чтобы, въ мутной водѣ, утоплениковъ ловить: онъ не разбираетъ, есть-ли, нѣтъ-ли чешуя на этой рыбѣ *. Искендеръ бекъ, душечка ты мой, Искендеръ, не ѣзди! пожалуйста! *Минетъ эйлярамъ! тавакой эйлярамъ сана!* У меня конь такъ и спотыкается. Пустимъ коней покормиться, а сами переждемъ здѣсь ночь... Не слушаетъ! Уфъ, уфъ, такъ на сѣдло и хлещетъ! Напьешься послѣ, разбестія. Да какая же холодная вода!... Что же ты сталъ среди рѣки, *гарамъ-заде*? Ухъ, кто-то тянетъ меня за полу!... Ой, падаю, ой, тону!

Къ счастію, Юсуфъ удержался въ сѣдлѣ, и конь, выскочивъ на берегъ, зафыркалъ, затрусился, заржалъ. Переправа была въ самомъ-дѣлѣ опасна, и молодой бекъ, выѣхавъ ранѣе на другой берегъ, то хохоталъ, то трепеталъ, слыша жалобныя восклицанія своего хвастливаго спутника. По-крайней-мѣрѣ Юсуфъ, почти выкупавшись, выудилъ въ рѣкѣ достаточную причину сваливать на лихорадку страхъ свой. Передъ разсвѣтомъ наши путники доѣхали до Самбура, а тотъ ревѣлъ и кипѣлъ, разлившись ши-

* Законъ запрещаетъ мусульманамъ ѣсть безчешуйную рыбу, и отъ того рыболовство у нихъ почти неизвѣстно.

роко. Въ мутныхъ волнахъ прядали; гремѣли, мелькали каменья; глухой гулъ стоялъ надъ потокомъ. Они стреножили коней и пустили ихъ щипать мураву, а сами легли отдохнуть подъ бурками. Юсуфъ и тутъ не переставъ бояться, не переставъ хвастать; Искендеръ мечталъ, засыпая. Одинъ разсказывалъ про то, чего никогда не было; другой, наслаждаясь въ мысляхъ тѣмъ, что, можетъ-быть, никогда не сбудется. Наконецъ разговоръ, составленный изъ вздоховъ Искендера и зѣвковъ Юсуфа, рѣдѣлъ, рѣдѣлъ и прекратился. Впрочемъ, пугливый герой спалъ впол-глаза и впол-уха: онъ разъ десять окликалъ собственный свой носъ, воображая, что кто-то крадется задушить его; что кто-то трубитъ въ рогъ, а это онъ самъ храпѣлъ. Онъ бредилъ, но и сквозь бредъ пробивались клятвы и обломки хвастовства...

Разгадайте мнѣ, пожалуйста, отчего трусы всѣхъ возрастовъ и всѣхъ странъ на одну стать? Природа или расчетъ — въ нихъ хвастовство? Такъ или этакъ, но меня не обманывала примѣта: кто обнажаетъ саблю, не видя непріятеля, или много разсказываетъ про себя послѣ дѣла, тотъ вѣрно не изъ храбраго десятка. Истинное мужество немногорѣчиво: ему такъ-мало стоитъ показать себя, что самое геройство оно считаетъ за долгъ, не за подвигъ, а кто разсказываетъ про свои долги? Трусость, напротивъ, безстыдно скрываясь передъ непріятелями, безстыдно поднимаетъ носъ передъ пріятелями и сочиняетъ наглыя небылицы. Чѣмъ же, вы думаете, это кончается? Очевидцы хохочутъ, а слушатели привыкаютъ вѣрить, особенно люди, въ которыхъ болѣе чести чѣмъ прозорливости. Смотришь, хвастунъ награжденъ вдвое, и не мудрено: у строеваго меча одно остріе, а языкъ — мечь двуострыіі. Дѣло уходитъ въ область минувшаго безъ возврата, слово повторяется по произволу, — оно живетъ, оно живитъ.

По моему, шпага есть прекрасная эмблема истинной храбрости, одѣтой въ скромность: она всегда

въ ножнахъ во время мира, она не бренчитъ и не сверкаетъ какъ болтливыя шпоры.

Впрочемъ, пусть не ропщутъ на меня охотники цѣнить свою водицу: хвастовство — природа человѣка, потому-что человѣкъ гордъ отъ природы. Послушайте-ка, что говоритъ онъ: свой умъ — царь въ головѣ, а съ умомъ я — царь природы. Домъ его провалился сквозь землю, носъ упалъ на землю, самъ умираетъ, оттого-что холодный вѣтеръ дохнулъ ему въ лицо, — а онъ даже на исповѣди не кается, что называлъ себя царемъ природы. Обманывая себя, привыкаютъ обманывать другихъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, что такое воспоминаніе, что такое надежда? Хвастовство минувшаго и будущаго! То и другая надуваютъ, хотя не наполняютъ нашего настоящаго. Настоящее — мигъ пробужденія между двумя снами, но — мигъ заботъ и страховъ, мигъ голода, желаній и жажды ума, мигъ, помноженный на страданія и наслажденія души и тѣла поперемѣнно. Только въ этомъ мы страхъ-близоруки: все, что еще вдали или уже далеко, намъ кажется величавымъ и плѣнительнымъ. Все, что намъ завѣтно или недоступно, раждаетъ неутомимую охоту овладѣть имъ.

Вотъ почему хвастунъ и завистникъ, — двѣ стороны одной и той же поддѣльной монеты, — сами на себя доказываютъ, что дѣла или достоинства, которыми они хвалятся или которые они унижаютъ, имъ не возможны.

VI.

Сычанъ гюранда, пелянага охштанъ пишинъ,
асланъ гюранда, сычана дюнды!

Кошка, завидя мышь, тигромъ надулась, а передъ
львомъ сама прикинулась мышкой!

Присказка.

Сладостно пробудиться отъ перваго луча солнца, когда онъ, какъ рѣзвунъ попугай, прокрадывается сквозь занавѣсъ въ спальню и золотымъ клювомъ своимъ сбрасываетъ одѣяло мрака съ милаго лица жены, покоящейся будто роса на листикѣ. Сладостно, едва ли не сладостнѣе, открыть очи, послѣ краткаго сна, на свѣжей муравѣ, подъ пологомъ неба; открыть и прямо, уста къ устамъ, увидѣть, ощутить лице природы. Невѣста всегда милѣй жены, еще не своей, а природа вѣчно невѣста! Искендеръ-бекъ потянулся съ нѣгою, медленно подъялъ вѣки, еще полныя сновидѣній, и передъ нимъ какъ ихъ продолженіе, открылась пышная картина утра. Кругомъ дремалъ лѣсъ облитый, перевитый, южною зеленью; передъ очами въ вышинѣ горѣлъ и дымился снѣжный Шахъ-дагъ, какъ серебряное кадило: передъ очами внизу катился бѣшеный Самбуръ, то разбрызгивая влажнымъ вихремъ, то судорожно свивая въ кольца волны свои, точно змѣй, ущемленный между скалами. Соловей повременно покрывалъ своею пѣснію рычанье потока...

И глубоко отозвались въ душѣ Искендера эти прерванные звуки. Казалось, ими разрѣшалась за-

гадка души; казалось, въ нихъ обрѣталъ онъ собственныя выраженія, языкъ любви, его томящей... Онъ былъ весь вниманіе... Но въ самый тотъ мигъ когда пѣвецъ лѣсовъ разсыпался звѣздами блистательныхъ звуковъ, Юсуфъ захрапѣлъ, какъ лопнувшій барабанъ. Искендеръ-бекъ потерялъ терпѣніе, и въ досадѣ ткнулъ, закрученнымъ носкомъ своего сапога, выставленный изъ-подъ бурки носъ его... Юсуфъ вскочилъ!

— Что тамъ?... Шайтанъ тебя унеси, Искендеръбекъ: наступилъ мнѣ на носъ, а уменя, слава Аллаху, носъ не горошина, у тебя глаза не на затылкѣ.

— Однако же и не на каблукахъ. Извини, братъ Юсуфъ, пожалуйста.

— Какой лѣшій училъ тебя плясать по моему носу? Въ плясуны по канату, что-ли, ты собираешься, или хочешь заранѣе привыкнуть къ переходу черезъ Эль-сыратъ *?... Стряхну я въ адъ твою душу *Валлага, биллага!*

— Изъ какихъ пустяковъ, право, ты разгнѣвался! Вѣдь носъ твой не изъ фарфора дитой, не изъ Стамбула привезенъ! Видишь, я топнулъ ногой съ досады на соловья: помѣшалъ мнѣ, крылатая свистулька, слушать какъ ты храпишь.

— Чтобы вамъ обоимъ питаться весь вѣкъ однимъ запахомъ розъ; чтобы шипы ихъ были для васъ колючи, какъ носокъ твоего сапога; чтобы....

— Полно, полно, Юсуфъ, не корми чертей этими пряниками! Слышишь, что поетъ мулла въ Зеафурахъ **? Молитва лучше сна! А я добавлю, и лучше клятвы!

Совершивъ омовеніе и молитву, путники наши рѣшились бродиться за рѣку. Вода, отъ растопленныхъ дневнымъ жаромъ снѣговъ, за-ночь немного стекла; но кто знаетъ горныя рѣки лѣтомъ, кто знаетъ Самбуръ въ особенности, тотъ скажетъ вамъ,

* Черезъ пламя *джегеннема* (ада), для перехода въ рай, лежитъ, какъ лезвіе сабли, острый мостъ Эль-сыратъ. — Алкоранъ.

** Зеафуры — селеніе по правую сторону Самбура.

что переправа черезъ эту рѣку въ разливѣ во-сто разъ опаснѣе боя. Если конь вашъ споткнулся, васъ не спасетъ ничто и никто. Въ одинъ мигъ черепъ разлетится о камни, а быстрина увлечетъ въ море. Со всѣмъ-тѣмъ, привычка и необходимость обращаютъ этотъ подвигъ въ самое обыкновенное дѣло, хотя ни та, ни другая не мѣшаютъ проѣзжимъ тонуть весьма нерѣдко. Предчувствуя бѣду, конь упирается, мочитъ ноздри въ пѣну, озирается во всѣ стороны, дрожитъ: но ударъ по крутымъ бедрамъ, — онъ бросается въ воду, задними ногами скользя съ крутаго берега. Чтобы противустать быстринѣ, онъ ложится на встрѣчу ей: сѣдло погружено, волны прядаютъ черезъ луку, брызги летятъ въ глаза; часто камни, ударившись одинъ о другой, крутятся мимо... Кажется, конь клонится, падаетъ, грузнетъ и, точно, будто не трогается съ мѣста, — такъ стремительно несется рѣка, такъ блещетъ и кружится передъ глазами ртутная влага!... Горе тому, у кого не силенъ конь; вдвое горе, у кого сдастъ голова или сердце въ роковую минуту поворота по-серединѣ рѣки. Обыкновенно, сперва съѣзжаютъ внизъ по теченью, и потомъ, описавъ острый уголъ, ѣдутъ противъ быстрины на въѣздъ. Да сохранитъ же васъ Богъ вспоминать тогда правила кавалерійской ѣзды, чтобы, посадивъ лошадь на заднія ноги, вдругъ повернуть ее пируэтомъ! Масса воды, ударившись въ широкую площадь бока, непремѣнно собьетъ лошадь, не имѣющую опоры. Напротивъ, заставьте коня лечь на передъ и отдайте потомъ все его тѣло силѣ теченія, — оно само поворотится на оси, и конь, уже твердо стоя на каменномъ днѣ, грудью пойдетъ въ разрѣзъ валовъ *. Говорю объ этомъ вмѣсто маяка для тѣхъ, кого судьба приведетъ на Кавказъ... Я

* Почти всѣ черкескія лошади ворочаются на переднихъ ногахъ, а задъ заносятъ. Это для насъ Европейцевъ очень непріятно; но туземцы гоняются не за красой, а за пользой.

потерялъ одного товарища моего дѣтства, оттого-что онъ не умѣлъ управить конемъ въ ничтожной рѣченкѣ: онъ былъ измолотъ!

Оба бека, благодаря сноровкѣ и привычности коней, счастливо совершили переѣздъ черезъ оба рукава Самбура. Юсуфъ, который во все время это не вымолвилъ слова, — потому-что у него занялся духъ, — едва выскочилъ на берегъ, снова принялся браниться и клясться; онъ откашливался проклятіями, какъ-будто бы онѣ отъ этого невольнаго воздержанія набились у него въ горлѣ.

— Выпей чортъ эту рѣку! Утоплю я въ ней свинью!...

— Пускай водятся въ ней одни бѣсенята вмѣсто рыбы!...

— Слыханное ли дѣло, надулась до того, что вода подъ самое сердце хватаетъ? Изсохни же-такъ, чтобы лягушкѣ нечѣмъ было вымыть лапокъ передъ намазомъ. Захлебнись твое дно грязью! оборотись оно большою дорогой собакамъ!...

Да-то-ли еще говорилъ Гаджи-Юсуфъ! Такъ-ли онъ величалъ бѣднягу Самбуръ по всѣмъ восходящимъ и низходящимъ поколѣніямъ! Щедръ былъ онъ на это, нечего сказать; да и разнообразенъ, куда разнообразенъ: что ни брань, то обновка. Только всѣ эти обновки обшивалъ онъ старинною бахрамой — *анасыны* и прочая *агзуа*, и прочая, изъ которыхъ во время владычества Татаръ, мы койчто, для домашняго обихода, передѣлали на русскіе нравы. Говорю — во время владычества Татаръ, потому-что ранѣе ни въ однѣхъ лѣтописяхъ *таковыхъ* не встрѣчается, слѣдовательно въ русскомъ языкѣ *оныхъ* дотолѣ и не существовало: это ясно какъ червонецъ.

— Ну, къ кому же заѣдемъ покормить ячменемъ коней и пообѣдать сами *? сказалъ Искендеръ-бекъ: у меня въ Зеафурахъ нѣтъ ни души знакомой.

---

* Мусульмане плотно завтракаютъ часовъ около семи утра, а ужинаютъ при закатѣ солнца; — вполдень никогда не ѣдятъ и считаютъ это вреднымъ.

— Да и незнакомой души не найдешь въ цѣлой этой деревнѣ. Сожгу я бороды этихъ двуногихъ собакъ! Безъ *абарата* * здѣсь и лбомъ никто ни одной двери не отворитъ; хоть умри на улицѣ, никто не подниметъ, какъ зачумленнаго.

— Видно Зеафурцы учились у нашихъ горожанъ гостепріимству? По-крайней-мѣрѣ у насъ есть базары.

— Вотъ попытаемъ и здѣсь, не выманимъ-ли какую душеньку на абазъ, какъ скорпіона на свѣчку. Поглядывай по дворамъ, не увидишь-ли сѣрой бородки, Искендеръ... Сѣрыя бороды добрѣй и сговорчивѣе прочихъ. Бѣлая борода — вѣрно старшина, то есть вѣрно плутъ; красная борода — безъсомнѣнія человѣкъ зажиточный; у него и серебрецо водится и женка покрасивѣе; не пуститъ изъ одной ревности. А кто дожилъ до сѣрой бороды, у того конечно есть домишко и желаніе купить хенны, чтобы перекрасить себя. Эй, пріятель! *Селямъ алейкюмъ!* Не позволишь ли намъ у тебя отдохнуть часокъ, да отвѣдать хлѣба-соли?

— *Алейкюмъ-селямъ*! отвѣчалъ высокій, угрюмый Татаринъ, глядя черезъ колючій заборъ. Вы по службѣ, что ли?

— Нѣтъ, по дружбѣ, добрый человѣкъ!

— Абаратъ есть?

— *Фитатъ* есть **, и больше ничего. Ну, шевелись, товарищъ, отворяйка вороты!

— Милости просимъ! *Хошъ гяльды!* У меня часто *керван-сагибляры* *** ночлегуютъ, и ни конь, ни человѣкъ на Аграима не пожалуются.

Запоръ упалъ. Странники въѣхали на дворъ, по-

---

* *Абаратъ*, необходимая вещь для путешественниковъ по Азіи: это — предписаніе начальника округа, или хана, что бы вамъ давали ночлегъ, пищу и коней.

** Самое чистое серебро.

*** *Керванъ-сагиби*, хозяинъ каравана. *Ляръ*, окончаніе множественнаго числа въ татарскомъ языкѣ.

пустили подпругъ конямъ, насыпали имъ на бурку ячменю. Надо вамъ сказать, что дагестанскіе поселяне живутъ очень опрятно; домы почти всегда въ два яруса; построены гдѣ изъ нежженнаго кирпича, гдѣ изъ плетеной мазанки, но выбѣлены снаружи и внутри. У одной стѣны — каминъ, выходящій угломъ; кругомъ комнаты въ ростъ человѣка — лѣпной корнизъ, уставленный посудою; на полу, если не *паласы* *, то очень чистыя ценовки, *гасиль*. Оконъ почти никогда нѣтъ, потому-что всѣ работы и бесѣды происходятъ на открытомъ воздухѣ, даже зимой. Мусульманинъ заботится не отомъ, чтобы видѣть, но чтобы не быть видимымъ: это основное правило не только его архитектуры, но и всей жизни. Аграимъ просилъ гостей въ верхнія комнаты. Поставивъ оружіе въ углу передней, они вошли въ хозяйскую спальню, и очень удивились, не встрѣтя прежде ни какихъ примѣтъ самки, что посерединѣ стоймя стояли женскія туманы. Вопросы вообще для Азіятцевъ — самая щекотливая струна, но вопросы о женщинахъ они просто считаютъ неприличностью, о женѣ — обидою. У Гаджи-Юсуфа очень чесался языкъ, по-крайней-мѣрѣ, потрунить надъ завѣтною мебелью, но онъ боялся навести хулу на свою городскую учтивость.

— Не попотчуешь ли насъ пловомъ, хозяинъ? спросилъ онъ.

— Самъ пророкъ не ѣлъ такого плова, какой готовила у меня жена! Аллахъ, Аллахъ! бывало, всѣ гости пальцы обкусаютъ: такъ весь въ жиру и купается! А ужъ бѣлой-то какой, разсыпчатой! да съ изюмомъ, съ шафраномъ!

— Это, кажется, *одербендъ наме* **, повѣсть, шепнулъ Искендеръ-бекъ товарищу.

---

* Родъ ковровъ безъ ворсы.

** *Дербендъ-наме*, повѣствованіе о Дербендѣ, смѣсь нелѣпыхъ басенъ съ историческими истинами; полупоема, полу-сказка, очень старинная и весьма уважаемая.

— Это *Дербентъ-бары* *, прибавилъ Юсуфъ, укусивши чурекъ съ *пендыремъ*, сыромъ изъ овечьяго молока, какъ предисловіе обѣда. Кажется, этотъ смурый грѣшникъ хочетъ угостить насъ только жениными туманами!

— А почему нѣтъ! возразилъ Искендеръ: хозяйка не пожалѣла на нихъ масла. — А что, если бъ твои домашнія **, пріятель, сложились въ одну душу, *биръ джанъ олубъ*, да состряпали намъ хотя хынкалу ***? обратилъ онъ рѣчь къ хозяину.

— Хынкалъ? Гдѣ жъ у меня хынкалъ! Кази-Мулла съѣлъ барановъ, земля проглотила посѣвъ. Домашнія! Вай, вай! кто жъ у меня теперь домашнія, кромѣ этого кота? Умерла моя молоденькая, пригоженькая Уми... Съ ней закопалъ я свои послѣднія пятьдесятъ серебряныхъ рублей въ могилу! Плачу не наплачусь до-сыта надъ ея туманами!

И онъ зарюмилъ.

— Чудесный памятникъ! шепнулъ Юсуфъ.

— Придется и намъ поплакать, молвилъ Искендеръ.

— Дай намъ хоть кислаго молока, хозяинъ.

— Кислаго молока, *джанымъ?* То-то, бывало, моя Уми превкусно его готовила... Да на это ли одно была она мастерица!... А теперь...

— Теперь тебѣ стоитъ поглядѣть въ прѣсное, такъ мигомъ свернется, вскричалъ Юсуфъ, почти выталкивая Аграима за дверь: поди принеси какого-нибудь, ты увидишь, что я говорю правду. Продамъ я твою мать за двѣ луковицы, кислая харя, *анасыны секимъ*! У меня въ желудкѣ пѣтухи поютъ, а онъ разсказываетъ сказки: самъ онъ хоть грязь ѣстъ, а насъ даже дымомъ не потчиваетъ, *итъ*

---

* Городская стѣна Дербенда. А славная огромностью своею стѣна, идущая черезъ горы, зовется *Дагъ-бары*, горная стѣна.

** Замѣтьте, онъ не говоритъ — твои жены, но — твои домашнія, *эвдакилярь*.

*** Родъ супа съ чеснокомъ и съ лапшей.

оглы, сынъ собаки! Эй, хозяинъ! кой-чортъ ты любуешься на наши ружья, да и съ проѣзжими словно шемаханская плясунья шепчешься? Мы такъ голодны, что съѣли бы кита, на которомъ свѣтъ стоитъ: подавай намъ чего-нибудь поскорѣй!

— *Бу сагатта*, *бу сагатта*, сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ тотъ, и принесъ наконецъ чашку молока, да пучекъ луку.

Нечего было дѣлать, пришлось довольствоваться и этимъ. Хозяинъ между-тѣмъ оплакивалъ свою Уми, Юсуфъ ѣлъ и бранился, Искендеръ смѣялся и ѣлъ. Пообѣдавши вкратцѣ, Юсуфъ метнулъ полтинникъ въ чалую бороду Аграима, далъ пинка туманамъ, такъ-что съ этого монумента полетѣли заплатки, и они вышли, при угрозахъ хозяина, что онъ будетъ жаловаться на наглецовъ за безчестье, нанесенное шалварамъ его жены. Скоро Зейфуры остались далеко за ними; они ударились вправо на горы.

— Посмотри назадъ, робко сказалъ Юсуфъ Искендеру: тотъ самый бездѣльникъ, что разговаривалъ съ хозяиномъ, слѣдитъ насъ, замѣчаетъ куда мы поѣдемъ.

Въ самомъ-дѣлѣ какой-то Лезгинъ стоялъ вдали на холмѣ, вложивъ ногу въ стремя и припавши на сѣдло своего коня; два мгновенія послѣ, его уже не было, словно онъ утонулъ въ землѣ.

— Тебѣ каждый пастухъ кажется разбойникомъ, возразилъ Искендеръ-бекъ, улыбаясь.

— Да-развѣ здѣшніе пастухи честные люди? Ахе! мало ты знаешь здѣшніе обычаи! Кюринцы — всегдашніе половинщики разбойниковъ изъ Кази-Кумыкъ и вольныхъ Табасаранцевъ, а Посамбурье — всегдашняя для горцевъ дорога. Горцы ограбятъ караванъ или проѣзжаго, а пастухи долинъ ихъ кормятъ, скрываютъ добычу; безъ стадъ они не могли бы недѣли прозабавиться тутъ. Вся шайка Мулла-Нура собрана изъ горцевъ, какъ разсказываютъ.

— Ну, что твой Мулла-Нуръ, что твои горцы! Развѣ не такіе же люди, какъ всѣ мы?

— Люди такіе же, да мѣста, гдѣ они грабятъ, иныя чѣмъ на долинахъ. Въ горахъ, братъ, и ослиное копыто искру даетъ *.

— *Аллахъ ишитсынъ!* Богъ да услышитъ меня! Я бы дорого далъ, чтобы стать лицемъ къ лицу съ твоими хвалеными! Посмотрѣлъ бы я, кто-бъ изъ насъ кому далъ дорогу. Пускай я сосалъ позоръ, а не молоко, изъ груди матери.

— Опять ты принялся клясться, да просить у Аллаха, чего и отъ шайтана остерегаться надобно! Не грѣхъ ли тебѣ это, душечка Искендеръ? Развѣ ты песъ, или гяуръ какой, или тебѣ тяжело носить душу въ тѣлѣ, а голову на плечахъ? Перекуси, чортъ, пополамъ мой носъ, если не лучше повстрѣчать голоднаго льва, чѣмъ этого — не вслухъ будь сказано, — Мулла-Нура!

— Вотъ то-то, Юсуфъ, если бъ ты поменьше хвасталъ, да поменьше трусилъ, ты бы лучше зналъ или видѣлъ дорогу, а то, взгляни-ка, въ какую трощобу завелъ ты меня? Здѣсь самъ чортъ безъ фонаря обломаетъ голову.

Въ самомъ-дѣлѣ тропка, по которой они ѣхали, давно спряталась въ какую-то лисью нору. Скалы, обросшія многовѣчными деревами, пробивались сквозь лѣсную зелень все острѣе и обнаженнѣе, точно кости сквозь кожу старика. Наконецъ каменный порогъ, саженъ сто въ отвѣсѣ, преградилъ имъ ходъ совершенно. Огромные дубы, вырванные бурею изъ разщелинъ, лежали, истлѣвая у подножія. Великанскіе орѣшники, склонившись надъ ними, одѣвали ихъ ночною тѣнью, а широкія перевязи плюща, то перекидываясь по локтистымъ сучьямъ, то падая на землю, оплетали живыми кружевами подолъ этого плаща, будто сброшеннаго съ плечъ утеса. Въ одномъ только мѣстѣ, расторгнутый на-двое, онъ

* Въ горахъ часто куютъ не только ословъ, но быковъ и буйволовъ.

давалъ истокъ горному водопаду, когда-то могучему, теперь едва струящемуся по скату плитныхъ обломковъ. Вода, сверкая по каменной чешуѣ, заставляла волноваться растенія подернувшія дно ея: казалось, катится каскадомъ зелени, а тамъ вверху, гдѣ высокій уступъ задвинулъ ущелье, черезъ него низвергался лучъ потока, разлетѣвшійся въ глубинѣ въ дымъ и въ пѣну, будто газовый шарфъ, затканный въ узоръ битью и шелками по каймѣ своей. Дивная игра природы дала всѣ цвѣта призмы порослямъ, дѣтямъ влаги оживляющимъ скалу, такъ-что ручей, играя свѣтомъ солнца, переливался какъ прозрачная радуга накрестъ другой окаменѣлой радуги. Вверху его, струйки, прядая черезъ порогъ, бѣлѣлись и вѣялись будто страусовое перо и, распрыскиваясь о камни, играли снопами павлинныхъ перьевъ. Искендеръ-бекъ долго любовался этимъ восхитительнымъ зрѣлищемъ и, не сводя съ него глазъ, началъ взбираться по крутому ложу. Валуны катились изъ-подъ ногъ до самаго дна, конь нерѣдко съѣзжалъ назадъ и дышалъ вразрывъ подпруги. Юсуфъ, по всегдашнему своему обычаю, клялся, что онъ ни за какія радости въ свѣтѣ не ступитъ шагу далѣе, и по всегдашнему обычаю слѣдовалъ за переднимъ. Подъѣхавши почти подъ самый водопадъ, путники наши увидѣли вправо и влѣво двѣ разсѣлины, обнимающія столпъ, съ котораго онъ кидался въ воздухъ. Расточенныя водой, усыпанныя валунами разсѣлины эти обѣщали хотя стремнистую, однако возможную стезю до самаго верха. Только, необходимо было совершать это полу-воздушное путешествіе на хвостѣ лошади. Носъ Юсуфа ни мало не пострадалъ, волочась по кремнистому ложу, и когда оба странника очутились на площадкѣ, негодованіе его разсыпалось гроздами брани.

— Разгрызи чортъ эту гору! Пусть всѣ кабаны Дагестана совьютъ въ ней гнѣздо свое! Пускай затрясетъ ее лихорадка землетрясеній, пускай она лопнетъ, опившись дождями, проклятая!

— Самъ виноватъ, а бранишь горы, сказалъ ему

Искендеръ. Не ты ли увѣрялъ, что знаешь дорогу на Шахъ-дагъ какъ на базаръ; что скалы его тебѣ знакомы какъ пять пальцевъ.

— Развѣ я солгалъ? *Анасыны, бабасыны!* Какъ пять пальцевъ? Да кто же лазилъ на гору пяти пальцевъ *, не имѣя когтей чорта? Съ Наврузъ-бекомъ, онъ не дастъ мнѣ соврать, мы обнизали подковами всю эту гору: да тогда какъ-то она была совсѣмъ иначе, была глаже ладони; видно, эти бородавки наросли на нее послѣ, либо она обернулась къ солнцу спиной, погрѣть старыя кости, промороженныя сѣверомъ.

Почти всегда, какъ замѣчено геологами, южныя стороны горъ бываютъ обрывисты, потому-что онѣ подвержены частымъ обваламъ и размывкѣ тающихъ снѣговъ отъ зноя солнца; напротивъ, сѣверные склоны, покрытые тѣнью почти весь день, отлоги и богаты лѣсомъ, муравою, всякимъ растеніемъ. Въ томъ же отношеніи, только съ меньшею рѣзкостью, находится востокъ къ западу. Но природа часто подсмѣивается надъ системами, и задаетъ господамъ систематикамъ такія задачи, что они со всею своею премудростью становятся втупикъ. Природа дѣйствуетъ по неизмѣннымъ законамъ, но сводъ ея законовъ напечатанъ въ цѣлой вселенной и безъ оглавленія. Можно ли намъ, обитателямъ одной точки пространства, одного мига времени, прочесть вполнѣ смыслъ творенія, разбросанный по тысячамъ міровъ? Можно ли отпереть тайны, отъ которыхъ ключи въ рукѣ Бога? Такъ и здѣсь: сѣверный обрывъ Шахъ-дага возникалъ стѣною, въ улику господъ геологовъ, и только голова его была убѣлена снѣгами; на крутизнѣ груди не могли держаться они, какъ бѣды на высокой душѣ. Странники наши увидали свою ошибку: убѣдились, что приступъ съ этой стороны невозможенъ, и принуждены были опоясать Шахъ-дагъ, попытать взой-

* Бешъ-Бармакъ, приморская гора въ Кубинской провинціи.

ти на него съ востока. Впрочемъ, вздумать это было гораздо легче, нежели исполнить. Еще растительная черта была выше ихъ, но она змѣилась уже не краемъ зеленаго покрывала, а подобно городкамъ ковра, изорваннаго по каменьямъ. Громады скучивались надъ громадами, точно кристаллы аметиста, видимые сквозь микроскопъ, увеличивающій до ста невѣроятій. Тамъ-и-сямъ, на граняхъ скалъ, просѣдали цвѣтные мхи, или изъ трещины протягивало руку чахлое деревцо, будто узникъ изъ оконца тюрьмы. Все было дико, угрюмо, грозно въ окрестности. Тишину пронзали одни клики орловъ, негодующихъ на человѣка за набѣгъ на ихъ область,—пустыню. Изрѣдка слышалась тихая жалоба какого-нибудь ключа, паденіе слезы его на безчувственный камень, непускающій бѣдняжку слиться на волѣ съ милою рѣкой. Искендеръ-бекъ остановился, устремилъ бродившій около взоръ на Юсуфа, и укоризненный взоръ этотъ выговорилъ: Ну что?

Двѣ тысячи проклятій на голову этого Шахъ-дага! Насыплю я праху на его снѣжное темя! Видишь, какъ онъ вражески принимаетъ гостей! Заперся въ стѣны, и всѣ лѣсенки убралъ внутрь, да еще скалитъ свои каменные зубы, старая собака! Куда теперь намъ дѣться? Въ гору? Надо лѣзть вверхъ ногами! А подъ гору — летѣть внизъ головой! — Какъ хочешь, Искендеръ-бекъ, примолвилъ Юсуфъ, снимая саквы съ сѣдла, а я посовѣтуюсь съ моею фляжкой: преудивительная вещь эта водка! *валлага, биллага,* преудивительная! Шепнетъ тебѣ буль-буль-буль, — смотришь, всю бѣду отговоритъ; въ головѣ умъ будто звѣзда взойдетъ, а сердце въ груди розаномъ распустится.

— Ахъ, ты, немытый грѣшникъ! Мало тебѣ православныхъ грѣховъ, такъ ты, какъ блудливая кошка, изъ чужихъ отвѣдываешь! Развѣ не знаешь, зачѣмъ пророкъ запретилъ вино?

— И очень знаю, жертвочка ты моя, Искендеръ-бекъ! Очень хорошо знаю: онъ запретилъ для того чтобы его подсластить; про это и Гафизъ сказалъ:

Пейте: самыхъ лѣтъ весна
Упоенье безъ вина!
Что завѣтно, то и слаще.
Пей, но лучшее да чаще!
Будешь гяуромъ вдвойнѣ,
Проклятъ на плохомъ винѣ.

— Прекрасныя у тебя заповѣди, Юсуфъ! *Амма* (но) съ ними, я думаю, легче искать дороги въ преисподнюю чѣмъ къ небу!

— Кто тебѣ это сказалъ, душа моя, Искендеръ? Чортъ меня возьми, если отъ вина не растутъ крылья! Такъ, кажется, летомъ летишь, носомъ облака бороздишь. Погляди-ка на меня теперь, когда я хватилъ души-винограда! Я, прежде ни одной дорожки не видалъ, а теперь передо мной ихъ цѣлая дюжина егозитъ.

— Я у тебя ни одной и въ-долгъ не возьму, Юсуфъ: я поѣду по своей дорогѣ, куда бы она меня ни вывела. Ты ступай влѣво, а я попытаю прямо подняться. Если кто изъ насъ найдетъ удобный подъемъ, тотъ долженъ воротиться сюда и кликнуть товарища или дождаться его. Далѣе получаса не отъѣзжать на поискъ. *Худа гафизъ!* До свиданья!

Гаджи-Юсуфъ такъ нахрабрилъ себя, что на этотъ разъ не сдѣлалъ ни одного возраженія, и отважно пустился одинъ въ дорогу или, правильнѣе сказать, на ловлю дороги. Искендеръ, ведя лошадь въ поводу, полѣзъ по трещинамъ почти на отвѣсный утесъ. Солнце давно перекатилось за полдень.

Прямо надъ мѣстомъ разлученія нашихъ странниковъ, на границѣ между облаковъ и снѣговъ, возникала огромная скала, какъ наковальня Перуна. Казалось, летучее копыто дикой козы не нашло бы опоры на гладкихъ бокахъ ея, и между-тѣмъ на самой ея вершинѣ, срѣзанной площадкой, нашли

себѣ пріютъ кони и люди. Человѣкъ шесть Татаръ и Лезгинъ лежали около огонька, разложеннаго подъ котломъ. Столько же бѣгуновъ жевали траву, накошенную кинжалами и брошенную имъ расчетливою рукой. Въ числѣ прочихъ, но поодаль отъ прочихъ, подъ-тѣнью бурки, развѣшенной на колѣ, превращенной въ живой щитъ отъ солнца, на небольшомъ коврѣ, сидѣлъ, поджавши ноги, мущина лѣтъ подъ-сорокъ, пріятной наружности. Проста была его чуха съ откидными рукавами, но оружіе блистало серебромъ и чистотой,— вѣрный признакъ не городскаго избытка, но боевой власти. Онъ курилъ трубку и съ нѣжностью смотрѣлъ на молодаго человѣка, спящаго у него на колѣняхъ. Порой онъ игралъ шелковистыми кудрями *зильфа,* падающаго на плечо юноши; порой, склонившись надъ прекраснымъ его лицомъ, котораго, какъ снѣгу Шахъ-дага, не могло осмуглить жаркое солнце, а только подернуло зарей, прислушивался къ его дыханію, затаивъ свое, и только изъ страха разбудить не срывалъ поцѣлуемъ улыбки, полу-разцвѣтшей на устахъ. Иногда онъ грустно качалъ головой и вздыхалъ тяжело, и потомъ взоры его, какъ два сокола, стремились съ подзорной башни, построенной природою передъ замкомъ Шахъ-дага, какъ два сокола играли сперва въ поднебесьѣ и потомъ, широкими кругами, низвергались на долину, жадные охоты и добычи.

Это былъ Мулла-Нуръ, гроза Дагестана,— разбойникъ Мулла-Нуръ со своею шайкой.

И онъ увидалъ внизу Гаджи-Юсуфа, пробирающагося по каменьямъ. Тотъ казался не болѣе ящерицы, и какъ пестрая ящерица ползъ на конѣ своемъ. Мулла-Нуръ улыбнулся лукаво и, склонившись надъ ухомъ юноши, сказалъ: проснись, Гюль-шадъ *! — Юноша открылъ очи.

— Гюль-шадъ, примолвилъ Мулла-Нуръ, хочешь ли ты, чтобы я поклонился тебѣ въ ноги?

---

* *Гюль-шадъ*, имя; значитъ — роза веселая.

— Хочу, произнесъ юноша съ видомъ избалованнаго дитяти: очень хочу! Для меня будетъ диковинкой видѣть тебя, гордеца, у своихъ ногъ.

— *Аста, аста!* потише, потише, Гюль-шадъ! Тебѣ не-даромъ достанется эта потѣха: у пчелъ есть жало прежде меду. Взгляни подъ скалу: тамъ ѣдетъ путникъ, и я знаю имя, знаю сердце этого путника; онъ безстрашенъ какъ барсъ, онъ стрѣляетъ мѣтко. Ступай, обезоружь, свяжи его. Если ты исполнишь это и приведешь его сюда плѣннымъ, я твой слуга, *(куллухчи)* на цѣлый вечеръ; я поклонюсь тебѣ при всѣхъ товарищахъ. *Разымисьенъ?* соглашаешься ли?

— *Разы-эмъ*, согласенъ! отвѣчалъ Гюль-шадъ; взнуздалъ коня, вскочилъ въ сѣдло и смѣло бросился внизъ по стремнистой тропинкѣ; только звонъ сорванныхъ копытами плитъ означилъ путь его: самого не было ужъ видно.

Всѣ товарищи Мулла-Нура, припавъ къ землѣ, любопытно смотрѣли, черезъ край скалы, что будетъ; самъ атаманъ заботливо посылалъ свои взоры внизъ: казалось, онъ раскаявался, что подвергъ опасности молодаго собрата, можетъ-быть брата своего, и когда оба противника были другъ-отъ-друга на полвыстрѣла, трубка въ зубахъ и улыбка на лицѣ его погасли.

Если бъ трусъ могъ вполнѣ сознаться въ своей трусости, онъ бы не посмѣлъ быть имъ, или покрайней-мѣрѣ никогда бы не рѣшился искать опасности, чтобы выказывать себя на-голо. Но въ томъ-то и бѣда, что никто, за глаза опасности, не считаетъ себя робкимъ, а Гаджи-Юсуфъ сверхъ-того принадлежалъ къ полку тщеславныхъ, къ полку людей, которые, для того, чтобы имѣть право разсказывать про битвы, про чудесныя встрѣчи, готовы прискакать на мигъ въ пылъ схватки, вызваться на трудное предпріятіе, потомъ, проклиная свою неумѣстную храбрость, дрожать отъ страху, или выдумывать тысячи лжей чтобы ульнуть отъ бѣды. Гаджи-Юсуфъ самъ-другъ съ виномъ увѣрялъ себя

и почти ужъ вѣрилъ, что онъ храбрѣе самаго Рустема.

— Развѣ даромъ написано на моемъ ружьѣ: *Трепещи, врагъ, я дышу пламенемъ!* Опалю жъ я бороду первому разбойнику, или первому барсу, который вздумаетъ добраться до моего добра! Да и койчортъ мнѣ бояться чего-нибудь? Кольчуги моей не возьмутъ ни пуля ни когти; ружье мое одно посылай въ драку, такъ убьетъ непріятеля. Гдѣ жъ эти разбойники? Запрятались, не бось, въ норы, только завидѣли меня, мерзавцы, трусишки, *аджизлярь!* Терпѣть не могу такихъ трусовъ: изрублю я дорогу и вѣру такихъ трусовъ!......

И вдругъ, при поворотѣ за уголъ скалы, грозное: стой, долой съ коня, прострѣлило его уши; но, когда, поднявъ испуганные глаза, онъ увидѣлъ въ десяти шагахъ отъ себя блестящій стволъ, нацѣленный прямо въ грудь его, бѣдный Юсуфъ обомлѣлъ; сердце его будто упало въ муравейникъ.

— *Аттанъ тюшъ!* долой съ коня! раздалось снова, и не смѣй тронуть ружья, ни рукояти сабли! Если ты вздумаешь бѣжать или защищаться, я спущу курокъ! Снимай оружіе!

У Гаджи-Юсуфа помутилось въ глазахъ; не замѣчая, что противъ него стоялъ безъусый мальчикъ, онъ видѣлъ только роковой стволъ, одинъ стволъ — болѣе ничего, и ему казалось, что дуло его растетъ, разѣваетъ огромную пасть, реветъ огнемъ: онъ чувствовалъ уже весь свинецъ заряда въ своей головѣ, и повалился на землю съ кликами пощады, съ просьбою не бить, не стрѣлять его:

— Не только оружіе, душу мою отдамъ тебѣ, эффенди-разбойникъ, *гарамилярь-беги*, глава разбойниковъ здѣшнихъ горъ. Ты добрый человѣкъ, а я смирный человѣкъ; не губи меня, душечка, жертвочка ты моя! Возьми лучше къ себѣ въ нукеры: я буду разувать тебя, холить твоего коня!

И онъ снималъ и бросалъ въ сторону одно за другимъ всѣ свои оружія, всю одежду; выворачивалъ карманы, выщипалъ половину своихъ усовъ

запутавшихся въ кольца панцыря, а между-тѣмъ клялся, какъ вѣдьма на экзаменѣ у сатаны.

— Отрѣжу я твой языкъ и выброшу его собакамъ, нестерпимый пустомеля! сказалъ Гюльшадъ. Молчи, или я тебя на-вѣкъ молчанью выучу!

— Не пикну, если твоей душѣ это угодно.

— Молчи, говорятъ!

— Слушаю и повинуюсь!

Наконецъ выразительная хватка Гюль-шада за пистолетъ замкнула ротъ испуганнаго Юсуфа. Ему связали руки поясомъ, притянули ихъ къ стремени и повели раба божьяго въ гору. Черезъ четверть часа, послѣ труднаго ходу, блѣдный, перецарапанный о кремни, сталъ онъ передъ грозными очами Мулла-Нура, среди звѣрскихъ лицъ его товарищей. Куда ни обращалъ онъ глаза, вездѣ встрѣчалъ злобную усмѣшку или безпощадный, но безмолвный, приговоръ. Всѣ молчали. Гюль-шадъ положилъ къ ногамъ атамана оружіе плѣнника, и атаманъ три раза ударилъ челомъ о землю передъ Гюль-шадомъ, назвалъ его удальцомъ, поцѣловалъ въ лобъ. Потомъ обратилъ онъ слово къ Юсуфу:

— Знаешь ли, кто обезоружилъ тебя, Юсуфъ-бекъ? Юсуфъ вздрогнулъ отъ этого голоса, будто кто провелъ терпугомъ по его тѣлу.

— Храбрый изъ храбрыхъ, *меньмъ біюгумъ,* мой повелитель, отвѣчалъ онъ трепеща: сильный изъ сильнѣйшихъ! Что могъ сдѣлать противъ него я, когда левъ противъ него щенокъ, а Исфендіяръ — мальчишка!

Всѣ захохотали кругомъ.

— Знай же этого богатыря, противъ котораго храбростью Исфендіяръ—мальчишка, а силою левъ—щенокъ! сказалъ Мулла-Нуръ, и снялъ шапку съ головы Гюль-шада.

Волной хлынули изъ подъ нея черныя волосы и роскошно разсыпались по плечамъ. Какъ маковъ цвѣтъ покраснѣла красавица, — тогда ужъ нельзя было сомнѣваться въ противномъ—и упала на грудь Мулла-Нура......

— Это моя жена! примолвилъ онъ.

Залпъ буйнаго смѣха оглушилъ Юсуфа, его щеки сгорѣли бы въ уголь отъ стыда, если бъ страхъ не заморозилъ гораздо прежде въ немъ всей крови. Однако жь онъ ободрился немного; онъ спѣшилъ посѣять въ мигъ общей веселости словцо за свое избавленіе.

— Помилуй, властитель мой, жалобно зарюмилъ онъ, не сгуби меня, не продавай въ горы: за меня дадутъ тебѣ славный выкупъ!

Брови Мулла-Нура сошлись какъ двѣ тучи: быть грому.

— Знаешь ли кому предложилъ ты выкупъ, заячья шкурка? Достойный сынъ Дербенда, ты вообразилъ уже, что всякую душу можно спечь на червонцѣ и съѣсть, поклявшись вашимъ Аліемъ! Разувѣрься въ этомъ. Я, благодаря Аллаху, не *шаги* *, и моей воли не обуздать ни серебряною ни золотою уздой. Выкупъ? за тебя выкупъ? Неужели жъ ты смѣлъ думать, что я, какъ дербендскій лавочникъ, стану продавать гниль за свѣжину, и черно-совѣстно требовать за тебя персидскаго золота, когда ты не стоишь свинцовой дробинки, *биръ сечма дегмез-сынъ?* Ахъ, ты, безхвостая собака! Да и зачѣмъ я продамъ тебя въ горы? Сказки тамъ не считаются работой, а заставь тебя хоть носомъ лукъ копать, ты и того не съумѣешь. Зачѣмъ я возвращу тебя домой? Чтобы ты женился и наплодилъ цѣлое поколѣніе трусовъ? Да сохранитъ отъ такой мысли Аллахъ! Въ Дербендѣ и безъ тебя зайцевъ много. Ну, Юсуфъ! ты видишь, что я тебя знаю, и знаешь теперь, что льстить я не люблю. Скажи мнѣ, что ты думаешь обо мнѣ самомъ? — Я Мулла-Нуръ!

Какъ зарываетъ ноздри въ песокъ верблюдъ, по-

* Почти всѣ горцы и часть горожанъ дагестанскихъ держатся секты Омаровой, то есть, *сунни;* Дербенцы и Бакинцы, напротивъ, секты Аліевой, то есть, *шіи* или, какъ здѣсь говорятъ *шаги,* и взаимно ненавидятъ другъ-друга.

чуявъ гибельный налетъ самума, такъ палъ ницъ Гаджи-Юсуфъ отъ повѣва этого имени, палъ, расплющенный страхомъ тоньше турецкаго шаура *.

— *Аллахъ, Аллахъ!* мнѣ ли, который за счастіе бы почелъ умыться пылью твоихъ ногъ наложить судъ на твою голову! *Наузуби Гусейнъ Али-да!* пусть удержатъ меня отъ того Гуссейнъ и Али! Что я знаю? Я ничего не знаю! Я желаю только, чтобъ твоя рука всегда была мнѣ шапкой!

— Послушай, Юсуфъ, грозно молвилъ Мулла-Нуръ, давно я вѣдаю, что ты большой охотникъ перенимать и повторять фарсійскія нелѣпости. Но я простой человѣкъ: гдѣ мнѣ понимать твой *ибаратъ*, твой высокій слогъ! Безъ всякихъ обиняковъ скажи мнѣ, что обо мнѣ думаешь?

— Что я думаю! Пусть шайтанъ, разгрызетъ, какъ орѣхъ, мою голову — ничего я не думаю, да и никогда и не думалъ? *валлага, биллега* не думалъ! Смѣлъ ли я поднять на тебя свою мысль! Что я за звѣрь? Прахъ, ничто, *пучъ-задъ!*....

— Юсуфъ, я не шучу! Я выжму изъ твоего мозга то, что хочу слышать, или вырву мозгъ изъ черепа! Ну!...

— Не сердись, высокостепенный, звѣздами питающійся эффенди Мулла-Нуръ! Не жги меня въ пепелъ своимъ гнѣвомъ! Твои повелѣнія родили жемчужины въ глупой моей головѣ, но все-таки эти жемчужины — стеклярусъ въ сравненіи съ твоими достоинствами. Я думаю, умъ твой — ружье съ золотою насѣчкой, заряженное премудростью доверху, стрѣляющее правдой и никогда неминующее цѣли. Я думаю, сердце твое — кувшинъ съ розовымъ масломъ, льетъ черезъ край щедроты. Я думаю, рука твоя всегда отворена сыпать добро для чужаго, готова помогать всякому. Я думаю, языкъ твой — стебель, на которомъ распускаются цвѣтки справедливости, великодушія, безкорыстія, милос-

* Монета въ тридцать паръ, около тридцати нашихъ копѣекъ, изъ весьма дурнаго серебра.

ти... Я ужъ вижу между нихъ одинъ, полный росою словъ: Ступай себѣ домой, добрый человѣкъ Гаджи-Юсуфъ, да поминай добромъ Мулла-Нура! Хорошо я сказалъ?

— Нечего сказать, хорошъ ты разскащикъ, Юсуфъ, только плохой угадчикъ. А чтобы доказать, что ты лгалъ сначала до конца, вотъ приговоръ мой: за то, что ты, будучи бекомъ, т. е. воиномъ по роду, позволилъ безъ выстрѣла обезоружить, связать себя слабой женщинѣ, за то, что ты до безстыдства трусилъ и унижался передъ подобнымъ себѣ человѣкомъ...

— Смерть развѣ человѣкъ? хныкая замѣтилъ Юсуфъ.

— Дай мнѣ кончить, а тамъ не далекъ и твой конецъ. Кто такъ сильно боится смерти, тотъ недостоинъ жизни; ты умрешь! Завтра ты увидишь послѣдній разсвѣтъ свой, а если вздумаешь говорить, то сей же мигъ кинжалъ пересѣчетъ тебѣ слово по-поламъ въ самомъ горлѣ. Отведите его въ пещеру, и свяжите хорошенько: пускай тамъ клянется и молится на просторѣ до роковаго утра!

Мулла-Нуръ махнулъ, и бѣднягу уволокли, какъ мѣшокъ съ просомъ.

— Онъ умретъ со страха прежде смерти, сказала Гюль-шадъ мужу: не пугай его такъ жестоко, душа моя!

— Ничего! отвѣчалъ Мулла-Нуръ, улыбаясь: это будетъ ему урокомъ, что робость не спасенье. Трусъ умираетъ сто разъ, храбрый однажды, и то не скоро. Ну, ребята, я на часокъ оставлю васъ: по всей дорогѣ не видать ни одного верблюда, ни какого проѣзжаго. Впрочемъ, если что встрѣтится, моя Гюль-шадъ поведетъ васъ, и горе тому, кто на одинъ волосъ уклонится отъ ея приказа. Прощай, Гюль-шадъ; мнѣ предстоитъ встрѣча немножко важнѣе твоей. Давно желалъ я помѣрять плечо съ Искендеръ-бекомъ и, спасибо Мешеди-Багиру, я его выслѣдилъ. Если не ворочусь къ восходу мѣсяца, ищите моего тѣла по слѣду. Ранѣе, какой бы крикъ, какую бы стрѣльбу ни заслышали вы, ни одинъ не

троньси съ мѣста! И не роптать на то: я ѣду не на добычу, а на охоту.

Онъ забросилъ за спину винтовку, и былъ таковъ.

Искендеръ-бекъ, между-тѣмъ, взобрался на каменный поясъ, по которому, хотя съ большою опасностью, можно было ѣхать. Направо подъ нимъ синѣла пропасть; налѣво вставали скалы надъ скалами, тамъ индѣ изгрызенныя молніями. Въ иныхъ разсѣлинахъ еще лежалъ снѣгъ, недосягаемый лучамъ солнца, и дробныя струйки, какъ стеклянная бахрама, вились черезъ плиты, на которыхъ онъ медленно таялъ. И не было возврата дерзкому путнику: узкій, какъ остріе меча, прилѣпъ не представлялъ мѣста для поворота коня; неволею должно было ѣхать впередъ, и онъ ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ..... онъ уперся наконецъ въ край треснувшаго утеса. Въ трещинѣ этой, не болѣе шаговъ десяти шириною, упавшіе съ вершинъ лавины образовали гибельный мостъ, подъ которымъ невидимъ ревѣлъ и гулилъ потокъ, глубоко внизу. Намигъ сжалось сердце юноши, но мысль о Кичкенѣ опять согрѣла его. Онъ еще болѣе ободрился, замѣтивъ одинокіе слѣды подковъ на рыхломъ снѣгѣ, и быстрою рысью пустился въ гортань ущелія, зная, что одинъ мигъ остановки могъ раздавить случайный сводъ снѣгу, по которому скользилъ онъ, если не раздѣлять точекъ опоры скоростью. Страшно хрустѣлъ и трещалъ подъ копытами снѣгъ. Неразъ осѣдалъ онъ за нимъ цѣлыми глыбами, оставляя на закраинѣ утеса бѣлую ленту. Конь потѣлъ отъ ужаса, и вотъ, вотъ, кажется, пробилъ насквозь пластъ, вотъ рухнетъ. Но Искендеръ вздохнулъ отраднѣе: за угломъ, какъ заря, разсвѣтала яркая полоса, обѣтъ выѣзда, и вдругъ, какъ-будто упавшій на лучѣ, всадникъ сталъ передъ нимъ незапно. Озаренный въ тылъ

западающимъ солнцемъ, онъ чернѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ какъ вылитый изъ чугуна памятникъ; онъ былъ огроменъ и неподвиженъ какъ памятникъ. — Стой! загремѣло на встрѣчу Искендеръ-бека. Стой и брось оружіе или ты погибъ: я Мулла-Нуръ!

Изумленный сверхъестественнымъ видѣніемъ, Искендеръ сдержалъ-было своего коня, но, услышавъ заманчивое имя противника, онъ удвоилъ бѣгъ.

— Береги свое, Мулла-Нуръ, закричалъ онъ взводя курокъ, и прочь съ дороги!

— Пускай же судьба рѣшитъ, кому проѣхать этою дорогой, возразилъ Мулла-Нуръ, поднимая пистолетъ въ уровень съ грудью Искендера, остановившагося въ десяти шагахъ. Стрѣляй!

— Стрѣляй ты! сказалъ Искендеръ: я не прячусь за коня.

Они съ минуту стояли другъ противъ друга съ нацѣленнымъ оружіемъ, выжидая перваго выстрѣла, — это обыкновенная формула разбойничьихъ привѣтствій Дагестана, — потомъ оба опустили стволы.

— Ты *решидъ*, удалецъ, Искендеръ-бекъ! молвилъ Мулла-Нуръ. Я не хочу разлучать тебя съ оружіемъ. Отдай мнѣ коня, и ступай куда хочешь!

— Возьми оружіе, возмешь и коня: но покуда есть зарядъ въ дулѣ, а душа въ тѣлѣ, рука позора не тронетъ ни этого замка, ни этой узды!

Мулла-Нуръ улыбнулся.

— Не надо мнѣ твоего ружья, твоего коня, сказалъ онъ: надобна твоя покорность. Не изъ добычи, изъ прихоти своей разбойничаетъ Мулла-Нуръ: и бѣда тому, кто станетъ поперегъ его прихоти. Я слышалъ про тебя неразъ, Искендеръ-бекъ, и теперь самъ увѣрился, что ты *игитъ*. Но я не-даромъ искалъ встрѣчи съ тобой: мы не разойдемся, не сложивъ рукъ или сабель. *Ахырымджи сюзъ дiимъ*, вотъ мое послѣднее слово: поклонись мнѣ, скажи— будь другомъ, и дорога твоя!

— Вотъ мой послѣдній отвѣтъ, наглый хвастунъ!

кликнулъ Искендеръ, прицѣливаясь, и спустилъ курокъ.

Далеко брызнули искры изъ дула, но къ удивленію Искендера, выстрѣла не послѣдовало...... Только огненный фонтанъ кипѣлъ долго. Онъ съ гнѣвомъ бросилъ ружье за лѣвую руку, и выстрѣлилъ изъ пистолета: слабо раздался ударъ, пуля упала къ ногамъ Мулла-Нура, а Мулла-Нуръ, сложа руки, глядѣлъ на бѣшенство Искендера и, будто надежный на очарованіе, насмѣшливо улыбался.

— Не спасутъ тебя ни чары ни латы, вскричалъ Искендеръ, и тутъ уже сверкнули сабли обоихъ противниковъ, и тутъ уже ярость вспыхнула въ обоихъ сердцахъ, и они оба ринули коней на роковую схватку, — грудь съ грудью сгрянулись бѣгуны, — сабля свиснула надъ головой Мулла-Нура, — ударъ палъ какъ Божій гнѣвъ.

Но съ глухимъ трескомъ разсѣлась подъ ногами сразившихся лавина: она не смогла выдержать тяжести двухъ всадниковъ. Конь Искендеръ-бека, всталъ на дыбы въ самый тотъ мигъ, когда сабля, описавъ полкруга, падала на Мулла Нура и не достигла его: онъ обрушился. Искендеръ-бекъ опрокинулся назадъ, и только этимъ былъ задержанъ въ паденіи. Но оторванная отъ ущелія глыба садилась, уступала и, трескаясь, клонилась въ бездну. Притоптанный своимъ конемъ въ снѣгу, Искендеръ судорожно выбивался, съ ужасомъ прислушивался къ гулу паденья несчастнаго Мулла-Нура, къ шороху катящихся льдинокъ, сорванныхъ съ утеса, къ зловѣщему лопанью глыбы, на которой самъ онъ висѣлъ надъ гибелью. Наконецъ все стихло кругомъ. Только бездна глухо рычала, точно тигръ, когда онъ пожралъ свою жертву и щелкаетъ языкомъ, зарясь на новую, и лижетъ еще окровавленную морду. Жалость проникла въ сердце Искендера: онъ ползкомъ добрался до края провала, и взглянулъ внизъ: у него захватило духъ и померкло въ глазахъ отъ ужаса.

Летя съ конемъ въ глубину, по-крайней-мѣрѣ пол-

версты, Мулла-Нуръ пробилъ два снѣжные помоста, въ-далекѣ другъ-отъ-друга образовавшіеся отъ падающихъ лавинъ. Эти проломы широко разѣвали пасти свои; но далѣе въ самой глуби невозможно было ничего разглядѣть: все сливалось въ мутный дымъ, въ синеватый мракъ, сквозь который, временемъ, мерцало что-то, будто глаза какого-нибудь чудовища. И со дна вставалъ какой-то страшный ропотъ, будто хрипѣнье умирающаго..... Искендеръ отвратилъ очи и осторожно подползъ къ коню своему; но желаніе спасти или, по-крайней-мѣрѣ, увѣриться въ судьбѣ Мулла-Нура, не замлѣло въ немъ. Онъ скоро выѣхалъ изъ гибельнаго ущелья, проскакалъ по каменному поясу и спустился внизъ, отыскивая истокъ ручья, текущаго по дну тѣснины, въ которую обрушился Мулла-Нуръ. Ему не трудно было найти его: гора въ этомъ мѣстѣ раскололась почти до корня, и бѣлая полоса снѣгу, залѣпившаго трещину, издали отбивалась на буромъ полѣ утесовъ. Искендеръ сошелъ съ коня, и пѣшкомъ, ползкомъ почти, рѣшился войти подъ сводъ, изъ котораго вырывался быстрый, но мелководный потокъ. Чѣмъ далѣе, — сводъ этотъ возвышался, и наконецъ сомкнулся высоко надъ головой, такъ-что смѣлый бекъ могъ вольно идти подъ нимъ. Сводъ этотъ, отъ паровъ мерзнущей воды, подернулся ледяною корой; ледяныя сосульки гребешками низались по плитняку. Тамъ царствовалъ мракъ и холодъ могилы. Тамъ гробовой саванъ снѣгу задушилъ, или грозилъ задушить все живое; и самый ручей, притаившись на донышкѣ, спѣшилъ вырваться на вольный свѣтъ, покуда мертвенность не сковала его вовсе. Морозъ страха пробѣжалъ по всему тѣлу Искендера и сосредоточился на сердцѣ, когда онъ огляделся, когда оцѣнилъ всю опасность пути. Но великодушіе перемогло чуство самосохраненія: онъ бѣгомъ пустился по дну потока кверху, и скоро, путеводимый просвѣтомъ, достигъ до того мѣста, гдѣ долженъ былъ упасть Мулла-Нуръ сквозь два пробитые имъ помоста изъ снѣгу. Первое, что

поразило взоры юноши, была разможденная голова коня, избитаго паденіемъ, издохшаго подъ грузомъ лавинъ. Одна рука и лице Мулла-Нура выказывались изъ подъ снѣгу; остальное было погребено въ немъ. Смертная блѣдность лежала на лицѣ павшаго, глаза были закрыты, уста не зыблемы дыханіемъ. Съ неизъяснимою тоской, съ торопливостью отчаянія, принялся Искендеръ отрывать его, тереть полой виски и сердце. Казалось, ни одного члена не было изломано, ни одной раны на тѣлѣ, только одежда тамъ-и-сямъ была изорвана острыми каменьями. И наконецъ грудь Мулла-Нура отвѣтила вздохомъ на призванія жизни! Онъ открылъ тусклыя очи, онъ хотѣлъ говорить, но звуки замирали на губахъ, несвязанные въ слово. Искендеръ-бекъ волокомъ вынесъ его изъ ледяной пасти, и только на чистомъ воздухѣ совершенно очнулся Мулла-Нуръ. Со слезами на глазахъ сжалъ онъ руку великодушному врагу своему. Послѣ Бога тебѣ первому благодарность, сказалъ онъ: тебѣ *одному* вѣчная пріязнь моя! Не за свою жизнь благодарю я тебя, Искендеръ-бекъ, а за твою, которою ты жертвовалъ для моего спасенія. Люди обидѣли меня: я платилъ имъ съ лихвою. Спасибо тебѣ: я помирюсь хоть съ однимъ человѣкомъ. Много злыхъ качествъ дала мнѣ судьба, еще болѣе взвалили ихъ на меня враги мои; но и самые враги не скажутъ: Мулла-Нуръ неблагодаренъ. Послушай, Искендеръ-бекъ: бѣда ходить по всѣмъ головамъ безъ разбора; если она ступитъ и на твою, — мое сердце, моя рука къ твоимъ услугамъ; а это сердце, эта рука не дрогнутъ ни отъ-чего въ свѣтѣ. Пусть Аллахъ будетъ по мнѣ поручителемъ: я продамъ за золото, отдамъ желѣзу свою голову, чтобы выкупить и выручить тебя изъ бѣды! Я сказалъ, я докажу это.

И оба медленно стали всходить на гору: Мулла-Нуръ хотя чувствовалъ себя разбитымъ, однако не согласился сѣсть на коня Искендерова. Онъ указалъ ему незамѣтную тропинку, которая скоро привела путниковъ къ утесу, служившему подзорною башней

разбойникамъ. Закатъ уже осыпалъ послѣдними искрами грани Шахъ-дага, когда они достигли до площадки.

— Вотъ мой старшій братъ, сказалъ Мулла-Нуръ своимъ товарищамъ, любопытно столпившимся около пришельца. Ему почетъ, ему всѣ услуги ваши при всякой встрѣчѣ. Кто поможетъ ему въ пустомъ или въ завѣтномъ дѣлѣ, тому я долженъ до смерти; кто сдѣлаетъ ему вредъ, тому я мститель какъ за кровь... того не схоронитъ отъ моего гнѣва ни могильная доска, ни волна морская! Пью клятву *, и пусть она сожжетъ ядомъ мою грудь если не исполню этого!

И Мулла-Нуръ предложилъ гостю скромный ужинъ, за которымъ лилась веселость вмѣсто вина. Гюльшадъ скромно стояла въ сторонѣ, и хотя Искендеръ-бекъ узналъ уже, что она жена хозяина, однако жъ и не подумалъ просить ее сѣсть вмѣстѣ на коверъ, поужинать: въ каждомъ краю свои обычаи. Между-тѣмъ молодой мѣсяцъ всплылъ золотою рыбкой надъ голубымъ океаномъ неба, и плескалъ блѣднымъ свѣтомъ своимъ въ лицо заснувшей красавицы земли, полуодѣтой сотканіемъ тѣней и тумановъ. О, какая тихая, прелестная ночь растекалась тогда по Дагистану! Тихая какъ чистая совѣсть, прелестная, какъ сама молодость, томящаяся въ таинственномъ огнѣ своихъ желаній, въ радужныхъ парахъ мечты своей! На востокѣ, передъ очами Искендера, море, подобно хрустальной стѣнѣ, возникало гранью не-

---

* Татары говорятъ, вмѣсто—присягаю, пью клятву, *андъ ичеримъ*. Извѣстно, что это выраженіе относится къ старинному, языческому обряду племенъ Монгольской плоской возвышенности, у которыхъ присягающіе выпускали другъ у друга нѣсколько капель крови и пили ее; при этомъ они еще надѣвали себѣ на голову, какъ утверждаетъ одинъ персидскій писатель, юбку старой бабы, и произносили: пусть сдѣлаюсь презрѣннѣе этой исподницы, ежели не сдержу моего обѣщанія!

босклона съ золотою трещиной посерединѣ. Внизу, будто по дну моря, видимаго сквозь прозрачную влагу, растилались Кубинская долина и побережья Самбура, чуть-чуть потопленныя зыбью тумановъ. Влѣвѣ тянулись, толпились, мерцали, чернѣли зубчатые, волнистые верхи Кара-сырта и Кюринскихъ, Табасаранскихъ, Кара-Кайтахскихъ горъ. Они были безмолвны и чудны какъ сонныя грезы, облегшія ложе дива — Шагъ-дага, погруженнаго въ очарованный сонъ на снѣговыхъ подушкахъ своихъ. И тихо разливался ароматъ луговъ по охладѣвшимъ слоямъ горнаго воздуха, и усладой журчалъ невдалекѣ горный ключъ, летя падучею, но не гаснущею, звѣздой съ утеса; и все въ небѣ и на землѣ было очарованіе, повторенное зеркаломъ души, не только взора, слышное не только тимпану уха, но и сердца,—очарованіе въ воздухѣ, въ камнѣ, въ тишинѣ ночи, въ сладкозвучной пѣснѣ природы. О, какое бы юное, любящее сердце не распустилось нѣгой, какъ ночной цвѣтокъ подъ свѣжимъ дыханіемъ южной ночи, и не отдало ей своего благоуханія въ замѣну капель росы? За дружніе совѣты Мулла-Нура Искендеръ отдарилъ полною откровенностью. Съ юношескимъ самовѣріемъ онъ разсказывалъ о любви своей, о своихъ надеждахъ и замыслахъ. О, если бъ я могъ птичкой перелетѣть черезъ мѣсяцъ впередъ, я бы привезъ мою Кичкеню на эту гору, я бы показалъ ей все, на что глядѣть мнѣ совѣстно одному, — такъ оно хорошо; я бы наслаждался ея восхищеніемъ и, когда бъ у нея изъ устъ вырвалось восклицаніе — прекрасно! я бы сжалъ ее на груди и прошепталъ — ты еще прекраснѣе! Посмотри, Мулла-Нуръ, какъ мило земля, озаренная мѣсяцемъ, засыпаетъ въ тысячѣ улыбокъ; но я вѣрю, милѣй человѣку засыпать подъ тысячею поцѣлуевъ. Счастливецъ ты: воленъ какъ вѣтеръ, какъ орелъ не знаешь путъ, какъ ему — тебѣ подругой орлица. Не дивлюсь я, а завидую судьбѣ твоей.

Въ краю, гдѣ война есть не что иное, какъ разбой, а торговля — воровство, разбойникъ въ общемъ

мнѣнiи гораздо почтеннѣе купца, потому-что добыча перваго куплена удальствомъ, трудами и опасностями, а добыча втораго одною ловкостью въ обманѣ и въ обмѣнѣ. Рыцарство не умерло на Востокѣ; но восточный паладинъ, наѣздникъ, *игитъ*, выѣзжаетъ погулять не для избавленiя красавицъ отъ чародѣевъ, а для похищенiя ихъ себѣ; не для возмездiя притѣснителямъ, а для грабежа встрѣчнаго и поперечнаго. Очень часто кидается онъ въ опасность, очертя голову, безъ всякой надежды на выгоды, изъ одной неодолимой охоты побуйствовать, истратить на комъ-нибудь избытокъ жизненной дѣятельности, — чтобы принести домой осколокъ отбитаго оружiя или рану на тѣлѣ, и потомъ весело охать подъ шумомъ поздравительныхъ пѣсень сосѣдей. Разбойникъ самое занимательное лицо азiятскихъ сказокъ и поэмъ, неизбѣжное лице напутныхъ анекдотовъ и, вообще, весь бытъ его такъ плотно вкропленъ въ характеръ народа, его слава такъ заманчива, а неприступность горъ и покровительство жителей, даже хановъ, даетъ столько способовъ удачно и безнаказанно быть имъ, что разбои въ подвластномъ намъ Закавказьѣ, не смотря на всѣ старанiя правительства, очень нерѣдки. Непокорные горцы хищничаютъ, вкрадываясь подъ личиною мирныхъ; мирные дѣлаютъ то-же подъ именемъ непокорныхъ, и развѣ сотый виновникъ впадаетъ въ руки правосудiя. Не дивитесь же, мѣряя Азiю европейскимъ аршиномъ, что Искендеръ-бекъ отъ глубины чувства позавидовалъ разбойнической жизни Мулла-Нура.

Но грустно качалъ головой Мулла-Нуръ, слушая неопытнаго юношу. — У всякаго есть своя звѣзда, возразилъ онъ: не завидуй мнѣ, не ходи по моему слѣду; опасно жить съ людьми, но и безъ нихъ скучно. Дружба ихъ — безумящiй или усыпительный терьякъ *, за-то и вражда къ нимъ горьче по-

* Опiумъ, приготовленный шариками съ душистою

льпи. Не охотой, а судьбой выброшенъ я изъ ихъ круга, Искендеръ; насъ дѣлитъ струя крови, и не въ моей силѣ перешагнуть за нее назадъ. Прекрасенъ вольный свѣтъ, но развѣ нельзя наслаждаться имъ, не бывъ изгнанникомъ? Раздолье въ глуши человѣку, но пустыня всегда пустыня: никакія думы не населятъ ея, никакія чародѣйства не оборотятъ камней въ товарищей. Было время, я ненавидѣлъ людей; было время, я презиралъ ихъ: теперь устала душа отъ того и другаго. На одинъ годъ станетъ забавы для гордаго внушать своимъ именемъ страхъ и недовѣрчивость; но страхъ игрушка, подобная всѣмъ другимъ игрушкамъ: она скоро опостылѣетъ. Потомъ наступаетъ злая охота унижать людей, насмѣхаться надъ всѣмъ, чѣмъ они хвастаютъ, обнажая на-дѣлѣ ихъ гнусности, топча подъ ноги все, чѣмъ дорожатъ они болѣе души.... Жалкая потѣха! Она забавляетъ на-мигъ, а даетъ желчи на мѣсяцъ, потому-что какъ ни дуренъ человѣкъ, а все-таки онъ братъ намъ. На концы концовъ, отрадно ли, подобясь коршуну, въ каждомъ живомъ существѣ видѣть только добычу, оставлять въ каждомъ встрѣчномъ новаго врага? при молитвѣ думать о проклятіяхъ, посылаемыхъ заочно на мою голову; засыпать и ждать измѣны самыхъ близкихъ; пугать собою, не довѣрять никому?... И посмотри кругомъ, Искендеръ: неизмѣримо широки угорья Дагистана, богаты они дарами своими; но въ цѣломъ свѣтѣ не только здѣсь, нѣтъ деревца, которое бы покрыло меня своей тѣнью и сказало: спи спокойно, здѣсь не тронетъ тебя вражеская пуля, здѣсь тебя не выслѣдятъ какъ дикаго звѣря. Многолюдцы ваши города, богачъ и бѣднякъ тѣснятся тамъ, но каждый имѣетъ свой уголъ, каждый укрытъ отъ непогодъ зимнихъ; а у меня бурка — единственная кровля, а мнѣ городъ не дастъ ни для дома покоя въ стѣнахъ своихъ, ни даже горсти земли на кладбищѣ закрыть

смолой. Употребленіе его не обще, но велико между Азіятцами.

погаснувшія очи. Да, Искендеръ, да! печаль, какъ ханская жена, умѣетъ ходить по бархатнымъ коврамъ и, какъ серна, прядать на утесы. Ты видишь: я и въ пустынѣ не ушелъ отъ нея!

— Ты многое претерпѣлъ, Мулла-Нуръ? спросилъ Искендеръ-бекъ съ живымъ участіемъ.

— Не говори, не поминай объ этомъ! Когда поѣдешь мимо треснувшей скалы, не допытывайся, разбита ли она молніею или разорвана морозомъ, но проѣзжай скорѣй мимо: она можетъ рухнуть на твою голову. Въ саду садятъ цвѣты, а не зарываютъ умершихъ: не хочу отравлять твоей юности повѣстями о моемъ прошломъ. Что было — было: оно не стлѣетъ и не измѣнится. Что будетъ — не минуетъ насъ: его не отведешь рукой, не отмолишь слезами. Добрый сонъ тебѣ, и дай Аллахъ, чтобы никогда не приснилось никому во снѣ, что случилось со мной на-яву! Завтра я укажу тебѣ самую краткую дорогу къ снѣгамъ Шагъ-дага на свершеніе твоего подвига. Прощай!

И онъ завернулся въ бурку. Прочіе давно спали.

Искендеръ долго думалъ о происшествіяхъ дня, о судьбѣ Мулла-Нура, и когда заснулъ, странныя мечты не разъ пробуждали его: то, ему казалось, выстрѣлъ взрываетъ грудь, то конь сорвался въ бездну, — и онъ летитъ бездыханенъ по острымъ кремнямъ сквозь мракъ и холодъ, — и нѣтъ конца паденью! Грезы наши отголосокъ настоящей жизни и прежняго хаоса. Крѣпкій сонъ — казовой конецъ смерти.

VII.

Тепелярданъ ель кими, дериглярданъ селль кими;
Башъ-ястуга коймiибъ; гюзъ юхуя вермiибъ.
Онъ мчался, какъ вѣтеръ, по хребтамъ, какъ водопадъ по ущелiямъ,
Не приклоняя головы на подушку, не предавая очей сну.

Изъ повѣсти.

Одна за одной облетали съ неба звѣздочки, какъ поблеклыя блестки съ темноголубой чадры ночи. Просвѣтлѣло небо какъ взоръ дѣвственницы, и вотъ закипѣлъ восточный край моря, подобно заздравному кубку; солнце брызнуло лучами на горы, проснулись всѣ около Мулла-Нура, и отдавъ молитвой *селямъ* новому сыну вѣчности, весело принялись холить коней, чистить оружiе, готовить завтракъ.

— Товарищъ твой провелъ худую ночь, сказалъ смѣючись Мулла-Нуръ гостю своему. И знаешь ли гдѣ? Въ пятидесяти шагахъ отсюда. Ты еще вчерась просилъ меня послать за нимъ въ поискъ, но я пустилъ это мимо ушей, не хотѣлъ безпокоить тебя вѣстью, какое наказанiе готовится хвастливому Юсуфу. Возьми его съ собой, и дѣлай что хочешь... А между-прочимъ, эй, молодцы, снесите-ка поѣсть нашему плѣннику! Я знаю, что для него, какъ для янычара, котелъ святыня *. Накормите и скажите,

* Въ каждой *одѣ* (ротѣ) янычаръ, котелъ замѣнялъ знамя. Ода, потерявшая въ бою котелъ, разбива-

что Мулла-Нуръ не хочетъ голоднымъ отправлять его въ безконечное путешествіе: пусть онъ ѣстъ плотнѣе, чтобы могъ дождаться второй трубы ангела Страшнаго-суда *.

Тутъ Мулла-Нуръ разсказалъ Искендеру, какъ жена его перепугала Юсуфа, и какъ, въ возмездіе его лести и трусости, онъ послалъ его, связаннаго, ждать до утра казни. Искендеръ-бекъ хохоталъ до слезъ. Когда новые друзья позавтракали, Мулла-Нуръ прижалъ руку гостя къ сердцу и потомъ къ челу. Ты у меня здѣсь, и здѣсь сказалъ онъ: я не отведу отъ тебя глаза, не отниму руки. Теперь ты знаешь дорогу къ верху и къ подошвѣ горы: спѣши быть полезнымъ для своихъ земляковъ! Я ѣду въ другую сторону и на иное дѣло: кто поборетъ судьбу! Она бросаетъ одного въ свѣтъ абазомъ, другаго пулей: моего свинца не перечеканить въ монету. Прощай другъ, — помни Мулла-Нура!

Вереницей дикихъ голубей, обгоняя другъ-друга, понеслась шайка разбойниковъ къ Тенгинскому ущелью. Скала опустѣла. Искендеръ-бекъ свелъ въ поводу коня до пещерки, въ которой напередъ указали ему Юсуфа, лежащаго ницъ съ завязанными руками и глазами.

— Встань и приготовься умереть! произнесъ Искендеръ густымъ басомъ: ему захотѣлось продлить комедію, начатую Мулла-Нуромъ. Гаджи-Юсуфъ, трепетный какъ тополевый листъ, поднялся сперва на четверенки, а потомъ на колѣни: ничего въ мірѣ нельзя было выдумать уморительнѣе его тогдашней образины. Вся краска его лица взобралась на кончикъ носа, какъ будто спасаясь въ самомъ неприступномъ мѣстѣ. Огромные усы, висящіе, словно крылья огромнаго носа, были растрепаны и перепачканы глиной; бритая, но не выбритая, борода,

---

лась по другимъ. Обращеніе котловъ вверхъ-дномъ всегда бывало у нихъ знакомъ мятежа.

* Между первымъ и вторымъ звукомъ трубы ангела смерти, протечетъ сорокъ лѣтъ. — Алкоранъ.

просѣдая въ отчаянномъ безпорядкѣ по впалымъ щекамъ, еще болѣе обличала ихъ блѣдность. И весь онъ былъ разстегнутъ и распоясанъ, будто на карантинный осмотръ. И онъ умильно протягивалъ къ небу, у кистей связанныя, лапки свои, и такъ жалобно упрашивалъ помиловать себя, что надо было опоясаться тройнымъ поясомъ: простой бы лопнулъ отъ смѣха.

— Ангелъ Азраилъ! восклицалъ онъ: пощади мою голову; она еще не созрѣла для смерти. И чѣмъ я обидѣлъ тебя? въ чемъ я виноватъ передъ тобой?

— Не моя воля, приказалъ Мулла-Нуръ казнить тебя. Онъ говоритъ: этотъ недовѣрокъ Гаджи-Юсуфъ, какъ свирѣпый тигръ, дрался съ моимъ другомъ, Кази-Магамма *, и я долженъ отмстить кровь многихъ товарищей, зарѣзанныхъ имъ во время вылазокъ изъ Дербенда!

— Кто? я дрался съ воинами Кази-Муллы? Я? Острамлю гробы отцовъ и дѣдовъ того, кто наговорилъ на меня такія небылицы! Я зарѣзалъ многихъ лезгинъ на вылазкѣ, я? Аллахъ, Аллахъ! чего не выдумаютъ клеветники! Нѣтъ, *джанымъ*, *курбанымъ*, не таковской я человѣкъ, чтобы сталъ воевать противъ правовѣрныхъ. Бывало, во время осады, юсъ-башы кличетъ: на стѣну, на стѣну! а я шмыгъ на базаръ. Мнѣ очередь въ караулъ **, а я себѣ храплю всю ночь напролетъ во славу пророка. Изъ ружья, правду сказать, согрѣшилъ раза три, да и то когда непріятели были верстъ за пять; а сабли не вынималъ, *валлаги'ль-азимъ*, *биллаги'ль керимъ*, не вынималъ! Отвѣдай самъ, можно ли ее вынуть: она еще при отцѣ моемъ срослась съ нож-

* Такъ зовутъ горцы славнаго мятежника дагистанскаго, Кази-Муллу.

** Въ утѣшеніе господъ, посылаемыхъ въ караулъ безъ очереди, я честь имѣю доложить, что въ словѣ *караулъ* нѣтъ ничего христіанскаго. Оно татарское по родословной книгѣ, и записано въ статьѣ о выходцахъ изъ орды.

нами, и я соглашусь охотно, чтобъ ею отрубили мнѣ голову: долголѣтенъ я буду на земли! Да и зачто сталъ бы я драться съ Кази-Муллою? Прекрасный онъ былъ человѣкъ; святой онъ былъ человѣкъ. Не руби онъ головъ за трубки да за чарки, я бы самъ присталъ къ нему!

— Еще говоритъ Мулла-Нуръ: онъ такой отчаянный *шаги*, что съ нашимъ братомъ суннитомъ изъ одного ковша воды пить не станетъ! А Мулла-Нуръ поклялся истреблять всѣхъ, которые въ молитвахъ своихъ поминаютъ Али, въ упрекъ Омару!

— Ощиплю я бороду этому Али, ему да и двѣнадцати халифамъ, которыхъ муллы наши зовутъ *имамами*, угодниками Аллаха. Что они мнѣ? Пхе! вздоръ, пыль, *пучъ-задъ!* Какой я шаги? Съ какого конца я шаги? Молюсь я только тогда, какъ некуда дѣваться; затыкаю уши, развѣ для того, чтобъ не слышать имени Алія *, а въ усъ себѣ никогда не дую — чортъ меня унеси, не дую! Да и рукъ не опускаю по швамъ, а будто поправляя кушакъ, то и дѣло складываю ихъ по вашему по-суннитски. Воды не пью, не хочу льгать, ни съ кѣмъ не пью: у меня природная болѣзнь — водобоязнь. За-то поднеси мнѣ водки не только, вашъ братъ, горецъ, а просто солдатскій поросенокъ, — посмотрѣлъ бы ты, кто кого перепьетъ! Спроси объ этомъ у нашего Ферганъ-бека: онъ у насъ почетный человѣкъ, достовѣрный человѣкъ, да и питухъ такой, что между русскими поискать ему равнаго, — а вѣрно сознается, что я его при всякой попойкѣ спать укладываю. *Валлахъ, биллахъ*, я не шаги! Я сунни: снутри и снаружи. Развѣ люди — эти шаги! Пхе!

* Надо сказать, шіиты, шаги, имѣютъ кучу вздорныхъ обрядовъ при молитвахъ. Здѣшніе сунниты ихъ отвергаютъ. Между-прочимъ, шіиты вначалѣ моленія вкладываютъ большіе пальцы въ уши, и дуютъ на стороны. Руки они кладутъ на колѣни; напротивъ, здѣшніе сунниты складываютъ ихъ подъ грудью.

Утоплю я въ армянскомъ *бурдюкѣ*, въ мѣхѣ съ виномъ, души этихъ недовѣрковъ-шаги!

— А главная вина, — за что велѣлъ убить тебя Мулла-Нуръ, — твоя дружба съ Искендеръ-бекомъ, его заклятымъ врагомъ. Еще вздумалъ этотъ Гаджи-Юсуфъ, говоритъ онъ, провожать на Шагъ-дагъ, въ мое владѣніе, безъ спросу, для какого-то шагійскаго колдовства, этого мальчишку Искендера! Обрадовался невидальщинѣ: по всему свѣту трубитъ, что онъ товарищъ самому чистому, самому благонравному, самому достойному юношѣ изъ всего Дербенда! Плачь, Юсуфъ! голова твоего пріятеля слетѣла уже прежде твоей.

— Слетѣла? Туда и дорога... Голова была самая лишняя вещь у этого трусишки. А кому спасибо за то, что онъ попался въ руки Мулла-Нура? Развѣ не мнѣ, скажи, развѣ не мнѣ? Я нарочно привелъ его въ западню! Другъ? Откуда это извѣстіе? Нашли вы мнѣ прекраснаго дружка, нечего сказать! Продамъ я его за пол-пряника, да еще пряникъ дамъ придачи! И кто это, признайтесь пожалуйста, выдумалъ, будто Искендеръ — самый благонравный у насъ юноша? Припечь бы калеными щипцами языкъ у такого враля. Искендеръ — такой гуляка, что Аллахъ упаси! Кто первый поздравляетъ новое винцо въ армянской слободкѣ?... Искендеръ-бекъ! Кто у русскихъ офицеровъ ѣстъ да похваливаетъ богопротивную свинину? Опять Искендеръ-бекъ! Кто выплясываетъ Лезгинку на чьей хочешь буркѣ, не говорю ужъ на коврѣ? кто спитъ въ саду на бубнѣ вмѣсто изголовья? Все таки Искендеръ-бекъ! У насъ, развѣ лѣнивый не цѣлуетъ Искендера, а вы зовете его чистымъ юношей! Сожгу я бороду его матери!

— Ахъ, ты лгунъ, собачья голова! мало тебѣ чернить Искендера, такъ ты принялся и за мать его? Да ужъ хоть безъ обмолвокъ бы бранилъ ты, кого хочешь безъ совѣсти разбранить, а то нѣтъ въ твоихъ росказняхъ ни складу ни ладу. Ну, развѣ могла быть у Искендеровой матери борода?

— Ей Богу, была бъ длиннѣе Фехтъ-Али-Шаховой *, если бъ она ея не брила. Сколько бритвъ перезубрила у меня покойница, это извѣстно только моему брусу, больше никому: я не люблю хвастать добрыми дѣлами. Нѣтъ, не срамите, не вините вы меня дружбой къ Искендеру; отрекаюсь я отъ него, отъ его рода и племени. Какъ можетъ онъ быть добрымъ человѣкомъ, когда отецъ его былъ грабитель, мать глупа, а дядя сапожникъ!

— Усталъ я слушать тебя, безстыдный враль. Протягивай голову: кинжалъ готовъ!

— Охъ, пощади меня, раба твоего, твою вѣрную собаку! По крайней-мѣрѣ дай мнѣ посмотрѣть на смерть свою.

— Смотри на свой позоръ! произнесъ Искендеръ и сдернулъ съ глазъ повязку.

Весельчакъ былъ этотъ Юсуфъ, а умирать не любилъ: можете же вообразить его изумленіе, когда, вмѣсто палача, онъ увидѣлъ передъ собой смѣющееся лице Искендеръ-бека, когда вмѣсто свиста кинжала, онъ услыхалъ только упреки его!

— Что ты смотришь на меня, будто на моемъ лбу хочешь прочесть сотое имя Аллаха *, ты, кабанъ, начиненный небылицами, бурдюкъ лжи, грязный перекрестокъ грѣховъ, базарная лавка всѣхъ глупостей? Повтори-ка, смѣй повторить, проклятый отступникъ вѣры, мнѣ въ-глаза, что отецъ мой былъ грабитель, дядя шилъ сапоги, а самъ я пляшу на буркѣ и на бубнѣ сплю!

Что жъ, вы думаете, Юсуфъ сгорѣлъ со стыда, смутился, замѣшался? Худо же вы знаете Татаръ

* Борода Фетхъ-Али-Шаха, недавно умершаго, славилась по всей Персіи: она доставала у него до пояса.

** Девяносто девять прозвищъ Аллаха передалъ Магометъ правовѣрнымъ, но сотаго невозможно узнать человѣку въ этой жизни: оно извѣстно только духамъ-небожителямъ. Исканіе этого сотаго имени — философскій камень для мусульманъ.

вообще и Гаджи-Юсуфа въ-особенности! Напротивъ, онъ хохоталъ, обнимая Искендера.

— Ай-да я! говорилъ онъ: успѣлъ таки разсердить моего Искендера, умѣлъ отплатить насмѣшкой за насмѣшку. Что, братъ, обжегся? Впередъ не ѣшь чужой грязи; не наскакивай на терновый кустъ. Ставилъ силокъ на сокола, да и поймалъ ворону! Нашелъ простака надувать своими затѣями! Да я узналъ тебя по голосу съ перваго слова: я различу твой голосъ, если бъ ты даже вздумалъ лаять или мяукать промежъ тысячи кошекъ и собакъ!

— Ахъ, ты, ртуть бѣгучая! въ тебя и въ ступѣ пестомъ не попадешь. Ну, пускай ты узналъ меня, пускай я повѣрю, что ты успѣлъ меня одурачить: да съ чего же ты, беззаконный трусъ, отдалъ свое оружіе женѣ Мулла-Нура? какъ допустилъ раздѣть себя безсильной женщинѣ?

— Не хочешь ли ты, чтобъ я застегивался на всѣ пуговки передъ красавицами? Чье же дѣло раздѣвать молодца, какъ не женское?...... А, что, развѣ не правду я говорю? Мудрено очень, что я растаялъ, завидѣвши такую милочку; что я отдалъ ей все, начиная съ чухи до сердца?...... Посмотрѣлъ бы я, что бы ты сдѣлалъ, встрѣтясь съ ней, *гіозъ-би-гіозъ оланда,* глазъ-на-глазъ? Вѣдь ходитъ она— галуны мѣряетъ, говоритъ — червонцами даритъ. Два глаза и носикъ ея точно буквы *джимъ, алифъ* и *нунъ*, рядкомъ поставленныя съ двумя точками внутри *. Ротикъ такъ малъ, какъ скважина

* Есть куплетъ, на старинномъ турецкомъ языкѣ, въ которомъ эта мысль развита съ поэтическими подробностями. Азіятцы находятъ ее злодѣйски остроумною. Для уразумѣнія этой восточной красоты, вотъ начертаніе трехъ-буквеннаго лица Гюль-шади: Ж. Я увѣренъ, что ни одинъ европейскій умъ не подозрѣвалъ столько прелестей въ лаконическомъ *живете.*

жемчужины, а поясъ могъ бы служить мнѣ вмѣсто перстня.

— Особенно, еслибъ руки твои были одного размѣра съ твоимъ носомъ! Ну, долыгай, Юсуфъ, поскорѣе; мнѣ право некогда..... Такъ ты изъ любви далъ связать себѣ руки?

— Душа ты моя, Искендеръ, чтожъ мнѣ дѣлать, что у меня такое мягкое сердце! Не то ремнемъ, волоскомъ привяжи она меня, такъ я пошелъ бы за ней на край свѣта. Да какъ присталъ къ ней мужской нарядъ! У самого падишаха, я чай, нѣтъ такихъ нукеровъ!

— Ну, ну, надѣвай, добро, свое оружіе! Мулла-Нуръ велѣлъ его выбросить, чтобъ оно не заразило трусостью оружія его товарищей. Я увѣренъ, что ты, по-крайней-мѣрѣ при мнѣ, не станешь разсказывать про свой ночлегъ въ этой пещеркѣ. Въ утѣшеніе тебѣ однакожъ скажу, что встрѣча съ нами была приготовлена впередъ. Насъ предалъ Зеаѳурецъ, у котораго мы завтракали; онъ извѣстилъ Мулла-Нура и налилъ воды въ ружья наши. Мулла-Нуръ схватился было со мной, да оборвался въ ущелье.

— А что, уѣхалъ онъ?

— Теперь ужъ далеко.

— Оборвался? А вѣдь чортъ не сломилъ ему шеи! Зачѣмъ не провалился онъ сквозь землю! Наплюю я когда-нибудь въ дуло этого разбойника, заставлю ходить иноходью. Не будь у меня мокры заряды, я бы и вчерась далъ ему знать, изъ какихъ буквъ слово *харабъ*, гибель, складывается.

— Если ты будешь его бить по-вчерашнему, похвальными рѣчами, такъ онъ скорѣе умретъ отъ смѣху, а ты съ испугу, чѣмъ отъ твоихъ ударовъ.

— Съ испугу? Я умру съ испугу! Да естьли что въ цѣломъ свѣтѣ, чего бы испугался я? *Валлахъ биллахъ таллахъ*, я развѣ самого себя испугаюсь!

И между-тѣмъ оба бека взбирались по указанной Мулла-Нуромъ тропинкѣ. Никакой глазъ не отличилъ бы ея снизу, никакое воображеніе не

создало бы возможности взобраться на столь крутую скалу, но опытъ оказывалъ противное: колѣнчатые, незамѣтные уступцы выводили реями до самаго вѣнца.

Такъ многое считаютъ неприступнымъ, недостижнымъ; но, когда необходимость или крѣпкая воля увлекаетъ насъ, мы находимъ, что невозможное есть только трудное, только опасное. — Хочу — половина: могу.

Достигши вблизь снѣговъ Шах-Дага, Искендеръ-бекъ отдалъ держать своего коня Гаджи-Юсуфу, а самъ съ мѣднымъ кувшиномъ, *бардакъ* полѣзъ на круть. Солнечные лучи, протаявъ верхній слой снѣга, образовали почти ледяную кору. На ладонь ниже, подъ рыхлымъ снѣгомъ лежала такая же кора; глубже — еще, и еще, въ подобномъ порядкѣ, такъ, что промывающійся подъ ногами путника слоеный настъ, очень затруднялъ подъемъ. Ослѣпительное отраженіе солнца, пылавшаго во всей красѣ, кружило голову Искендера. Передъ очами его, по снѣгу, вспыхивали алыя пятна, и тысячи радугъ пересѣкались на каждомъ шагу. Къ-счастію, хребетъ Шагъ-дага не сахарной головой, а крутымъ порогомъ проникаетъ въ область холода, и снѣжная черта его, во время лѣта, не глубоко вьется отъ вершины. Задыхаясь отъ усталости, палъ наконецъ Искендеръ на снѣгъ, нетоптанный отъ вѣка ни кѣмъ, кромѣ ангеловъ; но онъ палъ на самомъ темени.

Слишкомъ чистъ, нестерпимо чистъ для человѣка воздухъ неба; ослѣпительноярокъ лучъ солнца. Сыну земли необходимы испаренья земли для дыханія. Ему нужно раздробить или переломить свѣтъ, чтобы онъ могъ наслаждаться имъ. Онъ ничего не можетъ пить изъ родника, даже самой истины; родникъ поражаетъ его холодомъ или пламенемъ невыносимымъ. Такъ и бей-Искендеръ изнемогъ на вершинѣ Шагъ-дага: грудь его расторгалась отъ рѣдины воздуха, очи залиты были волнами свѣта. Но если небо замкнуто было для взоровъ его лу-

чезарнымъ замкомъ солнца, земля раскрывалась внизу тѣмъ прекраснѣе. Зрѣніе, заманенное въ сѣть оптики, не знало куда обратиться и что покинуть. Прямо передъ нимъ, на сѣверъ, гряда за грядой вставали хребты, идущіе отъ моря до Аваріи, дающіе ложа рѣкамъ Самбуру, Гюльгери, Дарбасу и другимъ меньшимъ *. Они смыкались между собою множествомъ вѣтвей и, пробивъ, паралельною морю, каменною волной Кара-Кайтахъ, изливались хребтомъ Салатафа въ синюю даль. Влѣвѣ, вблизи, изумрудные холмы ханства Кюринскаго роскошно купали въ воздухѣ кудри своихъ плодовыхъ лѣсовъ, то взбрасывая на опѣненные скалами волны флотъ деревень, то почти поглощая его въ глубину зелени. Далѣе между хребтовъ, тамъ и сямъ убѣленныхъ снѣгами, черною полосой тянулись ущелія ханства Казикумыкъ, осажденныя враждебными крутизнами вольныхъ обществъ Алты-пара, Докусъ-пара, Ахти, Сиргили, Акуши, Табасарани, и наконецъ замурованныя въ облачномъ отдаленіи скалистымъ берегомъ Кой-су подъ прямымъ угломъ, кидающимся съ запада на сѣверъ. А тамъ горы султановъ Ели-су, рядомъ съ горами Джарскими, крѣпостью свирѣпыхъ Глуходаровъ. А тамъ Шекинская и Шамахинская области, тонущія во мракѣ горъ Карабагскихъ. И все-это смѣшеніе свѣта и тѣней, зелени и буризны камня, переливающихся дивными узорами и кой-гдѣ затканныхъ золотою ниткой водъ, волновалось передъ очами, какъ покрывало, накинутое рукою Аллаха на тайны земли. На востокѣ, будто стальной повороненный щитъ, окованный горизонтомъ, сверкало море подъ огневою насѣчкой лучей. И все было тихо, безмолвно кругомъ; съ высоты снѣговъ не было видно никого, ничего не слышно: туда не долеталъ обаятель-

---

* *Чай* на турецкомъ языкѣ значитъ — рѣка, и потому смѣшно писать рѣка Арпа-Чай, рѣка Гюльгери-Чай. Это такой же плеоназмъ какъ — понтонный мостъ, и тому подобное.

ный лепетъ жизни! И вотъ міръ заснулъ въ груди Искендеровой,—міръ, который носитъ человѣкъ съ собой неотлучно, и въ пустыню дикую, и въ святыню молитвы. Привлеченный на темя этой горы своекорыстнымъ желаніемъ овладѣть любимою женщиной, онъ почувствовалъ, проникнутый благостью небеснаго воздуха, какъ недостойны были народнаго довѣрія его замыслы. Несчастія бѣдняковъ отъ засухи обступили, стѣснили въ немъ сердце. Сомнѣніе, которое мелькало въ немъ порой къ щедротѣ божеской, перешло въ сомнѣніе къ самому себѣ. Въ чистомъ сосудѣ подобаетъ зажигать Аллаху куреніе молитвы за братій, а я?...... Онъ палъ на колѣни, и съ примирительными слезами раскаянія молился за себя, съ слезами умиленія за Дагистанъ. Наконецъ, безотчетное, темное чувство вѣры умастило его душу. Онъ набралъ снѣгу въ кувшинъ, обвязалъ его чистымъ полотномъ и съ набожною осторожностью сталъ спускаться долу. Обратная дорога была гораздо труднѣе восхода: ноги скользили по насту, крутизна увлекала. Но даже скатываясь нѣсколько разъ, Искендеръ сохранилъ въ своихъ объятіяхъ некоснувшійся почвы сосудъ надежды, долженствующій увлажить жадныя поля. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думалось суевѣрнымъ Дербендцамъ, такъ вѣрилъ самъ Искендеръ. Соединившись съ Юсуфомъ, онъ не отвѣчалъ шутками на шутки его и дурачества: онъ уже былъ исполненъ важныхъ думъ, и благоговѣніе къ своему подвигу, проницая наружу, давало его осанкѣ какое-то гордое благородство. Гаджи-Юсуфъ не могъ надивиться такой перемѣнѣ.

— Ужъ не наѣлся ли онъ тамъ солнца, говорилъ проказникъ-бей самъ съ собою, что боится выпустить его изъ-за зубовъ вмѣстѣ съ рѣчами! Или не сыгралъ ли въ шахматы съ ангелами, что такъ загордился! Да посѣю я въ его бороду соль, пусть только она выростетъ! Какое мнѣ дѣло, что онъ сталъ угрюмъ, какъ голодный кади въ постъ: какая въ этомъ убыль мнѣ? Вѣдь, если онъ и приморозилъ

себѣ языкъ, такъ ушей вѣрно не отморозилъ. Я все-таки буду говорить: посмотрѣлъ бы я какъ онъ запретитъ мнѣ говорить, а себѣ слушать!

Въ Юсуфѣ тоже, видно, произошло что-то необыкновенное: онъ сдержалъ свое слово.

Какъ ни спѣшили наши всадники, но была глубокая ночь, когда они домчались до запертыхъ воротъ Дербенда. Сильно билось сердце Искендера: еслибъ насадить его на бревно тарана, оно бы само пробило стѣну. Страхъ, сомнѣніе, надежда то вздували, то стискивали его. Повѣсивъ роковой кувшинъ на дерево, Искендеръ съ тоской смотрѣлъ то на черную стѣну, грозно и таинственно сомкнутую надо всѣмъ что ему мило, то на мрачное небо: онъ отъ всѣхъ предметовъ пыталъ отвѣта — будетъ ли, не будетъ ли удачи? Онъ съ отрадой увидалъ наконецъ, что легкія облачка неслись по небу, и подобно стаду дикихъ коней прядали черезъ огонь мѣсяца.

— Видишь ли? сказалъ онъ, толкнувъ засыпающаго Юсуфа: взгляни на его рога!

— Чего глядѣть, бормоталъ тотъ въ просонкахъ: рѣзать его да жарить; возьми мой шомполъ, и стряпай скорѣе *шишлыкъ*.

— Я говорю тебѣ про мѣсяцъ, Юсуфъ!

— А я думалъ про барана!...... Страхъ ѣсть хочется. Мѣсяцъ? Какой чортъ, мѣсяцъ! Я, кажется, круглый годъ не проглотилъ зернышка.

— У тебя только ѣда на-умѣ, долгоносый аистъ: а не бойсь не порадуешься со мной, что по небу ходятъ облака!

— А ты, каменное сердце, небойсь, не погрустишь со мной, что по брюху у меня ходятъ мурашки! Облака? Вишь, нашелъ невидаль: кушай себѣ ихъ на здоровье, — ты вѣдь съ неба воротился. Я бы гораздо больше былъ радъ, если бъ по небу летали жареные фазаны. Не мѣшай мнѣ, пожалуйста, хоть во снѣ обѣдъ увидать.

— Постой, Гаджи-Юсуфъ. Не чувствуешь ли ты въ землѣ сырости?

— Я только чувствую засуху въ желудкѣ, — такую засуху, что тамъ, чай, паукъ сѣти раскинулъ. *Юхунъ яхши олсунъ!* да будетъ сладокъ твой сонъ! И онъ зѣвнулъ, и онъ заснулъ.

Ранымъ-рано вѣсть о счастливомъ прибытіи кувшина съ священною водой изъ шахъ-дагскаго снѣгу, электрическою искрой промчалась по сердцамъ въ Дербендѣ. Все, что могло, не только говорить, лепетать, — зашумѣло. Все что могло ползать, если не ходить, — задвигалось. На дворѣ мечети ужасная была давка, суматоха неописанная: ожиданіе хода томило всѣхъ. И вотъ, послѣ моленія въ мечети, всѣ муллы и почетные жители города, съ знаменами, исписанными текстомъ Корана, потянулись, въ головѣ безчисленной толпы народа, къ морю. Искендеръ скромно несъ кувшинъ; зато Гаджи-Юсуфъ, выбритый на-ново, въ новой чухѣ, справляя свои усы за ухо и закидывая за плеча рукава, къ великому соблазну людей степенныхъ, выступалъ преважно съ нимъ рядомъ и хозяйничалъ будто на своихъ похоронахъ. То семенилъ онъ впереди шествія, то ровнялъ толпы мальчишекъ, то, забравшись въ середину зѣвакъ, разглагольствовалъ про чудеса, встрѣченныя имъ на Шагъ-дагѣ. Одинмъ говорилъ — онъ такъ близко былъ къ небу, что слышалъ какъ чихаютъ хуріи; другихъ увѣрялъ, что привезъ съ собой уши Мулла-Нура. Пуще всего, по его словамъ, претерпѣли они отъ медвѣдей и змѣй. Шкуру съ самаго большаго, убитаго имъ въ рукопашномъ бою, хотѣлъ онъ привезти домой, да разбойникъ-конь никакъ не посмѣлъ запрячься его тащить. А изъ змѣй на Шагъ-дагѣ въ одномъ мѣстѣ сплелась рогожка, такъ что они принуждены были мостить изъ камней мостъ черезъ эту змѣиную полосу. Онъ перестаіъ врать только за недостаткомъ слушателей, потому-что всѣ бросились смотрѣть — какъ будутъ выливать воду въ море.

Съ самаго утра дулъ горный вѣтеръ: небо подернуто было туманною пеленой, но дождевыхъ облаковъ не видѣлось ни-гдѣ. Когда послѣ долгой, слез-

ной молитвы, главный мулла готовился опрокинуть роковой сосудъ въ волны Каспія, Искендеръ-бекъ съ примѣтнымъ волненіемъ сказалъ Миръ-Гаджи-Фетхали: — Ага, вспомни свое обѣщаніе! — Вспомни свое условіе, отвѣчалъ тотъ съ насмѣшливою улыбкой. Судьба твоя не въ кувшинѣ этомъ, а въ дождевой тучѣ. Ты угоденъ мнѣ, если угоденъ Аллаху!

И, говорятъ, прыснуло море о камни, когда благословенная вода пролилась въ его лоно. Прыснуло, и зашумѣло глухо. И черныя тучи покатились съ горъ табасаранскихъ, какъ будто въ раздумьѣ налегли на край Дербендскаго угорья; но вдругъ широко взмахнувъ крылами, быстро помчались врознь по небу, словно спугнутыя съ утеса выстрѣломъ бури. Грянулъ далекій громъ, горное эхо проснулось изъ мертваго сна, окрестность загудѣла подъ вихремъ. Листья весело отряхали съ себя пыль; мусульманки со смѣхомъ выказывали свои личики на совѣсть вѣтра, срывающаго долой ихъ покрывала; всѣ руки, всѣ очи, поднялись на встрѣчу дождя, столь искренно молимаго, столь давно ожидаемаго — и дождь проливной зашумѣлъ, напояя обычными струями исчахнувшую землю, освѣжая раскаленный зноемъ воздухъ. Не возможно описать, ни оживописать радостной толпы въ тотъ торжественный мигъ. Шапки летѣли въ воздухъ и воду! Восклицаніямъ и молитвамъ не было конца! Всѣ обнимали, всѣ поздравляли другъ-друга; всѣхъ однакожъ болѣе былъ радъ Искендеръ-бекъ: ему упала съ дождемъ премиленькая невѣста.

Предоставляю судить господамъ философамъ и естествознателямъ, явилась ли въ этомъ призванномъ дождѣ счастливая игра случая, или колдовство. Я просто разсказываю дѣло, которому былъ очевидцемъ.

VIII.

Гечме намердъ кюрписиндань: кой апарсынъ чай аны!
Ятма тюлью далдясында: кой джирсынъ асланъ аны!

Не ходи черезъ мостъ лукавца: пусть лучше быстрина унесетъ;
Не ложись въ тѣнь лисицы *: пусть лучше левъ растерзаетъ!

Стихъ-пословица.

Что за юность безъ любви, что за любовь безъ юности? Ярко свѣтитъ свѣча въ чистомъ воздухѣ, а какой воздухъ чище весенняго? И не грѣть огню безъ воздуха, не прожить юному сердцу безъ страсти, гдѣ-бы то ни-было. Правда, высоки стѣны дворовъ мусульманскихъ, крѣпки затворы, но вѣтеръ проницаетъ и туда. Глубоко лежатъ сердца ихъ красавицъ, замкнутыя за тридесять предразсудковъ, закованныя въ тысячу приличій, но любовь какъ воздухъ находитъ и къ нимъ дорогу. Кичкене ужъ любила, не смѣя самой-себѣ въ томъ признаться. Искендеръ-бекъ сталъ любимою ея мечтой въ день, пріятнѣйшимъ сновидѣніемъ ночи. Вышивая золотомъ сафьянный накременникъ или подсокольную перчатку для своего незнаемаго будущаго, она думала: что, если бъ это было для Искендера — *кара-*

* То есть, не ищи покровительства хитреца.

гюздара, черноглазаго! Какова жъ была ея радость, когда суровый дядя съ досадой, но рѣшительно, объявилъ ей, что она невѣста Искендеръ-бека! Вспыхнули ея щеки, затрепеталось ея сердце словно голубь, пущенный на волю. И такъ, сбылись ея тайныя желанія! ея безъимянныя надежды облеклись въ законное имя! Теперь уже она гордо можетъ принимать цвѣты и поздравленія отъ своихъ подружекъ и, сидя съ ними за шитьемъ приданаго, хохотать и толковать о своемъ будущемъ мужѣ сколько душѣ угодно. Теперь ужъ никто не запретитъ ей примѣрять, хоть сто разъ въ день, свадебное платье и повторять обычныя продѣлки перваго свиданія, золотить воображеніемъ то, что знакомо ей въ быту супружескомъ, и множить на милліоны наслажденій все-что не извѣстно. Ну-право, если есть счастливцы на землѣ, такъ это женихи и невѣсты. Что поете вы мнѣ о сладости медоваго мѣсяца? Медовый мѣсяцъ, какъ и всѣ его братцы, родится съ рожками и пророчески обмывается въ непогодѣ. Притомъ, или нынѣшнія пчелы разучились дѣлать медъ, или вкусъ нашъ испорченъ сахаромъ, только я знаю многихъ новобрачныхъ, которые увѣряютъ, что медовое варенье, даже розовое, приторно. Иное дѣло — пора между помолвкой и свадьбою: это приходъ голоднаго въ столовую! пышный обѣдъ развивается передъ нимъ, уже не въ далекѣ, а на-хватъ руки. Вкусъ его изощренъ апетитомъ, взоръ и обоняніе ласкаютъ и манятъ плоды, перевитые цвѣтами, блюда, жарко-дышащіе благоуханнымъ паромъ. Слухъ обольщенъ привѣтнымъ бряцаніемъ рюмки о рюмку, или паденіемъ серебряной вилки на фарфоръ. Каждое мгновеніе множитъ его нетерпѣливость, зато близитъ къ вѣрному наслажденію. Онъ грызетъ пустоту, онъ глотаетъ воздухъ, зато чародѣй-воображеніе обращаетъ ему каждаго пѣтуха въ золотаго фазана, предсказываетъ шамбертенъ подъ каждою длинною пробкой, увѣряетъ, что онъ можетъ съѣсть пол-міра и запить его пол-океаномъ. И какъ милыми, какъ остроумными кажутся люди женихамъ

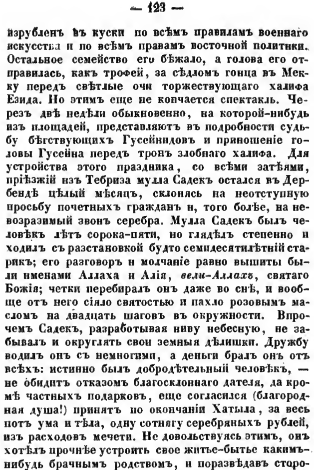
передъ свадьбой и гастрономамъ въ виду обѣда. Не скажу, чтобъ они казались также милыми и остроумными людямъ, но все-таки пресчастливое состояніе жениха и, если въ обѣихъ нашихъ столицахъ увидите вы кучу невѣстъ и жениховъ вѣчнаго цеха, это явный признакъ утонченности нравовъ: они вытягиваютъ въ канитель эстетическое наслажденіе между помолвкой и размолвкой; они каплей-по-каплѣ пьютъ амброзію, которой полный глотокъ отяготилъ бы всякой благовоспитанный желудокъ. Но, передъ всѣми частными и всесвѣтными женихами, тебѣ пальма, достославный Л.! Только ты вполнѣ постигъ сладость предбрачнаго состоянія, которому посвятилъ три четверти жизни. Скажи, какая красавица въ Петербургѣ не была твоею невѣстой? укажи хоть одну звѣзду бульвара, которая бы не считала тебя женихомъ? Мнѣ сказывали за-диво, будто и тебя попуталъ Гименей. Тебѣ же хуже, если *да*! Ты самъ узнаешь зѣвоту, которую безданно досслѣ внушалъ.

Мусульманину не слѣдовало бы через-чуръ радоваться женитьбѣ, потому-что онъ, по закону, можетъ играть вдругъ четыре, не включая въ то число утѣшительной перспективы замѣщенія послѣ развода; потому-что онъ каждый уголъ своего дома украсить можетъ живою статуйкой, купивъ ее точно такъ же, какъ покупаемъ мы у носячаго алебастровыхъ Діанъ и Психей. Но Искендеръ-бекъ вѣроятно зналъ, а быть можетъ предчувствовалъ, что рѣдкій мусульманинъ дочитываетъ и первый томъ четырехъ-томнаго романа брака, и потому спѣшилъ насладиться всѣми радостями первинки. Онъ не слышалъ подъ собой земли, бѣгая по лавкамъ; онъ измучилъ свою тетку закупками, и въ награду себѣ, за невозможностію пройтись даже близко дома своей невѣсты, — этого требовалъ строгій обычай, — не переставалъ о ней думать наединѣ. На этомъ новомъ коврикѣ будетъ она сидѣть за работой, на балконѣ, у рѣшетчатой двери! Въ этой узорной чашѣ станетъ зерно-по-зерну выбирать пшено для

моего плова! Передъ этимъ зеркаломъ моя Кичкене въ первый разъ увидитъ свое милое личико вмѣстѣ съ лицомъ мужчины; изъ этого посеребреннаго рукомойника освѣжитъ свои пылающія щечки; подъ этимъ атласнымъ одѣяломъ...... Но, впрочемъ, для такихъ мечтаній вовсе не нужно обручальнаго кольца: вы можете, не платя свадебныхъ прогоновъ, съѣздить въ эту завѣтную сторону и на собственномъ воображеніи, воля ваша, — я не отдаю въ извозъ своего. А между-тѣмъ спальня женатаго — презанимательная вещь, по крайней-мѣрѣ для холостыхъ.

Но на вешнемъ льду строилъ Искендеръ замокъ своего счастія: въ то время, когда онъ готовился увѣнчать его золотою маковкой, судьба простирала на разрушенье свою огромную, неотразимую десницу.

Въ наши Закавказкія области, вѣроисповѣданія Али, нерѣдко пріѣзжаютъ изъ Тебриза, или Исфагани, странствующіе проповѣдники, муллы. Толкуютъ Коранъ, разсказываютъ легенды про чудеса своихъ имамовъ, и нерѣдко вздорными разказнями питаютъ вражду къ русскимъ нововведеніямъ. Самая обильная пора на этихъ ораторовъ, сказочниковъ и плясуновъ, бываетъ въ мѣсяцъ мухаремъ, который въ тридцать три года обходитъ всѣ мѣсяцы нашего солнечнаго года. Въ этотъ мѣсяцъ, начиная съ перваго его дня, шіиты празднуютъ, какъ я гдѣ-то описалъ, поминки по Гуссейнѣ, сынѣ Алія, который послѣ гибели отца своего, возсталъ на Езида, сына Моавіи за халифатъ; но встрѣченный въ тѣснинѣ Кербела, на походѣ изъ Медины въ Куфу, былъ разбитъ на-голову воеводою Езида, Обейдъ-Аллахомъ, и потерялъ тамъ жизнь, въ 10-й день мухаррема, 61 года гиджры. Все это происшествіе, драматически изложенное, представляютъ шіиты съ большимъ великолѣпіемъ, а не рѣдко и съ чувствомъ, по ночамъ, при блескѣ тысячи свѣтильниковъ. Повѣсть наша началась по окончаніи этой религіозной трагедіи. Гуссейнъ съ дѣтьми своими былъ уже

изрубленъ въ куски по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и по всѣмъ правамъ восточной политики. Остальное семейство его бѣжало, а голова его отправилась, какъ трофей, за сѣдломъ гонца въ Мекку передъ свѣтлые очи торжествующаго халифа Езида. Но этимъ еще не кончается спектакль. Черезъ двѣ недѣли обыкновенно, на которой-нибудь изъ площадей, представляютъ въ подробности судьбу бѣгствующихъ Гусейнидовъ и приношеніе головы Гусейна передъ тронъ злобнаго халифа. Для устройства этого праздника, со всѣми затѣями, пріѣзжій изъ Тебриза мулла Садекъ остался въ Дербендѣ цѣлый мѣсяцъ, склонясь на неотступную просьбу почетныхъ граждан и, того болѣе, на невозразимый звонъ серебра. Мулла Садекъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, но глядѣлъ степенно и ходилъ съ разстановкой будто семидесятилѣтній старикъ; его разговоръ и молчаніе равно вышиты были именами Аллаха и Алія, *вели-Аллахъ*, святаго Божія; четки перебиралъ онъ даже во снѣ, и вообще отъ него сіяло святостью и пахло розовымъ масломъ на двадцать шаговъ въ окружности. Впрочемъ Садекъ, разработывая ниву небесную, не забывалъ и округлять свои земныя дѣлишки. Дружбу водилъ онъ съ немногими, а деньги бралъ онъ отъ всѣхъ: истинно былъ добродѣтельный человѣкъ, — не обидитъ отказомъ благосклоннаго дателя, да кромѣ частныхъ подарковъ, еще согласился (благородная душа!) принять по окончаніи Хатыла, за весь потъ ума и тѣла, одну сотнягу серебряныхъ рублей, изъ расходовъ мечети. Не довольствуясь этимъ, онъ хотѣлъ прочнѣе устроить свое житье-бытье какимъ-нибудь брачнымъ родствомъ, и поразвѣдавъ стороной, куда бы выгоднѣе забросить крючокъ, наживленный краснымъ словомъ, рѣшилъ обратиться къ Миръ-Гаджи-Фетхали, за племянницей котораго, какъ единственной наслѣдницей, прочуялъ онъ изрядное имѣнье.

Вкравшись въ довѣренность Фетхали похвалами его уму и познаніямъ, его учености и краснорѣчію,

бранью Русскихъ за то, что они не умѣютъ отличать такія высокія достоинства и что, по ихъ милости, потомки истинныхъ имамовъ стали равны съ простолюдинами, и что даже, *я Аллахъ!* Аліемъ проклятые сунни сидятъ съ ними рядомъ, а если служатъ Россіи, странѣ раздора и невѣрія, то не рѣдко распоряжаются мирами какъ обыкновенными людьми.

— *Ай вай!* восклицалъ онъ, пришли послѣдніе годы, судъ-судовъ зрѣетъ надъ головою! Скоро, скоро встрепенется рыба *Хутъ,* на которой стоитъ свѣтъ, и сброситъ съ себя долой это гнѣздо змѣиное, этотъ котелъ грѣховный! Правовѣрные гордятся крестами, и темлякъ для нихъ сталъ почетнѣе бороды!.... Не знаю, право, что сталось бы съ колесомъ Дербенда *, если бъ ты, Миръ-Гаджи-Фетхали, не служилъ ему осью вѣры и мудрости. Почтенный ты человѣкъ! Святой ты человѣкъ, истинный Гуссейнъ! Не садишься въ диванѣ съ немытыми Армянами и съ невѣрующими свиноѣдами, *донгусъ еянъ кяфирлярь;* не хочешь чернить своей души ни чернилами, ни порохомъ на ихъ службѣ. Твоя *тагія,* политика, сливки благоразумія! Только одного не могъ я уложить въ свою голову, одному повѣрить не хотѣлъ, свидѣтели *газрети Аліе*, святые потомки Алія: глупая чернь, *кара халхъ*, толкуетъ, будто ты выдаешь свою племянницу за какого-то бечонка? *Наузу билляхъ!* убѣжище мое у Бога! сказалъ я самому себѣ на ухо: этого не можетъ быть; такой благочестивый человѣкъ, какъ

* Кстати объ имени Дербенда. *Дербендъ* есть слово персидское, часто встрѣчаемое въ географіи Востока, и значитъ—застава, крѣпость, замыкающая ущеліе или узкій проходъ. Оно сложено изъ двухъ персидскихъ словъ *деръ* дверь и *бендъ* связка, замычка, скоба. Подъ именемъ *Демиръ-капы*, Желѣзныхъ воротъ, его никогда Закавказцы не знали. Аравитяне называли кавказскій Дербендъ — *Бабъ эль-абуабъ*, Ворота изъ воротъ, главныя ворота, главная застава.

Миръ-Гаджи-Фетхали, не броситъ въ лужу перлу пророка, не отдастъ простому человѣку дочери брата своего, не смѣшаетъ съ грязью крови сеида. *Вель хамду ли'ллляхъ, ве ля илляге илля гуэ!* Сбыточное ли дѣло, чтобъ такой *кельби Али*, такой песъ Алія *, допустилъ съѣсть безхвостому котенку райскую птичку? ее же Аллахъ ему отдалъ подъ призоръ! *Хейръ!* нѣтъ! Это *хошъ таплыхъ*, это шутка; *биръ фикиръ-ды*, какая-то выдумка; она родилась въ пустомъ арбузѣ и разнесена вертучимъ вѣтромъ по базару. Даромъ бросаютъ такую пыль въ бороду Фетхали. Не вѣрю я тому, чего быть не можетъ!

— А между-тѣмъ это правда, сказалъ Фетхали, съ такимъ лицемъ, — будто его застали въ чужомъ винограднике.

И онъ разсказалъ муллѣ Садеку, какимъ образомъ и почему принужденъ былъ дать на этотъ бракъ свое согласіе. Притомъ же, замѣчалъ онъ, въ Дербендѣ нѣтъ пары его племянницѣ изъ числа немногихъ мировъ. Всѣ они такое старье или такая голь, что если за иныго выдать, такъ свадьбу придется играть на перекресткѣ, а новобрачнымъ спать на своихъ башмакахъ, прогуливаясь.

Мулла Садекъ два раза погладилъ свою бороду, два раза пропустилъ девяносто девять зеренъ своихъ четокъ между пальцевъ и сказалъ:

— Все исходитъ отъ Аллаха, все къ нему возвратится. Развѣ нѣтъ достойныхъ Гуссейна въ странѣ *Ирана*, въ Персіи, въ благословенномъ краю наслѣдниковъ Сефи? Солнце два раза въ день восходитъ и западаетъ въ *виляетъ* (владѣніи) *шэгиншаха*, государя государей; такъ оно неужели не свѣтитъ въ глаза ни одному жениху твоей племянницы? *Вели пейгамбаръ! ваазы пейгамбари!* о святой пророкъ!

* Впрочемъ, *кельби Али*, въ просторѣчіи *Кельбалай*, есть мусульманское собственное имя. Одинъ ширванскій ханъ, генералъ-маіоръ нашей службы, его носитъ, и оно вовсе не доказываетъ, какъ думаютъ многіе, особенной преданности къ Алію.

о завѣтъ пророческій! Если ты хочешь женить свѣтлый мѣсяцъ на звѣздѣ утренней, я пришлю сюда моего двоюроднаго брата по матери, Миръ-Фейзуллаха-Тебриза, — указательный перстъ учености, изумрудъ красоты: борода его считается третьею послѣ шаховой; богатъ онъ такъ, что индѣекъ кормитъ жемчугомъ, и со всѣмъ тѣмъ скроменъ какъ изголовье. Кладъ, а не человѣкъ, *валлаги билляги!* Когда онъ въ нашемъ городѣ идетъ по базару, даже тѣ, у которыхъ глаза выколоты, кричатъ ему— *Гьозимъ уста* *, а купцы бьютъ челомъ кто пряникомъ, кто изюмомъ, кто горстью табаку: ни одинъ не сунется безъ *пешкеша*, подарочка. Если твоя племянница за него выйдетъ, такъ ей даже въ банѣ всѣ *ханумъ* и *бегумъ*, всѣ ханши и бекши, станутъ давать почетное мѣсто, — а Тебризъ не вашему глиняному Дербенду чета!

Это предложеніе польстило и гордости Фетхали, потому-что онъ зналъ какимъ уваженіемъ пользуются въ Персіи миры, и ненависти его къ Искендеру. Однакожъ въ немъ еще были искры совѣсти. Онъ возразилъ муллѣ Садеку препятствіями, со стороны матери Кичкени, и со стороны строгаго коменданта, который вѣроятно не позволитъ переселенія изъ русской области. Притомъ, «что скажутъ горожане?» *На діалярь* — важная вещь и на Востокѣ. Le qu'en dira-t-on держитъ въ уздѣ Парижанина и Петербургца, обитателя Пекина и Шамахи: это почти совѣсть людей безсовѣстныхъ.

— Что скажутъ? съ насмѣшкой отвѣчалъ Садекъ. Скажутъ, что ты умный человѣкъ. Простительно дѣлать ошибки, но исправлять ихъ похвально. И что, въ-самомъ-дѣлѣ, за услугу оказалъ тебѣ Искендеръ? Будто бы до него Аллахъ дождя не выду-

* Въ Персіи множество нищихъ съ выколотыми глазами, жертвъ каждой политической смуты. *Гьозимъ уста* собственно значитъ—на мой глазъ, но это междометіе должно принимать въ смыслѣ—клянусь я своими глазами въ твоихъ повелѣніяхъ.

малъ? Онъ тебя поймалъ въ западню: оставь же лучше въ западнѣ свой хвостъ, какъ лисица, и уйди отъ него, чѣмъ цѣлый вѣкъ кланяться немилому человѣку. Да я научу тебя какъ, съ помощію пророка, выбраться изъ обѣщанія, не запятнавъ своей чести. Откажи Искендеру, и разславь по городу, что твоя сестра — при смерти и дала обѣщаніе, если выздоровѣетъ, выдать свою дочь неиначе, какъ за потомка пророка, за имама. Этому въ Дербендѣ не одинъ примѣръ. Сестра твоя не выходитъ изъ дому, да и дома почти нѣма какъ рыба: такъ на нее, для пользы внуковъ Алія, можно все взваливать, а слушать ея бредней — будетъ позоръ на твою голову. Развѣ не знаешь, какъ плотно поколотилъ *Эйлюбъ, алейги'съ селямъ,* Іовъ (миръ съ нимъ!), свою жену за то, что она совѣтовала ему поклониться шайтану? А развѣ мать Кичкене—твоя жена? Развѣ ты купилъ ее? Что она тебѣ? Только сестра, а это четвертью меньше нежели ничто. Плюнь ты на ея волю!

— А комендантъ? со вздохомъ сказалъ Фетхали.

— А комендантъ что за помѣха? Развѣ невѣсты—запрещенный товаръ къ вывозу? Да пускай себѣ и запрещенный: можно надуть коменданта, попросить билетъ въ Персію для свиданія съ родственниками, да и пошелъ, покатилъ себѣ. Обмануть гяура все равно, что приложить кусочикъ къ сердцу Али: три грѣха съ души долой. Тебѣ же болѣе славы, если ты на чортѣ привезешь даръ *Каабѣ*, меккскому храму, за неимѣніемъ бѣлаго верблюда.

Два лукавца ударили по рукамъ.

На утро Искендеру отослана была половина кабына, то есть окупа за невѣсту, обращаемаго обыкновенно на приданое. Искендеръ-бекъ чуть не оторвалъ себѣ ушей, чтобы увѣриться, не обманываютъ ли они его! Нѣтъ — вѣсть эта была слишкомъ несомнительна. Возвращенный мѣшокъ съ рублями лежалъ передъ нимъ неотвергаемымъ доказательствомъ; тетка его Аджа-Ханумъ бранилась такъ искрен-

но, что словъ ея нельзя было принять за шутку. Сначала, оглушенный неожиданнымъ отказомъ, онъ сидѣлъ блѣдный, безмолвный, съ неподвижными очами, какъ тѣло, только-что охладѣлое въ трупъ. Но скоро юная кровь зажглась негодованіемъ, и оно вырвалось наружу буйнымъ потокомъ угрозъ и проклятій. Быть столь близкимъ къ счастію, подносить уже къ устамъ завѣтную чашу и, вдругъ, вмѣсто желаннаго, драгоцѣннаго питья, выпить горькую обиду, облиться несмываемымъ позоромъ! О, это заставило бы вспыхнуть самое ледяное сердце, закипѣть самую ползучую кровь! Никогда любовница не кажется намъ такъ прелестною, такъ любимою, какъ похищенная измѣной или судьбой. Тогда любовь нарастаетъ на весь ужасъ разлуки, а бѣшенство за разлуку раскипается всѣмъ пламенемъ страсти. Искендеръ-бекъ неистовствовалъ: разбилъ въ дребезги хрустальный кальянъ свой, выбросилъ за окно зеркало, изорвалъ въ клочки свою круглую подушку, вытолкалъ въ шею нукера, который явился-было съ неумѣстными услугами. Онъ упалъ отъ изнеможенія, но злость не потухла вмѣстѣ съ силами: онъ грызъ подушку и плакалъ. Наконецъ разсудокъ взялъ верхъ, но, если гнѣвъ, если безнадежная любовь покинули голову, они тѣмъ не менѣе терзали его сердце. Два дня и три ночи, обманутый въ самыхъ законныхъ своихъ надеждахъ, юноша не могъ спать, не хотѣлъ ѣсть. Но потомъ азіятская природа передвоила всѣ бурныя чувства въ тихій, медленный ядъ желанія мести. Онъ перебиралъ и отвергалъ всѣ средства отмстить вѣроломному Фетхали, не подвергая себя опасности отъ русскаго правительства. О, если бъ это было при ханахъ, — ударъ ему кинжаломъ въ бокъ, и все кончено! И Кичкене стала бы его собственностью послѣ мѣсячнаго бѣгства! Теперь иное!... теперь надо!... Искендеръ углубился въ размышленіе, какъ это надо? А передъ нимъ давно уже стоялъ Гаджи-Юсуфъ. Право, за вычетомъ хвастовства и трусости, этотъ Гаджи-Юсуфъ былъ предоброе созданіе. Горесть товарища трону-

ла его: если бъ умѣлъ, онъ бы заплакалъ, глядя на безмолвную задумчивость Искендера. Онъ тихо коснулся плеча хозяина, и хотя разодѣтъ былъ какъ свѣже-привозный *кашенгъ*, франтъ изъ Тебриза, однако сказалъ свой *селямъ* самымъ степеннымъ голосомъ.

— *На хаберъ?* что новаго? спросилъ очнувшійся Искендеръ.

— Пришло три корабля съ хлѣбомъ: народъ веселится.

— Если бъ пришли три корабля съ мышьякомъ на отраву всѣмъ Дербендцамъ, я бы радовался одинъ болѣе, чѣмъ теперь они всѣ вмѣстѣ.

— Помилуй, Искендеръ, за что такая опала! Не хочешь ли ты подражать Эгри-Абуталебу *, который еще въ люлькѣ на кого-то разсердился, и досихъ-поръ косится на цѣлый свѣтъ? Пришло, — пройдетъ!

— Ты слышалъ, Юсуфъ? Вѣрно ужъ слышалъ? Ну, разсказывай, что про меня шепчутъ въ Дербендѣ?

Ничего не шепчутъ: на всѣхъ базарахъ и перекресткахъ только въ бубны бьютъ, что тебѣ отказала мать Кичкени.

— Мать? Мерзавецъ этотъ Фетхали!... Убью его и уйду, скроюсь въ горы!

— А что развѣ тебѣ Кара-дагъ, дядя **. Видно ты еще не лакомился просяными чуреками, душечка-Искендеръ. Велика хитрость убить да уйти, и потомъ по конецъ жизни облизываться на дымъ роднаго города! *Анасыны бабасыны!*... Гораздо лучше побить порядкомъ этого Фетхали, — и *гайда* въ Баку! Тамъ, если тебя осѣдлала такая охота жениться, ты можешь на пробу купить себѣ жену на два, на три мѣсяца. Прекрасное это заведеніе —

* *Эгри* косой.

** *Кара-дагъ* — Черныя горы.

метеги *, для удобства путешественниковъ, чортъ меня покарай, прелюбезное! Я самъ женился на четыре мѣсяца, да, слава Аллаху, бѣжалъ до срока отъ моей красавицы. Радъ, что ноги унесъ! Бывало, сплю и боюсь — откуситъ она мнѣ носъ изъ нѣжности. Такъ-то, Искендеръ-бекъ! Отвѣдай самъ, правду ли я говорю и, воротясь — объ закладъ побьюсь — ты за спасибо *пешкешъ* привезешь Фетхали, что онъ не отдалъ тебѣ племянницы.

Искендеръ-бекъ былъ угрюмъ и безмолвенъ.

— Душечка, цвѣтокъ ты, Искендеръ-бекъ! ты ничего не слышишь, будто уши по воду послалъ, а печаленъ такъ, словно сердце твое забили въ *фелаку*, лещотку, и отдубасили по пятамъ. Экая невидаль — невѣста! Брось только горсть червонцевъ на улицу, да закричи — *Гель, гель, гель!* набѣжатъ свахи словно куры. Надоѣдятъ тебѣ жены, вспомни меня надоѣдятъ!

Искендеръ не внималъ ничему.

— Да и объ чемъ ты такъ грустишь, Искендеръ? Что за звѣзда твоя невѣста! Что за красавица такая! Глаза у ней одинъ больше другаго, а сама такъ смугла; что ты разоришься на одни бѣлила; да къ тому жъ, кажется, немножко кривобока. Видѣлъ, братъ, я ее неразъ!

Искендеръ-бекъ схватилъ Юсуфа за воротъ.

— Ты ее видѣлъ? Гдѣ ты видѣлъ ее? Какъ ты смѣлъ поднять на нее свои пьяные глаза? Говори жъ, бездѣльникъ, когда и какъ ты ѣлъ ее своими глазами?

— Ради Аллаха, пусти Искендеръ-бекъ... Развѣ не видишь ты, что я шучу! Ты знаешь, что я гла-

---

* *Метеги, мути'и* временной бракъ, позволенный у шіитовъ, но не вездѣ употребительный. Впрочемъ, и сунниты сѣвернаго Дагистана допускаютъ его изъ корысти, даже съ Русскими. Онъ облеченъ всею законностью, но только низшій классъ народа занимается такою торговлей.

за ношу всегда въ карманѣ, а карманы мои всѣ въ дырахъ. Гдѣ мнѣ видѣть ее! Да и на кой-чортъ стану я заглядывать на эти двуногія жемчужины! Пропадай онѣ, право: я не пахарь такихъ нивъ! Я умильнѣе погляжу на свиной бурдюкъ съ кизлярскимъ чихиремъ, нежели на женщину. Эй, не женись, душечка Искендеръ-бекъ! Бѣда тебѣ жениться: ты такой ревнивецъ, что Аллахъ упаси! Въ сосѣдствѣ съ русскими молодцами тебѣ придется стоять всю ночь на караулѣ, и цѣлой день какъ рахтарщику осматривать и щупать, кто входитъ и что вноситъ въ твой домъ. Ну-ужъ что за люди, эти Русскіе. Только поставятъ ихъ постоемъ, смотришь-глядишь, они ужъ пріятели съ нашими молодушками! Подкатится яблокомъ, разсыплется бисеромъ, а тамъ... Знаешь ли ты муллу-Касима, того сухопараго зверка, про котораго говорятъ, что съ него снята была кожа для таинственной книги *джефръ* *. Ну, мой ага, этотъ мулла-Касимъ, старый ревницевъ, купилъ себѣ бѣду подъ бѣлою чадрой, и не спускалъ съ нея глазъ. Что жъ вышло? Онъ по три раза въ недѣлю отворялъ ворота одной подружкѣ хорошенькой жонки своей, и сидитъ, бывало, у воротъ, чтобъ не дать женѣ на проводахъ выглянуть на улицу, а эта подружка — былъ русскій офицеръ въ женскомъ платьѣ!

Оба пріятеля схватились за бока отъ смѣху.

— Мущина? Подъ чадрой? Это прелесть! это единственно! Спасибо тебѣ, Юсуфъ; разъутѣшилъ ты меня этимъ разсказомъ.

И бей-Искендеръ чуть не задушилъ гостя въ объятіяхъ.

— Ну да прощай, душа моя! Мнѣ теперь хлопотъ цѣлое стадо. Я сегодня ночью представлять буду *Фиренгъ — эльчи-сы*, франкскаго посла, при дворѣ Езида: такъ надо заранѣе умудриться, какъ

* Написанная іероглифами, будто-бы Аліемъ, обо всемъ, что было и будетъ до конца свѣта. Повѣрье шіитовъ.

мнѣ влѣзть въ узкіе шальвары! Пусть выкроитъ шайтанъ себѣ подметки изъ кожи этихъ гяуровъ за адскую выдумку тѣсныхъ мундировъ и панталонъ: въ нихъ такъ же ловко двигаться, какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Не даромъ, право, носятъ они на шеѣ удавки: запалю я гробы ихъ отцовъ, да самъ и огонь залью! Не попадайся мнѣ теперь ни одинъ русскій пѣтухъ: разомъ общиплю весь хвостъ на султанъ для треугольнаго папаха! Я ужъ задалъ жгучей травы * комендантскому павлину; перестанетъ онъ хвастать своимъ вѣеромъ. Да и русской водкѣ достанется: какой я буду *кяфиръ*, если не вытяну стакана четыре? *Яхши олсунъ*, Искендеръ-бекъ, *яхши олсунъ!* Увидишь, я такимъ выйду на Хатыль полнымъ Франкомъ, что солдаты будутъ говорить мнѣ: здравія желаю, ваше благородіе!

— Совѣтую только перемѣнить тебѣ имя Юсуфа, на *Аллахъ-верды* **!

— И, разумѣется *Аллахъ верды* прекрасное слово. «Богъ далъ» вино, такъ чортъ не отыметъ. Охъ служба, служба! горька она и въ правовѣрномъ платьѣ, а въ кургуаомъ и того втрое. А еще говорятъ, будто я мало служу. Неблагодарные!...

Юсуфъ удалился, разговаривая самъ съ собою про безуміе Искендера. — Рѣхнулся бѣдняга, безъ-сомнѣнія, рѣхнулся. То онъ несносенъ какъ пустая бутылка, то хохочетъ будто исфаганскаго *нагильчи*, сказочника, слушаетъ, то бранитъ меня словно капитанъ, то обнимаетъ ни за-что ни про-что. Жаль! И, молодецки закинувъ рукава за плечо, онъ по-

* *Истаутъ,* такъ зовутъ Татары перецъ.

** *Аллахъ-верды*, Богъ далъ, обыкновенное восклицаніе того, кто пьетъ; кто подноситъ, говоритъ— *Сизинъ кейфиниса,* на здоровье вамъ, или просто — *яхши олсунъ,* да будетъ благо. Искендеръ смѣется надъ пьянствомъ Юсуфа: впрочемъ Аллахъ-верды (Богданъ) — обыкновенное собственное имя.

шелъ, переваливаясь, по улицѣ и напѣвая стихи въ честь Гусейнова побоища при Кербелѣ:

Неджа канъ агламассынъ, дашъ бугюнъ!
Кеселибты етмишь-еки башъ бугюнъ!

Какъ сегодня не прослезиться тебѣ, камень, кровью?
Сегодня отрублено семьдесять двѣ головы!

Зато Искендеръ вовсе не думалъ объ отрубленныхъ головахъ: ему Юсуфъ приставилъ новую своимъ разсказомъ. Яркая мысль, пробраться къ своей милой подъ чадрою, озарила его сердце. Я шелъ законною дорогой, говорилъ онъ себѣ, и она привела меня къ пропасти. Теперь я, во-что бы ни стало, дойду до своего окольными тропинками. Теперь всѣ связи мои разорваны, и не мною. Пусть же узнаетъ Фехтали, что значитъ разбудить барса и потомъ дразнить его. Безславіемъ, похищеніемъ, всѣмъ готовъ теперь я добывать вырванную у меня Кичкеню. Да! я одѣнусь женщиной, но докажу, что я не мальчикъ: сегоднишній ночной праздникъ сблизитъ меня съ безцѣнною, — пускай дорога къ ней помощена остріями кинжаловъ! Неслыханную между мусульманами дерзость сдѣлаю я: но развѣ не такова моя обида, моя любовь? Такъ разсуждая или, вѣрнѣй, безразсудствуя, Искендеръ обшивалъ самъ свои шалвары кружевнымъ позументомъ, какъ носятъ мусульманки; примѣрялъ купленное для будущей невѣсты покрывало, учился подбирать его по подолу и около рта, ходить смиренно, говорить тоненькимъ голосомъ. Къ сумеркамъ, онъ могъ бы представлять на Хатылѣ сестру Гуссейна вѣрно лучше своихъ собратіи. Сурьма по бровямъ и темнота ночи скроютъ остальное, думалъ онъ: однако, боясь болтливости своего нукера въ такомъ дѣлѣ, гдѣ бросалъ на ставку свою голову, онъ услалъ его пасти коней на траву. Съ трепетомъ сердца ждалъ онъ ночи; но день не хотѣлъ умирать, какъ богатый дядя. Наконецъ-то, наконецъ, заревой барабанъ

сказалъ его сердцу отрадную вѣсточку. Пламенники, напитанные нефтью, земелькали по улицамъ, и вотъ слились, въ одномъ мѣстѣ, въ багровый дымъ зарева.... Скоро прійдетъ время.

Пустяки говорятъ, будто мы только въ первый разъ любимъ крѣпко и пламенно. Одно вѣрно, что мы только въ первый разъ любимъ сладостно, потому-что тогда все въ любви намъ ново, потому-что, мы вѣримъ тогда неизмѣнности любви и взаимному для ней геройству. Проходятъ лѣта, и незваный гость опять стучится въ сердце: онъ подаетъ очки свои, которые разлагаютъ всѣ мечты, показываютъ всѣ цвѣты, всѣхъ бабочекъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, и говорятъ: это линючая краска, безполезное насѣкомое. Чортъ возьми твой микроскопъ, опытность! Я хочу розъ, а ты подаешь мнѣ сктляночку съ духами. Скажи мнѣ, счастливѣе ли я сталъ, узнавъ, изъ чего составлена слеза и какой нервъ движетъ улыбку? Счастливѣе ли, умѣряя сильныя чувства, чтобъ не нажить аневризма? Счастливѣе ли, что, завидя въ комъ-нибудь, даже въ самомъ-себѣ, вспышку прекраснаго чувства, я говорю: знаю чѣмъ это кончится! Холодъ и пустыня, тѣмъ ужаснѣйшіе, что опять даютъ угадчивость уму, а не избавляютъ отъ страстей, отъ чувства.

Искендеръ плавалъ въ безъизвѣстномъ для него океанѣ любви, искалъ новаго свѣта счастія, который, новому Колумбу, живописался на воображеніи полнымъ сокровищъ и восхитительнымъ новизной. Но если бъ вы спросили его, какія онъ имѣетъ къ успѣху залоги, и для чего выбралъ эту дорогу, для чего хочетъ онъ видѣться съ Кичкенею? Онъ бы не умѣлъ дать отчета и самому себѣ. Счеты изобрѣтены, конечно, не влюбленнымъ. Все, что онъ бы могъ отвѣчать вамъ, состояло въ словахъ — я такъ рѣшилъ! я на это рѣшился! Съ Богомъ!

Начернивъ огромную бровь, которая по послѣдней модѣ должна была соединять, какъ мостъ, оба уха, и налѣпивъ на щеки двѣ золотыя звѣздочки, Искендеръ заткнулъ за поясъ, стягивающій атласный

дунъ (родъ бешмета) пистолетъ, обвилъ голову маленькимъ тюрбаномъ, закутался весь до ногъ въ бѣлую чадру съ каймой, и робко пошелъ къ нижнему магалу. Спрятавшись подлѣ дома Кичкени въ ворота, онъ выждалъ, покуда она вышла съ двумя подругами и, не теряя ее изъ виду, чтобъ послѣ не утратить вовсе межъ тысячи покрывалъ, отправился по пятамъ ея до самаго мѣста представленія. Площадь, улицы кипѣли пѣшими и конными зрителями; кровли домовъ покрыты были купами и рядами женщинъ, живописно рисующихся въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ чадрахъ. Драма еще не начиналась. На возвышеніи, приготовленномъ для Езида, говорилъ прологъ мулла Садекъ, а два другихъ стояли на ступеняхъ, крытыхъ ковромъ, махальными чувствительности, и при каждомъ трогательномъ описаніи громко кричали народу: что-жь вы не плачете? Плачьте! Въ отвѣтъ на это раздавалось обыкновенно вверху и внизу оглушающее хныканье; потомъ потокъ краснорѣчія снова пробивался сквозь жужжанье. Почти въ лихорадочномъ жару взбѣжалъ Искендеръ за Кичкенею, по крутой лѣстницѣ чужаго дома, безпрестанно прикасаясь къ женщинамъ, на плоскую кровлю. На ней уже было до сотни мусульманокъ, сидящихъ, стоящихъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ и, болѣе или менѣе, озаренныхъ блескомъ множества мангаловъ, поднятыхъ на шесты. Женщины встрѣчались, цѣловались, болтали безъ умолку, смѣялись безъ удержки. Всѣ онѣ одѣты были въ лучшія платья, увѣшаны золотыми звѣздами и монистами, — и все это не забывали онѣ выказывать при встрѣчѣ съ знакомыми, широко распахивая чадры.

Тотъ, кто не знаетъ Азіятокъ, не знаетъ и половины Азіятца, хотя бы онъ жилъ съ нимъ сто десять лѣтъ за панибрата. Вмѣстѣ съ туфлями, мусульманинъ надѣваетъ непроницаемую личину, и внѣ гарема не покажетъ родному брату своему ни дна души, ни дна кошелька; притомъ же, страсть хвалить нравы и обычаи своего народа, свойствен-

вая всѣмъ народамъ младенчествующимъ, обладаетъ имъ вполнѣ. Послушать каждаго изъ нихъ, такъ вы подумаете, что это цѣлое поколѣніе праведниковъ, что у нихъ всѣ мужья и жены ходятъ между строчекъ Корана и никогда не помыслятъ вильнуть въ сторону. Только въ семьѣ смѣетъ мусульманинъ быть самимъ-собою, потому-что жена и дѣти для него вещи, которымъ не обязанъ онъ ни малѣйшимъ отчетомъ. Въ отместку ему, жена бываетъ собою всегда, кромѣ его присутствія. Покорная, предупредительная, почти безотвѣтная раба мужу, который для нея — свѣтъ, публика, власть, все, она вознаграждаетъ себя, за домашнее принужденіе, на гуляньѣ въ садахъ, въ банѣ со своими сосѣдками. Вы скажете, что подруги ей домашніе, а домашніе чужіе. Онѣ откровенны между собою, ибо между ними нѣтъ иной ревности, кромѣ за наряды. Отъ этого выходитъ двойственный міръ, совсѣмъ отличный отъ европейскаго; міръ, болѣе недоступный для мужчинъ, чѣмъ для женщинъ, потому-что мужъ передъ женой разоблачается вполнѣ, она передъ нимъ — вполовину. Теперь вообразите, что вы какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ вкрались въ довѣренность мусульманки или подслушали ея болтовню съ подругой, заглянули въ гаремъхане à vue d'oiseau, и вы конечно узнаете больше, нежели мусульманинъ захочетъ вамъ сказать, — больше нежели можетъ сказать. Вообразите и то, какъ загадочно изумленъ былъ ничего незнающій юноша Искендеръ, брошенный въ середину женскихъ нескромностей, въ середину женщинъ, большею частію прехорошенькихъ, онъ, который съ роду не говорилъ ни съ одной, кромѣ старухъ; онъ, который если и видѣлъ ихъ личики, такъ-это въ почтительномъ отдаленіи, и то на мигъ. Онъ пожиралъ ихъ глазами, напрягалъ слухъ и умъ, чтобы уловить и понять долетающія до него отрывчатыя фразы. Напрасно! Онѣ оставались для него, какъ останутся вѣроятно для многихъ моихъ читателей, загадками.

— Ахъ, душечка, молодица моя! *эй джанъ-джюванъ!* какая у тебя прелестная *баги*, головное украшеніе. А мой скупецъ былъ въ Зинзиляхъ, да въ гостинецъ привезъ только шелковый треногъ: правда, затканный золотомъ, да что мнѣ въ этомъ пользы? Его не надѣнешь ни въ мечеть ни въ баню. — Нѣтъ, мой мужъ, хоть и прихотливъ, а ничего для меня не жалѣетъ: грѣхъ на это жаловаться. Надарилъ мнѣ кучу вещей за то, что я до жаровъ не спорю за лѣтній обычай. — Слышала ли ты, Фатме-Ханумъ, что мой старый чортъ въ Бакѣ взялъ другую жену? Я въ слезы, а онъ мнѣ: развѣ мнѣ тамъ безъ плову жить! Мужъ только до семи горъ обязанъ женѣ вѣрностью. *Шахъ-Сейнъ, Вай-Сейнъ!* да развѣ, когда онъ переѣдетъ за семь, отъ меня до него будетъ только шесть? Отплачу я ему за это! Беретъ другую жену, а самъ даже *джума ахшамы*, кануна недѣли не справляетъ: такой беззаконникъ! — Навѣрное ли? — Какъ, моя жертвочка, не навѣрное! Въ русской землѣ вышелъ указъ, чтобы всѣ женщины носили туманы по нашему. Я сама видѣла, что и здѣшнія начальницы перестали гнѣвить Аллаха, надѣли таки бѣленькіе шальвары...... Да и пора была! Бывало по горѣ идутъ, при вѣтрѣ...... — Чудесный дала ты мнѣ *ваджибетъ*, Шекеръ-Ханумъ; тысячу разъ тебѣ за него спасибо: тѣло отъ него точно персикъ становится. — Не умѣетъ Аспетъ-Ханумъ готовить *долмы*, вовсе не умѣетъ: хоть бы на свадьбѣ такой ѣсть, не только на похоронахъ, такъ горекъ покажется. — Умерла? Сама виновата! Умѣла съ чужимъ любовь водить, умѣй концы хоронить; а то, мужъ только со двора, она въ гости, да еще съ фонаремъ. — Такъ онъ до-смерти ее закололъ? — Насквозь, *джанымъ!* Тутъ же и душу Азраилу отдала. — Надоѣли мнѣ мои ребятишки, *баджи* (сестрица); хоть бы подросли поскорѣе, а то такіе крикуны, что голову разломить! — Охъ, сестра, отъ маленькихъ дѣтей болитъ голова, отъ большихъ сердце! Присталъ мнѣ мой Мешгеди: купи да купи ему жену, а вѣдь жена не

свистулька...... дорогъ сталъ этотъ товаръ: откуда я возьму денегъ! — *Ай вай* какой стыдъ! съ Армяниномъ, съ переводчикомъ. Развѣ мусульманъ или Русскихъ ей недостало?...... Любой Армянинъ, съ придачей двухъ кусковъ *зерръ-бафта*, и четверти грѣха не стоитъ! — Прелесть маперъ, *чохъ испаи тегеръ,* душечка! И прелегенькій! Онъ называетъ его тегеранскимъ; наподобіе буквы *джимъ;* да кажется такими узорами переберу я всю азбуку. Преученый человѣкъ мужъ мой! — Охъ, не поминай, сестрица! Вотъ точь-въ-точь такой затѣйникъ былъ покойный мужъ мой; бывало, какъ начнетъ учить мою малютку, такъ она шепчетъ, шепчетъ...... Аллахъ вѣку ему не продлилъ, а то бы читать ее выучилъ......

Восклицанія — *башлады, башлады*, началось, началось, прервали всѣ росказни. Всѣ кинулись смотрѣть на драму. Езидъ, въ красномъ кафтанѣ, въ зеленой чалмѣ, сидѣлъ уже на тронѣ; по лѣвую его руку не много ниже, Богъ-вѣсть по какому преданію, сидѣлъ европейскій посолъ, въ фантастическомъ мундирѣ русскаго покроя, въ треугольной шляпѣ съ огромнымъ султаномъ, при европейской саблѣ и въ шпорахъ. Приближенные Езиду и шейхи арабскихъ племенъ въ бѣлыхъ чалмахъ обнимали тронъ полумѣсяцемъ. Европейскаго посланника игралъ Гаджи-Юсуфъ; но онъ, затянутый въ непривычномъ нарядѣ, безпрестанно путаясь въ портупеѣ и шпорахъ, безпрестанно поправляя шляпу, которая прогуливалась по бритой его головѣ, былъ такъ уморителенъ, что навѣрно не заманилъ никого быть Европейцемъ. Огромный носъ его и еще того огромнѣйшій султанъ изъ пѣтушьихъ и павлиньихъ перьевъ, дали поводъ къ жаркому спору между женщинами.

— *Шахъ-Гуссейнъ? вай Гуссейнъ!* сестрицы, посмотрите-ка что за звѣрь сидитъ по лѣвую руку проклятаго Езида? закричала одна хатынь (госпожа).

— Это левъ, пресеріозно отвѣчала ей сосѣдка. При мучителяхъ, османскихъ халифахъ, всегда дежу-

рилъ какой-нибудь лютый звѣрь: чуть не понравится кто-нибудь, сейчасъ того отдавали на завтракъ.

— Левъ-то левъ, возразила другая, только онъ тотъ самый, что плакалъ надъ гробомъ Гуссейна, а не въ службѣ у Езида; плутяги *чауши,* десятскіе, подсмотрѣли, что онъ жалѣетъ нашего имама, да и взяли подъ караулъ. Слышите ли, Езидъ говоритъ ему: пріими мою вѣру, а онъ только сморкается: это значитъ — не хочетъ.

— Какой левъ? насмѣшливо произнесла другая: это птица!

— Какъ не птица, возразила та: развѣ у птицъ хвостъ на головѣ? Это грива; такъ грива и есть.

— Совсѣмъ не грива, а хохолъ попугая; должно быть, этотъ попугай былъ у Езида *мирзою*, секретаремъ: видишь какъ халифъ ласкаетъ его, а тотъ воркуетъ не по-человѣчески!

— Племянница ты попугая, душа моя!

— Львиная ты мордочка, сестра моя!

Споръ сдѣлался общимъ. Однѣ говорили — птица, другія утверждали — звѣрь. Однако-жъ сторона, возставшая за попугая, перемогла: женщины всѣхъ странъ отмѣнно любятъ попугаевъ. Надобно сказать, что красный носъ Гаджи-Юсуфа всего болѣе способствовалъ этому мнѣнію; только и въ немъ возникли расколы. Иныя думали, что носъ у этой птицы природный, иныя спорили, что онъ накладной. Все это доказывало, что каждая изъ почтенныхъ мусульманокъ, тамъ сидѣвшихъ, могла бы выдержать профессорскій экзаменъ въ невѣжествѣ исторіи естественной и сверхъестественной, о которой шло дѣло, а дѣло шло своимъ чередомъ. Бѣдный Юсуфъ, никакъ не воображая, что подлинность его носа и его человѣчества подвержена такому сомнѣнію, говорилъ привѣтственную рѣчь Езиду. — Государь мой, повелитель Френгистана (таковъ былъ смыслъ ея), заслышавъ о твоихъ побѣдахъ, прислалъ меня просить о дружбѣ и союзѣ съ тобою. Езидъ отвѣчалъ: что, покуда, ему нѣтъ досуга управиться

со свиноѣдами; что онъ даруетъ имъ миръ и время покаятся, но если они не примутъ *шекксизъ китабъ*, несомнѣнной книги, закономъ, такъ онъ объявитъ имъ *джигадъ*, войну за вѣру, и начнетъ систему обрѣзанія съ головъ. Въ это время радостная вѣсть о разбитіи, восводой халифа, враждебнаго ему Гуссейна, приходитъ вмѣстѣ съ трофеями. Пуки стрѣлъ, сабель, кольчугъ, мѣшки съ добычей разсыпаны къ ногамъ Езида; подносятъ на блюдѣ голову Гуссейна.—Вотъ участь всѣхъ, кто мнѣ противится! гордо говоритъ посланнику халифъ и, сброшенная его ногой голова, катится по ступенямъ: — а этотъ человѣкъ былъ родственникъ Магомета, хотѣлъ быть халифомъ; многіе звали его пророкомъ, заступникомъ молитвъ, имамомъ, и что теперь онъ? Прахъ! Фиренкъ-Эльчи осмѣливается спросить, неужели у нихъ мода такъ обходиться съ пророками. — Со лжепророками, гнѣвно отвѣчаетъ Езидъ. — Въ такомъ случаѣ легко можно убѣдиться, ложный былъ онъ или настоящій, продолжаетъ Франкъ; голова Гуссейна! примолвилъ онъ, обращаясь къ головѣ, уже взоткнутой на копье: если ты истинно пользовалась откровеніемъ Бога мусульманъ, и если вѣра, тобой проповѣданная, не обманъ, скажи мнѣ символъ ея, и я, христіанинъ, клянусь обратиться въ мусульманство! И голова отверзаетъ мертвыя уста; молитва *Ла иляге илль Аллаху, эшгеду, энна Мухаммеда резулю'ллахъ*, какъ труба, раздается въ воздухѣ. Пораженный, убѣжденный чудомъ, Европеецъ падаетъ ницъ, восклицая: *Мусульманамъ, шагіямъ!* Я мусульманинъ, я шіитъ! — Ты глупецъ! говорилъ ему Езидъ, раздраженный примѣромъ дерзости для своихъ послѣдователей: ты стоишь казни — отрубить ему голову!

Гаджи-Юсуфъ, которому такъ же ловко было сидѣть на стулѣ какъ на копьѣ, особенно съ грузомъ винныхъ паровъ въ головѣ, не дожидаясь удара, покатился на полъ. Эта потеря равновѣсія, приписанная ужасу, произвела необыкновенный эффектъ. Павшаго Франка утащили, подмѣнили куклой, и

срубленная голова его запѣла стихи въ честь Гуссейна.

Подъ шумокъ, между-тѣмъ, Искендеръ подсѣлъ рядомъ къ Кичкенѣ; духъ у него занимался отъ радости, сердце обливалось невыразимо сладкимъ пламенемъ. Онъ былъ подлѣ ней, касался ея, чувствовалъ жаръ ея щекъ, ароматъ ея дыханія, — и онъ былъ мусульманинъ, и ему только-что минуло двадцать лѣтъ! Онъ не могъ выдержать искушенія, когда Кичкене, привставъ, чтобы лучше взглянуть внизъ, оперлась рукой на его колѣно.

— Кичкене, произнесъ онъ тихо, встань: мнѣ нужно сказать тебѣ два слова, — и онъ крѣпко сжалъ ея руку, подымаясь.

Мысли задумчивой Кичкене были полны Искендеромъ: его искала она въ потокѣ лицъ, озаренныхъ факелами, его взоръ надѣялась встрѣтить между тысячами взоровъ. Не Езидъ привлекъ ее на представленіе, не Езидъ занималъ теперь. Увѣренность поглядѣть хоть еще разикъ на жениха, которымъ ее поманили, и котораго отняли потомъ безъ причины, поглотила все ея вниманіе: каково жъ было ея изумленіе, ея страхъ, когда голосъ, котораго эхо было сердечное воспоминаніе, прозвучалъ ей на ухо! Крикъ замеръ у ней на устахъ, она не имѣла силы, ни жестокости сопротивляться. Искендеръ-бекъ увлекъ ее на самый темный уголъ кровли: зрительницы такъ заняты были Езидомъ и Ельчи, что ихъ вниманія нечего было страшиться.

— Я люблю тебя, Кичкене, сказалъ онъ испуганной красавицѣ: горячо люблю! Ты видишь, на что я рѣшился, для того только, чтобы поглядѣть на тебя, сблизится съ тобою: можешь угадать, на что рѣшусь, если ты скажешь — Искендеръ-бекъ, я тебя не люблю!..... *Да* или *нѣтъ*, милая?

Глаза его пылали, жгли; правая рука сжимала пистолетъ. Бѣдная дѣвушка трепетала, робко озираясь. Казалось, она бы рада была, если бъ кто ее выручилъ; казалось, она проклялa бы того, кто помѣшалъ бы ей слушать эти страшныя и вмѣстѣ ча-

рующія слова. Искендеръ! наконецъ произнесла она, послышавъ рѣзкій взводъ курка: я твоя жертва; только не сгуби себя, не обезчести меня...... Позволь мнѣ уйти!...... Я бы рада обнять тебя, какъ поясъ сабли...... но ты знаешь какой человѣкъ мой дядя! Звонкій поцѣлуй раздался, и звукъ этотъ тихо сошелъ на *нѣтъ* не прерываясь. Краткій мигъ данъ любви на Востокѣ, но она какъ сновидѣніе умѣетъ умѣщать въ него тысячи оттѣнковъ, тысячи происшествій, всю долговременную борьбу европейской страсти. О, не говори мнѣ про утреннюю зорю, *азизымъ*! Какъ можешь ты любить свою завистницу?...... Такъ ты соглашаешься, не правда ли? Ты соглашаешься, безцѣнная *кымать зисъ*! Мы увидимся завтра ночью? Никто не слыхалъ, что сказала Кичкене, но на лицѣ Искендера отразилось — завтра. Мнимыя подруги разстались.

Не знаю, какъ провела ночь послѣ такой поучительной встрѣчи милая Кичкене, но Искендеръ-бекъ заснулъ сладко и скоро: есть грѣхи, послѣ которыхъ спится лучше, нежели послѣ добраго дѣла. Если бъ вы увидали тогда его прелестное лице, покоящееся подъ улыбкой нѣги, вы бы сказали, что сами видите гирлянду мечтаній, обвивающую беззаботное чело юноши.

IX.

М. Т.

ЭПИГРАФЪ ИЗЪ АЛЪКОРАНА *.

На послѣ-завтра отъ окончанія празднества тризны по Гуссейнѣ, въ крѣпости Нарынъ-Калѣ у комендантскаго дома былъ большой съѣздъ бековъ, по случаю какого-то царскаго дня. Нукеры и уздени ** въ блестящемъ вооруженіи водили и держали

* На нѣкоторыхъ главахъ Корана, вмѣсто обычнаго заголовка, *бисмеле*, Магометъ ставитъ какія-нибудь двѣ буквы арабской азбуки. Смыслъ ихъ, говорилъ онъ, извѣстенъ одному Аллаху, со словъ котораго Джебраилъ писалъ эту книгу.

** Уздень, üzden, слово татарское, изъ двухъ üz и den, *самъ* и *отъ*, то есть, отъ себя (зависящій), *самъ собою* (живущій). Оно извѣстно только въ Лезгистанѣ, и напрасно присвоено русскимъ Черкесамъ. Это родъ нашихъ инородцевъ. Они обязаны ханамъ только службой во время войны да разъѣздами въ гонцы: другой подати не платятъ. Живутъ иногда особыми селеніями; чаще разсѣяны между рабами хановъ, *кулами;* происходятъ первоначально отъ воиновъ — покорителей туземцевъ; умножены вольно-отпущенными. Чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ они воинственнѣе, независимѣе и многочисленнѣе.

коней подъ попонами, расшитыми шелкомъ съ бахрамою изъ кистей. Живописныя купы табасаранскихъ, кара-кайтахскихъ и дербендскихъ владѣльцевъ разговаривали между собою у фонтана, или на площадкахъ лѣстницъ, безпрестанно пересѣкающихся, какъ на театральной декораціи. Обсаженная тополями, караульня вѣнчала эту картину своими бѣлыми аркадами и сверкающими иглами штыковъ.

Зала была полна почетныхъ гостей и гражданъ. У дверей, комендантскій переводчикъ что-то разсказывалъ съ жаромъ: его слушали и разспрашивали со вниманіемъ. Вездѣ шептались; старики пожимали плечами: видно было, что произошло недавно что-то необыкновенное.

— Да, продолжалъ *дильмачь:* разбойники разломали потихоньку простѣнокъ и влѣзли въ спальню Сулейманъ-бека; онъ проснулся тогда только, когда одинъ изъ нихъ сталъ снимать оружіе надъ его постелью. Разумѣется, онъ выхватилъ изъ подъ-подушки пистолетъ и выстрѣлилъ на угадъ, но видно далъ промахъ. Въ это время двое другихъ, которые успѣли въ сосѣдней комнатѣ связать жену его и въ сѣняхъ работника, подоспѣли на помощь двумъ возившимся около Сулеймана: темнота мѣшала видѣть другъ-друга, и потому онъ успѣлъ нанести нѣсколько ранъ наступавшимъ, прежде чѣмъ былъ самъ раненъ. Наконецъ многіе удары по головѣ кинжаломъ оглушили его: онъ упалъ замертво. Между-тѣмъ выстрѣлъ и крикъ растревожили сосѣдей, и покуда они зажгли фонари, сбѣжались и разломали ворота, разбойники разбили сундуки, очистили ихъ и ушли, убѣжали, такъ-что слѣду нѣтъ.

— И неужели ни одного не могли поймать или отыскать по примѣтамъ? спросилъ кто-то изъ пріѣзжихъ.

— Поймали вблизи одного ихъ товарища: онъ видно поставленъ былъ на караулѣ. У него около тѣла обвита была веревка, конечно, для того, чтобъ спустить молодцовъ черезъ городскую стѣну. За поясомъ нашли заряженный пистолетъ и кинжалъ.

Ну, да кинжалъ, правда, онъ имѣлъ право всегда носить по званію бека!

— Бекъ? Не можетъ быть, чтобы какой-нибудь бекъ захотѣлъ участвовать въ разбоѣ! вскричали многіе.

— А почему бы и не такъ, возразилъ мирза, насмѣшливо посматривая на нѣкоторыхъ. Есть беки, которые вздыхаютъ по ханскомъ правленіи. Молодежь любитъ погулять, не то чтобы изъ добычи, а для удальства.

— Да-съ, пойманный вчера съ поличнымъ былъ бекъ изъ лучшей фамиліи. Вы удивитесь, когда я скажу кто онъ! Онъ Искендеръ-бекъ-Кальфаси-оглы! Комендантъ разсматриваетъ теперь донесеніе калабека и дежурнаго по карауламъ, а Искендера вы сейчасъ увидите: его велѣно привести съ гауптвахты.

Всѣ, кому было это новостью, вскрикнули отъ удивленія и сожалѣнія. Какъ! тотъ юноша, котораго поведеніе признано было въ одинъ голосъ цѣлымъ городомъ за примѣрное, попался участникомъ въ уголовномъ преступленіи, въ воровствѣ и ночномъ разбоѣ!......

Впрочемъ, нашлись люди добрые, которые говорили, что имъ это ни сколько не удивительно; что Искендеръ-бекъ былъ всегда скрытенъ, что пороки не ждутъ возраста, что они входятъ несѣянные, не лелеянные. Людей обыкновенныхъ всегда увлекаетъ наружность, особенно въ худомъ, потому что для нихъ лестнѣе предполагать въ каждомъ, наравнѣ съ собой, три четверти худаго, чѣмъ три четверти хорошаго, — а наружность обвиняла Искендеръ-бека кругомъ. Выходъ коменданта прервалъ жужжанье суда и осужденія.

Онъ былъ изъ того небольшаго числа людей, которые постигаютъ азіятскій характеръ въ тонкости. Ласковъ съ разборомъ, для того чтобъ привѣтъ его цѣнился выше подарка; строгъ безъ грубости, которая отравляетъ самую справедливость. Онъ не

подражалъ тѣмъ начальникамъ, что воображаютъ плѣнить Азіятцевъ братаньемъ, пожатіемъ рукъ, объятіями на оба плеча, довѣріемъ въ оба уха, и кончаютъ тѣмъ, что становятся игрушкой и притчей всѣхъ себѣ подвластныхъ. Не принадлежалъ онъ и къ разряду тѣхъ, что думаютъ вселить къ себѣ почтеніе острасткой и замѣнить прозорливость шумомъ: за то, кроткій и важный въ своихъ сношеніяхъ съ мусульманами въ домашнемъ быту, онъ былъ непреклоненъ въ рѣшеніяхъ; но, достойный представитель русскаго правительства, онъ пріучалъ любить его за справедливость и уважать за силу. Невообразимо трудно править областью, составленною изъ многихъ разнородныхъ стихій, совершенно противуположныхъ сущностью и наружностью правамъ и понятіямъ европейскимъ. То, что у насъ считается преступленіемъ, у нихъ нерѣдко похвально; что у насъ терпимо, у нихъ раждаетъ кровавую месть и на равнинѣ — такъ, въ горахъ — совсѣмъ иначе. Притомъ же, по необходимости допущенное, тройственное судопроизводство, то есть, русское, ханское и третейское, по старииннымъ обычаямъ, *шаріатъ*, затрудняетъ равно слѣдствіе и рѣшенье. Тутъ мало быть законовѣдомъ и безпристрастнымъ: тутъ надо быть сердцевѣдомъ этого народа. Горцы вообще прямодушнѣе, зато непокорнѣе; горожане—плашмя передъ властью, зато вы не найдете въ свѣтѣ людей, умѣющихъ лучше ее обѣжать или провести. Лукавцы и кляузники, они съ удивительною смѣтливостью угадываютъ и разработываютъ въ свою пользу слабости тѣхъ, кто ими правитъ. Не находя въ этомъ комендантѣ пищи для своихъ козней, и того менѣе имъ пощады, они сначала крѣпко не взлюбили его, поперечили ему, клеветали на него потихоньку. Тотъ все шелъ, и наконецъ увлекъ ихъ прямой дорогой. Онъ явился въ залу въ полномъ мундирѣ.

Положивъ правую руку на сердце, и потомъ при поклонѣ сжимая ею свое правое колѣно, ряды бековъ и гражданъ жужжали привѣты начальнику,

желанья счастія всему дому Падишаха. Комендантъ кланялся всѣмъ, говорилъ немногимъ о дѣлахъ: инаго журилъ за невысылку подводъ или обвиненныхъ, другихъ благодарилъ за успѣшное порученіе; подалъ руку двумъ или тремъ владѣльцамъ, отличнымъ своею преданностью Россіи; пригласилъ нѣкоторыхъ къ обѣду.

— Благодарю васъ, *агаляръ*, наконецъ сказалъ онъ собранію, что вы навѣстили меня въ праздникъ, радостный для всѣхъ подданныхъ русскаго Императора: сегодня мы празнуемъ память рожденія одного изъ царскихъ сыновей. У насъ — одинъ Богъ, одинъ Падишахъ, и мы каждый по-своему помолимся Богу, чтобы онъ сохранилъ здоровье нашего Падишаха для общаго нашего счастія. Господа окружные беки! вы слышали, я думаю, о грабежѣ, случившемся здѣсь прошлою ночью. Я имѣю всѣ доказательства, что онъ совершенъ не жителями Дербенда, а прихожими горцами. Прошу васъ по этому употребить всѣ средства, открыть и представить ко мнѣ виновныхъ; съ моей стороны будутъ посланы довѣренные беки развѣдать объ участникахъ и укрывателяхъ. Здѣсь уже дѣлаются обыски и допросы. — Ну, что, сказалъ онъ обращаясь къ мирзѣ: увѣщевалъ ли мулла Искендера признаться, и что говоритъ онъ самъ?

— Мирза отвѣчалъ, что Искендеръ стоитъ въ своей невинности по грабежу. Что жъ касается до прочаго, онъ признаетъ себя неправымъ, хотя безъ всякихъ преступныхъ намѣреній. Веревку взялъ онъ, по его словамъ, чтобы спуститься съ городской стѣны въ поле погулять; ему стало душно внутри города, а кто жъ пойдетъ за городъ безъ оружія ночью, когда и днемъ всякій вооружается?

— Неумѣстныя прогулки! замѣтилъ комендантъ. Тутъ что-то кроется, хотя я никакъ не могу согласить съ этимъ грабежемъ всегдашняго добраго поведенія Искендеръ-бека. Введите его сюда.

Искендеръ-бекъ, по общему обычаю, вошелъ въ шапкѣ, но безъ туфлей, почтительно поклонился

коменданту, гордо собранію, и скромно сталъ на указанное мѣсто.

Комендантъ вперилъ проницательныя очи въ обвиненнаго; юноша покраснѣлъ отъ мысли, что его подозрѣваютъ, но взглядъ его былъ ясенъ и не робокъ.

— Никогда не ожидалъ я, произнесъ наконецъ комендантъ, видѣть тебя передъ собой, Искендеръ-бекъ, какъ преступника!

— Не преступленіе, а судьба привела меня передъ судъ, отвѣчалъ тронутый Искендеръ.

— Знаешь ли важность вины, въ которой обвиненъ ты?

— Я узналъ только здѣсь, въ чемъ меня обвиняютъ. Сознаюсь въ своей вѣтрености; чувствую — все обвиняетъ меня: но я не причастенъ къ этому дѣлу, видитъ Богъ!

— Люди должны уступать явнымъ доказательствамъ, и потому, покуда сомнѣнія на тебя не разсѣются, ты долженъ быть арестованъ. Впрочемъ, если найдешь изъ почетныхъ гостей моихъ законнаго поручителя, я избавлю тебя отъ заключенія.

Комендантъ зналъ, что въ бѣду падаютъ, какъ въ пропасть, вдругъ, но въ преступленіе сходятъ по ступенямъ, и не хотѣлъ ожесточить суровостью неволи, можетъ-быть, невиннаго молодаго человѣка, тѣмъ менѣе, что онъ имѣлъ всѣ средства надзора за его сношеніями. Искендеръ-бекъ окинулъ глазами собраніе, какъ бы спрашивая взоромъ, кто за меня будетъ порукой? Но бѣда, какъ зараза, удаляла отъ него всѣхъ. Всѣ потупляли очи, поглаживали бороду и молчали.

— Что жь! никто? сказалъ комендантъ.

— *Сизинъ ахтіарынъ!* отвѣчали всѣ кланяясь: ваша воля!

— Я ручаюсь! произнесъ Гаджи-Юсуфъ, протолкавшись изъ за долгобородыхъ впередъ.

Комендантъ улыбнулся: разумѣется, гости чуть чуть не засмѣялись. Онъ нахмурился: и у всѣхъ вытянулись лица до пояса.

— Для меня странно, господа почетные граждане

Дербенда, что вы, безпокоя меня просьбами выпускать на поруки вашихъ отъявленныхъ мошенниковъ, и неразъ ручаясь за такихъ людей, которые, презрѣвъ порукой, бѣжали въ горы, не хотите успокоить молодаго бека, котораго недѣлю назадъ признали за самаго достойнаго; котораго я, по вашимъ же свидѣтельствамъ, представилъ къ наградѣ, въ числѣ пропущенныхъ, отличившихся во время осады города Кази-Муллою. Отъ суда нескроется его преступленіе, если онъ виновенъ, и оно пріиметъ полную мѣру наказанія; но покуда онъ не судимъ, не осужденъ, онъ вашъ товарищъ, и его примѣрная прежняя жизнь стоитъ какого-нибудь вниманія. Впрочемъ, порука дѣло добровольное. Искендеръ-бекъ, отправляйся домой: я самъ за тебя порукой.

Комендантъ раскланялся, чтобъ ѣхать на церковный парадъ.

Слезы, сладкія слезы благодарности брызнули изъ очей растроганнаго юноши. Никогда не ожидалъ онъ отъ Русскаго, отъ начальника, такого великодушія, и тѣмъ сильнѣе оно на него подѣйствовало. Онъ готовъ былъ пасть на колѣна передъ комендантомъ, поцѣловать его руку какъ у отца, раскачать тайну любви своей, которую изъ него не исторгла бы пытка, тайну, которая и теперь вела его въ вѣчную ссылку, съ тяжкимъ именемъ преступника.

Между-тѣмъ татарская знать отхлынула изъ залы коменданта. Самые заклятые честолюбцы, не успѣвъ своими частыми поклонами выработать у начальника пары словъ, оставались назади и, пережидая другъ-друга, чтобъ выйти послѣдними, готовы были выдержать по нѣскольку пинковъ отъ мирзы, только бы успѣть остаться минутку за дверями, — потомъ важно надѣть у порога туфли и, съ значительно-гордымъ видомъ, разсталкивая завистливую толпу, за тайну молвить кой-кому: — ну ужъ замучилъ меня комендантъ разспросами да порученіями! Есть свои, есть и общіе коньки у всѣхъ народовъ, а Таταро-Персіяне, какъ извѣстно, народъ конный попревосходству.

Жаркое утро золотило каменный помостъ большой дербендской мечети, но свѣжая тѣнь келій съ востока, зыбкій шатеръ огромныхъ чинаровъ посреди, и прохладная галлерея, висящая на воздухѣ у сѣверной стѣны, давали пріютъ цѣлому народу премиленькихъ татарчатъ, распѣвающихъ передъ муллами свои уроки *. Подобно жужжанію пчелинаго роя струились въ воздухѣ голоса ихъ и, казалось, перекликались съ привѣтнымъ шумомъ фонтана, плещущаго, сверкающаго въ глубокомъ водоемѣ. Около него рѣзвилось нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, черпая воду звонкими кувшинами. У открытыхъ дверей мечети сидѣли старики, грѣя солнцемъ и разсказами о быволомъ свои холодѣющія сердца. Два-три всегдашнихъ или случайныхъ нищихъ тѣснились подъ сводомъ воротъ. Въ углу, на брошенной буркѣ, отдыхалъ какой-то путникъ: вся жизнь, всѣ случайности мусульманской жизни, видѣлись тутъ въ лицахъ. Надежды и воспоминанія, заботы гражданства и краткій отдыхъ боеваго пути, сошлись по обычаю подъ мирную сѣнь святыни, простертую равно для богача и бездомнаго, для довольнаго и несчастливца.

Невдалекѣ отъ путника розостлалъ свой коврикъ мулла-Садекъ. Святой мужъ готовился назавтра выѣхать изъ Дербенда, и потому сводилъ свои счеты, выкладывалъ барыши и, мурлыча про себя похвалы собственному умѣнью обточивать свои дѣла, съ счастливымъ лицемъ макалъ тонкіе *лаваши* ** въ чашку кислаго молока съ чеснокомъ (лакомство Татаръ); то макалъ тростинку въ мѣдную чернилицу, заткнутую у него за поясомъ въ видѣ кинжала, и что-то записывалъ на листкѣ лощеной бумаги, напередъ заботливо отгоняя мухъ, чтобы онѣ нескромною лишнею

* Замѣчательно, что у Татаръ читать и пѣть выражается однимъ и тѣмъ же глаголомъ *охумахъ*.

** *Лаваши*, въ листъ бумаги сухіе блины. Ихъ подаютъ при обѣдахъ вмѣсто закуски и сальфетокъ.

точкой не переиначали смысла рукописи *. Умилительно было глядѣть на него, какъ онъ жевалъ съ душевнымъ наслажденіемъ свой завтракъ и, потомъ, еще съ большимъ восторгомъ считалъ на ладони карманныя деньги. Онъ такъ былъ погруженъ въ созерцаніе серебряныхъ созвѣздій, съ такимъ вниманіемъ разбиралъ стертыя подписи на русскихъ четвертакахъ и персидскихъ двуабазникахъ, что вы бы могли его почесть придворнымъ астрологомъ шаха или однимъ изъ членовъ Академіи-Надписей. Онъ не слыхалъ и не видалъ, что передъ нимъ минутъ пять стоитъ и канючитъ бѣдный Лезгинъ, у котораго давно уже дербендская грязь служила вмѣсто подошевъ, а дагистанское небо вмѣсто бурки; у котораго сквозь лохмотья видно было все тѣло, а сквозь тѣло, навѣрно, можно бы увидать желудокъ, если бъ нашелся человѣкъ, чтобъ его въ этомъ подозрѣвать. Бѣднякъ такъ-жалобно просилъ милостыни, *биръ Аллахъ учюнъ*, ради единаго для всѣхъ Бога; такъ-жадно глядѣлъ на завтракъ муллы-Садека, что не грѣхъ было побожиться — онъ не ѣлъ ни крошки хлѣба съ послѣдняго новолунія. Грѣхъ было не тронуться его положеніемъ, но черствое сердце сребролюбца не расмягчитъ сострадание, и совѣсть напрасно изломаетъ надъ нимъ зубы. Мулла-Садекъ поднялъ глаза на нищаго, надвинулъ на брови папахъ и принялся считать *эхадъ, ашуратъ, міатъ, альфатъ*, единицы, десятки, сотни, тысячи....

— Я три дня не ѣлъ, мой ага, мой эфенди, мой *пиръ* **. говорилъ несчастный, протягивая руку.

— *Эхадъ, ашуратъ, міатъ*, повторялъ мулла-Садекъ.

— Одинъ грошъ спасетъ меня отъ голодной смер-

---

* Извѣстно, что татарское письмо опущаетъ гласные, а точки служатъ титлами для различенія подобныхъ буквъ, связи и движенія рѣчи.

** Пиръ, человѣкъ угодный Богу дѣлами или страданіями. У суннитовъ.

ти хоть на день, а тебѣ отворитъ ворота райскія на вѣкъ.

— *Ашуратъ, міятъ, альфатъ*, твердилъ Садекъ.

— Ты мулла: вспомни, чему учитъ всѣхъ изъ *Курван-и-алишанъ*, изъ высокостепеннаго Корана: не первый ли долгъ мусульманина — милостыня.

Мулла-Садекъ потерялъ счетъ и терпѣніе.

— Убирайся ты къ чорту, суннитскій недовѣрокъ! вскричалъ онъ съ сердцемъ. Развѣ для такихъ, какъ вы, мошенниковъ выдумалъ Аллахъ милостыню? Для васъ есть трава въ полѣ и палки въ городѣ: вотъ все! Есть сила, такъ вы разбойничаете; нѣтъ силы, выманиваете у правовѣрныхъ *шаги* родныя денежки, да послѣ надъ ними смѣетесь. Нѣтъ тебѣ отъ меня ни куска чурека, ни гроша; самъ я дорожный человѣкъ, да и послѣднее отнялъ у меня проклятый землякъ вашъ, Мулла-Нуръ, когда я ѣхалъ сюда: облупилъ, словно каштанъ, разбойникъ.

Путникъ, безмолвно до-сихъ-поръ лежавшій въ углу, приподнялся на руку, разгладилъ свое угрюмое лице и учтиво спросилъ раздраженнаго разсказомъ муллу:

— Не ужели Мулла-Нуръ былъ такъ безжалостливъ и безсовѣстенъ, что пустилъ такого почтеннаго, святаго человѣка, какъ онъ, нищимъ? Я слыхалъ, прибавилъ онъ, будто Мулла-Нуръ грабитъ очень учтиво, очень полюбовно, и рѣдко беретъ съ головы болѣе двухъ рублей серебромъ.

— Двухъ рублей? *Аллахъ я Аллахъ!* это такой жидъ, что не задумается вынуть у васъ послѣдніе два глаза! Да ниввергнетъ его имамъ Али въ *джегеннемъ*, и сваритъ въ томъ аолотѣ, которое у меня онъ отнялъ! Даже на мой верблюжій плащъ позарился, волчья душа!

— *Суннетъ герчекъ!* обрѣзанная правда! сказали человѣкъ пять Дербендцевъ. Мулла-Садекъ пріѣхалъ къ намъ, будто изъ Ноева-потопа выплылъ: мы складывались, чтобы одѣть, снарядить, вознаградить его. Да будетъ проклятъ этотъ разбойникъ Мулла-Нуръ!

Путникъ всталъ на ноги, улыбаясь: слышно было какъ брякали его стальныя поручи о кольчугу; онъ досталъ изъ кармана червонецъ, и показывая бѣдному Лезгину, сказалъ: прокляни Мулла-Нура, и онъ твой!

Лезгинъ быстро протянулъ-было аа нимъ руку, но потомъ остановился въ раздумьѣ.

— Мулла-Нуръ помогъ деньгами въ нуждѣ моему брату, и многихъ земляковъ моихъ выручалъ изъ бѣды. Я не знаю его въ лице, но по сердцу знаю: возьми назадъ свое золото — я не продаю проклятій.

Странникъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на изнемогающаго отъ голоду бѣдняка, съ укоромъ на богатаго муллу. Богачъ бросилъ проклятіе, вмѣсто милостыни, въ суму нищаго. Нищій не хотѣлъ проклясть за глаза незнакомаго разбойника за спасеніе жизни. Странникъ всунулъ пять червонцевъ въ руку удивленнаго Лезгина, ударилъ по плечу муллу-Садека, сказалъ обоимъ: — Есть Богъ правды въ небѣ, есть добрые люди на землѣ! и скрылся.

У воротъ мечети былъ привязанъ конь его; онъ сѣлъ на коня, и тихо сталъ спускаться по искривленной улицѣ къ базару. Миновавъ шумный базаръ, онъ въѣхалъ въ переулокъ, на которомъ стоитъ домъ кала-бека, то есть, полицмейстера дербендскаго. Тамъ, подъ широкимъ навѣсомъ воротъ, сидѣлъ обыкновенно кала-бекъ, окруженный просителями и чаушами, творя судъ и расправу. Онъ былъ уже старикъ, но славно чернилъ свою бороду, носилъ чуху, испещренную бафтами (галуномъ), и въ знакъ памяти по удалой молодости держалъ четырехъ женъ да-трехъ наложницъ; опорожнялъ каждый вечеръ *à huis clos*, за запертыми дверями, по нѣскольку бутылокъ шипучаго и, если бъ не носилъ огромныхъ зеленыхъ очковъ на носу, морщинъ на лбу и дебелаго пуза въ кушакѣ, вы бы могли его почесть молодымъ человѣкомъ. Въ этотъ день кала-бекъ былъ не-въ-духѣ. Небогатые жители жаловались ему, что, платя наравнѣ съ бога-

тыми за орошеніе полей съ мареною, они имѣютъ менѣе ихъ воды на полосу. Упрямцы эти никакъ не могли вдолбить себѣ въ голову, что, по законамъ азіятской гидростатики, неотмѣнно разливается вдвое больше воды на полосу того, у кого вдвое болѣе земли. Ужъ онъ, уставши кричать, сбирался-было писать выкладку этой задачи на пятахъ непонятливыхъ слушателей, когда таинственный путникъ соскочилъ передъ нимъ съ лошади. — *Селямъ алейкюмъ,* Мугаррамъ-бекъ! произнесъ онъ. Мугаррамъ-бекъ вздрогнулъ, будто скорпіонъ кольнулъ его ниже кушака. Восклицаніе замерло на губахъ; пальцы и ротъ разинулись отъ удивленія. Положивъ руку на пистолетъ, путникъ наклонился надъ ухомъ кала-бека: — Послушай, Мугаррамъ, не тронь стараго знакомца. Я пріѣхалъ сюда не для своей, а для твоей пользы. Я сослужу тебѣ славную службу: пойдемъ только въ твои покои. Тамъ я скажу тебѣ такую тайну, за которую ты мнѣ, а весь Дербендъ тебѣ вѣчное спасибо! Впрочемъ — если ты заикнешься, или мигнешь своимъ, чтобы схватить меня, такъ знай, что въ этомъ пистолетѣ пуля да шесть картечей, и — сейчасъ съ базара кремень. А когда твой желудокъ переваритъ все это, двѣнадцать молодцовъ отомстятъ за мою гибель Ты знаешь, что я не люблю хвастать. Пойдемъ!

И весело, какъ будто онъ предложилъ кала-беку удалую гулянку, пошелъ незнакомецъ по лѣстницѣ. За нимъ крехтя, можно сказать скрыпя, потащился испуганный кала-бекъ. Что и о чемъ они толковали битые полчаса, не могъ я дознаться даже отъ болтливаго чауша, имѣвшаго похвальную привычку подслушивать у дверей. Знаю только, что незнакомецъ преспокойно сѣлъ на коня, котораго съ почтеніемъ подвели ему. Бросилъ полтинникъ нукеру, поддержавшему ему стремя и, озираясь на всѣ стороны, выѣхалъ изъ городскихъ воротъ. Дня черезъ два разсказывали, будто это былъ знаменитый Мулла-Нуръ; будто кала-бекъ послалъ догонять его

дюжину нукеровъ, но что онъ показалъ имъ только подковы своего скакуна. Кажется, это сказка.

А между-тѣмъ бѣдный юноша изнывалъ въ стѣнахъ своего дома. Злобный случай привелъ его вблизь того мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, и онъ, вмѣсто сладостнаго поцѣлуя свиданія на уста, получилъ тяжкій ударъ обвиненія, въ самое сердце; но онъ лучше хотѣлъ отдать поруганію собственную честь, нежели запятнать доброе имя невинной дѣвушки. Разлука томила его, но неизвѣстность терзала еще болѣе; медленность суда — адъ для всѣхъ жителей Азіи: они охотнѣе перенесутъ неправую казнь, чѣмъ справедливую проволочку. И не думайте, что это привычка: нѣтъ, это природа Востока. Мгновенное рѣшеніе паши, кадія или *джемаата, меслаата**, *шеріата*, каково бы оно ни было, чего бы ни стоило, для жителя Востока всегда милѣе подробнаго, безпристрастнаго, милосердаго приговора европейскаго суда. Азіятецъ живетъ только въ настоящемъ, потому-что *сегодня* его такъ прекрасно, а *завтра* такъ невѣрно. Завтра дунетъ вѣтеръ съ юга, и навѣетъ гнилую горячку, холеру. Завтра онъ купитъ себѣ чуму въ тюкѣ хлопчатой бумаги. Завтра онъ поѣдетъ въ путь и оборвется съ утеса, будетъ измолотъ буйною рѣкой, растерзанъ тигромъ, кроющимся въ камышахъ, застрѣленъ изъ-за куста разбойникомъ или кровоместникомъ. Перемѣните природу Востока, дайте его жизни европейскія условія, перелейте въ нашу форму нравы его обществъ, и тогда требуйте отъ Восточныхъ терпѣливости въ ожиданіи неумытнаго суда, твердости въ неволѣ; но покуда надъ нимъ дышетъ тлѣтворный, хотя прелестный климатъ, покуда онъ окруженъ опасностями на каждомъ часу и каждомъ шагу, онъ не перестанетъ быть фаталистомъ и цѣнить настоящій мигъ выше всего въ обѣихъ жизняхъ. — О! воскликалъ нетерпѣливый Искендеръ:

---

* Собраніе старшинъ у Кавказскихъ народовъ, совѣтъ, судъ по Корану или по преданію.

скорѣй бы смерть или вѣчныя оковы на снѣгахъ Сибири, чѣмъ это ядовитое подозрѣніе Русскихъ, которые научили себя любить, и насмѣшки земляковъ моихъ, которыхъ ненавижу болѣе чѣмъ прежде. Лучше умереть отъ сабли, чѣмъ умирать отъ пилы! И онъ, запертый замкомъ честнаго слова, прыгалъ какъ тигръ въ своей клѣткѣ, рвалъ съ досады рукава платья, плакалъ какъ дитя.

Въ-сумерки, въ тотъ часъ, когда мусульманскія улицы пустѣютъ, а дома оживляются голосомъ и свѣтомъ; когда отовсюду несется звукъ чашъ и подносовъ, повсюду разливается благоуханіе плова, упитаннаго пряностями; въ-сумерки, когда семейный мусульманинъ отдыхаетъ душой, а одинокій горюетъ вдвое у пустыннаго своего огонька, — Искендеръ-бекъ послышалъ, что въ окно что-то прожужжало и упало на полъ. То была привязанная къ камню записка. «Мулла-Нуръ Искендеръ-беку привѣтъ! Лучше быть невинному въ неволѣ, чѣмъ виноватому на свободѣ: вѣрь этому! Я все знаю, и все дѣлаю для выручки тебя изъ бѣды: Аллахъ да устроитъ остальное! Терпи, надѣйся: оправданіе не далеко!«

И въ самомъ-дѣлѣ, на другой день, Искендера потребовали къ коменданту, но онъ не успѣлъ еще дойти до него, и его ужъ двадцать голосовъ поздравили съ счастливою развязкой. — *Шюкюрь Аллахъ! Аллаіа шюкюрь!* раздавалось на встрѣчу и по слѣдамъ его. Разбойники пойманы; они собрались къ Бахтіару дѣлить добычу, и были захвачены всѣ вдругъ: четверо изъ нихъ Лезгины, двое горожанъ, въ томъ числѣ самъ хозяинъ. У этого бездѣльника нашли двойную стѣну, за которою заложенныя воровскія вещи нѣсколько разъ избѣгали обысковъ. Теперь воровское гнѣздо разорено, и честные люди могутъ спать спокойно. Допросы оправдали Искендеръ-бека такъ, что имя его стало бѣлѣе и слаще сахару!

Неблагодарность не была порокомъ Искендеръ-бека: онъ такъ-мало занялъ у своихъ земляковъ!

Тронутый, пристыженный великодушіемъ начальника, онъ открылъ глаза на достоинства Русскихъ, и убѣжденія, долго отреваемыя, толпой втѣснились въ его сердце. Великое дѣло вѣра! Она воскрешаетъ всѣ воспоминанія, убитыя равнодушіемъ, и облекаетъ ихъ въ юношескую красоту, въ силу непобѣдимую. Вѣря, мы разсыпаемъ доблести одного человѣка на цѣлый народъ, или, смотря на него сквозь призму любимой нами доблести, видимъ всѣ его поступки добродѣтелями. Одна идея тогда закрашиваетъ, поглощаетъ всѣ другія и, сердцемъ переплавленная въ чувство, загарается нерѣдко сокрушительною страстью. Будь это фанатизмъ, будь это пріязнь, будь это любовь, — это всегда будетъ достойно уваженія, потому-что оно искренно, потому-что истокъ его чистъ. Искендеръ-бекъ такъ же пылко привязался къ Русскимъ, какъ прежде не любилъ ихъ отъ глубины сердца. Онъ разсказалъ все коменданту, и похожденія своей любви, и превращенія своей ненависти; онъ просилъ одной только возможности доказать, службой свою привязанность. Его пожурили за нарушеніе обычаевъ; его похвалили за доброе намѣреніе. Комендантъ заключилъ словами: — Искендеръ-бекъ, ты самъ испыталъ до-чего могла довести тебя непозволенная склонность! Ни Богъ, ни люди, не прощаютъ преступленія своихъ завѣтовъ: ты обвиненъ былъ напрасно въ одномъ дѣлѣ, но спроси у своей совѣсти — былъ ли ты правъ въ другомъ? Развѣ одна лишь кража вещей позорна?... Смирись же передъ судьбой своей и знай, что неправдой не загладишь неправды, не купишь счастья; знай и то, что добрый человѣкъ ничего не дѣлаетъ втайнѣ: ночь и тайна — одежда разбойниковъ и обманьщиковъ. Будущее твое счастье въ твоемъ сердцѣ, твоемъ усердіи. Русскіе умѣютъ отличать и награждать достойныхъ.

Искендеръ-бекъ избавился отъ неминучей бѣды, но избавленіе есть отрицательное благо; оно радуетъ на мигъ и притомъ не приливаетъ капли счастія въ

кубокъ жизни. Тяжко было юношѣ разстаться съ мечтой — сестрой его сердцу, съ мыслію обладанія, которую онъ привыкъ звать кровнымъ правомъ своимъ. Поцѣлуй, полу-данный, полу-сорванный съ устъ Кичкени, какъ роскошное эхо, тысячу разъ повторялся въ его сердцѣ, пожигалъ жаждой его уста. Онъ припоминалъ всѣ подробности послѣдней счастливой встрѣчи съ милою: душа замирала въ немъ отъ ея голоса, слышимаго эѳирнымъ ухомъ воображенія. Онъ съ сладкимъ трепетомъ смыкалъ очи отъ незримыхъ искръ, брошенныхъ неотступнымъ видѣніемъ; простиралъ руки, чтобы обвить ихъ около стройнаго стана красавицы, такъ-сладострастно перехваченнаго извивомъ парчеваго архалуха. Онъ кидался какъ безумный съ ковра, желая зубами сорвать золотую пуговку*, замыкающую отъ дерзкаго взора цѣлый міръ очарованія, и приходилъ въ ярость, встрѣчая воздухъ, вмѣсто своей невѣсты. — Нѣтъ! восклицалъ онъ: вздоръ писалъ ко мнѣ Мулла-Нуръ; я готовъ преступленіемъ купить себѣ Кичкеню, и увѣренъ, что съ ней буду счастливъ на голой землѣ, подъ кровлей свѣта! Волей или неволей заставлю ее бѣжать со мной въ горы. Окунуть хоть на часъ свое сердце въ блаженство, — и потомъ я готовъ съѣсть его медленно.

И милая Кичкене грустила въ одиночествѣ: и она узнала счетъ въ часахъ разлуки, въ долгихъ, безрадостныхъ часахъ. — Роза прижалась къ груди моей и прошептала — взгляни на меня: я весна! Соловей пропѣлъ мнѣ свою завѣтную пѣсню: я назвала его радостью. Искендеръ-бекъ взглянулъ на меня и поцѣловалъ меня: я въ немъ узнала любовь! Но гдѣ жъ роза, гдѣ соловей, гдѣ Искендеръ мой? Куда улетѣло мое счастье?

---

* **Восточныя женщины — мусульманки вовсе не употребляютъ поясовъ: исключенія чрезвычайно рѣдки.**

X.

Биримись екимись олды; екимись биримись олды.

ШАРАДА ВЪ-ЛИЦАХЪ.

Буйно клубится Тенга, спертая въ узкомъ ущельи; но не тяжкая сила огромныхъ озеръ пробила насквозь огромный хребетъ, чтобы излиться ниже; не подъ бременемъ вѣковъ треснулъ онъ — нѣтъ, онъ раскололся до сердца ада въ раннюю пору мірозданія, когда растопленный гранитъ кипѣлъ еще подъ самою пятой его, и кора земли, остывая, расторгалась легко отъ взрыва паровъ. Бури многихъ столѣтій не смыли со стѣнъ Тенгинскаго ущелья чернаго клейма огня. Сѣрныя и селитряныя полосы и пятна видны повсюду, гдѣ текло его бурное дыханіе. Цѣлыя скалы, брошенныя землетрясеніями съ вершинъ, нахмуренныхъ надъ бездной, завалили низъ трещины и стали дномъ быстраго потока. По нимъ, какъ по ступенямъ, катится онъ, гнѣвный и шумный; злобно грызетъ волнами ложе свое; какъ бѣшеный звѣрь, мечется на стѣны, хлещетъ пѣнною гривой, реветъ громомъ и, наконецъ, разбивъ грудью свою темницу, весело скачетъ по Рустамской долинѣ, мелькаетъ между деревьями лѣса, исчезаетъ въ холмахъ, непойманный ни въ одно колесо мельницы. Угрюмы и дики окрестности тенгинской пасти; ужасенъ самый зѣвъ ея. Правый берегъ далеко на долину бросаетъ тѣнь своихъ отвѣсныхъ утесовъ; лѣвый, уклоняясь немного всто-

рону, вгоняетъ въ воду конную тропинку, бѣгущ
сквозь клиновидную рощицу. Далѣе вѣтъ ина
пути, кромѣ ложа водострема; волей и неволей п
никъ долженъ въѣзжать на встрѣчу быстринѣ
положа свое спасеніе на крѣпость ногъ коня, и
биваться выше и выше. Бока этой пропасти, над
гая свои громады надъ громадами до самыхъ об
ковъ, грозятъ раздавить его; ревъ потока оглушае
кличъ орловъ наводитъ зловѣщій страхъ на сер
вѣчный сумракъ и холодъ бросаютъ трепетъ на
ло. Бѣда неопытному всаднику, если онъ, безъ
водника, рѣшится на борьбу съ этимъ текущ
адомъ, въ часъ дождевой ростополи или въ
таянія снѣговъ! Бѣда, если судьба приведетъ
встрѣтить здѣсь разбойниковъ; а это мѣсто лю
разбойниками, потому-что бѣгство и защита въ
невозможны, потому-что крутые повороты и узк
проѣзда предаютъ въ нхъ руки каждаго проѣз
по-одиначкѣ. Здѣсь Мулла-Нуръ съ двѣнадц
человѣками, остановилъ три полка карабагски
ширванскихъ всадниковъ, возвращавшихся с
гатою добычей изъ похода генерала Панкра
во-свояси. При самомъ спускѣ въ рѣку онъ
сталъ имъ, вооруженный съ головы до ногъ,
жомъ бѣгунѣ; бросилъ на землю бурку и ск
привѣтствую васъ, товарищи; да будетъ в
вашъ порогъ, какъ высоко вздымалась ваша
надъ врагами. Аллахъ даровалъ вамъ побѣду
бычу: *мубарекъ олсунъ*, поздравляю съ этимъ
лайте жъ и меня участникомъ вашей радос
требую, но прошу: дайте мнѣ, изъ чести, о
броты своей, каждый что захочетъ. Поду
братья: вы несете дары своимъ домашнимъ,
перь богаты, — я бѣденъ и у меня нѣтъ кр
за минутный покой я долженъ платить зо
Впрочемъ, знайте, братья: люди у меня отн
неправдой, но правдивый Аллахъ оставил
храбрость, щедрый Аллахъ отдалъ мнѣ в
пропасти и голые утесы, презрѣнные вами.
стелинъ ихъ, и никто безъ моей воли не пе

черезъ мои заповѣдныя тѣснины. Васъ много, вы храбры, однако, если вздумаете пробиться силой, много потеряете крови, еще больше времени, прежде-чѣмъ я и удальцы мои ляжемъ трупами: за меня будетъ драться каждый камень, каждый орелъ этого ущелья, я самъ, до послѣдняго зерна пороху, до остальной капли крови. Рѣшайтесь: вамъ много терять — мнѣ нечего. Я называюсь Свѣтъ *(Нуръ)*, но жизнь моя хуже тмы.

Ропотъ пробѣжалъ по толпѣ карабагскихъ всадниковъ; многіе негодовали. — Мы стопчемъ Мулла-Нура подковами, говорили они: посмотрите сколько насъ и сколько ихъ. Впередъ, впередъ на разбойниковъ! — Но никто не хотѣлъ быть первымъ; отвага уступила мѣсто расчету. Согласились не на дань, а на даръ. — Мы добровольно удѣляемъ тебѣ, сколько кому вздумается, — говорили всадники и, морщась, бросали на бурку Мулла-Нура мелкія монетки. — Силой ты бы у насъ не взялъ гвоздя изъ конской подковы! — и по-одиночкѣ проѣзжали мимо. Мулла-Нуръ кланялся, лукаво улыбаясь. — Мудрено ли стричь дагестанскихъ барановъ, — говорилъ онъ послѣ, когда я снялъ волну съ карабагскихъ волковъ! И напрасно жалуются на неурожай въ этомъ году: мои камни даютъ хорошую жатву; надо умѣть только взяться за дѣло, такъ-не только съ каждаго вьюка, съ каждаго дула можно снять по абазу.

Но въ началѣ того лѣта, въ которое развилась наша повѣсть, нигдѣ ничего не было слышно про Мулла-Нура: онъ будто въ воду канулъ. Удалился ли онъ въ Шекинскую область, бѣжалъ ли въ Персію, убитъ ли кѣмъ въ глуши горъ, — не зналъ, не вѣдалъ ни кто. А между-тѣмъ *керваны* тянулись за керванами изъ Кубы въ Шамаху, по самой ближней дорогѣ черезъ Тенгинское ущелье, не встрѣчая обычнаго взимателя пошлины. Перекатъ людей и денегъ совершался свободно; никто не былъ остановленъ Мулла-Нуромъ. И хотя извѣстная честность и умѣренность его никогда не от

пугивали отъ горной дороги черезъ Кунакентъ купцовъ и путниковъ, однако-жъ всѣ были очень рады кончать путешествіе безплатно и безостановочно.

Выѣхавъ изъ Кубы съ разсвѣтомъ, достопочтенный мулла-Садекъ къ подудню достигъ уже того мѣста, гдѣ рѣка Тенга вырывается на волю изъ тисковъ ущелья. Скупой до высшей степени, онъ никакъ не рѣшился нанять проводника, чтобъ не разрознить своего любезнаго семейства, червонцевъ и рублевиковъ, нажитаго въ Дербендѣ. Увѣренный въ Кубѣ всѣми на счетъ безопасности дорогъ, онъ болѣе всего надѣялся на два сѣрые предъидущіе дня, которые не могли много растопить снѣговъ, и потому русло Тенги полагалъ проѣзднымъ. Но день его выѣзда изъ Кубы былъ ясенъ и жарокъ. Іюньское солнце пекло нестерпимо, такъ-что странствующій мулла нѣсколько разъ перебрасывалъ съ плеча на плечо разгорѣвшееся свое ружье: оно жгло набожную его спину. Онъ радъ былъ, добравшись въ тѣнь лѣска и утесовъ прибрежныхъ, но очень не радъ, увидя вздутую рѣку. Тенга кипѣла, бушевала, росла. Какъ ни велико было его желаніе поспѣть къ празднику Курбанъ-байрама (Жертвоприношенія) въ Шамаху, гдѣ надѣялся получить порядочную плату за свои проповѣди, потому-что свѣтъ новомѣсячья имѣетъ магическое свойство расплавлять сердца мусульманъ въ щедрость, — только, страхъ погибели заглушалъ въ муллѣ-Садекѣ зудъ корыстолюбія. Кровь охолодѣла въ немъ, когда онъ взглянулъ на громады, висящія надъ его головою, на влагу ревущую подъ ногами. — Чортъ возьми! подумалъ онъ: если бъ эта рѣка текла жидкимъ серебромъ по яхонтамъ, я бы и тогда не рѣшился кинутся въ нее безъ товарища. Ну, не настоящій ли я былъ оселъ, что не нанялъ въ Рустахъ проводниковъ? Пожалѣлъ червонца, когда мнѣ каждый часъ дороже двухъ! И онъ съ тоской обвелъ взорами окрестность: она была пуста и безмолвна. Одно эхо, осужденное на вѣчную каторгу пѣнія, вторило грозному шуму мятежныхъ водъ. Однако,

приглядываясь пристальнѣе, онъ замѣтилъ въ лѣсу пасущуюся лошадь подъ сѣдломъ, которому баранья шкура служила вмѣсто чабрака, и не много далѣе—средняго роста, добраго съ виду, Татарина, въ простой сѣрой чухѣ, безъ всякаго оружія кромѣ кинжала. Мука, обѣлявшая бороду, шапку и платье этого человѣка, доказывала его ремесло. Мулла-Садекъ ободрился.

— Эй, пріятель! закричалъ онъ незнакомцу: ты вѣрно здѣшній, вѣрно знаешь всѣ броды этой безумной рѣки?

— Здѣшній, отвѣчалъ тотъ, работая надъ черствымъ чурекомъ. Какъ мнѣ не знать всего житья-бытья Тенги, когда она течетъ сюда сквозь мое рѣшето, и съ моего позволенья! Эта рѣчка — моя рабыня: она у меня ходитъ въ колесѣ выше ущелія; толчетъ и мелетъ безъ отдыха.

— Кстати жь ты мнѣ попался, добрый человѣкъ! Да благословитъ тебя Аллахъ, если ты сослужишь мнѣ службу, проведешь сквозь это ущелье.

— Погоди до ночи, хладнокровно возразилъ мельникъ: вода стечетъ, конь мой насытится, я самъ отдохну отъ дальней дороги, и тогда въ четверть часа мы проѣдемъ по этой живой дорогѣ: теперь опасно.

— О, ради самаго Аллаха, ради святыхъ Алія и Гусейна, ради молитвы моей (я вѣдь мулла), проведи меня безъ-замедленія, теперь же, сейчасъ, въ этотъ же мигъ!

— А, да ты *шаги!* съ презрѣніемъ произнесъ мельникъ. На кой же чортъ мнѣ твои молитвы и благословенія! Развѣ для пророка въ *джаганнемъ?* Для нашего брата-сунни, призадумался бы я въ такое полноводье пускаться въ проводники, а для недовѣрка-*шаги* и въ засуху не поѣду.

— Полно, полно упрямиться, душа ты моя, черепъ ты мой, *меныма таджисарима!* Аллахъ прольетъ на тебя щедроты свои за то, что ты сдѣлаешь добро муллѣ.

— Будь ты муллой хоть надъ всѣми собаками,

моимъ муллой не будешь! Аллахъ утопитъ меня середи рѣки, если я проведу этотъ конный грѣхъ къ людямъ.

— Куда брюзгливая у тебя совѣсть, молодецъ ты мой! Проведи безопасно — я заплачу тебѣ.

Лицо мельника зашевелилось улыбкой.

— А что ты мнѣ дашь за мой потъ? спросилъ онъ, почесывая бородку.

— Если ты умудришься вспотѣть по такому холоду, я дамъ тебѣ два абаза.

— Не возьму двухъ рублей серебромъ. *Валлахъ, таллахъ*, менѣе червонца не поѣду! Твоими абазами не подкуешь коня, если онъ сорветъ подковы по этому дну. Да, правду сказать, и червонца вмѣсто головы не приставишь: а тутъ не мудрено сломать ее!

Пошли переторжки. Мулла-Садекъ, котораго корысть сдѣлала почти храбрецомъ, настаивалъ ѣхать. Мельникъ упрямился въ цѣнѣ, и поставилъ-таки на своемъ. Мулла-Садекъ согласился.

Вручивъ проводнику поводъ коня, мулла совершенно предался его волѣ, его опытности, и не даромъ. Проводникъ безпрестанно переѣзжалъ отъ одной стѣны къ другой, избѣгая глубины или водопадовъ: то направлялся въ самый бой быстрины, то, обогнувъ камень, возвращался почти на прежній слѣдъ. Каждый шагъ открывалъ и поглощалъ новые виды, но мулла-Садекъ былъ не изъ тѣхъ людей, что находятъ прелесть въ ужасѣ; онъ вздрагивалъ при каждомъ всплескѣ, летящемъ черезъ сѣдло; тѣнь утесовъ лилась на него холодомъ страха; страшную пѣсню напѣвали ему клубящіеся около валы. Когда конь скользилъ по гладкой, подобно зеркалу, плитѣ и, не смотря на отчаянныя усилія, съѣзжалъ въ глубь кипучую, онъ проклиналъ свою дерзость, свое корыстолюбіе, онъ молился громко, желая заглушить молитвой сознаніе грѣховъ. Впрочемъ, мятежница-совѣсть слышна бываетъ людямъ только въ неминучей бѣдѣ или въ тяжкой болѣзни; а чуть миновало, чуть отдало, — сейчасъ на замокъ

эту крикунью, долой голову пѣтуху, который насъ будитъ такъ-рано! Щипли его, жарь его, подноси на блюдѣ своему сластолюбію! Послѣ воздержанія — двойной апетитъ: смотришь отъ всѣхъ обѣщаній и намѣреній исправленія не осталось даже косточекъ. Мулла-Садекъ, въ тискахъ опасности, почувствовалъ необыкновенную нѣжность къ святой, безупречной жизни, и надававъ Алію девяносто-девять завѣтовъ не кривить душой для стяжанія золота и хорошенькихъ женъ, — сталъ прежнимъ скупцомъ и сластолюбцемъ, едва ущелье разступилось долиною. Золотой, веселый лучъ солнца посыпался на него какъ червонцы, которыхъ ждалъ онъ въ Шамахѣ. Зелень манила его, какъ покрывало красавицы, которую купитъ онъ на эти червонцы. Онъ вздохнулъ отрадно и оглянулся на пасть тѣснины, какъ на страшный, на зловѣщій, но вздорный сонъ; онъ уже гордо закричалъ проводнику своему: пошелъ скорѣе, *гарамъ-заде! Тэзъ гить, тэзъ!*

Но рано, слишкомъ-рано ободрился нашъ странствующій мулла. Широкая рѣка, поглощаясь вдругъ жерломъ ущелія, прядая внезапно черезъ зубчатый порогъ, кипѣла тутъ ужаснѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Отшибенныя волны внспадали на встрѣчу набѣгающимъ вновь и, споря, сливались въ шумный водобой. Проводникъ остановился въ самомъ снопѣ быстрины, гдѣ огромные лучи влаги распрыскивались другъ о друга, и оборотилъ коня своего.

— Ну, мулла-Садекъ, сказалъ онъ, протягивая руку: берегъ въ десяти шагахъ, пора къ расплатѣ. Ты видишь, что я не даромъ заслужилъ червонецъ!

— Червонецъ? Есть ли въ тебѣ душа, пріятель? Шутишь ты, что ли? Развѣ не знаешь, что въ червонцѣ три монеты *, то есть, пятнадцать абазовъ! Этакъ за каждый шагъ по полуабазнику придется Ихе! Что я тебѣ серебромъ мостъ развѣ мостить ста-

* Въ нашихъ Закавказскихъ областяхъ такъ зовутъ рубль серебра.

ну? Велика важность проѣхать сквозь эту лужу: тутъ курица безъ башмаковъ ноги не промочитъ, а рыба пѣшкомъ взойдетъ. Полно, братъ; съ тебя будетъ и двухъ абазовъ: возьми-тка ихъ, да съ Богомъ!

— А уговоръ? сердито сказалъ мельникъ.

— Вынужденный уговоръ, любезной мой, пустякъ; это и въ Коранѣ сказано. Гдѣ мнѣ, горемычному путнику, заплатить тебѣ такую пропасть денегъ! Меня ужъ и то обобрали здѣсь мошенники до кожи, такъ-что я, даромъ мулла, а бѣднѣе всякаго *фагера* сталъ *. Не хочешь брать? Твоя воля! Вотъ же тебѣ мое благословеніе вмѣсто платы. Что-жъ ты не ѣдешь?

— Я не тронусь съ мѣста, покуда не сведу съ тобой счета, грозно возразилъ проводникъ: а счетъ мой не за одинъ сегодняшній проѣздъ будетъ. У тебя нѣтъ совѣсти, мулла-Садекъ, но есть память. Ты расславилъ въ Дербендѣ, для того, чтобъ выманить у легковѣрныхъ горожанъ лишнюю дюжину червонцевъ, будто Мулла-Нуръ ограбилъ тебя, пустилъ почти нагаго: скажи теперь, безстыдный лжецъ, гдѣ и какъ это было?

— Никогда не говорилъ я этого! Пусть покараетъ меня Аллахъ, не говорилъ! Пусть не Азраилъ, а шайтанъ, пріиметъ мою душу; пусть я въ этой жизни не найду воды для омовенія, ни огня закурить трубку!

— Набивай грѣхъ на грѣхъ, вѣнчай обманъ ложью, топи въ проклятіяхъ черную душу свою! Помнишь ли дворъ мечети, Садекъ? помнишь ли, что ты сказалъ нищему, что разсказывалъ путнику, лежавшему на буркѣ? Развѣ не ты былъ тогда передо мной, развѣ не я видѣлъ тебя лицомъ къ лицу?

* *Фагеръ*, собственно значитъ бѣднякъ, нищій (*факиръ*), но нерѣдко присвоиваютъ это имя, по обѣщанію странствующимъ въ вертепахъ дервишамъ (родъ монаховъ). Фагеры эти — великіе обманщики и тунеядцы. За Кавказомъ они пришельцы и рѣдкіе гости.

Мулла-Садекъ расширилъ испуганныя очи; страшное сомнѣнье закралось въ его сердце. Черты лица мельника, омытыя водой, совершенно измѣнили свое выраженіе; густая, черная бородка, проглянувъ изъ подъ мучной пыли, орамила смуглое лице. Изъ подъ сдвинутыхъ бровей засверкали грозныя очи. Однакожъ, не видя нанемъ ни какого оружія, мулла-Садекъ почувствовалъ выгоды свои и схватился вдругъ за винтовку; но прежде-чѣмъ онъ успѣлъ оборотитъ ее, дуло пистолета уперлось въ его грудь.

— Шевельни усами, не только пальцемъ, красноголовая баба, и ты отправишься внизъ головой по рѣкѣ проповѣдывать рыбамъ, чтобы онѣ не пили водки! Брось ружье, сними долой саблю! Аллахъ не для Персіянъ выдумалъ желѣзо. Твое дѣло обмѣривать народъ въ лавкѣ, обманывать его на каѳедрѣ *, лгать вездѣ: только не твое дѣло битва, не твое добро отвага. Не шевелись, говорю я тебѣ, сынъ собаки; мнѣ не надо на тебя тратить даже пороху: стоитъ пустить поводъ твоего коня — и ты трупъ!

Блѣдный какъ воскъ, трепетный какъ платъ на вѣтрѣ, стоялъ мулла-Садекъ, схватившись обѣими руками за гриву коня, слѣдя обоими глазами малѣйшее движеніе пистолета, направленнаго ему въ сердце. Бѣдой прыскалъ и шумѣлъ подъ нимъ прибой; смерть зіяла изъ руки разбойника: онъ вовсе потерялся между двумя гибелями; онъ невнятно роптalъ: помилуй, я мулла!

— Я самъ мулла, возразилъ разбойникъ: болѣе чѣмъ мулла, хотя не муфти, не муштандъ **: я Мулла-Нуръ!

* Муллы не составляютъ исключительнаго класса и нерѣдко занимаются торговлею, ходятъ на бой, водятъ караваны.

** Муфти, духовный глава суннитскихъ муллъ. Муштандъ, правильнѣе *муджтегидъ*, то же самое для духовныхъ Аліева исповѣданія.

Со стономъ упалъ Садекъ на шею лошади, закрывъ одною рукой свою шею, — будто роковой кинжалъ замахнутъ уже былъ надъ его головой. Долго, злобно смѣялся Мулла-Нуръ испугу Садека, но наконецъ велѣлъ ему подняться и сказалъ:

— Ты обезчестилъ меня разсказомъ своимъ передъ Дербендцами; ты увѣрилъ всѣхъ, что я отнялъ у тебя послѣднюю копейку, послѣднюю рубашку, я, который отдаю нищему кровью купленный кусокъ хлѣба, я, который ни съ одного купца не взялъ болѣе червонца въ жизнь мою, и то не для себя, — для товарищей моихъ; а мои товарищи, если бъ не висѣла надъ ними моя рука, грабили и рѣзали бы встрѣчнаго и поперечнаго безсовѣстно безпощадно. Мало этого: ты хотѣлъ обмануть въ условной платѣ проводника за опасный трудъ, отъ того только, что считалъ его беззащитнымъ бѣднякомъ; готовъ былъ пулею заплатить ничтожный долгъ... убить меня!...

— Сжалься, помилуй! вопіялъ Садекъ.

— Пожалѣлъ ли ты нищаго, умирающаго съ голоду? пощадилъ ли бы ты меня, если бъ я не предупредилъ твоего выстрѣла? Бездушный корыстолюбецъ, злой грѣшникъ!... Толкователь святыни, ты чеканилъ деньги изъ каждой буквы Корана и, проповѣдникъ мира, ты для выгодъ своихъ смущалъ семейства, разлучалъ сердца. Я зналъ тебя, и далъ спокойно проѣхать мимо: ты не зналъ меня, и оклеветалъ. Въ первый разъ и добровольно ты сталъ предсказателемъ своей судьбы, собственнымъ судьею. Да будетъ! Завтра ты безъ обмана можешь разсказывать въ Шамахѣ, что я тебя ограбилъ. Вынимай всѣ деньги, которыя ты выподличалъ въ проѣздъ свой!

Тяжко было разставаться скупцу съ родною деньгой, но съ жизнію еще страшнѣе. Съ жалобнымъ стономъ, будто изъ него щипцами вырывали душу по кусочку, вынималъ онъ изъ переметныхъ сумъ серебро и бросалъ въ полу Мулла-Нура, сжимая крѣпко въ рукѣ каждый рубль, будто въ надеждѣ,

что серебряное масло останется на пальцахъ.—Все, наконецъ произнесъ онъ, вздыхая.

— Ты, я думаю, и въ могилѣ червей обманывать станешь, Садекъ! Если не хочешь узнать, сколько въ моемъ пистолетѣ картечей, то вѣрнѣе считай, сколько у тебя въ карманѣ червонцевъ. Ты отдалъ мнѣ сто двадцать рублей серебромъ, но у тебя есть еще золото и мелочь — и мнѣ извѣстно количество каждаго!

Прослезился мой Садекъ, бросивъ послѣднее въ кису Мулла-Нура, какъ плачемъ мы, бросая горсть земли въ могилу родимаго брата! А между-тѣмъ буйная рѣка кипѣла и ревѣла кругомъ, а между-тѣмъ пистолетъ разбойника все-еще грозилъ груди ограбленнаго муллы. Вытащивъ его на берегъ, Мулла-Нуръ сошелъ съ коня и велѣлъ ему сдѣлать тоже. У бѣдняги сердце такъ-сжалось, что его можно бы уложить въ грецкой орѣхъ.

— Еще дѣло не кончено, произнесъ Мулла-Нуръ: ты разбилъ свадьбу Искендеръ-бека, ты же долженъ уладить ее по-прежнему. Чернилица у тебя за поясомъ: пиши къ Миръ-Гаджи-Фетхали отказъ за своего брата. Скажи, что онъ не можетъ жениться на его племянницѣ, что онъ уѣхалъ въ Мекку, заболѣлъ со скуки, умеръ отъ бездѣлья. Выдумай что хочешь, только бы Искендеръ-бекъ непремѣнно сталъ мужемъ своей прежней невѣсты: не-то я прежде срока женю тебя на всѣхъ гуріяхъ! Пиши, то есть, лги: лишняя ложь не разоритъ тебя!

— Никогда! вскричалъ отчаянный мулла-Садекъ: этого никогда не будетъ! Ты отнялъ у меня все, что имѣлъ я, но что могу я имѣть, отнимешь вмѣстѣ съ душой.

— Въ самомъ-дѣлѣ? произнесъ Мулла-Нуръ и ударилъ въ ладоши: двѣнадцать разбойниковъ одинъ другаго рослѣе, одинъ другаго страшнѣе, возникли на этотъ звукъ, будто изъ земли, и обстали муллу-Садека, пронзая его свирѣпыми взглядами.

— Почтенный мулла хочетъ писать, сказалъ имъ

Мулла-Нуръ: приготовить все, чего пожелаетъ его присутствіе!

Одинъ Лезгинъ почтительно вытащилъ кинжаловидную чернилицу изъ за кушака Садекова, другой подалъ ему листокъ бумаги, вылощенный, съ золотыми рамками; третій обдулъ тростинку, очиненную на восточной ладъ... Между-тѣмъ Садекъ шепталъ: — не хочу, не стану писать; но, окинувъ робкимъ взглядомъ долины и убѣдившись, что въ такомъ пустырѣ напрасно ждать избавителей, со вздохомъ принялся за дѣло. Сначала однакожъ оно шло очень плохо:

Онъ восемь разъ перо въ чернилицѣ купалъ,
И восемь разъ въ нее, со страху, не попалъ *.

Потомъ губка, намоченная чернилами, показалась ему такъ тверда, что онъ долго не могъ выдавить изъ нея ни капли; потомъ мозгъ его зачерствѣлъ хуже самой губки.

— Пиши хоть своею кровью, думай хоть шапкой! вскричалъ сердито Мулла-Нуръ, замѣтивъ, что Садекъ возится съ перомъ и третъ пальцемъ лобъ свой, но пиши скорѣе: нето я поставлю у тебя надъ бровями такой *дю-зиръ* **, что одинъ развѣ бѣсъ догадается, па какую букву походилъ носъ твой.

Какъ скоро посланіе къ Миръ-Гаджи-Фетхали было готово, и печать *Абдую муллу Садекъ-ибнъ-Ахмедъ* то есть, раба божьяго муллы-Садека, сына Ахметова, приложена краской подобно замочку послѣдней строки, Мулла-Нуръ высыпалъ на голову чуть-живаго проповѣдника всѣ деньги, прежде у него отнятыя.

— Вотъ твое золото, Садекъ; возьми его назадъ и скажи, кто изъ насъ двухъ корыстолюбецъ, кто воръ?... Впрочемъ, это не даръ, а плата, — ты долженъ за нее позолотить мое имя въ Шамахѣ,

* Стихи Петрова.

** Титло въ видѣ двоеточія.

зачерненное тобой въ Дербендѣ, и сказать въ тамошней мечети мнѣ похвальное слово. Ступай. Но помни завѣтъ мой, и если ни благодарность, ни страхъ не заставятъ тебя исполнить его, то знай напередъ, что моя пуля найдетъ тебя и на тайной дорогѣ и на шумномъ базарѣ, въ объятіяхъ твоей жены, въ гаремъ-ханѣ, и на крыльцѣ тебризской мечети. Ты испыталъ, что я все знаю: я докажу тебѣ, что все могу!

Обрадованный мулла-Садекъ тогда только повѣрилъ что его избавленіе — не сонъ, когда счелъ до послѣдняго абаза свои милыя денежки. Страхъ, чтобы Мулла-Нуръ не раздумалъ, вытѣснилъ удовлетворенное сребролюбіе, и онъ, бросившись на коня, понесся впередъ безъ оглядки.

Черезъ два дня мулла-Садекъ, къ немалому удивленію Шамахинцевъ, разлился красною рѣкой похвалъ — умѣренности, великодушію и безкорыстію Мулла-Нура, котораго назвалъ онъ не разбойникомъ, а покровителемъ дорогъ, львомъ съ сердцемъ голубя. Каждый разъ, что какой-нибудь изъ слушателей клалъ руку на кинжалъ или подъ полой коварно шевелилась ручка воображаемаго пистолета, онъ блѣднѣлъ, онъ заикался, — и потомъ опутывалъ безконечною цѣпью сравненій Мулла-Нура, нанизывая на него звѣзды и цвѣты, наряжая его въ кожу всѣхъ вельможъ звѣринца. Народъ шепталъ промежъ собой, что достопочтенный мулла навѣрное хватилъ лишнюю полдюжинку пилюль терьяка.

Вѣроятно, что письмо доставленное къ Миръ-Гаджи-Фетхали отъ пріятеля, Садека, съ приличнымъ увѣщаніемъ со стороны Мулла-Нура, возъимѣло полное дѣйствіе. Черезъ недѣлю послѣ встрѣчи въ Тенгинскомъ ущельи, ночная тишина Дербенда смущена была скрыпомъ зурнъ, сопѣлокъ, ударами въ бубны, кликами и пѣснями толпы; летучее зарево отъ множества пламенниковъ, подобно огненному змѣю, забагровѣло изъ тѣсныхъ улицъ: то везли невѣсту къ домъ Искендеръ-бека изъ дома

16**

родительскаго. Пѣшіе и конные, мужчины и женщины окружали шатеръ, подъ которымъ, какъ луна въ облакѣ, скрыта была красавица-Кичкене. Привѣты и восклицанія рвали воздухъ, вслѣдъ и съ кровель раздавались ружейные выстрѣлы — и ни одного изъ нихъ не было внизъ *: казалось, весь Дербендъ ожилъ любовью и радостью счастливца Искендера.

А Искендеръ-бекъ чахъ отъ нетерпѣнія; страстная лихорадка пробѣгала по немъ то ледяною, то пламенною щеткой... Заслышавъ громъ поѣзда, онъ двадцать разъ подбѣгалъ къ воротамъ, не слушая выговоровъ тетки своей, строгой почитательницы причудливыхъ, важныхъ обрядовъ свадебной встрѣчи. И вотъ едва онъ выставилъ въ двадцатый разъ свою голову въ чуть-отворенную дверь, какой-то всадникъ протянулъ къ нему стальной перчаткой одѣтую руку. — *Аллахъ версынъ тале*, Искендеръ! произнесъ онъ: Богъ пусть даруетъ тебѣ счастье! И, крѣпко пожавъ руку изумленнаго бека, поворотилъ коня, и какъ-разъ носомъ къ носу столкнулся съ Гаджи-Юсуфомъ, который и тутъ нашелъ средство втереться въ число поѣзжанъ и хозяйничалъ въ-головѣ брачныхъ проводовъ. Гаджи-Юсуфъ такъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ явленіемъ, что бросилъ поводья и въ ужасѣ вскрикнулъ: Мулла-Нуръ! пощади!

Смутился поѣздъ. Крики — Мулла-Нуръ! здѣсь

* Если невѣста, за вѣтренность, подвергалась нареканію, то насмѣшники, при проѣздѣ мимо ея, стрѣляютъ внизъ, а не вверхъ, какъ обыкновенно. Такія шутки однако жъ рѣдко проходятъ даромъ, и за холостоій зарядъ подобные Зоилы рискуютъ получить въ бокъ зарядъ съ приложеніемъ свинцу. Мусульманинъ будетъ хладнокровно слушать, если вы браните его мать и дѣда, гробъ отца и его собственную колыбель; но за брань жены онъ держитъ отвѣтъ не аа зубами, а за кушакомъ.

Мулла-Нуръ! держите, ловите разбойника! раздались по всѣмъ переулкамъ. Конные родственники и друзья дома невѣсты, кинулись вслѣдъ за нимъ, но онъ летѣлъ, какъ стрѣла, по извилистымъ, кривымъ, неровнымъ улицамъ Дербенда, сыпля искры на мостовую. Впрочемъ, такъ-какъ ворота городскія были давно заперты—уйти ему было не возможно, а скрыться отъ преслѣдователей некуда; его держали на виду, въ него стрѣляли. Доскакавъ до моря, замкнутаго съ обѣихъ сторонъ стѣнами, входящими въ воду, онъ остановился. Буйно плескалъ и крутился передъ нимъ прибой: враги настигали..... Но вдругъ нагайка его мелькнула сквозь мракъ, и онъ исчезъ въ пѣнящихся и ревущихъ валахъ Каспія.

Долго, пристально смотрѣли прискакавшіе на берегъ всадники въ глубь ночи... Только бѣлѣлись и сверкали тамъ брызгами буруны, расшибаясь о подводныя гряды.

— Онъ утонулъ! онъ погибъ! наконецъ закричали они въ одинъ голосъ.

Громкій смѣхъ и пронзительный свистъ отвѣчалъ имъ за стѣной.

Плотно сомкнуты двери дома Искендеръ-бека. Тишина въ его спальнѣ. Веселость ищетъ шуму и толпы, счастіе любитъ уединенье и безмолвіе: не станемъ же смущать блаженства новобрачныхъ. Я только, раскланиваясь съ читателями, удостоившими милую Кичкеню проводить до самаго полога, переведу имъ первую половину татарскаго эпиграфа моего послѣдней главы — это значитъ:

Каждый изъ насъ сталъ двойной...

Остальное потрудитесь отгадать.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оджахъ-данъ чихаръ-дюшманъ *.
Изъ роднаго племени возникаютъ враги.

Пословица.

Меркло. Тучи плескались какъ волны по небу — грозили залить ледяной островъ Шахъ-дага. Только одно его темя блистало еще снѣгомъ, пылало огнемъ солнца, какъ душа поэта, какъ жерло волкана. Другіе хребты слѣва, справа, отовсюду вздымались великанскими головами одинъ надъ другимъ, одинъ за другимъ, все выше, и синѣе, и мрачнѣе, подобно чудовищнымъ валамъ, вздутымъ Божіимъ гнѣвомъ въ страшный день потопа.

Подъ кипучею пѣной облаковъ, казалось они идутъ, идутъ грозные, крутятся, падаютъ горами, разступаются безднами, прыщутъ и воютъ! Ливень бичуетъ, хлещетъ, гонитъ ихъ, догоняетъ насъ. Дорога шумитъ и несется водопадомъ... проливается небо, земля тонетъ!... Это уже не обманъ зрѣнія!— Скорѣе, скорѣй, чапаръ-ханъ, скачемъ въ гору! еще мигъ, и намъ не выбиться изъ этого незапнаго озера!

Слава Богу, долина за нами! Мы ѣдемъ уже по

* *Оджахъ* — нашъ очагъ, пепелище, каминъ (âtre); въ переносномъ смыслѣ: семья, родъ, племя. У насъ есть пара къ этой татарской пословицѣ: не вспоя, не вскормя, ворога не сыщешь.

суходолу. Кони храпятъ и дымятся; дайте вздохнуть конямъ! Люблю встрѣтить бурю лицемъ-къ-лицу; любуюсь ея гнѣвомъ, какъ гнѣвомъ красавицы, и радостно крещусь, привѣтствуя первый громъ. Привольно, весело мнѣ, свѣжо на сердцѣ. Съ наслажденіемъ глотаю капли дождя — эти ягоды полей воздушныхъ. Полною грудью вдыхаю вихорь... о, въ бурѣ есть что-то родственное человѣку! Дремлетъ чайка въ затишьѣ, но чуть взыграло море, она встрепенется, раскинетъ крылья на высь, съ радостнымъ крикомъ взрѣжетъ вѣтеръ, смѣло поцѣлуется съ бурунами. Таковъ и духъ мой! съ самаго младенчества я любилъ грозы: громъ для меня всегда былъ милѣе пѣсни, молнія краше радуги. Бывало, когда всѣ бѣжали подъ кровлю, я подъ дождемъ бродилъ по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь къ говору. и реву тучь, или стоялъ, томясь желаніемъ уловить памятью дивный узоръ, которымъ перунъ вышивалъ черный плащъ бури.

Ахъ, посмотрите сюда, взгляните сюда, ради Бога! небо прорвалось на западѣ, и раздѣленные лучи его просыпались, какъ огненные стрѣлы изъ колчана архангеловъ. А тамъ, а кругомъ еще клубятся сизыя тучи, распадаются, разматываются прядями ливня, и вѣтеръ то волнуетъ, то разбрызгиваетъ ихъ своимъ крыломъ. Вдругъ все затихло, дождь перестаіъ, вѣтеръ палъ ницъ, будто со страха, и не даромъ... ужасный ударъ перуна разразился надъ головой, упавъ въ 20 шагахъ впереди. Всѣ кони сѣли назадъ, какъ убитые въ лобъ! оглушенный, я схватился рукой за глаза: мнѣ показалось они сожжены молніею!... открываю ихъ, озираюсь: всѣ цѣлы, только разбитый дубъ курится вблизи какимъ-то сѣрнымъ дымомъ, да земля дрожитъ еще, гулитъ еще робкимъ отвѣтомъ на грозный зовъ грома.

Львиной страстью любитъ небо землю нашу: поцѣлуй его всепронзающая молнія, его ласки развѣваютъ въ прахъ утесы, плавятъ металлы какъ воскъ. Но развѣ не такова любовь всего великаго, всего сильнаго на землѣ? Земная скудель не вы-

держиваетъ небеснаго пламени; алмазъ таетъ въ лучахъ солнца.

И все равно, вырывается ли она изъ сердца или принимается другимъ сердцемъ — погибнутъ оба. Молнія расторгаетъ и облако, въ которомъ родилась, и скалу, на которую пала. Пепелъ и развалины слѣдъ ея.

Но кто дерзкій осмѣлится сказать, что гроза безполезна, что природа разрушаетъ не для того, чтобы творить? Отвѣтствуй за нее разливъ Нила и пожаръ Москвы!

Пусть даже на цѣлый вѣкъ осудитъ природа какой-нибудь край на пустыню, или кого нибудь на гибель въ страшный часъ своихъ переворотовъ... это лишь жертва очистительная, это урокъ смертнымъ. Не безпокойтесь о погибшемъ! У насъ одна жизнь, у Бога двѣ для насъ. У насъ одинъ свѣтъ, у Бога вселенная, у Бога вѣчность въ-запасѣ. Думаете-ль вы, что напрасно для міра, что случайно открытъ былъ изъ-подъ лавы столѣтній трупъ Геркуланума, этотъ городъ-мумія?

Порочны люди, окруженные всѣми угрозами законовъ и стихій; можно судить, чтобы изъ нихъ было, еслибъ океанъ не грозилъ залить ихъ, а землетрясеніе поглотить каждый мигъ, еслибъ они ходили не подъ топоромъ и не по могилѣ. Какъ ни привычны мы къ напоминаніямъ о смерти голосомъ природы, но я не вѣрю, чтобы самый закоренѣлый злодѣй не вздрогнулъ, когда труба страшнаго суда воетъ разскаленною лавой, иль когда перстъ необычайной бури пишетъ молніей по ночи зловѣщій приговоръ Вальтазара.

Еслибъ грозы и не очищали воздуха, не приносили ни-какой вещественной пользы для земли, то уже одно нравственное впечатлѣніе на умы людей ставитъ ихъ въ число величайшихъ явленій природы. Сѣмяна Божьяго страха глубоко западаютъ въ сердца, размягченные перуномъ, и если хоть одно раскаяніе зазеленѣетъ на нихъ добрымъ намѣреві-

емъ, заколосится добрымъ дѣломъ, — человѣчество больше выиграло, чѣмъ напоеніемъ цѣлой нивы.

Стихаетъ... изрѣдка свѣтлыя капли дождя носятся, перепадаютъ по воздуху. Какъ изорванныя знамена, послѣ боя, вѣютъ тучи. Громъ, будто рокотъ бѣгущихъ съ горъ колесницъ, гудя, исчезаетъ въ отдаленіи. Ущелье вторитъ послѣднему храпѣнію умирающаго тамъ вѣтра. Вотъ и пелена новорожденнаго солнца — радуга; вотъ и само солнце дитя бури — но гдѣ же буря? Не говорилъ ли я, что все прекрасное гибельно лону, въ которомъ оно зачато! Посмотрите: этотъ чинаръ раскололъ корнемъ гору, а она лелѣяла его, когда онъ былъ ничтожнымъ желудемъ и нѣжнымъ стеблемъ. Рожденіе Цезаря стало смертнымъ приговоромъ его матери.

Чтобы дать жизнь, надобно отдать жизнь.

Мысль убиваетъ блескомъ своимъ, чувство жаромъ — и тѣмъ скорѣй, чѣмъ сильнѣе оба.

Но тотъ, кто оставилъ послѣ себя хоть одну свѣтлую, новую мысль, хоть одинъ полезный для человѣчества подвигъ, не умеръ бездѣтенъ. Воспоминаніе тоже потомство.

— Куда ты ведешь меня? закричалъ я проводнику, замѣтивъ, что онъ своротилъ вправо!

— Въ гору! отвѣчалъ тотъ, не вынимая изъ рта своей трубки. Рѣка теперь отъ дождей непроѣздима: лучше дать агача два крюку по хребту, чѣмъ сидѣть у берега и ожидать покуда стечетъ вода.

— Я не буду сидѣть и не буду ждать, поѣзжай на Тенгинское ущелье... ну!

Татаринъ поглядѣлъ на меня съ-головы до-ногъ, пожалъ плечами и, проворчавъ *сенынъ ахтіарынъ*, твоя воля, поѣхалъ влѣво.

Скоро, сквозь обнаженный еще лѣсъ, приблизились мы къ берегу, издали встрѣченные шумомъ спертыхъ каменными воротами водъ. Потомъ, влаж-

ный холодъ повѣялъ въ лицо съ отвѣсныхъ скалъ противулежащаго берега, наконецъ я въѣхалъ въ тѣнь самаго ущелья.

Гляжу вверхъ и роняю шапку, прежде-чѣмъ глазъ мой досягаетъ до гребня стѣнъ, построенныхъ природой; гляжу подъ ноги, и сердце замираетъ, прежде-чѣмъ ступлю въ разъяренный потокъ. Страшно тяготѣютъ надо мной эти громады, мнится—хотятъ упасть, уже зыблются, ужъ рушатся!... Страшно кипитъ и плещетъ и воетъ Тенга, огрызаясь волнами на плиты, замедляющія бѣгъ ея. Сыро, душно, темно въ тѣснинѣ: она глядитъ полуразверзтою могилой; но есть и у могилы, какъ у всякой бездны, свое обаяніе... что-то невольное манитъ, тянетъ туда броситься... я брошусь туда!... Чапаръ, ступай впередъ, показывай бродъ! День вечерѣетъ, а мнѣ пора!

— Нѣтъ, ага, хладнокровно отвѣчалъ проводникъ, нашъ староста при тебѣ мнѣ наказывалъ не ѣздить по рѣкѣ: я не смѣю ослушаться. Ты утонешь, тебѣ ничего, а съ меня вѣдь спросятъ отвѣта — зачѣмъ я ввелъ тебя въ бѣду. Да-правду сказать, въ такую полноводь я и самъ къ молодой бы женѣ ѣхать не рѣшился.

Я показалъ ему червонецъ.

— Дай хоть пулю, не только монету и тогда не поѣду. Мнѣ своя голова еще не надоѣла. Посмотри на скалы, черной полосы ни гдѣ не видать, значитъ: вода все идетъ на-прибыль.

— Послушай, пріятель, сказалъ я ему, если ты не поѣдешь впереди, то посмотрѣлъ бы я какъ ты не поѣдешь за мной.

И съ этимъ словомъ поскакалъ я къ берегу, но подъѣхать къ нему было гораздо легче, нежели съ него съѣхать. Проклятое четвероногое, на которомъ сидѣлъ я, видно тоже помнило наказъ рустамскаго * старосты, и никакъ не хотѣло купаться въ

* Деревня Русты лежитъ верстъ 18 отъ Кубы, въ долинѣ между хребтомъ и ею. Тамъ я перемѣнилъ лошадей.

мутныхъ волнахъ Тенги. Однакожъ, нѣсколько ударовъ нагайки придали ему достаточное количество бодрости, чтобъ спрыгнуть въ воду, но ни-какъ не болѣе. Упершись по груди въ водѣ, оно съ стоическимъ хладнокровіемъ выносило градъ ударовъ острыми турецкими стремянами въ бока, да семихвостой персидской плети по крестцу, не включая въ то число браней на всѣхъ готическихъ и семитическихъ языкахъ. Эта борьба не могла длиться: я принужденъ былъ поднять коня на дыбы — и въ въ этотъ мигъ ринуть его впередъ силою всѣхъ подстрекапій: онъ пошелъ не хотя, но пошелъ. — За мной съ кислыми, длинными лицами готовились съѣзжать, гуськомъ одинъ-за-однимъ, двое Русскихъ и Татаринъ-проводникъ, споря кому послѣднему.

Не успѣлъ я проѣхать пяти шаговъ противъ теченія, вдругъ какой-то всадникъ, вооруженный съ головы-до-ногъ, схватилъ за устцы моего коня. До сихъ-поръ не могу объяснить себѣ, откуда онъ взялся, и отъ чего я такъ незапно его увидѣлъ? Вывернулся ли онъ изъ-за утеса, обогналъ ли онъ меня, или встрѣтилъ? — ничего не знаю. Знаю только, что когда я поднялъ на него изумленные взоры, онъ стоялъ передо мной смѣло, на сильномъ конѣ. Эриванскій папахъ, закинутый назадъ, вполнѣ открывалъ его загорѣлое, но пріятное лице, опушенное короткою черною бородой. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, строенъ. Изъ подъ-чухи, съ откидными рукавами, сверкала кольчуга, съ бляхами, насѣченными золотомъ. Кромѣ ружья, за спиной его на крюкѣ прицѣпленъ былъ коротенькій мушкатонъ, какіе носятъ одни Турки. Въ петлѣ пояса надъ кинжаломъ выглядывалъ пистолетъ; два подобныхъ висѣли въ сквозныхъ кубурахъ сѣдла.

— *Ахалсизъ-ми-сенъ*? — сказалъ онъ мнѣ, не отнимая съ поводовъ руки, одѣтой стальнымъ налокотникомъ и кольчатою поручью. Развѣ ты безуменъ?

Желѣзное кольцо правой руки моей невольно упа-

ло на курокъ пистолета *. Я всталъ на стременахъ, чтобы измѣрить дерзкаго; гнѣвъ отнялъ у меня слова. Я не скоро нахожусь въ нежданныхъ порывахъ гнѣва.

Впрочемъ, этотъ всадникъ очень мало заботился о моемъ пистолетѣ и негодованіи. Онъ преспокойно оборотилъ моего коня и, можно сказать, вытащилъ меня на берегъ. Потомъ слѣзъ съ сѣдла, отдалъ подержать своего жеребца проводнику и, подошедши ко мнѣ, учтиво молвилъ:

— Не сердитесь, ага, на мой поступокъ. Это было не только для пользы — для спасенія вашего.** Рѣка бушуетъ необычайно отъ снѣговыхъ и дождевыхъ потоковъ дотого, что проѣздъ по ней въ этотъ часъ просто не возможенъ. Я жилецъ этихъ скалъ; конь мой знаетъ это ущеліе лучше, чѣмъ свою торбу, но я развѣ отъ смерти рѣшился бы отважиться на немъ проѣхать по Тенгѣ за хребетъ. Переждите часъ, много два, я самъ провожу васъ: пусть только на пядь стечетъ вода!

Спутники мои, хваля добраго человѣка, уже треножили коней. Мнѣ самому смѣшно стало сидѣть, надувшись, верхомъ, и держаться за курокъ, когда никто не грозитъ нападеніемъ или обидой. Я спрыгнулъ на землю, сбросилъ съ плеча бурку и, пригласивъ знакомъ руки незнакомца сѣсть рядомъ, сказалъ, складывая подъ себя ноги:

— Дѣлать нечего: волей и неволей остаюсь здѣсь. Я ни какъ не думалъ, что Тенга ѣстъ гостей своихъ, и что у ней есть пріятели, которые встрѣчаютъ этихъ гостей не очень ласково.

Незнакомецъ мрачно улыбнулся.

---

* По дагистанской привычкѣ, я ношу на большомъ пальцѣ желѣзное кольцо, для удобнѣйшаго взвода тугихъ курковъ азіятскаго оружія.

** Хотя мѣстоименіе ты не щитается у Татаръ неучтивостію, но люди образованные предпочитаютъ въ разговорахъ съ равными и высшими, мѣстоименіе *вы, сизъ*.

— Я горецъ, ага, возразилъ онъ: я всегда считалъ лучшимъ вытащить изъ воды человѣка хоть за бороду, чѣмъ утопить его за ноги. Персіяне золотятъ для женъ своихъ миндаль, за то золотятъ на шихъ и кинжалы. Горецъ подаетъ не крашеную, * но вѣрную руку на пріязнь, и не кланяется врагу, подбираясь ловче поразить его въ сердце. Впрочемъ, если я непривѣтливо помѣшалъ вамъ утонуть, *тахсырумданъ кечь!* извините меня. Я мало жилъ съ Русскими, и давно забылъ то, что зналъ!

Горячая мысль промелькнула у меня въ головѣ: эта встрѣча, эти пріемы, эти рѣчи.... Твое имя? спросилъ я быстро и неожиданно.

Незнакомецъ въ это время высѣкалъ огонь на трубку. — Мое имя отвѣчалъ онъ.... я еще не сдѣлалъ его **. А я бы хотѣлъ, чтобы мое имя могло смущать и страшить цѣлыя дружины, какъ пушка тревоги; чтобы каждый злодѣй блѣднѣлъ, слыша его, какъ отъ шелеста крылъ ангела смерти. Не воли, а силы не достало такому желанію, и меня теперь, вмѣсто: блистательный, щедрый, правдивый, побѣдитель Мулла-Нуръ, зовутъ очень просто — разбойникомъ Мулла-Нуромъ!

— Ты Мулла-Нуръ? вскричалъ я, вскочивъ съ бурки и хватаясь за шашку.

Въ моей головѣ закрестили разныя мысли... схватить, убить его... онъ былъ одинъ, а насъ четверо; съ другой стороны, думалъ я, кто далъ мнѣ право убить беззащитнаго, а взять его открытою силой, живьемъ, нечего было и думать. Притомъ, за что бы я сталъ преслѣдовать человѣка, который оказалъ мнѣ услугу?....

Мулла-Нуръ хладнокровно, однакожъ пристально,

* Прошу вспомнить моихъ почтенныхъ читателей, что на всемъ Востокѣ мода: красить концы пальцевъ хиной, или какъ зовутъ тагарахной.

** Надобно пояснить, что *имя* и *слава* однозначащи на татарскомъ языкѣ, и оба выражаются однимъ словомъ: *адъ*.

глядѣлъ на меня и, какъ будто угадавъ мое колебаніе, положилъ трубку на землю и дважды хлопнулъ въ-ладоши! Слѣдуя взоромъ за его взорами, я взглянулъ вверхъ: болѣе десяти ружей изъ-за камней на утесахъ, изъ-за пней деревьевъ наведены были прямо мнѣ въ голову... спутники мои уже спали, закрывшись бурками... я вздрогнулъ.

— Это, сказалъ онъ, улыбаясь, для того, чтобъ доказать тебѣ, что мнѣ не чего бояться! Онъ хлопнулъ... стволы исчезли, — а это, чтобъ показать тебѣ, что при мнѣ ты безопасенъ. Людская честность не совсѣмъ еще для меня извѣрилась, однакожъ я нахожу: кольчуга самая прочная рубашка, а пистолетъ самое мягкое изголовье, и всегда держусь правила: вѣрь немногимъ, а берегись всѣхъ! Если я когда-нибудь погибну измѣной, то конечно не въ западнѣ довѣрчивости. Это не касается до тебя... я не зналъ тебя въ лицо, не помню твоего имени; но я знаю твою душу и помню все, что про тебя мнѣ разсказывали. Вчерась я былъ въ Кубѣ и свѣдалъ: ты скоро долженъ отправиться въ Шамаху, стало быть я ждалъ тебя. Ты гость мой и дорогой, хотя невольный гость.

Онъ хлопнулъ три раза, и черезъ 2 минуты сталъ передъ нами, сбѣжавъ съ утеса, молодой Татаринъ, щегольски одѣтый. Шубка его была подбита хорьковымъ мѣхомъ, чуха обложена широкими галунами, и пряжки на перевязяхъ патронницы и рога, надѣтыхъ на крестъ, сверкали золотою насѣчкой. Мулла-Нуръ ласково глядѣлъ на него, когда онъ разостлалъ маленькую скатерть, положилъ на нее чурекъ, сыръ и нѣсколько яблоковъ.

— Буюръ ага! * сказалъ онъ мнѣ, предлагая вечерю. Не чуждайся ни-чьего хлѣба, это даръ Аллаха, а не человѣка; и переломивъ его со мной, ты не обяжешься мнѣ пріязнію. Этимъ же самымъ

---

* Буюръ значитъ: прикажите, благоволите, не угодно ли, а иногда также, какъ слово *бали* (такъ), значитъ: чего изволите?

кинжаломъ, которымъ отрѣжешь ты кусокъ, можешь пробить мое сердце, когда служба твоя того потребуетъ, и я не обвиню тебя. Аллахъ, Аллахъ!— люди сосутъ одну грудь, и потомъ отравляютъ другъ-друга, а я стану ждать дружбы отъ пришлеца, за то только, что онъ вкусилъ отъ одного со мной хлѣба!

— *Яхши олсунъ*! примолвилъ я, ломая чурекъ. Да будетъ во-благо!

Съ каждымъ мгновеніемъ любопытство мое узнать этого человѣка покороче, возрастало. Изучить дикій умъ, сбросившій съ себя всѣ условные путы общества, вглядѣться въ игру страстей, отданныхъ собственной волѣ, да это находка, которая не всякому дается или, по крайней-мѣрѣ, не всякимъ ловится!

— Знаешь ли, Мулла-Нуръ, сказалъ я ему, что я очень хотѣлъ, даже искалъ тебя увидѣть, и очень радъ, что неожиданный случай свелъ насъ!

— Только увидѣть, только поглядѣть на меня, какъ на ручнаго тигра, желалъ ты, наровнѣ со многими своими земляками? — Да, вотъ судьба моя: одни бѣгутъ меня изъ страха, другіе слѣдятъ изъ любопытства! Никто не придетъ пожалѣть, утѣшить меня! Впрочемъ, сожалѣніе и утѣшеніе сносны только изъ устъ друга. Не прошу ихъ, не хочу ихъ! Извини меня... въ одиночествѣ, Богъ знаетъ откуда, берутся чудныя прихоти, странныя мысли: онѣ сыплются невольно на голову перваго встрѣчнаго, какъ осенніе листы съ дерева.

Видно было, что Мулла-Нуръ тронутъ.... онъ поникъ головой... потомъ весело взглянулъ и примолвилъ, желая перемѣнить разговоръ. — Ты глядишь наѣздникомъ.. — у тебя вѣрно хорошее оружіе? и въ разсѣянности протянулъ онъ руку къ моему пистолету, заткнутому за поясомъ.

Ружья у обоихъ насъ были уже сняты и дружно висѣли на одномъ сучкѣ: этого требовалъ азіятскій этикетъ. Слѣдственно и очевидно, что отдавая свой пистолетъ Мулла-Нуру, я безусловно предавался его

власти. Кромѣ очень-двусмысленной славы, ничто не ручалось мнѣ за честь разбойника, а богатая оправа, подъ золотомъ и чернетью, дорогаго венеціанскаго ствола, еще болѣе умножала искушеніе. Я очень хорошо зналъ, что самый безкорыстный Азіятецъ, растаетъ при видѣ отличнаго оружія, неподкупный прежде ничѣмъ... зналъ, что за оружіе на Кавказѣ не рѣдко льются рѣки крови, продаются деревни и цѣлыя стада; но показать недовѣрчивость значило бы признаться въ робости... всѣ эти мысли вмѣстились въ одинъ мигъ: я вынулъ пистолетъ изъ чехла и подалъ Мулла-Нуру.

Я увѣренъ, что онъ, безъ всякой думы, попросилъ посмотрѣть мое оружіе, но потомъ взвѣсилъ важность своей выходки и уже съ намѣреніемъ длилъ опытъ. Нѣсколько разъ, взводилъ и опускалъ онъ курокъ, уставя на меня дуло, а между тѣмъ взглядывалъ на меня изъ-подлобья. Но будь онъ въ десять разъ проницательнѣе, онъ и тогда бы не увидалъ на лицѣ моемъ тѣни того, что происходило внутри: я спокойно курилъ трубку. Никто въ свѣтѣ не цѣнитъ лучше Азіятцевъ полнаго довѣрія и отваги. Я замѣтилъ уже, что Мулла-Нуръ былъ самъ-не-свой отъ удовольствія. Когда онъ отдалъ мнѣ пистолетъ, глаза его сверкали.

— Чудная вещь, сказалъ онъ, желѣзо и оправа стоятъ другъ-друга, а въ твоей рукѣ стоятъ вѣрно двухъ!

— Ты еще не замѣтилъ въ немъ лучшаго, молвилъ я: это полка съ пружиной, новой кубачинской выдумки; пожми огниво, — изъ него отпадаетъ на полку золоченная покрышка, чтобы порохъ не развѣялся и не отсырѣлъ, а при выстрѣлѣ она сама входитъ въ прежнее мѣсто. Я показалъ ему секретъ этой выдумки; онъ очень занимался ею, вскрывалъ, закрывалъ: Азіятецъ ребенокъ, когда дадутъ ему въ руки оружіе. Онъ дивился также пистонному ружью моему: выстрѣлъ безъ кремня былъ непонятнымъ для него чудомъ. Впрочемъ ему гораздо

болѣе понравилось мое азіятское, съ золоченными кольцами, ружье.

— Вотъ это иное дѣло, говорилъ онъ, легко, ловко на конѣ, не то что твое фиренское, съ лопатой вмѣсто приклада.

Спустивъ на ноготь лезвее моего кинжала, и щелкнувъ въ него, раза-два надъ ухомъ, съ видомъ знатока, онъ съ нѣжностію вертѣлъ его въ рукахъ.

Настоящій Базалай — отецъ Базалай, сказалъ онъ. Знаешь ли, какую штуку выкинулъ онъ въ Дербентѣ съ поддѣльными подъ его имя клинками? Разъ толкается онъ на базарѣ, а носящій кричитъ: кинжалы, базалаевскіе кинжалы! Покупщики кинулись къ нему на пробой; подходитъ и самъ мастеръ, а его ни-кто не зналъ въ лицо. Досада взяла его, что всякой кузнецъ подрываетъ его славу: онъ вынулъ свой кинжалъ и пересѣкъ болѣе дюжины самозванцевъ-клинковъ, легче свѣчекъ, и бросилъ ихъ пристыженному обманщику въ лицо. Конечно у него былъ завѣтный клинокъ, однако и твой хорошъ — онъ мнѣ очень, очень нравится!

Не надобно долго жить съ Азіятцами, чтобы понять этотъ намекъ. Я отстегнулъ съ пояса ножны и, приложивъ правую руку къ сердцу, поднесъ лѣвою кинжалъ Мулла-Нуру.

— *Пешкешъ сана*, сказалъ я. — Прошу принять.

Онъ разсыпался въ благодареніяхъ.

— Это будетъ мнѣ всегдашній памятникъ по тебѣ; въ замѣну, ты позволишь, ага, предложить тебѣ мой. Онъ, правда, не такъ красивъ, на немъ не написано золотомъ молитвы, за-то никакая молитва не спасетъ, никакая кольчуга не удержитъ отъ его удара!

И Мулла-Нуръ положилъ серебреный рубль на пень, взмахнулъ кинжаломъ и — двѣ половинки упали на-земь.

Я конечно не потерялъ въ промѣнѣ. Кромѣ внутренняго достоинства, странность его полученія отъ знаменитаго разбойника навѣрно чего-нибудь да стоитъ. Я буду хранить его всегда.

— А вотъ, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, снимая съ сучка свою винтовку, вотъ причина всѣхъ моихъ бѣдъ, всѣхъ грѣховъ моихъ! она мнѣ досталась отъ отца, какъ семейная святыня, и я сберегъ ее какъ святыню!

Онъ одушевлялся, глядя на свое сокровище, бросая его на прикладъ, лаская рукой блестящій, сереброструйный стволъ. На другой сторонѣ рѣки, на высокомъ бѣломъ камнѣ, бѣгала маленькая сѣренькая птичка: Мулла-Нуръ приложился по ней, выстрѣлилъ, и птичка безъ головы упала на мѣстѣ. Съ самодовольнымъ видомъ взглянулъ онъ на меня; потомъ заряжая снова, примолвилъ медленно:

— Да, это ружье дороже крови, за него пролитой! Многимъ оно стоило жизни; мнѣ болѣе чѣмъ жизни — счастья, болѣе нежели счастья — родины!

Я съ участіемъ глядѣлъ на Мулла-Нура. Тяжкая тоска отзывалась въ послѣднихъ словахъ его, тоска глухоревущая изъ сердца, какъ левъ, замкнутый въ пещерѣ, обрушенною скалой. Бурныя чувства вздымали грудь его, зажигали взоръ, струились по лицу.

— Это тайна? спросилъ я Мулла-Нура.

— Что на свѣтѣ есть тайнаго, кромѣ нашего сердца. Разсвѣтаетъ ночь, крывшая злодѣйство; дремучій лѣсъ находитъ голосъ на обвиненіе; разступается хлябь моря и выдаетъ утопленное хищниками добро. Могилы, самыя могилы не скрываютъ во мракѣ своемъ преступленій, и съ червями заражаются въ ней мстители. Я видѣлъ: Русскіе узнавали по внутренностямъ жертвъ прошлое, какъ идолопоклонники-предки наши угадывали по нимъ будущее. А когда можно заставить говорить мертвецовъ, кто заставитъ молчать живыхъ?... тайное скоро становится явнымъ, и базарная молва нерѣдко трубитъ о томъ, что было шопотомъ сказано между двоими.— Нѣтъ, моя жизнь не тайна, мои похожденія можетъ разсказать тебѣ послѣдній мальчикъ въ Кубѣ. — Онъ убилъ своего дядю и бѣжалъ въ горы! вотъ вся повѣсть обо мнѣ, и она не ложь, но полна ли

она? но справедливо ли осудитъ меня по этимъ словамъ всякій, кто ихъ услышитъ? На это могу отвѣчать только я. Пусть отрубятъ мнѣ голову, что жъ найдетъ въ этой головѣ судья для объясненія моего преступленія? Пусть вырѣжутъ сердце, какъ отгадаетъ въ немъ врачъ пружины, которыя двинули на убійство?... А въ этомъ вся важность для меня! Только это зову я на судъ совѣсти; все остальное дѣло случая, все остальное пусть, какъ хотятъ, судятъ въ людскомъ диванѣ. Тяжело мнѣ думать объ этомъ, еще тяжелѣе разсказывать и между-тѣмъ оно меня душитъ!... мучительно вырывать зубчатую стрѣлу изъ раны, но и оставлять въ ней нестерпимо....

Мулла-Нуръ опустилъ голову на грудь и трудно дышалъ... съ безмолвнымъ участіемъ глядѣлъ я на него, не желая неумѣстными вопросами пѣнить желчь, и безъ того кипучую. И вотъ онъ, будто пробудился изъ глубокаго сна, повелъ взорами окрестъ, покачалъ головой и, потомъ, устремивъ свои черные, выразительные очи на меня, молвилъ.

— Я положу свое сердце на ладонь твою: я разскажу тебѣ все.

И онъ разсказалъ главные случаи своей жизни, но только сначала обращался онъ ко мнѣ; потомъ, разгараясь на бѣгу подобно колесницѣ, разсказъ его превратился въ какую-то жалобу, въ какую-то прерывчатую исповѣдь, въ чудный разговоръ съ самимъ-собою!... казалось, онъ вовсе забылъ, что тутъ есть слушатель. Была ли то необходимость облегчить сердце, сбросивъ съ него накипь страстей; была ли то жажда оправданія: безотчетное, но святое чувство уваженія — дань мнѣнію, равно общее и невинно-страждущимъ и отъявленнымъ злодѣямъ? — не знаю. Не смѣю увѣрять, что я записалъ разсказъ Мулла-Нура вполнѣ, еще менѣе во всей силѣ... я многаго могъ не понять, многое забыть. Притомъ, какъ передамъ я обаяніе истины чувствъ, невыраженныхъ, а вырвавшихся изъ возмущенной души? Чѣмъ замѣню ужасно-живописную природу, передъ лицомъ кото-

рой была встрѣча эта? Холоднымъ ли чернилам блеснуть горючею слезой? Враны ли буквы, на бѣломъ полѣ безжизненной бумаги, нарисуютъ въ воображенiи, эти громады горъ, проливающихъ на насъ влажныя, гробовыя тѣни свои и Тенгу, вырывающуюся изъ удушающихъ объятiй великановъ утесовъ?

Рѣка стекала, грозно перекликались надъ головой орлы. Мулла-Нуръ съ жаромъ разсказывалъ мнѣ свою повѣсть, и рѣчь его походила на бушеванье горнаго потока, на крикъ пустыннаго орла при добычѣ. . . . .
. . . .
. . . .

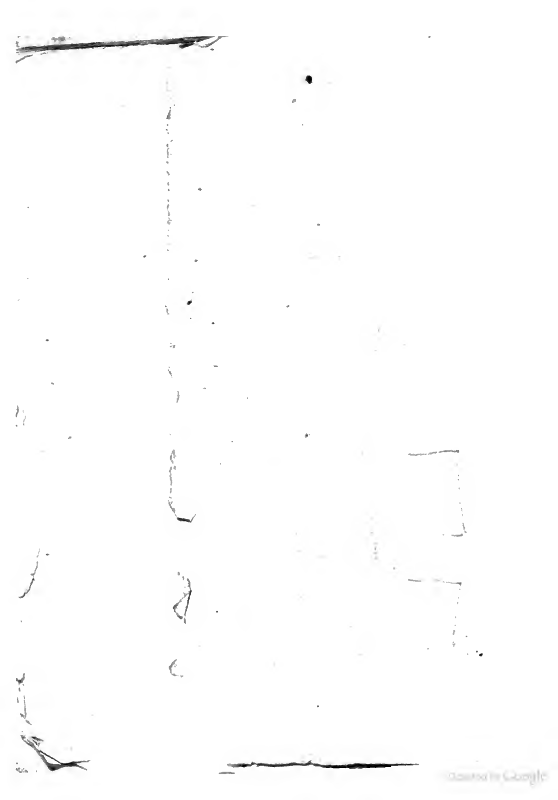

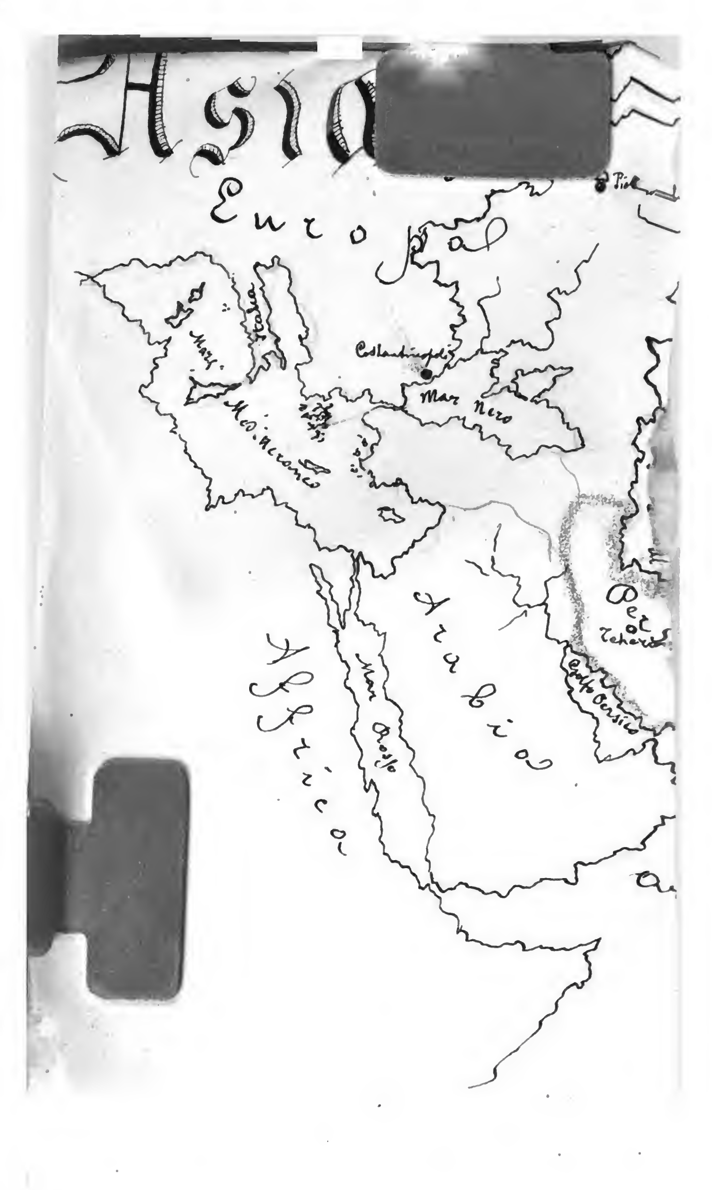

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Asi
Europa
Italia
Mar.
Costantinopoli
Mar Nero
Arabia
Affrica
Mar Rosso
Golfo Persico
Teheran